

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

1886.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1886.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 2 апрѣля 1886 г.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

НЕВИДИМАЯ БРАНЬ.

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ

СТАРЦА НИКОДИМА АГИОРИТА.

Глава пятьдесятъ первая.

О молитвѣ Исусовой.

Были и есть такіе молитвенники, которые излюбляли одну краткую молитовку, и ее непрестанно повторяли. Св. Кассіанъ говоритъ, что въ Египтѣ въ его время обычною всѣмъ коротенькою молитвой былъ 2 стихъ 69 псалма: *Боже въ помощь мою вонми, Господи помощи ми потщися.* О св. Іоанникіѣ пишется въ житіи, что онъ все повторялъ такую молитовку: *Упованіе мое Отецъ, приближише мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святый.* Ее же Онъ прилагалъ и къ каждому стиху 30 псалмовъ, имъ заученныхъ и составившихъ его молитвенное правило. Другой нѣкто постоянно своею молитвой имѣлъ такія слова: *Азъ яко чело-вѣкъ согрѣшихъ, Ты же, яко Богъ щедръ, помилуй мя.* Иные конечно иныя излюбляли для себя молитовки. Съ самаго древняго времени очень многими избираема была молитовка: *Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* Видимъ указаніе на нее у св. Ефрема, св. Златоуста, св. Исаака Сиріанина, св. Исихія, свв. Варсанофія и Іоанна, и св. Лѣствичника. Потомъ она, все болѣе и болѣе обобщаясь, уста всѣхъ исполнять стала и вошла даже въ уставъ церковный, гдѣ предлагается вза-

мѣнѣ всѣхъ молитвословій домашнихъ и всѣхъ службъ церковныхъ. У насъ потому она изъ краткихъ молитвъ преимущественно и находится въ употребленіи. Ей потрудись навикнуть и ты.

Молитва сія названа Иисусовою потому, что обращается къ Господу Иисусу, и есть по составу своему словесная, какъ и всякая другая краткая молитовка. Умною же она бываетъ и называться должна, когда возносится не однимъ словомъ, но и умомъ и сердцемъ, съ сознаниемъ ея содержанія и чувствованіемъ, и особѣнно когда чрезъ долгое со вниманіемъ употребленіе такъ сливается съ движеніями духа, что они одни и присущими видятся внутри, а словъ какъбы нѣтъ.—Всякая короткая молитовка можетъ взойти на эту степень, Иисусовой же молитвѣ принадлежитъ преимущество потому, что она съ Господомъ Иисусомъ сочетаваетъ душу, а Господь Иисусъ есть единственная дверь къ богообщенію, къ снисканію котораго и стремится молитва. Ибо Онъ самъ сказалъ: *Никтоже придетъ ко Отцу токмо Мною* (Іоан. 14, 6). Почему стяжавшій ее усваиваетъ себѣ всю силу воплощеннаго домостроительства: въ чемъ и есть наше спасеніе. Слыша сіе, ты не удивишься, почему ревнители о спасеніи не жалѣли труда, стараясь навикнуть сей молитвѣ и усвоить себѣ силу ея. Возьми съ нихъ примѣръ себѣ и ты.

Навикновеніе молитвѣ Иисусовой внѣшно состоитъ въ достиженіи того, чтобъ она сама собой непрестанно вращалась на языкѣ,—внутренно же въ сосредоточеніи вниманія ума въ сердцѣ и непрестанномъ въ немъ предстояніи предъ Господомъ, съ сопровождающею сіе сердечною теплотой въ разныхъ степеняхъ, и отрѣваніемъ всякихъ другихъ помышленій, и наипаче съ сокрушеннымъ и смиреннымъ припаданіемъ къ Господу Спасителю. Начало сему навыку полагается частымъ сколько можно повтореніемъ сей молитвы со вниманіемъ въ сердцѣ. Частое повтореніе, установляясь, собираетъ умъ во едино въ предстояніи Господу. Установленію такого строя внутри со-

путствуетъ согрѣшаніе сердца и отгнаніе помысловъ даже простыхъ, а не только страстныхъ. Когда въ сердцѣ начнетъ непрестанно теплиться огонь прилѣпленія къ Господу, тогда вмѣстѣ съ симъ водворится внутри мирное устройство сердца съ сокрушеннымъ и смиреннымъ, мысленнымъ, припаданіемъ къ Господу. Доселѣ доходитъ собственный нашъ трудъ съ помощію благодати Божіей. Что еще, высшее сего, можетъ совершаться въ дѣлѣ молитвы, то будетъ даромъ единой благодати. У св. отцевъ поминается о семъ для того только, чтобы кто, достигши показаннаго предѣла, не подумалъ, что ему нечего уже больше желать, и не возмечталъ, что стоитъ на самомъ верху совершенства молитвеннаго, или духовнаго.

Итакъ первое тебѣ дѣло предлежитъ частое, сколько можно частое повтореніе молитвы Иисусовой, пока навывнешь непрестанно ее повторять. Дѣлай сіе такъ.

1) Опредѣли, въ молитвенномъ твоёмъ правилѣ, часть и молитвъ Иисусовой. Твори нѣсколько разъ сію молитву въ началѣ своего молитвословія, и нѣсколько разъ послѣ него. Если есть усердіе, и послѣ каждой молитвы, входящей въ твое молитвословіе, дѣлай то же, подражая св. Іоаннію великому, который послѣ каждаго стиха читаемыхъ имъ на правилѣ своемъ псалмовъ повторялъ свою краткую молитовку: упованіе мое Отець, приѣщице мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святыи.

2) Число, сколько разъ повторять, въ какомъ случаѣ, сію молитву, самъ себѣ опредѣли, или съ совѣта духовнаго отца твоего. Только сначала много не назначай, а потомъ по мѣрѣ усладенія сею молитвой, прибавляй понемногу. Если когда придетъ желаніе повторить положенное число, не отказывай себѣ въ этомъ, не поставляя себѣ сіе въ постоянное правило, а только въ этомъ случаѣ. И сколько бы ни потребовало сердце такихъ повтореній, не отказывай.

3) Не спѣши гнать одну молитву за другою, а съ мѣрною длительностію произноси ихъ, какъ обыкновенно го-

ворять предъ большимъ лицомъ, когда просятъ его о чемъ. Однакожь не объ однихъ словахъ заботься, а паче о томъ, чтобы умъ былъ въ сердцѣ и предстоялъ Господу, яко присущему, съ полнымъ сознаниемъ Его величія и благодати и правды.

4) Если имѣешь свободу, то, во время между однимъ и другимъ молитвословіемъ, положи себѣ становиться, какъ обычно становишься на молитву, и возносить къ Господу нѣсколько разъ молитву сію. А если нѣтъ такой свободы, то внутренно вставляй сію молитву всюду между дѣлами твоими и даже рѣчами.

5) Творя сію молитву на правилѣ, или кромѣ его становясь для нея въ молитвенное положеніе, при каждомъ разѣ ея произношенія дѣлай поклонъ,—десять разъ поясной, а потомъ земной,—такъ пока кончишь. Ты конечно слыхалъ, или читалъ, что св. отцы въ своихъ правилахъ о молитвѣ полагають множество поклоновъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: недостаточна молитва, когда кто не приутрудитъ на ней тѣла своего поклонами. Если ты положишь, по силѣ своей подражать сему, то скорѣе увидишь плодъ отъ труда своего надъ навькновеніемъ молитвѣ Иисусовой.

6) О дальнѣйшихъ наставленіяхъ, указаніяхъ и предостереженіяхъ касательно молитвы Иисусовой, читай въ Добротолубіи Симеона Новаго Богослова, Григорія Синаита, Никифора монаха, Игнатія и Каллиста;—и всѣхъ другихъ отцевъ уроки о внутренней молитвѣ могутъ быть прилагаемы и къ молитвѣ Иисусовой. Замѣть: въ урокахъ сказанныхъ отцевъ ты найдешь указанія, какъ сидѣть, какъ держать голову и дѣйствовать дыханіемъ. Эти приемы, какъ сказали Каллистъ и Игнатій, не существенно необходимы, а суть только внѣшнія приспособленія, не для всѣхъ пригодныя. Для тебя довольно быть вниманіемъ въ сердцѣ предъ лицомъ Господа и возносить къ Нему сію краткую молитовку благоговѣйно и смиренно, съ поклонами, когда стоишь на правилѣ, и съ однимъ мысленнымъ препаданіемъ, когда дѣлаешь это между дѣлами.

7) Замѣть еще: быть вниманіемъ надо въ сердцѣ, или внутри персей, какъ говорятъ иные отцы, именно—немного выше лѣваго сосца,—и тамъ повторять молитву Иисусову. Когда отъ напряженія сердце начнетъ щемить, тогда поступи, какъ совѣтуетъ монахъ Никифоръ, именно—подымись съ того мѣста и стань со вниманіемъ и молитвеннымъ словомъ тамъ, гдѣ мы обыкновенно ведемъ бесѣду съ самими собой, подъ кадыкомъ наверху груди. Послѣ опять сойдешь надъ лѣвый сосецъ.—Не побрезгуй симъ замѣчаніемъ, какъ оно ни покажется тебѣ слишкомъ простымъ и мало духовнымъ.

8) У свв. отцовъ встрѣтишь много предостереженій. Ко всѣмъ имъ поводы даны опытами неправильнаго дѣйствованія. Чтобъ избѣжать сихъ неправильностей, имѣй совѣтника—отца духовнаго, или собесѣдника—брата единомысленнаго, и повѣрай имъ все случающееся при такомъ трудѣ твоемъ. Самъ же всегда дѣйствуй въ наибольшей простотѣ, въ великомъ смиреніи и неприсвоеніи себѣ успѣха. Вѣдай, что настоящій успѣхъ происходитъ внутри, незамѣтно, не выдаваясь, какъ совершается ростъ тѣла. Потому когда возгласится у тебя внутри: а, вотъ оно!—знай, что это возгласъ вражій, представляющій тебѣ вѣчто кажущееся вмѣсто дѣйствительнаго. Тутъ начало самопрельщенія. Заглушай сей гласъ сразу; иначе онъ какъ труба будетъ гудѣть у тебя, питая самомнѣніе!

9) Не опредѣляй времени, потребнаго для успѣха въ молитвѣ сей. Положи только трудиться и трудиться. Пройдутъ мѣсяцы и годы, пока покажутся слабые начатки успѣха. Одинъ изъ афонскихъ отцовъ говорилъ о себѣ, что прошло два года труда, пока согрѣлось сердце; у другаго нѣкоего это пришло чрезъ восемь мѣсяцевъ. У всякаго это происходитъ по мѣрѣ силъ его и усердія къ сему дѣлу.

Глава пятьдесятъ вторая.

Способствованіе къ успѣху въ навѣкновеніи молитвѣ.

Желая и ища успѣха въ молитвенномъ трудѣ, все уже къ тому и приспособляй, чтобъ не разорять одною рукой того, что созидаетъ другая.

1) Тѣло свое держи строго и въ пищѣ, и въ снѣ, и въ отдыхѣ; ничего не давай ему потому только, что оно того хочетъ, какъ заповѣдалъ Апостоль, говоря: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. 13, 14). Не давай покоя плоти.

2) Внѣшнія свои сношенія сократи до самыхъ неизбѣжныхъ. Это на время обученія себя молитвѣ. Послѣ молитва, дѣйствуя въ тебѣ, укажетъ, что безъ ущерба для нея можетъ быть прибавлено. Особенно блюди чувства и между ними паче — очи, слухъ; свяжи и языкъ. Безъ соблюденія сего и шагу не сдѣлаешь впередъ въ дѣлѣ молитвенномъ. Какъ свѣчѣ горѣть на вѣтрѣ и дождѣ нельзя, такъ нельзя затеплиться молитвѣ при приливѣ впечатлѣній со внѣ.

3) Все свободное время, послѣ молитвы, употребляй на чтеніе и размышленіе. Для чтенія избирай наиболѣе такіа книги, въ коихъ пишется о молитвѣ и вообще о внутренней духовной жизни. Размышляй исключительно о Богѣ и вещахъ божественныхъ и наипаче о воплощенномъ домостроительствѣ нашего спасенія, и въ немъ паче о страданіяхъ и смерти Господа Спасителя. Дѣлая такъ, будешь имѣть себя погруженнымъ въ море божественнаго свѣта. Присовокупляй къ сему хожденіе въ церковь, какъ только будешь имѣть возможность. Одно присутствіе въ храмѣ осѣнитъ тебя молитвеннымъ облакомъ. Что же получишь, если всю службу простиошь въ истинно-молитвенномъ настроеніи?!

4) Вѣдай, что въ молитвѣ успѣть нельзя безъ успѣванія вообще въ христіанской жизни. Неизбѣжно необходимо, чтобъ на душѣ не лежало ни одного грѣха, неочищенного поканіемъ; и если во время труда молитвеннаго сдѣлаешь что, смущающее совѣсть, спѣши очиститься поканіемъ, чтобы могъ ты дерзновенно возрѣвать къ Господу. И постоянно держи въ сердцѣ смиренное сокрушеніе. Затѣмъ не пропускай ни одного представляющагося случая къ сдѣланію какого-либо добра, или къ проявленію какого-либо добраго расположенія, наипаче смиренія, послушанія и отреченія отъ своей воли. Но уже само-собою разумѣется, что ревность о спасеніи должна горѣть неугасимо и исполняя всю душу, во всемъ отъ малаго до великаго должна быть главною движущею силой, со страхомъ Божиимъ и упованіемъ непоколебимымъ.

5) Такъ настройся, утруждай себя въ молитвенномъ дѣланіи, молясь то готовыми молитвами, то своими, то краткими воззваніями къ Господу, то молитвой Исусовою, но не упуская при этомъ ничего и изъ того, что можетъ способствовать въ семъ трудѣ. И получишь искомое. Напомню тебѣ, что говоритъ Макарій Египетскій: увидить Богъ молитвенный трудъ твой, и что ты искренно желаешь успѣха въ молитвѣ, и дастъ тебѣ молитву. Ибо вѣдай, что хотя и своими усиліями творимая и достигаемая молитва есть молитва, Богу пріятная, но настоящая молитва та, которая вселяется въ сердцѣ и дѣлается неотходною, есть даръ Божій, дѣло Божіей благодати. Почему молясь о всемъ, не забывай молиться и о молитвѣ.

6) Сообщу тебѣ, что слышалъ отъ одного боголюбца. «Я жилъ, говорилъ онъ,—не совсѣмъ исправно; но Богъ смилостивился надо мною и послалъ мнѣ духъ поканія. Это было во время говѣнія. Я всячески напрягался, чтобъ положить въ себя твердую рѣшимость исправиться, особенно передъ исповѣдью долго молился предъ образомъ Божіей Матери, прося и ее вымолить мнѣ такую рѣшимость. Приступивъ потомъ къ исповѣди, я все откровенно пере-

сказаль. Духовный отецъ ничего мнѣ не сказалъ; но когда произнесъ надъ главою моею разрѣшительную молитву, въ сердце мое канулъ сладкій огонекъ. Ощущеніе это похоже на то, какъ проглотить какой лакомый кусокъ. Уканувшій огонекъ сей тамъ и остался въ сердцѣ, и мнѣ чувствовалось, будто меня кто держитъ за сердце. Съ сего времени я все молился, и вниманіе свое держаль тамъ, гдѣ было такое чувство, объ одномъ старался, чтобы оно не отошло. И Богъ помогаль мнѣ. О молитвѣ Иисусовой я не слыхаль; и когда услышалъ, то увидѣль, что бывшее во мнѣ было именно то, что ищется сею молитвой».—Я привожу тебѣ сказаніе сіе, чтобы ты изъ сего уразумѣль, что ищется молитвеннымъ трудомъ, и по какому признаку можно узнать, что оно получено.

7) Присовокуплю къ сему и слѣдующія слова св. Григорія Синаита (Доброт. ч. I, стр. 112 и д.).

«Благодать есть въ насъ со времени св. крещенія; но, по нашему невниманію, осуеченію и неисправности въ жизни, она подавляется, или какъ мнась въ землю зарывается. Когда кто полагаетъ жить исправно, возревновавъ о спасеніи; то весь трудъ его вслѣдствіе того плодомъ имѣеть возстановленіе въ силѣ сего благодатнаго дара. Совершается сіе двоякимъ способомъ: во первыхъ даръ сей открывається многотруднымъ исполненіемъ заповѣдей, и поколику кто преуспѣваетъ въ исполненіи заповѣдей, потолку даръ сей проявляетъ свою свѣтлость и свой блескъ; во вторыхъ, приходитъ онъ въ явленіе и раскрывається непрестаннымъ молитвеннымъ призываніемъ Господа Иисуса. И первое средство могущественно, но второе могущественнѣе, такъ что и первое чрезъ него получаетъ свою силу. Посему, если искренно хотимъ раскрыть сокрытое въ насъ сѣмя благодатное, то поспѣшимъ поскорѣе навикнуть сему послѣднему сердечному упражненію, и имѣть въ сердцѣ это одно дѣло молитвы, безвиднó, невоображенно, пока оно согрѣетъ сердце наше и распалить его до неизреченной любви къ Господу».—Тутъ совмѣщается все, о чемъ я напоминаль тебѣ выше въ 4-мъ пунктѣ.

Глава пятьдесятъ третья.

Дѣло молитвы въ невидимой брани.

Говоря о молитвѣ, я вниманіе твое преимущественно обращалъ на то, какъ возвестъ молитву до свойственной ей степени. Могло тебѣ показаться страннымъ, что когда рѣчь у насъ о невидимой брани, и тебѣ желательно знать, какое пособіе подаетъ въ сей брани молитва, ты слышишь лишь о томъ, какъ молитву сдѣлать настоящею молитвой. Не дивись сему; потому что тутъ только молитва и становится побѣдоноснымъ орудіемъ въ невидимой брани, какъ сдѣлается настоящею, т.-е. внѣдрится въ сердце и станетъ непрестанно въ немъ дѣйствовать. Съ сего момента оная дѣлается непроницаемою, непреодолимою и непереходимою оградю души, недопускающею къ ней ни стрѣлъ вражескихъ, ни страстныхъ нападокъ плоти, ни обольщеній со стороны міра прелестваго. Самымъ присутвіемъ своимъ въ сердцѣ она пресѣкаетъ брань невидимую. Почему и внушалось тебѣ: поспѣши привить къ сердцу дѣйство молитвы, и попекись о томъ, чтобъ она была тамъ въ непрестанномъ движеніи. Ибо это тоже, что сказать: сдѣлай такъ, и безъ борьбы будешь являться побѣдителемъ.

Это такъ дѣйствительно и бываетъ. Но пока-то дойдетъ твоя молитва до такой силы, враги не дадутъ тебѣ покоя, и тебѣ и минуты не обойтись безъ брани, или опасеній ея. Помощна ли тутъ молитва? Всеконечно; и болѣе, нежели всякое другое орудіе духовной брани. Она всегда привлекаетъ Божію помощь, и сила Божія отражаетъ враговъ, только будь она усердна и предана въ волю Божію. Мѣсто ея въ самомъ началѣ противоборства нападеніямъ вражескимъ. Вотъ какъ идетъ все дѣло. Когда вниманіе, какъ стражъ неусыпный, дастъ знать о подступахъ вражескихъ и стрѣлы ихъ восчувствуются, т.-е. или помысль

страстный, или движениѣ страсти появятся внутри,—ревнующій о спасеніи духъ, сознавъ въ этомъ злобное дѣло вражеское, своихъ силъ напряженіемъ нещадно отражаетъ то отъ сердца, не давая туда проникнуть, и въ тоже время, въ одномъ почти съ симъ актѣ внутреннемъ возносится молитвою къ Господу, призывая Его на помощь. Помощь приходитъ, враги разсѣваются и брань стихаетъ.

Св. Іоаннъ Коловъ приточно изображаетъ это такъ, говоря о себѣ: «Я подобенъ человѣку, который сидитъ подѣ большимъ деревомъ, и видитъ, что къ нему приближается множество звѣрей и змѣй. Такъ какъ онъ не можетъ стоять противъ нихъ, то поспѣшно взлѣзаетъ на дерево и спасается. Такъ и я: сижу въ своей келліи и вижу злые помыслы, возстающіе на меня; и какъ у меня недостаетъ силъ противъ нихъ, то прибѣгаю къ Богу посредствомъ молитвы, и спасаюсь отъ врага» (Достоп. сказ. п. 11).

Св. Исихій пишетъ о себѣ въ своемъ словѣ о трезвеніи и молитвѣ: «Надлежитъ тебѣ острымъ и напряженнымъ взоромъ ума смотрѣть внутри, чтобы узнавать входящихъ, узнавъ же, тотчасъ противорѣчіемъ сокрушать главу змія, съ дыханіемъ возопивъ въ тоже время ко Христу Господу. И получишь тогда опытъ невидимаго Божескаго заступленія» (п. 22).

Еще: «Итакъ всякій разъ какъ случится умножиться въ насъ лукавымъ помысламъ, свергнемъ въ среду ихъ призываніе Господа нашего Иисуса Христа; и тотчасъ увидимъ, что они начнуль разсѣиваться какъ дымъ въ воздухѣ,—какъ научилъ насъ опытъ» (п. 98).

И еще: «Мысленную брань будемъ вести въ такомъ порядкѣ: первое дѣло — вниманіе; потомъ, когда замѣтимъ, что подошелъ вражій помыслъ, бросимъ на него изъ сердца съ гнѣвомъ слова клятвы; третье затѣмъ дѣло—помолиться противъ него, обращая сердце къ призыванію Господа Иисуса Христа, да развѣется этотъ демонскій призракъ тотчасъ, чтобъ иначе умъ не пошелъ въ слѣдъ этого ме-

чтанія. какъ дитя, прельщаемое какимъ-либо искуснымъ фокусникомъ» (п. 105).

И еще: «Прекословіе обыкновенно преграждаетъ дальнѣйшій ходъ помысламъ, а призываніе имени Іисусъ-Христового изгоняетъ ихъ изъ сердца. Какъ только вообразится въ душѣ прилогъ представленіемъ чувственнаго какого-либо предмета, какъ-то—оскорбившаго насъ человѣка, или женской красоты, или серебра и злата, или когда все подобное бываетъ въ нашей мысли; тотчасъ обличается, что привели въ такое мечтаніе сердце наше духи—злопамятства, блуда, сребролюбія и другіе. Если умъ нашъ опытенъ, обученъ и навыкъ блюсти себя отъ прираженій вражескихъ, и видѣть ясно, какъ днемъ, обольстительныя мечтанія и прелести лукавыхъ: то тотчасъ отпоромъ, прекословіемъ и молитвой Іисусъ-Христовою легко угашаетъ разжженные стрѣлы діавола, не позволяя страстному мечтанію увлекать въ слѣдъ себя и наши помыслы, и помысламъ симъ согласоваться съ призракомъ прилога, или дружелюбно бесѣдовать съ нимъ и вдаваться въ многомысліе, или сосложиться съ нимъ, — за чѣмъ съ нѣкоторою необходимостію слѣдуютъ худыя дѣла, какъ ночь за днемъ».

И много подобныхъ мѣстъ найдешь ты у св. Исихія. У него встрѣтишь полное очертаніе и всей невидимой брани, и я совѣтовалъ бы тебѣ почаще перечитывать его о трезвеніи и молитвѣ слово.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я.

Глава первая.

О пресвятомъ таинствѣ евхаристіи.

До сихъ поръ я предлагалъ тебѣ, любезный читатель, о четырехъ орудіяхъ, потребныхъ тебѣ къ одолѣнію враговъ въ невидимой брани, какъ-то о ненадѣяніи на себя, о надеждѣ непоколебимой на Бога, о противостояніи грѣху и борьбѣ съ нимъ, и о молитвѣ. Теперь я хочу указать тебѣ еще на иное нѣкое могущественное въ семь дѣлъ орудіе, именно на пресвятое таинство Евхаристіи. Таинство сіе, какъ между таинствами есть самое высшее, такъ и въ числѣ орудій духовныхъ есть самое сильное и врагопоразительное. Четыре орудія, о которыхъ мы говорили, получаютъ силу свою отъ благодатныхъ силъ и даровъ, стяжанныхъ намъ кровію Христовою; таинство же сіе и есть самая кровь Христова и самое тѣло Христово, въ присушіемъ самаго Христа-Бога. Тѣми четырьмя орудіями боремся съ врагами мы силою Христовою; въ семь же Христосъ Господь поражаетъ враговъ нашихъ нами, или вмѣстѣ съ нами. Ибо кто вкушаетъ тѣло Христово и пьетъ кровь Его, тотъ со Христомъ пребываетъ и Христосъ съ нимъ, какъ Онъ самъ сказалъ: *ядый Мою плоть и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Посему, когда одерживаемъ мы побѣду надъ врагами, то это кровь Христова побѣждаетъ ихъ, какъ написано въ Апокалипсисѣ: *и тѣи побѣдиша его* (дѣвола-клетветника) *кровію Агнчею* (Ап. 12, 11).

Сіе святѣйшее таинство, сіе всепобѣдительное орудіе, паче же Христосъ, сущій въ семь таинствѣ, можетъ быть

дѣйственно прие́млемо двоякимъ образомъ: *во первыхъ*, таинственно, въ таинствѣ тѣла и крови Христовыхъ, съ достодолжнымъ приготовленіемъ, т.-е. сокрушеніемъ, исповѣдью, очищеніемъ чрезъ епитимію и потребнымъ пощеніемъ; *во вторыхъ*, духовно и мысленно, въ умѣ и сердцѣ. *Первое* можетъ имѣть мѣсто столь часто, сколько это возможно, по обстоятельствамъ ви́шнимъ, внутреннему состоянію, и по усмотрѣнію духовнаго отца; а *второе*—каждое мгновеніе: такъ что тебѣ можно всегда имѣть въ рукахъ сіе всемогущее оружіе и ограждатья имъ отъ враговъ непрестанно. Внемли же сему, и святыхъ Христовыхъ таинъ причащайся ~~сколько можно чаще~~, какъ только имѣешь разрѣшеніе отъ духовнаго отца своего; мысленно же и духовно вкушай Христа Господа ревнуй непрерывно: къ чему руководство предложено тебѣ мною въ предыдущихъ главахъ о молитвѣ.

Глава вторая.

Какъ надлежитъ принимать святое таинство евхаристіи, или принимать Христа Господа таинственно, — въ таинствахъ.

Для достиженія цѣли, съ которою приступаемъ къ сему божественному таинству, надлежитъ намъ имѣть нѣкія особыя расположенія, совершать особыя нѣкія дѣла, и употреблять особыя нѣкія мѣры—~~кроме~~ причащенія, ~~во время~~ причащенія и ~~целѣ~~ причащенія. Прежде причащенія надлежитъ чрезъ таинство покаянія и исповѣди очистить себя отъ всякой скверны грѣховъ, какъ смертныхъ, такъ и несмертныхъ, и исполнить, что на исповѣди наложить духовный отецъ, соединяя съ симъ твердую рѣшимость отъ всего сердца, всею душою, всею силою и всѣмъ помышленіемъ служить единому Господу Иисусу Христу и дѣлать одно, Ему благоугодное. Такъ какъ Онъ въ семъ таинствѣ даетъ намъ тѣло свое и свою кровь, съ душою и Божествомъ и всюю силою воплощеннаго домостроитель-

ства; то, помышляя о томъ, какъ ничтожно даемое нами Ему сравнительно съ тѣмъ, что Онъ намъ даетъ, положимъ въ сердцѣ по крайней мѣрѣ все для насъ возможное всеусердно дѣлать во славу Его, и еслибъ намъ пришлось овладѣть самымъ высшимъ даромъ, какой когда-либо приносили Ему земныя и небесныя разумныя твари, изъявимъ готовность принести то безъ размысленія Его Божескому Величію.

Возжелавъ принять сіе таинство, чтобъ силою его побѣдить и поразить враговъ своихъ и Господнихъ, съ вечера еще, или даже раньше того, начинай помышлять, какъ сильно Спаситель нашъ, Сынъ Божій и Богъ желаетъ, чтобы ты съ пріятіемъ сего таинства далъ Ему мѣсто въ сердцѣ своемъ, дабы, соединясь съ тобою, помочь тебѣ изгнать оттуда всѣ страсти твои и побѣдить всѣхъ враговъ твоихъ.

Сіе желаніе Господа нашего столь велико и пламенно, что сего никакой тварный умъ не можетъ вмѣстить въ совершенствѣ. Ты впрочемъ, чтобъ хоть сколько-нибудь подойти къ сему, потрудишься поглубже напечатлѣть въ умѣ своемъ слѣдующія два помышленія: *первое*, какъ неизреченно радостно всеблагому Богу пребывать въ прискренненъ общеніи съ нами, какъ удостовѣряетъ сама священная Премудрость, говоря: *радость Моя съ сынами человечествами* (Прит. 8, 31); и *второе*, какъ сильно ненавидитъ Богъ грѣхъ, и потому, что онъ препятствуетъ соединенію Его съ нами, столь для Него желательному, и потому, что онъ прямо противоположенъ Божескимъ Его совершенствамъ. Будучи по естеству безпредѣльно благимъ и чистымъ свѣтомъ и неизреченною красотою, не можетъ Онъ не гнущаться и не мерзить безмѣрно грѣхомъ, который ничто иное есть, какъ крайнее зло, мракъ, растлвнє, и срамота въ душахъ нашихъ. И сіе Божіе нетерпѣніе грѣха столь велико, что съ самага начала его всѣ промыслительныя о насъ Божескія дѣянія и установленія Ветхаго и Новаго завѣта направляемы были къ истребленію его и

изглажденію слѣдовъ его, особенно же предивное страдавіе Спасителя нашего Иисуса Христа, Сына Божія и Бога. Нѣкоторые богословы и учителя говорятъ даже, (припомни сказаніе св. Діонисія Ареопагита о видѣніи Титу), что еслибъ потребовалось, то Господь Иисусъ готовъ бы былъ подъять тьмы другихъ смертей для уничтоженія силы грѣха. Такъ преслѣдуетъ его Божеское негодованіе.

Уразумѣвъ изъ такихъ помышленій и созерцаній, сколь великое имѣетъ Богъ желаніе внити въ сердце твое, чтобы въ конецъ побѣдить тамъ твоихъ враговъ, кои суть и Его враги, ты не можешь не ощущать въ себѣ живаго вождельвія пріять Его, да совершитъ Онъ въ тебѣ такое дѣйствіе и самымъ дѣломъ. Воодушевившись же такимъ образомъ полнымъ мужествомъ и воспріавъ дерзновение отъ вѣрнаго надѣянія, что въ тебя можетъ пріити небесный Архистратигъ твой Иисусъ, вызывай почасту на брань ту страсть, которая тебя беспокоитъ и которую желаешь преодолѣть, и поражай ее ненавистью, презрѣніемъ и отвращеніемъ, возстановляя въ то же время въ себѣ молитвенное желаніе противоположной ей добродѣтели съ готовностію и на соотвѣтственныя тому дѣла, такія именно и такія.

Вотъ что слѣдуетъ дѣлать тебѣ вечеромъ предъ причащеніемъ.

Утромъ же, немного прежде св. причастія, пройди однимъ взоромъ ума всѣ увлеченія, неправости и прегрѣшенія, содѣянные тобой со времени предшествовавшаго причащенія доселѣ, помянувъ при томъ, съ какимъ безстрашіемъ и ослѣпленіемъ все сіе дѣлалось, какъ будто не было у тебя Бога, Судии и Воздаятеля, видѣвшаго то, и чтобы избавить тебя отъ таковыхъ дѣлъ, подъявшаго страшныя страсти и поносную смерть на крестѣ, которыя ты попираешь, когда склоняясь на грѣхъ, срамныя похотѣнія свои ставилъ выше воли Бога, Спасителя твоего. Стыдомъ да покроется лице души твоей при сознаніи такой неблагодарности и такого безстрашія. Однакожь непусти се-

бя потоплена быть отъ смущенія при семъ и всякое нечаяніе далеко отжени отъ себя. Се долготерпѣливый Господь, преклонясь на милость раскаяніемъ твоимъ и изъясленною тобою готовностію служить отсель Ему единому, паки грядетъ къ тебѣ и въ тебя, чтобъ безмѣрною бездною благодати своею потопить и поглотить бездну неблагодарности твоей и твоего безстрашія и маловѣрія. Приступи же къ Нему съ смиреннымъ чувствомъ недостойнства, но и съ полнымъ благонадежіемъ, любовію и преданностію, уготовляя Ему въ сердцѣ своемъ пространную скинію, да вселится Онъ весь въ тебя. Какъ и какимъ образомъ? Изгнаніемъ изъ сердца всякаго помышленія о чемъ либо тварномъ, а не только пристрастія и сочувствія къ тому, и заключеніемъ двери его, да не увидетъ въ него ничто и цикто кромѣ Господа.

По причащеніи же св. Тайнъ, войди тотчасъ въ сокровенности сердца своего и поклонившись тамъ Господу съ благоговѣйнымъ смиреніемъ, простри къ Нему мысленно такую бесѣду: «Ты видишь, всеблагій мой Господи, какъ легко впадаю я въ грѣхи на пагубу себѣ, и какую силу имѣетъ надо мной борющаяся меня страсть, и сколько самъ я безсиленъ освободиться отъ нея. Помоги мнѣ и усиль безсильныя усилія мои, или паче Самъ воспріими оружія мои и ими вмѣсто меня порази въ конецъ сего неистоваго врага моего».

Послѣ сего наконецъ, обратясь къ небесному Отцу Господа нашего Іисуса Христа и нашему, вмѣстѣ съ Нимъ въ тайнахъ сихъ благоволеніемъ своимъ въ тебя ниспешаго, и къ Духу Святому, благодатию своею тебя возбуждившему и приготовившему къ принятію тѣла и крови Господнихъ и по принятіи ихъ теперъ обильно тебя осѣняющему, поклонись Богу сему единому, въ Троицѣ Святой, славимому и намъ благодѣющему, и воздавъ благоговѣйное Ему благодареніе за великую къ тебѣ милость, въ сей моментъ явленную, какъ даръ нѣкій, предложи непреклонное рѣшеніе, готовность и порывы къ борьбѣ съ своимъ

грѣхомъ, въ чаяніи преодолѣть его силою единого Бога трипостаснаго. Ибо вѣдай, что если не будешь употреблять всѣхъ своихъ усилій къ преодолѣнію своей страсти, помощи отъ Бога не получишь, и если усиливаясь всеусердно, на одни свои силы надѣнешся, успѣха никакого имѣть не будешь. Усиливаясь усиливайся всеусердно, но успѣха ожидай отъ одной помощи Божіей. Придетъ несомнѣнно помощь, и сдѣлавъ твои безсильныя усилія всеильными, подастъ тебѣ удобную побѣду надъ тѣмъ, съ чѣмъ борешься.

Глава третья.

Какъ углубленіемъ въ таинство Евхаристіи возгрѣвать въ себѣ любовь къ Богу.

Чтобъ углубленіемъ въ небесное таинство тѣла и крови Христовыхъ возгрѣть въ себѣ большую любовь къ Богу, обратись помысломъ къ созерцанію любви, какую явилъ самому тебѣ Богъ въ семь таинствѣ. Ибо сей великій Богъ и Вседержитель не удовольствовался тѣмъ, что создалъ тебя по образу и подобію своему, ни тѣмъ, что когда ты согрѣшивъ и Его оскорбивъ, низпалъ изъ чина своего, послалъ Сына своего единороднаго, пожить тридцать и три лѣта на землѣ, чтобы взыскать тебя, и подъявъ страшныя страсти и мучительную смерть крестную, искупить и исхитить тебя изъ рукъ діавола, которому ты поработилъ себя грѣхомъ, и опять возставить тебя въ свой чинъ,—но кромѣ того, благоволилъ учреждену быть еще и таинству тѣла и крови въ пищу тебѣ для существеннѣйшаго срастворенія съ естествомъ твоимъ всей силы воплощеннаго домостроительства. Сіе-то послѣднее изъявленіе презѣльной къ тебѣ любви Божіей сдѣлай для себя предметомъ постояннаго созерцанія и углубленія, чтобъ узрѣвая всестороннюю полноту ея и преизобиліе, питать тѣмъ

и паче и паче воспламенять и свое къ Богу всецѣлое устремленіе и любовь.

1) Помысли о томъ, когда сталъ любить тебя Богъ, и увидишь, что сему нѣтъ начала. Ибо сколько Самъ Онъ вѣченъ по Божескому естеству своему, столько же вѣчна и любовь Его къ тебѣ, по коей Онъ прежде всѣхъ вѣковъ положилъ въ совѣтѣ своемъ даровать тебѣ Сына своего дивнымъ нѣкимъ и непостижимымъ образомъ. Узрѣвъ же сіе, восторженною возрадуйся радостію духовною и воззови: «Итакъ еще въ оной безднѣ вѣчности мое ничтожество было попечительно зримо и любимо Богомъ безпредѣльнымъ; еще тогда промыслялъ Онъ о благѣ моемъ и по благоволенію неизглаголанной любви своей положилъ даровать мнѣ въ пищу Сына своего единороднаго. Могу ли я послѣ сего позволить себѣ хоть одинъ моментъ не быть прилѣпленнымъ къ Нему всею мыслию моею, всѣмъ желаніемъ моимъ и всѣмъ сердцемъ моимъ?»

2) Помысли также, что всякія взаимныя любленія тварей между собой, какъ бы онѣ велики ни были, имѣютъ свою мѣру и свой предѣлъ, за который и не могутъ простертись. Одна любовь Божія къ намъ не имѣетъ предѣла. Почему, когда потребовалось особымъ нѣкимъ образомъ удовлетворить ее, Онъ предалъ на сіе Сына Своего, равнаго Ему по величію и безпредѣльности, яко сущаго единаго и тогоже съ Нимъ естества. Итакъ любовь Его толика, коликъ даръ, и обратно, толикъ даръ Его, колика любовь. И то, и другое столь велико, что большей мѣры великости не можетъ и вообразить никакой тварный умъ. Возмѣрь же ты за сію безмѣрную любовь по крайней мѣрѣ всевозможною для тебя мѣрою любви.

3) Помысли еще, что Богъ подвигся на возлюбленіе насъ не какою-либо необходимостію, но по единой своей естественной благости, возлюбилъ, независимо ни отъ чего, Самъ отъ Себя, сколько безмѣрно, столь же и непостижимо.

4) Что съ нашей стороны не могло быть предпославо сему возлюбленію никакое достохвальное дѣло, достойное воздаянія, чтобъ безпредѣльный Богъ за то презѣльностію любви воздалъ нашей всесторонней бѣднотѣ,—что Онъ возлюбилъ насъ потому, что такъ восхотѣлъ, по единому благоволенію своему, и не только возлюбилъ, но и даровалъ Себя намъ, недостойнѣйшимъ тварямъ своимъ.

5) Что любовь сія, если возришь на чистоту ея, не смѣшана, какъ большею частію тварная любовь, съ чаяніемъ какого-либо добра отъ насъ впереди. Ибо Богъ не имѣеть нужды въ какомъ-либо добрѣ со стороны, яко Самъ въ Себѣ вседовольный и всеблаженный. Почему если благоволилъ излить на насъ неизреченную благодать и любовь, то излилъ не ради блага Себѣ отъ насъ, а для блага собственно нашего.

Помышляя о всемъ семъ, можешь ли ты не взывать въ себѣ: «о, какъ дивно сіе! Всевышній Богъ приложилъ сердце свое ко мнѣ, малѣйшему творенію своему! Что же хочешь Ты отъ меня, Царю славы? Чего чаешь отъ меня, который ничто иное естъ, какъ пыль и прахъ? Вижу добрѣ, Боже мой, при свѣтѣ безмѣрной любви твоей, что у Тебя одно при семъ желаніе, наиболѣе показывающее свѣтлость твоей ко мнѣ любви, именно, что Ты благоволишь даяти мнѣ всего Себя въ пищу и питіе не для другаго чего, какъ для того, чтобъ преложить всего меня въ Себя, не потому чтобъ имѣлъ ты нужду во мнѣ, но потому что я крайнюю имѣю нужду въ Тебѣ; ибо такимъ образомъ Ты бываешь живущимъ во мнѣ, а я въ Тебѣ; и чрезъ любительное единеніе сіе дѣлаюсь я какъ Самъ Ты,—и скажу такъ почеловѣчески: чрезъ соединеніе моего земнаго сердца съ твоимъ сердцемъ небеснымъ содѣвается во мнѣ единое нѣкое божественное сердце».

Отъ такихъ помышленій не можешь ты не преисполниться изумленія и радости, видя себя такъ высоко цѣнимымъ отъ Бога и такъ много Ему любезнымъ, и уразумѣвая, что Онъ безмѣрною любовію своею къ тебѣ ниче-

го другаго не ищетъ и не желаетъ отъ тебя, какъ привлечь любовь твою къ Себѣ и тебя Собою облаженствовать, отторгни тебя отъ всякаго пристрастія къ тварямъ и къ самому себѣ, чтобъ ты такимъ образомъ возмогъ всего себя принести Ему, Богу твоему, какъ всесожженіе, и чтобъ отнынѣ во все послѣдующее время жизни твоей единая любовь къ Нему и усердное желаніе благоугождать Ему обладали и умомъ твоимъ, и твоею волею, и памятію, и всѣми чувствами твоими. Всякое благодѣяніе любви Божіей къ тебѣ можетъ отразиться такимъ воздѣйствіемъ на душу твою, наипаче же естественно сему быть при разумномъ воззрѣніи на многоблагодатное таинство божественной Евхаристіи, на которое взирая умомъ, отверзи и сердце свое къ нему, и излей слѣдующія благоговѣйныя молитвы и любительныя воздыханія:

«О, Брашно пренебесное! Когда же настанетъ для меня часъ пожретися Тебѣ всецѣло, не другимъ какимъ огнемъ, а огнемъ любви твоей? Когда, о, несозданная Любовь, о Хлѣбе жизни! когда стану я жить Тобою единымъ, для Тебя единого, и въ Тебѣ единомъ? Когда, о, Жизнь моя, жизнь красная, жизнь сладостная и вѣчная, Манна небесная!—когда, отвратившись отъ всякаго другаго брашна земнаго, стану я вожделѣвать Тебя единого и цитаться Тобою едннымъ? Когда будетъ сіе, о, сладость моя всенасытительная, о, благо мое верховное! О, Господи мой, превожделѣнный и всеблагодатный! исторгни сіе бѣдное сердце мое изъ узъ всякаго пристрастія и всякой наклонности недоброй, укрась его святыми добродѣтелями твоими и исполни такимъ благонастроеніемъ, чтобъ мнѣ со всею искренностію все дѣлать только для того одного, чтобъ благоугодить Тебѣ! Тогда достигну я наконецъ того, что отверзши Тебѣ сердце мое, уже не недостойное Тебя, призову Тебя и любовію понужду Тебя внити въ него; Ты же, Господи мой, вошедши внутрь, станешь, не встрѣчая сопротивленія, совершать тамъ всѣ воздѣйствія, какія обычно совершаешь въ душахъ преданныхъ Тебѣ».

Въ такихъ любительныхъ помышленіяхъ и чувствахъ можешь ты проводить вечеръ и утро, приготовляясь къ св. причастію. Потомъ, когда совсѣмъ приблизится священный часъ причастія, со смиреніемъ и сердечною теплотой поживѣе вообрази, кто Тотъ, Кого имѣешь ты пріять въ себя, и кто ты, имѣющій пріять Его.

Тотъ есть Сынъ Божій, въ непостижимое облеченный величіе, предъ Коимъ трепещутъ небеса и всѣ силы,—есть Святой святыхъ, свѣтлѣйшій солнца, недомыслимая чистота, въ сравненіи съ коею нечиста всякая чистота тварная, Который изъ любви къ тебѣ пріявъ зракъ раба, восхотѣлъ быть презрѣннымъ, поруганнымъ и распятымъ злобою міра беззаконнаго, пребывая въ то же время Богомъ, въ десницѣ Коего жизнь и смерть всего міра. Кто же ты? Ты—ничто, по своему растлѣнію, лукавству и злобѣ сдѣлавшійся ничтожнѣе ничего, хуже всякой ничтожнѣйшей и нечистѣйшей твари, посмѣшище преисподнихъ демоновъ, который вмѣсто воздаянія благодаренія щедрому Богу за столькія и толикія благодѣянія, увлекаясь своими фантазіями и похотями, презрѣлъ столь великаго Благодарителя своего и Владыку, и попралъ безцѣнную кровь Его, за тебя пролитуую, а Онъ при всемъ томъ, по непрестающей и неизмѣнной любви своей къ тебѣ, призываетъ тебя къ божественной трапезѣ своей, иной же разъ и понуждаетъ приступить къ ней страшными угрозами, напоминая тебѣ ко всѣмъ изреченное слово свое: *еще не съѣсте плоти Сына человеческого, ни пїете крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53),—и какъ не затворяетъ предъ тобою двери милосердія своего, такъ не отвращаетъ отъ тебя лица своего, хотя ты, по грѣхамъ своимъ, и прокаженъ, и расслабленъ, и слѣпъ, и бѣсснъ, и порабоченъ всякимъ страстямъ и непотребностямъ.

Вотъ только чего требуетъ Онъ отъ тебя: 1) чтобъ ты возболѣлъ сердцемъ своимъ объ оскорбленіи Его; 2) чтобъ ты паче всего ненавидѣлъ грѣхъ,—всякій, и большой, и малый; 3) чтобъ ты всецѣло всего себя предалъ Ему и со всѣмъ

расположеніемъ и любовію сердечною одно имѣлъ попеченіе—всегда и во всемъ, во всякомъ дѣлѣ быть въ волѣ Его и въ полной покорности Ему единому; 4) чтобъ ты имѣлъ крѣпкую въ Него вѣру и твердо уповалъ, что Онъ помилуесть тебя, очиститъ тебя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ и охранитъ отъ всѣхъ враговъ твоихъ, видимыхъ и невидимыхъ.

Подкрѣпившись такою неизреченною любовію къ тебѣ Божіею, приступи ко святому причастію со страхомъ святымъ и любительнымъ, говоря: «недостойнъ я, Господи мой, пріяти Тебя; ибо столько и столько разъ прогнѣвлялъ Тебя грѣхами моими, а не оплакалъ еще всѣхъ такихъ нечестивыхъ дѣлъ моихъ. Недостойнъ я, Господи мой, пріяти Тебя; ибо не очистилъ еще себя отъ расположеній и пристрастій къ тому, что не благоугодно Тебѣ. Недостойнъ я, Господи мой, пріяти Тебя, ибо не предался еще со всею искренностію въ любовь къ Тебѣ, въ волю твою и въ покорность Тебѣ. О Боже мой, всесильный и безмѣрно благій! Самъ Ты, по всещедрому челоуѣколюбію своему, удостой меня пріяти Тебя, съ вѣрою притекающаго къ Тебѣ».

Послѣ же того, какъ сподобишься св. причастія, заключись въ сокровенностяхъ сердца своего, и забывъ все тварное, простри къ Богу такую или подобную сей, бесѣду: «Всевышній Царю неба и земли! Кто внити Тебя сотворилъ въ недостойное сердце мое, когда я и окаянень, и бѣдень, и слѣпъ, и нагъ? Никто конечно, какъ безмѣрная любовь твоя ко мнѣ. О, любовь несозданная! О, любовь сладчайшая! Чего же хочешь Ты отъ меня, въ конецъ обнищавшаго? Ничего, какъ проразумѣваю и вижу, кромѣ любви моей къ Тебѣ; ничего кромѣ того, чтобъ на жертвенникѣ сердца моего не горѣлъ никакой другой огонь кромѣ огня любви моей къ Тебѣ, который бы попалялъ всякую другую любовь и всякое другое желаніе, кромѣ желанія всего меня принести Тебѣ въ жертву всесоженія и въ воню благоуханія. Ничего другаго никогда не желалъ

Ты и не искалъ отъ меня, и теперъ не ищешь и не желаешь.—Вонми же, Господи, нынѣ и обѣтамъ сердца моего! Се сочетаваю съ желаніемъ Твоимъ мое желаніе, и какъ Ты всего Себя далъ мнѣ, и я всего себя предаю Тебѣ, да буду весь въ Тебѣ. Вѣдаю, Господи, что сему нельзя быть, если не будетъ во мнѣ полного самоотверженія, если останется во мнѣ какой-либо слѣдъ самолюбія, если будетъ укрываться во мнѣ сочувствіе и расположеніе къ какой-либо волѣ своей, или мыслямъ своимъ, или къ самоудобнымъ обычаямъ моимъ; почему хочу и порываюсь отнынѣ противиться себѣ во всемъ, что неугоднаго Тебѣ возжелаешь душа моя, и нудить себя на все, что благоугодно Тебѣ, хотя бы все во мнѣ и во внѣ меня возставало противъ того. Самъ я не силенъ успѣть въ этомъ; но какъ отнынѣ Ты со мною, то дерзновенно уповаю, что Ты Самъ будешь совершать во мнѣ все достодолжное. Порываюсь и ищу, да будетъ сердце мое едино съ твоимъ сердцемъ; и уповаю, что сіе будетъ мнѣ благодатию твоею. Порываюсь и ищу ничего не видѣть и не слышать, ни о чемъ не помышлять и ничему не сочувствовать, кромѣ того, къ чему поведетъ и на что указывать будетъ воля твоя, заповѣдями твоими опредѣленная, и уповаю, что сіе будетъ мнѣ дѣйствомъ силы твоей во мнѣ. Порываюсь и ищу не отходить вниманіемъ отъ сердца, въ коемъ Ты, и тамъ непрестанно взирая къ Тебѣ, согрѣваться лучами свѣта, отъ Тебя исходящаго; и уповаю, что сіе будетъ мнѣ прикосновеніями и объятіями дланей твоихъ. Порываюсь и ищу, да отнынѣ Ты единъ будешь мнѣ свѣтъ, сила и радованіе; и уповаю, что сіе будетъ мнѣ спасительными твоими воздѣйствіями на внутреннее мое. О семъ и молюсь и непрестанно молиться буду. О, премилосердый Господи! буди мнѣ сіе, буди.

Попекись затѣмъ день отъ дня все болѣе и болѣе преизбыточествовать вѣрою въ силу сего пресвятаго таинства Евхаристіи, и не переставай изумляться сему дивному таинству, помышляя, какъ Богъ подъ видомъ хлѣба и вина

являеть тебѣ Себя и существенно бываетъ въ тебѣ, чтобы содѣвать тебя наиболѣе святымъ, преподобнымъ и блаженнымъ. Ибо блаженны тѣ, которые не видятъ, но вѣруютъ, по слову Спасителя: *блазени не видѣвшіе и вѣровавшіе* (Іоан. 20, 29). И не желай, чтобы въ сей жизни Богъ являлъ Себя тебѣ подъ другимъ какимъ видомъ, кромѣ сего таинства. Старайся възгрѣвать въ себѣ теплое желаніе сего таинства, и каждодневно преуспѣвай и въ ревностной готовности творить одну волю Божию и въ духовной мудрости ея дѣлать царицей и правительницей всѣхъ твоихъ дѣлъ и духовныхъ, и душевныхъ, и тѣлесныхъ. Всякій разъ, какъ причащаешься, причащаясь сей жертвы безкровной, и себя самого приноси въ жертву Богу, т.-е. изъясляй полную готовность, по любви къ Господу, за насъ пожершемуся, терпѣть всякую напасть, всякую скорбь и всякую напраслину, какія могутъ встрѣтиться въ теченіе жизни твоей.

Св. Василій великій полнѣе изображаетъ долгъ, налагаемый св. причастіемъ на причащающихся, со словъ св. Павла, что причащающіеся тѣла и крови Господа смерть Господню возвѣщаютъ (1 Кор. 11, 26). Смерть же была подъята Господомъ за всѣхъ людей,—и за причащающихся,—чего ради? *Да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (2 Кор. 5, 15). Слѣдовательно причащающіеся съ вѣрою, любовію, и готовностію до положенія живота быть вѣрными заповѣдямъ Божиимъ и всякой, явно Имъ изъясвленной волѣ, берутъ на себя долгъ уже не жить болѣе себѣ, ни міру и грѣху, но приѣмлемому ими во св. причастіи Господу Богу, за нихъ умершему и воскресшему (въ словѣ: *οτι διαι τον αναγεννηθεντα δια τω βαπτισματος τρεφεσθαι και τα εξης*).

Наконецъ, пріявъ въ св. причастіи Господа, за тебя пожершагося, и общникомъ бывъ силы сей жертвы, во имя ея вознеси къ небесному Отцу, послѣ благодаренія и словословія, молитвы и моленія о твоихъ нуждахъ, духовныхъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, затѣмъ о св. Церкви Божіей, о

домашнихъ твоихъ, о благодѣтеляхъ и о душахъ въ вѣрѣ почившихъ.

Будучи сочетана съ жертвой, коею Сынъ Божій исходатайствовалъ намъ отъ Бога Отца всякую милость, молитва сія и услышана будетъ и не оставлена будетъ безъ плода.

Глава четвертая.

О причащеніи духовномъ.

Причащаться Господа въ таинствѣ тѣла и крови можно только въ опредѣленные времена, кто какъ можетъ и какъ усердствуетъ, не болѣе однакожь одного раза въ день. Внутренно же, въ духѣ, причащенія Ему можемъ сподобляться каждый часъ и каждое мгновеніе, т.-е. пребывать, по благодати Его, въ непрестанномъ общеніи съ Нимъ и, когда благоволитъ Онъ, сердцемъ ощущать сіе общеніе. Причастившись тѣла и крови Господа, Его самого, по обѣтованію Его, пріемлемъ, и Онъ вселяется въ насъ со всѣми благодатями своими, давая и сердцу, къ тому готовому, ощущать сіе. Истинные причастники всегда бываютъ вслѣдъ за причащеніемъ въ осязательно благодатномъ состояніи. Сердце вкушаетъ тогда Господа духовно.

Но какъ мы и тѣломъ стѣснены и внѣшними дѣлами и отношеніями окружены, въ коихъ по долгу должны принимать участіе; то духовное вкушеніе Господа, по раздвоенію нашего вниманія и чувства, день отъ дня, ослабляется, заслоняется и скрывается. Скрывается ощущеніе вкушенія Господа; но общеніе съ Господомъ не пресѣкается, если, къ несчастію, не привзойдетъ какой грѣхъ, разстраивающій благодатное состояніе. Съ сладостію вкушенія Господа ничто сравниться не можетъ; почему ревнители, ощутивъ оскуднѣніе ея, спѣшатъ возставить его въ силѣ, и когда возставляютъ, чувствуютъ, что какъбы снова вкушаютъ Господа. Это и есть причащеніе Господа духовное.

Оно имѣетъ такимъ образомъ мѣсто между однимъ и другимъ причащеніемъ Его въ тайнахъ святыхъ. Но оно можетъ быть и непрерывно,—въ томъ, кто всегда блюдетъ сердце свое чистымъ и непрерывнымъ имѣетъ вниманіе свое и чувство къ Господу. При всемъ томъ однакожь оно есть даръ благодати, даемой труженникамъ на пути Госднемъ, усерднымъ и къ себѣ безжалостнымъ.

Но и то, когда кто по временамъ вкушаетъ Господа въ духѣ, есть даръ благодати. Отъ насъ только жажданіе сего дара и алканіе и усердное взысканіе. Есть впрочемъ дѣла, открывающія ему путь и споспѣшествующія принятію его, хотя онъ всегда приходитъ какъбы не значай. Дѣла сіи суть чистая съ дѣтскимъ воплемъ изъ сердца молитва, и особые акты самоотверженія въ ряду добродѣтелей. Когда нѣтъ на душѣ грѣха, когда не терпимы бываютъ мысли и чувства грѣховныя, т.-е. когда она чиста и къ Богу вопіетъ; то что можетъ воспрепятствовать Господу, присущему, дать душѣ Себя вкусить, а душѣ ощутить сіе вкушеніе? Такъ и бываетъ, если только Господь не видитъ, что для блага души нужно нѣсколько продлить алчбу Его и жажду неудовлетворенною. Между актами самоотверженія паче всего сильно въ семъ отношеніи смиренное послушаніе и поверженіе себя подъ ноги всѣхъ, обнаженіе себя отъ стяжаній, благодушное перенесеніе напраслинъ, все въ духѣ полного преданія себя въ волю Божію. Такія дѣянія наипаче уподобляютъ дѣйствующаго Господу, и Господь присущій даетъ себя вкусить душѣ его. И всѣхъ заповѣдей Божіихъ усердное и чистое исполненіе имѣетъ плодомъ своимъ вселеніе Господа въ сердце, съ Отцемъ и Св. Духомъ (Іоан. 14, 23).

Духовное Господа причащеніе не должно смѣшивать съ мысленнымъ воспоминаніемъ о причащеніи Его въ тайнахъ тѣла и крови, хотя бы это сопровождалось сильными какими ощущеніями духовными и жаждущими порывами къ дѣйствительному причащенію Его въ Тайнахъ святыхъ. Не должно также смѣшивать и того, что дается

присущимъ въ храмѣ при совершеніи таинства евхаристіи. Они сподобляются освященія Божія и Божія благоволенія, какъ участвующіе въ принесеніи безкровной жертвы вѣрою, сокрушеніемъ и готовностію жертвовать собою во славу Божію, и по мѣрѣ сихъ расположеній; но это не то, что причастіе, хотя оно тутъ же можетъ совершиться.

Глава пятая.

О благодареніи Бога.

Всякое благо, какое имѣемъ и всякое добро, какое дѣлаемъ, есть Божіе и отъ Бога. Почему на насъ лежитъ долгъ благодарить Его за все, за всякое благо, отъ всещедрой десницы Его получаемое, явное ли то, или неявное, за всякое доброе дѣяніе, за всякій добрый подвижъ и за всякую побѣду надъ врагами нашего спасенія, какъ намъ и заповѣдано: *о всемъ благодарите: сія бо есть воля Божія о Христѣ Исусѣ въ васъ* (1 Сол. 5, 18). Позаботься же возгрѣвать въ себѣ чувства благодаренія къ Богу съ перваго момента по пробужденіи отъ сна, во весь день, и засыпай съ словами благодаренія на устахъ; потому что ты погруженъ въ Божіи благодѣянія, въ числѣ которыхъ есть и самый сонъ.

Богу не нужны твои благодаренія; но тебѣ неотложно нужны Божіи благодѣянія. Пріятелище же и хранилище сихъ благодѣяній въ тебѣ есть благодарное сердце. «Наилучшее средство сохранить благотворительность къ себѣ благодѣтеля, говоритъ св. Златоустъ, есть памятованіе о благодѣяніи и благодареніе непрестанное». И св. Исаакъ пишетъ: «благодарность пріемлющаго побуждаетъ дающаго давать дары большіе прежнихъ. Кто не благодаренъ за малое, тотъ и на большее обманется въ надеждѣ. Даръ не остается безъ усугубленія, развѣ только когда вѣтъ за него благодарности» (сл. 2-е). Святой же Василиій Ве-

ликой прилагаетъ къ сему и нѣкое устрашеніе, благотворное однакожь, говоря: «поелику не благодаримъ за блага, подаваемые Богомъ, то необходимымъ дѣлается отъятіе благъ для приведенія насъ въ чувство. Какъ глаза не видятъ слишкомъ близкаго, но требуютъ соразмѣрнаго нѣкотораго разстоянія, такъ и неблагодарныя души, обыкновенно, съ лишеніемъ благъ начинаютъ чувствовать прежнюю милость; и не зная никакой благодарности къ Давшему, пока пользовались дарами, по утратѣ ублажаютъ прошедшее» (сл. о благодареніи стр. 74, том. 4).

Внявъ сказанному, всяко спросишь, какъ же мнѣ возгрѣть въ себѣ чувство благодаренія Богу и всегда хранить его? Разсмотри всѣ благодѣанія Божіи къ роду человѣческому, —нашему роду,—и къ тебѣ самому, и чаще проходи ихъ мыслию своею и вращай въ памяти своей, и если есть у тебя сердце, то не можешь не возносить къ Богу благодарныхъ пѣсней. Образцы сему найдешь въ молитвахъ, и въ писаніяхъ святыхъ. Вотъ какъ живописуетъ св. Василій Великій Божію къ намъ великодаровитость. «Мы изъ небытія приведены въ бытіе, сотворены по образу Создавшаго, имѣемъ и разумъ и слово, которые составляютъ совершенство нашей природы, и которыми познали мы Бога. Тщательно же изучая красоты творенія, по онимъ, какъ по нѣкоторымъ письменамъ, объясняемъ себѣ великій Божій о всемъ промыслъ и Божію премудрость. Мы можемъ различать доброе и худое; самою природой научены избирать полезное и отвращаться вреднаго. Будучи отчуждены отъ Бога грѣхомъ, снова воззваны мы къ общенію съ Богомъ, освобождены будучи кровію Единороднаго отъ безчестнаго рабства. А надежда воскресенія, и наслажденія ангельскими благами, царство на небесахъ, обѣтованныя блага, превосходящія силу разумѣнія и слова» (тамъ же стр. 51)!—Прочитывай это изображеніе Божіихъ къ намъ благодѣаній, или другое какое избери, или самъ составь, включивъ сюда и лично тебѣ данныя Богомъ блага. И повторяй это чаще мыслию и словомъ, не только

каждый день, но многократно на всякій день, и пребудешь въ чувствахъ благодаренія Богу.

Но чувство возбужденное не любить оставаться въ сокровенности, а ищетъ обнаруженія и изъявленія. Чѣмъ же прилично намъ изъявить предъ Богомъ свои чувства благодаренія Ему? Дѣлай то, что хочетъ отъ тебя Богъ, окружая тебя своею щедродательностію. Чего же хочетъ Богъ? Окружая тебя своими благами, Богъ хочетъ, чтобъ ты, видя ихъ, непрестанно воспоминалъ о Немъ,—и помни; хочетъ, чтобъ ты прилѣпился къ Нему всею любовію,—и прилѣпись; хочетъ, чтобъ ты ни въ чемъ не отступалъ отъ воли Его и всѣмъ благоугождать Ему старался,—и дѣлай такъ; хочетъ, чтобъ ты во всемъ на Него одинаго полагался,—и положишься; хочетъ, чтобъ ты, поминая, какъ многократно оскорблялъ Благодарителя своего злыми и срамными дѣлами своими, сокрушался о томъ, каялся въ томъ, оплакивалъ то, пока не умиротворишься съ своею совѣстью и не примешь удостовѣренія, что и Богъ простилъ тебѣ все,—и дѣлай такъ.

Видишь, какъ обширно поле благодаренія и какъ обильны способы исполненія сего долга? Познай изъ сего, какъ неизвинительно погрѣшаетъ, кто оказывается неисправнымъ въ семъ, и поревнуй не пятнать себя грѣхомъ симъ. Между людьми неблагодарность обзывается черною. Какое приберешь слово для обозванія неблагодарности къ Богу? Возгрѣвай же въ себѣ всегда чувства благодаренія Богу, особенно попейись о семъ въ храмѣ во время литургіи, на коей приносится Богу безкровная жертва, именуемая Евхаристіей, что значитъ благодареніе. Не забудь, что здѣсь ты ничѣмъ другимъ не можешь достойно изъявить благодареніе Богу, какъ полною готовностію все свое и себя самого принести въ жертву Богу во славу всесвятаго имени Его.

Глава шестая.

О преданности въ волю Божію.

Покаявшійся предаеть себя Богу на служеніе; и тотчасъ начинаетъ служить Ему хожденіемъ въ заповѣдяхъ Его и въ волѣ Его. Начинается трудъ и работа въ потѣ лица. Заповѣди не тяжки, но много препятствій встрѣчаетъ исполненіе ихъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ трудящагося и особенно во внутреннихъ его склонностяхъ и привыкахъ. Неутомимый труженикъ съ Божіею помощію наконецъ все препобѣждаетъ: мирно внутри и покойно теченіе дѣлъ внѣ,—разумѣется относительно.

Труженикъ самъ все дѣйствуетъ, хотя съ помощію Божіею. Но опытъ съ первыхъ дней даетъ ему разумѣть, что при всѣхъ его усиліяхъ, если дѣлается что доброе, то только то, на которое подается сила свыше. Чѣмъ дальше, тѣмъ удостовѣреніе въ этомъ укореняется глубже. Съ установленіемъ посильнаго мира внутри, оно выступаетъ впередъ и дѣлается господствующимъ, и наконецъ завершается совершенною преданностію въ волю Божію, или преданіемъ себя вседѣйствію Божію. Дѣйствованіе Божіе въ трудящихся о спасеніи начинается съ первыхъ минутъ обращенія къ Богу, и самое обращеніе оно же совершаетъ. Но оно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ трудящійся, отклоняясь отъ себя, къ Богу прилѣпляется, и убѣждаясь въ своемъ безсиліи, утверждаетъ въ упованіи на силу Божію. Когда наконецъ онъ всего себя предасть Богу, Богъ бываетъ въ немъ дѣйствующимъ и въ указаніи должнаго, и въ исполненіи его. Это—верхъ христіанскаго совершенства, въ коемъ *Богъ есть дѣйствующій, и еже хотѣти, и еже дѣлати* (Фил. 2, 13). Сѣмя ему полагается въ ненадѣянніи на себя и надеждѣ на Бога, какъ говорилось у насъ въ началѣ; а тутъ оно указываетъ въ полномъ созрѣніи.

Въ чемъ существо совершенной преданности въ волю Божию, узнается, когда она проявится въ силѣ своей. Она приходитъ сама-собою, и нѣтъ особыхъ правилъ на стяжаніе ея, чтобъ можно было сказать: дѣлай то и то, и получишь. Она растетъ незамѣтно подѣ непадѣніемъ на себя и надеждою на Бога. Помянуть же я объ ней здѣсь, потому что надо же было гдѣ-нибудь помянуть, а помянутіе въ концѣ предѣдущей главы о принесеніи себя въ жертву Богу подало поводъ помянуть о ней теперь. Преданіе себя въ волю Божию всецѣлое и есть пожреніе себя Богу во всесожженіе.

Свидѣтельствуется сіе состояніе умертвіемъ себѣ,—своимъ разумѣніямъ, своимъ хотѣніямъ и своимъ чувствамъ или вкусамъ, чтобъ жить Божиимъ разумомъ, въ Божіей волѣ и во вкушеніи Бога. Въ семь дѣлъ впереди насъ Господь Спаситель. Онъ всего Себя предалъ Богу и Отцу и въ Себѣ насъ, ибо мы *отъ плоти Его и отъ костей Его* (Еф. 5, 30). Поспѣшимъ же въ слѣдъ Его, такъ какъ Онъ за насъ далъ слово Богу Отцу (Іоан. 17, 19), чая, что мы дѣйствительно будемъ таковы и такъ поступимъ.

Почему такое жертвоприношеніе совершается въ концѣ, а не въ началѣ? Потому что жертва Богу должна быть совершенна, безъ порока. Совершенство же въ началѣ есть предметъ искомый, а не владѣемый. Когда наконецъ овладѣвають имъ, тогда и въ жертву принести себя умѣстно. На сію жертву въ началѣ только посвящаетъ себя чловѣкъ, а въ концѣ приносить себя въ жертву. Раньше достигнутія совершенства и принести себя нельзя въ жертву всесожженія. Другія жертвы можно приносить, какъ-то жертву умилостивленія, жертву очищенія, жертву благодаренія, а не жертву всесожженія. Покуситесь на сіе можно, и говорить можно о семъ, но это будетъ слово, а не дѣло. Дѣло это безъ словъ совершается.

Вѣдай, что коль скоро имѣешь еще прилѣпленіе къ чему-либо земному, коль скоро опираешься на что-либо въ тебѣ, или внѣ тебя, кромѣ Бога, коль скоро находишь

вкусъ въ чемъ-либо тварномъ и услаждаешься тѣмъ,—то ты еще негожь ко всесожженію. Потрудись отрѣшиться прежде отъ всего, сдѣлай, чтобъ въ тебѣ замерли всѣ жизни и осталась одна жизнь по Богу, или чтобъ не ты уже жилъ, а жилъ въ тебѣ Богъ и Христосъ Господь и Духъ Святый, и тогда пожри себя Богу, или тогда ты пожрешь будешь Богу. А до того имѣй жертвою Богу духъ сокрушенъ и сердце сокрушенно и смиренно, и довольствуйся тѣмъ до времени, а не навсегда. Ибо все же ты долженъ наконецъ дойти до того, чтобъ себя принести Богу во всесожженіе тучно.

Глава седьмая.

О сердечной теплотѣ и объ охлажденіи и сухости сердца.

Духовная въ сердцѣ теплота есть плодъ чувства къ Богу и всему божественному. Зарожденіе ея современно обращенію къ Богу въ покаяніи. Во время покаянныхъ трудовъ надъ очищеніемъ сердца она все болѣе и болѣе усиливается и изъ прерывающейся, или по временамъ посѣщающей сердце постепенно переходитъ въ непрерывную, пока станетъ наконецъ состояніемъ сердца.

Когда св. Іоаннъ Лѣствичникъ совѣтовалъ въ одномъ мѣстѣ: старайся всегда быть въ чувствѣ къ Богу и божественному, то разумѣлъ сію теплоту. Всякій предметъ услаждающій сердце и согрѣваетъ его; потому теплотъ сердечныхъ много. Духовная теплота поражается отъ воздѣйствія на сердце духовныхъ предметовъ, что бываетъ въ порядкѣ духовной жизни. Отличительная черта ея есть отрѣшеніе отъ всего тварнаго и окованія вниманія Богомъ и всѣмъ божественнымъ. По сей чертѣ она отстоитъ отъ теплотъ душевныхъ и тѣлесныхъ, какъ небо отъ земли.

Чувство духовной теплоты сосредоточенно и является простымъ и единичнымъ; но въ существѣ дѣла оно есть сли-

тѣ во едино многихъ духовныхъ движеній, какъ лучъ солнца есть слитіе семи радужныхъ лучей. Въ немъ есть благоговѣніе, сокрушеніе, умиленіе, припаданіе, поклоненіе, святая ревность, Боголюбіе. Какъ всѣ такія чувства духовныя не вдругъ устанавливаются въ сердцѣ, такъ теплота духовная не вдругъ дѣлается достояніемъ нашего сердца.

Пока духовная въ сердцѣ теплота не сдѣлается постояннымъ его состояніемъ, дотолѣ она приходитъ и отходитъ. Приходитъ или сама-собою, какъ гость небесный, или бываетъ плодомъ духовныхъ упражненій,—чтенія, размышленія, молитвы, актовъ самоотверженія и добродѣянія. Отходитъ, когда вниманіе отклонится отъ предметовъ духовныхъ, а за нимъ и сердце вкуситъ и усладится чѣмъ недуховнымъ. Этимъ погашается духовная теплота, какъ водою огонь.

Хочешь хранить духовную сію въ сердцѣ теплоту? Будь вниманіемъ внутрь и молитвенно предстой Богу въ сердцѣ, не допускай блужданія помысловъ разсѣвающихся, не впускай въ сердце сочувствій къ чему-либо душевному и плотскому, пресѣкай тотчасъ порожденія многозаботливости, храни живою воспринятую тобою ревность о богоугожденіи и спасеніи души, въ дѣлахъ же внѣшнихъ блюди разумный строй, направляй ихъ всѣ къ главной твоей цѣли, и дѣлая одно не обременяй мыслей попеченіемъ о многомъ. Но, прибавлю, когда узнаешь сію теплоту, не можешь не усиливаться хранить ее; усиливаясь, станешь употреблять пригодныя къ тому средства; употребляя же ихъ, увидишь, какъ тебѣ удобнѣе соблюсти свою теплоту. Если разумно возьмешься за сіе дѣло, то теплота духовная сдѣлается для тебя вѣрною учительницею, какъ управляться съ своимъ внутреннимъ и какъ держать себя во внѣшнихъ дѣлахъ и во всемъ поведеніи своемъ,—чтобъ блюсти ее самую.

Сколько сладостно присутствіе духовной теплоты въ сердцѣ, столь же горько, томительно и страшно, когда

она отойдетъ. Отходить она, какъ замѣчно, когда вниманіе и сердце отклонятся отъ духовнаго и обратятся къ недуховному. Подъ этимъ разумѣтся не грѣховное что,—ибо вкусившій духовной теплоты бываетъ уже на это неохочъ,—но вся душевно-тѣлесная область, суетная, земная, тварная. Какъ только уклонится къ сему вниманіе, духовная теплота тотчасъ понижается; когда же и сердце къ тому прильнетъ, она совсѣмъ отходитъ и оставляетъ холодность ко всему божественному и самому Богу, сопровождаясь и равнодушіемъ ко всѣмъ духовнымъ дѣланіямъ и занятіямъ, какія были держимы въ видахъ храненія сей теплоты. Кто опомнится тотчасъ и поспѣшить поставить себя опять въ свой обычный теплопроизводительный строй, теплота возвращается, скоро ли то, или не такъ скоро. Но кто не обратитъ на то вниманія и по разсѣянности, увлеченію и самонадѣянности позволить себѣ сознательно помедлить въ этой охлаждающей атмосферѣ, и тѣмъ паче если и дѣломъ поскользнется удовлетворить свои, воскресающіе при семъ недуховные вкусы; у того и самая ревность о жизни духовной пошатнется, а то и совсѣмъ замретъ. Последнее есть преддверіе паденія въ прежніе обычные грѣхи, которые и не замедлятъ постигнуть безпечно. Но опомнившійся и отсюда удобно возвращается къ духовному строю своему.

Такъ всегда происходитъ охлажденіе; бываетъ же это по нашей винѣ, именно по ослабленію вниманія и бдительности надъ собой,—то по соблазнамъ окружающей труженника мірской среды, когда прелести міра одуряющимъ образомъ воздѣйствовавъ похищаютъ человѣка изъ себя самого,—то по кознямъ врага, ухищряющагося выманить человѣка изъ себя во внѣ, въ чемъ успѣваетъ онъ иногда, примѣшивая только къ естественнымъ движеніямъ образовъ фантазіи и свои, наипаче увлекательные, иногда воздѣйствуя какимъ-то образомъ и на тѣло. Но какая бы причина ни была, дѣйствіе охлажденія начинается выходомъ вниманія извнутри, и устанавливается въ своемъ дальнѣй-

шемъ теченіи прилѣпленіемъ сердца къ чему-либо, сначала пустому и суетному, потомъ страстному и грѣховному. И въ немъ всегда виноватъ самъ человѣкъ. Ибо ни міръ, ни діаволь не насилуютъ свободы, а соблазняютъ только ее.

Бываетъ охлажденіе и отъ благодати. Духовная теплота въ истинномъ своемъ видѣ есть плодъ присутствія въ сердцѣ благодати. Когда присѣщаетъ благодать, на сердцѣ тепло; а когда отходитъ,—холодно. Отходитъ благодать, и когда человѣкъ самъ выходитъ во внѣ къ недолжнымъ вещамъ. И тогда отхожденіе сіе и есть и называется наказательнымъ. Но иной разъ благодать сама отходитъ въ видахъ споспѣшествованія духовному преспѣванію рабовъ Божіихъ. И тогда отхожденіе сіе есть и называется обучающимъ. Но слѣдствіе и въ этомъ случаѣ то же—охлажденіе, чувство пустоты въ сердцѣ: ибо отшелъ гость и посѣтитель. Разность въ сихъ охлажденіяхъ та, что виновное охлажденіе расслабляетъ самую ревность о духовной жизни; охлажденіе вслѣдствіе обучающаго отступленія благодати наиболѣе распаляетъ ее: что бываетъ и одною изъ цѣлей отступленія благодати обучающаго.

Благодать Божія сама,—обучительно отступаетъ по слѣдующимъ причинамъ: чтобы раздражить ревность, которая иной разъ ослабляется отъ длительности пребыванія въ покоѣ;—чтобъ повнимательнѣе осмотрѣлся человѣкъ и отстранилъ сочувствія и занятія, которыя не прямо принадлежатъ къ богоугодной жизни и не въ Богѣ конецъ своей имѣютъ;—чтобы возстановить въ большей силѣ сознаніе и чувство, что все доброе, бывающее въ насъ, есть плодъ благодати Божіей;—чтобъ на будущее время больше цѣнили Божіи даянія, ревностиѣ заботились о храненіи ихъ, и глубже смиренствовали;—чтобъ искреннѣе предавали себя въ руки промышленія Божія, съ совершеннѣйшимъ самоотверженіемъ и самоуничиженіемъ;—чтобъ не прилѣплялись къ самымъ духовнымъ утѣшеніямъ, и не раздѣляли такимъ образомъ сердца своего на двое, когда

Богъ хочетъ, чтобъ оно все Ему одному принадлежало; чтобъ и при дѣйстви благодати Божіей, не опускали рукъ, но неусыпно работали на пути Божіемъ, напрягая всѣ силы свои, данныя намъ Богомъ именно для этого.

Такимъ образомъ, и когда охлажденіе происходитъ отъ обучающаго отступленія благодати Божіей, причиною тому служишь ты самъ: ибо благодать Божія хотя отстуетъ сама, но отстуетъ смотря на тебя. Почему когда почувствуешь въ себѣ охлажденіе къ вещамъ и занятіямъ духовнымъ и ко всему божественному, войди въ себя и разсмотри, по какой причинѣ оно произошло, и если въ этомъ твоя вина, поспѣши се устранить и изгладить, ревнуя не о возвращеніи духовныхъ утѣшеній, а паче объ уничтоженіи въ себѣ того, что окажется неподобающимъ и Богу неугоднымъ. Если же не увидишь ничего такого, покорись волѣ Божіей, сказавъ въ себѣ: такъ судилъ Богъ; буди воля твоя Господи на мнѣ немощномъ и ничего не стоящемъ. И затѣмъ, терпи и жди,—отнюдь не позволяй себѣ сколько-нибудь отступать отъ обычнаго порядка своей духовной жизни и духовныхъ дѣланій и упражненій; побѣждай напавшее безвкусіе въ нихъ насильнымъ себя къ нимъ принужденіемъ, не внимая отвлекающимъ отъ такого труда помысламъ, будто такое занятіе бесплодно; охотно испивай сію чашу горечи, говоря къ Господу: виждь смиреніе мое и трудъ, и не остави милости твоей отъ меня,— и воодушевляй себя на то вѣрую, что чашу сію поднесла тебѣ любовь Божія, желающая тебѣ большаго совершенства духовнаго.

Не на Оаворъ только охотно иди во слѣдъ Господа, но и на Голгоуе, т.-е. не тогда только когда чувствуешь внутри себя божественный свѣтъ и духовныя утѣшенія и радости, но и когда нападаютъ омраченія, скорби, туги и горечи, которыя приходится иной разъ вкушать душѣ отъ демонскихъ искушеній, внутреннихъ и внѣшнихъ. Пусть даже охлажденіе это будетъ сопровождаемо такимъ омраченіемъ и смущеніемъ, что ты не будешь знать, что те-

бѣ дѣлать и куда обратиться, не бойся и при этомъ; но стой твердо въ своемъ чинѣ, держись на крестѣ семъ благопокорно, далеко отрѣвая отъ себя всякое земное утѣшеніе, которое вздумаетъ предлагать міръ, или плоть, по наущеніямъ врага. Старайся также скрывать сію немощь свою отъ всякаго лица, и не говори о ней никому кромѣ духовнаго отца своего, не жалуясь однакожь на посланную тебѣ тяготу, а скорѣе ищи наученія, какъ на будущее время избѣгать ее, а эту благодушно перенести, пока Богу угодно будетъ держать тебя въ ней.

Молитвы же твои, причащеніе и другія духовныя упражненія продолжая совершать, какъ обычно, совершай не для полученія сладостей духовныхъ, не для того, чтобъ быть сняту съ настоящаго креста, но для того, чтобъ дарована была тебѣ сила благодушно пребывать на немъ во славу распеншагося за насъ Христа Господа и всегда жить и дѣйствовать такъ, какъ сіе Ему благоугодно. Если иной разъ и не можешь ты въ этомъ состояніи молиться и въ благихъ пребывать помышленіяхъ, какъ обычно бывало, по причинѣ великаго омраченія и смущенія ума, дѣлай все сіе какъ можешь, только безъ лѣности и поблажки себѣ; и то, чего не сможешь ты явить въ совершенствѣ дѣломъ, будеть принято явленнымъ въ совершенствѣ по желанію твоему, исканію и усилію. Пребуди въ семъ желаніи, исканіи и усиліи, и увидишь дивныя плоды того,—воодушевленіе и силу, кои преисполняютъ душу твою.

Предложу тебѣ образчикъ того, какъ прилично тебѣ взывать къ Богу во время такого омраченія ума твоего. Взывай: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповаи на Бога, яко исповѣмся Ему: (Ты) спасеніе лица моего, и Богъ мой (Пс. 42, 5). Вскую Господи отступилъ Ты далече отъ меня и презираешь меня, сущаго въ скорбныхъ (Пс. 9, 22)? Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи отъ мене (Пс. 37, 22).* Припомни молитву, какою, по вдохновенію Божію, молилась Сарра, возлюбленная жена Товіи во время скорби своей, и ее употреби,

живымъ възвывая гласомъ: «вѣрно вѣдаеть всякій, работающій Тебѣ, Господи, что жизнь сія, если будетъ подъ испытаніемъ, увѣнчается, и если въ скорби будетъ, избавленіе приметъ, и въ самомъ истлѣніи не перейдетъ по милости Твоей. Ты не радуешься о погибели нашей; но послѣ бури и волнъ подаешь отишіе, и послѣ плача и слезъ изливаешь радость. Буди имя Твое благословенно во вѣки, Боже Израилевъ!»

Приводи на память и Христа Господа, Который въ саду Геосиманскомъ и на крестѣ, по причинѣ безмѣрныхъ страданій, чувствовалъ себя оставленнымъ отъ Отца своего небеснаго, и чувствуя себя, въ настоящемъ твоёмъ положеніи, сущимъ на крестѣ, възывай отъ сердца Его словами: *Твоя да будетъ, Господи, воля! Да будетъ, не якоже азъ хочу, но якоже Ты* (Мѡ. 26, 39)! Дѣйствуя такъ, сдѣлаешь, что терпѣніе твое и твоя молитва будутъ возноситься горѣ предъ лице Бога, какъ пламя жертвы сердца твоего. И ты засвидѣтельствуешь симъ, что тебя преисполняетъ живая готовность воли, съ крѣпкою какъ смерть любовію слѣдовать за Христомъ Господомъ со крестомъ на раменахъ, по каждой стезѣ, по какой бы Онъ ни призывалъ тебя къ Себѣ. Се истинная жизнь по Богу! Желать и искать Бога ради Бога, и имѣть Его и вкушать такъ и въ такой мѣрѣ, какъ и въ какой Онъ того хочетъ. Еслибъ люди вступали на путь жизни по Богу съ такимъ настроеніемъ, и твердостію его измѣряли свои успѣхи въ семъ теченіи, а не приливами духовныхъ сладостей и утѣшеній, то они не были бы такъ удобно прельщаемы ни сами по себѣ, ни по кознямъ врага и не томились бы бесполезно, а иной разъ до роптанія, встрѣчая сухости и охлажденія, а напротивъ съ благодарностію принимали ихъ и перетерпѣвали, въ увѣренности, что поелику такъ хочетъ Богъ, то это случилось во благо имъ, и не обращая на нихъ вниманія, съ большею ревностію и съ болѣе самоотверженнымъ себя насилуваніемъ продолжали теци путемъ богоугодной жизни, по всѣмъ заведеннымъ порядкамъ ея.

Случается иной разъ, что тогда какъ душа томится въ такомъ охлажденіи, такомъ безвкусиіи ко всему духовному, врагъ нападаетъ сильнѣе, воздвигая дурныя помыслы, срамныя движенія и прельстительныя сновидѣнія. Цѣль у него та, чтобъ вдавшись въ нечаяніе отъ чувства оставленія Божія, человекъ опустилъ руки и склонился на что-либо страстное, ибо послѣ сего ему уже легко увлечь его опять въ водоворотъ грѣховной жизни. Зная сіе, стой твердо. Пусть бушуютъ волны грѣховныя окрестъ сердца; но пока есть у тебя нехотѣніе грѣха и желаніе пребыть вѣрнымъ Богу, корабль твой цѣль. Благодать Божія отняла у тебя свои утѣшенія, но она близъ есть и назираетъ и не оставитъ тебя безъ помощи, пока произволеніе твое стоитъ на сторонѣ добра. Стой же твердо, воодушевляясь увѣренностію, что буря эта скоро пройдетъ, а вмѣстѣ съ нею прекратится и сухость твоя. Вѣрь, что сіе поущено тебѣ на добро тебѣ: ибо перстерпѣвъ это время искушенія, выйдешь изъ него съ большимъ узнаніемъ своей немощи, съ большимъ смиреніемъ и большею увѣренностію во всегда готовой тебѣ помощи Божіей. О подобныхъ бурныхъ нападснiяхъ вражескихъ я уже имѣлъ случай говорить тебѣ. Просмотри сказанное тамъ.

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПЕТРА

съ объяснительными примѣчаніями.

Г Л А В А I. а)

13. Тѣмже, возлюбленніи, препоясавше чресла помышленія вашего, трезвящися, совершенно уповайте на приносимую вамъ благодать откровеніемъ Іисусъ Христовымъ.

13. Посему (возлюбленные), препоясавъ чресла ума вашего, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вамъ благодать въ явленіи Іисуса Христа.

На основаніи всего вышесказаннаго (ст. 3—12) о величїи и славѣ призванія христіанъ чрезъ возрожденіе, Апостоль предлагаетъ цѣлый длинный рядъ нравственныхъ наставленій, подкрѣпляя ихъ по мѣстамъ высокими догматическими созерцаніями. Первое общее наставленіе, какое выводитъ Апостоль, и которое далѣе раскрывается въ частнѣйшихъ чертахъ, есть наставленіе о совершенномъ упованіи на благодать Христову; созерцаніе высоты призванія должно породить прежде всего въ сердцахъ христіанъ полную и совершенную надежду на осуществленіе сего призванія благодатію Христовою, что выше Апостоль назвалъ упованіемъ живымъ (ст. 3). Эта надежда или упованіе есть чувство совершенно довѣрчиво полагающееся на то, что Богъ и Господь своею благодатію приведетъ христіанъ къ той высокой цѣли спасенія душъ (ст. 9), для которой возрождены они. Упованіе это, по наставленію Апостола, должно быть совершенное, безъ колебанія и малодушія, полное и нераздѣльное и постоян-

а) Продолженіе. См. апрѣльскую книжку.

нос. Предметъ этого совершеннаго упованія означается здѣсь какъ благодать, подаваемая христіанамъ въ явленіи Іисуса Христа. О каковомъ явленіи (ἀποκαλύψις) рѣчь и что значить здѣсь благодать? По употребленію этого слова въ настоящей главѣ (ст. 5. 7; см. прим.), необходимо полагать, что и здѣсь Апостоль означаетъ имъ второе пришествіе Господа Іисуса. Слово это съ опредѣленнымъ членомъ (какъ здѣсь) и безъ дальнѣйшихъ опредѣленій всюду употребляется именно въ этомъ смыслѣ и нигдѣ въ Писаніи не означаетъ перваго явленія Христа во плоти (ср. 1, 7; 4, 13; 5, 1. 2 Сол. 1, 7. Рим. 8, 18. 19. 1 Кор. 1, 7). Соотвѣтственно такому значенію здѣсь слова явленіе, и благодать, подаваемую Христомъ въ это явленіе Его, надобно понимать вообще какъ милость Божію въ ся высшемъ проявленіи на спасасмыхъ, какъ благодать спасенія праведниковъ. Сему не противорѣчить то, что второе пришествіе Господа есть явленіе Его суда и правды, а не благодати: ибо если для нечестивыхъ это судный и страшный день, то для праведниковъ день милости и благодати. Такъ какъ это пришествіе Христово Апостоль созерцаетъ въ его близости въ извѣстномъ смыслѣ (см. прим. къ ст. 7 и Іак. 5, 7—9): то и о благодати выражается какъ уже о подаваемой (не въ будущемъ времени). При этомъ совершенномъ упованіи должно, по апостольскому наставленію, имѣть препоясанными чресла ума и бодрствовать: рѣчь очевидно образная. Первый образъ препоясанія чреслъ заимствованъ отъ обычая опоясываться, особеннѣ при широкой одеждѣ, чтобы она не препятствовала ходить, дѣлать что-либо, носить, бороться и т. п. (ср. прим. къ Лук. 12, 35). У христіанина, совершенно уповающаго на благодать Христову, должны быть препоясаны чресла ума, не должно быть въ немъ распущенности и разсѣянности, его мысли и силы должны быть сосредоточены и готовы на трудъ ли, на борьбу ли, на страданія ли. Образъ рѣчи тѣмъ приличнѣе, что христіанинъ здѣсь на землѣ есть странникъ

(ст. 17), идущій получать наслѣдіе небесное (ст. 4). Другой образъ—бодрствованія означаетъ нравственное бдѣніе и стражду, въ противоположность нравственной сонливости и безпечности. Имѣть эти духовныя качества въ ожиданіи втораго пришествія Христова заповѣдалъ и самъ Христосъ (ср. Лук. 21, 34. 36 и парал. и примѣч.).

14. *Яко чада послушанія, не преобразующеся первыми невѣдѣнія вашего похотѣніи:*

15. *Но по званію вы Святому, и сами святы во всемъ житіи будите.*

16. *Зане писано есть: святы будите, яко Азъ святъ есмь.*

14. Какъ послушныя дѣти, не сообразуйтесь съ прежними похотями, бывшими въ невѣдѣніи вашемъ;

15. Но, по примѣру призваннаго васъ Святаго, и сами будьте святы во всѣхъ поступкахъ.

16. Ибо написано: будьте святы, потому что Я святъ (Левит. 19, 2).

Совершенное упованіе на благодать спасенія при второмъ пришествіи Христовомъ непремѣнно требуетъ, чтобы уповающій стремился въ продолженіе всей своей здѣшней жизни къ святости, и потому Апостоль въ слѣдъ за симъ даетъ наставленіе быть святыми во всѣхъ поступкахъ (ст. 15), каковое наставленіе предваряется и отчасти поясняется отрицательнымъ требованіемъ не сообразоваться съ похотями прежней жизни (ст. 14).—Какъ послушныя дѣти, или точнѣе: дѣти послушанія: христіане избраны къ послушанію (ст. 2); соотвѣтственно сему они уже дѣти послушанія. Понятіе послушанія берется здѣсь въ томъ же значеніи, какъ и въ ст. 2, т.-е., какъ покорность слову и избранію Божію и подчиненіе всѣмъ Его требованіямъ. Чада послушанія (такое же сопоставленіе понятій, какъ чада свѣта, Еф. 5, 8 и под.) суть люди послушныя Богу и Его заповѣдямъ; противоположность имъ—чада противленія, которыя дѣйствуютъ по волѣ не Бога, а діавола (Еф. 2, 2; 5, 6. Кол. 3, 6) и которыя называются также чадами гнѣва (Еф. 2, 3. 2 Петр. 2, 14).—Не сообразуйтесь съ прежними похотями: вы призваны въ послушаніе новой жизни, не сообразуйтесь

же съ тѣмъ, что было у васъ прежде. Сообразоваться (ср. Рим. 12, 2) съ чѣмъ, значить устроить свою жизнь по тому образцу, съ которымъ сообразуются; разумѣются здѣсь не внѣшніе только поступки или поведеніе, но вообще все внутреннее и внѣшнее устроеніе жизни. Превжнія похоти, съ которыми не должно сообразоваться при новомъ призваніи, суть похоти грѣховныя во всѣхъ ихъ многообразныхъ видахъ, которые апостоль Іоаннъ совмѣщаетъ въ трехъ главныхъ, какъ основныхъ,—похоть плоти, похоть очей и гордость житейская (1 Іоан. 2, 16; ср. Гал. 5, 19 дал.). Начало зла въ человѣкѣ есть эгоизмъ, самозаключенная гордость; противоположное начало добра есть любовь человѣка къ Богу, которая достигается и совершенствуется послушаніемъ волѣ Божіей; чада послушанія посему должны отвергать все, что происходитъ отъ эгоизма, подавлять его, не сообразоваться съ прежними, бывшими до призванія къ послушанію похотями. Похоти сіи характеризуются далѣе какъ бывшія въ невѣдѣніи, т.-е. которыми руководились читатели посланія въ невѣдѣніи; выраженіе указываетъ не только на время, но и на причину, т.-е. что симъ похотямъ они слѣдовали до своего призванія къ послушанію и слѣдовали по причинѣ невѣдѣнія или невѣжества въ отношеніи къ религиозно-нравственной истинѣ. Въ такомъ невѣдѣніи пребывали до обращенія ко Христу христіане изъ язычниковъ по преимуществу, но и въ массѣ іудейства того времени чистая истина Божія во многихъ и притомъ существенныхъ чертахъ была затемнена, и іудеи пребывали въ невѣжествѣ, такъ что апостоль Петръ въ рѣчи своей по случаю исцѣленія хромага самое отверженіе іудеями Мессіи своего объясняетъ невѣжествомъ ихъ (Дѣян. 3, 17 д.). Похоти или грѣхи и невѣдѣніе помогаютъ взаимно въ дѣлѣ погубленія человѣка: грѣхъ затемняетъ разумъ цѣлыми тучами ложныхъ понятій и предразсудковъ (ср. Рим. 1, 21. Еф. 4, 18), а это невѣжество въ свою очередь служитъ источникомъ множества грѣховъ. Для вѣрующаго христіанина

эти похоти суть прежнія, потому что въ христіанскомъ сознаніи его есть увѣренность, что сила ихъ сокрушена некупительною смертію Христовою, усвояемою его вѣрою, хотя эти похоти проявляются и въ возрожденномъ по силѣ грѣховности его природы и хотя ему приходится бороться, и тяжело, съ этими похотями.—По примѣру (лучше бы перевести: по образу) призвавшаго васъ и пр.: стремитесь къ сообразности (ср. Рим. 8, 29) съ призвавшимъ васъ Богомъ, и такъ какъ Онъ святъ, то и вы стремитесь къ святости во всѣхъ своихъ поступкахъ. Призваніе тѣсно совпадаетъ съ избраніемъ (ст. 1), первое есть осуществленіе послѣдняго (Рим. 8, 29. 30); призваніе совершается Богомъ по Его предвѣднію, цѣль его—блаженство призываемыхъ, которое зависитъ и отъ самихъ призванныхъ, для чего имъ нужно самимъ стремиться быть святыми во всѣхъ поступкахъ. Послѣднимъ выраженіемъ указывается не на внѣшнее только поведеніе, а вообще на весь образъ мысли и дѣятельности, чтѣ выражается и во внѣшнихъ поступкахъ. Для подкрѣпленія сей истины Апостоль приводитъ слова Божіи, нѣсколько разъ повторенныя Моисею (Лев. 11, 44; 19, 2; 20, 7. 26): будьте святы, потому что Я святъ. Эти слова сказаны евреямъ, какъ избранному Богомъ народу; святость Божія обязываетъ и избранный народъ быть святымъ или стремиться къ святости. Въмѣсто ветхозавѣтныхъ евреевъ, въ новомъ завѣтѣ христіане стали избраннымъ народомъ Божіимъ и потому должны стремиться къ святости, и еще болѣе, если такъ можно выразиться, ибо это новый высшій завѣтъ Бога съ людьми, запечатлѣнный не кровію тельцовъ и овновъ, но кровію воплотившагося для сего едиnorodнаго Сына Божія (Евр. 7, 22; 9, 13—15).

17. И аще Отца называете нелицемѣрно судяща комуждо по дѣлу, со страхомъ житія вашею время жительствуйте:

17. И если вы называете Отцемъ Того, Который нелицеприятно судитъ каждаго по дѣламъ; то со страхомъ проводите время странствованія вашего,

18. *Видяще, яко не истлѣннымъ серебромъ или златомъ избавистеся отъ суетнаго вашего житія, отцы преданнаго,*

19. *По честному кровію, яко аще и непорочна и пречиста Христа,*

20. *Предуздѣннаго убо прежде сложенія міра, являшагося же въ послѣдняя лѣта васъ ради,*

21. *Иже Ею ради впруете въ Бога воздвигшаго Ею изъ мертвыхъ, и славу Ему давша, яко да вѣра ваша и упованіе будетъ на Бога.*

18. Зная, что не тлѣннымъ серебромъ или золотомъ искуцены вы отъ суетной жизни, преданной вамъ отъ отцевъ,

19. Но драгоценною кровію Христа, какъ непорочнаго и чистаго агнца,

20. Предназначеннаго еще прежде созданія міра, но явившагося въ послѣднія времена для васъ,

21. Узвѣровавшихъ чрезъ Него въ Бога, Который воскресилъ Его изъ мертвыхъ, и далъ Ему славу, чтобы вы имѣли вѣру и упованіе на Бога.

Это увѣщаніе къ святости во всѣхъ поступкахъ раскрывается и далѣе, съ указаніемъ новыхъ къ сему побужденій, кромѣ святости Божіей.—Если вы называете Отцемъ: условный образъ рѣчи выражаетъ не сомнѣніе, а только необходимое слѣдствіе одного изъ другаго, какъ изъ совершенно вѣрнаго и непреложнаго.—Называете и призываете, а чрезъ то самое и признаете, Отцемъ: въ ветхомъ завѣтѣ Богъ называется Отцемъ народа еврейскаго въ силу тѣхъ завѣтныхъ отношеній, въ какихъ они стояли между собой (Втор. 32, 6; Мал. 2, 10; 1, 6; ср. 2 Цар. 7, 14); но особенно Господь Иисусъ открылъ чело-вѣку Бога, какъ Отца небеснаго, любящаго, милующаго, благодѣющаго, и особенно въ новомъ завѣтѣ люди стали въ сыновнія отношенія къ Богу (ср. Гал. 4, 4—7). Въ выраженіи Апостола слышится отголосокъ и ветхозавѣтнаго пророческаго изреченія о Богѣ какъ Отцѣ (Мал. 1, 6 и д.), и новозавѣтной молитвы Господней (Матѣ. 6, 9).—Который нелицепріятно судить каждаго по дѣламъ: любящій Отецъ небесный есть вмѣстѣ и Судія и притомъ нелицепріятный. Судить нелицепріятно значитъ судить по существу дѣла, не обращая никакого вниманія на постороннія отношенія и положенія подсудимаго—бо-

гатство, дарованія, почести, родство и т. п.; судъ людской не рѣдко бываеъ лицепріятенъ, но судъ Божій не таковъ. Богъ судитъ по существу намѣреній и дѣйствию челоуѣка, не принимая во вниманіе ничего посторонняго, а потому судитъ по правдѣ и истинѣ.—По дѣламъ: такъ какъ въ дѣлахъ выражается все внутреннее настроеніе челоуѣка, его вѣра, или невѣріе, или слабовѣріе. Что судъ основывается на дѣлахъ, это обще ученіе новозавѣтное (ср. Мате. 16, 27; 7, 19; 25, 31 дал. Іак. 2, 13. 1 Петр. 2, 12. Рим. 2, 6. 8. 13 и др.). Что здѣсь усвоается судъ Отцу, тогда какъ Господь Іисусъ усвоаетъ его Себѣ (Іоан. 5, 22; ср. прим.), это нужно понимать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Отцу приписывается твореніе міра, которое совершается Сыномъ (Іоан. 1, 1 дал.), т.-е. что Отецъ судитъ чрезъ Сына (ср. Теофил.).—Со страхомъ проводите время: выраженіе, соотвѣтствующее выраженію въ предшествующемъ наставленіи — будьте святы (ст. 15). Богъ есть Отецъ любвеобильный, но вмѣстѣ и Судія нелицепріятный; христіанинъ при сознаніи любви къ себѣ Божіей, изливающейся въ сердце его (Рим. 5, 5), и сыновства своего къ Богу, не долженъ забывать, что Богъ караетъ зло и караетъ въ каждомъ, слѣдовательно и въ христіанинѣ, несмотря на его сыновство,—что любовь Божія къ нему есть святая любовь,—что его сыновство обязываетъ его къ послушанію (ст. 14), а вмѣстѣ съ симъ къ святости. Если же такъ: то со страхомъ должно проводить время. Это не тотъ рабскій страхъ, который гонить изъ сердца любовь къ предмету страха и не совмѣстимъ ея нею (1 Іоан. 4, 18. 2 Тим. 1, 7. Рим. 8, 15), а святой и чистый страхъ сыновній предъ любящимъ Отцомъ и Его безконечнымъ величіемъ. Такой страхъ необходимо долженъ быть и въ чадахъ Божіихъ, если уже и сами ангелы со страхомъ предстоятъ престолу Божію. Въ призванныхъ и предназначенныхъ ко спасенію чадахъ Божіихъ этотъ страхъ происходитъ отъ сознанія неизмѣримаго величія Божія, святости и правды, отъ представле-

нія возможности отпаденія отъ Бога (ср. Флип. 2, 12), изъ опасенія огорчить чѣмъ-либо высочайшую любовь Божію, прогнѣвать Бога, сдѣлать неугодное Ему, къ чему есть возможность въ самыхъ совершенныхъ людяхъ, по грѣховному ихъ расположенію, пока они находятся въ плоти, въ мірѣ, въ постоянной борьбѣ съ ними и съ княземъ міра. «Писаніе различаетъ двоякій страхъ: одинъ первоначальный, другой—совершенный. Страхъ первоначальный, онъ же и основной, состоитъ въ томъ, когда кто-нибудь обращается къ честной жизни изъ боязни отвѣтственности за свои дѣла, а совершенный — въ томъ, когда кто для совершенства любви къ другу, до ревности любимому, боится, чтобы не остаться предъ нимъ въ долгу ничѣмъ, чтѣ требуется сильною любовію... По сему-то совершенному страху жить убѣждаетъ апостоль Петръ тѣхъ, которые слушаютъ, и говоритъ: по неизреченному милосердію Создателя Бога вы приняты въ число Его дѣтей; посему всегда пусть съ вами будетъ этотъ страхъ, такъ какъ вы стали такими по любви Творца своего, а не по дѣламъ своимъ» (Феофил.). На это указываетъ выраженіе: время странствованія вашего: вы еще не дома, вы на чужбинѣ, только еще на пути къ дому Отца небеснаго (Іоан. 14, 2); вы въ мірѣ, какъ пловцы въ бурномъ морѣ, окружены со всѣхъ сторонъ опасностями, а потому со страхомъ проводите время, пока не достигли наслѣдія небеснаго (ст. 1).—Зная, что и пр.: увѣщаніе быть святыми во всѣхъ поступкахъ и со страхомъ проводить время странствованія Апостоль усиливаетъ указаніемъ на величіе дѣла искупленія человечества Іисусомъ Христомъ; чѣмъ выше цѣна, которою вы выкуплены, тѣмъ болѣе вы должны страшиться, чтобы не оскорбить Того, Кто далъ за васъ такой дорогой выкупъ.—Искуплены вы (ср. прим. къ Мато. 20, 28): слово означаетъ не просто освобожденіе, пзбавленіе, но освобожденіе и избавленіе чрезъ выкупъ, принесеніе соотвѣтствующей цѣны. Выращеніе: не серебромъ или золотомъ указываетъ имен-

по на такое значеніе слова. Этою образною рѣчью означается удовлетвореніе, принесенное правдѣ Божіей крестною смертію безгрѣшнаго Сына Божія, воплотившагося для избавленія рода человѣческаго отъ грѣха, вѣчной смерти и проклятія за прирожденный грѣхъ, отъ котораго никакъ не могъ освободиться самъ человѣкъ, какъ грѣшный, а могъ освободить его только Безгрѣшный, принесши себя въ жертву, какъ это выражено въ ст. 19. Какъ Безгрѣшный, Онъ принялъ на себя грѣхи всего міра (2, 24) и тѣмъ избавилъ насъ отъ вмѣненія грѣховъ по вѣрѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ставъ по насъ клятвой, Онъ избавилъ насъ отъ проклятія (Гал. 3, 13), а вмѣстѣ съ тѣмъ избавилъ и отъ вѣчной смерти, даровавъ вѣчную жизнь по вѣрѣ (1 Кор. 15, 54—57). Избавленіе или искупленіе отъ сего апостоль Петръ выражаетъ какъ искупленіе отъ суетной жизни, преданной отцами: давая наставленія относительно святости жизни, онъ выражаетъ и то, отъ чего мы искуплены, такъ, какъ оно выражается въ жизни, именно,—какъ жизнь суетную, пустую и ничтожную, какова есть дѣйствительно жизнь подъ властью грѣха, сравнительно съ истинною жизнію въ Богѣ по освобожденіи Христомъ отъ грѣха. Кто обращается истинно ко Христу, тотъ перестаетъ или долженъ перестать жить этою жизнію, а долженъ жить жизнію новою для него и истинною, а такимъ образомъ онъ какъбы искупается отъ прежней суетной. Эта прежняя суетная жизнь называется преданною отцами,—выраженіе трудно понимаемое. Справедливо кажется объяснять его такъ, что имъ указывается на прирожденный грѣхъ, переходящій отъ родителей къ дѣтямъ и сдѣлавшій жизнь неискупленныхъ суетною. Подъ вліяніемъ грѣха, помрачающаго разумъ, жизнь слагается изъ возрѣвнѣй, мнѣвнѣй, ученѣй, обычаевъ, привычекъ, преданій извращенныхъ, которые переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, что дѣлало жизнь всю суетною, такъ какъ истины Божіей не было въ ней (Рим. 1, 21 д.); это особенно надобно сказать о зычествѣ.—Драгоценною кровію Христа: искупленіе совершенно смер-

тію Ісуса Христа, и именно насильственной со стороны людей смертію съ пролітіемъ крови; эта смерть съ пролітіемъ крови была умиловительною жертвою за грѣхъ всего міра, какъ то прообразовательно означено въ жертвоприношеніяхъ ветхозавѣтныхъ, при чемъ пролітіе крови жертвеннаго животнаго было символомъ примиренія между Богомъ и приносящимъ жертву. Почему именно кровь была нужна для умиловителенія Бога и примиренія—это тайна недоступная для объясненія. Апостоль Павелъ говоритъ только, что все почти по закону очищается кровію, и безъ пролітія крови не бываетъ прощенія (Евр. 9, 22). Запрещая евреямъ ѣсть кровь животныхъ, Богъ говорилъ имъ чрезъ Моисея: душа тѣла (животнаго) въ крови его и Я назначилъ ее вамъ для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сія-душу очищаетъ (Лев. 17, 11; ср. ст. 14). Въ Новомъ Завѣтѣ потому перѣдко говорится, что именно кровію Христовою, т.-е. пролітіемъ ея совершилось искупленіе міра (ср. Рим. 3, 24, 25; 5, 8, 9 и др.). Христосъ же говоритъ, что Онъ пришелъ отдать душу свою для искупленія міра (Матѣ. 20, 28), что указываетъ на тоже жертвенное значеніе Его смерти, при чемъ должна быть пролита кровь. Эта искупительная кровь Христова есть драгоцѣнная (въ противоположность тлѣнному серебру и золоту, ст. 18), потому что она есть кровь Безгрѣшнаго, кровь Богочеловѣка, кровь примирительница всего человѣчества съ Богомъ.—Какъ непорочнаго и чистаго агнца: сравненіе Христа какъ жертвы съ жертвеннымъ агцемъ, прообразовавшимъ Его, и особенно агцемъ пасхальнымъ (ср. прим. къ Іоан. 1, 29), въ каковомъ сравненіи изображали и ветхозавѣтные пророки страждущаго Мессію (особенно Иса. гл. 53). Агнецъ пасхальный, какъ и всякій жертвенный, долженъ былъ быть непорочный (Исх. 12, 5. Лев. 4, 32; 3, 6; 22, 20 и д.). Христосъ, какъ духовный жертвенный агнецъ (1 Кор. 5, 7. Іоан. 19, 36), былъ совершенно чистъ и непороченъ, т.-е. безгрѣшенъ и пролилъ драгоцѣнную

кровь свою за грѣхи міра.—Предназначеннаго (собственно—предувѣдѣннаго, но въ этомъ понятіи заключается и понятіе предопредѣленія или предназначенія; ср. прим. къ ст. 2), т.-е. къ тому, чтобы искупить міръ своею кровію въ крестной жертвѣ, еще прежде созданія міра (обычное обозначеніе домірной вѣчности, Іоан. 17, 24. Ефес. 1, 4): отъ вѣчности, какъ всевѣдущій, Богъ зналъ о паденіи будущаго человѣка и отъ вѣчности предопредѣлилъ, чтобы Единородный Сынъ Его, воплотившись во времени, возстановилъ человѣка, искупивъ его своею кровію; таково опредѣленіе предвѣчнаго совѣта Божія о спасеніи грѣшнаго міра (ср. Евр. 10, 5—7).—Явившагося въ послѣднія времена: разумѣется воплощеніе Единороднаго Сына Божія и явленіе въ міръ для принесенія всемірной жертвы за грѣхъ всего міра. Время этого явленія называется послѣдними временами въ томъ смыслѣ, въ какомъ ветхозавѣтные пророки обыкновенно называли его такъ, т.-е. въ смыслѣ исполненія времени (ср. Гал. 4, 4), когда пришло время, въ которое надлежало явиться Христу и съ котораго началась послѣдняя эпоха домостроительства человѣческаго спасенія.—Для васъ: въ лицѣ читателей посланія разумѣются всѣ, призванные Богомъ ко спасенію во Христѣ. Спасеніе вѣрующихъ во Христа представляется цѣлію явленія въ міръ Христа (ср. 1 Кор. 2, 7). Средство этого спасенія вѣра въ Бога черезъ Него, т.-е. вѣра во всю полноту тайнъ искупленія, на которомъ какъбы сосредоточиваются всѣ откровенія Божіи, вѣра полная и совершенная, какая невозможна была до явленія Христа въ міръ и до проповѣди Евангелія. Средоточный пунктъ этой вѣры—воскресеніе Христово и прославленіе Его послѣ принесенія всемірной жертвы (Рим. 10, 9). Оборотъ рѣчи: который воскресилъ Его—употреблялъ апостоль Петръ и въ рѣчахъ своихъ по вознесеніи Христовомъ (ср. Дѣян. 2, 24. 32; 3, 15). «Сказавъ о смерти Христовой, Апостоль присоединилъ къ этому и слово о воскресеніи, ибо опасается,

чтобы новообращенные не преклонились опять къ невѣрiю изъ-за того, что страдавiя Христовы уничтожительны. Не смущайся тѣмъ, что здѣсь апостоль Петръ, и неоднократно апостоль Павелъ, говорятъ, что Господа воскресилъ Отець (Дѣян. 13, 37; 17, 31). Такъ говоритъ онъ, употребляя обычный образъ ученiя (Θεοφιλ.).—О славѣ Христа см. прим. къ Лук. 24, 26. Дѣян. 3, 13, а равно и выше ст. 11. Повторенiемъ изреченiя: чтобы вы имѣли вѣру и упованiе, Апостоль какъбы возвращается къ началу всего этого наставленiя или увѣщанiя (ст. 13), чтобы, окончивъ или такъ сказать округливъ изложенiе этого наставленiя, перейти вслѣдъ за симъ къ новому. О упованiи см. примѣчанiе къ ст. 3 и 13.

22. Души ваша очистивше въ послушанiи истинны Духомъ, въ братолюбiе нелицемѣрно, отъ чиста сердца другъ друга любите прилежно:

23. Порождени не отъ сѣмени истлѣнна, но неистлѣнна, словомъ живаго Бога и пребывающа во вѣки.

22. Послушанiемъ истинѣ чрезъ Духа, очистивъ души ваши къ нелицемѣрному братолюбiю, постоянно любите другъ друга отъ чистаго сердца,

23. Какъ возрожденные не отъ тлѣннаго сѣмени, но отъ нетлѣннаго, отъ слова Божiя, живаго и пребывающаго во вѣкъ.

Послушанiемъ истинѣ чрезъ Духа очистивъ и пр.: новое наставленiе Апостола своимъ читателямъ, основанное на тойже мысли о возрожденiи христанъ къ новой жизни, наставленiе о нелицемѣрномъ братолюбiи; во взаимной братской любви христанъ является и существо и сила, и плодъ возрожденiя.—Очистивъ души ваши: очистить душу, значитъ исторгнуть изъ нея злое, грѣхи, которые оскверняютъ душу, грѣхи и душевные и плотскiе. Братолюбiе—такая высокая и трудная добродѣтель, что ся нельзя достигнуть съ нечистымъ сердцемъ; грѣхи и пороки составляютъ препятствiе къ братолюбiю, а потому отъ нихъ должно очищать душу. Выраженiе, очистивъ — не указываетъ на единократное очищенiе души, какъ уже совершившееся въ возрожденiи, но означаетъ постоянно долженствующее продолжаться очищенiе, необходимос для

того, чтобы постоянно любить другъ друга. Средство этого очищенія есть послушаніе истинѣ, дѣйствующая причина—Духъ, цѣль—братолюбіе. Подъ истинной разумѣется вообще открытая въ Евангеліи истина Христова, такъ какъ христіане и могутъ быть обязаны къ послушанію только этой истинѣ; подъ послушаніемъ этой истинѣ разумѣется, какъ и выше (ст. 2 и 13), и послушаніе вѣры въ эту истину, и подчиненіе или покорность нравственная ея правиламъ и постановленіямъ. Въ этомъ послушаніи истинѣ есть сила очищающая душу, изгоняющая изъ нея разныя страсти, грѣхи и пороки, препятствующіе велицемѣрному братолюбію: ибо при этомъ послушаніи душа человѣческая открыта дѣйствию на нее Духа Святаго, силою Котораго она и можетъ очищаться. Такъ какъ подъ личиною братолюбія можетъ и не быть истинно братской любви, а только видъ оной, въ каковомъ случаѣ она является лицемѣрнымъ братолюбіемъ: то Апостоль и говоритъ объ истинномъ братолюбіи, велицемѣрномъ. На то же качество еще усиленнѣе указываютъ выраженія: постоянно, отъ чистаго сердца; любовь христіанъ между собой, какъ братьями по возрожденію во Христѣ, имѣющими одного Отца небеснаго, должна быть чистосердечная, безъ примѣси лицемѣрія, лукавства, личныхъ, эгоистическихъ цѣлей и т. п. Слово: постоянно—указываетъ сверхъ того на усиліе, стараніе, напряженіе удерживать въ сердцѣ это чувство въ отношеніи къ братьямъ, безъ ослабленія; это такое высокое и чистое чувство, что малѣйшее небреженіе о возгрѣваніи его можетъ ослабить его, понизить и зачернить примѣсью чего-нибудь эгоистическаго, личнаго, грѣховнаго. Чистая любовь между христіанами есть главная, основная заповѣдь своимъ ученикамъ самого Господа, именно какъ отличительная черта Его учениковъ (Матѣ. 22, 40. Марк. 12, 31. Лук. 10, 28. Иоан. 13, 34. 35 и парал.).—Какъ возрожденные и пр.: выраженіе указывающее на основаніе или побужденіе къ такой любви и на условіе, дѣлающее возможною и

облегчающее достиженіе такой любви. Возрожденные (см. прим. къ ст. 3) не отъ тлѣннаго, подлежащаго тлѣнію и смерти сѣмени человѣческаго, отъ коего рождаются люди по плоти и потому подлежатъ тлѣнію и смерти по плоти, но отъ нетлѣннаго: этимъ словомъ означаетъ невидимая сила Духа Святаго, которою человѣкъ возраждается къ новой духовной жизни во Христѣ (см. прим. къ Іоан. 1, 12—13; 3, 5—6 и прим.). Отъ слова Божія (точнѣе чрезъ слово Божіе): средство, которымъ Духъ Святыи пользуется для этого духовнаго возрожденія, есть слово Божіе или слово истины (ср. прим. къ Іак. 1, 18), или Евангеліе (ср. 1 Кор. 4, 15), чрезъ вѣру въ которое происходитъ призваніе человѣка къ этому возрожденію или къ новой жизни во Христѣ. Это слово есть живое и пребывающее въ вѣкъ, по его природѣ и дѣйствіямъ на человѣка; оно живое (ср. Евр. 4, 12), потому что въ немъ есть сила Божія, а сила Божія имѣетъ въ себѣ самой жизнь (ср. Дѣян. 7, 38), и потому можетъ возрождать; оно есть пребывающее въ вѣкъ, потому что, какъ Божіе, оно непреложно и, какъ имѣющее въ себѣ силу Божію, не можетъ престать дѣйствовать никогда (ср. ст. 25).—Человѣкъ возрождается Духомъ чрезъ слово Божіе къ вѣчной жизни въ Богѣ и Христѣ; этой вѣчной жизни соотвѣтствуетъ вѣчность любви, какъ добродѣтели, которая никогда не престанетъ, хотя другія добродѣтели, какъ дары Божіи, прекратятся (1 Кор. 13, 8 д.); вотъ почему Апостоль на идеѣ возрожденія основываетъ наставленіе о любви.

24. Зане всяка плоть яко трава, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный, изсше трава и цвѣтъ ея отпаде.

25. Глаголь же Господень пребываетъ во вѣки, се же есть глаголь благовѣствованныи въ васъ.

24. Ибо всякая плоть, какъ трава, и всякая слава человѣчская, какъ цвѣтъ на травѣ; засхла трава, и цвѣтъ ея опалъ.

25. Но слово Господне пребываетъ въ вѣкъ; (Исаи 40, 6), а это бѣсть то слово, которое вамъ проповѣдано.

Ибо всякая плоть и пр.: раскрывается различіе между рожденнымъ отъ тлѣннаго и нетлѣннаго сѣмени, чтобы указать высокое преимущество сего послѣдняго рожденія предъ первымъ. Для сего Апостоль пользуется словами великаго ветхозавѣтнаго пророка Исаи (40, 6 и дал.) не въ буквальномъ впрочемъ переводѣ, а въ свободномъ воспроизведеніи. Подъ всякую плотію разумѣется всякій человѣкъ и слѣдовательно всѣ люди или все человѣчество, раждающееся и размножающееся отъ сѣмени тлѣннаго; все оно тлѣнно, смертно и скоропреходяще, какъ трава (ср. прим. къ Іак. 1, 10—11). Таковъ человѣкъ по тѣлу, таковъ онъ и по естественной жизни души, если она не возрождена или грѣховна, почему таковой человѣкъ весь и по душѣ своей и называется плотскимъ и душевныя дѣла называются дѣлами плоти (ср. Рим. 8, 5—7. 1 Кор. 3, 3. Гал. 5, 19. Еф. 2, 3. Кол. 2, 18).—Всякая слава человѣческая и пр.: какъ духъ возрожденнаго человѣка имѣетъ славу свою, такъ и плоть—свою славу, свои цвѣты; только судьба ихъ весьма различна. Плоть облекается въ формы красоты, мудрости, благородства, богатства и т. п., даже благочестія; она развивается въ формахъ государства, въ искусствахъ, наукахъ. Но вся эта слава плоти, не проникнутой и не одушевленной Духомъ Божиимъ чрезъ слово Божіе — не что иное, какъ цвѣтъ на травѣ, тлѣнный и болѣе или менѣе скоропреходящій (ср. прим. къ Іак. 1, 11).—Слово Господне, чрезъ посредство котораго возраждаются призванные ко Христу, пребываетъ въ вѣкъ: вѣчно живетъ, вѣчно цвѣтеть, вѣчно сильно и дѣйствительно, а слѣдовательно вѣчно и то, что чрезъ него возраждается въ духовную жизнь во Христѣ; т.-е. все плотское временно и суетно, все духовное вѣчно и блаженно. А это вѣчно живое и оживляющее слово,—дѣлаетъ примѣненіе Апостоль,—и есть то слово, которое провѣдано вамъ: т.-е. читателямъ посланія, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ призваннымъ ко Христу, которымъ проповѣдано это слово, т.-е. слово евангельское. Въ приведенномъ вет-

хозавѣтномъ пророческомъ мѣстѣ разумѣется слово обѣтованія Божія о Христѣ; Апостоль отождествляетъ это слово со словомъ евангельскимъ, потому что то и другое въ существѣ своемъ одно и то же, содержать въ себѣ выраженіе одного и того же совѣта Божія объ искупленіи міра и различаются только по различнымъ степенямъ ихъ откровенія, соотвѣтственно съ планомъ божественнаго домостроительства объ искупленіи міра. Возрожденные симъ вѣчно пребывающимъ словомъ Божиимъ къ вѣчной жизни христіане должны постоянно пребывать въ нелицемѣрной любви другъ въ другу, также пребывающей вѣчно (1 Кор. 13, 8).

Епископъ Михаилъ.

С К А З А Н І Я

О НѢКОТОРЫХЪ СИБИРСКИХЪ ПОДВИЖНИКАХЪ БЛАГОЧЕСТІЯ. *)

Пустынники Василискъ и Зосима.

Монахи Василискъ и Зосима были учениками извѣстнаго пустынножителя, старца Адріана, іеромонаха Площанской Богородицкой пустыни, Орловской епархіи, много лѣтъ подвизавшагося, въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ дремучихъ и непроходимыхъ тогда Брянскихъ лѣсахъ, Орловской губ., и потомъ въ лѣсахъ Рославльскихъ Смоленской губерніи. Въ послѣдствіи о. Адріанъ десять лѣтъ былъ строителемъ Коневского монастыря, С.-Петербургской епархіи. Обитель эта много обязана старцу Адріану своимъ внѣшнимъ, а наипаче внутреннимъ благоустройствомъ. Старецъ Адріанъ скончался въ 1812 году въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ, гдѣ принялъ схиму, съ именемъ Алексія. а) Этотъ старецъ былъ истинный пустынножитель, жившій и дѣйствовавшій въ духѣ древнихъ отшельниковъ Египта, Ливіи и Палестины. Поэтому и руководимые имъ ученики его отличались тѣмъже духомъ великаго подвижничества, какимъ проникнуть былъ ихъ наставникъ. Таковы были и смиренныя иноки Василискъ и Зосима.

Старецъ Василискъ происходилъ родомъ изъ крестьянъ Тверской губерніи; сперва подвизался въ пустынныхъ лѣсахъ Темниковскихъ (Тамбов. губ.), потомъ поселился въ Брянскихъ лѣсахъ, гдѣ прожилъ десять лѣтъ, сперва при вышепомянутомъ о. Адріанѣ, а по переходѣ его въ Коневскій монастырь, года три въ совершенномъ одиночествѣ.

*) См. апрѣльскую книжку Душен. Чтенія.

а) Подробную біографію его, составленную *А. Ковалевскимъ*, см. въ Душен. Чтеніи 1875 г. мартъ.

ствѣ; затѣмъ перешель въ Коневскій скитъ, гдѣ прожилъ десять лѣтъ съ другимъ ученикомъ Адріана о. Зосимою.

О. Зосима (по фамиліи Верховскій) еще въ 1786 и 1787 гг. проживалъ нѣкоторое время въ Брянскихъ лѣсахъ сперва у о. Адріана, а потомъ, по переходѣ послѣдняго въ Коневецъ, у о. Василиска. Но затѣмъ Зосима перешель опять къ старцу своему Адріану въ Коневецъ, гдѣ прожилъ года три; а когда Адріанъ удалился на покой въ Симоновъ монастырь, то Зосима опять соединился съ Василискомъ, и съ тѣхъ поръ остался навсегда его ученикомъ, сотрудникомъ и другомъ. О. Адріанъ далъ благословеніе Василиску и Зосимѣ пойти въ Сибирь, что они и исполнили: оба удалились въ Тобольскую губернію, и поселились тамъ въ лѣсахъ, близь г. Туринска. Тамъ они ~~подвизались 24~~ года, въ строгомъ пустынножителствѣ, хотя и не отказывали въ духовномъ назиданіи и руководствѣ къ аскетической жизни приходившимъ къ нимъ монахамъ и мірскимъ людямъ.

Какъ въ Брянскихъ и Рославльскихъ лѣсахъ, такъ и въ пустынныхъ дебряхъ Сибири, старцы Василискъ и Зосима проводили строго-подвижническую жизнь, напоминавшую мирное житіе древнихъ пустынниковъ. Всю церковную службу старцы правили ежедневно у себя въ келліи: начиная съ двѣнадцати часовъ ночи, полунощницу и утреню, послѣ утрени черезъ часъ—акаеистъ Божіей Матери, часа черезъ два послѣ акаеиста—часы съ изобразительными и наконецъ вечерню часовъ въ 5 вечера. На Пасху, Рождество Христово и другіе великіе праздники приходилъ къ нимъ кто-либо изъ ближайшихъ сельскихъ священниковъ и пріобщалъ ихъ, послѣ исповѣди, запасными св. Дарами, ибо пустынники не желали быть лишенными сего великаго утѣшенія. Въ свободное отъ молитвенныхъ правилъ время читали св. Писаніе, житія и творенія св. отецъ, а также занимались огородомъ, гдѣ садили ~~капусту, рѣпу и рѣдьку~~. Лѣтомъ собирали ~~грибы, ягоды, орѣхи~~, и усердствовали ими благодѣтелямъ; а отъ нихъ получали пече-

ный хлѣбъ, крупу, а иногда, для приправы пустынной трапезы, немного постнаго масла. А когда случится недостатокъ, питались сухояденіемъ. Обитатели лѣсовъ—волки были около нихъ въ продолженіе цѣлой зимы; а медвѣди иногда расхищали огородъ, но никогда не трогали пустынниковъ, даже при встрѣчѣ съ ними убѣгали прочь. Зимнія бури и вьюги, особенно въ Сибири, сильно беспокоили смиренныхъ пустынниковъ, потрясая и заваливая глыбами снѣга ихъ утлую хижину. Но Богъ хранилъ старцевъ отъ всѣхъ бѣдъ и напастей.

Благочестивые жители сосѣднихъ селъ и г. Туринска часто посѣщали пустынниковъ и пользовались отъ нихъ наставленіемъ и духовными бесѣдами. Въ то время въ Туринскѣ былъ мужской Николаевскій монастырь, основанный въ XVII столѣтіи, но пришедшій въ полный упадокъ по недостатку братіи. Подъ руководствомъ старцевъ Василиска и Зосимы, многія благочестивыя вдовы и дѣвицы г. Туринска и окрестныхъ селъ посвятили себя дѣвственной и подвижнической жизни. Извѣстившись объ этомъ и по просьбѣ туринскихъ гражданъ, тобольское епархіальное начальство, съ соизволенія высшей власти обратило въ 1822 году Туринскій мужской монастырь въ женскій общежительный. Обитель эта, руководимая старцами Василискомъ и Зосимою, вскорѣ достигла значительнаго преуспѣянія какъ во вѣшнемъ, такъ особенно во внутреннемъ духовномъ отношеніи, и теперь есть одна изъ лучшихъ женскихъ обителей въ Сибири. Но многія скорби и гоненія привелось испытать, ради этой обители, обоимъ старцамъ не только отъ мѣстной земской полиціи, искавшей отъ нихъ подарковъ и взятокъ, но и отъ духовенства. Все благодушно терпѣли старцы. О. Василискъ скончался въ Сибири 29 декабря 1824 года, и погребенъ въ Туринскомъ женскомъ монастырѣ. Зосима же по смерти своего наставника и друга, потерпѣвъ еще большія прежнихъ гоненія и скорби, удался въ Москву и въ маститой старости отошелъ въ вѣчный покой 24 октября 1833 года, въ основанной имъ пустынной Одигетрі-

евской дѣвичьей общинѣ, въ 60 верстахъ отъ Москвы, въ Верейскомъ уѣздѣ. Но и здѣсь не мало скорбей и преслѣдованій довелое испытать о. Зосимѣ, дабы тѣмъ вождѣннѣе показалось ему упокоеніе въ небесныхъ обителяхъ, а ученики и ученицы его приобрѣли чрезъ то высокій урокъ иноческаго смиренія и терпѣнія.

Память старцевъ Василиска и Зосимы донинѣ благоговѣйно почитается въ Сибири, какъ память истинныхъ подвижниковъ Христовыхъ.

Старецъ Даніилъ Ачинскій.

Старецъ Даніилъ родомъ былъ малороссіянинъ, изъ казаконъ Полтавской губерніи. Въ молодости былъ отданъ въ военную службу, участвовалъ въ войнахъ противъ Наполеона 1-го, былъ фельдфебелемъ и даже дослужился до офицерскаго чина, отъ котораго отказался. Сперва въ молодыхъ годахъ, Даніилъ велъ разсѣянную жизнь, но потомъ на службѣ уже, выучившись грамотѣ, сталъ читать св. писаніе и житія святыхъ, и постепенно началъ вести подвижническую жизнь.

За преступленіе ли какое, или по клеветѣ, Даніилъ сосланъ былъ въ каторжныя работы, которыя и несъ въ Сибири, въ Боготольскомъ винокуренномъ заводѣ, Томской губерніи, гдѣ много претерпѣлъ преслѣдованій и истязаній отъ начальника завода. Здѣсь онъ уже сталъ извѣстенъ строго-подвижническою жизнію. По освобожденіи отъ работъ и причисленіи на поселеніе, подвизался въ г. Ачинскѣ, Енисейской губ., въ домѣ купца Алексѣя Хворостова въ особой келлейѣ. Въ послѣдніе годы жилъ въ деревнѣ Зерцалахъ, въ 17 верстахъ отъ Ачинска. Келлія его была подобна гробу: выкопана въ землѣ, ширины вершковъ двѣнадцати, вышины и длины въ ея роеть, съ маленькимъ (въ мѣдную гривну) окопечкомъ на востокъ. Нестязаніе его было совершенное: онъ, какъ ничего не имѣлъ, такъ ничего и не желалъ, и ничего ни отъ кого не принималъ. Одежда старца была рубищная. Пищу вкушалъ только по

вечерамъ, и то не каждый день и не до сытости, а пища его была хлѣбъ и часто гнилой, иногда же картофель, котораго онъ никогда не чистилъ. Часто онъ постился по недѣлѣ и болѣе. Приобщался св. таинъ тѣла и крови Христовой весьма часто. Молитва у него была непрестанная. Любилъ уединеніе и молчаніе, такъ что нужное говорилъ кратко и мало, и то больше притчами. Всѣ разговоры его были душеполезные, или о Богѣ и Спасителѣ міра, о Его ученіи и страданіяхъ, или о блаженствѣ праведныхъ и наказаніи грѣшныхъ. Всѣ разговоры и слова его были растворены слезами и любовію.

Старецъ Даниилъ болѣе двадцати лѣтъ носилъ тяжелыя желѣзныя вериги и берестяной поясъ, который вросъ въ тѣло его и съ которыхъ онъ похороненъ. Еще носилъ онъ на тѣлѣ желѣзныя обручъ. Но незадолго до смерти вериги и обручъ онъ снялъ съ себя. Одинъ изъ учениковъ старца спросилъ его: «для чего ты, отче, снялъ вериги?» Онъ ему отвѣтилъ: «любезный мой братъ, потому я снялъ съ себя вериги, что онѣ уже не стали приносить мнѣ пользы; тѣло мое къ нимъ такъ привыкло, что отнюдь не чувствуетъ ни тяжести, ни болѣзни. Поэтому и не приносятъ никакой пользы душѣ моей. Ибо только тогда бываетъ полезна для души вещь, употребляемая для изможденія тѣла, когда она наноситъ скорбь и обузданіе тѣлу. А люди видятъ на мнѣ вериги, да и думаютъ, что я, нося ихъ, совершаю великій подвигъ и приобретаю себѣ душевную пользу, тогда какъ этого совсѣмъ нѣтъ. Пусть лучше говорятъ, что Даниилъ нынѣ уже раздѣнился, и вериги съ себя скинулъ. Это будетъ для меня полезнѣе; а ты не забавляйся о мнѣ».

Старецъ Даниилъ имѣлъ очень много учениковъ обоего пола и разныхъ сословій, которыхъ съ помощію благодати Божіей, обильно пребывавшей въ немъ, руководилъ своими наставленіями на пути подвижничества и душевнаго спасенія. Изъ многихъ, сохранившихся донинѣ въ мѣстныхъ преданіяхъ и записяхъ, наставленій старца, простыхъ, но назидательныхъ, приводимъ здѣсь нѣкоторые.

Много разъ старецъ Данииль говариваль: «какая радость и вѣчное веселіе ожидаютъ тѣхъ людей, которые сохраняютъ святыя посты въ среды и пятки, по указанію церковному! И какое ожидаетъ вѣчное мученіе тѣхъ, которые ихъ нарушаютъ! О, какую дѣлаютъ невозвратную потерю тѣ люди, которые, противъ церковныхъ правилъ, разрѣшаютъ св. посты въ среды и пятки; какихъ они достойны слезь, что за малое наслажденіе лишаются вѣчнаго блаженства! Нѣкоторые говорятъ: что де ѣдимъ мы не скоромное, а только рыбу; а того не знаютъ, что мы сдѣлались изгнанниками изъ рая, и учинились смертными и находимся подъ грѣхомъ, не за мясо и не за рыбу, а только за одно яблоко; а какія бы въ яблокѣ скоромъ и грѣхъ? Но было заповѣдано не ѣсть его; вотъ въ томъ самомъ и былъ грѣхъ, что преслушали заповѣдь Божію. Такъ и теперь: хотя бы была рыба, хотя бы масло, хотя бы и что иное, въ какіе дни не позволено чего Церковію ѣсть, того и не подобаетъ. А кто преслушаетъ заповѣдь св. Церкви, тотъ и грѣшитъ, и за это подлежитъ наказанію».

На вопросъ одной монахини о постѣ, Данииль сказалъ: «я, грѣшникъ, безпреставно ѣмъ и пью, и не знаю, что тебѣ сказать; знаю только, что, по захожденію солнца, хлѣбъ да вода—добрая ѣда; а кто какъ хочетъ. Надобно имѣть болѣе всего смиреніе и страхъ Божій».

«Лучше подавать, нежели принимать, говорилъ старецъ, а ежели нечего подать, то Богъ и не потребуетъ; нищета Бога ради лучше милостыни; а милость можетъ оказать и немущій: помощи бѣдному поработать, утѣшь его словомъ, помолись о немъ Богу, — вотъ чрезъ это и можно оказать любовь къ ближнему».

Самъ старецъ такъ и поступалъ: не имѣя ничего подать нуждающимся, онъ работалъ безмездно, къ бѣднымъ ходилъ жать и косить, особенно въ ночное время, чтобы мало его видѣли.

Однажды архіепископъ иркутскій Михаилъ, къ епархіи котораго принадлежала тогда Енисейская губернія, посѣ-

тивъ г. Ачинскъ и увидѣвшись со старцемъ Даниломъ, предложилъ ему нѣсколько денегъ на масло для лампадки въ келліи. Старецъ отвѣтилъ: «для чего, владыка святыи, имѣть мнѣ лампадку, когда въ душѣ моей тьма? А когда бываетъ въ душѣ моей свѣтъ, тогда колыма паче мнѣ не нужна лампадка; ибо и безъ того свѣтло и радостно».

Старецъ Данииль удостоился отъ Господа и дара предвѣдѣнія. За десять лѣтъ предсказалъ онъ о своей кончинѣ благочестивой игуменіи енисейскаго женскаго монастыря Евгениі, тогда бывшей еще въ мѣрѣ и замужемъ. На приглашеніе ея перейти къ ней въ домъ на постоянное житье старецъ тогда сказалъ: «ты сама живешь на болотѣ, а когда будешь жить на твердой землѣ, тогда я къ тебѣ и приду; ты меня и похоронишь». Дѣйствительно, все это сбылось въ свое время: по смерти мужа, домъ ихъ за казенные долги былъ проданъ, а она поступила въ иркутскій женскій монастырь и была потомъ игуменьею въ енисейскомъ монастырѣ. Когда прошло десять лѣтъ послѣ сейчасъ описаннаго предсказанія, именно въ 1843 году, старецъ Данииль, за три мѣсяца до своей кончины, пришелъ въ енисейскій монастырь къ игуменіи Евгениі, и только что вступилъ въ ея келлію, сказалъ: «вотъ теперь ты на твердой землѣ и я къ тебѣ пріѣхалъ погостить; ты меня и похоронишь». Только около трехъ мѣсяцевъ прожилъ старецъ Данииль у любимой имъ игуменьи. Наканунѣ своей смерти старецъ, еще совершенно здоровый, съ удовольствіемъ осматривался въ оградѣ монастырской говорилъ игуменіи: «завтра меня уже не будетъ и съ яснымъ предвѣдѣніемъ времени своей смерти». Въ двѣнадцатомъ часу почти на 15 апрѣля 1843 года старецъ заболѣлъ, въ утреню исповѣдался, а въ раннюю литургію причастился св. таинъ тѣла и крови Христовыхъ. Игуменіи Евгениі сказалъ: «приди ко мнѣ въ третьемъ часу». Та, пришедши, послала за священникомъ, который прочиталъ отходную. Старецъ сталъ на колѣни, игуменія поддерживала его за плеча. Онъ же сказалъ ей: «Богъ тебя

простить, мое золото!» Съ этимъ словомъ онъ скончался. Когда же начали его обмывать, усмотрѣли на тѣлѣ его берестовый поясъ, уже вросшій въ его тѣло, и кровь запекшуюся около пояса; съ тѣмъ его и опустили во гробъ Почтенная игуменія съ радостію похоронила утружденное тѣло старца въ оградѣ своей обители. По смерти его на лицѣ его явилась такая живая улыбка, что совсѣмъ онъ не походилъ на мертваго. Скончался старецъ Давидъ 60 лѣтъ отъ роду. На похороны его стеклось чрезвычайно много народу, чему нельзя было не удивляться, ибо еще не знали странника въ городѣ, и всѣ однако собрались въ церковь, отъ мала до велика. Когда несли тѣло его мимо бывшей игуменьи старицы, которая была слѣпая и ничего не могла видѣть, то и она увидѣла свѣтъ: будтобы молнія блеснула. Въ церкви же, хотя и горѣли всѣ мѣстныя свѣчи, былъ какой-то еще особенный свѣтъ, и чувствовался пріятный запахъ. Вотъ какъ Господь возлюбилъ странника и прославилъ подвижника своего.

Многіе и донынѣ приходятъ въ монастырь служить паннихиды по свято-почившемъ старцѣ, берутъ земли съ его могилы, и бываетъ по вѣрѣ ихъ въ болѣзняхъ отрада.

Юродивые Домнушна и Разумовскій.

Въ памяти жителей города Томска еще свѣжи воспоминанія объ этихъ двухъ «блаженненькихъ», какъ ихъ звали въ народѣ.

Домнушка или Домна Карповна сперва долго жила въ г. Каинскѣ, Томской губерніи, а потомъ переселилась въ Томскъ, гдѣ и скончалась. Кто была эта юродивая? О своемъ происхожденіи она обыкновенно умалчивала. Говорятъ, что она была сослана изъ Россіи на поселеніе за какое-то преступленіе. Быть можетъ это-то преступленіе она и оплакивала всю свою жизнь, и изъ-за него

приняла на себя многотрудный подвигъ Христа ради юродства.

Домнушка не имѣла постояннаго жилища,—жила, гдѣ Богъ приведетъ, часто ночевала на улицѣ, несмотря ни на погоду, ни на время года: лѣто и зима, съ ихъ атмосферическими перемѣнами, были для нея безразличны. Наблюдавшіе за Домнушкой замѣчали, что она большую часть ночи проводила въ уединенной молитвѣ. Одежду она носила многшвейную, отъ ветхости едва державшуюся на ея изнуренномъ постомъ тѣлѣ. За пазухой, въ карманахъ и прорѣхахъ рубища были насованы битыя стекла, камни, щепки, опилки, навозъ, кусочки сахара, которые она раздавала своимъ почитателямъ, придававшимъ этимъ подаркамъ иносказательный смыслъ. Разсказываютъ много случаевъ, когда иносказанія Домнушки оказывались пророческими. Такъ, когда въ ноябрѣ 1866 года скончался томскій епископъ Виталій, и духовенство съ нетерпѣніемъ ожидало назначенія новаго архипастыря, одинъ изъ послушниковъ архіерейскаго дома, *Алексій Л—ъ* (нынѣ священникъ Туркест. епар.), вѣрившій, какъ и многіе, въ прозорливость Домнушки, часто бывавшей въ архіерейскомъ домѣ, не рѣдко спрашивалъ ее: «какъ будутъ звать новаго архіерея?» Домнушка всегда отвѣчала: «какъ тебя!» И что же? Вскорѣ епископомъ на Томскую кафедру былъ назначенъ ректоръ Владимірской семинаріи, архимандритъ *Алексій* а)

Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, Домнушка въ бесѣдѣ съ особенно любимыми ею особами, оставляла свое юродство, говорила разумно, назидательно, слово ея дышало высокою христіанскою любовію, и своею теплою согрѣвало и успокоивало души слушающихъ. Но затѣмъ подвижница опять обращалась къ юродству. Многіе изъ гражданъ, видя рубищное одѣяніе старицы, дарили ей

а) Преосв. Алексій въ 1868 г. переведенъ былъ изъ Томска въ Екатеринославль. Скончался на покоѣ въ Москвѣ, въ 1880 г.

новое платье, по эти подарки Домнушка немедленно раздавала нищимъ. Однажды зимою покойный преосвященный Порфирій ^{б)}, очень любившій Домнушку, подарилъ ей новую шубу. Домнушка съ благодарностію надѣла владычній подарокъ, но часа черезъ два шуба эта перешла на плечи нищаго. Добрый архипастырь не оскорбился такимъ поступкомъ старицы, но сказалъ своимъ домочадцамъ: «дурочка учить насъ, умниковъ. О, еслибы и мы додумались до такой любви къ ближнему и до такого терпѣнія ради Христа!»

Любила Домнушка ходить по улицамъ города и громко распѣвать духовныя пѣсни. Полиція зачастую ловила Домнушку и сажала ее за это въ полицейскую тюрьму. Для заключенцевъ этой тюрьмы пребываніе среди нихъ Домнушки было великимъ праздникомъ: томскіе купцы и купчихи, узнавши объ арестѣ Домнушки, цѣлыми коробами посылали ей пироги, булки, блины, чай, сахаръ, а Домнушка все это раздавала арестантамъ. Полицейскіе солдаты-надсмотрщики, думая, что у Домны Карповны есть деньги, усердно обыскивали ее рубище, но кромѣ камней да опилокъ съ навозомъ и т. п., ничего не находили. Когда же Домна Карповна выходила изъ-подъ ареста, то ее соузники иногда со слезами провожали ее, и въ простотѣ сердца желали ей поскорѣе опять попасть въ полицію. Когда умерла Домна Карповна, то на погребеніе ее собралось множество народа. Было много и духовенства, собравшагося не по приглашенію чьему-либо, а по собственному желанію.

Современникомъ Домнушки въ Томскѣ былъ одинъ юрливый, тоже изъ ссыльныхъ, который слылъ подъ именемъ

б) Преосвященный Порфирій, уволенный на покой въ Тюменскій монастырь, Тобольской епархіи, не вѣзжая изъ Томска, скончался въ 1865 г., скоропостижно, отъ удара. Ранѣе преосвящ. Порфирій не долго былъ викаріемъ московскимъ, епископомъ Дмитровскимъ.

«графа». Фамилія его была Разумовскій. О происхожденіи его точныхъ свѣдѣній не имѣется, а говорятъ разнo. Такъ напримѣръ, иные разсказываютъ, что Разумовскій происходилъ изъ одной дворянской фамиліи, поступилъ въ монашество и былъ потомъ настоятелемъ какого-то богатаго монастыря въ Россіи. Здѣсь онъ будто-бы совершилъ дѣло, неслыханное въ лѣтописяхъ монастырей: всѣ монастырскія драгоцѣнности продалъ и деньги роздалъ бѣднымъ. За это, какъ за растрату казеннаго имущества, нищелюбивый настоятель былъ лишень сана и сосланъ въ Сибирь на поселенье.

Въ Томскѣ «графъ» пріобрѣлъ себѣ маленькую хату, завелъ лошадь и телѣжку, и постоянно разѣзжалъ и ходилъ по томскимъ церквамъ, одѣваясь въ странную одежду и юродствуя. Жизнь онъ велъ постническую, подвижническую. Любилъ помогать бѣднымъ или изъ своихъ скудныхъ средствъ, или же выпрашивалъ для этого деньги и вещи у богатыхъ людей. Въ особенности онъ былъ заботливъ въ отношеніи заключенныхъ въ тюрьму, вѣроятно, по собственному тяжелому опыту, какъ самъ сидѣвшій въ тюрьмѣ, зная безотрадность этихъ несчастныхъ отверженниковъ общества. Онъ умѣлъ ихъ утѣшать и подаяніемъ и добрымъ словомъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ этого человѣка проявлялось смиреніе, благочестіе, любовь къ ближнему, знаніе сердца человѣческаго, знакомство съ жизнію и условіями высшаго свѣта. Но всѣ эти качества онъ прикрывалъ юродствомъ, хотя и не въ той степени, какъ Домнушка, которую онъ очень уважалъ. Подъ покровомъ юродства, «графъ» иногда высказывалъ горькую истину и сильнымъ земли. Такъ, говорятъ, однажды прибыло въ Томскъ для ревизіи одно высокопоставленное лицо. Предъ этимъ временемъ особенно сильно увеличилось въ Томской губерніи взяточничество чиновниковъ, ложившееся тяжелымъ гнетомъ на народъ. Когда прибыло высокое лицо, обыватели могли бы принести ему жалобы, но не осмѣливались,

страха ради своихъ ближайшихъ властей. Печальниками за обывателей явились юродивые: «графъ» и Домнушка. На завтра по пріѣздѣ сановника, оба юродивые явились къ нему въ квартиру и пробрались прямо въ его кабинетъ. Тамъ съ низкими поклонами и юродствуя, они поднесли вельможѣ каждый по небольшому туго набитому мѣшечку: въ мѣшечкѣ «графа» были гальки съ берега р. Томи, а въ мѣшечкѣ Домнушки—картофель. Удивленный генераль спросилъ юродивыхъ: «что это значить?» «Графъ» отвѣчалъ: «у насъ здѣсь къ начальству ни зачѣмъ нельзя ходить съ пустыми руками: купецъ ли ты, мужикъ ли, дуракъ ли, умный ли, если идешь къ начальнику, хоть съ просьбой какой, хоть съ ираздникомъ поздравить, носи деньги или что другое. Вотъ и мы, два дурака, пришли поздравить тебя съ пріѣздомъ, и принесли тебѣ что можемъ. Денегъ у насъ нѣтъ: вотъ тебѣ вмѣсто нихъ гальки, а вотъ тутъ картошка: кушай на здоровье!»

Разсказываютъ, что генераль долго разспрашивалъ о чемъ-то умнаго юродиваго и его спутницу, ласково проводилъ ихъ, а потомъ, когда чиновничество собралось къ нему, онъ показалъ подарки, принесенные юродивыми, и держалъ къ чиновникамъ по этому поводу строгую, грозную рѣчь. Послѣ отъѣзда сановника юродивые поплатились, по распоряженію мѣстнаго начальства, за свой смѣлый поступокъ нѣсколькими днями ареста при полиціи. Но за то и взяточники не одобровали: многихъ изъ нихъ уволили отъ службы; злой змѣй лихоимства, хотя можетъ-быть и не навсегда, спряталъ свое ядовитое жало...

Юродиваго «графа» очень любили и цѣнили томскіе архипастыри, къ которымъ онъ часто являлся. Теперь мнимый или дѣйствительный «графъ» мирно покоится въ пріютившей его сибирской землѣ, а рассказы о немъ сохраняются въ памяти народной и многіе назидаются этими разсказами.

Воинъ-мученикъ.

Хотя приснопамятный и христілюбивый воинъ, о которомъ предлежитъ намъ слово, совершилъ свой подвигъ не въ Сибири, а въ Туркестанскомъ краѣ, но такъ какъ Туркестанъ находится, какъ и Сибирь, въ Азіатской Россіи, то о смиренномъ семъ рабѣ Божіемъ мы и поведемъ рѣчь наряду съ сибирскими подвижниками благочестія.

Въ г. Ташкентѣ, въ квартировавшемъ тамъ 2-мъ туркестанскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ, былъ каптенармусомъ унтеръ-офицеръ Оома Даниловъ, происходившій изъ крестьянъ села Кирсановки, Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губерніи. Трезвый, честный, усердный и распорядительный по своей должности служака, Оома Даниловъ былъ и вполне благочестивый человекъ,—любилъ посѣщать храмъ Божій и соблюдалъ, насколько возможно военному человеку, уставы св. Церкви. На родинѣ осталась у него молодая жена и 6-лѣтняя дочь. Самъ онъ былъ также не старше 30 лѣтъ отъ роду. За свои добрыя качества Даниловъ пользовался вниманіемъ своихъ начальниковъ и уваженіемъ товарищей и подчиненныхъ.

Началась война съ ханствомъ Коканскимъ (1874-1875 г.). Русскія войска, а въ числѣ ихъ и баталіонъ, въ которомъ служилъ Даниловъ, перешли чрезъ непріятельскую границу. При слѣдованіи отряда въ Наманганъ, каптенармусъ Оома Даниловъ, желая перегрузить имущество баталіона со сломавшейся въ дорогѣ арбы (двухколесная туземная телѣга) на другую, отсталъ отъ прикрытія и былъ захваченъ въ плѣнъ шайкой Кипчаковъ. Плѣнника доставили въ коканскую крѣпость Маргеланъ, и вывели на площадь передъ дворцомъ, занимаемымъ однимъ изъ военачальниковъ коканскихъ, Пулатъ-ханомъ. По приказанію послѣдняго къ русскому плѣннику вышелъ бѣглый ташкентецъ, Абдуль-Муминъ (въ послѣдствіи пойманный и казненный

русскими), и двукратно предлагалъ ему перейти въ мусульманство, обѣщая богатство и хорошія должности, а въ случаѣ отказа, угрожая разстрѣляніемъ. Даниловъ съ неодобованіемъ отвергъ эти предложенія, при чемъ говорилъ Мумыну: «я родился христіаниномъ, христіаниномъ и умру; а своему Царю далъ клятву не измѣнять, и буду ему вѣренъ».

Тогда несчастнаго подвергли разнымъ истязаніямъ, на которыя очень изобрѣтательны дикіе азіяты. Но Даниловъ только тихо молился. По приказанію Пулатъ-хана Мумынъ въ третій разъ пробовалъ прельстить Данилова, при чемъ снова угрожалъ въ случаѣ отказа разстрѣляніемъ. Тутъ Даниловъ громко, въ слухъ всѣхъ присутствующихъ, сказалъ: «напрасно вы надрыгаетесь,—не измѣню я Богу и Царю; а хотите убить, такъ убейте!» Тогда по приказанію Мумына, бросились на Данилова сипаи, и связавъ руки, привязали его къ доскѣ, прикрѣпленной къ арбѣ. Сипаи хотѣли снять съ Данилова крестъ, но онъ не позволилъ, сказавъ: «погодите немного,—когда умру, тогда возьмите». Креста съ него не сняли.

Когда противъ Данилова стали по приказанію Мумына 25 человекъ сипасевъ съ ружьями, перекрестился русскій воинъ, насколько позволяли ему связанные руки, и молитвенно поднялъ глаза къ небу. Былъ сдѣланъ неправильный залпъ: опустился Даниловъ, но, въ страшныхъ мученіяхъ жилъ еще около часу, тихо шепча слова молитвы.

Такъ мученически скончался воинъ-христіанинъ, до смерти оставшійся вѣрнымъ Богу и Государю. По собраннымъ по завоеваніи русскими Коканскаго ханства свѣдѣніямъ, смерть унтеръ-офицера Данилова произвела глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ при его казни; народъ, расходясь, говорилъ, что «русскій солдатъ умеръ, какъ батырь (т.-е. герой)». Да, поистинѣ это былъ герой-мученикъ, который, безъ сомнѣнія, блаженствуетъ теперь въ свѣтломъ сонмѣ святыхъ христіанскихъ страстотерпцевъ.

Жена и дочь воина-мученика были вскорѣ же обезпечены въ средствахъ къ существованію: Царь-мученикъ Александръ Николаевичъ всемилостивѣйше назначилъ вдовѣ Даниловой пожизненную пенсію по 120 руб. въ годъ, а земство Самарской губерніи собрало въ пользу вдовы и дочери своего земляка и молитвенника 1320 рублей.

Здѣсь приведены сказанія только о немногихъ сибирскихъ подвижникахъ благочестія, но ихъ было не мало, даже въ позднѣйшее время, и мы, если Богъ благословитъ, въ послѣдствіи быть можетъ представимъ еще нѣсколько такихъ же сказаній, собравши для того достовѣрные свѣдѣнія и матеріалы.

Прот. М. Путинцевъ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ УЧЕНІЯ РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КИРИЛЛА, ПЕРВОУЧИТЕЛЯ СЛАВЯНЪ.

Слово въ день празднованія памяти равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, 11-го мая *).

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе..., и подражайте вѣрѣ ихъ (Евр. 13, 7).

Мы собрались нынѣшній день для того, чтобы молитвою и вѣрующимъ христіанскимъ словомъ почтить св. братьевъ Меѳодія и Кирилла. И не одни только мы, но вся православная Россія торжествуетъ нынѣшій день. Повсюду въ храмахъ совершается праздничное богослуженіе и молебное пѣніе на прославленіе св. братьевъ. И, безъ сомнѣнія, во многихъ храмахъ произносятся въ сей день поученія для прославленія и оцѣнки заслугъ славянскихъ первоучителей.

Такое всероссійское торжество не служитъ ли доказательствомъ, что мы внеслемъ словамъ св. Апостола, глаголющаго намъ: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе?* Св. братья Меѳодій и Кириллъ были учителями, глаголавшими намъ слово Божіе. Они съ юности посвятили себя на служеніе Богу. Лучшіе годы своей жизни они провели въ томъ, что проповѣдовали слово Божіе людямъ невѣдущимъ его. Они постоянно вели борьбу то съ іудеями, то съ магометанами. Но Русскіе люди

*) Составлено по житію, приложенному къ „службамъ преподобнымъ отцемъ нашимъ Меѳодію и Кириллу“ (Изд. св. Синод. 1885 г.).

должны ублажать св. братьевъ преимущественно за то, что они были учителями Славянъ. Они не только насадили, но и укрѣпили и утвердили христіанство между славянами, заводя гдѣ возможно школы. Кромѣ того они, желая насколько возможно содѣйствовать укрѣпленію христіанства среди славянскихъ племенъ, дали имъ переводъ св. писанія и нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ. Дали такимъ образомъ Славянамъ возможность самимъ читать животворное божественное слово на ихъ родномъ языкѣ. Дали и намъ Русскимъ людямъ возможность наслаждаться этимъ величайшимъ для человѣка благомъ. Какъ же послѣ этого не ублажать ихъ намъ за ихъ дѣло? Какъ не ублажать ихъ намъ, когда они глаголали намъ слово Божіе? И мы ублажаемъ ихъ.

Нельзя однако не замѣтить, что совершаемое нами торжество есть исполненіе только половины заповѣди апостольской и притомъ половины легчайшей. Чествованіе славянскихъ первоучителей будетъ не полно, если не будемъ исполнять то, что содержится въ другой половинѣ апостольской заповѣди: *поминайте наставники ваша.... и подражайте вѣрѣ ихъ.*

Укажемъ на нѣкоторыя черты ученія вѣры поминаемыхъ нами святыхъ братьевъ, чтобы можно было потомъ подражать имъ.

Неизмѣримая бездна отдѣляетъ богооткровенную религію отъ религій, измышленныхъ человѣкомъ. Религіи, не имѣющія божественнаго происхожденія, всегда въ значительной степени отражаютъ человѣческую ограниченность и грѣховность. Ихъ нравственныя правила никогда не бываютъ чужды вліанія испорченной природы человѣческой и не только не уничтожаютъ страсти и пороки, но и поощряютъ оныя, а иногда даже боготворятъ. Какъ произведенія конечнаго существа, нравственныя правила ложныхъ религій такъ ограничены, что послѣдователь той или другой ложной религіи можетъ дойти до такой увѣренности въ своемъ совершенствѣ, что почтетъ себя въ правѣ сказать

своему богу: «богъ, я сдѣлалъ все и исполнилъ, что ты отъ меня требуешь».

Не то нужно сказать о религіи богооткровенной. Она произведеніе Существа премірнаго, стоящаго внѣ условій существованія міра, а потому и мысли, и правила, сообщаемыя этою религіей, неземныя. Потому и послѣдователь богооткровенной религіи никогда не можетъ дойти до такой степени совершенства, чтобы могъ сказать: «Господи, я все сдѣлалъ, что Ты повелѣваешь». Нѣтъ, опъ сколько бы ни трудился надъ своимъ усовершенствованіемъ, всегда скажетъ, что сдѣланное имъ ничтожно сравнительно съ тѣмъ, что еще нужно сдѣлать. Такимъ образомъ ложныя религіи могутъ возбуждать въ человѣкѣ самомнѣніе въ нравственномъ отношеніи, могутъ убаюкивать его и полагать предѣлъ его нравственному совершенству. Напротивъ религія богооткровенная влечетъ его къ безконечному совершенству. Нравственный идеалъ ложныхъ религій исполнимъ; нравственный же идеалъ богооткровенной религіи достигаемъ, но не исполнимъ. Сказанное нами—не паше, а принадлежитъ одному изъ святыхъ братьевъ—Кириллу. Со свойственною ему краткостію и образностію, онъ такъ выразился о религіи магометанской: «Ваша вѣра и законъ никакого имать неудобства, не яко море, но акы потокъ малъ, егоже всякій и великій, и малый прескочити безъ всякаго труда можеть: нѣсть бо въ вашей вѣрѣ что божественное и богодуховенное, но точію человѣчскіе обычаи и плотское мудрованіе» (См. 43 и 44 стр.). Въ этихъ словахъ св. Кирилла, какъ видитъ всякій, заключаются именно тѣ мысли, которыя были высказаны нами.

Итакъ подобно св. Кириллу и единомысленному съ нимъ его брату Меодію будемъ благоговѣть предъ высотою нравственныхъ правилъ христіанства и видѣть въ нихъ доказательство безконечнаго превосходства христіанской вѣры предъ магометанствомъ, высочайшаго ея совершенства.

Христіанство, превосходя магометанство—религію ложную, въ то же время отнюдь не ниже іудейства, которое по первоначальному своему источнику есть религія Божественная. Вотъ какъ раскрываетъ это тотъ же славянской учитель Кирилль.

Іудеи хвалятся тѣмъ, что ихъ законъ,—законъ Моисея,—древнѣе христіанскаго закона. Послѣдняго еще не было, а законъ Моисея уже былъ и притомъ онъ данъ самимъ Богомъ. Если такъ, то законъ Моисея, какъ древнѣйшій, есть, говорятъ, и совершеннѣйшій.—Правда, говоритъ святой Кирилль, законъ Моисея древній, но не древнѣйшій, потому что еще древнѣе его былъ данъ законъ Ною. Но позднѣйшій законъ не уничтожалъ древнѣйшаго, не опровергалъ его, а только совершеннѣе разъяснялъ волю Божию. Подобно сему и Новый завѣтъ не есть нѣчто совершенно не имѣющее связи съ Вѣтхимъ завѣтомъ,—нѣтъ, <законъ Христовъ не инъ, токмо той же, егоче даде Богъ на Синаѣ Моисею, еже не убити, не украсти, не прелюбодѣйствовати и пр. Рече бо Господь: не придохъ разорити законъ, но исполнити. Мы христіане не отщемъ ничего, что написано на скрижаляхъ, отщемъ же та, яже на скрижаляхъ не написана> (59—61 стр.).

Въ наше время нѣкоторые недоумѣваютъ, зачѣмъ въ христіанскомъ катихизисѣ объясняются ветхозавѣтныя заповѣди. Напрасное недоумѣніе. Еще за тысячу лѣтъ объяснено было, что Іисусъ Христосъ не инъ законъ принесъ, но тотъ же, который данъ Богомъ Моисею на Синаѣ. И самъ Господь говоритъ, что Онъ пришелъ не разорить законъ, но исполнить его.

Человѣкъ, какъ существо ограниченное, живущее подъ условіями пространства и времени, не можетъ постигать жизнь Существа, живущаго внѣ этихъ условій, т.-е. Существа вѣчнаго и безпредѣльнаго. И вотъ самъ Господь по своей безконечной благодати благоволилъ открыть людямъ о Себѣ самомъ, о своей внутренней жизни. Что же именно Господь открылъ о Себѣ для нашего спасенія? Онъ

открылъ, что Онъ Единъ по существу, но Троиченъ въ ипостасяхъ. Этотъ догматъ сокровеннѣйшій и непостижимѣйшій, а потому онъ всегда служилъ предметомъ нападеній со стороны невѣрующихъ.

Мысль о томъ, что три суть одно и одно—три, кажется противорѣчающею законамъ человѣческаго мышленія. Магометане и іудеи, вѣрующіе въ единого Бога, находили невозможнымъ мыслить единого Бога въ трехъ лицахъ, и св. братьямъ приходилось защищать этотъ важнѣйшій догматъ христіанства.

Ни для кого не тайна, что въ наше время нерѣдко между христіанами являются люди, которые находятъ невозможнымъ принять этотъ догматъ. Посмотримъ, какъ защищали св. братья догматъ о троичности Лицъ въ Божествѣ, чтобъ и намъ подражать ихъ вѣрѣ и не впасть въ искушеніе. Мудрецы сарацинскіе, глумясь надъ ученіемъ о Троичности, говорили: «како вы, христіане, единого суща Бога на три Бога раздѣляете? Отца бо нарицаете, и Сына и Духа. Аще же Богъ можетъ имѣть Сына, то и жену дадите Ему, да расплодятся отъ Него многи боги».

На такое глумленіе св. Кириллъ отвѣчалъ: «не хулите Св. Троицу, ибо ученіе о Ней есть и въ ветхомъ завѣтѣ, который вы не отвергаете совершенно. А затѣмъ, взгляните на солнце, говоритъ святыи первоучитель нашъ,—и вы увидите, что и въ природѣ есть нѣчто подобное святой Единосущной Троицѣ, и однако вы не находите страннымъ это явленіе. Взгляните на солнце,—въ немъ вы видите кругъ—дискъ; видите свѣтлый лучъ, отъ круга исходящій; ощущаете теплоту, исходящую отъ луча. Вы видите, что эти вещи—дискъ солнечный, лучъ и теплота—такъ тѣсно связаны одно съ другимъ, что составляютъ одно. Нѣтъ солнца, нѣтъ и его лучей, и его теплоты. Есть солнце, непременно есть и лучи и теплота. Итакъ всѣ три вещи должно мыслить не иначе, какъ вмѣстѣ, хотя каждая изъ нихъ существуетъ сама-по-себѣ какъ отдѣльная вещь. Три отдѣльныя вещи въ солнцѣ и однако онѣ мыслятся, какъ единое солнце (44—45 стр.).»

Такимъ образомъ сама природа показываетъ, что три можно мыслить какъ единое; что въ единомъ могутъ различаться отдѣльныя три вещи, хотя каждая изъ нихъ не можетъ быть совершенно отдѣлена отъ остальныхъ двухъ и взята какъ совершенно отдѣльная вещь. Почитаніе Св. Троицы не только не есть противорѣчіе мысли человѣческой, напротивъ, поклоненіе Троицѣ есть истинное богопочитаніе. «Еслибы кто, объясняетъ св. Кирилль, почиталъ царя, но презиралъ бы его слово, и его дыханіе, и еслибы напротивъ кто-либо другой одинаково почиталъ и самого царя и его слово и его дыханіе, то безъ сомнѣнія истиннымъ почитателемъ царскаго лица былъ бы послѣдній. Невозможно назвать почитателемъ царя того, кто презираетъ его слово и не дорожитъ его жизнью, ибо слово и дыханіе, хотя отдѣльныя сами въ себѣ вещи, однако они неотдѣлимы отъ личности царя» (54—55 стр.)

Такимъ образомъ если христіане почитаютъ Бога Отца и Слово Его—Сына, и Духа устъ Его—Святаго Духа, то они и суть истинные почитатели Бога. Богопросвѣщенный разумъ св. Кирилла всюду находилъ оправданіе догмата о Троицѣ: и въ видимой природѣ, и въ дѣлахъ житейскихъ. Если мы будемъ послушны заповѣди Апостола: «подражайте вѣрѣ ихъ», то и мы можемъ находить подтвержденіе и разъясненіе божественныхъ истинъ всюду, если только не будемъ намѣренно стараться отвергнуть ихъ. «Подражая вѣрѣ ихъ», не будемъ увлекаться вѣтромъ лжеименнаго знанія, не будемъ разсуждать о Богѣ несогласно съ тѣмъ, что Онъ самъ открылъ о Себѣ. Будемъ довольствоваться тѣмъ, что намъ дана возможность хоть сколько-нибудь приблизить къ своему разумѣнію откровенное ученіе.

Не меньшимъ нападкамъ подвергался и другой сокровеннѣйшій и непостижимѣйшій догматъ—догматъ о воплощеніи Сына Божія.

Ограниченный разумъ человѣческій, привыкшій мыслить каждое явленіе при опредѣленныхъ, уже извѣстныхъ усло-

віяхъ, въ недоумѣніи останавливается предъ ученіемъ христіанскимъ о воплощеніи Сына Божія и спрашиваетъ себя: какимъ образомъ безконечное можетъ соединиться съ конечнымъ? Какимъ образомъ можетъ быть безсѣменное зачатіе? Какъ можетъ родившая остаться дѣвой? Такіе и подобные имъ вопросы естественно возбуждаются въ душѣ невѣрующаго.

И дѣйствительно, житіе св. Кирилла представляетъ намъ, что іудеи и магометане неоднократно ставили такіе вопросы, какъ неразрѣшимые, и хотѣли унизить этимъ христіанское ученіе. Что же говоритъ св. Кириллъ объ этомъ догматѣ христіанскомъ?

Мудрецы сарацинскіе спрашивали св. философа: «како вы христіане скажете, яко Богъ отъ жены родися? Можетъ ли Богъ отъ утробы женскія родитися?» — «Не отъ жены родился Богъ, отвѣчалъ имъ св. Кириллъ, а отъ Пречистой Дѣвы, Которая оставалась Приснодѣвой. Воплощеніе Сына Божія случилось вышеестественнымъ образомъ отъ Духа Святаго по волѣ Бога, Которому повинуется всякое созданное естество: *идъже бо хоцетъ Богъ, побъждается естества чинъ*. Если же Иисусъ Христосъ родился отъ Дѣвы вышеестественнымъ образомъ, чрезъ нагнѣ Духа Святаго, то ясно, что Онъ Богъ, потому что простой человѣкъ раждается естественнымъ образомъ отъ брачной жены. Слѣдовательно, если Богъ воплотившійся родился отъ Дѣвы, то въ этомъ ничего нѣтъ неестественнаго и способнаго смутить разумъ человѣческій; напротивъ большее несоотвѣтствіе естественности представляло бы рожденіе воплотившагося Бога отъ жены обыкновеннымъ путемъ (46 стр.).

Далѣе для Бога ничего нѣтъ унизительнаго, если Онъ родился отъ человѣка, какъ человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто прежде всего можетъ и достоинъ принять царя, главный ли его сановникъ или послѣдній рабъ? Безъ сомнѣнія первый. Св. писаніе показываетъ намъ, что Господь Моисею явился въ купинѣ; пророку Или, Іову и Моисею

Онъ являлся въ бурѣ, въ облакѣ, въ дымѣ и въ огнѣ, вмѣщался въ нихъ. Всѣ эти предметы бездушныя, и однако Господь являлся въ нихъ. Что же послѣ сего удивительнаго, если Онъ вмѣстился въ утробѣ Пречистой Дѣвы, которая одарена душою и притомъ честнѣйшая подобныя себѣ одушевленныхъ тварей?

«Подражайте вѣрѣ ихъ», говоритъ намъ святой Апостоль. Смотрите, какъ они, не мудрствуя паче, еже подобаетъ мудрствовати, умѣли уяснить глубочайшія тайны премудрыхъ плановъ Божіихъ въ дѣлѣ нашего спасенія. Смотрите, какъ они умѣли держать разумъ въ послушаніи вѣры. Подражайте же вѣрѣ ихъ во изгледахъ ихъ на христіанскую религію и ея главнѣйшіе догматы.

Въ наше время все болѣе и болѣе распространяется мнѣніе, что человѣкъ есть только болѣе развитое животное. Являлись попытки показать, что человѣкъ произошелъ отъ животныхъ. Откуда явилось такое странное стремленіе сдѣлать своими праотцами животныхъ? Одна изъ причинъ такого заблужденія есть та, что человѣкъ по самой природѣ своей имѣетъ нѣчто сходное съ животными. Чтобы не увлечься и намъ такимъ ученіемъ, унижающимъ достоинство человѣческой природы, нужно руководиться ученіемъ св. Кирилла о человѣкѣ.

Богъ, говоритъ онъ, создалъ человѣка, какъ звѣно между небомъ и землей, между ангелами и скотами. Разумомъ отдѣлилъ его отъ скотовъ, гнѣвомъ же и похотию отдѣлилъ его отъ ангеловъ. Далъ ему свободную волю. А потому человѣкъ, смотря по его дѣятельности, или приближается къ ангеламъ и общается съ ними, если работаетъ Богу, или приближается къ скотамъ, если работаетъ похотямъ человѣческимъ безъ воздержанія (43 стр.).

Находятся въ наше время люди, которые обвиняютъ Церковь въ томъ, будтобы она, оставивши свое положеніе руководительницы, сдѣлалась рабою общества христіанъ и не только не руководитъ ихъ, но сама иногда прислушивается къ ихъ мнѣнію и, искажая Христово ученіе,

старается оправдать эти ложныя мнѣнія. Въ подтвержденіе своего мнѣнія указываютъ между прочимъ на то, что войны прямо противорѣчатъ Христову ученію.

Это дерзкое обвиненіе, направленное противъ церкви, не ново. Тысячу лѣтъ тому назадъ Сарацены говорили: «если Христосъ есть вашъ Богъ, то почему вы не творите, какъ Онъ велитъ вамъ? Онъ повелѣваетъ вамъ молиться за враговъ, добро творить ненавидящимъ и гонящимъ васъ, обращать ланиту бьющимъ васъ; вы же не такъ поступаете, но дѣлаете противное. На творящихъ вамъ злое оружіе остриете, на брань исходите, убиваете!»

Блаженный Константинъ отвѣчалъ на это такъ: «Если людямъ для исполненія будутъ поданы двѣ заповѣди, то безъ сомнѣнія истинный законохранитель будетъ тотъ, который исполнитъ обѣ заповѣди. Но Христосъ, заповѣдавшій своимъ послѣдователямъ молиться за враговъ и дѣлать добро ненавидящимъ насъ, въ тоже время сказалъ: *больши сея любви никтоже имать, да что душу свою положи за други своя.*† И мы, говоритъ далѣе св. учитель, исполняемъ обѣ эти заповѣди, ибо каждый въ особенности терпѣть обиды, переносить ихъ; въ обществѣ же другъ друга заступаемъ, полагающе своя души, чтобы вы, плѣняя, не плѣнили вмѣстѣ съ тѣломъ и души нашихъ братьевъ, убѣдивши ихъ къ богопротивнымъ злымъ дѣяніямъ» (47 стр.).

Какъ труденъ повидимому вопросъ и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ просто его рѣшеніе! Любить враговъ, дѣлать добро ненавидящимъ—заповѣдь Господня; но она касается частной жизни каждаго изъ насъ, она дана каждому изъ насъ *въ особенности*, т.-е. каждый изъ насъ долженъ прощать своимъ личнымъ врагамъ. Высшая любовь наша къ ближнему выражается въ томъ, что мы не щадимъ своей жизни для ихъ блага. Когда человекъ вступаетъ въ битву, то не о себѣ онъ думаетъ, а о другихъ, потому что его личные интересы скорѣе побуждаютъ укрыться отъ битвы. Такимъ образомъ война есть выраженіе высшей любви однихъ къ

другимъ и слѣдовательно она есть исполненіе заповѣди Господней и не противорѣчитъ первой.

«Подражайте вѣрѣ ихъ», побуждаетъ насъ св. Апостоль. Будемъ же знать, что Господь не можетъ самъ Себѣ противорѣчить, что заповѣди всѣ одинаково должны быть исполняемы. Если же намъ кажется, что онѣ разногласятъ, то будемъ знать, что такъ кажется единственно отъ нашего незнанія и непониманія. Поминаемые нами святые глубоко чтили вѣру Христову, твердо держались догматовъ, не мудрствуя паче еже подобаетъ мудрствовать.

Прославимъ же ихъ своими молитвами и вознесемъ къ нимъ прошеніе, чтобы они, просвѣщавшіе людей при своей земной жизни, исходатайствовали у Господа и намъ твердость вѣры и ясность пониманія христіанскаго ученія.

Свящ. Н. Красновскій.

ОБЪ ИСТИННОМЪ СМЫСЛЪ И ЗНАЧЕНІИ

содержащихся въ полемическихъ противораскольническихъ сочиненіяхъ прежняго времени порицаній на именуемые старыя обряды.

Московскіе единовѣрцы обратились въ Святѣйшій Синодъ съ прошеніемъ объ изданіи отъ имени Святѣйшаго Синода постановленія, въ коемъ было бы разъяснено, что православная Греко-Россійская Церковь не утверждаетъ и не раздѣляетъ тѣхъ порицательныхъ выраженій на именуемые старыя обряды, которые содержатся въ противораскольническихъ сочиненіяхъ прежняго времени. Въ основаніе таковой просьбы единовѣрцы указываютъ на то, что означенныя порицательныя выраженія, смущая единовѣрцевъ, препятствуютъ и обращенію раскольниковъ въ лоно православной Церкви, на основаніи правилъ единовѣрія. Равнымъ образомъ изъ отзывовъ миссіонеровъ и Московскаго Братства святаго Петра митрополита усматривается, что расколоучители дѣйствительно съ большимъ успѣхомъ пользуются содержащимися въ полемическихъ сочиненіяхъ прежняго времени «жестокословными», по ихъ выраженію, порицаніями именуемыхъ старыхъ обрядовъ, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ утвержденію раскола между старообрядцами и къ совращенію въ расколъ нетвердыхъ въ вѣрѣ сыновъ православной Церкви, и что для достиженія таковыхъ цѣлей расколоучителями составляются и дѣятельно распространяются особья тет-

ради, наполненные выписками подобныхъ выраженийъ изъ противораскольническихъ сочиненій. Въ виду изложеннаго и по вниманію къ тому, что встрѣчающіеся въ противораскольническихъ сочиненіяхъ прежняго времени порицательные отзывы о двуперстїи и другихъ именуемыхъ старыхъ обрядахъ, употребляемыхъ нынѣ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода въ единовѣрческихъ церквахъ, могутъ давать неразумнымъ ревнителямъ раскола поводъ къ порицанію Россійской Церкви, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію 20 декабря 1885—4 марта 1886 года, призналъ полезнымъ издать во всеобщее свѣдѣніе нижеслѣдующее изъясненіе о содержащихся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени порицаніяхъ на именуемые старые обряды.

Изъясненіе о содержащихся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени порицаніяхъ на именуемые старые обряды.

Въ благочестивое царствованіе государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича, при святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ, предпринято было соборное по греческимъ и древле-славянскимъ подлинникамъ, исправленіе употреблявшихся у насъ печатныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ, дабы сообщить онымъ надлежащую правильность и ввести необходимо нужное единообразіе въ отправленіи церковныхъ службъ, котораго не могло быть дотолѣ при великомъ несходствѣ находившихся въ употребленіи богослужебныхъ книгъ разнаго изданія, и дабы чины и обряды Церкви Россійской привести въ согласіе съ общепотребляемыми въ православной восточной Церкви. Въ то время Божіимъ попущеніемъ явились нѣкоторые неразумные ревнители мнимой старины, съ ожесточеніемъ возставшіе противъ сего, поистинѣ святаго и необходимо нужнаго церковнаго дѣла, усмотрѣвшіе въ немъ посягательство на древле-православную, отцами преданную вѣру, начавшіе распространять такіа неправыя мнѣнія свои въ

народѣ и многихъ тѣмъ смутившіе. Когда были потомъ напечатаны исправленныя церковно-богослужебныя книги и вводились въ употребленіе, тѣже неразумные ревнители мнимой старины еще рѣшительнѣе стали писать, учить и проповѣдовать, что якобы сими книгами искажена православная древле-отческая вѣра, что книги сіи будтобы наполнены всякими новшествами и ересями; наипаче же возстали неразумные ревнители мнимой старины противъ нѣкоторыхъ соборнѣ исправленныхъ чиновъ и обрядовъ, взрыгая страшныя и нестерпимыя на нихъ хуленія: троеперстное во имя Святыя Троицы сложеніе руки для крестнаго знаменія назвали не только еретическимъ, но и печатію антихриста; написанное съ двумя въ началѣ гласными имя Христа Спасителя «Исусъ» — именемъ иного бога, противника Христова, въ котораго якобы и вѣруютъ принявшіе новоисправленныя книги; четвероконечный крестъ — не истиннымъ крестомъ Христовымъ, сѣнію его и непотребнымъ въ Церкви, латынскимъ крыжемъ, трегубое аллилуія — латынскою ересію, и проч., и проч.; наконецъ и самую Церковь Греко-Россійскую признали и огласили падшею, безблагодатною, еретическою, зараженною сквернами антихриста. Великій Московскій Соборъ 1667 года, бывшій подъ предсѣдательствомъ двухъ восточныхъ патріарховъ и московскаго патріарха Іоасафа, рассмотрѣвъ новоисправленныя книги, чины и обряды, одобрилъ ихъ яко правоисправленныя, и повелѣвъ принять въ церковное употребленіе, произнесъ отлученіе и клятву на всѣхъ, кто послѣ сего будетъ считать новоисправленныя книги, чины и обряды, неправоисправленными, поврежденными, еретическими и, подобно упомянутымъ неразумнымъ ревнителямъ старины, будетъ обносить и Церковь и содержимые ею обряды тяжкими обвиненіями и хулами. Судъ великаго Московскаго Собора былъ произнесенъ вполне законно и справедливо. Но ожесточенные ревнители мнимой старины и ихъ неразумные послѣдователи, наименовавшіе себя старовѣрами и старообрядцами, не только не

подчинились опредѣленію и суду Собора, но и съ большимъ еще ожесточеніемъ стали проповѣдывать и писать въ своихъ сочиненіяхъ тѣже страшныя хулы на Церковь, ея таинства и обряды, какія были проповѣдуемы первыми расколоучителями. Такъ проповѣдуютъ и пишутъ они даже до сего дне.

Пастыри православной Церкви, свѣдаемые ревностію о чистотѣ ея и непорочности, о похвалѣ и славѣ ей подобающихъ, не могли быть безмолвными и спокойными свидѣтелями произносимыхъ на нее укоризнъ и хуленій отъ первоучителей раскола и учениковъ ихъ. Люди столь дерзновенно обвинявшіе Церковь въ зараженіи ересями, назвавшіе и объявившіе исправленные ею чины и обряды еретическими и въ открытое ей противленіе употребившіе и допускавшіе къ употребленію, исключительно такъ именуемые у нихъ, старыя обряды, которымъ усвоили притомъ значеніе неизмѣняемыхъ догматовъ вѣры, такими своими дѣйствіями и ученіями давали православнымъ пастырямъ основаніе не только въ нихъ самихъ видѣть омраченныхъ злобою противниковъ Церкви, но и въ проповѣдуемыхъ ими ученіяхъ, равно какъ и въ упорно защищаемыхъ ими несходныхъ съ содержимыми всею православною Церковію обрядахъ усматривать «знаменія ереси и раздора». Посему-то пастыри Церкви и другіе ревнители православія, встрѣчаясь съ лжеученіями мнимыхъ старообрядцевъ, слыша отъ нихъ, особенно же читая въ распространяемыхъ ими сочиненіяхъ нестерпимыя для благочестиваго христіанскаго чувства хуленія на святую Церковь, на имя Христа Спасителя «Исусъ», на троеперстное сложеніе и прочіе православныя обряды,—будучи свѣдаемы ревностію дома Божія, не удерживались отвѣчать безумнымъ по безумію ихъ, произносятъ и съ своей стороны порицательныя отзывы о нѣкоторыхъ обрядахъ, содержимыхъ ревнителями раскола, каковыя отзывы, выраженные со свойственною ихъ времени рѣзкостію, внесли и въ составленныя ими противъ сихъ ревнителей сочиненія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что встрѣчасмыя въ сочиненіяхъ православныхъ пастырей порицательныя выраженія о именуемыхъ старыхъ обрядахъ были вызваны съ одной стороны, именно указанными нестерпимыми хулами на православную Церковь и православныя обряды отъ проповѣдниковъ раскола, на которыхъ собственно и падасть вина въ семь случаевъ, а съ другой стороны горячею и достойною уваженія ревностію помянутыхъ пастырей о Церкви Божіей, хотя и простертою за предѣлы христіанскаго снисхожденія къ неразумнымъ хульникамъ ея, дерзко поносившимъ ея, тогда какъ она въ ученіи и обрядѣ всегда пребываетъ непорочною. Что касается въ частности двуперстія, то усматривать въ немъ неправославное значеніе располагало православныхъ писателей и то обстоятельство, что съ симъ перстосложеніемъ дѣйствительно соединяли противныя православію понятія не только первоучители раскола: Аввакумъ, Лазарь и другіе, державшіеся еретическихъ мнѣній о Святой Троицѣ, но и многіе изъ ихъ послѣдователей (какъ на примѣръ составитель *Поморскихъ ответовъ* Андрей Денисовъ и въ недавнее время учредитель Бѣлокриницкой іерархіи инокъ Павелъ), учившіе, что въ двуперстномъ сложеніи при образованіи Святой Троицы великимъ и двумя послѣдними перстами Второе Лицо, то-есть Сына Божія, надлежитъ разумѣть пага отъ воплощенія, каковое ученіе содержатъ многіе старообрядцы и доселѣ. По всему этому снисходительно принимались и терпѣливо допускались Церковію и содержащіеся въ полемическихъ книгахъ порицательныя отзывы о именуемыхъ старыхъ обрядахъ; о двуперстіи же, какъ имѣющемъ въ раскольническомъ употребленіи неправославное значеніе, дозволено было нѣкогда внести таковой отзывъ даже въ предисловіе *Псалтири* и *Часослова*. Но тѣмъ не менѣе православная Церковь отличала и отличаетъ именуемыя старыя обряды, по существу и смыслу ихъ, отъ того, въ какомъ значеніи и въ какихъ отношеніяхъ къ Церкви употребляются они неразумными

ихъ ревнителями. Она строго осуждала и не переставетъ осуждать такихъ ревнителей именуемыхъ старыхъ обрядовъ, которые усвояютъ симъ обрядамъ значеніе, равное значенію догматовъ вѣры, притомъ соединяя съ ними нѣкоторыя ложныя, не согласныя съ истиннымъ вѣроученіемъ Христовой Церкви мудрованія, и посему требуютъ исключительнаго ихъ употребленія, за употребленіе же другихъ, именно соборъ исправленныхъ обрядовъ, осуждаютъ и укоряютъ православную Церковь, отвергаютъ ея святость и спасительность, отдѣляются отъ общенія съ нею въ молитвахъ и таинствахъ, не подчиняются ея священноначалію и составляютъ собственные, самочинныя собранія, лишеныя священства и таинствъ, или управляемыя лицами, незаконно носящими священныя званія. Но строго осуждая такихъ ревнителей мнимо стараго обряда, которые такимъ образомъ въ его употребленіи являютъ «знаменія ереси и раздора», Церковь не предаетъ осужденію и порицанію самые обряды, именуемые старыми, не находитъ и ихъ, по существу и подлинному смыслу ихъ, противными православію.

Такъ еще великій Московскій Соборъ 1667 года въ своемъ опредѣленіи 13 мая, изданномъ «въ вѣчное утвержденіе и присное воспомяваніе», строго осудивъ, предавъ отлученію и клятвѣ всѣхъ непокоряющихся его опредѣленію о новоисправленныхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ, и вопреки оному называющихся сіи книги, чины и обряды неправо-исправленными, еретическими, и дерзающихъ поносить православную Церковь, ихъ употребляющую, тяжкими укоризнами, не подвергъ однакоже осужденію, порицанію и безусловному воспрещенію обряды, употреблявшіеся въ Россіи до исправленія помянутыхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ. Это вѣрно, потому что въ подлинномъ текстѣ соборнаго постановленія отъ 13 мая никто смотрящій не предубѣжденными очами не найдетъ и не укажетъ прямаго, ясно и опредѣленно выраженнаго осужденія сихъ обрядовъ, или

пореченія ересію, и даже безусловнаго воспрещенія употреблять ихъ, почему и сами порицатели великаго Московскаго Собора дѣлають только заключенія о такомъ ихъ воспрещеніи изъ строгихъ соборныхъ повелѣній употреблять обряды новоисправленные, а прямаго и точно выраженнаго безусловнаго воспрещенія именуемыхъ старыхъ обрядовъ указать въ соборномъ опредѣленіи не могутъ. Такимъ образомъ еще на Соборѣ 1667 года, опредѣленіе котораго имѣетъ и должно имѣть непререкаемую твердость, православная Церковь различала употребляющихъ именуемые старые обряды отъ самыхъ обрядовъ, которые въ существѣ ихъ и истинномъ значеніи не признавала подлежащими порицанію и безусловному воспрещенію.

Когда потомъ нѣкоторые изъ глаголемыхъ старообрядцевъ обратились къ Святѣйшему Россійскому Синоду съ просьбой, дабы дозволено имъ было, въ полномъ съ Церковію единеніи и въ полномъ ей повиновеніи, употреблять любимые ими «старые» обряды,—тогда православная Церковь новымъ, еще болѣе яснымъ и рѣшительнымъ актомъ засвидѣтельствовала, что признаетъ сіи обряды несодержащими по существу своему что-либо противное православію и дозволительными для тѣхъ, которые не хулятъ новоисправленныхъ чиновъ и обрядовъ и не отдѣляются отъ православной Церкви, но находятся въ общеніи съ нею. Поэтому она учредила единовѣріе и благословила единовѣрцамъ употреблять, ничтоже сумняся, ихъ именуемые старые обряды, какъ непротивные православію по своему значенію и данному отъ святой Церкви благословенію употреблять оныя.

Въ послѣдствіи, къ вѣщшему успокоенію тѣхъ, которые по благословенію Церкви и въ общеніи съ нею, употребляютъ именуемые старые обряды, Святѣйшій Синодъ призналъ справедливымъ и нужнымъ исключить изъ упомянутаго выше предисловія Псалтири и Часослова порицательныя выраженія о двуперстномъ сложеніи

руки для крестнаго знаменія и тѣмъ засвидѣтельствовалъ, что и сей въ частности обрядъ Церкви признавала неправославнымъ только въ томъ его значеніи, въ какомъ употребляли его Аввакумъ, Лазарь, Денисовъ и имъ подобные (какъ выше сказано), а въ подлинномъ его знаменованіи, въ какомъ употребляется онъ единовѣрцами и большинствомъ самихъ глаголемыхъ старообрядцевъ, какъ показалъ долговременный опытъ, и святая Церковь не признастъ его неправославнымъ и подлежащимъ порицанію.

Такое церковное возрѣніе на именуемыя старыя обряды раскрывали въ своихъ всѣмъ извѣстныхъ сочиненіяхъ и приснопамятныя первосвятители Россійской Церкви: Платонъ и Филаретъ, митрополиты московскіе, и Григорій митрополитъ повгородскій.

Если нѣкоторыя изъ полемическихъ сочиненій прѣжняго времени, въ коихъ встрѣчаются порицательныя выраженія о именуемыхъ старыхъ обрядахъ, были издаваемы и издаются «съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода», то надлежитъ знать, что «разрѣшеніе» сіе касается не въ частности этихъ именно порицательныхъ выраженій, но общаго содержанія помянутыхъ сочиненій, отличающихся высокими достоинствами и принадлежащихъ архипастырямъ, достойнымъ вѣчной памяти за свой трудъ и за свою ревность о Церкви. Исключать изъ сихъ сочиненій порицательныя выраженія и подвергать ихъ какимъ-либо исправленіямъ признается нынѣ неудобнымъ, потому что эти сочиненія составляютъ историческіе памятники письменности прошлаго времени, изданіе которыхъ должно въ точности соотвѣтствовать подлинному ихъ тексту, измѣненіе коего и сами старообрядцы могутъ поставить въ вину-издателямъ. Итакъ, то обстоятельство, что полемическія противъ раскола сочиненія прѣжняго времени издавались и нынѣ издаются Святѣйшимъ Синодомъ, не можетъ служить доказательствомъ того, будтобы Церковь вполне раздѣляетъ содержащіяся въ сихъ сочиненіяхъ порицательныя

отзывы объ именуемыхъ старыхъ обрядахъ. Свое собственное о сихъ обрядахъ мнѣніе православная Церковь достаточно ясно выразила въ указанныхъ выше своихъ дѣйствіяхъ, прямо къ нимъ относящихся, именно: въ соборномъ постановленіи 13 мая 1667 года, въ учрежденіи единовѣрія, въ исправленіи предисловія *Псалтири* и *Часослова*, къ каковымъ ся дѣйствіямъ надлежитъ присоединить и творенія приспомянутыхъ ся архипастырей, митрополитовъ: Платона, Филарета и Григорія.

Послику же, несмотря на все это, ревнители раскола тщатся возлагать на Церковь вину и отвѣтственность за встрѣчаемыя въ прежнихъ полемическихъ книгахъ порицательныя выраженія о нѣкоторыхъ именуемыхъ старыхъ обрядахъ, притомъ преувеличиваютъ и извращаютъ смыслъ сихъ выраженій, а многіе единовѣрцы и даже нѣкоторые православные, питающіе расположеніе къ старому обряду, смущаются сими выраженіями, вѣроятно подъ вліяніемъ раскольническихъ превратныхъ толковъ, то въ устраненіе всякихъ лжетолкованій и въ прекращеніе всякихъ сомнѣній, Святѣйшій Синодъ Церкви Россійской, посредствомъ настоящаго изясненія, даетъ знать всѣмъ, что православная Церковь признаетъ содержащееся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени порицательныя отзывы и выраженія объ именуемыхъ старыхъ обрядахъ принадлежащими лично писателямъ сихъ сочиненій, которыми они произнесены по особенной ревности о защитѣ православной Церкви и содержимыхъ ею обрядовъ отъ нестерпимо дерзкихъ хуленій на оныя со стороны раскольническихъ писателей; сама же не раздѣляетъ и не подтверждаетъ сихъ отзывовъ и выраженій. Православная Церковь признаетъ подлежащими отлученію и клятвѣ всѣхъ непокоряющихся постановленію великаго Московскаго Собора о новоисправленныхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ, то-есть всѣхъ тѣхъ, которые въ противность сему постановленію признаютъ исправленныя книги, чины и обряды неправо ис-

правленными, даже еретическими, объявили за ихъ исправленіе православную Церковь падшею, безблагодатною, зараженною ересями и не имѣютъ общенія съ нею, а въ знакъ своего противленія сей Церкви и порицанія содержимыхъ ею обрядовъ употребляютъ и требуютъ исключительно употреблять такъ называемые старыя обряды, которымъ усвоятъ притомъ значеніе неизмѣняемыхъ догматовъ вѣры и противный православію смыслъ. Но подвергая такому суду неразумныхъ и ожесточенныхъ ревнителей именуемыхъ старыхъ обрядовъ, православная Церковь не произносила и не произноситъ никакого осужденія на эти обряды, которые сами-по-себѣ и независимо отъ значенія, усвоеннаго имъ раскольниками, признавала и признаетъ не представляющими ничего противнаго православію, и употребленіе ихъ, не въ знакъ противленія Церкви, но въ полномъ общеніи съ нею, по ея собственному благословенію вполне дозволительнымъ.

Да заградятся же уста облыгающихъ святую Церковь, якобы она поноситъ тяжкими пореченіями тѣ обряды, которые сама благословила къ употребленію нѣкоторымъ изъ чадъ своихъ, и никто, употребляющій сіи обряды по благословенію Церкви, да не смущается подобными лживыми толками враговъ Церкви, ратующихъ за расколъ.

Богъ же мира да будетъ со всѣми ищущими мира въ союзѣ вѣры и да водворится въ сердцахъ ихъ миръ сей, къ которому всѣ мы призваны, чтобы составить одно тѣло, едину Церковь Божию о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ (Колос. гл. 3, ст. 15; гл. 1, ст. 18).

МОСКОВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ФИЛАРЕТЪ

и его отношеніе къ дѣлу воссоединенія униатовъ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія въ царствованіе Государя Императора Николая Павловича въ церковно-исторической жизни западнаго края нашего отечества произошло событіе первостепенной важности, которое навсегда останется неизгладимымъ въ лѣтописяхъ славнаго царствованія этого Государя. Въ 1839 г. присоединено было къ лону православной русской Церкви болѣе чѣмъ полуторамилліонное населеніе областей западнаго края, отторгнутыхъ въ давнія смутныя времена отъ Россіи Литвою и въ послѣдствіи присоединенныхъ къ Польшѣ. Народъ, заселявшій эти области, издавна сохранялъ безпрепятственно греческую восточную вѣру и священные обряды богослуженія, отправляемаго на природномъ славянскомъ языкѣ. Давняя политическая зависимость отъ Польши, скоро поставила его въ зависимость религіозную. Католическое Польское правительство при ревностномъ содѣйствіи вѣрныхъ слугъ папы іезуитовъ подготовило нечувствительными мѣрами унию, введенную здѣсь при королѣ Сигизмундѣ III, а потомъ благодаря этой переходной религіозной ступени, совратило въ католичество большую часть населенія края. Какъ скоро униєю или соединеніемъ церквей устранена была преграда раздѣляющая ихъ, то Русскіе князья, потомки св. Владиміра, единовѣрные имъ князья литовскаго племени и прочіе вельможи, увлеченные обнадешиваніями двора и пронырствами іезуитовъ, оставивъ вѣру своихъ предковъ, оставили съ презрѣніемъ и самую

упію, дабы въ нѣдрахъ господствующей латинской церкви удовлетворить свое любочестіе. За князьями послѣдовало духовенство, во всемъ зависимое отъ нихъ и потому имъ покорное, а по стопамъ пастырей безотчетно шли массы населенія. И вотъ къ началу царствованія императора Николая не оставалось почти уже никакой преграды для совершеннаго совращенія уніатовъ къ Римскому обряду. Уніатскіе священники обрили по примѣру католическихъ свои бороды, покидали съ себя рясы. Они ввели множество Римскихъ обрядовъ при богослуженіи въ уніатскихъ церквахъ и стали чтить вмѣстѣ съ народомъ всѣ Римскіе праздники. Римскіе папы, радуясь столь успѣшному совращенію въ католичество массы православнаго населенія, поспѣшили учредить особый крестъ для ревностныхъ уніатскихъ бѣлыхъ священниковъ и составили на подобіе Римскихъ уніатскіе капитулы. Но къ счастью, не забылъ Всевышній православную Церковь въ литовскомъ краѣ. Въ началѣ текущаго столѣтія Онъ готовилъ въ орудіе для служенія православной Церкви въ этомъ краѣ незнатнаго по происхожденію, но сгаравшаго ревностію къ православной Церкви новаго апостола въ лицѣ литовскаго митрополита Іосифа Сѣмашки. Ему-то, его пламенной ревности и неутомимой дѣятельности обязаны уніаты западно-русскихъ областей своимъ возрожденіемъ и обращеніемъ въ лоно православной Церкви. «Въ порывѣ пламенной ревности, пишетъ самъ о себѣ митрополитъ литовскій, я считалъ себя какъбы призваннымъ свыше для совершенія этого дѣла» (Зап. Іосифа т. III, 157 стр.).

Воспитанный въ духѣ православной Церкви, ревностный пастырь въ теченіе всей своей жизни болѣлъ сердцемъ и душою за родную для него уніатскую церковь и съ малыхъ лѣтъ зорко наблюдалъ за всѣми событіями, переживаемыми ею. Въ началѣ въ качествѣ простаго засѣдателя въ грекоуніатской коллегіи въ Петербургѣ, а потомъ въ санѣ епископа, предсѣдателя тойже коллегіи, ревностный святитель неуклонно старался и самъ идти и всячески по-

буждать правительство и направлять его мѣропріятія по заранѣе приготовленному пути. Этотъ путь или планъ дѣйствій въ отношеніи къ уніатамъ состоялъ въ томъ, чтобы прежде всего изъять ихъ изъ - подъ власти Римлянъ, разорвать слишкомъ тѣсную связь, возникшую между первыми и послѣдними; дать уніатамъ нѣкоторую самостоятельность и особое управленіе; ввести воспитаніе духовенства, способное возродить понятія и убѣжденія, свойственныя восточной ихъ Церкви. При живомъ личномъ усердіи, при благосклонномъ содѣйствіи Государя Николая Павловича, «принимавшаго къ сердцу уніатское дѣло и онимъ занимавшагося» (Зап. Іосифа ч. I, 45), маститый іерархъ литовской церкви еще при жизни своей вкушалъ плоды своей апостольской дѣятельности. Оторванные Римскою церковію и совершенно олатинившіеся униты Литовскаго края были вновь обращены къ православію. Высокій апостольскій подвигъ обращенія въ лоно Церкви православной полуторамилліоннаго населенія литовскаго края, свершенный святителемъ Іосифомъ, прошелъ не безъ нѣкоторой доли участія въ этомъ дѣлѣ и со стороны другаго святителя. Разумѣемъ архипастыря московскаго митрополита Филарета. Относительно участія московскаго архипастыря въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ митрополитъ Іосифъ пишетъ въ своихъ «Запискахъ»: «По моему настоянію между нами установились издавна, впослѣдствіи ставшія постоянными, общія совѣщанія по важнѣйшимъ дѣламъ съ тою цѣлію, чтобы мѣры принимаемыя по уніатскому вѣдомству, принимаемы были въ соображеніе и по управленію православной Церкви» (Зап. Іосифа ч. II, стр. 69). Первое изъ такихъ совѣщаній при участіи графа Блудова, кажется, касалось вопроса о переводѣ на польскій языкъ сочиненія московскаго митрополита: «Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи греко-россійскія восточныя церкви». — «Я какъ собственнымъ опытомъ, такъ и на другихъ уже испыталъ силу сего сочиненія, въ отношеніи къ внутреннему убѣжденію, безъ коѣго всѣ

другіе способы привлекутъ въ нѣдра греко - російскія церкви развѣ нѣсколькихъ низкихъ переметчиковъ, болѣе стыда, нежели чести нанести оной могущихъ», пишетъ митрополитъ Іосифъ о достоинствѣ этого труда архипастыря московскаго. «Основательность онаго, продолжаетъ онъ, и особенно рѣдкая въ подобныхъ предметахъ умѣренность должны охладить фанатизмъ самаго ревностнаго Римскаго католика и принудить къ почитанію той Церкви, которая, имѣя толико твердыя основанія своего вѣроисповѣданія, съ толикимъ однако снисхожденіемъ смотритъ на другія церкви, съ нею несогласныя» (№ 22 прилож. ко 2 ч. Зап. Іосифа). Въ дѣлѣ перевода этого сочиненія все устроилось по мысли Іосифа и даже нѣсколько фразъ, прибавленныхъ по желанію гр. Блудова къ сочиненному Іосифомъ предисловію *отъ издателя*, были исключены. Вскорѣ послѣ перевода на польскій языкъ сочиненія московскаго святителя обнаружилось живое и дѣятельное его участіе въ дѣлахъ грекоуніатской церкви. Въ началѣ царствованія императора Николая Павловича высшее управленіе римскокатолической и уніатской церкви въ Россіи зависѣло отъ римскокатолической коллегіи, находившейся въ С.-Петербургѣ и раздѣленной на два департамента—римскокатолическихъ и уніатскихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ въ каждомъ особаго митрополита. По горячему ходатайству Іосифа Сѣмашки, 22-го апрѣля 1828 г. учреждена была въ Россіи для уніатскихъ дѣлъ независимая грекоуніатская духовная коллегія. Старая желаніемъ «видѣть полтора милліона истинно-русскаго народа, ежели не соединеннымъ, то по крайней мѣрѣ приближеннымъ, ежели не совершенно дружнымъ, то и невраждебнымъ къ старшимъ своимъ братьямъ» (Зап. Іосифа ч. I, 44 стр.), Сѣмашко ходатайствовалъ вслѣдъ за тѣмъ предъ правительствомъ о подчиненіи грекоуніатской коллегіи св. Синоду. Митрополитъ московскій Филаретъ, опасаясь, дабы подобное подчиненіе не возбудило ропота среди раскольниковъ, предложилъ правительству мнѣніе о предварительномъ составѣ по уніатскому дѣлу особаго комитета,

цѣлю котораго было бы: объясниться во взаимномъ положеніи и соотношеніяхъ греко-россійскія и уніатскія церкви и обдумать совокупно мѣры, которыя нужно будетъ принять въ послѣдствіи для успѣшнаго хода уніатскаго дѣла. Правительство приняло мнѣніе московскаго владыки и въ 1835 г. былъ открытъ «Секретный Комитетъ по уніатскимъ дѣламъ» (Зап. Іосиф. ч. II, 80 стр. и прилож. къ ней № 56, т. II Зап.). Что московскій святитель принималъ живое и дѣятельное участіе въ интересахъ греко-уніатской церкви, это видно яснѣе всего изъ личныхъ отношеній между нимъ и ревностнѣйшимъ дѣятелемъ въ пользу уніатской церкви—святителемъ литовскимъ Іосифомъ Сѣмашко. Записки послѣдняго содержатъ въ себѣ интересную переписку его съ митрополитомъ Филаретомъ. Такъ какъ всякій, полагаемъ мы, кому дорога память святителя московскаго Филарета, желаетъ знать все, что такъ или иначе касается личности великаго іерарха, то мы позволимъ себѣ передать здѣсь эту переписку.—Черезъ три года послѣ оффиціальнаго присоединенія уніатовъ митрополитъ Іосифъ Сѣмашко лично посѣтилъ въ Москвѣ митрополита Филарета. «Я просилъ его, пишетъ Сѣмашко, объ этомъ посѣщеніи, ... о надѣленіи меня хорошими иноками».—«Не повѣрите, какъ ихъ мало у меня. Голова трещить, когда приходится искать кандидата на открывающуюся вакансію», отвѣтилъ онъ. «Я не довольствовался симъ, добавляетъ далѣе митрополитъ Іосифъ, просилъ письменно. Ровно черезъ пятнадцать лѣтъ получаю отвѣтъ, что по смерти письмоводителя нашлось мое отношеніе нераспечатаннымъ, и нужно ли удовлетвореніе?» (Зап. Іосиф. ч. III, т. I-й 143, 144 стр.).

Въ 1844 году 17-го мая литовскій архипастырь отправилъ митрополиту московскому Филарету конфиденціально пространное письмо (Зап. Іосиф. т. II прил. 240 стр.). Въ это время Іосифъ Сѣмашко чувствовалъ себя оскорбленнымъ неискренностію и двусмысленнымъ въ отношеніи къ нему—поведеніемъ митрополита Антонія и графа Протасо-

ва, считалъ этихъ лицъ даже недоброжелательствующими себѣ и потому счелъ нужнымъ «въ родѣ протеста и за-вѣщанія» написать предъ выѣздомъ изъ Петербурга московскому владыкѣ:

«Еще не время, писалъ въ этомъ письмѣ литовскій владыка, чтобы ходъ и обстоятельства благополучно совершившагося воссоединенія къ православной Церкви бывшихъ въ имперіи уніатовъ могли быть вполне раскрыты, и я не могу ожидать, чтобы оцѣнено было по всей справедливости участіе мое въ совершеніи сего дѣла. Думаю однакожь, что участіе это не столь безызвѣстно, чтобы я не могъ на него указать и призвать Бога во свидѣтели чистоты моихъ намѣреній и побужденій. Въ порывѣ пламенной ревности я считалъ себя какъбы призваннымъ свыше для совершенія этого дѣла; и если иногда мечталъ о земной наградѣ, то она представлялась мнѣ лишь въ мирномъ уединеніи, защищенномъ высшею властію отъ предстоявшихъ мнѣ неприятностей. Этой мечты или лучше сказать постоянного желанія не припишите, высокопресвященнѣйшій владыка, недостатку твердости и усердія къ дальнѣйшему служенію Церкви;—кто прошелъ подобное моему пятнадцатилѣтнее поприще, кажется, долженъ быть свободенъ отъ таковаго обвиненія. Но устраненіе мое я считалъ всегда необходимымъ послѣдствіемъ моего поприща. Естественно совершеніе уніатскаго дѣла возбудило ко мнѣ ненависть господствующей въ западныхъ губерніяхъ политическо-религіозной партіи поляковъ и римлянъ, ненависть, тѣмъ сильнѣйшую, что она сопровождалась опасеніемъ дальнѣйшаго моего вліянія на его участь—и я никогда не ожидалъ имѣть отъ правительства столько покровительства, чтобы оно могло меня обезопасить противъ этой партіи. Напротивъ я всегда думалъ, что наконецъ и ему наскучитъ меня поддерживать, а его чиновники будутъ и рады пожертвовать мной и тѣмъ заслужить тысячи благодарностей. Въ Церкви православной я не ожидалъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, ни столько сочувствія, ни столько довѣренности, сколько нужно для полезнаго служенія въ нѣдрахъ ея—и это тоже естественно. Я новый пришелецъ, котораго дѣйствія въ пользу Церкви мало кому и то не вполне извѣстны, а иными даже превратно толкуются, да притомъ чуждое воспитаніе и привычки изъ

дѣтства вкоренившіяся, на всякомъ шагу будутъ оправдывать предубѣжденія противъ меня слабыхъ, невѣдущихъ. Возможно ли въ подобномъ положеніи дальнѣйшее полезное мое служеніе? И не должно ли было поприще мое кончиться необходимо паденіемъ, тѣмъ болѣе для меня позорнымъ, а для враговъ моихъ и православныя Церкви утѣшительнымъ, что оно совершилось бы посредствомъ самой сей Церкви и правительства? Съ другой стороны я думалъ, что назначеніе на мое мѣсто достойнаго древле-православнаго архіерея замѣнитъ меня съ сугубою пользою. Поддерживаемый полною довѣренностію Церкви, не имѣя противъ себя никакихъ предубѣжденій, онъ не только сталъ бы твердою ногой въ средѣ иновѣрцевъ, но и съ большимъ успѣхомъ дѣйствовалъ бы на утверженіе и устройство возсоединенной паствы. Убѣжденный въ семъ исполнѣ, я при самомъ довершеніи уніатскаго дѣла подалъ прилагаемую при семъ всеподданнѣйшую просьбу отъ 26 февраля 1839 г. объ увольненіи меня совершенно отъ дѣлъ, послѣ упроченія послѣдовавшаго возсоединенія. Четыре, протекшіе отъ сего, года не только не поколебали прежнее мое убѣжденіе, но напротивъ исполнѣ оное оправдали. Посему отношеніемъ отъ 18 декабря 1842 г., а еще съ большею настойчивостію отношеніемъ отъ 26 февраля 1843 г. просилъ я, посредствомъ г. синодальнаго оберъ-прокурора, объ окончательномъ удовлетвореніи означенной выше всеподданнѣйшей моей просьбы. Въ отношеніяхъ этихъ, прилагаемыхъ у сего въ спискѣ, съ полною, думаю, для всякаго убѣдительностію изложены причины, по которымъ дальнѣйшее мое служеніе было и безнужно и едва ли возможно. Однакожь причины сіи не были уважены—я даже не получилъ отвѣта на мои отношенія. Между тѣмъ, улучшилось ли положеніе мое со времени отправления оныхъ? Можетъ быть я теперь болѣе прежняго могу полагаться на участіе ко мнѣ православной Церкви?—Напротивъ, поляки и римляне считаютъ приобрѣтшими теперь для себя покровителя, а для меня недоброжелателя тамъ именно, куда всякій православный долженъ обращаться съ полною довѣренностію; а обстоятельства, въ которыхъ я не только не участвовалъ, но о которыхъ даже не зналъ, едва ли не усилили предубѣжденій противъ меня между православнымъ духовенствомъ. Можетъ-быть я болѣе преж-

няго могу теперь заставляться покровомъ правительства? Напротивъ, увольненіе меня отъ должности предсѣдателя Бѣлорусско-литовской коллегіи съ ея закрытіемъ, а также обстоятельство, сему сопутствовавшія и послѣдовавшія, заставляютъ думать всѣхъ, что меня прогнали. И послѣ этого, когда все направлялось къ тому, чтобы меня уронить въ общемъ мнѣніи, замарать, когда я не вижу, откуда мнѣ надѣяться помощи и покровительства, когда напротивъ всюду ожидаетъ меня недоброжелательство и противодѣйствіе: мнѣ предстоитъ преобразование паствы, исключительно составленной изъ воссоединенныхъ,—отступившей болѣе другихъ мѣстъ отъ древняго церковнаго порядка,—перемѣшанной на пространствахъ трехъ губерній съ преобладающимъ непріязненнымъ римско-католическимъ населеніемъ, раздраженнымъ новыми рѣзкими преобразованиями и ожидающимъ еще дальнѣйшихъ! Мнѣ предстоитъ устройство новой епархіи, съ матеріальными средствами, съ гораздо скуднѣйшими противъ другихъ западныхъ епархій! На меня возложено перенесеніе епархіальнаго управленія съ кафедральнымъ и училищными штатами въ городъ Вильно, кипящій ненавистнымъ фанатизмомъ противъ православныхъ, — лежащій внѣ круга православнаго населенія, съ крайнимъ отягощеніемъ для всѣхъ лицъ, принадлежащихъ этому управленію, и для большей части прочаго духовенства! Не простительна ли для меня мысль, часъ отъ часу болѣе утвердившаяся, что меня высылаютъ туда, дабы только сбыть съ рукъ,—предать вѣрной гибели, съ поруганіемъ предъ врагами православія, бросить въ лужу, дабы пройти по мнѣ сухою ногой?

Я не хочу обвинять никого лично—боюсь приписать одному то, что можетъ быть произошло совершенно отъ кого другаго; тѣмъ болѣе, что дѣйствительно я получалъ неоднократно удары, не зная откуда они направлены. Я не знаю: кто дѣйствовалъ противъ меня по личному недоброжелательству, а кто по заблужденію; кто какъ орудіе польско-католической партіи, а кто по собственнымъ видамъ или мелочной зависти и самолюбію? Да судить ихъ Господь и собственная ихъ совѣсть!

Но когда я ожидаю одного лишь страданія, однихъ пренятствій съ той именно стороны, откуда долженъ былъ ожидать помощи и защиты, когда за приготовленную погибель подарятъ меня развѣ гримасой фарисейскаго сожалѣнія; когда, вѣроятно, будутъ чернить самое имя мое

и станутъ преслѣдовать его клеветой даже за гробомъ: извинительно для меня оставить хотя нѣсколько строкъ въ единственное теперь возможное оправданіе. Вотъ причина, по которой рѣшился я изложить вашему высокопреосвященству прописанныя выше обстоятельства. Если мнѣ суждено запечатлѣть кровію настоящее поприще, если сподобить меня Всевышній положить стрададѣческую голову тамъ, гдѣ покоятся мощи трехъ первыхъ мучениковъ православныя Церкви, пострадавшихъ въ Литвѣ за вѣру Христову: помолитесь, владыко, о грѣшной душѣ моей и поручите меня сочувствію православныя Церкви! Еслижъ мнѣ предстоитъ долготѣнее гоненіе и отъ своихъ и отъ враговъ, то еще больше прошу молитвъ вашихъ, да подкрѣпятъ меня Веомогущій твердостію, не допуститъ предаться унынію въ предстоящей тяжелой борьбѣ и избавить меня отъ клеветы человѣческія! И вы, владыко, отдайте мнѣ иногда справедливость предъ людьми, какъ я отдаю ее, съ полнымъ упованіемъ, предъ судомъ правильнымъ Божиимъ. Впрочемъ личную мою участь я всегда подчинялъ пользамъ службы, и всѣ страданія, всѣ непріятности постоянно скрывалъ въ глубинѣ моего сердца, такъ что даже о бумагахъ, препровождаемыхъ нынѣ къ вашему высокопреосвященству, никто до сихъ поръ не знаетъ, по крайней мѣрѣ отъ меня. Посему прошу и васъ, владыко, сохранить ихъ, какъ мое завѣщаніе, не предавая преждевременному разглашенію, дабы жребій, приготовленный одному челозѣку, не повредилъ дѣламъ общественнымъ Церкви и государства. Богъ видитъ, страдать и умереть отъ враговъ Церкви и государства для меня не страшно, я на это всегда былъ готовъ и ожидалъ. Но видѣть себя оставленнымъ, если даже не преданнымъ тѣмъ-же врагамъ отъ правительства, отъ начальства православныя Церкви—грустно, весьма грустно. Впрочемъ облегчивъ сердце симъ душевнымъ признаніемъ предъ архипастыремъ, къ личнымъ качествамъ коего и высокимъ заслугамъ Церкви питалъ я всегда высокое уваженіе, я иду нетрепетно, безъ малодушія по пути, предназначенному мнѣ Провидѣніемъ. «Да будетъ святая воля Его! И да поможетъ мнѣ Богъ быть еще полезнымъ сколько-нибудь Церкви православной!» (Зап. Іос. 161, стр. ч. III).

PS. «Утѣшите меня, высокопреосвященнѣйшій, увѣдомленіемъ о полученіи сей бумаги, а то я подумаю, и ее къ вамъ не допустили».

Это пространное, исполненное глубокой горечи о своей судьбѣ письмо литовскаго архипастыря къ святителю московскому Филарету вызвало послѣдняго на отвѣтъ по прошествіи всего лишь нѣсколькихъ дней послѣ полученія его. Въ этомъ отвѣтѣ митрополитъ Филаретъ съ свойственнымъ ему одному умѣньемъ и опытностію преподаеть унывающему собрату слово утѣшенія.

«Преосвященнѣйшій владыко, многочтимый о Господѣ братъ, пишетъ іерархъ московскій: 28-го мая, въ воскресенье, предстоя алтарю по обычаю, въ числѣ другихъ сопастырей и вашу память принесъ я предъ Господа: и потому безъ упрека себѣ вечеромъ того дня получилъ ваше напоминаніе о семъ долгѣ братолюбія. По требованію вашего высокопреосвященства, извѣщаю, что отношеніе отъ 7 мая № 757, получено мной 28 дня, съ признаками вѣрнаго доставленія. Съ участіемъ скорби взираю на изображаемое вами трудное положеніе, вмѣсто успокоенія, заслуженнаго долговременнымъ, труднымъ и полезнымъ для православной Церкви и отечества подвигомъ.

Дабы облегченіе ваше соединить съ пользою общеою, по моему мнѣнію, не устраненіе ваше отъ дѣлъ надобно, а другія средства. Но простираться о семъ къ разсужденію нѣтъ для меня права.

Благотребна молитва Давидова: укрѣпи Боже сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ. И если угодно было Богу, чтобы вы дѣятельно послужили содѣланію: то довольно естественно, чтобы вы продолжали служить утвержденію. Человѣческая помощь когда вполне надежна? За то помощь Божія никогда не безнадежна. Если дѣло ваше и не совсемъ понятно: видитъ оное Сердцевѣдецъ, и православная Церковь сохранить о немъ правую память. Должно уповать, что и православное правительствѣ благочестивѣйшаго Государя, по мѣрѣ трудности подвига, будетъ поддерживать васъ своимъ подкрѣпленіемъ. Небеснаго Пастыреначальника моля о всякомъ вамъ благопоспѣшеніи, наче ихъже просимъ или разумѣемъ, и себя моливамъ

вашиѣмъ поручая, съ совершеннымъ почтеніемъ и любовью о Господѣ пребываю вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга, Филареть митрополить московскій» (Зап. Іосифа т. II, № 67).

Въ генварѣ мѣсяцѣ 1845 г. митрополить Филареть писалъ Іосифу Сѣмашкѣ: «Преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырѣ! Примите отъ меня нѣсколько опозданное слово поздравленія съ прошедшимъ праздникомъ Рождества Христова и съ наступившимъ новолѣтіемъ, но не позднее, ибо всегдашнее желаніе, да хранить васъ Господь Церкви своей въ мирѣ, обновляя вашу крѣпость, благословляя ваши подвиги вождельными успѣхами и утѣшая васъ плодами подвиговъ. Со времени прошлогоднихъ писемъ вашего и моего, заботливо думать я о васъ и желалъ знать о вашемъ пребываніи и мирѣ, и когда хотѣлъ писать къ вамъ, посѣщенъ письмомъ вашимъ. Много благодарю за сіе общеніе. Радуюсь, что продолжаете ваши подвиги и что дастся вамъ споспѣшествованіе. Будемъ уповать, что Благословившій васъ совершитъ трудный и долгій подвигъ въ пользу православія, не оставитъ рукою крѣпкою поддерживать васъ въ прохожденіи вашего достопамятнаго поприща, хотя и не безъ тернія на пути вашемъ. Поручая себя молитвамъ вашимъ, съ совершеннымъ почтеніемъ, любовью и преданностію пребываю вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филареть митрополить московскій».

Съ такимъ истинно христіанскимъ чувствомъ утѣшенія къ унывающему собрату архипастырю относился святитель московскій Филареть. Записки митрополита Іосифа содержатъ въ себѣ и еще нѣсколько писемъ къ нему отъ московскаго святителя Филарета.

«Простимъ вся воскресеніемъ, писалъ митрополить Филареть 12-го апрѣля 1846 г. къ Іосифу литовскому. Подъ защитой сего церковнаго слова привѣтствую ваше высокопреосвященство радостію воскресенія Христова, съ искреннимъ желаніемъ, да будетъ она у васъ исполнена и

многоплодна, а себѣ прошу отъ васъ прощенія въ молчаніи, правда, что неизвинительно долгомъ.

Ваши Слова (незадолго предъ симъ Сѣмашко прислалъ м. Филарету свои проповѣди), всегда достопримѣчательныя, читалъ я съ жаждой и молилъ Бога, да вспомоществуетъ вамъ распространять духъ Руси и православія въ краю, въ которомъ онъ имѣетъ наслѣдственное право быть въ силѣ и пространствѣ. Позвольте мнѣ на ваши Слова отвѣтствовать моими, хотя не для того, чтобы утомлять васъ долгимъ чтеніемъ, по крайней мѣрѣ ради памяти о мнѣ. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь и д.

1850 года 29 апрѣля владыка Филаретъ писалъ Юсифу: «Простимъ вся воскресеніемъ. Сіе церковное слово посылаю къ вамъ впереди себя. Когда оное примете, тогда и меня примите не рано привѣтствующаго васъ радостію воскресенія Христова, и прежде всего въ долгомъ молчаніи виновнаго, да изрекаетъ выну духу вашему свою радость и свой миръ: а вы изреките мнѣ прощеніе къ миру моему.

Порученіе ваше относительно препровожденныхъ вами ко мнѣ Словъ вашихъ въ свое время исполнено въ точности.

Позвольте мнѣ при семъ представить вамъ экземпляры моихъ Словъ, и другой для бібліотеки вашей семинаріи. Прося молитвъ вашихъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и яже о Господѣ любовію есмь и пребуду вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга митрополитъ московскій Филаретъ».

28 мая 1851 г. Филаретъ писалъ новое письмо Юсифу слѣдующаго содержанія: «Преосвященнѣйшій владыко, досточтимый о Господѣ братъ! Съ особеннымъ утѣшеніемъ получилъ я ваше о мнѣ воспоминаніе, и маленькую, какъ говорите, книжку, не мало, какъ я нахожу, въ себѣ заключающую. Ваши церковныя Слова обыкновенно и поучительны и достопамятны: таково и читанное мною те-

перъ. Господь да поможетъ Вамъ и впредь благовѣствовать силою мноюю къ распространенію православія.

Съ праздникомъ Пресвятыя Троицы поздравляю васъ: ибо въ сіе время нашло меня письмо ваше въ Лаврѣ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю и пр.».

5 апрѣля 52 г. Филаретъ поздравлялъ Іосифа съ праздникомъ воскресенія Христова въ слѣдующихъ словахъ: «Преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастыръ! Примите отъ меня цѣлованіе радости и любви во Господѣ: Христось воскресе! Радость о Немъ да будетъ силой вашею, и да поможетъ Онъ вамъ распространять свѣтъ вѣчнаго востока въ сумракѣ запада и свышній миръ между непознавшими мира. Съ утѣшеніемъ узналъ я, что за слугамъ, оказаннымъ вами православной Церкви, дано новое высокое свидѣтельство; съ радостію поздравляю васъ съ милостію Божіею и царскою. Съ совершеннымъ почтеніемъ и любовію имѣю честь пребыть вашего высокопреосвященства покорнѣйшимъ слугою, Филаретъ митрополитъ московскій».

Въ томъже году 26 іюня по случаю торжества перенесенія мощей литовскихъ святыхъ московскій владыка писалъ такое письмо литовскому Іосифу:

«Высокопреосвященный владыко, милостивѣйшій архипастыръ! Сорадуюсь, что Господь споспѣшествуетъ вамъ обновлять и укрѣплять священные памятники православія въ странѣ, гдѣ оно сіяло, угасало и вновь свѣтитъ, имѣя васъ дѣятельнымъ свѣтовозжигателемъ. Съ благодарностію получилъ я и съ возобновленною занимательностію прочиталъ ваши поученія, новое съ прежними. И порученіе ваше передать экземпляры оныхъ преосвященному викарію, академіи и семинаріямъ тотчасъ исполнилъ.

Желаніе ваше, чтобы возстановленная литовская паства была въ тѣснѣйшемъ духовномъ и молитвенномъ общеніи со всею православною Церковію, сколько имѣетъ права на взаимность, столько, надѣюсь, и пользуется ею. Каж-

дѣй, кому дорого православіе и кто хорошо знаетъ ваши для него подвиги, высоко цѣнить ихъ, и сердечно, и молитвенно желаетъ вашей паствѣ возрастанія и преспѣянія. Моля Господа, да отверзаетъ вамъ въ распространеніи православія *дверь велику и пространну тамъ, гдѣ и сопротивніи мнози*, и прося молитвъ вашихъ о моей немощи, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего высокопреосвященства покорнѣйшимъ слугой Филаретъ митрополитъ московскій».

18 апрѣля слѣдующаго 1853 г. м. Іосифъ получилъ такое письмо отъ митрополита Филарета: «Высокопреосвященный владыко, возлюбленный о Господѣ братъ! Простираю къ вамъ объятія и гласъ радости: Христосъ воскресъ! И не думаю, что не достигну. Ибо мы въ Немъ едино есмы, по Его намѣренію, по вѣрѣ и благодати служенія. Любовь Его раздѣлитъ намъ радость. Желая вамъ радости совершенной и неотъемлемой. Надѣюсь и прошу вашей молитвы, да нескудна будетъ и моя радость и Господь да сохраняетъ васъ въ крѣпости, и да продолжитъ распространять вами свѣтъ православія. Съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ о Господѣ есмь и пребуду вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ митрополитъ московскій.

Порученіе ваше исполнено. «Слово каеволическаго православія» напечатано. Редакціонный комитетъ, чрезъ который сіе сдѣлано, потому что у него дѣлалось подъ руками, на сихъ дняхъ препроводилъ къ вашему высокопреосвященству печатныя экземпляры чрезъ транспортъ: ибо такъ, полагають, удобнѣе и дешевле».

Послѣднія слова этого письма вызваны были слѣдующимъ письмомъ литовскаго митрополита отъ 20-го февр. 53 г. «Въ нашей странѣ, гдѣ православная Церковь состоитъ по преимуществу въ положеніи воинствующемъ, или лучше сказать, оборонительномъ противъ чужихъ и своихъ, мы очень скудны орудіями защиты, и малѣйшее изъ нихъ здѣсь благодѣтельно. Въ прошлогоднемъ изданіи Твореній Св. О. есть статья: *Слово каеволическаго правосла-*

віа римскому католичеству. Если оно недостаточно къ полному систематическому обсужденію вопроса, то весьма будетъ полезно къ живительному обновленію онаго между священствомъ и мірянами, болѣе образованными. Покорнѣйше прошу, ваше высокопреосвященство, приказать, чтобы сказанная статья была напечатана въ видѣ брошюры и прислана мнѣ въ бумажномъ переплетѣ или въ листахъ, въ 1500 экземплярахъ; а цѣнность по назначенію будетъ мною отправлена, куда будетъ указано. Простите, высокопреосвященнѣйшій владыко, что я утруждаю васъ непосредственно по сему предмету. Я не зналъ, къ кому бы о томъ написать; да притомъ мнѣ извѣстно, какъ принимаете вы къ сердцу все благое Церкви святой, сіяетъ ли оно какъ свѣтильникъ на возвышеніи, или сокрыто, какъ камешекъ положенный съ другими въ основаніе святыни».

Послѣднее письмо литовскій іерархъ писалъ митрополиту Филарету въ 1856 г. 4-го іюня, гдѣ просилъ у архипастыря гостепріимнаго приѣма въ Москвѣ на время предстоявшей тогда коронаціи Государя Императора Александра II-го. Послѣ же коронаціи митрополитъ Филаретъ написалъ ему отвѣтное, послѣднее изъ помѣщенныхъ въ запискахъ Іосифа, письмо слѣдующаго содержанія: «Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь! Государю Императору благоугодно было всемилостивѣйше повелѣть: архіерейское облаченіе, устроенное ко дню священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, которое вы въ сей день имѣли на себѣ, вамъ подарить.

Какъ изъ свѣдѣнія Успенскаго протопресвитера видно, что сіе облаченіе находится уже у васъ, то покорнѣйше прошу въ семъ меня удостовѣрить. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего высокопреосвященства покорный слуга Филаретъ митрополитъ московскій» (Записки Іосифа т. II стр. 240, 244—45, 485, 491, 494—95, 507—508, 537, 551, 552, 734).

Николай Кедровъ.

ИЗЪ КАТИХИЗИЧЕСКИХЪ ПОУЧЕНІЙ.

Обрядовый законъ Моисея.

Въ прошлую нашу бесѣду а), братіе, мы обозрѣли событія совершившіяся у Синая, и остановились на томъ, что Израильтяне, получивъ при Синаѣ гражданское и религиозное устройство, двинулись прямо къ предѣламъ земли обѣтованной. Но пока они идутъ, мы займемся обозрѣніемъ закона Моисеева. Это совершенно необходимо, потому что иначе мы не поймемъ ни характера, ни исторіи народа Божія.

Въ прошлую бесѣду мы сказали, что своею строгостію и множествомъ мельчайшихъ подробностей, изъ которыхъ инныя для поверхностнаго взгляда представляются излишними, странными, законъ Моисеевъ представлялъ тяжелосило, но что этотъ кажущійся недостатокъ имѣлъ цѣлю заставить избранный народъ ожидать съ нетерпѣніемъ общаго Мессію. Это ожиданіе и составляло отличный характеръ народа Божія. Народъ этотъ долженъ былъ жить не столько настоящимъ, сколько будущимъ,—въ этомъ состояло его высокое назначеніе. Какъ ковчегъ, единственная святыня, стоявшая въ главной части храма, хранилъ видимыя прообразы грядущаго Спасителя: такъ и самъ народъ Израильскій былъ ковчегомъ, который долженъ былъ сохранить для всего рода человѣческаго вѣру въ единого истиннаго Бога и память о *Съмени жены, имъ-ющею стертъ главу змія*. Законъ Моисеевъ и имѣлъ цѣлю сдѣлать Израильскій народъ способнымъ къ сохране-

а) См. юльскую книжку Душеполезнаго Чтенія 1885 года.

нію этого драгоценнаго залога. Для этого необходимо было оградить этот жестоковѣрный народъ отъ вліянія окружающихъ языческихъ народовъ, какъ крѣпкою стѣной, строгимъ законодательствомъ, не похожимъ на законодательства другихъ народовъ. И законъ Моисеевъ вполне достигъ этой цѣли: онъ своею чрезвычайно сложною обрядностію, доходящею до мелочей и охватывающею не только религіозную, но и гражданскую и семейную жизнь, не оставлялъ падкому къ идолопоклонству народу досуга увлекаться языческими суевѣріями. Благодаря этому Израильскій народъ хотя и часто впадалъ въ идолопоклонство, но никогда не оставался въ немъ надолго, скоро возвращался къ Іеговѣ и наконецъ, ~~послѣ плѣна Вавилонскаго, совершенно перѣбѣлся~~ отъ своей несчастной наклонности къ идолопоклонству, сдѣлался очень преданнымъ своей вѣрѣ и сохранилъ какъ вѣру въ единаго истиннаго Бога, такъ и память о грядущемъ Спасителѣ міра,—и несмотря на свой религіозный и нравственный упадокъ, сохранилъ въ нѣдрахъ своихъ святой корень, отъ котораго выросъ и распустился чистѣйшій цвѣтокъ—Пресвятая Дѣва, произрастившая плодъ жизни—Христа. Законъ Моисеевъ наложилъ на Евреевъ такую рѣзкую и глубокую печать, что они, несмотря ни на какія превратности судьбы, доселѣ сохранили свои характеристическія черты, дѣлающія ихъ народомъ, не похожимъ ни на какой другой народъ.—Существенная черта обрядоваго закона былъ его прообразовательный характеръ: *онъ имѣлъ стѣнь грядущихъ благъ, а не самый образъ вещей*. Чтобы народъ не забылъ своего Мессію, Спасителя міра, обрядовый законъ безпрестанно напоминалъ объ Немъ: начиная съ крови жертвъ, указывавшей на искупительную кровь І. Христа, все въ обрядовомъ законѣ имѣло прообразовательный смыслъ.

Вся церковная жизнь Израильскаго народа сосредоточивалась въ храмѣ, который долженъ былъ въ послѣдствіи замѣнить скинію Моисееву: всѣ праздники, все богослуженіе со всѣми обрядами и жертвоприношеніями совершались

только въ храмъ и нигдѣ болѣе, а потому каждый Израильтянинъ обязанъ былъ по крайней мѣрѣ три раза въ годъ въ важнѣйшіе праздники приходить въ храмъ. А храмъ, по завѣту Моисееву, долженъ быть для всего народа одинъ; поэтому онъ находился въ главномъ городѣ, въ центрѣ всего царства.

Храмъ состоялъ изъ двухъ частей, окруженныхъ дворами. Замѣчательно, что самое устройство входа въ храмъ уже рѣзко отличало храмъ Іеговы отъ языческихъ капищъ. У всѣхъ языческихъ народовъ входъ въ капища былъ съ запада, чтобы входящій обращался лицомъ къ востоку, откуда появлялось боготворимое язычниками солнце; также устраиваются и наши христіанскіе храмы, потому что и мы въ молитвѣ обращаемся лицомъ къ востоку, въ виду того, что Христосъ есть нашъ Востокъ съ высоты (Лк. 1, 60), что Онъ есть наше *солнце правды, истинный свѣтъ, просвящаяй всякаго человека, грядущаго съ міръ*. У Израильскаго же народа входъ въ храмъ былъ съ противоположной стороны—съ востока. Это съ перваго шага напоминало Израильтянину, что онъ долженъ идти путемъ противоположнымъ языческому міру, и что его солнце Мессія еще не пришелъ и надо ежеминутно ждать, что вотъ *внезапу придетъ въ церковь свою Господь, ангелъ завѣта, Востокъ съ высоты*, и нужно, чтобы для него готовъ былъ входъ.

Другая поразительная особенность храма истиннаго Бога была та, что въ немъ, кромѣ двухъ вышитыхъ на входной завѣсѣ херувимовъ, да двухъ вылитыхъ изъ золота херувимовъ надъ ковчегомъ, въ самой внутренней части храма—куда впрочемъ никто и не входилъ, кромѣ первосвященника—не было рѣшительно никакихъ священныхъ изображеній, такъ что во ~~второмъ~~ храмѣ, построенномъ послѣ плѣна Вавилонскаго, когда ковчегъ пропалъ безъ вѣсти, внутренняя часть храма оставалась совершенно пустою, что привело въ крайнее изумленіе римскаго вождя Помпея, котораго любопытство заставило нарушить недоступность святилища іудейскаго и войти во Святое святыхъ. Это от-

существо всѣхъ изображеній напоминало падкому къ идолопоклонству народу заповѣдь, запрещающую кумиры, и съ поразительною силою внушало ему, что Іегова неизобразимъ и что, пока не явился Богъ во плоти, нечего ему изображать и надо довольствоваться одними прообразами, которые законъ даетъ ему въ избыткѣ.

Во внѣшнюю часть храма—дворъ допускался весь народъ и даже язычники, для которыхъ отведена была особенная часть, называвшаяся *дворомъ языковъ*. Здѣсь предъ глазами народа отправлялось богослуженіе; здѣсь поэтому, предъ самымъ входомъ, стоялъ жертвенникъ для жертвоприношеній, на которомъ горѣлъ неугасимый огонь—огонь неземной, спешій съ неба на первую пригтовленную послѣ устройства скинии жертву. За поддержаніемъ его должны были строжайшимъ образомъ наблюдать священники, и два сына Аароновы, принесшіе въ скинію чуждый огонь, были поражены огнемъ небеснымъ. Этотъ небесный огонь чудеснымъ образомъ сохранился во всѣ 70 лѣтъ плѣна Вавилонскаго въ кладязѣ, куда онъ былъ сокрытъ священниками при разрушеніи Іерусалима.

За жертвенникомъ, далѣе къ востоку *умывальница*, въ которой священники предъ началомъ богослуженія омывали руки и ноги (послѣднія—потому, что въ тѣ времена не носили глухой обуви).

Въ первой части храма, называвшейся *святилищемъ* и отдѣлявшейся отъ двора преградой, на правой сторонѣ стоялъ столъ съ 12 *хлѣбами предложенія*, представлявшими предъ лицомъ Іеговы 12 колѣнъ народа и перемѣняемыми каждую субботу священниками, на лѣвой сторонѣ *семисвѣщникъ*, а прямо, далѣе къ востоку *алтарь*, на которомъ священники воскуряли еиміамъ и кропили жертвенною кровію. Сюда входили одни священники.

Наконецъ, далѣе къ западу, за завѣсой, находилась *послѣдняя*, важнѣйшая часть храма *Святое святыхъ*, т.-е. святѣйшее мѣсто. Здѣсь, какъ мы сказали выше, ~~ничего~~ не было, кромѣ *ковчега*, или *киота завета*. Эта величай-

шая святыня народа Божія служила престоломъ, съ котораго Іегова, царь народа, таинственно открывалъ свою волю чрезъ первосвященника. Ковчегъ былъ обитъ золотою одеждою и покрытъ таковою же доскою, называвшеюся *очистилицемъ*, потому что надъ нею первосвященникъ кропилъ очистительною жертвенною кровію въ *день очищенія*. Надъ очистилицемъ два золотыхъ херувима простирали крылья и преклоняли свои лица, какъбы желая проникнуть въ таинственное содержаніе ковчега. А тамъ и подлинно заключались таинственные предметы: *дон-окрижамъ*, на которыхъ рукою Божіей начертаны были 10 заповѣдей, *стамна* (чаша) съ манной, на память отдаленному потомству о томъ, какимъ чудеснымъ хлѣбомъ Іегова питалъ свой народъ въ пустынѣ цѣлыхъ 40 лѣтъ, и жезлъ Аароновъ, въ одну ночь чудеснымъ образомъ прозябшій—принесшій цвѣтъ и плодъ. Эти предметы были образами І. Христа, который есть и превѣчное Слово Божіе, и Хлѣбъ небесный, питающій насъ въ жизнь вѣчную тѣломъ и кровію своею, и Плодъ жизни, прозябшій чрезъ пречистую Дѣву *отъ корене Іессева* и отъ униженнаго рода Давидова; поэтому и самый ковчегъ, вмѣщавшій въ себѣ эти образы, прообразовалъ и Дѣву Марію и самого Христа—Его Богочеловѣчество.

Во Святое святыхъ никто не допускался, кромѣ одного первосвященника, да и тотъ входилъ только одинъ разъ въ годъ, въ день очищенія, съ жертвенною кровію, которую онъ возливалъ предъ ковчегомъ и кропилъ надъ очистилицемъ для очищенія грѣховъ всего народа. Въ этотъ преимущественно день первосвященникъ, прообразовавшій Христа какъ свою тѣлесною непорочною (онъ не долженъ былъ имѣть никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ), такъ и обильнымъ возліаніемъ на него мѣра во время посвященія (изображавшимъ обильное изліаніе Духа Св. на Христа),—въ этотъ именно день, въ день очищенія онъ преимущественно прообразовалъ *Христа, единого ходатая Бога и человѣковъ*, который *не съ кровію тельчю и козлею,*

но съ своею пречистою кровію однажды вошелъ въ небесное Святое святыхъ, даровавъ намъ вѣчное искупленіе. Принесши въ этотъ день въ жертву за грѣхи всего народа козла и покротивъ его кровію во Святомъ святыхъ, первосвященникъ надъ другимъ козломъ исповѣдывалъ грѣхи народа и повелѣвалъ изгнать его въ пустыню, въ знакъ того, что ради пречистой крови грядущаго Мессіи Богъ не только прощаетъ, но и навсегда забываетъ грѣхи народа, какъ-бы бросаетъ ихъ *позады себя*.

День очищенія былъ единственный въ году день всенароднаго поста и покаянія. Но не одинъ этотъ день, а и всѣ важнѣйшіе праздники народа Божія имѣли прообразовательное значеніе. Я говорилъ уже вамъ, братіе, что ветхозавѣтная пасха и агнецъ пасхальный прообразовали *Анца Божія, взявшаго грѣхи міра, нашу пасху, пожреннаго за насъ Христа*.—Слѣдующій за пасхою праздникъ Пятидесятницы указываетъ на новозавѣтную Пятидесятницу не только своимъ наименованіемъ и временемъ празднованія, но и самымъ значеніемъ, потому что изліяніе Духа Св. въ день Пятидесятницы послужило основаніемъ новозавѣтной Церкви, такъ же какъ синайское законодательство сдѣлало изъ сыновъ Израиля народъ Божій, Церковь ветхозавѣтную.—Субботы ветхозавѣтныя, какъ время покоя, предъизображали успокоеніе рода человѣческаго подъ сѣнію благодати Христовой. Особенно знаменательны субботы годовыя. Каждый седьмой годъ, называвшійся субботнымъ и просто субботою, и каждый пятидесятый годъ, который назывался *юбилеемъ*, были временемъ всеобщаго покоя и свободы. Въ эти годы отдыхало все—и люди, и скоть, и земля, рабы изъ своего племени отпускались на волю, прощались долги, а въ юбилейный годъ даже земли проданныя или заложенныя возвращались къ первоначальнымъ владѣльцамъ. Самъ Господь І. Христосъ указалъ на ветхозавѣтный юбилей, какъ на прообразъ свободы, дарованной Имъ всему роду человѣческому. Менѣе чѣмъ чрезъ 40 лѣтъ послѣ вознесенія Его на небо Іудейское царство

перестало существовать, и юбилей прекратился: народъ іудейскій потерялъ и свободу и отечество. Онъ найдетъ и то и другое только во Христѣ и Его церкви, и свой юбилей только во всемірномъ юбилеѣ. Къ этому юбилею и звалъ Господь народъ свой, когда, прочитавъ въ назаретской синагогѣ изъ пророка Исаи изображеніе всемірнаго юбилея, Онъ сказалъ слушателямъ: *днесь сбытся сіе писаніе во очію вашу. И вси свидѣтельствовали ему*: всѣ согласились, потому что народъ цѣлыя столѣтія ждалъ этого всемірнаго юбилея и каждый годъ въ *праздникъ кущей* призывалъ Мессію, долженствующаго принести этотъ юбилей. Въ этотъ праздникъ—праздникъ кущей, совершавшійся въ самое въ Палестинѣ пріятное время года—въ концѣ сентября, чрезъ 5 дней послѣ покаяннаго дня очищенія,—весь народъ, въ память странствованія въ пустынь, оставлялъ дома и цѣлую недѣлю жилъ на открытомъ воздухѣ подъ шатрами, или кущами изъ живой зелени. Каждый день съ пальмовыми вѣтвями приходили въ храмъ и многократными восклицаніями: осанна! осанна! (споспѣшествуй спаси), призывали ожидаемаго Мессію, а священники, чтобы наглядно представить, чего ожидаетъ народъ отъ своего Мессіи, такъ страстно призываемаго, обильно лили кругомъ жертвенника воду, принесенную изъ Силоамской купели, въ ознаменованіе обилія даровъ благодати, которую изольетъ на народъ свой Мессія,—и это символическое дѣйствіе поясняли цѣніемъ словъ изъ пророка Исаи: *будемъ пить изъ источниковъ спасенія*. Впослѣдствіи времени Господь І. Христосъ, давая разумѣть, что наступило время исполненія долгихъ ожиданій народа и что пришелъ наконецъ его Мессія, сталъ въ праздникъ кущей посреди храма и громко воскликнулъ: *жаждущій да придетъ ко Мнѣ и пьетъ*. И народъ понялъ Его и отозвался на этотъ зовъ: во время смиренно-торжественнаго входа Господа въ Іерусалимъ онъ съ пальмовыми вѣтвями встрѣтилъ Его восторженными кликами: *Осанна Сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ!..* И

что же? Чрезъ 5 дней этотъ же самый народъ съ криками ярости требуетъ смерти Христа: *распни, распни Его.*

Такъ отрекся отъ своего Мессіи, *славы Израиля и свѣта языковъ*, народъ, тысячи лѣтъ ждавшій Его съ страстнымъ нетерпѣніемъ и,— грустно видѣть!—ждетъ еще и теперь. Напрасно: не будетъ ему другаго Мессіи, кромѣ Того, котораго онъ призналъ и потомъ распялъ, потому что *нѣсть иного имене подѣ небесемъ, даннаго въ человечествѣ о немже подобаетъ спастися намъ.* Онъ, конечно, паки придетъ, но придетъ уже не какъ спаситель, а какъ судія— потребовать отчета въ томъ, какъ воспользовались мы дарованными Имъ источниками спасенія—и тогда.., тогда *воззрятъ на-Нъ, Еюже прободоша*,—воззрятъ не только іудеи, но и все племена земныя, и горе тѣмъ, которые отринули Его и *второе распинали Его* своими грѣхами)!
Аминь.

Свящ. Д. Державинъ.

ПАРЕМІЯ ИЗЪ КНИГИ ПРИТЧЕЙ

Въ понедѣльникъ второй седмицы великаго поста (Притч. 3, 34. 35; 4, 1—22).

Въ первыхъ двухъ стихахъ сей пареміи говорится о благоволеніи Божіемъ къ мудрымъ и неблаговоленіи къ нечестивымъ. Въ слѣдующихъ стихахъ до конца пареміи богопросвѣщенный учитель премудрости сообщаетъ молодымъ людямъ наставленія о благоповеденіи, которыя самъ въ юномъ возрастѣ слышалъ отъ отца своего.

Гл. 3, стт. 34. 35. Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. Славу премудрости наследуютъ, нечестивіи же вознесоша безчестіе.

Первый стихъ, служащій началомъ этой пареміи, составляетъ также заключеніе предшествующей, гдѣ и объясненъ. Дальнѣйшія слова (ст. 35) имѣютъ нѣкоторую связь съ этимъ стихомъ, ибо яснѣе раскрываютъ мысль, содержащуюся въ немъ,—мысль о благоволеніи Господа къ смиреннымъ, и неблаговоленіи къ гордымъ. Сказанное въ одномъ стихѣ о смиренныхъ и гордыхъ, приложено въ другомъ стихѣ къ *мудрымъ* и *нечестивымъ*. Смиренные, т.-е. смиренно переносящіе озлобленія отъ гордыхъ, поистинѣ заслуживаютъ названіе *мудрыхъ*, ибо только мудрымъ свойственно самообладаніе и незлобіе въ обращеніи съ обидчиками. Но истинная мудрость немыслима безъ благочестія; а гдѣ благочестіе, тамъ и благоволеніе Божіе. Богъ любитъ благочестивыхъ, потому что они любятъ Бога. И

какъ любимые Богомъ, они *наслаждаются славу*: она неотъемлемое ихъ достояніе. Они, поступая во всемъ согласно съ правилами истинной мудрости, ищутъ не славы отъ Бога, а стремятся къ богоугожденію. Славы они не добиваются, но она сама придетъ къ нимъ, какъ наслѣдственная ихъ доля. Дѣти суть законные наслѣдники родителей, хотя бы по личнымъ своимъ качествамъ не заслуживали наслѣдства. Не гораздо ли больше имѣютъ права на наслѣдіе славы отъ Господа люди, заслуживающіе ее дѣлами мудрости и благочестія, которыя они совершаютъ съ сыновнею къ Нему любовію и преданностію? Поистинѣ достойно и праведно они *наслаждаются славу*. И въ здѣшней жизни Господь воздаетъ имъ славою и честію, благоустраивая ихъ вѣдѣній бытъ и утѣшая ихъ благосклонностію къ нимъ людей; но если не всегда здѣсь, то непременно въ будущей жизни имъ уготовано наслѣдіе вѣчнаго блаженства. Не такова участь нечестивыхъ и вмѣстѣ гордыхъ: они *вознесоша безчестіе*,—достигли верха безчестія. Чѣмъ высокоумнѣе они ведутъ себя, ни Бога не боясь, ни людей не стыдясь, тѣмъ большаго они заслужили униженія или безславія отъ Бога и отъ людей. Рано или поздно имъ воздано будетъ по дѣламъ и въ здѣшней и въ будущей жизни.

Гл. 4, ст. 1. **Послушайте, дѣти, наказанія (наставленія) отча и внимлите разумѣти помышленіе (внимлите, чтобы научиться разуму).**

Богословѣнный учитель мудрости обращается съ своими рѣчами къ дѣтямъ; это видно изъ ближайшаго 3-го стиха, и притомъ къ дѣтямъ вообще, чьи бы они ни были. При этомъ онъ называетъ себя отцемъ ихъ по отеческой любви, съ какою онъ предлагаетъ имъ свои наставленія, и по отеческой доброжелательности, съ какою требуетъ отъ нихъ послушанія себѣ. Вся дальнѣйшая рѣчь, какъ относящаяся къ дѣтямъ, или вообще молодымъ людямъ, имѣетъ воспитательный характеръ.

Ст. 2. Даръ бо благій дарую вамъ, моего закона не оставляйте.

Подъ даромъ, который обѣщаетъ дать дѣтямъ учитель мудрости, разумѣется законъ, о которомъ говорится во второмъ полустипхи. Этотъ законъ,—или правила, обязательныя къ исполненію,—поистинѣ есть даръ, потому что онъ составляетъ такое благо, за которое ничѣмъ равнымъ нельзя воздать тому, отъ кого получено это благо. Правила предлагаемаго дѣтямъ закона называетъ учитель мудрости не просто даромъ, но *благимъ* даромъ, по тѣмъ благотворнымъ послѣдствіямъ въ нравственномъ и житейскомъ отношеніи, какія произтекутъ отъ добраго, цѣлесообразнаго употребленія этого дара.

Ст. 3. Сынъ бо быхъ и азъ, отцу послушливый и любимый предъ лицомъ матери.

Учитель мудрости побуждаетъ дѣтей къ послушанію своимъ заповѣдямъ указаніемъ на свой примѣръ. Онъ самъ въ дѣтскомъ возрастѣ былъ *послушливымъ сыномъ* своего отца, царя Давида. Не даромъ онъ былъ также любимцемъ своей матери Вирсави, когда *предъ лицомъ* ея, на виду ея, подъ постояннымъ ея надзоромъ проводилъ время дѣтства. Онъ заслужилъ любовь матери, безъ сомнѣнія, ничѣмъ инымъ, какъ послушаніемъ не одному отцу, но вмѣстѣ ей.

Ст. 4. Иже глаголаша и учиша мя: да утверждается (да удержится) наше слово въ твоёмъ сердцѣ, храни заповѣди, не забывай.

Соломонъ могъ требовать отъ молодыхъ людей вниманія къ себѣ въ силу своего личнаго авторитета, какъ царь и богословѣнннй мужъ; но отчасти по смиренію, отчасти для подкрѣпленій своихъ наставленій еще другимъ авторитетомъ, онъ находитъ нужнымъ сослаться на своихъ родителей, учившихъ его всему доброму. Соломонъ очень хорошо помнитъ ихъ ученіе, и желая подѣлиться съ молодыми людьми тѣмъ, чему учили его самого, воспроиз-

водитъ предъ ними то, что глаголали и чему его учили родители. Чему же именно они учили его? «Да удержитса наше слово въ твоємъ сердцѣ, говорили они Соломону,—храни *наши* заповѣди, не забывай». Главнымъ предметомъ ихъ рѣчей, безъ сомнѣнія, былъ законъ Божій, содержащійся въ Пятокнижии Моисеевомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они преподавали Соломону и другія наставленія въ духѣ этого закона, какія внушала имъ любовь къ сыну и многолѣтняя духовная и житейская опытность.—Дальнѣйшіе стихи до конца пареміи содержатъ въ себѣ продолженіе словъ, слышанныхъ Соломономъ отъ родителей, особенно отъ отца его Давида.

Ст. 5. **Стяжи премудрость, стяжи разумъ** (*благоразуміе*). **Не забуди, ниже презри реченія моихъ устъ, ниже уклонися отъ глаголъ устъ моихъ.**

Премудрость и благоразуміе — такое благо, о стяжаніи котораго должно заботиться съ большимъ усердіемъ, чѣмъ о приобрѣтеніи земныхъ сокровищъ (Прит. 3, 14. Матѳ. 13, 46). Искатели земныхъ сокровищъ не жалѣютъ огромныхъ суммъ для приобрѣтенія ихъ. Искателю духовнаго сокровища—мудрости и благоразумія—не нужно дѣлать вещественныхъ тратъ: ему довольно пользоваться наставленіями родителей. Итакъ, *не забуди*, говоритъ Давидъ Соломону, *ниже презри реченія моихъ устъ*,—не удаляй изъ памяти и сердца, исходящихъ отъ меня наставленій, —*ниже уклоняся отъ глаголъ устъ моихъ*,—неуклонно руководствуйся моими наставленіями въ дѣлахъ духовныхъ и житейскихъ, и ты будешь обладать мудростію и благоразуміемъ: эти блага достанутся тебѣ даромъ, какъ готовое наследство, знай только цѣну ему.

Ст. 6. **Не остави ея, и иметса тебе** (*сдружится съ тобою*). **Возжелѣй ея** (*возлюби ее*), **и соблюдетъ тя** (*сбережетъ тебя*).

Мысль стиха таже, какъ и предшествующаго. Разница только въ томъ, что тамъ премудрость сравнивалась съ дорогую вещью, здѣсь же она представляется подъ образомъ

лица, знакомства съ которымъ надобно искать и всячески поддерживать, чтобы пріобрѣсть въ немъ вѣрнаго друга. Итакъ не *остави* мудрости, держись ея, и она *сдружится съ тобою*, будетъ вѣрнымъ и полезнымъ твоимъ другомъ. Вѣрному другу свойственно оберегать насъ, охранять насъ, своимъ совѣтомъ и всякаго рода помощію, отъ бѣдъ и напастей. Подобную услугу оказываетъ истинная мудрость всякому, ищущему въ ней опоры въ затрудненіяхъ. Итакъ *возлюби ея*, какъ благонадежнаго друга, и она *сбережетъ тебя*.

Ст. 7. Начало премудрости: стяжати премудрость и во всемъ стяжаніи твоёмъ стяжи разумъ (*пріобрѣтай разумнѣе*).

Начало премудрости стяжати премудрость. Т.-е. если желаешь быть мудрымъ, начни съ того, чтобы учиться мудрости у другихъ: стяжи ея отъ тѣхъ, которые уже стяжали ея. Истинно мудрые люди всегда готовы подѣлиться тѣмъ благомъ, которымъ сами обладаютъ.—*И во всемъ стяжаніи твоёмъ стяжи разумъ.* Смыслъ: еслибы ты стяжалъ всякія земныя блага, не почитай обладаніе ими достаточнымъ для себя, пока не пріобрѣтешь разумнѣія. Всѣ земныя блага, тобою пріобрѣтенныя, какъ бы ни были многоцѣнны и обильны, не имѣютъ цѣны, если владѣющіе ими лишены главнаго блага—*разумнѣія*, т.-е. если не знаютъ и не умѣютъ цѣнить того, что нужно знать и дѣлать для души, для удовлетворенія духовныхъ потребностей—истины, добра и мира съ Богомъ и совѣстію. Самое обладаніе земными благами, безъ разумнѣія того, какъ надобно употреблять ихъ, непрочно: глупому сыну не въ прокъ отцовское богатство.

Ст. 8. Огради ю, и вознесетъ тя. Почти ю, да тя обѣиметь.

Огради ю, и вознесетъ тя. Ограда премудрости есть страхъ Божій. Кто въ стяжаніи и употребленіи премудрости руководствуется страхомъ Божіимъ, тотъ твердъ въ

истинѣ и безопасенъ отъ заблужденій, какъ жители, укрѣпившіеся въ хорошо огражденной крѣпости, безопасны отъ стрѣлъ непріятельскихъ.—*И вознесетъ тя.* Потребны немалыя усилія, чтобы достигнуть такихъ успѣховъ въ усвоеніи мудрости, чтобы такъ утвердиться въ истинѣ; но велика и награда за эти усилія: мудрость, основанная на страхѣ Божіемъ, на живой вѣрѣ въ Бога и въ Его откровеніе, *вознесетъ* обладателя ея, возвыситъ его въ очахъ Божіихъ и людскихъ.—*Почти ю, да обниметъ тя.* Кто высоко цѣнитъ благо мудрости, кто дорожитъ ею паче всего на свѣтѣ, того поистинѣ можно назвать наперсникомъ ея. Она *обниметъ* его, т.-е. будетъ для него источникомъ духовнаго мира и довольства. Въ объятіяхъ мудрости онъ будетъ себя чувствовать также хорошо, какъ хорошо чувствуетъ себя ребенокъ, покоющійся въ объятіяхъ матери.

Ст. 9. Да дасть главѣ твоей вѣнецъ благодатей (*красотъ*), вѣнцемъ же сладости (*пріятности*) защитить (*покроетъ*) тя.

Всѣ идетъ рѣчь о воздаяніи за любовь къ мудрости. Она будетъ лучшимъ украшеніемъ для мудраго, несравненно привлекательнѣйшимъ *вѣнцовъ красоты* и *пріятности*, т.-е. сдѣланныхъ изъ цвѣтовъ красивѣйшихъ и благоуханнѣйшихъ вѣнцовъ, покрывающихъ голову побѣдителя, жениха и невѣсты. Эти вещественныя украшения неспрочны, скоро повреждаются и потомъ бросаются въ огонь. Но мудрость есть неувадаемый вѣнецъ: она на всю жизнь украшаетъ мудраго и до смерти привлекаетъ къ нему почтительные взоры, да и по смерти оставляетъ по себѣ добрую память.

Ст. 10. Слыши сыне и приими моя словеса, и умножатся лѣта живота твоего, да ти будутъ мнози пути житія.

За принятіе къ руководству въ жизни своихъ наставленій Давидъ обѣщаетъ Соломону долгоденствіе. Но долгоденствіе само-по-себѣ еще не составляетъ блага, если не

соединяется съ благоденствіемъ. Потому Давидъ желаетъ сыну своему, чтобы съ умноженіемъ лѣтъ его жизни открывались для него *многіе пути житія*, т.-е. благопріятствующія счастливому житію условія.

Ст. 11. **Путемъ бо** (*путямъ*) **премудрости учу тя, наставляю же тебе на теченія** (*стеzi*) **правая.**

Выразивъ въ предшествующемъ стихѣ надежду и желаніе сдѣлать сына своего счастливымъ, Давидъ теперь высказываетъ, на чемъ основывается его надежда и желаніе. Основаніе къ сему онъ видитъ въ томъ, что «учить его путямъ премудрости и наставляетъ на стеzi правыя». Пути премудрости, т.-е. ведущіе къ премудрости, и стеzi правыя,—стеzi правды и добродѣтели,—суть вмѣстѣ пути и стеzi, ведущіе къ благополучію. Идущіе этими путями и стеzями, не уклоняясь отъ нихъ въ сторону, не отвлекаясь отъ нихъ соблазнами и искушеніями, могутъ быть увѣрены, что достигнутъ долгоденствія и благоденствія.

Ст. 12. **Аще бо ходиши** (*если пойдешь*), **не запнутся стопы твоя, аще ли течеша** (*если побѣдишь*), **не утрудитиши.**

Земная жизнь есть время странствованія къ небесному отечеству. Въ этомъ странствованіи неизбѣжны встрѣчи съ скорбями и бѣдами. Юноша, какимъ былъ Соломонъ, когда получалъ наставленія отъ отца, не долженъ мечтать, что онъ миуетъ эти скорби и бѣды,—онѣ неминуемы; но правила мудрости, если онъ постоянно будетъ слѣдовать имъ, облегчатъ ему борьбу съ житейскими невзгодами, такъ что, при встрѣчѣ съ ними, неизбѣжной на земномъ пути, *не запнутся стопы его*, т.-е. онъ не упадетъ подъ тяжестію ихъ, бодро выдержитъ прираженія ихъ, и сколько бы ни пришлось ему возобновлять борьбу съ ними, онъ не ослабѣетъ въ своихъ усиліяхъ восторжествовать надъ ними. Борьба съ ними вызоветъ въ немъ еще большее напряженіе силъ, больше мужества и смѣлости для продолженія этой борьбы. Онъ *течетъ* далѣе, *не утруждаясь*. Въ

этомъ отношеніи онъ похожъ на скорохода, который быстро пробѣгаетъ отмѣренное ему поприще и если споткнется, немедленно поднимается и безъ усталы продолжаетъ свой бѣгъ.

Ст. 13. Имися (держись) моего наказанія (наставленія), не остави (не опускай), но сохрани е себѣ въ жизнь твою.

Давидъ заповѣдуетъ Соломону не только принимать отъ него наставленія, но постоянно *держаться* ихъ, постоянно поступать согласно съ ними. Иной отрокъ съ радостію принимаетъ дорогой подарокъ, но вскорѣ перестаетъ любоваться имъ, выпускаетъ его изъ рукъ, какъ надоѣвшую вещь, и совсѣмъ бросаетъ. Подобнымъ образомъ относятся иные молодые люди и къ духовнымъ подаркамъ, — мудрымъ наставленіямъ. Сначала они съ радостію выслушиваютъ родительскія наставленія, принимаютъ ихъ къ сердцу, но проходитъ нѣсколько дней, даже часовъ, и они начинаютъ тяготиться принятыми совѣтами, по лѣности или по трудности исполнять ихъ, и перестаютъ ихъ цѣнить и ими руководствоваться, — выпускаютъ изъ рукъ этотъ дорогой подарокъ. Нѣтъ, говоритъ Давидъ Соломону, крѣпко *держись моего наставленія, не опускай его*, непустительно слѣдуй ему, — *сохрани его въ жизнь твою*, — помни, что соблюденіе моего наставленія есть *жизнь*, т.-е. непрерывное условіе истинно богоугодной и благополучной жизни.

Ст. 14. На пути нечестивыхъ не иди, ниже возрвнуй путемъ законопреступныхъ.

Отъ путей премудрости могутъ отвращать юношу примѣры людей нечестивыхъ, соблазны съ ихъ стороны, также то, что *путь нечестивыхъ сплется*, что нечестіе не мѣшаетъ имъ жить благополучно. И вотъ отъ этой-то опасности совращенія на путь нечестивыхъ и беззаконныхъ, отъ увлеченія ихъ образомъ мыслей и нравами предостерегаетъ своего сына Давидъ. Какъ бы ни казалась пріят-

ною и увлекательною жизньъ нечестивцевъ, не ходи вслѣдъ ихъ и не *возревнуй путемъ ихъ*,—не подражай имъ, знай, что ихъ мнимое счастье покушается цѣною преступленія.

Ст. 15. **На немже аще мѣстѣ воя соберуть** (*въ какомъ бы мѣстѣ ни ополчились они*), **не иди тамо, уклонися отъ нихъ и измѣни** (*пройди мимо*).

Нечестивые и незаконные, отъ которыхъ Давидъ предостерегаетъ Соломона, суть враги общества, ибо живутъ неправдами и обидами ближнему. Для сего они вступаютъ между собою въ законопреступные союзы, и соединенными силами стараются нанести какъ можно больше вреда ближнимъ. Эти союзы принимаютъ видъ ополченій, вооруженныхъ скопищъ. Не всегда эти злоумышленники пускаютъ въ ходъ вещественное оружіе, но ихъ злыя козни, ихъ усилія подкопаться подъ благосостояніе ближняго хитростію, обманомъ и лукавствомъ, не менѣе пагубны, чѣмъ смертоносное оружіе. Указывая Соломону на такихъ нечестивцевъ, Давидъ предостерегаетъ его, чтобы по свойственному молодымъ людямъ легкомыслію, онъ не увлекался ихъ приглашеніями вступить въ ихъ товарищество, не принималъ участія въ ихъ заговорахъ противъ общества или противъ своего отца—царя, не искалъ опоры себѣ въ ихъ содѣйствіи,—чтобы онъ всячески чуждался сближенія съ ними и *проходилъ мимо* тѣхъ мѣстъ, гдѣ они собираются.

Ст. 16. **Не уснуть бо, аще зла не сотворятъ, отъимется сонъ отъ нихъ и не спать.**

Привычка дѣлать зло людямъ обратилась у нечестивцевъ въ непреодолимую потребность, какъбы во вторую природу, такъ что имъ неспится, если они не успѣли сдѣлать задуманное зло, и готовы проводить ночи безъ сна, чтобы только сдѣлать зло. Потребность злодѣянія въ нихъ сильнѣе естественной потребности—успокоенія сномъ: имъ не до сна.—Но иные этотъ стихъ толкуютъ нѣсколько иначе,—именно: нечестивые спятъ днемъ, а ночи проводятъ въ бодрствованіи, подобно звѣрямъ, ищущимъ добычи

ночью. Это толкованіе больше вяжется съ смысломъ послѣдующаго стиха.

Ст. 17. Тѣмъ бо питаются пищею нечестія, виномъ же законопреступнымъ упиваются.

Нечестивцы потому проводятъ ночи безъ сна, что они зломъ поддерживаютъ свое существованіе. Чуждаясь честнаго труда, они питаются *пищею нечестія*, такую пищу, которую приобрѣтаютъ нечестивыми, безнравственными средствами,—и пьютъ *вино законопреступное*, — которое достается имъ воровствомъ, или грабежемъ. Благоприятное время для этихъ беззаконій есть ночь, и потому они неспятъ по ночамъ.

Въ слѣдующихъ двухъ стихахъ Давидъ, для возбужденія отвращенія въ сынѣ своемъ къ подражанію нечестивымъ, рисуеть привлекательными чертами жизнь праведныхъ и противопоставляетъ имъ судьбу нечестивыхъ.

Ст. 18. Путіе же праведныхъ подобно свѣту свѣтятся (блестятъ), предходятъ (пролезаютъ впередъ) и просвѣщаютъ (святятъ), дондеже исправится день (пока не наступитъ день).

Пути жизни праведныхъ сравниваются здѣсь съ солнечнымъ свѣтомъ. Солнечный свѣтъ начинается съ появленія утренней зари, постепенно усиливается и въ полдень достигаетъ наибольшаго напряженія. Подобно сему жизнь благочестивыхъ представляетъ рядъ постепенныхъ успѣховъ въ нравственномъ отношеніи,—чѣмъ дальше пролезаютъ ихъ пути, т.-е. чѣмъ больше продолжается ихъ жизнь, тѣмъ она становится чище и свѣтлѣе, отъ нисшей ступени нравственнаго совершенства они восходятъ къ высшей, пока наконецъ не достигнуть того состоянія, о которомъ предречено: «тогда праведницы просвѣтятся яко солнце, въ царствіи Отца ихъ» (Мат. 13, 43).

Ст. 19. Путіе же нечестивыхъ темни: не вѣдаютъ, како претѣнутся (обо что споткнутся).

Путь праведныхъ — свѣтъ, жизнь нечестивыхъ — тма. Неосвѣщаемые свѣтомъ закона Божія, даже закрывая глаза отъ сего свѣта, нечестивые глубже и глубже погружаются во тму невѣдѣнія истины и правды, и непомышляя ни о

тяжести, ни о послѣдствіяхъ своихъ баззаконій, дерзко продолжаютъ творить ихъ. Но горе имъ! Они не видятъ, обо что преткнутся. Надежда на безнаказность ослѣпила ихъ очи, закрыла отъ нихъ опасность гибели. Ослѣпленные тѣмъ, что они всегда удачно ускользали отъ бѣды, отъ кары правосудія, они наконецъ натолкнутся на бѣду тамъ, гдѣ совѣмъ неподозрѣвали. Она разразится надъ ними неожиданно: преткнутся тамъ, гдѣ мнили быть безопасными.

Ст. 20. Сыне, моимъ глаголамъ внимай, въ моимъ же словесемъ прилагай ухо твое.

Частое повтореніе этого наставленія объясняется тѣмъ, что молодые люди, къ которымъ оно обращено, склонны къ разсѣянности. Ихъ надобно почаще побуждать къ вниманію. Въ настоящемъ случаѣ этого вниманія требуютъ и предшествующія и послѣдующія наставленія.

Ст. 21. Да не оскудѣютъ ти источники твои. Храни я въ сердцѣ твоемъ.

Подъ источниками здѣсь разумѣются правила мудрости: они напоютъ душу истиною, очищаютъ сердце отъ грѣховныхъ сквернъ, и укрѣпляютъ нравственную силу, подобно тому, какъ вещественная вода, текущая изъ источника, утоляетъ тѣлесную жажду, смываетъ грязь и нечистоту и освѣжаетъ силы утомленнаго путника для продолженія пути. Чтобъ правила мудрости не теряли надъ нами столь благотворной силы, ихъ надобно хранить въ сердцѣ, а не въ умѣ только и памяти.

Ст. 22. Животъ бо суть всемъ обрѣтающимъ я и всей плоти ихъ исцѣленіе.

Если правила мудрости, названнаго въ предшествующемъ стихѣ источниками, столь же благотворны для души, какъ вода для тѣла, то заповѣдь хранить эти правила въ сердцѣ, какъ охраняютъ воду въ источникахъ, должна быть ревностно исполняема,—ибо они *суть животъ всемъ обрѣтающимъ я*,—питаютъ и поддерживаютъ истинную жизнь души въ тѣхъ, которые обрѣтаютъ ихъ въ сердцѣ, въ чемъ сердцѣ они хранятся свято и благоговѣнно.—Благотворныя для души, они благотворны и для тѣла, ибо въ случаѣ тѣлесной болѣзни дѣйствию врачебнаго искусства значительно способствуетъ душевное спокойствіе, самообладаніе и преданность волѣ Божіей, требуемая правилами истинной мудрости.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Лаврскій іеромонахъ Виталій просилъ сначала (29 апр.) Учрежденный соборъ, а потомъ и митрополита о увольненіи его, по данному имъ обѣщанію, въ св. градъ Іерусалимъ Палестинскій, для поклоненія гробу Господню, и въ Аѳонскую гору, срокомъ на три года. Резолюція отъ 10 мая 1857 г.: «Если просилъ соборъ: то сіе прошеніе (*на имя его высокопреосвященства*) есть знакъ нетерпѣливости. Надлежало ожидать рѣшенія собора. Лавра по своему положенію имѣетъ нужду въ дѣйствительно служащихъ іеромонахахъ, и на три года оставить пустое мѣсто іеромонаха для нея было бы не безъ затрудненія. Да и не нужно такое длинное время, да едва ли нужно и самое путешествіе, такъ какъ іеромонахъ кажется уже путешествовалъ къ святымъ мѣстамъ. Собору разсмотрѣть все сіе, и преподать просителю совѣтъ и наставленіе, чтобы онъ тщательно размыслилъ, не полезнѣ ли для него служить Богу мирно на мѣстѣ и не предаваться желанію сомнительной перемѣны мѣста».

1854, апр. 20. «Іеромонахъ звалъ меня въ свою келлію просто, не объявляя о мвроточивыхъ иконахъ. Потому сіе приглашеніе и оставлено безъ послѣдствій. Но какъ теперь объявляетъ о семъ, какъ о чудѣ, то Консисторіи учинить слѣдующее: 1) поручить благочинному монастырей съ настоятелемъ Златоустава допросить іеромонаха Филарета, когда замѣтилъ онъ мвротеченіе, почему не объявилъ о семъ начальству тотчасъ, постоянно оно продолжается или по временамъ, не объявлялъ ли онъ о семъ постороннимъ. 2) Имъ же освидѣтельствовать и описать иконы; и о семъ постановить журналъ за общимъ подписаніемъ. 3) Имъ же дознать, не огласилось ли сіе между посторонними, не посѣщаютъ ли для сего посторонніе келлію іеромонаха Филарета. 4) Впредь до усмотрѣнія возбранить постороннимъ входъ въ келлію его. 5) Исполнить сіе незамедлительно».

Мая 2. «Письмо сіе (іером. Филарета), которое начинается поздравленіемъ съ праздникомъ (Пасхи), въ которомъ далѣе содержится въ неприличныхъ выраженіяхъ порицаніе двухъ архимандритовъ, исполнявшихъ порученіе начальства, и непонятное упоминаніе о какомъ-то мѣстѣ, гдѣ иконы, по желанію пишущаго и кредиторовъ имѣють быть помѣщены съ утвержденіемъ Высочайшею властію, въ которомъ пишущій іеромонахъ приписываетъ себѣ непринадлежащія ему званія эконома и депутата, не можетъ быть принято къ дѣлу, и какъ по формѣ и по содержанію незаконно, должно быть оставлено безъ дѣйствія».

Мая 4. «Первый, третій и четвертый пункты опредѣленія Консисторіи исполнить. 2) Алтарь церкви, или самая церковь, въ которой поставлены будутъ иконы, должны быть за ключемъ Златоустовскаго настоятеля, и за печатью благочиннаго монастырей. 3) Однажды въ недѣлю свидѣтельствовать имъ иконы, и доносить каждый разъ, что усмотрѣно будетъ. 4) Донести о семъ отъ меня св. Синоду».

Мая 22. «Консисторія приметъ мѣры чтобы опредѣленіе ея было исполнено, и неповиновеніе (іеромонаха) прекращено».

Сент. 29. «Кажется, время консисторіи сдѣлать заключеніе».

Примѣчаніе. Иконы, казавшіяся муроточивыми отъ паденія влажного воздуха на иконныя краски, взяты наконецъ въ каедральную ризницу.

1856, мая 31. «1) Консисторіи разсмотрѣть (рапортъ благочиннаго). 2) Состоящій въ должности благочиннаго (извѣщенный о пропажѣ описанной церковной книги) напрасно предписывалъ, чтобы приготовились къ осмотру. Порядокъ въ церкви долженъ быть соблюдаемъ не въ тѣ только дни, когда ожидаютъ благочиннаго, а всегда; и потому онъ долженъ безъ предваренія придти, и смотрѣть, соблюдается ли порядокъ».

Сообщилъ Архим. Григорій.

НЕВИДИМАЯ БРАНЬ.

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ

СТАРЦА НИКОДИМА АГІОРИТА.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я.

Глава осьмая.

О храненіи и испытаніи совѣсти.

Всякимъ храненіемъ храни, брате, совѣсть свою чистою и въ мысляхъ, и въ словахъ, и въ дѣлахъ, да будетъ она всегда безукоризненна и никогда да не осуждаетъ и не грызетъ тебя ни за что. Если будешь такъ дѣлать, она большую пріобрѣтетъ у тебя силу и во внутреннемъ твоёмъ и во внѣшнемъ дѣйствованіи и, ставъ госпожею надъ всѣмъ, станетъ добръ править твоею жизнію. Чистая совѣсть и жизнь твою сдѣлаетъ безукоризненною: ибо тогда она будетъ чутка и сильна на добро и противъ зла. Она законъ, Богомъ начертанный въ сердцахъ людей, въ освѣщеніе путей ихъ и въ руководство во всемъ достождномъ, какъ учитъ апостоль Павелъ, называя ее *дѣломъ законнымъ, написаннымъ въ сердцахъ* (Рим. 2, 15); основываясь на чемъ, св. Нилъ такой даетъ каждому урокъ: «во всѣхъ дѣлахъ своихъ, какъ свѣтильникомъ, пользуйся руководствомъ совѣсти».

Въ четырехъ отношеніяхъ должно тебѣ блюсти совѣсть свою безукоризненною: въ отношеніи къ Богу, къ себѣ самому, къ ближнимъ и ко всѣмъ вещамъ, кои въ рукахъ у тебя.

Все это тебѣ вѣдомо; напомню однакожь тебѣ главнѣйшее.—*Въ отношеніи къ Богу*—пребывай въ памяти Божіей и ходи въ присутствіи Божіемъ; сознавай себя носимымъ и хранимымъ силою Божіею, и ведомымъ къ тому концу, для котораго Онъ воззвалъ тебя къ бытію; и себя и все свое посвящай на служеніе Богу и во славу имени Его; въ Немъ живи, на Него уповай и Ему предай участь свою и временную и вѣчную.

Въ отношеніи къ себѣ самому,—будь справедливъ къ себѣ и каждой части своего естества отдавай должное: *духъ* твой, ищущій Бога, небснаго и вѣчнаго, да властвуешь надъ душою и тѣломъ, которыхъ назначеніе устроить временную жизнь; *душа*, подчиняясь внушеніямъ духа, выю ума да подклоняетъ богооткровенной истинѣ и ею да освѣщаетъ всю область своего вѣдѣнія,—волю да держитъ въ порядкахъ заповѣдей Божіихъ, не давая ей, въ противность имъ, уклоняться къ своимъ похотѣніямъ, — сердце да учитъ находить вкусъ только въ вещахъ божественныхъ и въ томъ, что носятъ отпечатки и служатъ выраженіемъ божественнаго,—и въ семъ духѣ да ведетъ свои дѣла и порядки житейскіе и общественные; *тѣлу* давай нужное и соблюдая въ семъ строгую мѣрность, имѣй закономъ—никогда нѣ въ чемъ *не творить плотугодія въ похоти* (Рим. 13, 14). Храни сіе, будешь добрымъ правителемъ себя самого, и истиннымъ себѣ благодѣтелемъ.

Въ отношеніи къ ближнимъ, — чти всѣхъ, какъ образы Божіи, всѣмъ благожелай и благодѣтельствуй по силѣ, предъ всѣми смирайся и всѣмъ угождай въ предѣлахъ добра, радуйся съ радующимися и соскорби скорбящимъ, никого не осуждай и не увичижай, даже въ мысли и чувствѣ, отъ ищущихъ у тебя совѣта и вразумленія не скрывай истины, когда знаешь, самъ же въ учителя никому не навязывайся, паче же всего блюди миръ и согласіе со всѣми, съ готовностію на всякія для того съ своей стороны жертвы, и всевозможно избѣгай соблазнить кого.

Въ отношеніи къ вещамъ, — почтительно относись ко всѣмъ, какъ къ твореніямъ Божиимъ; какія Богъ даетъ тебѣ во владѣніе, храни и употребляй во славу Божию, — будь всякою мѣрой ихъ доволенъ и благодари за нихъ Бога, — ни къ чему не пристращайся и на все смотри, какъ на способы и орудія внѣшнія, чтобъ свободно распоряжаться ими и не имѣть въ нихъ связи и препонъ въ добрыхъ начинаніяхъ своихъ, — не допускай въ себѣ почиванія на нихъ, какъ на хрупкихъ опорахъ, не хвались своими, не завидууй чужимъ, не скупись и не будь расточителемъ не на доброе.

Все сіе исполнять каждодневно всякому приходится въ томъ или другомъ видѣ, чуть не на каждомъ шагу. Если такъ *добръ* будешь жить, *добрѣ* будешь *имѣть и совѣсть*, подражая св. Павлу (Евр. 13, 18).

Добръ хотящіе жити, ревнители о спасеніи всѣ такъ и дѣйствуютъ, всячески стараясь ни въ чемъ изъ того не погрѣшить и ничѣмъ не запятнать своей совѣсти. При всемъ томъ однакожь то мысли и чувства, то слова, а то и дѣла неправыя проскользаютъ, иной разъ незамѣтно, а то и замѣтно, и запяляютъ чистый ликъ совѣсти, такъ что къ концу дня, рѣдкій не бываетъ похожъ на путника, шедшаго по пыльной дорогѣ, у котораго всходу набивается пыль, и въ глаза, и въ носъ и въ ротъ, и въ волоса, и все лицо покрываетъ. По сей причинѣ и положено всякому, ревнующему о спасеніи, вечеромъ испытывать свою совѣсть и уяснивъ себѣ всѣ неправости, допущенныя днемъ въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ, очистить ихъ покаяніемъ, т.-е. дѣлать то же, что дѣлаетъ запылившійся путникъ: путникъ умывается водой, а ревнующій о спасеніи очищаетъ себя покаяніемъ, сокрушеніемъ и слезами.

Испытаніе должно изслѣдовать все, доброе и недоброе, правое и неправое, по всѣмъ вышеозначеннымъ сторонамъ. Что увидишь правымъ по существу дѣла, посмотри, право ли оно по побужденію и намѣренію, право ли по образу совершенія, и право ли ты взглянулъ на то по соверше-

пи,—не сдѣлалъ ли ты то для показности, или изъ чело-
вѣкоугодія, или по самоугодію,—къ мѣсту ли то, ко вре-
мени ли, къ лицу ли,—и послѣ того не потрубилъ ли ты
передъ собой, и не помечталъ ли о себѣ, не воздавъ славы
Богу. Правое дѣло право воистину, когда оно дѣлается изъ
покорности волѣ Божіей и во славу Божію, съ полнымъ
самоотверженіемъ и самозабвеніемъ.

Что увидишь неправымъ, размотри, какъ случилось,
что ты сдѣлалъ то, когда держишь постоянно желаніе
дѣлать одно правое, какіе были къ тому поводы и причи-
ны внутренніе и внѣшніе, какъ бы тебѣ слѣдовало пра-
вить собой въ данномъ случаѣ, чтобъ не погрѣшить, и
почему ты этого не сдѣлалъ; затѣмъ, осудивъ себя, а ни-
кого и ничего другаго, разумно опредѣли, какъ слѣдуетъ
тебѣ держать себя, чтобы впередъ не погрѣшить въ такихъ
же или подобныхъ обстоятельствахъ, и предпиши то себѣ
въ законъ съ рѣшимостію и исполнять его безъ уклоненія
и поблажки себѣ, или челоѣкоугодію, пользуясь такимъ
образомъ для удобрѣнія нивы сердца своего и нечи-
стотами.

Кончивъ испытаніе, за все исправное возблагодари Бо-
га, никакой не присвояя себѣ въ томъ части; ибо воисти-
пу *Онъ есть дѣйствующій въ насъ и еже хотѣти, и еже
дѣяти* (Фил. 2, 13), и безъ Него не можемъ мы творить
ничего добраго (Іоан. 15, 5). Возблагодаривъ же Бога, за-
будь то, подражая св. Павлу, чтобъ по его же примѣру съ
большимъ усердіемъ *простираться въ предняя* (Фил. 3, 13).
Во всемъ же неисправномъ покайся и сокрушись предъ
Господомъ, окаывая себя, что на твоей трапезѣ предложенія
никогда не приносишь Ему совершенно чистыхъ хлѣбовъ,
а все съ мякиной и соромъ, и твердое полагая намѣреніе
строго слѣдить за собой въ слѣдующій день, чтобъ ничего
не прорывалось недолжнаго, не только въ дѣлахъ и сло-
вахъ, но и въ мысляхъ и чувствахъ.

Внимающіе себѣ все сіе, т. е. и испытаніе и только что
указанное заключительное его дѣйствіе,—совершаютъ сре-

ди самага теченія дѣлъ дня; такъ что вечеромъ испытаніе совѣсти бываетъ у нихъ только повтореніемъ дневнаго, его исправленіемъ и пополненіемъ. И нельзя не согласиться, что такой образъ дѣйствованія лучше и естественнѣе. Отъ совѣсти не укроешь, что допущено недобраго; замѣтивъ же то, она тотчасъ и беспокоится начинастъ. Не естественнѣе ли тотчасъ же и успокоить се самоосужденіемъ, сокрушеніемъ и опредѣленіемъ впередъ быть исправнымъ, чѣмъ оставлять это до вечера?

Приложу тебѣ еще одно-другое указаніе на этотъ предметъ.

Сколько можно строже разбирай дѣла свои, и углубляйся въ производство ихъ, и потомъ судъ произноси надъ собою нещадный. Чѣмъ глубже будешь вникать во все бывающее въ тебѣ и отъ тебя, и неправое устранять, а въ правомъ утверждаться, тѣмъ скорѣе очистится совѣсть твоя: подобно какъ чѣмъ глубже роются ископывая колодезь, тѣмъ чище бываетъ въ немъ вода.

Совѣсть, узнавъ правое и неправое, не престанетъ уже требовать дѣйствованія сообразнаго съ первымъ, и преслѣдовать судомъ и угрызеніемъ за допущеніе втораго. Но пока она дойдетъ до полнаго вѣдѣнія о томъ и другомъ, или пока стяжетъ *чувствія обученна въ разсужденіи добра же и зла* (Евр. 5, 14), и станетъ такимъ образомъ въ себѣ самой имѣть очи видѣти,—она состоитъ въ нѣкоторой зависимости съ сей стороны отъ другихъ душевныхъ силъ, и особенно разсужденія. Разсужденіе же, пока сердце не очистится отъ страстей, не рѣдко бываетъ подкупаемо послѣдними, и обставляетъ дѣла многими извиненіями, которыя, отуманивая око совѣсти, вводятъ ее въ заблужденіе, и она признаетъ иной разъ черное бѣлымъ. Почему, пока ты состоишь еще въ борьбѣ со страстями, ставь, при испытаніи себя, дѣла свои предъ зеркаломъ слова Божія и имъ руководствуйся при опредѣленіи ихъ качества и достоинства, и при этомъ не стыдись и не лѣнись учащать къ духовному отцу своему.

Начинай и оканчивай обсужденіе дѣлъ своихъ усердною молитвой, да дастъ тебѣ Господь очи увидѣть сокровенности сердца своего: ибо *глубоко сердце человеку наче всѣхъ, и кто познаетъ его?* (Іер. 17, 9). Никто какъ *Богъ, Который болѣе есть сердца нашего и вѣсть вся* (1 Іоан. 3, 20), *единъ вѣсть сердца всѣхъ сыновъ человеческихъ* (3 Цар. 8, 39). Есть глубоко въ сердцѣхъ кроющіяся неправыя чувства, которыя иной разъ мелькомъ проскользая въ дѣла, а иной разъ и не бывъ замѣчены, обдають ихъ вонейю грѣховною. Вотъ и молись съ пророкомъ Давидомъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (Пс. 18, 13).

Глава девятая.

О приготовленіи къ брани съ врагами въ часъ смертный.

Хотя вся жизнь наша на землѣ есть непрестанная брань и намъ предлежитъ вести ее до самаго конца; но главнѣйшая и рѣшительная брань ожидаетъ насъ въ часъ смерти. И кто падетъ въ сей моментъ, тому уже не встать. И не дивись сему. Ибо если врагъ дерзалъ приступать къ безгрѣшному Господу въ концѣ земныхъ дней Его, какъ сказалъ самъ Господь: *врядетъ міра сего князь, и во мнѣ не имать ничего* (Іоан. 14, 30); то что можетъ удержать его отъ нападенія на насъ грѣшныхъ въ концѣ нашей жизни? И св. Василій Великій говоритъ, въ толкованіи 7-го псалма на слова: *да не когда похититъ, яко левъ душу мою, не суцѣ избавляющу, ниже спасающу* (— 3), что самые неутомимые борцы, всю жизнь неопустительно боровшіеся съ демонами и избѣгшіе ихъ сѣтей и устоявшіе противъ нападеній ихъ, въ концѣ жизни подвергаются княземъ вѣка сего осмотру, не окажется ли въ нихъ чего-либо грѣшнаго; и тѣ, у которыхъ найдутся раны, или пятна и отпечатки грѣха, удерживаются ими въ своей власти, а тѣ, у которыхъ не найдется ничего такого, минуютъ его свободно и упокоиваются со Христомъ.

Если такъ есть дѣло, то нельзя не поимѣть сего въ виду и

напередъ не готовиться встрѣтить часъ тотъ, чтобъ благоуспѣшно прейти его. Приготовленіемъ къ тому должна служить вся жизнь. Ты окажешься добрѣ приготовленнымъ къ тому часу, если въ продолженіе всей данной тебѣ временной жизни, будешь мужественно бороться со врагами своего спасенія. Приобрѣтши во время жизни добрый навыкъ добрѣ побѣждать враговъ, ты и въ часъ смерти легко стяжешь вѣнецъ побѣды.

Также чаще помышляй со вниманіемъ о смерти, приводя на мысль все, имѣющее тогда случиться. Если будешь такъ поступать, то часъ тотъ не неожиданно застанетъ тебя; почему не устрашить тебя, или не сильно устрашить, и душа твоя, не расслабляемая страхомъ, окажется болѣе крѣпкою и сильною къ подъятію брани и преодолѣнію врага. Мірскіе люди бѣгаютъ помышленія и воспоминанія о смерти, чтобъ не пресѣкать своихъ чувственныхъ утѣхъ и наслажденій, которыя не совмѣстимы съ памятію смертною. Отъ этого у нихъ все болѣе и болѣе растетъ и крѣпнеть привязанность къ благамъ міра, не встрѣчая ничего поперечающаго ей. За то, когда придетъ время разлучиться съ жизнію и со всѣми любимыми вещами и утѣхами, они непомѣрно мнутуются, мучатся и ужасаются.

Чтобы такое помышленіе о смерти принесло весь свой плодъ, надлежитъ тебѣ при семъ, поставляя себя мысленно въ состояніе умирающаго, въ тѣснотахъ и томленіяхъ предсмертныхъ, представлять живо и могущія напасть на тебя тогда искушенія вражескія, съ воспроизведеніемъ вмѣстѣ и тѣхъ мыслей и чувствъ, какія сильны отразить ихъ. Какія именно возможны тогда вражескія нападенія и какъ отразить ихъ, я изложу тебѣ вслѣдъ за симъ, чтобъ ты, пока живъ, навыкъ мысленному въ нихъ упражненію, а когда придетъ часъ смерти, употребилъ ихъ и дѣломъ. Ибо ту брань и тотъ бой, который имѣетъ быть только однажды, надо умѣть и навыкнуть хорошо принять и поднять тому, кому неизбѣжно встрѣтить ихъ, чтобъ не сдѣлать ошибки, и не потерпѣть потери, какихъ уже поправить нельзя.

Глава десятая.

О четырехъ, бывающихъ въ часъ смерти искушеніяхъ вражескихъ. Первое искушеніе противъ вѣры и о способѣ преодоленія его.

Четыре главныхъ и опаснѣйшихъ искушеній, каковымъ въ часъ смерти обыкновенно подвергають насъ враги наши—демоны: 1) колебанія вѣры, 2) отчаяніе, 3) тщеславіе, 4) разные образы, въ какіе облакаются демоны и какіе представляютъ отходящимъ.

Что касается до перваго, то когда злокозненный врагъ начнетъ всѣвать въ тебя помыслы невѣрія или, явясь видимо, заговоритъ противъ вѣры, ты, не входя съ нимъ въ споръ, самъ въ себѣ возставъ вѣру въ то, на что онъ нападаетъ, и скажи ему со святымъ негодованіемъ: «отойди прочь, съ глазъ моихъ, сатана, отецъ лжи. Я и слушать тебя не хочу; отъ всей души всегда вѣровалъ и вѣрую во все, во что вѣруеть мать моя, святая Церковь. И этого для меня довѣсть».—И отнюдь не допускай помысловъ невѣрія, и стой твердо, по слову Писанія: *аще духъ владѣющаго найдетъ на тя, мѣста твоего не остави* (Еклл. 10, 4). Сознай живѣе и держись сего сознанія, что тутъ одна кознь діавола, покушающагося смутить тебя въ послѣдній твой часъ. Если не сможешь твердо стоять умомъ, стой бодренно желаніемъ и чувствомъ, не позволяй имъ преклониться къ внушаемому, хотя бы оно прикрываемо было изреченіями Писанія, приводимыми душегубцемъ-врагомъ: ибо что бы изъ Писанія ни напоминалъ онъ тебѣ, все то на пагубу тебѣ направляется посредствомъ криваго толкованія и извращенія истины словесъ Божіихъ.

Если змій сей злокозненный спроситъ тебя: а чему учить Церковь? не отвѣчай, и вниманія не обращай на слова его, презирая его; но вѣдая, что онъ есть одна ложь и лукавство, и что пачаль говоритъ съ тобой, чтобъ поимать тебя на словахъ, погрузись въ созерцаніе вѣры. въ

вѣрующемъ сердцѣ своемъ. Впрочемъ если чувствуешь себя крѣпкимъ въ вѣрѣ и сильнымъ въ помыслѣ, и желаешь посрамить врага, отвѣть ему, что святая Церковь вѣруетъ тому, что единая есть истина. Если онъ опять спроситъ, какая же это истина? скажи ему: та, въ которую она вѣруетъ, именно, что Христосъ Господь крестомъ поразилъ тебя во главу и сокрушилъ власть твою. И затѣмъ прилѣпись взоромъ ума своего къ созерцанію распеншагося за насъ Господа, и помолись Ему: «Боже мой, Творче и Избавителю! ускори на помощь мнѣ, и не дай мнѣ колебаться, даже малѣйше, въ истинѣ св. вѣры Твоей,—но благоволи, чтобъ я, какъ родился по благости Твоей въ истинѣ сей, такъ въ ней же пребывая кончилъ и жизнь мою смертную во славу имени Твоего».

Глава одиннадцатая.

Второе искушеніе въ часъ смерти—отчаяніемъ.

Второе искушеніе въ часъ смерти, которымъ врагъ покушается поразить насъ въ конецъ, есть страхъ при воспоминаніи множества грѣховъ нашихъ. Страхъ сего миновать нельзя; но онъ умѣряется вѣрою въ искупленіе грѣховъ нашихъ крестною смертію Христа Спасителя. Врагъ же, помрачая сію вѣру, страхъ за грѣхи раздуваетъ до того, что онъ подавляетъ всякую надежду спасенія и поражаетъ безнадежіемъ и отчаяніемъ. Почему, брате мой, напередъ готовься къ отраженію сего нападенія, и отсель еще замышлай, приближаясь къ вратамъ смерти крѣпче держать побѣдное наше знаменіе—крестъ Христовъ, т. е. водруженною въ сердцѣ имѣть крѣпкую вѣру въ искупительную силу крестной смерти Господа. Когда же, самымъ дѣломъ вступая въ сіи врата, ощутишь нападки печальнія, прежде всего поспѣши сознать, что они суть дѣйствія вражескія, а не естественныя порожденія воспоминанія своихъ грѣховъ. Такому воспоминанію свойственно поражать

смиреніе, сокрушеніе и скорбь сердечную объ оскорбленіи Бога, праведнаго, но и всемилостиваго; почему оно, хотя поражаетъ страхомъ, но такимъ, который не погашаетъ надежды на милость Божію, и будучи ею растворяемъ, даетъ мѣсто дерзновенному упованію спасенія, отражая всякое чувство отверженности. Вѣдая сіе, ты не можешь не признать, что коль скоро воспоминаніе грѣховъ подавляетъ тебя и ввергаетъ въ отчаяніе, погашая всякую надежду спасенія и поражая страхомъ отверженности, то все это есть наважденіе дьявольское. Сознавъ же это, тебѣ уже не трудно будетъ паче упованія возуповать: что и разгонитъ всякое нечаяніе.

Упованіе паче упованія погружаетъ въ созерцаніе милосердія Божія, въ бездну косяго восчувствовавшей его и повергаетъ презѣльное множество грѣховъ своихъ, утверждаясь на крѣпкомъ убѣжденіи, что Богъ спасенія нашего хочетъ и ищетъ, а не пагубы. Крѣпится же сіе убѣжденіе можетъ и всегда, а наипаче тогда, только на безпредѣльной силѣ крестной смерти Господа Спасителя. Почему, какъ всегда надлежитъ намъ укрываться подь сѣнь креста, такъ тѣмъ паче тогда. И вотъ какою молитвой прилично тебѣ, вступая во врата смерти, возмолиться къ Господу Богу твоему: «Господи! множество имѣю я причинъ опасаться, чтобъ Ты не осудилъ меня и не отвергъ за грѣхи мои по правдѣ твоей; но еще большее имѣю дерзновеніе надѣяться на помилованіе по безпредѣльному милосердію твоему, во Христѣ Иисусѣ, Искупителѣ нашемъ и Спасителѣ. Почему умоляю безмѣрную Твою благодать, пощади меня, бѣдную тварь, осуждаемую грѣхами своими, во омывасящую безцѣнною кровію Сына Твоего и Бога нашего, да воспрославлю и возблагодарю Тебя во вѣки. Всего себя предаю въ руки Твои; сотвори со мной по милости Твоей. Ты—единъ Владыка жизни моея».

Глава двѣнадцатая.

Третье искушеніе въ часъ смерти—тщеславіемъ.

Третье искушеніе въ часъ смерти бывасть искушеніе тщеславіемъ и самоцѣненіемъ, внушающими уповать на себя самого и дѣла свои. Почему, какъ всегда, такъ наипаче въ часъ смерти, отнюдь не допускай вниманію своему останавливаться на себѣ и своемъ, и вдаваться въ довольство собой и дѣлами своими, хотя бы ты преуспѣвалъ въ добродѣтеляхъ паче всѣхъ святыхъ. Но довольство твое все да будетъ въ Богѣ и уповай всецѣло на одно милосердіе Его и страданія Господа Спасителя, да спасешься, всячески уничтожая себя предъ очами своими до послѣдняго издыханія своего. И если случится, что тебѣ придетъ на умъ какое-либо твое доброе дѣло, помышляя, что это Богъ совершилъ его въ тебѣ и тобой, а не ты, и что оно отъ Него сдѣлаго произошло.

Прибѣгай подъ кровь милосердія Божія; однакожь не позволяй себѣ чаять его, какъ какого воздаянія тебѣ за многія и великія брашна, выдержанныя тобой, и побѣды одержанныя въ нихъ. Стой всегда въ спасительномъ страхѣ, исповѣдуя искренно, что все твои рвенія, усилія и подвиги были бы тщетны и безплодны, еслибъ Богъ не взялъ ихъ подъ крылѣ благоволенія своего, не посодѣйствовалъ имъ, и не дѣйствовалъ въ нихъ. На сіе милостивое благоволеніе Божіе и теперь возложи все упованіе свое.

Если послѣдуешь этимъ совѣтамъ моимъ, то, будь увѣренъ, враги твои въ часъ смерти никакого не будутъ имѣть успѣха въ нападеніяхъ своихъ на тебя. И откроется тебѣ свободный путь, коимъ съ радостію прейдешь ты изъ юдоли земной въ небесный Іерусалимъ, возжелѣнное отечество твое.

Глава тринадцатая.

Четвертое искушеніе въ часть смерти—призраками.

Еслибъ врагъ нашъ, злой, лукавый и упорный, никогда не утомляющійся искушать насъ, восхотѣлъ въ часть смерти смутить тебя и соблазнить какими-либо призраками, видѣніями и преображеніями въ ангела свѣтла, ты стой твердо въ сознаниіи своей скудости и своего во всемъ ничтожества. И скажи ему съ сердцемъ мужественнымъ и небоязненнымъ: «возвратись, окаянный, въ тму свою. Какъ недостойному, мнѣ не подобаютъ видѣнія и откровенія. Одно мнѣ нужно — безмѣрное благоутробіе Господа моего Иисуса Христа, молитвы и заступленія Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ». Хотя бы, по нѣкоторымъ явнымъ признакамъ, подумалось тебѣ, что видишь истинныя видѣнія, Богомъ тебѣ данныя; и въ такомъ случаѣ не спѣши вѣрить имъ, а скорѣе погрузись въ сознаніе своего недостойнства и ничтожества. Не бойся, что оскорбишь тѣмъ Бога; потому что Ему никогда не бываютъ испріятны наши смиренныя чувства. Если такія видѣнія нужны для тебя, то Богъ знаетъ, какъ сдѣлать, чтобъ ты не закрывалъ отъ нихъ очей своихъ, обвинивъ твою косность въ вѣрованіи, что они отъ Бога. Подающій благодать смиреннымъ не отниметъ ея за дѣйствія, какія они творятъ по смиренію.

Таковы наиболѣе употребительныя оружія, какими врагъ нападаетъ на насъ въ послѣдній часть смертный. Но онъ употребляетъ на это и всякую другую страсть, какою кто изъ умирающихъ обладаемъ былъ въ жизни и на какую наиболѣе былъ падохъ, и старается возбудить ее, чтобъ онъ отошелъ въ страстномъ настроеніи, имѣющемъ рѣшить и участь его. Посему-то прежде приближенія часа брани оной великой, надлежитъ намъ, возлюбленные, вооружиться противъ сильнѣйшихъ страстей своихъ и му-

жественно вступивъ въ брань съ ними, преодолѣть ихъ и очиститься отъ нихъ, чтобъ облегчить себѣ побѣду и тогда, въ часъ твой послѣдній, который можетъ найти въ каждое мгновеніе. Всякому въ семъ отношеніи говоритъ Господь: *войти ихъ, дождеже скончаши ихъ* (1 Цар. 15, 18).

Глава четырнадцатая.

О духовномъ мирѣ сердца.

Сердце твое, возлюбленный, создано Богомъ для того одного, чтобъ оно любило Его единого и служило Ему обителю. Почему Онъ и взываетъ къ тебѣ, чтобы ты предалъ Ему свое сердце, говоря: *сыне, даждь Ми сердце* (Прит. 23, 26). Но какъ Богъ есть миръ, превосходящій всякій умъ, то всячески необходимо, чтобъ сердце, хотящее пріять Его въ себя, было мирно и свободно отъ всякаго смятенія; ибо только *въ миръ мѣсто Его*, какъ поетъ св. Давидъ (Пс. 75, 3). Попекись же паче всего установить и утвердить сердце свое въ мирномъ устроеніи; такъ чтобы всѣ твои добродѣтели, всѣ дѣланія и подвиги были направлены къ стяжанію сего мира, наипаче же твои доблестныя дѣла борьбы съ врагами твоего спасенія, какъ сказалъ великій безмолвникъ Арсеній: «все твое попеченіе обрати на то, чтобъ внутреннее твое устроеніе было по Богу, и побѣдишь внѣшнія страсти».

Миръ сердца возмущаютъ страсти; не допускай страстей до сердца, и оно всегда будетъ мирно. Борець въ невидимой брани стоитъ во всеоружіи у вратъ сердца и отражаетъ покушающихся войти въ него и возмутить его. И пока мирно сердце, побѣда надъ нападающими не затруднительна. Миръ сердца—и цѣль брани духовной, и самое мощное средство для одержанія побѣды въ ней. Почему когда страстное смятеніе прокрадется въ сердце, не бросайся на страсть, чтобъ побороть ее, а сойди поскорѣе въ сердце, и напрягись умирить его. Какъ только умирится сердце, и борьбѣ конецъ.

Жизнь человѣка ничто иное есть, какъ непрерывная брань и непрестанное искушеніе, какъ сказалъ Іовъ: *не искушеніе ли житіе человѣку на земли (7, 1)?* Искушеніе вызываетъ борьбу, — и вотъ брань. По причинѣ сей-то брани должно тебѣ всегда бодрствовать, и всякимъ храненіемъ блюсти сердце свое и надзирать надъ нимъ, чтобъ оно было мирно и упокоенно. Когда подыметъ въ душѣ твоей какое-либо смутительное движеніе, возстань съ ревностію на подавленіе его и умиротвореніе сердца, чтобъ не уклониться тебѣ съ правой стези, подѣ дѣйствіемъ сего смятенія. Ибо сердце человѣческое похоже на гирию часовую и на руль корабельный. Облегчи или утяжели гирию, тотчасъ измѣнится движеніе всѣхъ колесъ часовыхъ и стрѣлки часовъ перестанутъ быть вѣрными указателями времени. Подвинь направо или налево руль, тотчасъ измѣнится движеніе корабля, и онъ сойдетъ съ того направленія, котораго держался прежде. Такъ когда сердце приходитъ въ смятеніе, все внутреннее наше приходитъ въ беспорядочное движеніе и самый умъ теряетъ правость умствованія своего. Вотъ почему необходимо поскорѣе умирать сердце, какъ только оно смутится чѣмъ-либо, внутреннимъ или вѣшнимъ, во время ли молитвы, или во всякое другое время.

И вѣдай, что тогда только будешь ты умѣть хорошо молиться, когда научишься добрѣ дѣйствовать въ подвигѣ сохраненія внутренняго мира своего. Сюда и направляй свое вниманіе, обдумывая, какъ достигнуть, чтобы всякое дѣло твое дѣлалось въ мирѣ сердца, съ удовольствіемъ и радостію. Кратко скажу, что непрестаннымъ подвигомъ всей жизни твоей должно быть храненіе мира сердца твоего, не допуская его приходиться въ какое-либо беспорядочное смятеніе, и всѣ дѣла свои дѣлая подѣ сѣвію сего мира, тихонравно, какъ написано: *чадо, въ кротости (тихости) дѣла твоя препровождай (Сир. 3, 17)*, да сподобишься общаемаго тихонравнымъ блаженства: *блаженни кротцыи, яко тии наследятъ землю (Мѡ. 5, 5)*.

Глава пятнадцатая.

О способахъ къ храненію мира внутренняго.

Для сохраненія внутренняго мира 1) прежде всего держи въ порядкѣ свои внѣшнія чувства и бѣгай вольности во внѣшнемъ своемъ поведеніи,—именно, не смотри, не говори, не махай руками, не шагай и ничего другаго не дѣлай, какъ-нибудь смятенно, но всегда благочинно и тихо. Привыкши держать себя съ благочинною тихостію во внѣшнихъ своихъ движеніяхъ и дѣлахъ, легко и безъ труда достигнешь того, чтобъ мирствовать въ себѣ самомъ, въ своемъ сердцѣ; ибо, по свидѣтельству отцевъ, внутренній человѣкъ настроеніе свое пріемлетъ отъ внѣшняго.

2) Расположись любить всѣхъ людей и со всѣми жить въ согласіи, какъ заповѣдуетъ св. Павелъ: *аще возможно, еже отъ васъ, со всеми человеки миръ имайте* (Рим. 12, 18).

3) Храни совѣсть свою незапятнанною, чтобы она ни въ чемъ не обличала тебя, и ни за что не грызла, но была мирна и въ отношеніи къ Богу, и въ отношеніи къ тебѣ самому, и въ отношеніи къ ближнимъ, и въ отношеніи ко всѣмъ внѣшнимъ вещамъ. Такое храненіе совѣсти и раждаетъ, и углубляетъ, и множитъ миръ внутренній, какъ увѣряетъ св. Давидъ: *миръ многа любящимъ законъ Твой, и нѣсть имъ соблазна* (Пс. 118, 164).

4) Навыкай безъ смущенія сносить всякія непріятности и оскорбленія. То правда, что прежде чѣмъ пріобрѣтешь такой навыкъ, много придется тебѣ помучиться и пострадать сердцемъ, по неопытности въ управленіи себя въ такихъ случаяхъ; за то, когда пріобрѣтешь его, душа твоя начнетъ почерпать великое утѣшеніе изъ самыхъ встрѣчающихся непріятностей. При рѣшимости, день ото дня все лучше и лучше будешь ты управляться съ собой, и скоро дойдешь до того, что будешь умѣть въ мирѣ хра-

нить духъ свой, при всѣхъ бурностяхъ совнѣ и внутри.

Если случится иной разъ, что ты не сможешь управиться съ сердцемъ своимъ и, отгнавъ тугу и скорбь, водворить миръ въ немъ, прибѣгни къ молитвѣ и поприлежи ей, подражая Господу Спасителю, Который въ саду Геосиманскомъ три раза помолился, чтобъ дать тебѣ примѣръ, что во всякой скорби и тугѣ сердечной прибѣжищемъ должно имѣть тебѣ молитву, и что, какъ бы ты ни былъ опечаленъ и омалодушенъ, не слѣдуетъ тебѣ отступать отъ нея, пока не дойдешь до того, что воля твоя совершенно согласится съ волею Божіею, и сердце твое, умиротворившись тѣмъ, исполнится мужественнаго дерзновенія, съ радостію встрѣтитъ, принять и перенести то, чего предъ симъ страшилось и желало избѣгать, какъ и Господь ужасался, тужилъ и прискорбенъ былъ, по молитвѣ же, умиротворившись, спокойно сказалъ: *возстаните, идемъ: се приближися предаѣй Мя* (Мѡ. 26, 46).

Глава шестнадцатая.

Мало-по-малу устанавливается миръ въ сердцѣ.

Имѣй постоянную заботу о томъ, чтобъ не допускать сердца своего до смущенія и тревогъ, но всячески напрягайся держать его въ мирномъ и покойномъ настроеніи. И Богъ, видя, какъ ты о семъ трудишься и подвизаешься, благодатію своею устроить въ душѣ твоей градъ мира, и сердце твое сдѣлается тогда домомъ утѣшенія, какъ это иносказательно разумѣется въ слѣдующемъ изреченіи псаломскомъ: *Иерусалимъ, зиждемый, яко градъ* (121, 3). Того только желаетъ отъ тебя Богъ, чтобъ ты всякій разъ, какъ случится тебѣ встревожиться чѣмъ, тотчасъ восстанавлишь въ себѣ миръ, и мирствовалъ такимъ образомъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ и занятіяхъ. Вѣдай, что имѣешь для сего потребу въ терпѣніи. Ибо какъ не въ одинъ день устроится городъ, такъ не думай въ одинъ день стяжать и внут-

ренній миръ. Ибо и это ни что иное есть, какъ устройство дома для Бога мира и скиніи для Всевышняго, да будешь храмомъ для Него. Вѣдай также, что самъ Богъ есть и устроитель въ тебѣ сего дома, и безъ Него тщетенъ будетъ всякій о семъ трудъ твой, какъ написано: *еще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зиждущіи* (Пс. 126, 1). Вѣдай и еще, что главное основаніе сего сердечнаго мира есть смиреніе, и то, чтобъ избѣгать дѣлъ, занятій и начинапій тревожныхъ и хлопотливыхъ. Что касается до перваго, то кому неизвѣстно, что смиреніе, миръ сердечный и кротость такъ тѣсно соединены между собой, что гдѣ есть одно, тамъ есть и другое: кто тихъ сердцемъ и кротокъ, тотъ и смиренъ, и наоборотъ, кто смиренъ сердцемъ, тотъ кротокъ и миренъ. Почему и Господь поставилъ ихъ въ неразрывномъ союзѣ, когда сказалъ: *научишеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѡ. 11, 29). Относительно же втораго видимъ прообразъ въ древней исторіи, именно въ томъ, что Богъ хотѣлъ, чтобы домъ для Него построилъ не Давидъ, которому всю почти жизнь пришлось вести брани и быть въ тревогахъ, а сынъ его Соломонъ, который, по имени своему, былъ царемъ мирнымъ и ни съ кѣмъ не вель браней.

Глава семнадцатая.

Для мира сердца надо убѣгать почестей и любить смиреніе и нищету.

Итакъ, брате мой, если любишь миръ сердца, потщись внити въ него дверію смиренія; другаго входа въ него кромѣ смиренія нѣтъ. Для стяжанія же смиренія, понудь себя и напрягись принять въ любительныя объятія свои всякія неудовольствія и прискорбности, какъ сестръ родныхъ, и всячески убѣгать славы и почестей, желая паче быть отъ всякаго унчижаемымъ и незнаемымъ и ни отъ кого не получать попеченія и утѣшенія, кромѣ сданаго

Бога. Утверди въ сердцѣ своемъ, убѣдясь въ благотворности его, такой помысль, что Богъ есть единое благо твое и единое убѣжище, а всѣ другія вещи суть для тебя тернія, которыя, если вложишь ихъ въ сердце свое, причинятъ тебѣ вредъ смертоносный. Если же случится тебѣ потерпѣть отъ кого посрамленіе, не печалься о томъ, но перенеси то съ радостію, держа увѣренность, что тогда Богъ съ тобой. И не желай другой чести и не ищи ничего другаго, какъ страдать за любовь къ Богу и за то, что служить къ наибольшей для Него славѣ.

Понудь себя и повасиль радоваться, когда кто скажетъ тебѣ оскорбительное слово, или осудитъ тебя, или прервѣніе тебѣ покажетъ. Потому что подь такимъ поношеніемъ и безчестіемъ сокрыто великое сокровище, и если ты благоохотно примешь ихъ, то скоро очень окажешься богатымъ духовно, о чемъ знать не будетъ даже и тотъ, кто сдѣлаетъ тебѣ такое благодѣяніе, т.-е. тотъ, кто нанесетъ тебѣ безчестіе. Не ищи никогда, чтобъ тебя любилъ кто въ этой жизни и почиталъ тебя, чтобъ тебѣ свободнѣе было спострадать Христу распятому, ни отъ кого и ни отъ чего не встрѣчая въ томъ препятствія. Берегись себя самого, какъ злѣйшаго какого врага своего, и не слѣдуй волѣ своей, ни уму своему, ни своему вкусу и чувству, если не хочешь потеряться. Потому держи всегда наготовѣ оружія противъ себя самого, и когда хотѣніе твое склонится на что-нибудь, хотя бы святое, положи его одно, обнаженное отъ всего сторонняго, предъ Богомъ твоимъ съ глубочайшимъ смиреніемъ, умоляя Его, да будетъ въ этомъ Его, а не твоя воля; и сдѣлай это, съ искренно-сердечнымъ преданіемъ себя въ волю Божию, безъ всякой примѣси самолюбія, зная, что самъ въ себѣ ты ничего не имѣешь и самъ-по-себѣ ничего сдѣлать не можешь въ дѣлѣ твоего спасенія.

Блуди себя отъ помысловъ, которые представляются святыми и разжигаютъ неразумную по нимъ ревность, о которыхъ иносказательно говоритъ Господь: *внемлите отъ*

лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волки хищныи. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ (Мѡ. 7, 15). Плодъ же есть томленіе и крушеніе духа. Вѣдай, что все, что удаляетъ тебя отъ смиренія и отъ внутренняго мѡра и спокойствія, подъ какимъ бы то краснымъ видомъ ни представлялось, все это—лживые пророки, которые, прикрываясь овчею одеждою, т.-е. лицемѣрною ревностію облагодѣтельствовать ближняго безразборно, суть воистину волки хищные, похищающіе у тебя смиреніе, миръ и спокойствіе, столь необходимыя для всякаго, кто желаетъ прочно успѣвать въ духовной жизни. И чѣмъ болѣе какое дѣло по видимости представляется окрашеннымъ святостію, тѣмъ строжайшему должно оно быть подвергнуто тобою изслѣдованію, безъ задора однакъ и тревожности. Если случится иной разъ впасть при этомъ въ ошибку, не поддавайся малодушію, но смирись предъ Богомъ и, сознавъ немощь свою, возьми изъ сего урокъ на будущее время. Ибо, можетъ быть, Богъ попустилъ это, чтобъ смирить въ тебѣ какую-либо черту гордыни, сокрытой въ тебѣ и тебѣ самому невѣдомой.

Когда почувствуешь, что душа твоя уязвляется какимъ-либо острымъ ядовитымъ терніемъ, т.-е. страстію, или помысломъ страстнымъ, не мятись отъ этого, но усугубь вниманіе и напрягись не допустить ихъ до сердца, ставъ противъ нихъ лицомъ съ сопротивленіемъ имъ и сердце держа за собой недосызаемымъ для нихъ и чистымъ предъ Богомъ, Котораго такимъ образомъ ты всегда будешь имѣть сущимъ внутри тебя, въ глубинѣ твоего сердца, ради чистоты настроенія его. Въ то же время осѣняй свое внутреннее убѣжденіемъ, что все бывающее съ тобою и въ тебѣ бываетъ для испытанія тебя и обученія, чтобъ ты научился наконецъ вѣрно распознавать, что спасительно для тебя, и слѣдуя тому, сподобился получить вѣнецъ правды, уготованный тебѣ благодію Божіею.

Глава осьмнадцатая.

Необходимо душѣ пребывать уединенною въ себѣ, чтобы Богъ осѣнилъ ее миромъ своимъ.

Такъ какъ Богъ боговъ и Господь господь для того благоволилъ создать душу твою, да будетъ она обиталищемъ и храмомъ собственно для Него самого, то тебѣ надлежитъ имѣть ее въ большомъ почетѣ и не допускать ее унижаться склоненіемъ на что-нибудь, низшее ея. Все желаніе твое и чаяніе да будетъ всегда обращено къ сему невидимому посѣщенію Божію. Но вѣдай, что Богъ не посѣтитъ души твоей, если не найдетъ ее уединенною въ себѣ самой. Богъ хочетъ, чтобъ она была уединенна въ себѣ, т.-е. была безъ всякихъ помысловъ, сколько можетъ, безъ всякихъ пожеланій, наипаче же безъ собственной своей воли. Въ послѣднемъ отношеніи не слѣдуетъ тебѣ самому-по-себѣ, безъ разсужденія, принимать какіе-либо строгіе подвиги и лишенія произвольныя, или искать поводовъ какъ-нибудь пострадать по любви къ Богу, слѣдуя одному внушенію собственной воли. На это должно тебѣ имѣть совѣтъ духовнаго отца твоего, который руководитъ тебя, какъ намѣстникъ Божій. Его и во всемъ слушай, и Богъ, посредствомъ его дѣйствительно направитъ волю твою на то, что самъ хочетъ и находитъ благотворнымъ для тебя. Никогда ничего не дѣлай по одной волѣ своей, но да дѣлаетъ въ тебѣ самъ Богъ одно то, чего желаетъ отъ тебя. Хотѣніе твое да стоитъ всегда свободно отъ тебя самого, т.-е. самъ собой не хоти ты ничего и если похощешь чего, да будетъ хотѣніе твое таково, чтобъ, будетъ ли то, чего хочешь, или нѣтъ, или даже будетъ противоположное тому, нисколько не скорбѣть о томъ, но быть покойну духомъ, какъ бы ты ничего и совсѣмъ не хотѣлъ.

Такое настроеніе и есть истинная свобода сердца и уединенность, когда т.-е. оно не бываетъ вяжемо ни умомъ, ни волею, въ отношеніи къ чему-либо. Если такимъ образомъ представишь ты Богу душу свою столь упраздненною, свободною и единичною въ себѣ, то увидишь, какія дивныя дѣйствія возблаговолятъ Онъ произвести въ ней; главное же Онъ осѣнитъ тебя божественнымъ миромъ, который есть даръ, имѣющій содѣлаться въ тебѣ вмѣстительствомъ всѣхъ другихъ даровъ, какъ говоритъ великій Григорій Солунскій (въ словѣ къ монах. Ксеніи, Греч. Доброт. стр. 944). О, дивная объединенность, сокровенная сокровищница Всевышняго, въ которой одной благоволятъ Онъ слушать обращаема къ Нему бесѣды твоей, и Самъ бесѣдовать къ сердцу души твоей! О, пустынь и уединище, въ коемъ созиждился рай! Ибо въ немъ одномъ дастъ Богъ доступъ видѣть Его и бесѣдовать къ Нему. *Мимо-медъ увижду видѣніе великое сіе* (купицу), говоритъ Моисей въ чувственной, умными однакожь созерцаніями богатой, пустыни Синайской (Исх. 3, 3). Но если и ты жсла-еши сподобиться того же, необувенными вступи ногами на мѣсто сіе, ибо земля сія свята. Обнажи прежде поги твои, т.-е. расположеніе души твоей, и да будутъ онѣ обнажены и свободны отъ всякой земной вещи. Не бери ни сумы, ни жезла въ путь сей, какъ заповѣдывалъ Господь ученикамъ своимъ (Лук. 10, 4). Тебѣ не слѣдуетъ уже желать ничего отъ міра сего, и никого не привѣтствуй на семъ пути, какъ повелѣвалъ отроку своему Елисей и Господь заповѣдывалъ ученикамъ своимъ,—весь свой помысль, все расположеніе и всю любовь обращая къ единому Богу, а не къ тварямъ какимъ. *Остави мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ* (Мо. 8, 22); ты же текь одинъ землею живыхъ, и смерть да не имѣетъ въ тебѣ части.

Глава девятнадцатая.

О благоразуміи въ дѣлахъ любви къ ближнимъ для мира душевнаго.

Господь сказалъ въ Евангеліи, что Онъ пришелъ во-врещи огнь любви на землю сердца нашего, и что Ему очень желательно, чтобъ огнь сей скорѣе возгорѣлся (Лк. 12, 29). Любовь къ Богу не имѣетъ мѣры, какъ любимый Богъ — предѣла и ограниченія. Но любовь къ ближнимъ должна имѣть свой предѣлъ и ограниченіе. Если ты не будешь держать ея въ подобающихъ ограниченіяхъ, то она можетъ удалить тебя отъ любви къ Богу, причинить тебѣ большой вредъ, ввергнуть тебя въ пагубу. Воистину долженъ ты любить ближняго, но такъ, чтобъ чрезъ то не причинить вреда душѣ своей. Дѣлай всѣ дѣла свои просто и свято, не имѣя въ виду ничего другаго, кромѣ одного благоугожденія Богу; и это охранитъ тебя въ дѣлахъ любви къ ближнимъ отъ всякихъ невѣрныхъ шаговъ.

Въ дѣлахъ сихъ самое важное есть способствованіе спасенію ближнихъ. Но тутъ нерѣдко вторгается ревность не по разуму, которая ничего не приноситъ кромѣ вреда и ближнимъ и себѣ. Показывай примѣръ искренней вѣры и богоугодной жизни, и будешь подобно апостоламъ, благоуханіемъ Христовымъ, всѣхъ привлекающимъ къ послѣдованію Ему. Но не докучай всѣмъ словомъ своимъ безъ разбора: этимъ только миръ разстроишь и съ другими и самъ въ себѣ. Имѣй ревность горячую и желаніе сильное, чтобы всѣ познали истину въ такомъ совершенствѣ, какъ ты ее содержишь, до опьяненія виномъ симъ, которое Богъ обѣтовалъ и всѣмъ нынѣ подаетъ безъ цѣны (Иса. 55, 1),—такую жажду спасенія ближняго имѣй всегда; но надлежитъ, чтобъ она исходила отъ любви къ Богу, а не отъ неразумной ревности. Богъ самъ насадитъ такую любовь къ братьямъ въ душѣ твоей по отрѣшеніи ея отъ всего, и въ свое время пріидетъ собрать плодъ отъ сего.

Самъ ты по себѣ не сѣй ничего, но предноси Богу землю сердца твоего, чистую отъ всякихъ терній и волццовъ, и Онъ посѣетъ на ней сѣмя, какъ и какое хочеть. Сіе-то сѣмя и принесетъ плодъ въ свое время.

Помни всегда, что Богъ хочеть видѣть душу твою отрѣшенною отъ всего, чтобъ соединить ее съ Собою. Оставь Его дѣйствовать въ тебѣ, и не препятствуй Ему вмѣшательствомъ твоей воли. Сиди безъ всякаго о себѣ замысла кромѣ одного—всегда благоугождать Богу покорностію Его воли. Се уже испелъ домовладыка, и ищетъ дѣлателей въ виноградникъ свой, по евангельской притчѣ. Отложи всякое попеченіе и всякій помыслъ, обнажись отъ всякой о себѣ заботы и отъ всякаго пристрастія къ чему-либо временному, и Богъ одѣнетъ тебя Собою самимъ и подастъ тебѣ то, о чемъ ты и подумать не можешь. Забудь, сколько можешь, совсѣмъ о себѣ, и да живетъ въ душѣ твоей одна любовь къ Богу.

При этомъ надлежитъ тебѣ осмотрительно умѣрять горячность ревности о другихъ, да сохранить тебя Господь въ мирѣ и покоѣ душевномъ. Смотри, не потерпѣла бы душа твоя ущерба въ своемъ главномъ благѣ, въ мирѣ сердца, отъ неразумныхъ заботъ о пользѣ другихъ. То, откуда можешь ты почерпать обогащеніе симъ благамъ, есть полная покорность души твоей Богу, съ отрѣшеніемъ отъ всего. И это дѣлай не по чаянію воздаянія тебѣ; и совсѣмъ не держи никогда въ мысли, что ты дѣлаешь что, достойное того. Богъ есть дѣйствующій во всемъ, и отъ тебя не желаетъ Онъ ничего, кромѣ того, чтобъ ты смирялся предъ Нимъ, и Ему предавалъ душу свою свободно отъ всего земнаго, держа во глубинѣ сердца одно желаніе, да исполняется на тебѣ во всемъ и чрезъ все воля Божія.

Глава двадцатая.

Душѣ, обнажась отъ своей воли, надлежитъ предавать себя Богу.

Уповай, брате, на Бога, Который призываетъ всѣхъ, говоря: *приидите ко Мнѣ вси труждающіиися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѡ. 11, 28), и иди вслѣдъ сего призывнаго гласа, чая виѣстѣ съ тѣмъ и пришествія Святаго Духа. Съ закрытыми очами повергнись въ море божественнаго промысленія и благоволенія, да посятъ тебя, какъ бездушную вещь, сильныя волны воли Божіей, безъ всякаго тому сопротивленія воли твоей, чтобъ такимъ образомъ скорѣе принесу тебѣ быть въ пристань спасенія и совершенства христіанскаго. Дѣлая же сіе многократно въ день, всячески старайся, сколько можно болѣе, уединяться, какъ внутренно, такъ и внѣшно, чтобъ всѣми силами души предаться такимъ дѣланіямъ, которыя особенно сильны воздвигать крѣпкую любовь къ Богу, каковы: молитва, непрестанное призваніе сладчайшаго имени Господа Спасителя, проливаемая изъ любви къ Нему слезы, теплое и обрадывающее предъ Нимъ благоговѣнство, и другія духовныя дѣланія. Дѣланія же сіи да совершаются у тебя безъ принужденія и насилуванія сердца, чтобъ не изнемочь тебѣ отъ неразумнаго утомленія себя нудительными упражненіями, не ожестѣть отъ того и не сдѣлаться неспособнымъ къ принятію воздѣйствій благодати. Запасись на это дѣло совѣтами опытныхъ, и совершая его, ищи навикнуть тому, чтобъ пребывать всегда въ созерцаніи святости Божіей и неспечныхъ Его благодѣяній, и со смиреніемъ принимай сладчайшія капли, какія укануть въ душу твою отъ Его неизреченной благодати.

О такихъ впрочемъ проявленіяхъ Божія къ тебѣ благоволенія не докучай Богу; но смиренно стой во внутреннемъ своемъ уединищѣ, ожидая, да исполнится на тебѣ воля Божія. И когда Богъ подастъ тебѣ ихъ безъ собст-

веннаго твоего себя преутружденія, тогда испытаешь, какъ онѣ сладостны и доброплодны. Ключъ, коимъ отверзаются таинственныя сокровищницы духовныхъ даровъ вѣдѣнія и божественной любви, есть смиреніе, самоотверженіе и преданіе себя Богу во всякое время и во всякомъ дѣлѣ. Этимъ же ключемъ заключается и дверь невѣдѣнія и холодности духовной.

Люби, сколько можешь, молча стоять съ Маріею у ногъ Христа Господа, и внимай тому, что будетъ говорить Онъ душѣ твоей. Смотри, чтобъ враги твои, изъ которыхъ самый большой ты самъ, не помѣшали сему святому твоему въ молчаніи предстоянію Господу. Когда ищешь умомъ своимъ обрѣсти Бога, да почишь въ Немъ, не назначай Ему мѣсть и предѣловъ своею немощною и узкою фантазіей. Ибо Онъ безпредѣленъ и есть вездѣ и во всемъ, лучше же—все есть въ Немъ. Ты найдешь Его внутри себя, въ душѣ своей, всякій разъ, какъ истинно възыщешь Его. Богу самому желательно быть съ нами, сынами человѣческими, чтобы содѣлывать насъ достойными Себя, хотя не имѣеть въ насъ никакой нужды.

Когда читаешь божественныя Писанія, не то имѣй въ виду, чтобъ только прочитывать листъ за листомъ, но съ размышленіемъ вникай въ каждое слово, и когда какія слова заставляютъ тебя углубиться въ себя, или произведутъ движеніе сокрушенія, или радостию духовною и любовью исполнять сердце твое, остановись на нихъ. Это Богъ приблизился къ тебѣ; смиренно прими Его отверзтымъ сердцемъ, такъ какъ онъ Самъ хочетъ, да приобщись Его. Если ради сего придется тебѣ оставить неисполненнымъ, что положено было для сего духовнаго упражненія (т.-е. чтенія), не безпокойся о семъ. Ибо цѣль всѣхъ духовныхъ упражненій, какъ и сего, есть сподобиться вкушенія Бога, и когда оно дано, нечего останавливаться на средствахъ къ нему. Равнымъ образомъ и когда размышляешь о какомъ божественномъ предметѣ, особенно о какой-либо части страданій Христа Господа, на томъ, отъ чего придешь въ умиленіе, остановись и по-

дольше займи тѣмъ вниманіе свое, чтобъ продлилось и чувство то святое.

Одно изъ большихъ препятствій къ сохраненію внутренняго мира есть, брате мой, связаніе себя, какъ непреложнымъ закономъ, опредѣленіемъ прочитывать въ день столько-то каѳизмъ изъ Псалтири, столько-то главъ изъ Евангелій и Посланій апостольскихъ. Положившіе себѣ это за правило обыкновенно спѣшатъ все прочитать, не заботясь о томъ, приходитъ ли сердце въ умиленіе отъ прочитываемаго, и въ умѣ поражаются ли какія либо духовныя мысли и созерцанія; и когда не придется имъ всего прочитать, тревожно смущаются и мнутся, не о томъ, что лишились духовныхъ отъ чтенія плодовъ на созиданіе внутренняго своего человѣка, а что не все прочитано. Послушай, что говоритъ о семъ св. Исаакъ (въ сл. 30, стр. 199): «если хочешь насладиться стихословіемъ и постигнуть смыслъ произносимыхъ тобой словесъ Духа, отложи въ сторону количество и мѣру стиховъ, да углубляется же умъ твой въ изученіе словесъ Духа, пока душа твоя удивленіемъ къ домостроительству не возбудится къ высокимъ ихъ разумѣніямъ, и чрезъ это не подвигнется къ славословію, или душеполезной печали. Въ рабскомъ дѣланіи нѣтъ мира уму; а смущеніе обыкновенно отнимаетъ вкусъ у смысла и понятливости, и расхищаетъ мысли подобно пьявицѣ, высасывающей жизнь изъ тѣлѣ съ кровію ихъ членовъ» (см. еще его же сл. 52).

Если истинно желаешь добродѣтельно прейти теченіе настоящей жизни, не имѣй другой при семъ цѣли, кромѣ того, чтобъ обрѣтать Бога, гдѣ Онъ поблаговолитъ явить Себя тебѣ; и когда будешь сподобляемъ сего, пресѣкай всякое другое дѣло, и не подвигайся въ немъ впередъ,—забудь все другое, и упоковайся въ единомъ Богѣ твоемъ; когда же благоугодно будетъ величеству Его взяться отъ тебя, и престать являть близость свою къ тебѣ въ настоящемъ случаѣ, тогда опять можешь обращаться къ обычнымъ твоимъ духовнымъ упражненіямъ и продолжать ихъ,

имѣя въ виду все ту же цѣль, т.-е. обрѣсти чрезъ нихъ Возлюбленнаго твоего, чтобъ обрѣтши Его, снова поступить такъ же, какъ сказалъ я выше, т.-е. пресѣчь дѣланное дѣланіе, чтобъ упокоеваться въ Немъ единомъ. Замѣть сказанное тебѣ добрѣ, ибо много есть духовныхъ лицъ, которыя лишаютъ себя спасительнаго плода мира отъ духовныхъ своихъ дѣланій тѣмъ, что делятъ ихъ, полагая, что потерпятъ ущербъ, если не доведутъ ихъ до конца, въ увѣренности, ложной конечно, что въ этомъ и состоитъ совершенство духовное. Слѣдуя такимъ образомъ волѣ своей, они много трудятъ и мучатъ себя, но не получаютъ покоя истиннаго и мира внутренняго, въ коемъ воистину обрѣтается и упокоевается Богъ.

Глава двадцать первая.

Не ищи утѣхъ и наслажденій, а единого Бога.

Избирай всегда тягостное и прискорбное и не люби утѣхъ и удовольствій, отъ которыхъ не бываетъ никакой пользы для души; люби быть въ подчиненіи и зависимости отъ воли другихъ. Каждое дѣло да будетъ для тебя шагомъ въ приближеніи къ Богу, и ни одно дѣло да не будетъ тебѣ препоной на семь пути. Вотъ что должно тебя радовать.—Одинъ Богъ да будетъ для тебя сладчайшимъ утѣшеніемъ, все же другое горечью. Всякую тяготу свою возноси къ Богу. Люби Его и Ему предавай все свое сердце, безъ всякаго размышленія и страха. И Онъ найдетъ способъ разрѣшить всѣ твои недоумѣнія и возставитъ тебя, если ты палъ. Однимъ словомъ, если возлюбишь ты Бога, то получишь отъ Него всякое благо. Всего себя принеси въ жертву Богу, въ мирѣ и спокойствіи духа.

А чтобы успѣшнѣе тебѣ шествовать симъ путемъ безъ утомленія и смятенія, влагай волю свою въ волю Божию; чѣмъ полнѣе вложишь ты ее такъ, ничего себѣ не оставляя, тѣмъ болѣе получишь силы и утѣшенія. Воля твоя

да будетъ такъ настроена, чтобъ желать только того, что желаетъ Богъ, и не желать ничего изъ того, чего не желаетъ Богъ. Всегда и при всякомъ дѣлѣ возобновляй намѣреніе и рѣшимость души твоей быть во всемъ угоднымъ Богу. Не строй замысловъ на будущее время; ибо не знаешь, что *породитъ находящій день* (Прит. 27 1); но держи себя ничѣмъ не связаннымъ и свободнымъ. Однакожь этимъ не воспрещается всякому пецись съ разумнымъ попеченіемъ и стараніемъ о томъ, что потребно по его состоянію и званію: ибо такое попеченіе сообразно съ волею Божіей и не препятствуетъ внутреннему миру въ преданности Богу, и всякому преуспѣянію въ духѣ. Во всякомъ дѣлѣ держи рѣшимость сдѣлать по нему все что можешь, что подобаешь и что обязательно для тебя, ко всему же другому при семъ будь равнодушенъ, и смиренно покоряйся тому, что послѣдуетъ изъ того для тебя совнѣ.

То, что всегда возможно для тебя дѣлать, есть приносить въ жертву Богу волю свою; и ничего больше этого не желай ты. Имѣя вслѣдствіе сего всегда свободу и ничѣмъ ни съ какой стороны не будучи связанъ, будешь ты всегда радоваться и мирствовать въ себѣ. Въ этой свободѣ духа состоитъ то великое благо, о которомъ слышишь ты въ писаніяхъ святыхъ. Она не инос что есть, какъ крѣпкое пребываніе внутренняго человѣка въ себѣ самомъ, но коему онъ не исходитъ внѣ желаніемъ взыскаъ что-либо внѣ его. И все время, какъ будешь ты держать себя такъ свободнымъ, будешь вмѣстѣ съ тѣмъ вкушать ту божественную и неизъяснимую радость, которая неразлучна съ царствіемъ Божіимъ, водворяющимся внутри насъ, какъ сказалъ Господь: *се царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 21).

Глава двадцать вторая.

Не малодушествуй, когда отходитъ или пресѣкается внутренній миръ.

Часто случается испытывать идущимъ путемъ Божиимъ, какъ отходятъ и пресѣкаются въ нихъ святой миръ, сладкое уединеніе внутреннее и любезная свобода, а иной разъ отъ движеній сердца поднимается внутри такая пыль, что отъ ней не видно бываетъ пути, по которому слѣдуетъ идти. Когда и тебѣ случится испытать что подобное, вѣдай, что сіе попускаетъ тебѣ Богъ во благо тебѣ. Это-то и есть та брань, за которую святые Божіи увѣнчались свѣтлыми вѣнцами. Стой же мужественно, вспоминая сіе въ срѣтившемъ тебя испытаніи. И при этомъ, какъ и во время всякаго другаго смущенія, возрѣвши ко Господу, говори Ему отъ сердца: «Господи Боже мой! Призри на раба твоего, и да будетъ на мнѣ воля твоя. Вѣдаю и исповѣдую, что истина словесъ Твоихъ тверда и обѣтованія Твои не ложны. И на нихъ уповаю, стою и не колеблюсь на пути Твоемъ». Блаженна душа, которая предаетъ себя такимъ образомъ Господу всякій разъ, какъ испытываетъ смущеніе и тяготу! И если несмотря на то, брашь упорно стоять, и ты не можешь такъ скоро, какъ бы хотѣлось, согласовать и срастворить волю свою съ волей Божіею, не скорби и не малодушествуй, но продолжай предавать себя Богу и преклонись благодушно предъ опредѣленіями Его,—и симъ побѣдишь. Смотри, какую брань держалъ Христосъ Господь въ саду Геосиманскомъ, когда человечество Его, сначала ужасаясь чаши, взывало: *Отче, аще возможно, да мимо идетъ Мене чаша сія*; а потомъ возвращаясь въ себя и вложивъ душу свою въ руки Божіи, полною и свободною волей, въ глубочайшемъ смиреніи изрекло: *обаце не якоже Азъ хочу, но якоже Ты* (Мѡ. 26, 39).

Когда находишься въ затрудненіи, не дѣлай никакого

шага, не воздѣвъ прежде очей своихъ къ распятому на крестѣ Христу Господу. Тамъ увидишь ты большими буквами написаннымъ, какъ и тебѣ слѣдуетъ держать себя во встрѣченной тобою прискорбности. Спиши то оттуда на себя самого не буквами, а дѣйствіями своими, именно, — когда почувствуешь припадки самолюбиваго саможалѣнія, не внимай имъ и въ малодушіи не сходи со креста, но прибѣгни къ молитвѣ и терпи со смиреніемъ, стараясь побѣдить свою волю и восхотѣть твердымъ хотѣніемъ, да будетъ на тебѣ воля Божія. Если съ такимъ плодомъ отойдешь ты отъ молитвы, радуйся и торжествуй. Если же не достигнешь этого, то душа твоя останется постною, не вкусивъ свойственной ей пищи. Подвизайся, чтобъ ничто, даже на малѣйшее время, не вселялось въ душу твою, кромѣ единаго Бога. Ни о чемъ не печалься и ничѣмъ не огорчайся. Не обращай очей своихъ на лукавства другихъ и на худые ихъ примѣры; но будь какъ малое дитя, которое по незлобію своему не замѣчаетъ ихъ и минуетъ ихъ безвредно.

Глава двадцать третья.

Многи козни врага на разореніе внутренняго мира: блюдись.

Врагъ нашъ діаволь радуется, когда смущается душа и сердце бываетъ въ тревогѣ. Почему всячески ухищряется онъ возмущать души наши. Первымъ дѣломъ его въ сихъ покушеніяхъ бываетъ возбужденіе самолюбія, чтобъ по причинѣ его отступила благодать созидающая и хранящая внутренній миръ. Для сего внушаетъ мнѣніе, будто все что есть и кажется намъ добрымъ въ насъ, стяжано собственнымъ нашимъ тщаніемъ и трудомъ, и отогнавъ смиреніе и простоту, располагасть придавать себѣ большую цѣну и вѣсь и чувствовать себя чѣмъ-то важнымъ, покрывая забвеніемъ дѣйствіе благодати Божіей, безъ коей никто не можетъ даже имени Господа назвать, какъ свидѣ-

тельствуетъ св. Павелъ, говоря: *никтоже можетъ реши Господа Иисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3). Сія благодать всѣмъ вѣрующимъ подается и присутствіе ея служить признакомъ того, что кто-нибудь есть истинно вѣрующій. Пріавъ же ее, вѣрующій не дѣлаетъ уже и не можетъ дѣлать ничего истинно добраго безъ ея помощи; и она всегда съ нимъ есть по обѣтованію Господа, и врагъ ничего не можетъ сдѣлать съ нимъ, пока она есть въ немъ и осѣняетъ его. Ее-то отдалить и силится всячески врагъ, и первое, что дѣлаетъ для сего, есть, какъ сказано, внушеніе самоцѣненія, или чувства, что мы не ничто, а нѣчто, и притомъ немаловажное. За тѣмъ принявшему такія внушенія врагъ подлагаетъ новое мнѣніе, состоящее въ увѣренности, что онъ лучше другихъ, ревностиѣ и богаче дѣлами. Успѣвши всадить такое мнѣніе, врагъ далѣе проводитъ его къ осужденію другихъ и презрѣнію, за коими неотступно слѣдуютъ гордыня. Все сіе можетъ произойти въ сердцѣ въ одно мгновеніе; всяко однакожь благодать тотчасъ сокращаетъ свое дѣйствіе, вслѣдствіе чего появляется невниманіе къ себѣ, ослабленіе ревности, возникновеніе помысловъ сначала пустыхъ, а потомъ страстныхъ, далѣе движеніе самыхъ страстей, съ чѣмъ неразрывна буря въ сердцѣ.—Миръ внутренній потерявъ. Это однократное состояніе; и если опомнится пострадавшій сіе, то приходитъ въ себя, сокрушается, кается и молитвой возстановляетъ обычный ему внутренній строй. Врагъ прогнанъ; но онъ не отчаявается, а снова и снова приступаетъ съ тѣми же внушеніями, и съ тою же цѣлю—разстроить внутренній миръ.

Вѣдая сіе, брате мой, противопоставь покушеніямъ врага бодренное блюденіе себя, по слову Господа: *бдите и молитесь, да не увидите въ напасть* (Мѡ. 26, 41). Внимай себѣ со всѣмъ тщаніемъ, чтобы врагъ не подкрался и не обокралъ тебя, лишивъ великаго сего сокровища, т.-е. мира внутренняго и тишины душевной. Врагъ покушается разстроить душевный миръ, потому что знаетъ, что ког-

да душа въ смятеніи, то ему подручнѣе направить ее на что-либо худое; а ты блюди свой миръ, вѣдая, что когда душа мирна, врагу нѣтъ къ ней доступа; и она тогда готова бываетъ на всякое добро и совершаетъ его охотно и безъ труда, легко преодолевая всякія къ тому препятствія. Чтобъ тебѣ удобнѣе въ этомъ успѣть, старайся предугадывать подступы врага. Подступъ врага—помысль самонадѣянный. Положи же себѣ въ законъ—всякій помысль, умаляющій въ тебѣ убѣжденіе, что все доброе отъ Бога, что безъ помощи благодати Его ты ни въ чемъ не можешь успѣть, и что тебѣ потому на Него одинаго должно возлагать все упованіе, всякій такой помысль почитать явно вражескимъ, и какъ таковой, съ гнѣвомъ отвергать и преслѣдовать, пока исчезнетъ. Дѣло Духа Святаго въ насъ есть—души наши при всякомъ случаѣ возводить къ единенію съ Богомъ, возгрѣвая въ нихъ сладчайшую къ Нему любовь и влагая увѣренность въ Немъ и крѣпкое на Него упованіе; противное же сему есть дѣло врага.

Опъ всѣ способы и средства, какіе только можетъ изобрѣсть, употребляетъ на то, чтобъ разстраиать душу: наводитъ излишнія страхованія на сердце, увеличиваетъ разнемоганіе души, не даетъ душѣ сохранить должныя расположенія и усладиться, какъ слѣдуетъ, ни на исповѣди, ни при святомъ причастіи, ни въ молитвѣ, но дѣлаетъ то, что она все сіе проходитъ безъ смиреннаго дерзновенія и любви, страшливо и со смущеніемъ,—дѣлаетъ, что душа оскудѣніе религіозныхъ чувствъ и лишеніе внутренней сладости, какія не рѣдко случаются во время молитвы и другихъ духовныхъ упражненій, принимаетъ съ безнадежною скорбію,—внушая ей, что такое оскудѣніе не для блага ея Богомъ попущено, но что, значить, всѣ ея дѣла и труды ни къ чему не ведутъ, и что потому лучше бросить все это,—и чрезъ это—доводить ее наконецъ до столь великаго смущенія и безнадежія, что она и въ самомъ дѣлѣ думать начинаеть, будто все, что ни дѣлаетъ, бесполезно и бесплодно, и что Богъ забылъ ее совершенно и оставилъ.

Но тутъ явная ложь. Пусть испытываетъ душа сухость и оскудѣніе религіозныхъ чувствъ и сладости духовной; но она несмотря на то можетъ дѣлать всякаго рода добрыя дѣла, слѣдуя простой вѣрѣ и вооружась святымъ терпѣніемъ и постоянствомъ. Впрочемъ, чтобъ тебѣ лучше это понять и чтобъ не послужило тебѣ во вредъ, если Богу благоугодно будетъ, для твоего блага, попустить въ тебѣ или послать тебѣ такое оскудѣніе духовнаго чувства и сладости, я изложу въ слѣдующей главѣ, какія блага происходятъ отъ смиреннаго терпѣнія, какое показываетъ кто во время сухости и охлажденія сердца,—да научишься не терять душевнаго мира и не быть поглощаему скорбію, когда придется тебѣ пострадать это ли, или другое какое смутительное прираженіе помысловъ и страстныхъ движеній.

Глава двадцать четвертая.

Не должно смущаться оскудѣніемъ духовныхъ чувствъ и другими внутренними искушеніями.

Хотя въ седьмой главѣ я уже говорилъ о сухости и охлажденіи сердца и объ огорченіи, какое испытываетъ отъ того душа, но и теперь еще скажу нѣчто, что тамъ не досказано,—именно, что много пользы доставляютъ душѣ такое огорченіе и эта сухость сердца, или оскудѣніе духовной радости и сладости, когда принимаемъ ихъ и переносимъ со смиреніемъ и терпѣніемъ. И еслибъ человѣкъ зналъ напередъ эту пользу, то всеконечно не тяготился бы и не огорчился, когда случилось бы ему испытать такое состояніе. Ибо тогда онъ не считалъ бы этого горькаго оскудѣнія внутреннихъ духовныхъ утѣшеній знакомъ неблаговоленія Божія, а видѣлъ бы въ семъ дѣло особенной къ себѣ любви Его, и потому принялъ то съ радостію, какъ великую милость Божію.

Уже то одно не чуждо утѣшенія, что такія состоянія испытываютъ преимущественно такія лица, которыя съ

особенною ревностію предаются на служеніе Богу и съ особеннымъ вниманіемъ стараются избѣгать всего, что можетъ оскорбить Его,—и испытываютъ не въ началѣ своего къ Богу обращенія, а уже послѣ того, какъ довольно поработаютъ Ему, когда довольно очистятъ сердце свое священной молитвою и сокрушеніемъ, когда возчувствуютъ нѣкую духовную сладость, теплоту и радость, и когда вслѣдствіе того положить всецѣло посвятить себя Богу, и уже начать это дѣло. И не видимъ, чтобы грѣшники и тѣ, которые преданы суетамъ житейскимъ и мірскимъ, испытывали что подобное и подвергались такимъ искушеніямъ. Изъ сего ясно видно, что эта горечь есть честная и драгоценная трапеза, къ которой Богъ приглашаетъ любимцевъ своихъ на угощеніе, и хотя она во время вкушенія не такъ пріятна, однако многую приносятъ намъ пользу, несмотря на то, что это не видится, когда вкушаемъ ее. Ибо душа, находясь въ состояніи такой сухости, вкушая эту горечь и страдая отъ такихъ искушеній и помысловъ, о которыхъ одно воспоминаніе приводитъ въ трепеть, отравляетъ сердце и совсѣмъ почти убиваетъ внутренняго человѣка,—находясь, говорю, въ такомъ состояніи, душа научается не довѣрять себѣ и не полагаться на свое благонастроеніе, и приобрѣтаетъ истинное смиреніе, котораго такъ желаетъ отъ насъ Богъ; къ тому же воодушевляется взыскать теплѣйшей къ Богу любви, тщательнѣйшаго вниманія къ своимъ помысламъ и сильнѣйшаго мужества къ перенесенію такихъ искушеній безъ вреда, и выходитъ изъ борьбы сей съ *чувствами обученными къ острнѣйшему различенію добра же и зла*, какъ сказалъ св. Павелъ (Евр. 5, 14): хотя, повторю опять, она, не видя сихъ сокровенныхъ благихъ плодовъ, смущается и бѣжитъ сказанной горечи, такъ какъ не желаетъ и малое время пребыть безъ вкушенія духовныхъ утѣшеній, и безъ нихъ всякое другое упражненіе духовное почитаетъ временемъ напрасно потеряннымъ и трудомъ безплоднымъ.

Глава двадцать пятая.

Искушенія всякія во благо намъ посылаются.

Чтобъ понятнѣе было тебѣ, какъ всякія вообще искушенія посылаются Богомъ на пользу намъ, прими во вниманіе, чтѣ скажу. Человѣкъ, по влеченію растлѣннаго естества своего, гордъ, славолубивъ, любитъ показность, крѣпко стоитъ за свои мысли и рѣшенія, и желаетъ всегда быть высоко цѣнимъ всѣми, гораздо выше нежели онъ есть на самомъ дѣлѣ. Такое самоцѣненіе и самомиѣніе крайне пагубно въ дѣлѣ духовнаго преспѣянія, такъ что одной тѣни его достаточно, чтобъ не дать человѣку достигнуть истиннаго совершенства. Почему человекѣлюбивый Отецъ нашъ небесный, премудро промысля о всѣхъ насъ, особенно же о тѣхъ, кои искренно предали себя на служеніе Ему, искушеніями, какимъ попускаетъ найти на насъ, поставляетъ насъ въ такое настроеніе, въ коемъ легко можемъ избѣгать страшной опасности отъ этого самоцѣненія, и почти вынужденно дойти до истиннаго смиреннаго себя познанія: какъ сдѣлалъ Онъ со святымъ апостоломъ Петромъ, попустивъ ему трижды отвергнуться Его, чтобъ онъ позналъ немощъ свою и пересталъ надѣяться на себя самого,—и со св. Павломъ, на котораго послѣ того, какъ восхитилъ его до третьяго неба и открылъ ему божественныя свои неизреченныя таинства, наложилъ нѣкое докучливо-тягостное искушеніе, чтобъ онъ, нося въ себѣ такое указаніе на свое безсиліе и ничтожество, преуспѣвалъ въ смиреніи и хвалился только немощами своими, и чтобы это величіе откровеній, какихъ сподобился онъ отъ Бога, не ввело его въ превозношеніе, какъ самъ онъ о себѣ свидѣтельствуетъ: *чтобъ я не превозносился чрезвычайностію откровеній, дано мнѣ жало въ плоть, ангелъ сатаны, удручить меня, чтобъ я не превозносился* (2 Кор. 12, 7).

Итакъ Богъ, движимый состраданіемъ къ этой несчастной беззаконной склонности нашей (высоко всегда о себѣ думать), попускаетъ, чтобъ на насъ разными путями находили искушенія, нерѣдко очень тяжелыя, чтобы мы, познавая немощь свою, смирились. Въ этомъ Господь являетъ вмѣстѣ благодать свою и премудрость: ибо тѣмъ, что наиболѣе кажется вредоноснымъ, наибольшую доставляетъ намъ пользу, потому что смиряетъ, смиреніе же паче всего потребно и благотворно для души нашей. Если такимъ образомъ всѣ искушенія даются для наученія смиренію, то слѣдуетъ, что и рабъ Божій, чувствующій въ сердцѣ своемъ сказанныя горькія состоянія,—сухость, безвкусіе духовное, оскудѣніе духовныхъ утѣшеній,—испытываетъ сіе, чтобъ научился смиряться, подумавъ, что такъ бываетъ съ нимъ по грѣхамъ его, что невозможно, чтобъ кто-нибудь имѣлъ столь скудную всѣмъ душу, какъ онъ, и чтобъ кто-нибудь работалъ Богу съ такою холодностію, какъ его душа, и что такія состоянія находятъ только на тѣхъ, которыхъ оставляетъ Богъ, а слѣдовательно и онъ оставленъ, и оставленъ заслуженно. Отъ такихъ смиренныхъ помысловъ порождается вотъ какое благо,—что тотъ, кто прежде думалъ о себѣ, что онъ есть нѣчто, и нѣчто очень важное, теперь, по испытаніи горькаго врачевства, посланнаго ему свыше, начинаетъ думать, что онъ нагрѣшнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, недостойный даже и имени христіанина. И, поистинѣ, никогда онъ не пришелъ бы къ такому уничиженному о себѣ мнѣнію и въ такое глубокое смиреніе, еслибъ не понудили его къ тому эти особенныя искушенія, эта великая скорбь и горечь сердца, которыя потому суть великая милость, Богомъ оказываемая въ сей жизни душѣ, смиренномудренно Ему себя предающей, чтобъ Онъ, какъ Ему благоугодно, исцѣлилъ ее такими врачевствами, какія одинъ Онъ совершенно вѣдаетъ и находитъ необходимымъ для ея оздоровленія и приведенія въ доброе состояніе.

Кромѣ этого плода, приносимаго душѣ сказанными искушеніями чрезъ оскудѣніе духовныхъ утѣшеній, бываютъ

отъ сего и другіе многіе плоды. Сокрушенный такими внутренними тяготами, нужно нудится прибѣгать усердно къ Богу за взысканіемъ скорой помощи отъ Него, старательно дѣлаетъ все, почитаемое пригоднымъ къ уврачеванію душевной скорби и прогнанію горечи сердца, и чтобъ избавиться на будущее время отъ такого душевнаго мученичества, полагаетъ твердое намѣреніе теши прочее путемъ духовной жизни со всѣмъ вниманіемъ къ движеніямъ сердца, избѣгая даже тѣни грѣха и всякой, даже легкой неисправности, могущей отдалить его отъ Бога и Бога отъ него, какимъ бы то ни было образомъ. Такимъ образомъ эта скорбь, которую онъ считалъ столь противною его цѣлямъ и вредительною, бываетъ послѣ сего для него жаломъ, возбуждающимъ искать Бога съ большею теплою и съ большимъ рвеніемъ удалаться отъ всего того, что находитъ несообразнымъ съ волей Божіею. Коротко сказать, — всѣ скорби и мученія, какія претерпѣваетъ душа во время внутреннихъ искушеній и оскуднѣнія духовныхъ утѣшеній и сладостей, не другое что суть, какъ любовію Божіею устроенное очистительное врачевство, коимъ очищаетъ се Богъ, если она со смиреніемъ и терпѣніемъ переноситъ ихъ. И всеконечно онѣ уготовляютъ такимъ терпѣливымъ страдальцамъ вѣнецъ, стажеваемый только посредствомъ ихъ, и вѣнецъ тѣмъ болѣе славный, чѣмъ болѣзненнѣе бываютъ мученія сердца, претерпѣаемыя во время ихъ.

Изъ сего явствуетъ, что не слѣдуетъ намъ крайне смущать и мучить себя, какъ по причинѣ другихъ искушеній вѣшнихъ, находящихъ на насъ, такъ и по причинѣ сказанныхъ искушеній внутреннихъ, какъ дѣлаютъ тѣ, которые мало имѣютъ опытности въ этомъ отношеніи, и то, что происходитъ отъ Бога, почитаютъ происходящимъ отъ діавола, или отъ своихъ грѣховъ и несовершенства своего, — знаменія любви Божіей признаютъ знаменіями Его гнѣва, благодѣянія и дары относятъ къ бичамъ и ударамъ, наносимымъ по крайнему Его на нихъ негодованію, — все

что ни дѣлали и ни дѣлають, почитаютъ излишнимъ трудомъ ничего незаслуживающимъ, и претерпѣваемую ими потерю—неимѣющею врачевства. Ибо еслибъ они вѣрили, что отъ такихъ искушеній никакого не бываетъ ущерба въ стяжаніи добродѣтелей, а напротивъ великое ихъ приращеніе, когда душа принимаетъ ихъ со смиреніемъ и переноситъ съ благодарностію, и еслибъ вѣрили, что онѣ суть устройства любительнаго Божія къ нимъ благоволенія; то не смущались бы крайне и не теряли сердечнаго мира отъ того, что подвергаются такимъ искушеніямъ, испытываютъ неумѣстные и срамные помыслы, и бываютъ сухи и хладны во время молитвы и другихъ упражненій духовныхъ. Но паче смиряли бы тогда души свои предъ Богомъ и полагали въ сердцѣ своемъ рѣшеніе во всякомъ дѣлѣ исполнять волю Божію, такъ какъ симъ только образомъ Богъ желаетъ быть угождаемымъ въ мірѣ семъ, и всячески старались хранить себя мирными и покойными, принимая все случаемое какъ отъ руки небеснаго Отца, отъ которой исходитъ и эта горькая чаша, которую они испиваютъ въ настоящее время. Ибо, пусть и отъ діавола бываетъ какое искушеніе, или отъ людей, или по причинѣ грѣховъ; но всячески оно зависитъ отъ Бога и Имъ посылается во благо намъ и отвращеніе какого-либо большаго искушенія.

Глава двадцать шестая.

Врачевство противъ смущенія какими-либо легкими погрѣшностями и слабостями.

Если случится тебѣ впасть въ какое-либо простительное погрѣшеніе дѣломъ или словомъ, именно обезпокоиться какою-либо случайностію, или осудить, или услышать, какъ осуждаютъ другіе, или поспорить о чемъ, или испытать движеніе нетерпѣнія, суетливости, и подозрѣнія другихъ, или понебречь о чемъ,—то не слѣдуетъ крайне смущаться

или скорбѣть и отчаяваться, помышляя о томъ, что ты сдѣлалъ, тѣмъ болѣе прилагать къ тому печальныя о себѣ думы, что вѣрно тебѣ никогда не освободиться отъ такихъ слабостей, или что сила твоего произволенія работать Господу слаба, или что ты, не какъ слѣдуетъ, шествуешь путемъ Божиимъ,—при всякомъ подобномъ случаѣ обременяя душу свою тысячами и другихъ страховъ, отъ малодушія и печали.

Ибо отсюда что выходитъ? То, что ты стыдишься предстать предъ Богомъ съ дерзновеніемъ, какъ оказавшійся невѣрнымъ Ему, напрасно тратишь время на разсматриваніе, сколько времени пробылъ ты въ каждомъ погрѣшеніи сосложился ли съ нимъ и возжелалъ его или нѣтъ, отвергъ ли такой и такой помыслъ или нѣтъ, и подобное. И чѣмъ больше мучишь себя такъ, тѣмъ больше увеличивается въ тебѣ разстройство духа, туга и нехотѣніе исповѣдаться. Но и когда пойдешь на исповѣдь, и исповѣдуешься со смутительнымъ страхомъ, и послѣ исповѣди опять не находишь покоя; ибо тебѣ кажется, что не все сказалъ. И живешь ты такимъ образомъ жизнію горькою, неспокойною и малоплодною, напрасно тратя много времени. И все это происходитъ отъ того, что мы забываемъ о своей естественной немощи, и выпускаемъ изъ виду, какъ слѣдуетъ душѣ относиться къ Богу, именно, что когда душа впадаетъ въ какое-либо простибельное и не смертное погрѣшеніе, то ей слѣдуетъ со смиреннымъ покаеніемъ уповательно обращаться къ Богу, а не томить себя излишнею о томъ печалію, тугою и горечію.

Говорю это о простибельныхъ погрѣшеніяхъ: ибо только въ нихъ умѣстно падать душѣ, воспріавшей строгую жизнь, нами здѣсь изображаемую. Мы обращаемъ здѣсь рѣчь свою къ тѣмъ, которые живутъ духовною жизнію и дѣятельно ищутъ преуспѣянія въ ней, всячески избѣгая грѣховъ смертныхъ. Для тѣхъ же, которые живутъ не строго, а какъ случится, не тревожась, если и смертнымъ грѣхомъ оскорбятъ Бога, потребно другое слово. Не для

нихъ—сказанное предъ симъ врачество. Имъ надлежитъ глубоко скорбѣть и горько плакать, строго всегда обсуждать свою совѣсть и исповѣдывать безъ жалѣнія себя всѣ грѣхи свои, и никакихъ не должны они по нерадѣнію лишать себя средствъ, необходимыхъ къ уврачеванію и спасенію ихъ.

Покаяніе всегда должно быть воодушевлено и проникнуто крѣпкимъ упованіемъ на Бога, и при легкихъ каждодневныхъ паденіяхъ, а тѣмъ паче при болѣе тяжелыхъ погрѣшеніяхъ, чѣмъ обычныя, въ которыя падаетъ иногда и усердный рабъ Божій, по поущенію. Ибо сокрушеніе покаянное, которое только мучить и грызетъ сердце, никогда не возставляетъ души въ благонадежное настроеніе, если не бываетъ соединяемо съ твердымъ упованіемъ на милосердіе и благодать Божию. Такое упованіе непрестанно должно исполнять сердца ревнующихъ достигнуть высшихъ степеней христіанскаго совершенства. Оно оживляетъ и приводитъ въ напряженіе всѣ силы души и духа. Но многіе, вступившіе на путь духовной жизни, не заботясь о немъ, останавливаются въ своемъ теченіи съ сердцемъ разслабленнымъ, не подвигаясь впередъ, за что негодими бываютъ къ полученію благодатныхъ благъ, кои размѣстилъ Господь на пути семъ и коихъ обыкновенно сподобляются одни ревнители, съ неослабнымъ усиленіемъ по нему текущіе все впередъ и впередъ.

Наипаче же, испытывающіе какую-либо тревогу сердечную, или какое-либо недоумѣніе, или раздвоеніе въ совѣсти своей, должны обращаться къ духовному отцу своему, или къ другому кому, опытному въ дѣлѣ духовной жизни, сопровождаая сіе уповательною молитвою, да откроетъ Господь чрезъ нихъ истину и подастъ успокоительное разрѣшеніе недоумѣній и смущеній; и затѣмъ совершенно успокоиваться на ихъ словѣ.

Глава двадцать седьмая.

Смущенному тотчасъ надо возстановить миръ душевный.

Всякій разъ, какъ впадешь въ какое простительное погрѣшеніе, хотя бы то тысячу разъ случилось на день, какъ только замѣтишь то, не мучь себя и не трать времени напрасно, но тотчасъ смирись, и сознавъ немощь свою, обратись уповательно къ Богу и воззови къ Нему изъ глубины сердца: «Господи, Боже мой! Я сдѣлалъ это потому, что ужь я таковъ, что отъ меня ничего другаго и ожидать нельзя, кромѣ такихъ погрѣшеній, или чего-нибудь и больше того, если благодать Твоя не поможетъ мнѣ, оставя меня съ однимъ собою. Сокрушаюсь о сдѣланномъ, потому особенно, что не отвѣчаю исправностію жизни Твоимъ о мнѣ попеченіямъ, но все падаю и падаю. Прости мнѣ и дай мнѣ силу не оскорблять Тебя болѣе и ни въ чемъ не отступать отъ воли Твоей. Ибо я усердно желаю работать Тебѣ и благоугождать и во всемъ быть Тебѣ послушнымъ». Сдѣлавъ это, не томись думаніемъ, простилъ ли тебя Богъ. Господь близъ и внемлетъ воздыханіямъ рабовъ своихъ. Успокойся же въ этой увѣренности, и успокоившись, продолжай обычныя занятія, какъ бы съ тобой ничего не случилось.

Такъ тебѣ не одинъ разъ поступить должно, но если нужно, сто разъ и каждую минуту, и въ послѣдній разъ съ такимъ же совершеннымъ упованіемъ и къ Богу дерзновеніемъ, какъ и въ первый. Дѣйствуя такъ, ты будешь воздавать великое чествованіе безпредѣльной благодати Бога, Коего всегда долженствуешь ты созерцать безпредѣльно къ намъ благоутробнымъ. Вслѣдствіе сего ты непрестанно будешь преуспѣвать въ жизни своей и все подвигаться впередъ, не теряя напрасно времени и труда.

Охранять миръ свой внутренній, при впаденіи въ указанныя выше погрѣшенія, можешь ты еще поступаая такъ:

съ внутреннимъ дѣйствіемъ сознанія своего окаянства и смиренія себя предъ Богомъ подвигнись и на теплое воспоминаніе великихъ милостей, тебѣ лично явленныхъ Богомъ, и тѣмъ, ожививъ въ себѣ любовь къ Нему, расположи себя къ благодаренію и славословію Его, и самымъ дѣломъ возблагодари и возславословь Его тепло изъ глубины души. Поелику благодареніе и славословіе Бога есть самое высшее проявленіе живаго союза нашего съ Богомъ; то плодомъ паденія твоего, если разумно къ нему отнесешься, будетъ съ помощію Божіею вѣщщее возвышеніе твое къ Нему. Это слѣдовало бы поимѣть во вниманія тѣмъ, которые слишкомъ мятутся и мучатся при малыхъ погрѣшеніяхъ, чтобъ увидѣть, какъ велика слѣпота ихъ въ семь случаѣ, и какъ они сами себѣ вредятъ по неразумности своей. Для нихъ собственно и дѣлаемъ мы послѣднее указаніе, дающее въ руки наши ключъ, которымъ душа отверзаетъ великую духовную сокровищницу, и въ короткое время обогатиться можетъ, благодатію Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобаешь всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и во вѣки вѣковъ.

Аминь.

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПЕТРА

съ объяснительными примѣчаніями.

Г Л А В А П.

Наставленія о духовномъ возрастаніи (1—3) и устроеніи (4—10), о добродѣтельной жизни (11—12), о покорности властямъ (13—17), о повиновеніи слугъ господамъ (18—20). Примѣръ страданій Господнихъ (21—25).

1. *Отложите убо всяку злобу и всяку лсть и лицемеріе и зависть и вся клеветы,*

2. *Яко новорожденн младенцы, словесное и нелестное млеко возлюбите, яко да о немъ возрастетъ во спасеніе:*

3. *Понеже вкусисте, яко блазь Господь.*

1. Итакъ, отложивъ всякую злобу и всякое коварство и лицемеріе и зависть и всякое злословіе,

2. Какъ новорожденные младенцы, возлюбите чистое, словесное молоко, дабы отъ него возрасти вамъ во спасеніе:

3. Ибо вы вкусили, что блазь Господь.

Наставленіе Апостола о духовномъ возрастаніи христіанъ основывается на тойже идеѣ христіанскаго возрожденія, на которой основаны и предшествующія наставленія, и на идеѣ нелицемѣрной братской любви между христіанами (1, 22). Съ чувствомъ братской любви отъ чистаго сердца несовмѣстны такіа чувства, какъ злоба, коварство, лицемеріе, зависть, злословіе; посему если должно господствовать въ сердцѣ братолюбіе, то должны быть исторгнуты изъ него сіи. Если сѣмя новой жизни положено въ сердцѣ, то оно должно возрастать, питаясь соот-

вѣтствующую ему пищу. Отложивъ всякую злобу и пр.: образъ рѣчи, нерѣдко встрѣчающійся (ср. Іак. 1, 21. Еф. 4, 22. Кол. 3, 8), заимствованъ отъ снятія и отложенія одежды. Вѣтхій человекъ нашъ есть какъбы нѣкая одежда, облегающая насъ со всѣхъ сторонъ; надобно совлещись этой одежды и отложить ее или бросить совсѣмъ. Образъ рѣчи тѣмъ приличнѣе, что при крещеніи, въ которомъ совершается духовное возрожденіе, обыкновенно снимались (и снимаются) прежнія одежды крещаемого, и онъ облакался въ бѣлыя чистыя одежды. Страсти или пороки, какіе должно отложить, перечисляются такіе, которые несовмѣстны съ братскою любовію отъ чистаго сердца, именно: всякая злоба — злое чувство въ отношеніи къ ближнему, имѣющее цѣлю умыслить и сдѣлать зло ему (1 Кор. 13, 5) и проявляющееся въ многоразличныхъ видахъ, почему и прибавлено—всякую (злобу); всякое коварство: чтобы достигнуть злой цѣли въ отношеніи къ ближнему, злое чувство заставляетъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, совокупность которыхъ и называетъ Апостоль всякимъ коварствомъ; лицемѣріе или притворство, прикидывающееся любящимъ и доброжелательнымъ, чего на самомъ дѣлѣ въ сердцѣ лицемѣра нѣтъ, каковое чувство въ особенности несовмѣстно съ чистосердечіемъ; зависть въ отношеніи къ какимъ бы то ни было благамъ и преимуществамъ ближняго, чувство особенно противное братолюбію и возбуждающее разныя нестроенія; всякое злословіе: опороченіе ближняго словами, выставленіе на видъ его дѣйствительныхъ недостатковъ, выдумка мнимыхъ, сплетни, пересуды, клевета и т. п.; вообще эта страсть проявляется во множествѣ видовъ, что все и обозначается словомъ—всякое. Такимъ образомъ «этими немногими словами онъ (апостоль) обнимаетъ все множество и разнообразіе зла» (Θеофил.). Отлагать всѣ эти пороки,—тоже что очищать душу къ нелицемѣрному братолюбію (1, 22).—Какъ новорожденные младенцы: возрожденные духовно во Христѣ для новой жизни (см. прим. къ 1, 3); отъ

юнаго вѣжнаго возраста ихъ въ благодати Христовой Апостоль займствуетъ образъ рѣчи и основаніе для указа- нія на необходимость ихъ правильнаго духовнаго возраста- нія во Христвѣ.—Возлюбите чистое словесное молоко: словесное молоко есть слово Божіе, сообщенное человѣку особенно чрезъ представителей І. Христа, которое имѣ- етъ въ себѣ силу питать духовнаго человѣка, какъ обык- новенное молоко питательно для тѣла. Въ этомъ перенос- номъ значеніи молоко, въ тѣхъ изреченіяхъ, гдѣ оно со- поставляется съ твердою пищею (ср. 1 Кор. 3, 2. Евр. 5. 12; 6, 1), озпачаетъ начатки христіанскаго ученія не толь- ко въ смыслѣ простаго общепонятнаго для всѣхъ и слабыхъ разумѣніемъ и вѣдѣніемъ изложенія вообще всего христіанскаго ученія, но и въ смыслѣ простыхъ и обще- понятныхъ отдѣльныхъ истинъ этого ученія; здѣсь же, гдѣ нѣтъ этого сопоставленія ето съ твердою пищею, оно оз- начаетъ всю совокупность христіанскаго ученія, все Еван- геліе о Христвѣ. Какъ молоко есть первая простая, пита- тельная, чистая и здоровая пища, особенно для дѣтей, такъ и слово Божіе для души человѣка (ср. Иса. 55, 1). Конечно, не для новорожденныхъ только духовно оно пи- тательно, но и для всѣхъ возрожденныхъ, во всѣхъ ду- ховныхъ возрастахъ жизни; впрочемъ всѣ возрасты духов- ные въ настоящей жизни суть не что иное, какъ младен- чество сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ будутъ христіане въ будущей жизни, если будутъ здѣсь жить достойно своего званія (1 Кор. 13, 9—12). Названіе сего молока словес- нымъ объясняется изъ обычая Апостола—пояснять или опредѣлять обычные образы характеристическими эпита- тами, указывающими на значеніе духовное употребляемаго образа (ср. 1, 13. 23), т.-е. слово это указываетъ, что слово—молоко употребляется не въ собственномъ его зна- ченіи, а въ переносномъ или духовномъ. Свойство или ка- чество этого молока словеснаго означается словомъ—чи- стое, т.-е. безъ всякой примѣси чего-либо, и означается симъ христіанское ученіе безъ всякой примѣси человѣче-

скаго мудрованія (ср. 2 Кор. 4, 2; 2, 17). Возлюбите: греческое слово означает сильное желаніе, постоянно повторяющееся (ср. Филип. 2, 26). Если въ возрожденномъ естественно такое же желаніе питаться словомъ Божіимъ, какое у новорожденныхъ дѣтей—питаться молокомъ матери: тѣмъ не менѣе однакоже онъ, по причинѣ грѣховности природы человѣческой, нуждается въ нѣкоторомъ приневоленіи себя къ тому, чтобы постоянно упражняться въ словѣ Божіемъ и питать себя имъ, почему Апостоль и употребляетъ такой оборотъ рѣчи—возлюбите. Цѣль этого питанія — возрастаніе духовное: дабы отъ него, питательною силою слова Божія претворяемаго такъ сказать въ собственность души, возрасти вамъ духовно, какъ питательною силою молока младенецъ возрастаетъ тѣлесно. Во спасеніе—цѣль этого возрастанія, по возможности полное духовное совершенство, наградою и слѣдствіемъ котораго будетъ спасеніе (ср. прим. къ 1, 5. 9).—Ибо вы вкусили: поощреніе или даже требованіе, на основаніи собственнаго опыта возрожденныхъ, питаться этимъ чистымъ словеснымъ молокомъ; вы уже испытали сами на себѣ его дѣйствіе благотворное, питайтесь же имъ, возлюбите его. Слово—вкусить нерѣдко употребляется въ смыслѣ—внутренно на себѣ испытать отчасти (отвѣдать) что-либо (ср. Псал. 33, 9. Евр. 6, 4. 5); здѣсь говорится, что возрожденные уже отчасти на себѣ испытали, что благъ Господь, который питаетъ возрожденныхъ словомъ своимъ для возрастанія ихъ ко спасенію. «Ибо вы вкусили, т.-е. чрезъ упражненіе въ священныхъ заповѣдяхъ евангельскихъ вы осязательно узнали, сколь благо это ученіе. А чувство въ дѣлѣ знанія сильнѣе всякаго слова, какъ и испытываемое на дѣлѣ пріятнѣе всякаго слова. Итакъ, опытно дознавъ на себѣ благодать Господа, и сами показывайте доброту и милость другъ другу» (Феофил.). Возрожденные испытали на себѣ благодать Господа Иисуса Христа (ибо Онъ разумѣется здѣсь, какъ видно изъ ст. 4) частію въ самомъ возрожденіи, частію вообще

въ ихъ христіанской жизни, внутреннему ощущенію которой является въ многообразныхъ видахъ благодѣть Господа.

4. Къ Немуже приходяще, камени живу, отъ человекъ убо уничижену, отъ Бога же избрану, честну,

5. И сами яко каменіе живо зиждитесь въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Божови Исусъ Христомъ.

4. Приступая къ Нему, камню живому, человекѣми отверженному, но Богомъ избранному драгоценному,

5. И сами, какъ живые камни, устройте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу, Исусомъ Христомъ.

Въ предшествующемъ наставленіи о духовномъ возрастаніи вѣрующихъ имѣется въ виду нравственное совершенствованіе каждаго отдѣльнаго члена Церкви по преимуществу; далѣе Апостоль имѣетъ въ виду говорить о совершенствованіи общества христіанскаго въ его цѣломъ составѣ по преимуществу и — образъ рѣчи измѣняется: вмѣсто образа питанія и возрастанія является образъ зданія или дома (храма), подъ каковымъ образомъ и раскрывается мысль о духовномъ устроеніи цѣлаго общества вѣрующихъ, какъ одинаго, отдѣльнаго среди разныхъ обществъ міра.—Приступая къ Нему (т.-е. ко Христу): или приближаясь, вступаая съ Нимъ въ особенное духовное общеніе; слово—приступая употреблено Апостоломъ для обозначенія этого понятія общенія потому, что онъ далѣе употребляетъ образъ священства, а въ Ветхомъ Завѣтѣ совершавшіе служеніе во храмѣ священники называются приходящими или приступающими къ Богу (Лев. 16, 1. Числ. 9, 13. Іезек. 40, 46). Въ Новомъ Завѣтѣ чрезъ Христа открытъ доступъ къ Богу всѣмъ вѣрующимъ (Евр. 9, 1 и дал. 7, 25; 10, 22; 11, 6; 4, 16). Хотя христіанинъ по самому возрожденію поставленъ и стоитъ въ общеніи со Христомъ, но это не только не исключаетъ необходимости постояннаго болѣе и болѣе полнаго общенія съ Нимъ, но напротивъ заключаетъ въ себѣ эту необ-

ходимость, почему и поставлено слово—приступая въ смыслѣ непрестающаго стремленія приближаться ко Христу.—Камню живому: далѣ Апостоль приводитъ пророчество Исаи о краеугольномъ камнѣ, который Иегова-Богъ положилъ на Сіонѣ въ основаніе новаго зданія (Иса. 28, 16; ср. Псал. 117, 22). Это пророчество самъ Христосъ относитъ къ Себѣ, разумѣя подъ камнемъ Себя самого (ср. Матѣ. 21, 42 и прим.); въ этомъ смыслѣ толкуютъ его и Апостолы (ср. Рим. 9, 33) и самъ Петръ въ рѣчи своей предъ синадріономъ (Дѣян. 4, 11) и здѣсь. По смыслу этого образнаго изображенія, общество христіанское есть домъ или храмъ Божій, отдѣльные члены этого общества, т.-е. каждый христіанинъ, суть камни, изъ которыхъ устрояется этотъ храмъ, Христосъ есть краеугольный камень, на которомъ держится все зданіе (см. прим. къ Матѣ. 21, 42 и Дѣян. 4, 11). Онъ называется камнемъ живымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Христосъ называетъ себя хлѣбомъ живымъ (Іоан. 6, 51; ср. прим. и под.), именно въ томъ смыслѣ, что Онъ имѣетъ жизнь самъ въ себѣ и есть источникъ жизни для всего живущаго и въ частности для вѣрующихъ въ Него (Іоан. 1, 4; 5, 28; 6, 68; 14, 19 и дал. 4, 10. Дѣян. 2, 28; ср. примѣч. ко всѣмъ этимъ мѣстамъ). Онъ проникаетъ и исполняетъ своею жизнію и животворною силою все тѣло своей Церкви, которое и возрастаетъ Имъ.—Человѣками отверженному, но Богомъ избранному: Псал. 117, 22. Чтò въ псаломскомъ изображеніи, а равно и въ толкованіи его Христомъ (Матѣ. 21, 42) и самимъ апостоломъ Петромъ (Дѣян. 4, 11), сказано только о строителяхъ зданія, отвергшихъ этотъ камень, какъ негодящійся для постройки, то здѣсь приложено ко всѣмъ людямъ, ко всему міру грѣховному и омраченному, въ противоположность Богу святому и премудрому; понятіе обобщено для болѣе рѣзкой противоположности (какъ у Іоан. 1, 10—11; см. прим.); вѣрующіе во Христа представляются какъ исключеніе изъ этого грѣшнаго отвергнувшаго Его міра. Но этому ложному сужде-

нію людей о семь камнѣ противоположно неложное сужденіе о немъ Божіе, по которому этотъ камень есть камень избранный (въ смыслѣ—лучшій изъ всѣхъ) и драгоценный въ очахъ Божіихъ, т.-е. такой, на которомъ только и можетъ быть построенъ храмъ Божій безъ опасенія разрушенія его, который одинъ только и можетъ быть краеугольнымъ камнемъ, держащимъ на себѣ прочно все зданіе. Христось, отвергнутый невѣрующимъ міромъ, есть основаніе Церкви, спасающей вѣрующихъ отъ вѣчной гибели.—И сами устройте изъ себя: основаніе положено избранное, драгоценное; на этомъ основаніи хрістіане должны сами устроить изъ себя домъ духовный. Причина, почему сами, указывается въ томъ, что они и сами суть камни живые, т.-е. имѣющіе въ себѣ жизнь, дарованную имъ отъ Единаго живаго камня въ возрожденіи (1, 3; 2, 2) и духовномъ общеніи жизни со Христомъ (ср. Іоан. 5, 26; 11, 25; 10, 28; 14, 19); какъ живые, они должны сами устроить себя на этомъ основаніи конечно подъ невидимымъ, но ощутительнымъ духовно руководствомъ единаго премудраго Архитектона—Бога, силою и дѣйствіемъ благодати Святаго Духа, при посредствѣ освящающихъ и оживотворяющихъ таинствъ св. Церкви.—Сами изъ себя: т.-е. и каждый отдѣльно самъ себя устрой въ этомъ общемъ строеніи, и всѣ взаимно утрайте себя, заботясь каждый о другомъ и слѣдовательно всѣ о всѣхъ.—Домъ духовный: домъ—въ смыслѣ храма (по контексту рѣчи), гдѣ приносились жертвы; но это храмъ духовный въ противоположность вещественному, духовный потому, что устроается изъ камней живыхъ, одушевленныхъ Духомъ Божіимъ, совершенствующихся нравственно — въ духѣ, живущихъ духомъ. Какъ домъ или храмъ, сложенный изъ множества отдѣльныхъ камней и состоящій изъ разныхъ частей, составляетъ единое цѣлое, такъ и хрістіанское общество должно быть единое цѣлое, хотя состоитъ изъ множества отдѣльныхъ членовъ. Мысль безъ образа: утверждаясь на вѣрѣ во Христа—Искупителя

міра, усовершенствуйтесь нравственно и каждый отдѣльно и каждый въ отношеніи ко всѣмъ, слѣдовательно всѣ въ отношеніи ко всѣмъ, такъ чтобы все общество ваше было какъ бы духовнымъ храмомъ, въ которомъ обитаетъ Богъ.—Священство святое (устрайте изъ себя): т.-е. будьте святымъ обществомъ священниковъ. Какъ Богъ въ Ветхомъ Завѣтѣ имѣлъ свой храмъ и своихъ священниковъ, которые служили Ему въ домѣ Его одобенно принесеніемъ жертвъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ; только здѣсь все общество должно быть вмѣстѣ и храмомъ и священниками. Такъ какъ вся эта рѣчь у Апостола не собственная, а образная, которую нужно понимать въ переносномъ смыслѣ, то и выраженіе: священство святое должно быть понимаемо въ переносномъ смыслѣ, т.-е. не въ смыслѣ священства, какъ особаго класса лицъ, поставленныхъ въ Церкви для ученія, совершенія таинствъ и управленія; это послѣднее не упраздняется тѣмъ всеобщимъ священствомъ, а напротивъ служить только образомъ для выраженія мысли о высокомъ назначеніи всѣхъ христіанъ.—Чтобы приносить духовныя жертвы: какъ назначеніемъ главнымъ священниковъ ветхозавѣтныхъ было приносить въ храмъ предъ Богомъ установленныя Богомъ вещественныя жертвы, такъ и каждый христіанинъ отдѣльно и все общество, какъ единое цѣлое, должны приносить Богу жертвы духовныя, такъ какъ они сами и составляютъ храмъ духовный и такъ какъ Богъ есть Духъ, которому должно служить духомъ и истиною (Іоан. 4, 23. 24; см. прим.). Что такое эти духовныя жертвы? Вообще жертвы добродѣтели. Добродѣтель для грѣшной природы человѣческой такъ тяжела, должна сопровождаться такимъ подвигомъ, что совершая ее, человѣкъ какъ бы жертву приносить Богу, подавляя грѣховныя страсти или вообще ветхаго человѣка съ дѣяньми его, для совершенствованія человѣка духовнаго. Такъ св. апостоль Павелъ умоляетъ христіанъ представить тѣла ихъ въ жертву живую Богу для разумнаго служенія (Рим. 12, 1), и это—не только единократно ког-

да-либо, но постоянно и непрерывно (ср. Лук. 9, 23). Всѣ частныя дѣла добрыя, молитва, самоотверженіе, дѣла милости и любви и проч. и проч., все это суть жертвы духовныя христіанина Богу (ср. Евр. 13, 15. 16. 1 Іоан. 3, 16. Филип. 4, 18 и др.). Но такъ какъ всѣ подобныя жертвы, по немощи человѣческой, не всегда и не вполнѣ совершенны: то благопріятными Богу онѣ могутъ быть только Иисусомъ Христомъ, по Его заступленію, силѣ, хощаю, благодати и человѣколюбію. Всѣ эти жертвы обязанъ христіанинъ, какъ священникъ, приносить и самъ по себѣ и чрезъ посредство установленнаго Христомъ чина священства, какъ особеннаго посредничества между Нимъ и вѣрующими въ Него для спасенія ихъ.

6. *Зане писано есть въ писаніи: се полагаю въ Сионъ камень краеугольный, избранъ, честенъ: и вѣрующій въ оны, не постыдится.*

7. *Вамъ убо честь вѣрующимъ, а противящимся, камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла, и камень претыканія и камень соблазна:*

8. *О немже и претыкаются слову противляющіися, на немже и положени быша.*

6 Ибо сказано въ Писаніи: вотъ Я полагаю въ Сионѣ камень краеугольный, избранный, драгоценный; и вѣрующій въ Него не постыдится (Исаи 28, 16).

7. И такъ Онъ для васъ, вѣрующіихъ, драгоценность, а для невѣрующіихъ камень, который отвергли строющіе, но который сдѣлался главою угла (Псал. 117, 22), камень претыканія и камень соблазна,

8. О который они претыкаются, не покоряясь слову, на что они и оставлены.

Ибо сказано въ Писаніи и пр.: давъ наставленіе христіанамъ устроить изъ себя домъ духовный на живомъ камнѣ, Апостолъ снова обращается къ этому образу камня, и разъясняетъ понятіе о немъ, а вмѣстѣ и доказываетъ истинность его, указаніемъ прямого пророчества Исаи, которое имѣлось въ виду и при первомъ указаніи на камень живой въ ст. 4. Слова Божіи изъ книги пророка Исаи (28, 16) приводятся не буквально по еврейскому тексту или по переводу Семидесяти, но свободно, съ указаніемъ только на ихъ главный смыслъ и значеніе. Эти

слова несомнѣнно относятся къ Мессіи, какъ указано выше (прим. къ ст. 4), и этотъ смыслъ даетъ имъ здѣсь апостоль Петръ.—Камень краеугольный: полагаемый во главу угла и служащій основаніемъ для двухъ стѣнъ (см. прим. къ Матѳ. 21, 42). «Христосъ названъ краеугольнымъ камнемъ потому, что Онъ обѣ стѣны, составляющія духовный домъ, т.-е. язычниковъ и Іудеевъ, соединяетъ Своими объятіями и связываетъ въ одно согласіе, уничтожая бесполезныя жертвы однихъ и премѣняя въ благочестіе бѣсовское суетворіе другихъ» (Θеофил.). Избранный, драгоценный: см. прим. къ ст. 4.—Вѣрующій въ Него не постыдится: т.-е. не обманется въ своемъ довѣріи на прочность этого камня,—онъ выдержитъ на себѣ всякую постройку. Вѣрующій во Христа, что Онъ спасетъ его вѣрою и дѣлами отъ вѣры, не посрамится въ этой вѣрѣ и довѣріи, получить чрезъ Него спасеніе. Но такъ бываетъ только съ вѣрующимъ во Христа; для такового вѣрующаго Онъ камень драгоценный, т.-е. вообще драгоценность, ибо на Немъ безопасно устроится все спасеніе вѣрующаго. Не таковъ Онъ для невѣрующихъ,—для нихъ Онъ камень претыканія и соблазна. Подъ невѣрующими, по значенію греческаго слова, разумѣются не неимѣющіе вѣры, но собственно противящіеся вѣрѣ, упорные въ невѣріи.—Камень, который отвергли строящіе, т.-е. представители іудейскаго народа, отвергшіе Господа Иисуса, какъ Мессію, но который, несмотря на сіе, сдѣлался краеугольнымъ камнемъ или основаніемъ духовнаго храма Божія на землѣ, т.-е. Церкви Христовой (ср. прим. къ Матѳ. 21, 42. Дѣян. 4, 11).—Камень претыканія и камень соблазна: выраженіе заимствованное изъ пророка Исаіи (8, 14), буквально означающее камень, о который спотыкаются, и камень, на который падаютъ. Объясненіемъ этого образнаго выраженія служатъ дальнѣйшія слова: не покоряясь слову, т.-е. своевольно отвергнувъ слово. Слово разумѣется или пророческое о Мессіи, которое они имѣли средства правильно уразумѣть и принять Христа,

но не уразумѣли и не приняли и такимъ образомъ Христось сталъ для нихъ камнемъ претыканія; или слово Христа о Себѣ самомъ, которому они не вѣрили.—На что они и оставлены: по божественному опредѣленію, зависящему отъ предвѣднія дѣль ихъ свободы, въ чемъ конечно не Богъ виновенъ, а они сами (см. прим. къ 1, 2). «На что они и оставлены: симъ не то говорится, будто они опредѣлены на то отъ Бога. Ибо отъ Того, Кто желаетъ, чтобы спаслись всѣ люди (1 Тим. 2, 4), никакъ не можетъ быть причины гибели. Но какъ они сами изъ себя устроили сосуды гнѣва, присовокупивъ къ сему еще непокорность, то какое положеніе сами себѣ приготовили, въ томъ и оставлены. Ибо если человѣкъ, какъ существо разумное, сотворенъ свободнымъ и свободу принуждать нельзя, то несправедливо было бы обвинять Того, кто отдаетъ человѣку именно ту часть, какую онъ самъ себѣ приготовилъ своими дѣлами» (Θеофил.).

9. Вы же родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвестите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ,

10. Иже некогда не люди, нынѣ же люди Божіи: иже не помиловани, нынѣ же помиловани бысте.

9. Но вы родъ избранный, царственное священство, народъ святыи, люди взятые въ удѣль, дабы возвѣщать совершенства призвавшаго васъ изъ тмы въ чудный свой свѣтъ;

10. Нѣкогда не народъ, а нынѣ народъ Божій; нѣкогда не помилованные, а нынѣ помилованы (Осіи 2, 23).

Въ противоположность тому, что бываетъ съ невѣрующими по ихъ собственной винѣ и по Божьему суду, Апостоль въ сильныхъ чертахъ указываетъ славное значеніе и предназначеніе христіанъ, для которыхъ избранный камень (Христось) есть драгоценность (ст. 4. 7). Черты заимствованы изъ ветхозавѣтныхъ наименованій народа еврейскаго и приложены къ христіанамъ, такъ какъ въ сихъ послѣднихъ окончательно пришло въ исполненіе и совершеніе то, что предназначительно означали эти имена; въ приложеніи къ христіанамъ ихъ значеніе настолько вы-

ше, насколько выше исполненіе или совершеніе приготовленія или предназначенія.—Родъ избранный: такъ называется въ Ветхомъ Заветѣ народъ еврейскій, какъ избранный изъ всѣхъ народовъ земли для особенныхъ высшихъ цѣлей—спасенія чрезъ него всѣхъ народовъ (Иса. 43, 20; ср. Втор. 7, 6 и дал. Иса. 44, 1. 2; 45, 4 и др.). И христіане, хотя призваны изъ разныхъ народовъ, составляютъ какъбы одинъ родъ, имѣющій одного Отца (родоначальника) небеснаго, порожденный отъ одного духовнаго сѣмени неистлѣннаго (1, 3. 23. 1 Иоан. 5, 1), и родъ избранный, отдѣленный духовно отъ всего человѣчества, невѣрующаго въ истиннаго Бога и Сына Его—искупителя міра, и предназначенный къ блаженству и приведенію къ блаженству чрезъ него и всѣхъ тѣхъ изъ среды языческаго міра, кто предопредѣленъ и предназначенъ къ блаженству.—Царственное священство: такъ самъ Богъ наименовалъ народъ свой избранный при заключеніи съ нимъ завета при Синаѣ (Исх. 19, 6: вы будете у Меня царствомъ священниковъ). Сила выраженія здѣсь въ словѣ: священство (ср. прим. къ ст. 5), какъ въ приложеніи къ ветхозавѣтному народу, такъ и къ новозавѣтному; вы будете имѣть свободный доступъ къ престолу Божію (какъ священники), приносить предъ нимъ жертвы, молиться и благословлять. Но такъ какъ вы стоите въ особенномъ духовномъ общеніи жизни съ Тѣмъ, Кто есть Царь всего міра и Богъ Отецъ предопредѣлилъ васъ бѣть подобными образу Сына своего (Рим. 8, 29), который восшелъ на небо пребываетъ одесную Бога (3, 21), раздѣляя съ Нимъ и по человѣчеству своему царство надъ міромъ: то эта царственная власть должна отражаться и въ васъ, въ вашемъ священствѣ, которое такимъ образомъ есть царственное священство (ср. Апок. 1, 6; 5, 10). И теперь со Христомъ вы царственно побѣждаете враговъ спасенія—дѣвола, міръ и плоть, а со временемъ это царственное господство обнаружится еще яснѣе и блистательнѣе, и такимъ образомъ, что въ ветхозавѣтномъ народѣ являлось

только предначинательно, то въ христіанахъ должно придти въ полное осуществленіе и совершеніе (ср. Иса. 61, 6. Псал. 148, 14).—Народъ святой: и это также названіе ветхозавѣтнаго народа, данное ему Богомъ (Исх. 19, 6. Втор. 7, 6). Какъ Израиль между языческими народами одинъ былъ посвященъ Богу и въ этомъ смыслѣ былъ святой народъ или долженствующій быть святымъ: такъ еще въ высшемъ смыслѣ христіане суть или должны быть святымъ народомъ среди грѣшнаго міра; они очищены кровію Христовою и освящены Духомъ Святымъ (1, 2).—Люди взятые въ удѣлъ: такъ называетъ Богъ народъ еврейскій, какъ народъ избранный Имъ изъ всѣхъ народовъ міра для особенныхъ высшихъ дѣлей (Исх. 19, 5. Второз. 7, 6; ср. Иса. 43, 21. Мал. 3, 17. Тит. 2, 14). Какъ искупленные кровію Сына Божія, христіане еще въ высшемъ чѣмъ евреи смыслѣ суть люди взятые Богомъ въ удѣлъ или особенную собственность Его, какъ свои Богу, присные Ему. «Ибо созданіе Божіе—всѣ, а удѣлъ Божій—одни только тѣ, которые удостоились этого за добродѣтель» (Θеофил.).—Дабы возвѣщать и пр.: дѣль этого особеннаго избранія Богомъ христіанъ въ удѣлъ Себѣ состоитъ въ томъ, чтобы они возвѣщали совершенства Его. Возвѣщать значитъ обнаруживать во внѣ то, что сокрыто внутри, дѣлать извѣстнымъ всѣмъ.—Совершенства призываемаго (т.-е. Бога Отца, ср. 5, 10) суть такія свойства Божіи, которые проявились особенно въ дѣлѣ призванія людей въ Царство Христово, т.-е. въ особенности любовь Божія къ человѣку, по которой Онъ благоволилъ послать въ міръ Сына своего, Его премудрость и всемогущество, нашедшія средства и устранившія всякія препятствія къ возстановленію падшаго человѣка, а равно и прочія совершенства Божіи, явленные въ дѣлѣ искупленія рода человѣческаго. Возвѣщать эти совершенства значитъ тоже что прославлять Бога, каковое прославленіе совершается вѣрующими и словомъ и дѣлами, не только предъ вѣрующими же, но и предъ всѣмъ міромъ, для возбужденія

и другихъ къ прославленію (ср. Мате. 5, 16). Богъ именуется здѣсь призвавшимъ христіанъ изъ тьмы въ чудный свѣтъ свой: призваніе это есть осуществленіе во времени предвѣчнаго избранія и предвѣдѣнія Божія (ср. 1, 1—2) въ отношеніи къ предопредѣленнымъ ко спасенію; оно совершается обыкновенно при посредствѣ евангельской проповѣди, силою и дѣйствиємъ на сердце Святаго Духа, возбуждающаго и возвращающаго вѣру во Евангеліе или во Христа Иисуса, проповѣдуемаго въ Евангеліи. Это призваніе ко Христу представляется здѣсь подъ образомъ призванія изъ тьмы во свѣтъ (ср. прим. къ Мате. 4, 16. Іоан. 1, 4—5): тьма и свѣтъ суть выраженія не собственные, а образныя здѣсь; тьма или царство тьмы есть то печальное состояніе, въ которомъ находились и находятся всѣ люди внѣ Христова царства или Церкви, какъ въ отношеніи къ богопознанію и богопочтенію, такъ и въ отношеніи къ умственному и нравственному состоянію; это—царство сатаны, царство мрака и всяческаго зла и растлѣнія. Въ такомъ состояніи было до Христа и есть внѣ Христа особенно язычество; но такъ какъ этотъ образъ прилагается и къ іудеямъ (Псал. 106, 10. Иса. 9, 2. Мате. 4, 16. Іоан. 1, 5): то значить эта тьма простиралась и на іудеевъ, хотя не въ такой степени, ибо у нихъ былъ свѣточъ—откровеніе Божіе чрезъ законъ и пророковъ. Этой тьмѣ противопоставляется чудный свѣтъ Божій. Будучи самъ по существу своему свѣтомъ, Богъ изъемлетъ вѣрующихъ во Христа изъ этого царства религіозно-нравственной тьмы и поставляетъ во свѣтъ свой, въ общеніе съ собой, какъ свѣтомъ, при чемъ разумъ вѣрующаго просвѣщается истиною богопознанія, воля освящается, совѣсть исполняется миромъ, весь человѣкъ просвѣщается. Этотъ свѣтъ называется чуднымъ и по своему началу, и по существу, и по дѣйствіямъ, такъ какъ онъ изъ грѣшниковъ, отчужденныхъ отъ Бога, дѣлаетъ праведниками, сынами Божіими. Образъ взятъ въ этомъ сопоставленіи можетъ быть отъ перехода изъ ночной тьмы въ свѣтъ дня. Про-

тивоположность прежняго и новаго состоянія призванныхъ, выраженная какъ противоположность свѣта и тьмы, объясняется и раскрывается въ новыхъ противоположностяхъ: нѣкогда не народъ и пр. Изреченіе заимствовано (не съ буквальною точностію) изъ книги пророка Осіи (2, 23), гдѣ Богъ, называя тогдашній народъ еврейскій не своимъ народомъ, такъ какъ онъ, по своимъ правамъ и образу жизни грѣховному, былъ недостоинъ того, чтобы называться народомъ Божиимъ, обѣщаетъ, что во времена Мессіи народъ сдѣлается достойнымъ того, чтобы Богъ сказалъ ему: ты народъ мой; въ этомъ же смыслѣ обѣщается помилованіе непомилованному (народу). Обѣтованіе это исполнилось, когда лучшая (хотя и небольшая) часть народа перешла изъ іудейства въ христіанство, и Апостоль прилагаетъ это изреченіе пророка къ своимъ читателямъ, а въ лицѣ ихъ и ко всѣмъ христіанамъ. Относясь къ христіанамъ изъ іудеевъ, оно вполне можетъ быть приложено и къ христіанамъ изъ язычниковъ: ибо если іудеи были не народъ Божій и не помилованные нѣкогда, то тѣмъ болѣе язычники; а призванные изъ нихъ, такъ же какъ призванные изъ іудеевъ, стали народомъ Божиимъ и помилованными. Непомилованные: за свои грѣхи подлежащіе праведному суду и осужденію Божию и недостойные Его милости и помилованія. Помилованные: которымъ ради крестныхъ заслугъ Искушителя, усвоенныхъ ими себѣ по вѣрѣ въ Него, прощены грѣхи и дарована благодать Божія, какъ даръ и знакъ помилованія и оправданія предъ Богомъ. Такъ высоко значеніе и предназначеніе христіанъ, призванныхъ изъ іудеевъ и язычниковъ равно!

11. Возлюбленніи, молю яко пришельцевъ и странниковъ, ограбятися отъ плотскихъ похотей, яже воюють на душу.

12. Житіе ваше именуе добро во языцехъ, да о немже клеветуютъ васъ аки злодѣевъ, отъ добрыхъ дѣлъ видѣвши прославятъ Бога въ день посѣщенія.

11. Возлюбленные! прошу васъ какъ пришельцевъ и странниковъ удалаться отъ плотскихъ похотей, возстающихъ на душу,

12. И провоздательную жизнь между язычниками; дабы они за то, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, увидя добрыя дѣла ваши, прославили Бога въ день посѣщенія.

Подкрѣпивъ нравственныя наставленія свои христіанамъ высокимъ догматическимъ созерцавіемъ высоты значенія и предназначенія призванныхъ ко Христу, Апостоль снова обращается къ нравственнымъ наставленіямъ. Предшествующія (1, 13—2, 10) наставленія относились главнымъ образомъ къ тому, какъ христіане, соотвѣтственно высокому призванію своему, должны противоположнымъ прежнему образомъ своей жизни и направленія духовнаго осуществляютъ идею своего призванія; дальнѣйшія (2, 11—4, 6) наставленія относятся главнымъ образомъ къ тому, какъ должно въ своей жизни по началамъ христіанскимъ возвѣщать совершенства Божіи (ст. 9), особенно при многообразныхъ отношеніяхъ жизненныхъ среди объемлющей христіанъ тьмы языческаго міра. Первое изъ сихъ наставленій содержитъ въ себѣ общее правило нравственно-общественной жизни—проводить добродѣтельную жизнь (ст. 11—12). Какъ на побужденіе къ сему, Апостоль снова (ср. 1, 17) указываетъ на то, что—христіане гражданае другаго отечества, а здѣсь на землѣ только пришельцы и странники (ср. прим. къ 1, 1. 17). И тѣломъ и духомъ они внѣ своего отечества здѣсь, какъ странники и пришельцы; нѣтъ для нихъ здѣсь постоянной радости и счастья и прочныхъ благъ, а напротивъ и совнѣ они окружены зломъ и внутри себя носятъ врожденное расположеніе ко злу; въ охраненіи себя отъ этого зла и упражненіи въ добродѣтели—единственное счастье челоувѣка здѣсь на землѣ, какъ странника и пришельца. Потому Апостоль просить своихъ возлюбленныхъ (выраженіе, указывающее особенную важность предлагаемыхъ имъ наставленій) удалаться отъ плотскихъ похотей: выраженіе болѣе сильное, чѣмъ вышеупотребленное—не сообразоваться съ прежними похотями (1, 14), и означающее внѣшнюю и внутреннюю воздержность, достигаемую усиліемъ и борьбою. Плотскія похоти, или похоти плоти (Ефес. 2, 3. 2 Петр. 2, 18) въ тѣсномъ смыслѣ суть чувственныя вожделѣнія чувственныхъ наслажденій, но въ болѣе обширномъ смыслѣ

и такія вождельнія, которыя имѣють свое основаніе болѣе въ душѣ, чѣмъ въ плоти или чувственныхъ раздраженіяхъ, каковы злоба, зависть, гнѣвъ, гордость и др. (ср. Гал. 5, 19. 1 Кор. 3, 3. Рим. 8, 6. Еф. 2, 3. Кол. 2, 18), слѣдовательно—вообще всѣ проявленія и движенія человѣческаго эгоизма.—Возстающихъ (точнѣе—воюющихъ) на душу. Эта низшая сторона человѣческаго существа—чувственность воюетъ противъ высшей стороны—души, сясь грѣхомъ осквернить ее. Въ естественномъ челѣкѣ душа вообще стоитъ подъ властію этихъ чувственныхъ похотей, сѣдалище которыхъ въ членахъ (ср. Іак. 4, 1 и прим., Рим. 7, 23); въ возрожденномъ она возвышается надъ ними, но онѣ вновь и постоянно сятся подчинить ее себѣ и отсюда постоянная вражда или война между ними. Черезъ эту плоть дѣйствуютъ противъ души и діаволь и міръ; душа лучшими своими силами, укрѣпляемая силою благодати Божіей, присущей возрожденному, сопротивляется имъ, и эта борьба постоянно продолжается болѣе или менѣе во всѣхъ. Удаляться отъ плотскихъ похотей и значить поработать плоть душѣ, побѣждая похоти воздержаніемъ. «Говоритъ онъ (Апостоль), что плотскія похоти встають на душу потому, что и по словамъ блаженнаго Павла плоть желаетъ противнаго духу (Гал. 5, 17). Ибо желанія плоти вращаются около чувственныхъ наслажденій и чрезъ то помрачаютъ память и поработаютъ душу» (Θеофил.).—Проводить добродѣтельную жизнь между язычниками: малое христіанское общество, окруженное тогда язычниками, должно было и поэтому быть особенно внимательно къ своей жизни и образу дѣйствій, не говоря уже о высшихъ побужденіяхъ къ сему, собственно христіанскихъ; язычество стояло всегда въ болѣе или менѣе враждебныхъ отношеніяхъ къ христіанству, и исповѣдники Христовы лучше всего могли смягчать это враждебное отношеніе и привлекать самихъ враждующихъ ко Христу добродѣтельною жизнію своею. Это и выражаетъ Апостоль въ дальнѣйшихъ словахъ: дабы они

прославили Бога; добрый поворотъ въ отношеніяхъ язычниковъ къ христіанамъ долженъ совершиться именно добродѣтельною жизнію самихъ христіанъ.—За то, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ: стоя одиноко среди враждебнаго міра со своими высокими началами новой жизни по Евангелію, христіане за эти самыя высокія начала, непонимаемыя, перетолковываемыя и извращаемыя язычниками, подвергались отъ нихъ злословію, какъ злодѣи, и не только злословію, а даже и преслѣдованіямъ. Такъ, поверхностному и испорченному взгляду язычниковъ братская любовь христіанъ, по которой они стояли между собой въ тѣсномъ взаимномъ общеніи, давала поводъ къ подозрѣнію ихъ въ тайномъ противуобщественномъ и опасномъ для государства союзѣ или заговорѣ; твердость ихъ въ своей вѣрѣ и непоколебимость въ исповѣданіи ея при злословіи, преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ казалась имъ опаснымъ фанатическимъ упорствомъ; ихъ отчужденность отъ язычниковъ перетолковывалась какъ чловѣконенавидѣніе; ихъ разрывъ съ исконными языческими обычаями, преданіями, привычками толковался какъ презрѣніе къ всякимъ чловѣческимъ установленіямъ и пр. и пр. (ср. 2, 19. 20; 3, 10—12. 17; 4, 15 Tacit. Vita Neronis с. 16). Разсвѣять подобныя взгляды язычниковъ на христіанъ можетъ, по Апостолу, только добродѣтельная жизнь христіанъ или вообще ихъ добрая дѣла, и не только разсвѣять, но даже обратить самихъ злословящихъ вмѣсто злословія къ прославленію Бога, исповѣдуемаго христіанами. Добрыя дѣла или добродѣтельная жизнь вообще на невѣрующихъ дѣйствительно, какъ показываетъ опытъ, сильнѣе дѣйствуетъ чѣмъ ученіе.—Прославили Бога: цѣль добродѣтельной жизни въ отношеніи къ невѣрующимъ и злословящимъ— не та, чтобы за добродѣтель превозносили добродѣтельныхъ люди, но—прославленіе Бога (ср. Матѣ. 5, 16).—Въ день посѣщенія: посѣщеніемъ Божиимъ называется особенное дѣйствіе Божіе въ отношеніи къ людямъ, какъ благодѣющее и милующее (Быт. 21, 1; 50, 24. Іов. 7, 18.

Лук. 1, 68, 78. Дѣян. 15, 14), такъ и карающее, наказывающее (Иерем. 9, 24. 25; 44, 13. Пс. 58, 6. Исх. 20, 5); и одни изъ толкователей разумѣютъ здѣсь посѣщеніе Божіе въ первомъ смыслѣ, другіе—въ послѣднемъ. Такъ какъ Апостоль самъ не даетъ ближайшаго опредѣленія этому слову: то можно полагать, что онъ разумѣетъ общее посѣщеніе Божіе, т.-е. употребляетъ слово въ томъ и другомъ смыслѣ. Словомъ—день посѣщенія указывается вообще время таковаго посѣщенія, такъ какъ симъ словомъ означаетъ не только депъ въ собственномъ смыслѣ, но вообще время. Какое же время посѣщенія здѣсь разумѣется? И въ отношеніи къ кому будетъ это время посѣщенія, къ злословящимъ ли язычникамъ, или доброе дѣлающимъ христіанамъ? Въ отношеніи къ язычникамъ посѣщеніе Божіе можно понимать и какъ грозное и какъ милостивое. Время грознаго посѣщенія есть время различныхъ бѣдствій и скорбей, чрезъ которыя совершается карающій судъ Божій надъ грѣшниками; время бѣдствій нерѣдко самыхъ упорныхъ заставляетъ обращаться къ Богу и правльнѣе судить объ угождающихъ Богу добродѣтельныхъ людяхъ и ихъ добрыхъ дѣлахъ, такъ что въ этомъ смыслѣ можно понимать слова Апостола, что злословящіе христіанъ, какъ злодѣевъ, могутъ образумиться бѣдствіями и прославить Бога, видя добрыя дѣла христіанъ. Съ контекстомъ рѣчи впрочемъ болѣе согласно понимать посѣщеніе Божіе милостивое къ язычникамъ, когда они поймутъ дѣла христіанъ какъ должно и прославятъ Бога именно только за эти дѣла, понявъ всю красоту и величіе ихъ и обратившись къ вѣрѣ и покаянію (ср. Лук. 19, 44). «Злословящимъ насъ Апостоль называетъ язычниковъ, а днемъ посѣщенія—изслѣдованіе по законамъ міра сего. Ибо когда они изслѣдуютъ жизнь нашу и находятъ, что ихъ понятіе о насъ противорѣчитъ дѣйствительности, то сами исправляются въ постыдныхъ дѣлахъ своихъ и такимъ образомъ прославляютъ Бога» (Теофил.). Въ отношеніи къ самимъ христіанамъ посѣщеніе Божіе можно разумѣть только ми-

лостивое, т.-е. особенныя благодѣянiя Божiи къ вѣрующимъ, видя которыя злословащiе поймутъ ихъ, именно какъ видимую награду за ихъ добрыя дѣла, и прославятъ за нихъ Бога, уразумѣвъ Его въ такомъ посѣщенiи, какъ истиннаго Бога. Какое бы изъ сихъ значенiй слова—посѣщенiе ни принять, общая мысль изреченiя остается ясною.

*13. Повинитесь убо всякому чело-
вѣчку созданiю Господа ради:
аще царю, яко преобладающую:*

*14. Аще ли же княземъ, яко отъ
него посланнымъ, во отмищенiе убо
злodeмъ, въ похвалу же благо-
творцемъ.*

*15. Яко тако есть воля Божiя,
благотворяющимъ обуздовати без-
умныхъ челоуѣкъ невѣжество.*

13. Итакъ будьте покорны всякому челоуѣческому начальству, для Господа: царю ли, какъ верховной власти,

14. Правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанiя преступниковъ и для поощренiя дѣлающихъ добро.

15. Ибо такова есть воля Божiя, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей.

Давъ общее наставленiе о провозженiи добродѣтельной жизни между язычниками, Апостоль даетъ за сими частныя наставленiя объ отношенiяхъ христанъ къ нѣкоторымъ общественнымъ учрежденiямъ, гдѣ христане могутъ показать свои добрыя дѣла предъ язычниками. Къ этому Апостоль вынужденъ былъ вѣроятно какъ злословіемъ и клеветой на христанъ со стороны язычниковъ (ст. 12, 15), такъ можетъ быть злоупотребленiемъ или возможностью злоупотребленiя своею свободой со стороны самихъ христанъ (ст. 16). Первое изъ сихъ наставленiй—о покорности власти. Будьте покорны: или покоряйтесь, т.-е. дѣлайте себя покорными, старайтесь покорять себя, принуждайте себя покоряться,—выраженiе имѣющее свое основанiе въ томъ, что при нѣкоторомъ неправильномъ пониманiи христанской свободы могли возникнуть недоумѣнiя относительно покорности челоуѣческой власти, особенно языческой. Всякому челоуѣческому начальству (точнѣе—постановленiю, или установленiю): выраженiе усиленное, какъ показываетъ слово—всякому, рѣшительно вос-

прещающее какое-либо неповиновение, чтобы не подавать никакого повода къ нареканію, будто христіане опасные для государства люди, непризнающіе никакихъ чуждыхъ имъ законовъ и т. п. Что здѣсь разумѣется главнымъ образомъ повиновение государственнымъ учрежденіямъ, это видно изъ дальнѣйшихъ словъ: царю ли, правителямъ ли, какъ носителямъ и представителямъ государственныхъ установленій. Апостоль обозначаетъ эти установленія словомъ—человѣческія, конечно не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ не считалъ всякаго начальста поставленнымъ отъ Бога, какъ о семъ прямо учитъ апостоль Павелъ (Рим. 13, 1; 2, 4); нѣтъ, это слово вѣроятно избрано и поставлено здѣсь Апостоломъ съ нарочитою цѣлію: Апостоль, можетъ быть имѣлъ цѣлію отстранить мечтательное представленіе нѣкоторыхъ о своей христіанской свободѣ, по которому слѣдуетъ подчиняться только непосредственно отъ Бога поставленной власти, такъ какъ въ человѣческихъ установленіяхъ много грѣховнаго и ложнаго. Апостоль говоритъ, что должно повиноваться всякой человѣческой власти, хотя она и не непосредственно поставляется отъ Бога въ томъ смыслѣ, въ какомъ непосредственно поставляется она въ Церкви. Всякое начальство называется здѣсь человѣческимъ потому, что вообще мірскія установленія основываются не непосредственно на словѣ Божіемъ, какъ религіозно-христіанскія установленія главныя, хотя посредственно—всякая власть отъ Бога (Рим. 13, 2). Этимъ словомъ Апостоль показываетъ отличіе учреждений гражданскихъ отъ учреждений церковно-христіанскихъ. «Человѣческимъ созданіемъ» называетъ начальниковъ, поставляемыхъ царями и даже самихъ царей, поколику и они избираются и поставляются людьми. А Писаніе называетъ иногда созданіемъ и установленіемъ, какъ на примѣръ въ слѣдующемъ мѣстѣ: дабы изъ двухъ создать одного новаго человѣка» (Еф. 2, 15) (Θεοφιλ.).—Для Господа (т.е. Господа Иисуса Христа): въ этомъ—побужденіе къ покорности всякому начальству. Смысль: ибо это угодно Госпо-

ду, этого Онъ требуетъ, это заповѣдалъ Онъ. «Что же Господь заповѣдалъ?—Отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу... (Матѳ. 22, 21). Что заповѣдывалъ Христосъ, тоже заповѣдываетъ теперь и ученикъ Его» (Θеофил.). Вмѣстѣ съ симъ въ этомъ выраженіи содержится и ограниченіе: обязанность послушанія прекращается, когда требованія человѣческаго начальства несообразны съ прямою и ясно выраженною волею Божіею и съ установленіями Господними, когда они не согласимы съ требованіями христіанства и предлежитъ выборъ между тѣми или другими (ср. Дѣян. 4, 19; 5, 29, мученики христіанскіе). «Если они приказываютъ что-либо противное установленію Божію, имъ не должно повиноваться» (Θеофил.).—Царю ли и пр.: общее понятіе человѣческаго начальства разлагается на частныя понятія, не обнимающія впрочемъ вполнѣ общаго; указывается на власть только царя и правителей, т.-е. на главнѣйшіе органы правительственной власти. Царю ли, т.-е. тогдашнему императору римскому, главѣ верховной власти, а въ лицѣ его и всякой верховной власти; правителямъ ли, т.-е. начальникамъ провинцій всесвѣтпой римской имперіи, а въ лицѣ ихъ и всякимъ правителямъ, поставляемымъ отъ верховной власти. Въ лицѣ правителей должно видѣть и чтить представителей власти царской, въ лицѣ царя—представителя власти божественной. Нравственную цѣль дѣятельности всякой начальственной, исходящей отъ царя власти, Апостоль указываетъ въ наказаніи преступниковъ и въ поощреніи (или похвалѣ) дѣлающихъ добро (ср. Рим. 13, 3—4),—двѣ функціи правительственной власти, которыми обезпечивается миръ и благосостояніе общественной жизни. Все это говоритъ Апостоль о тогдашней власти, языческой, но къ христіанской власти прилагается все это конечно въ высшей степени. — Ибо такова воля Божія и пр.: основаніе предшествующаго наставленія и ближайшая практическая цѣль повиновенія власти въ тогдашнемъ положеніи христіанъ. «Дѣлаетъ это прибавленіе и для вѣрныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ могли сказать: самъ же Апостоль

объщаетъ намъ царство небесное (1, 4) и чрезъ то приписываетъ намъ великое достоинство; зачѣмъ же опять унижаетъ насъ, подчиняя насъ мірскимъ начальникамъ? Итакъ, если кто-нибудь скажетъ это, тотъ пусть знаетъ, говоритъ Ап., что эта заповѣдь не отъ меня собственно, но отъ самого Господа. Самъ апостоль Петръ и указалъ, которымъ и какимъ начальникамъ должно повиноваться, именно тѣмъ, которые воздаютъ должное. Прибавляетъ и причину: во первыхъ, такова воля Божія; во вторыхъ наша покорность начальникамъ доказываетъ наше благоповеденіе и сверхъ того посрамляетъ невѣрныхъ. Ибо когда они злословятъ насъ какъ гордыхъ, а видятъ, что мы смиренны и въ чемъ слѣдуетъ покорны, то чрезъ это болѣе пристыждаются» (Θеофил.). Невѣжество безумныхъ людей злословило христіанъ, какъ злодѣевъ, не понимая высоты нравственныхъ началъ ихъ жизни или перетолковывая ихъ (ср. ст. 12 и прим.); добрыя дѣла христіанъ, и между прочимъ особенно покорность ихъ начальству, о которомъ сейчасъ вель рѣчь Апостоль, должны заградить уста этимъ безумнымъ людямъ, прекратить ихъ злословія, клеветы и нареканія. Если добродѣтельною жизнію и оказалось бы невозможнымъ довести ихъ до прославленія Бога (ст. 12): то по крайней мѣрѣ можно достигнуть того, чтобы они не имѣли повода къ злословію; добродѣтельная жизнь дѣйствительно болѣе, нежели что-нибудь другое, способна противодѣйствовать невѣжеству безумныхъ людей и заградить ихъ злословящія уста. Невѣжество—не въ смыслѣ умственного невѣдѣнія, но въ смыслѣ дурнаго нравственнаго качества, точно такъ же, какъ и слово—безумный въ этомъ изреченіи; это—болѣе нравственная, чѣмъ умственная слѣпота (ср. Псал. 31, 1. Матѳ. 5, 22).

16. Яко свободни, а не яко прикровеніе имуще злобы свободу, но яко раби Божіи.

17. Всѣхъ почитайте: братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите.

16. Какъ свободные, не употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи.

17. Всѣхъ почитайте, братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите.

Какъ свободные и пр.: изреченіе, служащее основаніемъ для кратко выраженныхъ въ слѣдующемъ стихѣ наставленій и въ частности для наставленія о повинненіи предрержащей власти. Это повинненіе и христіанская свобода отнюдь не исключаются взаимно, а напротивъ, понимаемая въ истинномъ смыслѣ свобода налагаетъ обязанность повинненія и соприкосновенныя съ нею обязанности. Свобода христіанская, имѣющая свое основаніе въ искупленіи смертію Христовою, есть свобода духовная, а не внѣшняя; она состоитъ въ свободѣ отъ рабства грѣху, грѣховному міру и діаволу, но въ то же время она есть рабство Богу и Его слову и потому требуетъ исполненія обязанностей, налагаемыхъ словомъ Божиимъ. Можно злоупотреблять свободою христіанскою, перетолковывая и извращая понятіе о ней, и въ этомъ случаѣ она можетъ служить для прикрытія зла, когда всякую разнузданность можно прикрывать понятіемъ свободы; но это будетъ именно злоупотребленіемъ свободы, а не правильнымъ употребленіемъ ея; христіане должны избѣгать такого злоупотребленія. — Предостерегаетъ ли только Апостоль своихъ читателей отъ злоупотребленія свободою, котораго между ними еще не было, или направляетъ свою рѣчь противъ обнаружившагося между нѣкоторыми изъ нихъ такового злоупотребленія, рѣшить трудно; немудрено, что новообращенные члены христіанскаго общества, еще не вполне обнявшіе всю высоту новыхъ нравственныхъ идей, неправильно примѣняли ихъ или нѣкоторыя изъ нихъ къ обыденной жизни и отношеніямъ и злоупотребляли свободою. Можетъ быть также, что имѣются здѣсь въ виду лжеучители и ими оболъщенные (зачатки гностицизма), которые дѣйствительно употребляли свободу для прикрытія зла, и на нихъ Апостоль указываетъ вѣрующимъ какъ на такихъ людей, которымъ не слѣдуетъ подражать. — Какъ рабы Божіи: выраженіе положительно опредѣляющее существо христіанской свободы, въ противоположность злоупотребленію оной; истинная свобода состоитъ въ рабствѣ

Богу (Рим. 6, 16 и д.) и только рабъ Божій истинный— истинно свободный человекъ въ христіанскомъ смыслѣ слова, хотя бы онъ былъ рабомъ по своему виѣшнему положенію (1 Кор. 7, 22). На основаніи и во имя этой свободы христіанской, правильно понимаемой, а не злоупотребляемой, Апостоль кратко выражаетъ четыре наставленія о поведеніи христіанъ между язычниками, наставленія относительно нравственныхъ дѣйствій, въ которыхъ можетъ выражаться истинная христіанская свобода.— Всѣхъ почитайте: не только всякому человѣческому начальству будьте покорны (ст. 13), но всѣхъ почитайте, всѣмъ воздавайте подобающую имъ честь, какъ и начальству; понятіе—всѣхъ здѣсь не ограничено и обнимаетъ дѣйствительно всѣхъ, но само собой разумѣется, что явныхъ враговъ Бога и Христа, гонителей, нельзя почитать такъ, какъ истинныхъ почитателей и исповѣдниковъ. — Братство любите: имѣйте братолюбіе, братское чувство между собою во взаимныхъ отношеніяхъ возгрѣвайте, или любите братію свою, т.-е. вѣрующихъ во Христа, такъ какъ между всѣми христіанами есть общеніе жизни въ Богѣ (1, 22); братское чувство должно питать и въ отношеніи ко всѣмъ людямъ, какъ дѣтямъ одного Отца небеснаго и такъ какъ за всѣхъ умеръ Христосъ для искупленія всѣхъ. Наставленіе, какъ и предшествующее, обобщено; исключенія не имѣются въ виду.—Бога бойтесь (ср. 1, 17): это не только ветхозавѣтная, но и новозавѣтная заповѣдь, такъ какъ смиренный и священный страхъ предъ величіемъ и святостію Божіею есть существенное свойство сыновства грѣшнаго человека святѣйшему Богу и особенно долженъ имѣть мѣсто при многоразличныхъ искушеніяхъ человека злоупотреблять своею свободой.—Царя чтите: воздавайте ему честь, какая подобаешь ему именно какъ царю, какъ верховной власти, хотя эта власть была тогда языческая. «Смотри, какая точность: Богу, говоритъ, воздавайте страхъ, а царю честь» (Θеофил.). Средоточіе всѣхъ этихъ наставленій есть безъ сомнѣнія наставленіе:

бойтесь Бога. Кто боится Бога, тотъ любитъ своихъ братій, воздаетъ всѣмъ подобающую честь и чтить царя честію, подобающе ему, какъ верховной власти.

18. Рабы, повинуйтесь во всякомъ страхѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ.

19. Се бо есть угодно предъ Богомъ, аще совети ради Божія терпите кто скорби, стражда безъ правды.

20. Какъ бо похвала, аще согрѣшающе мужими терпите; но аще добро творяще и страждуще терпите, сіе угодно предъ Богомъ.

18. Слуги, со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и суровымъ.

19. Ибо то угодно Богу, если кто помышляя о Богѣ переноситъ скорби, страдая несправедливо.

20. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки? Но если, дѣлая добро и страдая, терпите, сіе угодно Богу.

Наставленіе объ отношеніи рабовъ къ господамъ по началамъ христіанскимъ. Слуги, со всякимъ страхомъ повинуйтесь и пр.: рѣчь идетъ безъ всякаго сомнѣнія о рабахъ въ смыслѣ извѣстнаго гражданскаго состоянія извѣстнаго рода лицъ, какъ показываютъ выраженія особенно 19 и 20 ст.; но Апостоль употребляетъ названіе болѣе мягкое, означающее вообще домочадцевъ; можетъ быть не неосновательно предположеніе, что онъ нарочито избираетъ это названіе потому, что пишетъ посланіе между прочимъ къ увѣровавшимъ изъ іудеевъ, которымъ, какъ народу Богомъ избранному, противно и соблазнительно было самое названіе—рабъ, въ отношеніи людей къ людямъ. Повинуйтесь: тоже выраженіе, какое выше употреблено Апостоломъ для означенія покорности верховной власти; форма греческаго выраженія показываетъ, что Апостоль это наставленіе рабамъ основываетъ на предшествующемъ наставленіи: Бога бойтесь, царя чтите, т.е. что обязанность рабовъ быть покорными господамъ есть необходимое слѣдствіе обязанности бояться Бога и чтить царя.—Со всякимъ страхомъ: страхъ предъ Богомъ долженъ отражаться и въ страхѣ предъ предрѣшающею вла-

стію и не только предъ нею, но и предъ властію господъ; какъ работать Господу нужно со страхомъ, такъ со страхомъ же быть покорными и гражданской власти и господамъ. Здѣсь страхъ предъ господами разумѣтся 1) страхъ наказанія за проступки, 2) страхъ оскорбить Бога непокорностію власти, и 3) страхъ опасенія, какъ бы неповиновеніемъ не возбудить во власть имѣющихъ ненависть къ самой вѣрѣ непокорныхъ и ихъ братіямъ.—Не только добрымъ и кроткимъ, каковымъ повиновеніе и служба не представляетъ особенной тягости, но и суровымъ, строгимъ или жестокимъ. Противъ таковыхъ особенно возмущается чувство свободы человѣческой; но именно здѣсь то, въ этомъ пунктѣ христіанскій образъ мыслей и сила воли должны восторжествовать надъ естественными склонностями и стремленіями человѣка и превозмочь ихъ ради выснихъ идей и цѣлей.—То угодно Богу: греческое выраженіе допускаетъ нѣсколько толкованій, которыхъ общій смыслъ впрочемъ одинъ, а только оттѣнки различны. Можно его понимать такъ, какъ оно у насъ переведено: угодно Богу, пріятно предъ очами Божиими; или—привлекаетъ милость и благоволеніе Божіе; или—привлекаетъ похвалу, честь и награду отъ Бога (ср. Лук. 6, 32 и парал.).—Помышляя о Богѣ: греческое выраженіе также допускаетъ не одинаковое толкованіе; или—помышляя о Богѣ, что это Ему угодно, привлекаетъ Его благоволеніе, и милость, и похвалу; или—помышляя о Богѣ, что Онъ все знаетъ, все предъ Его очами открыто, что Онъ наказываетъ за все злое, если мы допустимъ его (ср. Быт. 39, 9).—Переносимъ скорби, т.-е. всякія бѣдствія, обиды, напасти, поруганія, біенія и пр. т. под.,—страдая несправедливо, т.-е. не по винѣ, а напрасно, будучи невиновны, когда суровые господа причиняютъ скорби рабамъ невиновнымъ, а сіи переносятъ ихъ терпѣливо и безропотно. Такимъ образомъ, по ученію Апостола, терпѣливое и безропотное перенесеніе скорбей слугою отъ господина, причиняемыхъ несправедливо, угодно Богу и въ этомъ

побужденіе для слуги повиноваться господину не только кроткому, но и суровому. Сила рѣчи у Апостола здѣсь очевидно въ понятіи невиннаго или несправедливо причиняемаго страданія, и эту мысль Апостоль разъясняетъ еще болѣе въ слѣдующемъ стихѣ чрезъ противопоставленіе и перифразъ.—Что за похвала (ср. Матѣ. 5, 46), т.-е. отъ Бога? Вопросительная форма рѣчи—здѣсь тоже, что отрицаніе, т.-е. нѣтъ и не можетъ быть вамъ похвалы отъ Бога, или что тоже—не угодно Богу, если вы и пр. Если вы терпите, хотя бы и безропотно, когда васъ бьютъ за проступки: бьютъ въ смыслѣ вообще наказанія всякаго рода (ср. Матѣ. 26, 27. 1 Кор. 4, 11. 2 Кор. 12, 7). Когда слуга терпитъ отъ господина наказаніе за проступки: то это такъ и должно быть по закону правды (хотя по закону милости и можетъ быть иначе), и терпѣливое перенесеніе наказанія наказуемымъ въ этомъ случаѣ не заслуживаетъ похвалы отъ Бога, ибо это не подвигъ, не добродѣтель. Но вотъ добродѣтель и подвигъ угодный Богу и заслуживающій похвалу отъ Него, если дѣлая добро вы принимаете наказанія отъ господь, слѣдовательно наказанія несправедливыя и такимъ образомъ страдая отъ наказанія, невинно терпите или переносите таковыя страданія безропотно; это угодно Богу, это привлекаетъ на страждущаго похвалу и награду отъ Него. То, что здѣсь говоритъ Апостоль по отношенію только рабовъ къ господамъ, имѣетъ, безъ сомнѣнія, полное приложеніе къ отношеніяхъ вообще подчиненныхъ къ начальствующимъ и власть имѣющимъ во всякомъ христіанскомъ обществѣ и наконецъ ко всѣмъ христіанамъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, какъ прямо о семъ свидѣтельствуется дальнѣйшая рѣчь Апостола о Христѣ, оставившемъ примѣръ всѣмъ христіанамъ.

21. На сіе бо и звати бысть: зане и Христосъ пострада за насъ, намъ остави образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его.

21. Ибо вы къ тому призваны: потому что и Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его.

Ибо вы къ тому призваны: т.-е. дѣлать добро и терпѣливо страдать, если за это подвергаетесь скорбамъ и бѣдствіямъ (ср. 3, 9). Первое основаніе къ сему то, что это угодно Богу (ст. 19), второе—призваніе христіанъ, третье (далѣе)—подражаніе Христу.—Христось пострадалъ за насъ: Апостоль выражается обще, не обозначая всѣхъ родовъ Христовыхъ страданій и тѣмъ указывая, что Онъ всячески пострадалъ за насъ, а потому и мы должны претерпѣвать всѣ роды страданій, какія благоугодно будетъ Богу наслатъ на насъ. Ученикъ не выше учителя и рабъ не болѣе господина; если нашъ Учитель и Господь все претерпѣлъ за насъ, то и мы должны все переносить и терпѣть.—За насъ: греческое выраженіе означаетъ—вмѣсто насъ и—для нашего блага; оба эти значенія имѣють мѣсто въ настоящемъ случаѣ: Христось принесъ умиловительную жертву Богу Отцу своею крестною смертію за весь родъ человѣческій вмѣсто или взаимѣнъ его и этою единою жертвою стаялъ всему человѣчеству величайшія блага—примиреніе съ Богомъ и спасеніе его отъ власти зла и грѣха.—Оставивъ намъ примѣръ, или образецъ, т.-е. въ страданіяхъ, именно въ терпѣливомъ перенесеніи незаслуженныхъ невинныхъ страданій, дабы мы шли по слѣдамъ Его: идти по слѣдамъ кого-либо значить дѣйствовать такъже, какъ онъ, подражать ему во всемъ. Ближайшимъ образомъ по составу рѣчи здѣсь разумѣтся подражаніе Христу въ безропотномъ перенесеніи страданій; но мысль такъ обще выражена, что можно разумѣть подражаніе Ему во всемъ, въ чемъ человѣкъ можетъ подражать Богочеловѣку. Такимъ образомъ здѣсь кратко и съ силой выражена слѣдующая двойная мысль: 1) христіане обязаны безпрекословнымъ послушаніемъ Христу, Который пострадалъ за нихъ; 2) они призваны слѣдовательно къ терпѣливому и безропотному перенесенію всяческихъ скорбей и страданій, даже невинно причиняемыхъ, какъ посланныхъ отъ Бога, поелику и Христось пострадалъ за нихъ и притомъ невинно, а это для нихъ вполнѣ обязательный образецъ для подражанія.

22. *Иже грѣха не сотвори, ни обрѣтется лѣсть во устьхъ Его:*

23. *Иже укараемъ противу не укаряише, страда не прещаетъ: предаише же судящему праведно:*

24. *Иже грѣхи наши самъ вознесе на тѣль своеъ на древо, да отъ грѣхъ избавише, правдою поживемъ: евоже язвою исцѣлѣсте.*

25. *Бѣте бо яко овцы заблуждѣшиа (не имѣюще пастыря): но возвратитесь нынѣ къ Пастырю и Пастителю душъ вашихъ.*

22. Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха, и не было лести въ устахъ Его (Исаи 53, 9).

23. Будучи злословимъ, Онъ не злословилъ взаимно; страдая, не угрожалъ, но предавалъ то Судіи праведному.

24. Онъ грѣхи наши самъ вознесъ тѣломъ своимъ на древо, дабы мы, избавившись отъ грѣховъ, жили для правды: ранами Его вы исцѣлились.

25. Ибо вы были, какъ овцы блуждающія (не имѣя пастыря); но возвратились нынѣ къ Пастырю и Блюстителю душъ вашихъ (Исаи 53, 4—6).

Невинность и безгрѣшность Господа Иисуса, претерпѣвшаго несмотря на то всяческія страданія, изображается въ стихѣ 22-мъ почти буквально словами пророка Исаи (53, 9) по переводу семидесяти толковниковъ; дальнѣйшее же изображеніе въ стихахъ 23—25-мъ, хотя также взято изъ изреченій тогоже пророка (50, 6 и 53, 4—6), но въ болѣе свободномъ переложеніи пророческой рѣчи и примѣненіи ея къ новозавѣтнымъ понятіямъ о страждущемъ Мессіи. Пророкъ въ указанныхъ мѣстахъ говоритъ о страданіяхъ возлюбленнаго Раба или Отрока Иеговы. Апостолъ Петръ, а равно и другіе апостолы, изреченіями этими и подобными пользуются для изображенія страданій Христовыхъ и тѣмъ ясно показываютъ, что подъ этимъ страждущимъ Отрокомъ Иеговы у пророка разумѣется не другой кто, а именно страждущій Мессія, Господь Иисусъ (ср. прим. къ Матѣ. 12, 18). Его совершеннѣйшая безгрѣшность особенно сильно изображена еще апостоломъ Павломъ (Евр. 7, 26. 2 Кор. 5, 21 и др.).—Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха, какъ и Самъ Онъ говорилъ: кто обличитъ меня во грѣхѣ (Іоан. 8, 46)?—Не было: точнѣе не обрѣталось; это сильнѣе чѣмъ просто—не было; въ

рѣчахъ Его нельзя найти никакой лести, или вообще чего-либо ложваго и нечистаго, какъ бы кто ни старался найти и изыскать что-либо таковое,—и однакоже Онъ претерпѣлъ всяческія скорби и былъ осужденъ на страданія и смерть. Не несправедливо замѣчаніе, что выраженіе: не было лести въ устахъ Его имѣеть особенное приложеніе къ рабамъ именно, о которыхъ въ этой главѣ Апостоль главнѣйшимъ образомъ рѣчь ведетъ, и у которыхъ одинъ изъ главныхъ пороковъ—лесть или льстивость; точно также и черты 23 ст.—Не злословилъ, не угрожалъ какъ свидѣтельствуя объ этомъ всѣ евангельскія повѣствованія. Самъ Онъ терпѣлъ всяческія злословія отъ враговъ своихъ и скорби и страданія, но не воздавалъ имъ тѣмъ же, а прощалъ имъ и молился за нихъ, являя въ себѣ высочайшій образецъ проповѣдуемой Имъ любви ко врагамъ. Грозныя и карательныя рѣчи и изреченія, какія иногда произносилъ Господь, не суть выраженія Его личной вражды или ненависти къ врагамъ Его, но строгія свидѣтельства истины противъ проявленій зла, въ какомъ бы видѣ оно ни являлось, и притомъ всѣ безъ исключенія имѣють единственную цѣлю образумить враговъ, остановить въ нихъ проявленіе зла и спасти ихъ. «Посему слово апостола Петра, убѣждающаго къ незлобію притѣрмомъ Господа, весьма истинно» (Θеофил.).—Предавалъ то Судіи праведному, т.-е. Богу Отцу (ср. 1, 17). Въ этомъ смыслѣ Онъ самъ говорилъ о себѣ: Я не ищу славы моей; есть ищущій и судящій (т.-е. Богъ Отець. Іоан. 8, 50; ср. прим.). Онъ проповѣдывалъ истину, обличалъ ложь, предостерегалъ, но окончательный судъ надъ упорными въ грѣхѣхъ и лжи предоставлялъ Богу Отцу, который и послалъ Его въ міръ не для того, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него (Іоан. 3, 17; ср. прим.). Эта кротость особенно проявилась въ Господѣ во время Его послѣднихъ страданій: при взятіи Его въ саду Геосиманскомъ, на судѣ у первосвященниковъ и Пилата, при мученіяхъ крестныхъ; во всѣхъ

сихъ событіяхъ—ни слова злословія въ устахъ Его, а напротивъ молитва за враговъ съ самаго креста,—ни слова угрозы; все предано праведному Судіи, въ полномъ убѣжденіи, что Онъ праведно разсудитъ между Нимъ и не увѣровавшимъ въ Него и осудившимъ Его міромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ очевидецъ страданій своего Учителя и Господа, глубоко напечатлѣлъ въ сердцѣ своемъ образъ этого кроткаго страдальца и потому при всей простотѣ своей слова его о семъ такъ глубоко задушевы.—Онъ грѣхи наши самъ вознесъ тѣломъ своимъ на древо: выраженіе это есть объясненіе выраженія ст. 21: пострадалъ за насъ, и вмѣстѣ противоположность сказанному въ ст. 22, въ томъ смыслѣ, что Онъ не только Самъ безгрѣшенъ, но и наши грѣхи вознесъ на древо, пострадавъ такимъ образомъ за насъ. По ветхозавѣтному словоупотребленію выраженіе—нести грѣхи свои значитъ нести наказаніе за свои грѣхи (ср. Лев. 20, 17. 19; 24, 15. Іезек. 23, 35); точно такъ же выраженіе—нести грѣхи другаго значитъ нести наказаніе за грѣхи другаго (Лев. 19, 17. Числ. 14, 33. Плач. 5, 7. Іезек. 18, 19. 20). Слѣдовательно выраженіе: Христось понесъ или вознесъ грѣхи наши, значитъ: Христось понесъ наказаніе за грѣхи наши (а не свои). Наказаніе человѣка и человѣчества за грѣхъ — проклятіе и вѣчная смерть; Христось взялъ на себя эту клятву и умеръ за всѣхъ (ср. Гал. 3, 13). Очевидно, въ основаніи сего лежитъ таинственная идея вмѣненія; безгрѣшному Богочеловѣку вмѣнена была вина и наказаніе за грѣхи всего рода человѣческаго, и Онъ, пріявъ эту казнь за грѣхи, тѣмъ избавилъ все человѣчество отъ нея, такъ что вина уже ему не вмѣняется, и отъ казни человѣкъ освобождается, если усвоитъ себѣ это искупительное вмѣненіе вѣрою въ Того, Кому вмѣнена эта вина и Кѣмъ она снята съ него, т. е. вѣрою въ Іисуса Христа. Какъ совершилось это вмѣненіе и чрезъ то искупленіе, это—тайна, непостижимая для человѣческаго разума и усвояемая только вѣрою. Прообразомъ сего были ветхозавѣтныя жертвы, дѣ-

лавшія только съ вѣшной стороны доступною для разума эту таинственную идею: подзаконный грѣшникъ, чтобы освободиться отъ казни за грѣхъ, приносилъ жертву Богу; на эту жертву какъбы переносился грѣхъ человѣка; жертва умирала какъбы за этотъ грѣхъ, а принеся жертву грѣшникъ оставался въ живыхъ, жертва умирала за него и вмѣсто него, и съ грѣшникомъ чрезъ жертву Богъ примирялся. И Христось, какъ жертва, принялъ на себя грѣхи всего человѣчества и умеръ за него, какъ жертва; принявъ эту жертву, Богъ примирился чрезъ нее съ человѣчествомъ и вину его за грѣхъ, вѣнную Христу, не вѣняетъ ему болѣе въ вину, не считаетъ его виновнымъ, если только онъ усвоитъ себѣ вѣрой во Христа эту искупительную Его жертву.—Вознесъ на древо: разумѣется древо креста, т.-е. вознесъ грѣхи наши на крестъ, крестною смертію принесъ жертву за грѣхи всего міра, принявъ на себя вину за грѣхи и тѣмъ освободивъ отъ отвѣтственности и слѣдовательно отъ наказанія за грѣхъ всѣхъ, вѣрующихъ въ Его искупительную жертву, что и называется истребить грѣхъ, уничтожить грѣхъ. Не безъ особеннаго конечно намѣренія, вмѣсто слова—крестъ употреблено здѣсь слово—древо (какъ и Дѣян. 5, 30; 10, 39), но чтобы указать на опредѣленіе Божіе, изреченное чрезъ Моисея, что проклятъ всякъ висящій на деревѣ (Вт. 21, 23). Христось распятый на крестѣ, какъ повѣшенный на деревѣ, принявъ какъбы видимо за насъ клятву за грѣхъ (Гал. 3, 13).—Тѣломъ своимъ (ср. Еф. 2, 15): и своею безгрѣшною, святою душею Христось понесъ наказаніе за грѣхи человѣчества, душевно страдая; но Апостоль, имѣя въ виду образъ жертвеннаго животного, умирающаго тѣлесно за грѣхи приносящаго жертву, говоритъ для наглядности, что Христось тѣломъ своимъ, умерщвленнымъ и умершимъ, вознесъ грѣхи наши на древо и тѣмъ изгладилъ ихъ, такъ какъ тѣло Его висѣло на крестѣ и видимо подвергалось страданіямъ и смерти.—Чтобы мы (въ смыслѣ—всѣ люди) избавившись отъ грѣховъ, жили

для правды: Апостоль въ краткомъ изреченіи соединяетъ оба существенныя благодѣтельныя для вѣрующаго чловѣчества слѣдствія смерти Христовой,—то, что ею чловѣчество избавилось отъ грѣховъ въ вышеуказанномъ смыслѣ, и то, что еуже дарованы ему силы жить для правды. Жить для правды или для оправданія предъ Богомъ значитъ жить праведно и свято по закону Христову, оправдывающему чловѣка предъ Богомъ. Черезъ вѣру чловѣка въ искупительную смерть Христову подаются ему дары Святаго Духа и силы проводить такую святую жизнь, избавившись отъ грѣха; хотя грѣхъ и живетъ и дѣйствуетъ въ такомъ чловѣкѣ, но у него есть дѣйствительныя средства побѣждать эту силу грѣха.—Ранами (точнѣе—раною) Его вы исцѣлились: хотя Господу нанесено было много ранъ при страданіяхъ Его, но Апостоль, приводя точно слова пророка Исаи (53, 5), какъбы обобщаетъ ихъ въ представленіи объ одной ранѣ въ томъ смыслѣ, что все святое тѣло Христа было какъ измучено, что представляло какъбы одну великую смертельную рану; рана здѣсь употребляется вмѣсто—мученіе и смерть. Эта рана исцѣлила чловѣчество отъ смертельной раны грѣха, смертію Христовою упраздненъ грѣхъ, и чловѣчество исцѣлилось, болѣя прежде этою раной грѣха. Вы: Апостоль измѣняетъ первое лицо во второе, обращаясь прямѣе къ слугамъ, которымъ даются эти наставленія со ст. 18; и потому—вы понимать должно въ общемъ смыслѣ, что раною Христовою исцѣлились всѣ вѣрующіе въ искупительную смерть Христа.—Вы были, какъ овцы блуждающія: указывается опять словами пророка Исаи, изъ какого бѣдственнаго состоянія исторгла смерть Христова вѣрующихъ въ искупительное значеніе ея. До смерти Христовой и до обращенія вѣрующихъ къ вѣрѣ во Христа, какъ Искупителя міра, невѣрующіе представляются подъ образомъ заблудшихъ овецъ. Образъ этотъ нерѣдко употребляется въ Ветхомъ Завѣтѣ (Числ. 27, 17. 3 Цар. 22, 17. Псал. 118, 176. Іезек. 34, 5. 11 и мн. др.), а равно и въ Новомъ

(Лук. 15, 4 д. Матѣ. 9, 36. Іоан. 10, 15 д.) и означаетъ тяжелое состояніе духовно-нравственнаго блужданія вдали отъ истиннаго вѣдѣнія и чистой нравственности, при чемъ эти блуждающіе подвержены различнымъ духовнымъ бѣдствіямъ и опасностямъ, какъ подвержены разнымъ бѣдствіямъ и опасностямъ овцы, блуждающія безъ пастыря (ср. прим. къ Матѣ. 9, 36 и парал.).—Но возвратились нынѣ и пр.: увѣровавъ во Христа, они возвратились изъ этого духовно-нравственнаго блужданія въ ограду Церкви, гдѣ подъ наблюденіемъ истиннаго Пастыреначальника-Христа они безопасны отъ всякихъ бѣдствій и опасностей (ср. Іоан. 10, 1 и д. и прим.).—Блюстителю (επισκοπος): наименованіе это прилагается къ Богу у Іов. 20, 29 (по переводу Семидесяти), а здѣсь ко Христу, но едва ли оно здѣсь заимствовано изъ указаннаго мѣста; скорѣе оно заимствовано изъ книги пророка Іезекіиля, гдѣ Богъ говоритъ: вотъ Я самъ отыщу овецъ моихъ и осмотрю (επισκεψομαι) ихъ (34, 11).

Епископъ Михаилъ.

ГРѢХИ НЕВѢДѢНІЯ.

С Л О В О . *)

Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ (Лук. 23, 34).

Съ самыми первыми уроками христіанскаго ученія мы уже знакомы съ мѣстомъ, на которомъ по милости Божіей стоимъ теперь и молимся, христілюбивые соотечественники. Чье сердце съ самыхъ юныхъ лѣтъ не затрогивалось именемъ *Голговы*? Кто не пытался тысячу разъ представить себѣ воображеніемъ стоявшій тутъ нѣкогда искупительный крестъ Христовъ, и не напрягалъ слуха своего, чтобы услышать раздававшіяся съ высоты его слова, послѣднія въ жизни Господа Іисуса? Ихъ немного было. Мы ихъ знаемъ наперечеть, и могли бы каждое обратить въ предметъ цѣлаго собесѣдованія, но остановимся на первомъ изъ нихъ. Мы всегда и вездѣ, а особенно здѣсь въ сіи воспоминательныя минуты,—кающіеся грѣшники, которымъ ближе всего, нужнѣе и доступнѣе то, что относится къ грѣху и къ покаянію. Глубокія, тайноводственные изреченія, какъ-то: *совершишася! Боже мой, Боже мой! вскую Мя еси оставилъ...* могутъ и не затронуть сокрушеннаго сердца. Ближе ему обѣщанный разбойнику *рай*, и еще ближе огущенное распинателямъ вины распинанія. *Отче, отпусти имъ*, слышимъ мы, и какъ бы сами себѣ не вѣримъ. Большой обиды для кого-нибудь и представить нельзя, какъ злорадственное, посмѣвательное, насильствен-

*) Произнесено въ Іерусалимѣ на св. Голгоѣ, въ ночь великаго пятка, 11 апрѣля 1886 г.

ное отнятіе у Него жизни, вызывающее на жестокое, нещадное отмщеніе злодѣямъ, и однако—*Отче, отпусти имъ!*

Отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ обслѣдованію такого извиняющаго обстоятельства, какъ невѣдѣніе творимаго творящимъ, долгъ исторической правды требуетъ спросить: точно ли люди не вѣдали, что творили, въ минуты на вѣки памятнаго, горестнаго событія голгооекаго? Напротивъ, не знали ли всѣ, отъ перваго до послѣдняго, участники его, что они караютъ общепризнанное преступленіе? Непосредственные совершители распятія могли думать и говорить, что они исполняютъ только свой служебный долгъ. Требовавшіе отъ нихъ сего долга, въ свою очередь конечно находили, что имѣли на то право, даемое имъ закономъ, въ силу котораго присужденный на смертную казнь признанъ былъ повиннымъ ей. Такимъ образомъ расиявшіе Госнода, еслибы имѣли время и охоту слушать и обсуживать слова приговореннаго къ смерти, могли бы только посмѣяться Ему, какъ сводящему вину свою на другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, что признавая себя въ полномъ вѣдѣніи совершаемаго ими, они ошибались, и творили то, чего не вѣдали. Значить, предъ нами, столько извѣстный намъ и столько близкій каждому изъ насъ, грѣхъ невѣдѣнія, удостоившійся всепрощенія у креста Господня. Вѣримъ, что чуть произнесено было слово *отпущенія*, какъ послѣдовало и самое *отпущеніе*. Но было бы слишкомъ поспѣшно и дерзновенно съ нашей стороны думать, что и всякое невѣдѣніе уже потому, что есть невѣдѣніе, содержитъ оправданіе всего, что творится въ немъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ неестественно предполагать, что *Испытующій сердца и утробы* будетъ судить, винить и наказывать человѣка за то, что тотъ не имѣлъ въ виду сдѣлать, такъ, съ другой стороны ужели можно допустить, что всякое зло, иногда невообразимо ужасное, должно оставаться неподсуднымъ и ненаказаннымъ за то только, что оно допущено въ невѣдѣ-

ніи? Очевидно, намъ предстоитъ разобрать, что то́ за *невѣдѣніе*, которое можетъ имѣть притязаніе на подобное же прощеніе во имя Божественнаго правосудія, и не находимся ли мы въ самообольщеніи, когда всякій свой грѣхъ невѣдѣнія готовы бываемъ оправдать крестною мольбою: *Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ?*

1. *Не вѣдаютъ бо, что творятъ.* Приведенные нами примѣры въ самомъ вѣдѣніи невѣдѣнія распинателей Христовыхъ говорятъ ясно, что невѣдѣніе есть прежде всего непониманіе творимаго, неразумное сужденіе о немъ со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ отношеніяхъ, легкость мысли, односторонность взгляда, тупость, страстность и пр. Во всемъ этомъ обвиняются по преимуществу древнія времена. Переживаемое нами время хвалится тѣмъ, что исправляетъ наслѣдованные имъ отъ древности недостатки и ошибки, гдѣ только встрѣтитъ ихъ, и особенно въ слабыхъ и ограниченныхъ понятіяхъ о цѣлокупности міра и о значеніи въ немъ человѣка, свидѣтельствомъ чего приводитъ сей самый Крестъ, печальный и позорный для древняго человѣчества. Отдадимъ справедливость похвальной заботливости такъ называемаго духа времени о введеніи и распространеніи «надлежащихъ» понятій обо всемъ, но не пришлось ли бы и къ нему приложить древнюю поговорку еврейскую, засвидѣствованную божественными устами: *врачу, исцѣлится самъ* (Лук. 4, 23)? Что есть *надлежащее*, *истинное*, *здоровое*, это еще надолго останется вопросомъ. Укоряемая древность оставила намъ въ урокъ достохвальное признаніе, что она *знаетъ только то, что ничего не знаетъ*. Отъ нынѣшняго любомудрія конечно не услышишь подобнаго самоосужденія, — не дождешься такой искренности. Скажемъ болѣе. Не искренне оно и въ порицаніи временъ древнихъ. Изъ страха ли, чтобы не сдѣлаться послѣдователемъ того, что преслѣдуешь, — по тому же недостатку истиннаго разумѣнія вещей, изъ поблажки ли человѣческимъ слабостямъ, — по сочувствію съ ними, изъ шаткости ли нравственныхъ убѣжденій, — по недовѣрію ко всякому

откровенію свыше, изъ упорства ли наконецъ, столько свойственнаго заносчивости ума, и въ наше время повторяются ежедневно и повсюду случаи тогоже неразумливаго невѣдѣнія, только чаще уже не по фанатической привязанности къ чему-нибудь, а по равнодушію ко всему. Невѣдающихъ что творять въ полномъ вѣдѣніи творимаго встрѣтишь и теперь на всѣхъ *столахъ* селитвы человѣческой, въ *обителяхъ* науки, во *дворьхъ* дому Божія, въ *притворахъ* судебныхъ, въ *горницахъ* на вечера и даже въ молитвенной *клеткѣ*. Мало сего: къ сему, часто совсѣмъ не сознаваемому, невѣдѣнію пристаетъ у насъ нерѣдко и нѣкое прямое вѣдѣніе, только не того, что нужно. Подумаемъ. Развѣ нѣтъ и въ наше время и между нами книжниковъ и фарисеевъ, готовыхъ преслѣдовать Христа не потому, что не знаютъ, кто Онъ такой, а потому, что избавляясь отъ Него, удерживаютъ за собой первенствующее значеніе въ народѣ? Развѣ нѣтъ и теперь Пилатовъ, осуждающихъ на казнь завѣдомо не злодѣя и не преступника, и оправдывающихъ перваго попавшагося Варавву, по страху чьего-нибудь неудовольствія, доноса и потери мѣста? Развѣ не отыщется (и нужно ли отыскивать?) и Иуда злочестивый, которому менѣе вѣдомъ его учитель и благодѣтель, чѣмъ его ковчежець? Все это дѣла и случаи невѣдѣнія, неразумженія, то тупаго, то лукаваго. Какого суда ждать имъ отъ мѣрила праведнаго—креста Христова? Ужели суда *отпущенія*? Не смѣемъ предрѣшать, но напоминаемъ, что *Богъ посрамляемъ не бываетъ*.

2. *Не видятъ, что творятъ*. Но какъ не спросить: а не слѣдовало ли бы невѣдущему, вмѣсто того, чтобы оправдываться своимъ невѣдѣніемъ, постараться увѣдать то, что онъ творить? Не есть же невѣдѣніе нѣчто въ родѣ неисправимаго недостатка физическаго, съ которымъ нѣтъ возможности бороться, и отъ котораго нельзя освободиться. Ахъ, братія! нѣтъ хуже, упорнѣе, зловреднѣе невѣдѣнія, какъ *нежелѣніе* вѣдать. Не достаточно ли смежить очи, чтобъ не видѣть солнца? Такъ можно уклониться отъ

всякаго свидѣтельства истины. Случаи такого вольнаго невѣдѣнія бывали, есть, и всегда могутъ быть. *Затыкаю уши свои* (Дѣян. 7, 57), сказано объ іудеяхъ, побившихъ камнями первомученика Стефана за его слово противъ нихъ; (*излиха*) *вопіяху расни: расни ео* (Лук. 23, 21.), слышали мы сегодня неоднократно, дивясь, какъ можно цѣлой толпѣ народной, по неизвѣстному ей предмету, дойти до такого ожесточенія и единодушнаго ослѣпленія, только вслѣдствіе наущенія. Да, что намъ противно, того всегда найдется возможность не увѣдать. Припомнимъ разительный примѣръ Фараона. *Не вѣмъ Господа*, говорилъ онъ, т. е. не хочу вѣдать, *и Израиля не отпущу* (Исх. 5, 2), и повторялъ это до тѣхъ поръ, пока не потонулъ въ морѣ, потопивши съ собою все воинство! И одно ли ожесточенное упрямство порождаетъ такое преступное невѣдѣніе? Злокозненная изворотливость ума, преуспѣвающая вмѣстѣ съ успѣхами всего хорошаго и полезнаго въ мірѣ, найдетъ тысячу другихъ побужденій уклониться отъ обязательнаго вѣдѣнія, и тысячу способовъ оправдать себя въ томъ. Хуже всего, когда она возникаетъ и ратуетъ подъ знаменемъ ревности по Богѣ, горестнымъ свидѣтельствомъ чего служить сіе священнѣйшее мѣсто, а за нимъ болѣе или менѣе вся поверхность земли, обогрѣнная кровію мучениковъ. Они погибали не десятками, а сотнями и цѣлыми, страшно сказать, тысячами за одинъ разъ, и однажды пострадало 20 тысячъ человѣкъ! Вѣдали или нѣтъ мучители, что они творили? Братіе соотечественники! Въ виду такихъ примѣровъ жестокой игры въ невѣдѣніе, уменьшается ли значеніе нашего мелкаго обыденнаго явленія, вывѣской котораго служатъ зачастую слышимыя слова: «знать ничего не хочу?» Ахъ! Достаточно ихъ произнести на семь покланяемомъ мѣстѣ, чтобы понять, какъ они неумѣстны, какъ нелѣпы. Произносящіе ихъ вѣдаютъ ли, что они люди?

3. И еще есть разрядъ людей, завѣдомо творящихъ невѣдомое, и цѣлая область дѣлъ извращенной совѣсти, при-

тязающая на невинность и невмѣняемость. Кому неизвѣстны повседневные въ частномъ быту нашемъ случаи помраченія смысла, напускнаго нѣкоего, искусственнаго невѣдѣнія, и вольнаго и невольнаго вмѣстѣ, съ которымъ такъ сказать поминутно должно бороться карательное правосудіе? Мы уже не касаемся поражающихъ явленій прамаго помѣшательства умственнаго, освобождающаго человѣка отъ отвѣтственности за все, имъ творимое. Оставимъ въ сторонѣ и заблужденія юности, извиняемыя большею частію недостаткомъ опытности, избыткомъ смѣлости, мягкостью сердца, податливостью воли, какимъ-то умственнымъ бредомъ, котораго призраки мѣшаютъ ясному представленію дѣйствительныхъ вещей, хотя... у кого изъ насъ еще не въ памяти самыя прискорбныя послѣдствія необдуманности и несмысленности, которую мало назвать дѣтскою, и которая сама напрашивалась на вмѣняемость только не въ смыслѣ казни, а въ приманкахъ славы. Есть невѣдѣніе душевныхъ увлеченій, плѣняющихъ и порабащующихъ умъ до того, что его присутствіе въ человѣкѣ дѣлается вопросомъ, подѣ влияніемъ побочныхъ обстоятельствъ иногда нерѣшимымъ, а затѣмъ и всякое вмѣненіе человѣку, не владѣющему собою, того, что онъ творитъ какъ безсловесное животное, представляется неумѣстнымъ и напраснымъ. Наше любимое выраженіе: «самъ не свой», чтобы держать при этомъ защиту необузданнаго невѣдѣнія, въ посмѣваніе самымъ основамъ разумной жизни и общественнаго порядка. Намъ, слушатели соотечественники, представляется случай при семъ затронуть еще одно особенное, какъбы свое домашнее, проявленіе плачевнаго невѣдѣнія, о которомъ даже на семъ мѣстѣ всеобщаго покаянія заговорить стыдно. Кому неизвѣстна прискорбная и къ сожалѣнію столько распространенная у насъ, возможность, паче же склонность, потерять на время умъ и память и весь человѣческій образъ, какъ мы выражаемся, невоздержнымъ употребленіемъ якобы укрѣпляющихъ поистинѣ «горькихъ» напитковъ, предъ которыми ничто

въ сравненіи, памятный сему мѣсту, *оцетъ съ желчію смѣшенъ*? Науки врачевныя и судебныя не знаютъ, что сказать о человѣчествѣ опьянѣвшаго. Ученіе о Богѣ сочло бы подобное состояніе человѣка прямымъ посмѣваніемъ божественному уставу жизни. Не распространяемся болѣе о предметѣ, навязывающемся на нашу бесѣду о невѣдѣніи. Не вѣдаеть, что творить опьянѣвшій, виновникъ иногда самыхъ неистовыхъ дѣлъ; что же скажетъ въ отвѣтъ на это истинное безъ-образіе судительный крестъ Христовъ? Ужели и такому самовзысканному невѣдцу своего человѣческаго достоинства сойдеть съ него тоже благостное слово *отпущенія*, въ уваженіе того, что тутъ невѣдѣніе временное, сопровождаемое къ тому же часто глубокимъ раскаяніемъ? Не будемъ льстить себя: Богъ не пособникъ худыхъ дѣлъ. *Хотя Онъ Богъ грѣшниковъ, но не Богъ грѣха.*

Исчерпана ли нами вся область невѣдѣнія, которое можно бы было хотя съ какой-нибудь стороны подвести подъ оправдательную мольбу крестную: *Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ*? Съ учительнаго мѣста сего еще одно слово нудимся сказать мы, вызываемое потребностями времени. Есть своего рода какъбы тоже увлеченіе, какъбы тоже опьяненіе любомудрствующаго ума, не довольнаго установленнымъ взглядомъ на міръ. Посмѣваясь сему послѣднему, новое мудрованіе, проникшее якобы въ глубочайшіе тайники всего сущаго, все что мы вѣдали и вѣдаемъ теперь, считаетъ несостоятельнымъ, только временнымъ, чисто мѣстнымъ, совершенно условнымъ, вѣ насъ ни къ чему не пригоднымъ,—находить, что мы безъ-исходно возвращаемся въ области несознаванія самихъ себя, дѣйствуя невольно, безотчетно и затѣмъ, долго ли сказать?—не отвѣтственно не только предъ судомъ и правосудіемъ, но и предъ всякимъ сужденіемъ человѣческимъ. Здѣсь, разбираемое нами, невѣдѣніе дѣлается уже какъбы законнымъ, правильнымъ положеніемъ человѣка на землѣ, а вѣдѣніе представляется заблужденіемъ. Какъбы въ

подтвержденіе сего открыты уже и способы обращать свободное и властное существо въ безсознательно послушное, ничего невѣдающее, но дѣйствующее, орудіе воли всякаго и всякой, въ замѣнъ, отъ вѣка вѣруемыхъ, внушеній божественныхъ. Но и сего мало. Въ окончательное уничтоженіе простой вѣры и прямаго вѣдѣнія, найденъ доступъ въ міръ невѣдомаго путемъ «откровеній», неизвѣстно откуда идущихъ и куда ведущихъ, смѣшивающихъ всѣ понятія и вѣрованія, всѣ ясныя представленія вещей. Не знаетъ сіе новое помраченіе ума ни истины, ни лжи, ни вины, ни правоты, ни заслуги, ни воздаянія, ни грѣха, ни отпущенія. Обѣщая человѣку дѣйствительное вѣдѣніе, оно погружаетъ бѣдный разумъ въ море мнѣній, сомнѣній и недоумѣній и всякаго рода заблужденій безысходныхъ и, есть опасеніе думать, иногда безповоротныхъ. Прикидываясь союзникомъ св. вѣры нашей, оно даетъ Иудино лобзаніе всему дѣлу Христову, и радо бы услышать еще разъ объ ученикахъ и послѣдователяхъ Распятаго: *все, оставльше Его, бѣжаша* (Матѣ. 26, 56).

Вотъ съ кѣмъ, и вотъ съ чѣмъ имѣетъ дѣло въ наше время крестъ Христовъ! Чего пожелать намъ при семъ, ученики Голгоетской школы? Того ли, чтобы и на сей разъ слышалось все то же божественное слово: *Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ?* Мольба сія имѣла въ виду распинателей Господа. Но, кромѣ ихъ, при крестѣ были еще и разбойники. Не пожелать ли, чтобы, по примѣру ихъ, одно, творящее въ невѣдѣніи, заблужденіе сказало другому: *ни ли ты боишия Бога* (Лук. 23, 40).

А. А—нъ.

ИЗЪ КАТИХИЗИЧЕСКИХЪ ПОУЧЕНІЙ.

Ветхозавѣтный гражданскій законъ.

Въ прошлую нашу бесѣду, братіе, мы рассмотрѣли обрядовый законъ Моисеевъ *); теперь остается намъ рассмотреть законъ гражданскій. Впрочемъ намъ неизбѣжно придется указывать на нѣкоторыя изъ рассмотрѣнныхъ уже нами постановленій, только съ другой точки зрѣнія,—потому что израильскій народъ былъ по преимуществу народъ религіозный: весь законъ исходилъ отъ Бога и каждое учрежденіе получало освященіе отъ Бога и имѣло религіозный характеръ, такъ что весь законъ, строго говоря, былъ церковный. Тѣмъ не менѣе, чтобы имѣть объ немъ правильное понятіе, необходимо рассмотреть его и съ точки зрѣнія гражданской, какъ потому, что, рассматриваемый съ этой стороны, онъ получаетъ новое освѣщеніе, такъ и потому, что придется рассмотреть теперь многія важныя, характерныя установленія, которымъ не нашлось мѣста въ предыдущей бесѣдѣ.

Мы видѣли, братіе, что обрядовый законъ Моисеевъ былъ, по отзыву Апостола, невыносимымъ игомъ, но по своей высокой цѣли и глубокому значенію, игомъ необходимымъ и благимъ; теперь, рассматривая гражданскій законъ Моисеевъ, мы увидимъ, что онъ былъ заботливою, мудрою и нѣжною матерью народа; даже невѣрующіе ученые, изучавшіе законодательство Моисеево, признаютъ его превосходство предъ всѣми законодательствами древнихъ народовъ и во многихъ отношеніяхъ даже предъ законодательствами новыхъ христіанскихъ народовъ.

*) См. майскую книжку.

Устройство, данное Богомъ чрезъ Моисея израильскому народу, было такъ называемое *Богоправленіе* (теократія), т.-е. духовное, а не свѣтское правленіе. Это обыкновенная форма правленія у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Но богоправленіе израильскаго народа рѣзко отличалось отъ всѣхъ другихъ. Не только первоначальный законъ исходилъ отъ Бога, но Богъ прямо объявилъ себя царемъ своего избраннаго народа и почти видимо царствовалъ надъ нимъ. Земля обѣтованная, занятая израильскимъ народомъ, принадлежала Богу. Онъ былъ единственный ея владѣлецъ, изральтяне же только пришельцы и поселенцы; потому никто не имѣлъ права продать или передать полученный имъ участокъ. Отсюда вытекало чрезвычайно благодѣтельное послѣдствіе: участокъ, полученный первоначально каждымъ израильяниномъ, не могъ никогда быть потерянь его родомъ; онъ могъ быть только заложенъ не далѣе какъ на 50 лѣтъ, по истеченіи коихъ долженъ былъ возвратиться къ первоначальному своему владѣльцу или его роду, хотя бы и не могъ быть выкупленъ. Обезземеленіе и отсюда истекающая нищета, гнетущія теперь даже могущественнѣйшія христіанскія государства, были невѣдомы израильскому народу.—Столица царства Іерусалимъ была столицей Царя небснаго Іеговы, потому и называется «градъ Божій», «градъ Великаго Царя», «Святой градъ». Храмъ былъ дворцомъ Іеговы, а ковчегъ—престоломъ, съ котораго Онъ давалъ народу свои повелѣнія чрезъ первосвященника.

Во всѣхъ другихъ теократіяхъ жрецы, какъ высшее, правящее сословіе, всегда захватывали безграничную власть. У изральтянъ это было невозможно. Ибо хотя священники и левиты были и судьями, и врачами народа, но законъ Моисеевъ предусмотрительно ограничилъ власть ихъ тѣмъ, что заставилъ ихъ раздѣлять эту власть съ старѣйшинами колѣнъ,—это первое; а потомъ онъ не далъ имъ особаго удѣла во владѣніе, предоставивъ имъ питаться отъ храма приношеніями народа, и хотя назначилъ имъ

во владѣніе нѣсколько городовъ съ округами ихъ, но эти города, данные имъ для обитанія, разбросаны были въ разныхъ концахъ государства. Эти мудрыя постановленія такъ хорошо обезпечивали свободу народа, что онъ никогда не подвергался опасности потерять ее и никогда не было покушеній отнять ее у него ни со стороны жрецовъ, ни со стороны другихъ сильныхъ лицъ. Даже, когда народъ самъ пожелалъ имѣть царя и тѣмъ оскорбилъ Царя небеснаго Іегову, и тогда мысль о томъ, что настоящій царь у Израиля есть Іегова, а избранный царь есть только Его намѣстникъ,—эта мысль не могла исчезнуть, потому что законъ Моисеевъ, предусматривая этотъ случай, предупредилъ будущаго царя, чтобы онъ всегда «имѣлъ законъ предъ глазами и не надмѣвался надъ братьями»; и настоящій Царь Іегова постоянно напоминалъ о своихъ верховныхъ правахъ, чрезъ своихъ уполномоченныхъ—пророковъ, и предъ этими посланниками Іеговы цари всегда покорно склоняли голову. Робкая попытка со стороны перваго царя Саула царствовать самостоятельно кончилась его паденіемъ. Только израильскіе цари, совершенно отвергли законъ Моисеевъ, соединили въ рукахъ своихъ власть свѣтскую и духовную; въ Іудейскомъ же царствѣ, оставшемся вѣрнымъ закону Моисееву, была только одна слабая попытка въ этомъ родѣ со стороны царя Озіи, но она немедленно была наказана проказой, заставившею его отказаться отъ власти.

Законъ столь же заботливо охраняетъ и равенство между сословіями. Онъ не дѣлитъ народъ на высшіе и низшіе классы; весь Израиль—одна семья, народъ Божій, чада Іеговы; сами левиты, единственное выдѣлявшееся изъ народа сословіе, были служителями Божиими, судьями и врачами народа, но не властителями; весь Израиль—священный народъ, «царское священіе»; самому царю законъ напоминалъ, чтобы онъ не надмѣвался надъ братьями.

Единство народа охранялось не только единствомъ крови, языка, религіи, закона и обычаевъ—самыми крѣпкими

узами, но еще и единствомъ храма. Съ удивительною предусмотрительностію законъ предписалъ народу имѣть одинъ только храмъ, въ котораго не совершалось богослуженіе, и каждый израильтянинъ непременно долженъ былъ являться въ него по крайней мѣрѣ три раза въ годъ,—въ праздники цасхи, пятидесятницы и кущей. Такимъ образомъ единство народа каждый годъ три раза обновлялось всенародными торжествами. Чтобы разорвать такъ хорошо охраняемое единство, надо было отнять у народа храмъ; а чтобы отнять храмъ, нужно было отнять у народа религію и законъ Моисеевъ. Это и сдѣлалъ Іеровоамъ, которому раздраженный противъ дома Давидова десять колѣнъ отдались сгоряча, и только этимъ средствомъ т.-е. отверженіемъ основныхъ законовъ, удалось ему и его преемникамъ удержать своихъ подданныхъ отъ возвращенія къ законному царю.

Таковы основныя постановленія закона Моисея. Тѣмъже духомъ проникнуты и частныя постановленія, опредѣляющія частныя отношенія между гражданами: всѣ они дышутъ самою нѣжною заботливостію о счастіи народа. Таковы постановленія относительно должниковъ, наемниковъ и рабовъ. Не бери, говоритъ законъ, роста съ брата своего (съ израильтянина); не бери въ залогъ жернова (вообще необходимаго), ибо таковой беретъ въ залогъ душу. Если ты дашь что-нибудь ближнему подъ залогъ, то не ходи къ нему въ домъ для полученія залога, а постой на улицѣ, пока онъ вынесетъ его тебѣ. Если ты взялъ у бѣдняка въ залогъ единственную его одежду, то возврати ему ее до заката солнца, чтобы было ему чѣмъ прикрыться на ночь, и онъ благословитъ тебя.—Таковы законы о рабахъ и наемникахъ. Не удерживай платы наемника до утра. Не налагай рабской работы на брата (отдавагося тебѣ въ работу отъ бѣдности) и не притѣсняй его. Отпуская на волю, отпускай не съ пустыми руками. Вообще не господствуй съ жестокостію надъ братомъ твоимъ. Если братъ твой продается пришельцу, то кто-нибудь долженъ выкупить его. Отноше-

нія къ чужой собственности опредѣлены съ такою мудрою мѣрою, что при строгомъ уваженіи къ чужой собственности допускается и братское участіе въ пользованіи ею. Ышь ягоды въ виноградникѣ ближняго, но не клади въ сосудъ. Срывай колосья руками на жатвѣ ближняго, но не заноси серпа. Особенно съ трогательною заботливостію законъ относится къ бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ. Когда будешь собирать плоды въ саду, то не добирай дочиста, оставь остатки бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ и пришельцу; во время жатвы не возвращайся въ поле за забытымъ снопомъ, оставь бѣдному, вдовѣ и сиротѣ. — Даже пришельцевъ и рабовъ не забываетъ законъ Моисеевъ: въ то время когда всѣ другіе народы съ презрѣніемъ относились къ чужеземцамъ и съ рабами обращались хуже, чѣмъ съ животными, законъ Моисеевъ беретъ ихъ подъ свою заѣдиту. Не презирай идумеянина, потому что онъ братъ твой; не презирай даже египтянина, не притѣсняй и не угнетай пришельца, люби его какъ себя, ибо вы сами были пришельцами въ землѣ Египетской. За выбитый зубъ отпусти раба (иноплеменника) на волю. «Одинъ судъ долженъ быть у васъ какъ для туземца, такъ и для пришельца. Не выдавай бѣжавшаго къ тебѣ раба господину, — пусть онъ живетъ, гдѣ нравится ему, не притѣсняй его. Плѣнную дѣвушку, понравившуюся тебѣ, можешь взять въ жены себѣ; но если ты послѣ разлюбишь ее, то не удерживай ее въ рабствѣ и не продавай ее, а отпусти ее на свободу, ибо ты смирилъ ее (отнял у ней дѣвство). Удивительная гуманность! Глубоко трогательное уваженіе къ единственному сокровищу дѣвицы — ея непорочности! И это въ тѣ далекія варварскія времена!

Ставать въ укоръ закону Моисееву извѣстное постановленіе: «око за око, зубъ за зубъ». Но укорители забываютъ, что это законъ уголовный, который не имѣетъ права великодушничать на чужой счетъ, а обязанъ охранять права гражданъ и обуздывать насилие. И законъ Моисеевъ отличался въ этомъ отношеніи строгою справедли-

востію: онъ не позволялъ никому откупаться деньгами за причиненную человѣку смерть или увѣчье, кто бы ни былъ насильникъ, и кто бы ни былъ потерпѣвшій, хотя бы даже пришелець, потому что судъ былъ одинъ для всѣхъ не исключая даже пришельцевъ. Этого равнаго для всѣхъ правосудія не видимъ даже въ законодательствахъ самыхъ просвѣщенныхъ современныхъ народовъ. Что же касается до отношеній не юридическихъ, а нравственныхъ, зависящихъ отъ свободы, то законъ Моисеевъ, какъ и высочайшій законъ евангельскій, предписывалъ прощеніе и великодушіе. Если увидишь упавшимъ осла врага твоего, то помоги ему поднять его. Законъ Моисеевъ предписывалъ состраданіе даже къ животнымъ и въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ болѣе важныхъ, входилъ въ очень тонкія подробности. «Не заграждай уста волу молотящему». «Воломъ и осломъ (животными не одинаковыхъ силъ) не паши вмѣстѣ». «Не поргь птичьихъ гнѣздъ». Законъ заботился предохранять отъ огрубѣнія нравственное чувство: онъ запрещалъ ѣсть кровь животныхъ, варить козленка въ молоко матери, убивать мать вмѣстѣ съ плодомъ. Чтобы предупредить безумное истребленіе животныхъ, законъ, позволяя брать птенцовъ, предписываетъ давать свободу матери. Въ этихъ видахъ законъ простиралъ заботливость даже на неодушевленную природу: запрещалъ портить деревья (даже въ непріятельской землѣ) и сѣять вмѣстѣ разнородные хлѣба.

Но чтобы объять однимъ взглядомъ и почувствовать всю силу заботливости закона, обнимающей всю природу, довольно будетъ напомнить вамъ о субботахъ. Субботы недѣльные давали полный отдыхъ и людямъ и рабочему скоту. Субботы годовыя чрезъ каждыя 6 лѣтъ и чрезъ каждые 49 лѣтъ давали отдыхъ на цѣлый годъ не только людямъ и животнымъ, но и самой землѣ, потому что землю въ эти годы не обрабатывали, а брали отъ ней только то, что она сама давала; да и это оставлялось бѣднымъ и даже полевымъ звѣрямъ; рабы изъ единоплеменъ получали

въ эти годы даже совершенную свободу, должники—прощеніе долговъ и возвращеніе земельной собственности. Чтобы охранить жизнь, благосостояніе и самое здоровье народа, законъ проникалъ внутрь дома израильтянина и заботливо опредѣлялъ и пищу, и одежду, и устройство жилищъ, предписывалъ частыя омовенія, боролся съ страшнымъ бичемъ восточныхъ странъ—съ проказой, во всѣхъ ея видахъ, проказой тѣла, одежду и жилищъ. И благодаря этой заботливости закона, народъ израильскій не зналъ эпидемій и чумы, этихъ ужасныхъ бичей даже современной образованной Европы. Чтобы предупредить несчастные случаи, законъ предписывалъ обносить перилами кровли (которыя были плоскія и служили мѣстомъ отдыха). Приняты были мѣры противъ роскоши въ одеждѣ. Однимъ словомъ, законъ, какъ нѣжная мать за дитятей, ухаживалъ за Израилемъ, народомъ-младенцемъ. Съ глубоко трогательною нѣжностію заботился даже о наслажденіяхъ Израиля. Когда идешь на войну, говоритъ законъ народу, то не бери того, кто только что построилъ домъ, насадилъ виноградникъ, или обручившись съ невѣстой не успѣлъ еще жениться: пусть такой возвратится домой и насладится тѣмъ, что онъ приготовилъ для себя. Робкій и малодушный также пусть возвратится домой, чтобы онъ не сдѣлалъ робкими сердца братьевъ своихъ. Изумительная, подлинно материнская снисходительность къ слабости человѣческой! И это въ томъ законѣ, который считается такимъ суровымъ! Очевидно, онъ былъ суровъ только къ дѣйствительнымъ порокамъ и преступленіямъ, которые нельзя было оставить ненаказанными. Самый даже собственно обрядовый законъ, бывшій по необходимости строгимъ *тѣстуномъ*, заботился однако и о томъ, чтобы доставлять народу и удовольствія. Такъ всѣ праздники народа Божія проникнуты были свѣтлою духовною радостію, и допускали чистыя удовольствія. Таковъ особенно былъ праздникъ кущей, въ который весь народъ оставлялъ дома, жилъ цѣлую недѣлю подъ кущами изъ пальмовыхъ и другихъ

широколиственныхъ деревъ и «веселился предъ Господомъ».

Такъ законъ руководилъ израильтянина отъ колыбели до могилы, охраняя его жизнь, состояніе, здоровье и спокойствіе и доставляя многія радости; и даже въ минуту смерти доставлялъ ему утѣшеніе, давалъ ему возможность покойно умереть. Если израильтянинъ умиралъ бездѣтнымъ и съ горестью видѣлъ, что съ нимъ долженъ угаснуть его родъ, законъ и тутъ не оставлялъ его безъ утѣшенія. «Нѣтъ, говорилъ ему законъ, не угаснетъ родъ твой: одинъ изъ твоихъ родственниковъ долженъ будетъ взять за себя твою вдову, съ тѣмъ чтобы востановить тебѣ сѣмя (потомство); дитя, которое родится отъ этого брака, будетъ считаться твоимъ». Таковъ законъ *ужичества*,—удивительный, безпримѣрный!

И весь законъ Моисеевъ былъ единственный, безпримѣрный, потому что онъ былъ не человѣческое, а Божіе произведеніе. «Слушай, Израиль, говорилъ Моисей, и старайся исполнять эти постановленія и законы, которые заповѣдалъ тебѣ Господь Богъ твой». Объ этомъ высшемъ авторитетѣ законъ напоминаетъ безпрестанно; весь законъ изрекается отъ лица Божія и почти каждое изъ болѣе важныхъ постановленій заканчивается торжественнымъ словомъ: «Я Господь, Богъ твой».

Однако вы, братіе, составили бы себѣ совершенно невѣрное понятіе о достоинствѣ закона Моисеева, еслибы вообразили, что онъ безусловно совершенный, такой, который годится для всякаго народа и для всякаго времени. Нѣтъ, такіе законы невозможны. Одинъ только нравственный законъ, заключающійся въ Десятословіи, опредѣляющій общія нравственныя основанія дѣятельности человѣческой, положенныя въ природѣ человѣческой (*написанныя въ сердцахъ у всѣхъ человѣковъ*), имѣетъ непреходящее значеніе, и обязателенъ для всякаго времени и для всякаго человѣка. Но если даже и этотъ общечеловѣчскій, нравственный законъ не могъ явиться въ то время во всемъ своемъ

божественномъ сіяніи и ожидалъ полнаго своего раскрытія отъ Господа нашего І. Христа, то тѣмъ болѣе законы, опредѣляющіе разныя стороны жизни извѣстнаго народа даннаго времени, не могутъ и не должны даже имѣть безусловнаго значенія; они напротивъ тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ условіямъ времени и свойствамъ того народа, для котораго они даны, точно такъ же какъ самый лучший планъ зданія не тотъ, который кажется такимъ на бумагѣ, а тотъ, который настолько хорошъ, что можетъ быть исполненъ при данныхъ условіяхъ и средствахъ. Таковъ именно и былъ гражданскій законъ Моисеевъ. Какъ обрядовый законъ былъ *пѣстуномъ во Христа* и съ Его пришествіемъ потерялъ значеніе, какъ свѣтильникъ при появленіи солнца, такъ и гражданскій законъ годился главнымъ образомъ только для *всѣхъ Израиля*. Такъ, эта чрезвычайная заботливость закона, съ которою онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ израильтянина, подробно опредѣлялъ, какую употреблять пищу, какую носить одежду, какъ строить дома, съ какими кровлями, все это кажется намъ чрезвычайно стѣснительнымъ; но если мы вспомнимъ, что законъ этотъ данъ незрѣлому народу-младенцу, то эти подробности окажутся не только не излишними, но чрезвычайно мудрыми. Такъ еще суровость многихъ постановленій, строгость наказаній, допущеніе рабства, хотя и въ формѣ въ высшей степени мягкой, возмущаютъ наше христіанское чувство; но не должно забывать, какому жестоковѣчному народу данъ былъ этотъ законъ. Чего стоило закону бороться съ этимъ жестокосердіемъ народа израильскаго, видно изъ закона о *невольныхъ убійцахъ*. У всѣхъ первобытныхъ народовъ *кровомщеніе*, т.-е. мщеніе за убійство человѣка считается священною обязанностію родственниковъ убитаго. Но нерѣдко человѣкъ дѣлается убійцею неумышленно, по ошибкѣ или неосторожности; такого убійцу несправедливо судить, какъ убійцу умышленнаго, по всей строгости законовъ, а обычай кровомщенія требуетъ крови за кровь. Что же дѣлать, какъ спасти невольнаго убійцу отъ мстительности родственни-

ковъ убитаго? Законъ назначаетъ 6 левитскихъ городовъ, три по одну и три по другую сторону Іордана, въ разныхъ концахъ земли обѣтованной, и предписываетъ содержать въ исправности дороги къ этимъ городамъ. Убийца долженъ былъ бѣжать въ ближайшій изъ нихъ и требовать убѣжища; и если по разсмотрѣніи священниками обстоятельствъ дѣла, онъ оказывался невольнымъ, то получалъ убѣжище и становился неприкосновеннымъ. Тамъ и долженъ былъ онъ жить до смерти первосвященника, послѣ которой получалъ совершенную свободу. Такимъ образомъ пребываніе болѣе или менѣе продолжительное время въ стѣнахъ одного города и защищало его жизнь, и служило ему наказаніемъ за неосторожность.

Такова была мудрость закона Моисеева! Подлинно, онъ стоилъ того, что завѣщалъ о немъ Моисей: «да будутъ слова сіи въ сердцѣ твоёмъ, Израиль; внушай ихъ дѣтямъ твоимъ и говори объ нихъ, сидя въ домѣ твоёмъ и идя дорогой, и ложась и вставая; и навяжи ихъ въ знакъ на руку твою и да будутъ они повязкой надъ глазами твоими; и напиши ихъ на косякахъ дома твоего и на воротахъ твоихъ». Аминь.

Свящ. Д. Державинъ.

ВРАЗУМЛЕНІЕ ВИНОВНАГО ВЪ ПРЕНЕБРЕЖЕНІИ КЪ ХРАМУ БОЖІЮ *).

Въ небольшомъ селѣ В ..., лежащемъ на большой дорогѣ, по случаю Троицына дня было большое оживленіе. Ясный, тихій, весенній день склонялся къ вечеру. Молодежь собиралась водить хороводы. У избъ, на завалинкахъ и на лавочкахъ небольшими группами сидѣли старики и старушки и, любуясь гуляющими, толковали о своихъ крестьянскихъ дѣлахъ. У одной избы, скромно выглядывающей изъ-за зелени, особенно было большое собраніе, только не стариковъ и старухъ, а молодежи, которая съ нетерпѣніемъ кого-то ждала. Но вотъ, наконецъ, изъ калитки вышелъ опрятно одѣтый старичекъ, бѣлый какъ лунь, но довольно свѣжій и бодрый, съ ласковымъ лицомъ и добрыми улыбающимися глазами. Вся молодежь, увидя старичка, съ радостнымъ крикомъ бросилась къ нему и чуть не сбила бѣднаго старичка съ ногъ. Здравствуй, дѣдушка Егоръ, здравствуй, расскажи что-нибудь, расскажи, кричала молодежь. Старичекъ этотъ, владѣтель скромнаго домика, былъ отставной унтеръ-офицеръ, человѣкъ начитанный, благочестивый и не мало выдавшій на своемъ вѣку. Звали его Егоромъ Петровичемъ Ивановымъ, но въ селѣ В..... всѣ и старые и малые звали его дѣдушкою Егоромъ. Дѣдушка Егоръ пользовался большимъ уваженіемъ не только въ селѣ В., но и по всей окрестности и славился, какъ хорошій и занимательный разскащикъ.

*) Разсказъ дѣдушки Егора, переданный его же словами: Истинное происшествіе.

Поэтому къ дѣдушкѣ Егору собирались часто, особенно по праздникамъ, и старые и малые послушать его занимательныхъ разсказовъ. И дѣдушка Егоръ съ охотою удовлетворялъ желанію своихъ многочисленныхъ слушателей. Вотъ и теперь, услыша просьбы молодежи разсказать что-нибудь, дѣдушка Егоръ съ радостнымъ лицомъ согласился исполнить просьбу. Сѣвши на заваленку и пождавши, пока всѣ усѣлись около него, дѣдушка Егоръ обвелъ всѣхъ слушателей глазами и вздохнувъ, началъ свой разсказъ.

Вы теперь молодые не знаете, что такое жизнь, не испытали еще ея горя, ея радостей и вамъ теперь только бы веселиться. Но Богъ дастъ, и вы доживете до моихъ лѣтъ и узнаете все. Много я видѣлъ на своемъ вѣку. Много перенесъ горя, много и радости. Ужъ болѣе 40 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ особенно сдѣлался памятенъ для меня этотъ праздникъ—Святая Троица. Я тогда еще не вступалъ въ полкъ, а былъ прикащикомъ въ одномъ большемъ заведеніи. Мнѣ тогда было 25 лѣтъ. У меня былъ тогда товарищъ, тоже прикащикъ. Про этого-то моего товарища и будетъ моя рѣчь. Петръ Ивановичъ Красновъ, такъ звали моего товарища и друга, былъ купеческій сынъ, 10-ти лѣтъ остался круглымъ сиротою и жилъ у своей тетки, помѣщицы, женщины благочестивой. И добрая была душа этотъ Петръ Ивановичъ: тихій, скромный, набожный, щедрый къ бѣднымъ,—радъ бѣдному послѣднюю копейку отдать. Вотъ всѣмъ съ кого бы примѣръ-то брать. И любили же мы другъ-друга: чуть у меня какое-нибудь неудовольствіе, тоска,—сейчасъ идешь бывало къ Петру Ивановичу. Посовѣтуемся, поговоримъ, Петръ Ивановичъ что-нибудь душевспасительное разскажетъ и какъ рукой сниметъ. А ужъ какой знатокъ божественнаго былъ Петръ Ивановичъ! Что угодно разскажетъ тебѣ: и изъ св. Исторіи, и изъ Четыхъ-Миней и изъ Пролога. И я тоже знаю кое-что. но до него мнѣ

далеко. Но человекъ не безъ грѣха, и Петръ Ивановичъ, какъ ни былъ хорошъ, имѣлъ свои странности. Не любилъ Петръ Ивановичъ ходить въ церковь, не смотря на свою набожность. Говорилъ ему бывало: «Петръ Ивановичъ что-то ты въ церковь рѣдко ходишь, хоть къ обѣднѣ сходилъ бы. Время есть». Улыбнется бывало Петръ Ивановичъ и скажетъ: «все равно, дома ли молиться или въ церкви. Богъ-то одинъ. Во время службы я кое-что подѣлаю, а вечеромъ предъ сномъ и помолюсь хорошенько». И идетъ, бывало, во время службы Петръ Ивановичъ—лѣтомъ въ поле, куда онъ особенно любилъ ходить посмотреть поля, а зимою кое-что по дому дѣлаеть. Однажды подъ Петровъ день Петръ Ивановичъ пошелъ въ поле, посмотреть хлѣба. А ужь отзвонили ко всенощной. Вечеръ послѣ хорошаго дня былъ чудесный. Солнце садилось за лѣсомъ. Подходить Петръ Ивановичъ къ полю, какъ изъ лѣсу вдругъ надвигается черная, грозовая туча. Туча все ближе и ближе и вотъ надъ Петромъ Ивановичемъ: полилъ сильный дождь, загремѣлъ громъ, засверкала молнія. По дорогѣ потекли лужи и Петръ Ивановичъ, чтобы было удобнѣе идти, сошелъ съ грязной дороги на траву и остановился. Вдругъ грянулъ страшный ударъ грома, сверкнула молнія и пролетѣла мимо Петра Ивановича, по дорогѣ, въ двухъ шагахъ отъ него. И еслибы Петръ Ивановичъ не сошелъ съ дороги, то бы его убило непременно грозой. Въ другой разъ, въ обѣдню, на праздникъ Воздвиженія Креста Господня, пошелъ въ лѣсную сторожку, старую престарую избушку, которая, какъ говорится, стояла на курьихъ ножкахъ. Пошелъ онъ со сторожемъ и понадобилось что-то достать съ чердака. И вотъ Петръ Ивановичъ послалъ сторожа на чердакъ, а самъ остался въ сѣняхъ, дожидается сторожа. Вдругъ, какъ самъ онъ послѣ мнѣ рассказывалъ, какая-то сила подтолкнула его въ горницу. Только Петръ Ивановичъ вошелъ въ горницу и затворилъ за собою дверь, какъ за нимъ въ сѣняхъ послышался страшный трескъ. Отворилъ

Петръ Ивановичъ дверь и глазамъ своимъ не вѣрить: весь потолокъ въ сѣняхъ упалъ и лежалъ на полу. А это, видите ли, вотъ какъ случилось. Сторожъ какъ сталъ слезать съ чердака, облокотился на перекладину, поддерживавшую потолокъ; а перекладина была гнилая и потому отъ напора руки обрушилась и упала. Видите, что это явное чудо Промысла. Не задавило ли бы Петра Ивановича, еслибы онъ остался въ сѣняхъ? И много было подобныхъ чудесныхъ дѣйствій надъ Петромъ Ивановичемъ. Но въ моей памяти остались эти два случая. И не вразумился Петръ Ивановичъ такими явными вразумленіями Божіими, по прежнему не ходилъ въ церковь и не слушалъ моихъ увѣщаній. Ну, думаю, Богъ не хочетъ же его погибели,—самъ обратитъ его на путь истинный и заставить ходить въ свой святой домъ. И дѣйствительно, милосердый Господь скоро наставилъ Петра Ивановича на истинный путь.

Остановился здѣсь дѣдушка Егоръ, оглядѣлъ всѣхъ слушающихъ, которые сидѣли не двигаясь, и вздохнувъ, со слезами на глазахъ, продолжалъ: передъ Троицынымъ днемъ Петръ Ивановичъ поѣхалъ въ городъ, хотѣлъ вынуть изъ городскаго банка свои трудовыя денежки и переложить ихъ въ другой банкъ (въ губернскомъ городѣ). Трудолюбивый былъ Петръ Ивановичъ, трезвый и денежку копилъ, какъ онъ говорилъ, на черный день. Ну вотъ поѣхалъ онъ на хозяйской лошади, да одинъ еще поѣхалъ-то. Вынулъ онъ денежки, да и рѣшилъ ѣхать домой, вечеркомъ, какъ есть наканунѣ Троицына дня. Въ городѣ его и отговаривали знакомые: «куда ты поѣдешь, говорили, завтра праздникъ большой: сходилъ бы въ церковь, помолился, да завтра бы послѣ обѣда и поѣхалъ бы. Вѣдь тебѣ некуда спѣшить. А теперь ѣхать-то опасно,—вечеръ, да и гроза собирается». Но Петръ Ивановичъ не послушался своихъ знакомыхъ и съ своими обыкновенными словами: «помолюсь послѣ,—пріѣду домой и помолюсь. Все равно: дома ли молиться или въ церкви. А по холодку-то лучше ѣхать.

Богъ дастъ дождемъ»,—выѣхаль изъ города. А выѣхаль онъ, какъ ударили ко всеиощной. Ёдетъ себѣ Петръ Ивановичъ, да поетъ божественное. А тучи все надвигаются и пошелъ дождикъ, прежде маленькй, а потомъ и большой. Въѣхаль онъ въ лѣсъ, такъ себѣ небольшой лѣсъ, и думаетъ: «ужь половину проѣхаль, скоро Богъ дастъ и до дому доберусь». Думаетъ такъ себѣ, да ѣдетъ. А темнота страшная. Вдругъ кто-то ухватилъ лошадь Петра Ивановича за узду и закричалъ: «стой». Петръ Ивановичъ, хотя былъ не изъ трусливаго десятка, однако порядкомъ струхнулъ, такъ-что и пошевелиться не могъ отъ испуга. Потомъ чувствуетъ Петръ Ивановичъ, что на него набрасываются нѣсколько человекъ, снимаютъ его съ телѣги, а потомъ ужь, какъ самъ Петръ Ивановичъ говорилъ, ничего не помнитъ. Очнулся Петръ Ивановичъ и видитъ, что ужь свѣтло—утро наступило. Дождикъ пересталъ. Видитъ, что лошади нѣтъ, самъ раздѣтъ, денегъ тоже нѣтъ, изъ тѣла течетъ кровь и самъ не можетъ пошевелить пальцемъ, и чувствуетъ, что его начинаютъ трясти лихорадка. Сдѣлалось ему таково грустно и обратился онъ къ Богу съ такою молитвою: «Господи! я грѣшенъ предъ тобою. Я не посѣщаль Твоего святаго жилища. Прости мнѣ, милосердый Царю. Помоги мнѣ. Не дай мнѣ умереть какъ псу. Буду непременно ходить постоянно въ церковь». И послѣ этой молитвы Петръ Ивановичъ сдѣлался безъ памяти и очнулся уже у меня въ домѣ. А это случилось такъ. Послѣ обѣдни на Троицынъ день и мнѣ нужно было ѣхать въ городъ. Ёду, въѣхаль въ лѣсъ и слышу—кто-то стонетъ. Оглядываюсь и вижу—кто-то лежитъ. Перекрестился я, слезъ съ телѣги, подошелъ къ лежащему и остолбенѣлъ отъ удивленя. Лежить, вижу, Петръ Ивановичъ, весь въ крови, безъ памяти. Я поскорѣ кое-какъ положилъ его на телѣгу и привезъ его къ себѣ,—домой. Чрезъ день ужь очнулся Петръ Ивановичъ и прохвораль около полгода. Хозяинъ разъяель Петра Ивановича и остался онъ безъ куска хлѣ-

ба. И терпѣливъ же былъ во время болѣзни Петръ Ивановичъ. Ни разу не возропталъ на Господа Бога. Все молился и говорилъ: я этого стою, слава Тебѣ Господи. Выздоровѣлъ Петръ Ивановичъ и хотѣлъ идти искать себѣ мѣста. Но я его не пустилъ: «куда ты пойдешь, говорю, Богъ съ тобою. Ты еще путемъ и не выздоровѣлъ. Слава Богу, хлѣбъ у меня есть. Богъ дастъ—хватить прокормиться. А то у меня родныхъ никого нѣтъ, да и ты послѣдній другъ—уйдешь. Ни за что не пущу». Такъ я его и не пустилъ. Остался Петръ Ивановичъ у меня и сталъ постоянно ходить въ церковь, пойдетъ еще до благовѣста и выйдетъ послѣднимъ. А въ церкви стоитъ смиренно, не шелохнется, самъ все глядитъ на Распятіе, да молится. А у самого слезы такъ и льются. Жили мы такъ по маленьку и благодарили Господа и дожили до Троицына дня. Стало быть годъ съ того времени, какъ обокрали и побили Петра Ивановича. Пошелъ Петръ Ивановичъ ко всеобщей и еще усерднѣе молился въ церкви все на колѣняхъ, да со слезами. Когда Петръ Ивановичъ пришелъ домой, я и спрашиваю его: «что-то ты такъ нынче усердно молился»? А онъ отвѣчаетъ: «какъ же не молиться-то? Молился, чтобы Господь пристроилъ меня куда-нибудь; не все же я буду даромъ хлѣбъ ѣсть,—и самъ заплакалъ. А я и говорю: «да что ты? Богъ съ тобой. Кто тебя попрекаетъ хлѣбомъ? Богъ милостивъ, не оставитъ». Только это я сказалъ, какъ приносятъ пакетъ и письмо на имя Петра Ивановича. Что за диво, думаю, Петръ Ивановичъ никогда не получалъ писемъ, и вдругъ ему письмо. А Петръ Ивановичъ и говоритъ: «это тебѣ, знать, прислали, а по ошибкѣ адресъ на меня написанъ. Возьми и прочитай». Я взялъ письмо, сталъ читать и своимъ глазомъ не вѣрю. Отъ кого вы думаете это письмо прислано? А отъ того, кто ограбилъ Петра Ивановича подъ Троицынъ день и по милости котораго Петръ Ивановичъ остался безъ куска хлѣба. И пишетъ этотъ недобрый человѣкъ, что онъ хотѣлъ украденныя денежки Петра Ивановича приберечь на черный

день. Но совѣсть не дала ему покоя и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось ему тяжелѣе. Наконецъ онъ не перенесъ угрызеній совѣсти и чтобы освободиться отъ такого мученія, рѣшилъ возвратить эти деньги. Вы, можете быть, спросите, кто былъ этотъ человѣкъ? Этого я и самъ не знаю и въ письмѣ онъ ничего не написалъ о себѣ. Прочиталъ я письмо и отъ радости не могъ ничего ни подумать, ни сказать. Потомъ побѣжалъ въ комнату Петра Ивановича и бросилъ ему письмо. Взялъ это письмо Петръ Ивановичъ и сталъ читать. Прочитавши, онъ заплакалъ, опустился на колѣни предъ образомъ и сталъ молиться. Помолившись, Петръ Ивановичъ бросился мнѣ на шею и мы долго, долго плакали и благодарили Бога за Его милосердіе. Скоро послѣ этого Петръ Ивановичъ женился, завелся своимъ домкомъ, сталъ жить въ радости и довольствѣ и скоро уѣхалъ въ другую губернію. Но дружба наша съ его отъѣздомъ не прекратилась. Мы писали другъ другу письма. Года 3 тому назадъ я получилъ отъ жены Петра Ивановича извѣстіе, что онъ Божіею волею, послѣ непродолжительной болѣзни, тихо и спокойно преставился къ милосердому Отцу своему».

Передохнуль здѣсь дѣдушка Егоръ, потому что отъ слезъ не могъ говорить. И всѣ слушатели его также плакали. Передохнувъ, дѣдушка Егоръ своимъ еще болѣе ласковымъ голосомъ продолжалъ свою рѣчь, но уже въ другомъ тонѣ. Видите, дѣти, какъ Господь заботится о людяхъ, какъ старается наставить ихъ на путь истинный; подлинно Богъ *всѣмъ человекомъ хоцетъ спастися, и въ разумъ истины прийти* (1 Тим. 2, 4). Видите, какъ грѣшно предъ Богомъ не посѣщать Его святаго жилища, церкви. Старайтесь, старайтесь теперь вы какъ можно чаще ходить въ храмъ Божій и вѣрьте, что милосердый Господь никогда и нигдѣ васъ не оставитъ за это. Развѣ вы не съ радостію пошли бы къ земному царю, еслибы онъ васъ позвалъ? Какъ же намъ не ходить къ Царю царей, Создателю и Благодѣтелю нашему, Который, ради насъ и ради

нашего спасенія, пролилъ свою драгоцѣнную кровь и прі-
ялъ нестерпимыя мученія? И сколько милостей ниспосы-
ляется намъ въ храмъ Божіемъ! Это рай земной. Тамъ
приносится величайшая жертва: самъ Христось-Богъ зака-
ляется и дается въ снѣдь вѣрнымъ,—намъ христіанамъ,
которые своими грѣхами постоянно прогнѣвляемъ и вторич-
но распинаемъ Его. Не велико ли милосердіе Божіе?
Въ храмъ Духъ Святый осѣняетъ всѣхъ вѣрующихъ,
Ангелы окружаютъ людей и вмѣстѣ съ ними славятъ Гос-
пода, діаволь далеко убѣгаетъ отъ людей и не смѣетъ
къ нимъ прикоснуться. Что можетъ быть лучше, когда Гос-
подь въ церкви находится съ нами, какъ Онъ самъ ска-
залъ: *идѣже бо еста два, или тріе собрани во имя мое,*
ту есмь посредь ихъ. (Мат. 18, 20)? Ходите же, дѣти, хо-
дите въ храмъ Божій и Богъ васъ не оставитъ своими
щедротами.

Коңчилъ разсказъ свой дѣдушка Егоръ. Немного по-
сидѣлъ молча, потомъ съ словами: «пора спать, дай Богъ
покойной ночи», направился къ калиткѣ. За нимъ встали
и пошли по своимъ домамъ и слушатели. И у всѣхъ бы-
ли лица серьезные: о чемъ-то всѣ думали.

Василій Петровъ.

СЛУЧАЙНО ЛИ?

Въ жизни человѣческой часто происходятъ событія, непредвидѣнныя для разума и неожиданныя для глубокаго соображенія. Не умѣя объяснить происхожденія такихъ событій, мы часто называемъ ихъ «случайными», какъ будто для христіанина, вѣрующаго въ непрестанное и повсемѣстное попеченіе Божіе о человѣкѣ, въ Провидѣніе божественное, можетъ существовать случай. Иногда такія непредвидѣнныя событія имѣютъ важное вліяніе на всю нашу послѣдующую жизнь; иногда они неожиданно разрушаютъ планы, нами основательно задуманные и тщательно приводимые къ исполненію; иногда они представляютъ удовлетвореніе нашимъ задушевнымъ желаніямъ, тогда, когда мы уже потеряли всякую надежду на достиженіе нашей цѣли. Неужели все это случайно? Неужели во всемъ этомъ нельзя видѣть чью-то высшую волю, которая непостижимымъ для насъ образомъ отвлекаетъ насъ отъ зла и руководитъ ко благу, хотя мы, по близорукости нашего разума, иногда не видимъ зла во злѣ, а блага во благѣ? Чѣмъ чаще и глубже христіанинъ будетъ всматриваться въ соплетеніе событій, составляющее нашу жизнь, въ ихъ причины и слѣдствія, тѣмъ яснѣе увидитъ онъ управляющую этими событіями руку Божію и всегда ко благу нашему.

Въ доказательство моей мысли расскажу объ одномъ событіи въ моей жизни, которое съ перваго раза людьми недалновидными, пожалуй, можетъ быть названо случайнымъ, но тотъ, кто вникнетъ въ значеніе этого событія для ме-

ня и его послѣдствія для другихъ, не будетъ такъ легко относиться къ нему. Объявить объ этомъ событіи, какъ о милости Божіей, я считаю своимъ долгомъ предъ своими ближними, да явится и предъ ними дѣло Божіе.

Въ 188.. году мужъ мой былъ назначенъ начальникомъ учебной дирекціи въ г. Лодзь, Петроковской губерніи. Съ грустію послѣдовала я съ семьей за нимъ въ эту непривѣтливую, иновѣрную сторону, предчувствуя здѣсь многія скорби для такого семейства, которое и по вѣрѣ и по убѣжденіямъ и по всѣмъ привычкамъ заслуживало названіе «москалей по преимуществу» въ глазахъ поляковъ и нѣмцевъ, населяющихъ Лодзь. Предчувствіе меня не обмануло; но Господь — защитникъ живота нашего спасъ меня отъ отчаянія и вложилъ мнѣ мысль послужить во славу Его святаго имени и на пользу нашихъ православныхъ братьевъ въ этой чужой сторонѣ. Въ г. Лодзи много богатыхъ купцовъ изъ нѣмцевъ и евреевъ, и вотъ они, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, вздумали построить въ этомъ городѣ православную церковь во имя св. Александра Невскаго, покровителя нашего покойнаго Царя-Освободителя и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Явилась у меня мысль пожертвовать для этой церкви св. крестъ, но такой, который и своимъ большимъ размѣромъ и живописью былъ бы вѣрною копіей того животворящаго Креста, который находится въ соборѣ въ городѣ Дмитровѣ, Московской губерніи, на моей родинѣ, и который я привыкла съ малолѣтства чествовать *). Но какъ

*) О Явленіи Животворящаго Креста, находящагося въ Дмитровскомъ Успенскомъ Соборѣ, преданіе, сохранившееся въ записи Собора, говоритъ: „Въ лѣто 1291 въ княженіе Дмитрія Александровича, сына Св. Александра Невскаго, въ пятницу предъ Пятидесятницею, слѣбая отъ роду дѣвица купаясь въ рѣкѣ Яхромѣ, внезапно прозрѣла; пораженная дневнымъ свѣтомъ и совершившимся надъ нею чудомъ, она закричала; на крикъ ея собрался народъ и монахи изъ бывшаго Никитск. монастыря, находившагося въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ мѣста происшествія. Собравшіеся видятъ: не вдалекѣ отъ

перенести свитыя православныя преданія дѣтства на далекую иновѣрную окраину нашей матушки Россіи? Какъ сдѣлать снимокъ съ Дмитровскаго Креста, при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыми я располагала, безъ родственныхъ связей и даже безъ знакомства съ кѣмъ-либо изъ давно оставленнаго мной роднаго города? Нужно было много непосильныхъ для меня матеріальныхъ жертвъ, чтобы найти художника, который сдѣлалъ бы желаемый снимокъ; нужны были и люди, которые на мѣстѣ оцѣнили бы достоинство работы и сходство копіи съ подлинникомъ и которые доставили бы этотъ снимокъ въ Лодзь. Не находя возможности обойтись въ этомъ дѣлѣ безъ посторонней помощи, я рѣшилась было обратиться за сборомъ на приобрѣтеніе св. Креста къ обществу иновѣрному, полагая что въ немъ тоже христіане, которые чтутъ св. крестъ, и къ живущимъ среди нихъ русскимъ православнымъ людямъ, которые можетъ быть будутъ мнѣ сочувствовать; но сборы, какъ мнѣ положительно сказали, были запрещены или были обставлены такими затруднительными формальностями, которыхъ преодолѣть я была не въ силахъ. Что было дѣлать? Казалось невозможнымъ осуществить мое пламенное желаніе водрузить св. крестъ въ томъ видѣ, въ какомъ я привыкла его чтить, и въ храмѣ для тѣхъ людей, которые сами несутъ крестъ, подвергаясь тяжелымъ лишеніямъ на чужой сторонѣ; но, несмотря на всѣ пре-

мѣста совершившагося чуда противъ теченія рѣки Яхромы плыветъ Животворящій Крестъ Господень, который и былъ взятъ въ Никитскій монастырь, а о чудѣ донесено было епархіальному Начальству, при чемъ духовенство и граждане г. Дмитрова просили Начальство дозволить перенести Крестъ въ соборный храмъ съ обѣтомъ во дни храмовыхъ праздниковъ, въ приходскихъ церквахъ, носить его въ крестномъ ходѣ. Съ тѣхъ поръ въ Дмитровѣ ежегодно и совершаются въ приходскіе храмы крестные жоды, сопровождаемыя главною сватынею города—Животворящимъ Крестомъ Господнимъ, начинаясь со дня явленія его въ городѣ—съ пятницы предъ пятидесятницею⁴.

пятствія къ исполненію моего желанія, самое желаніе мое не только не ослабѣвало, но еще усиливалось отъ всѣхъ этихъ затрудненій.

Въ такомъ возбужденномъ состояніи отправилась я съ мужемъ въ Москву лѣтомъ 188.. года посоветоваться съ добрыми людьми и попытаться сдѣлать, что въ силахъ, для осуществленія своей завѣтной мысли. Нужно замѣтить, что мои знакомые и даже мужъ мой не раздѣляли моего желанія имѣть снимокъ съ чудотворнаго Креста дмитровскаго, по причинѣ тѣхъ затрудненій, которыя при этомъ представлялись. Мужъ мой, одобряя мое желаніе поставить Крестъ въ новостроющейся церкви, былъ того мнѣнія, что всякое иное изображеніе св. Креста могло бы удовлетворить моей душевной потребности. Другіе люди еще меньше того мнѣ сочувствовали. Говорю это не въ осужденіе разномыслящихъ со мной, но для того, чтобы сказать, что я съ своимъ желаніемъ имѣть снимокъ съ чудотворнаго дмитровскаго Креста оставалась одинокою, и приобрѣтеніе онаго могло быть дѣломъ единственно однихъ моихъ слабыхъ силъ и скудныхъ къ тому средствъ.

Въ Москвѣ также мнѣ совѣтовали отложить исполненіе моего желанія до болѣе благоприятнаго времени, т.-е. до тѣхъ поръ пока я соберусь со средствами. Казалось, не оставалось никакой надежды на приобрѣтеніе вѣрной копии съ св. Креста, и вотъ, чтобы получить хотя какое-либо утѣшеніе въ своемъ горѣ мы отправились, уже передъ отъездомъ изъ Москвы, къ нашему доброму знакомому, священнику Введенской, что на Лубянкѣ, церкви, Н. П. А—ву. Я рассказала ему о своемъ горѣ, и о безуспѣшномъ стараніи получить позволеніе начать общественный сборъ въ пользу Лодзинской церкви и о неимѣніи средствъ приобрѣсти снимокъ съ чудотворнаго дмитровскаго Креста. О. Н., сочувствуя моему горю, старался утѣшить меня и совѣтовалъ оставить намѣреніе приобрѣсти снимокъ съ дмитровскаго Креста, а удовлетвориться крестомъ такихъ боль-

шихъ размѣровъ, какъ дмитровскій, но другаго рисунка. «Да вотъ чего лучше, сказалъ добрый батюшка,—возьмите изъ нашей церква Крестъ, который при полномъ обновленіи иконъ и иконостасовъ по случаю возобновленія и расширенія всей церкви, замѣненъ новымъ. Онъ у насъ стоитъ въ ризницѣ и мнѣ, признаюсь, самому грустно оставлять эту святыню между старыми вещами безъ кажденія и освѣщенія. Правда, живопись уже потемнѣла отъ времени и мѣстами слезла, но ее можно поновить, а кста-ти у меня есть и художникъ, который этимъ можетъ заняться». Такимъ обязательнымъ предложеніемъ добраго священника я была нѣсколько утѣшена и начала хлопотать у духовнаго начальства о дозволеніи взять св. Крестъ изъ Введенской церкви въ Лодзипскую. Разрѣшеніе послѣдовало, и св. крестъ - икона, которой я еще не видала, былъ отданъ священникомъ живописцу для обновленія живописи. Когда Крестъ былъ исправленъ и явился во всемъ блескѣ своей красоты, тогда о. Н. пригласилъ меня съ мужемъ посмотрѣть его въ церкви, куда онъ былъ поставленъ художникомъ. Но прежде, чѣмъ я увидѣла ее, художникъ, который тутъ же находился, сказалъ мнѣ, не зная никакихъ моихъ прежнихъ намѣреній: «а вѣдь знаете ли? этотъ Крестъ снимокъ съ чудотворнаго креста, находящагося въ Дмитровскомъ соборѣ». Можно представить себѣ наше сначала удивленіе, а потомъ умиленіе предъ Господомъ, когда мы это услышали! Смотримъ: дѣйствительно, это самый вѣрный, точный снимокъ съ извѣстнаго мнѣ съ дѣтства Креста Господня,—что и подтвердилось окончательно полученнымъ нами чрезъ тогоже о. Н. печатнымъ изображеніемъ чудотв. креста въ г. Дмитровѣ, съ историческимъ описаніемъ его происхожденія и чудесныхъ отъ него знаменій.—Случайно ли это? Не явная ли тутъ милость Божія ко мнѣ грѣшной? Св. крестъ былъ украшенъ отъ меня серебряною ризою и перевезенъ въ г. Лодзь, въ которой находится нынѣ уже въ устроенной и освя-

щенной православной церкви. Прежде, пока храмъ еще не былъ оконченъ постройкой, онъ находился въ помѣщеніи полковой церкви и привлекалъ толпы молящихся воиновъ и другихъ лодзинскихъ православныхъ. Нынѣ эта святыня красуется въ святомъ храмѣ, для котораго она и предназначена, и такъже служитъ предметомъ усердныхъ поклоненій со стороны всего православнаго лодзинскаго прихода и военныхъ людей. Да помилуетъ и спасетъ Господь силою своего Креста православное воинство и всѣхъ православныхъ христіанъ, несущихъ свой крестъ въ чуждой сторонѣ! Да будетъ онъ всегдашнимъ напоминаніемъ о безконечной любви къ намъ нашего Спасителя, заповѣдавшаго и намъ любить другъ друга, и да послужитъ единенію всѣхъ братій о Христѣ!

А. К—а.

1886 г. 3 апрѣля.

ПАРЕМІЯ ИЗЪ КНИГИ ПРИТЧЕЙ

Во вторникъ второй седмицы великаго поста (Притч. 5, 1—15).

Въ сей пареміи содержится предостереженіе отъ развратной жизни.

Гл. 5, ст. 1. **Сыне, моеѣ премудрости внимай, въ моимъ же словесемъ прилагай ухо твое.**

Учитель мудрости съ отеческою любовію и доброжелательствомъ требуетъ отъ своего ученика вниманія къ своимъ рѣчамъ, какъ рѣчамъ *премудрости*. Ученикъ мудрости долженъ *прилагать къ нимъ ухо свое*, т.-е. съ такимъ вниманіемъ слушать ихъ, чтобы не проронить ни одного слова учителя, ибо каждое изъ его словъ есть слово истины, духовнаго и житейскаго благоразумія.

Ст. 2. **Да сохраниши мысль благую (доброѣ вразумленіе), чувство же (вѣдѣніе отъ) моихъ устенъ заповѣдаетъ тебѣ.**

Усиленное вниманіе къ рѣчамъ премудрости, требуемое въ предшествующемъ стихѣ, нужно для того, чтобы *доброѣ вразумленіе*, получаемое отъ нихъ, не пропало даромъ, крѣпко засѣло въ умѣ и сердцѣ и осталось навсегда руководствомъ въ жизни, какъ дорогой и священный завѣтъ отца къ сыну, или заповѣдь. Немало заповѣдей премудрости преподается въ притчахъ Соломона, но въ настоящемъ случаѣ *вѣдѣніе отъ устъ его*, т.-е. вѣдѣніе истины, изрекаемой его устами, *заповѣдуетъ* слѣдующее:

Ст. 3. 4. Не внимай злѣй женѣ, медь бо каплетъ отъ устенъ жены блудницы, яже на время наслаждаетъ (*улаждаетъ*) твою гортань, послѣди же горчае желчи обрящеши (*ты найдешь, что она горче желчи*) и изощрену паче меча обоюду остра.

Премудрый заповѣдуетъ своему ученику не внимать рѣчамъ *злой*, именно блудной, жены. Ласковы эти рѣчи, пріятны для слушающаго, какъ медь пріятенъ для вкуса, но послѣдствія увлеченія ими пагубны: увлекшійся ими будетъ испытывать такое же горькое и мучительное ощущение отъ своего безразсуднаго увлеченія, какое испытываетъ вкусившій горькой желчи и получившій глубокую и широкую рану отъ меча обоюдоостраго. Это горькое и мучительное состояніе будетъ происходить отчасти отъ укоризнъ пробудившейся совѣсти, отчасти отъ тяжести внѣшнихъ бѣдствій, неизбѣжно слѣдующимъ за увлеченіемъ въ развратную жизнь.

Ст. 5. Безумія бо новѣ низводятъ употребляющихъ ю со смертію во адъ, стопы же ея не утверждаются.

Горе людямъ, употребляющимъ ю (блудную жену), т.-е. пользующимся ея постыдными ласками и раздѣляющимъ съ нею развратъ: ихъ ноги поистинѣ суть *ноги безумія*, т.-е. они идутъ путемъ, которымъ свойственно идти безумнымъ. Похоть плотская ослѣпляетъ ихъ разумъ, и они не видятъ впереди пагубныхъ послѣдствій своего неразумія, не догадываются, что идутъ путемъ, ведущимъ *со смертію во адъ*. И погибаютъ они жертвой своей недогадливости: они умираютъ для жизни истинно человѣческой, проводя жизнь скотскую, и вмѣстѣ съ тѣмъ преждевременно сходятъ въ царство мертвыхъ (*въ адъ*).—*Стопы же ея не утверждаются*, иначе: *стѣды ея* (блудной жены) *не остаются*. Это значить, что погибающіе отъ постыдной связи съ блудницею, погибаютъ такъ, что не остается слѣдовъ ея участія въ ихъ гибели.

Ст. 6. **На пути бо животныя не находить** (*потому что она не ходитъ по стезямъ жизни*), **заблужденны же** (*обманчивы*) **теченія ея и не благоразумны** (*не распознаваемы*).

Понятно, почему не остается слѣдовъ участія блудницы въ погибели уловленныхъ ею жертвъ: *она не ходитъ путями жизни*,—она не знаетъ честной жизни, но знаетъ, что не безопасно вести безчестную жизнь, и потому *теченія ея обманчивы и не распознаваемы*. Это значитъ, что она прибѣгаетъ ко всякимъ хитростямъ, чтобы отвести глаза людей отъ своихъ преступленій. Она умѣетъ такъ совершать ихъ, что когда погибаетъ отъ ней кто-либо попавшій въ ея сѣти, трудно законнымъ образомъ уличить ее въ злыхъ козняхъ. Она покрываетъ нѣкоторую благовидностію свое поведеніе и всегда готова сказать въ свое оправданіе, что она никого не принуждаетъ идти путемъ погибели, каждый самъ идетъ этимъ путемъ, у каждаго своя воля.

Ст. 7. 8. **Нынѣ убо сыне послушай мене и неотриновенно сохрани моя словеса** (*не оставляй словъ моихъ безъ вниманія*): **далече отъ нея сотвори путь твой** (*вдали отъ ней ходи путемъ твоимъ*) **и не приближися къ дверемъ домовъ ея.**

Премудрый, предостерегая своего ученика отъ развратной жизни, отечески убѣждаетъ его избѣгать случаевъ къ разврату. Къ числу такихъ случаевъ относится хожденіе около домовъ разврата. Безъ крайней надобности лучше совсѣмъ не ходить по дорогѣ, лежащей близъ этихъ домовъ, чтобы не слышать приглашеній зайти сюда, какъ бы на перекутъ, для простаго, невиннаго препровожденія времени. Нельзя ручаться за свою твердость, нельзя оправдывать свою податливость на эти приглашенія желаніемъ удовлетворить только свое любопытство. Любопытство въ этомъ случаѣ есть первый шагъ къ увлеченію въ развратъ. Лучше совсѣмъ не дѣлать этого шага,—подальше отъ грѣха.

Ст. 9. Да не предасть инымъ живота твоего и твоего житія (*имущества*) немилостивымъ.

Сближеніе съ блудною женой обѣщаетъ одни наслажденія. Но за нихъ приходится платить слишкомъ дорогою цѣной. Смотри, говоритъ Премудрый, предостерегая отъ этой опасности своего ученика, *не предала бы развратная жена инымъ живота твоего и твоего имущества немилостивымъ*. Это значить, что ему грозитъ разореніе и нищета. Попавъ въ сѣти разврата, онъ *будетъ жить для иныхъ*, т.-е. проживаться для чужихъ людей,—для промышляющей развратомъ и для окружающихъ ее приспѣшниковъ. Свое имущество, скопленное можетъ быть тяжелымъ трудомъ его или отца его, ему придется *передать немилостивымъ*. Придется окончательно разориться и свое семейство оставить безъ куска хлѣба. Виновники этого разоренія—блудница и окружающіе ее, поистинѣ суть *немилостивые* люди: они безжалостно обираютъ попавшуюся въ ихъ руки жертву.

Ст. 10. Да не насытятся ини твоя крѣпости, твои же труды въ дома чуждыя внидутъ.

Мысль та же, что и въ предыдущемъ стихѣ. Развратному человѣку грозитъ опасность, что все что онъ приобрѣлъ *крѣпостію* своихъ мышцъ и тяжелымъ *трудомъ*, пойдетъ на продовольствіе не его и его семейства, а въ пользу чужихъ людей, послужить къ обогащенію ихъ: чужіе будутъ сыты, а ты съ семействомъ будешь голодать и бѣдствовать.

Стт. 11. 12. И раскаяшися напоследокъ твой (*въ послѣдніе дни твои*), егда иструтся плоти тѣла твоего (*когда износится плоть тѣла твоего*), и речеши: како возненавидѣхъ наказаніе (*наученіе*) и отъ обличеній уклонися сердце мое?

Къ внѣшнему бѣдствію, о которомъ шла рѣчь выше, присоединится внутреннее мученіе поздняго раскаянія.

Среди оргій разврата и разгула не былъ слышенъ голосъ совѣсти и благоразумія. Но вотъ наступить время, когда уже нельзя будетъ продолжать разгульную жизнь, когда истощенное распутствомъ тѣло износится отъ времени и отъ болѣзней, сопровождающихъ развратъ, и жаръ плотской похоти потухнетъ. Тогда волей-неволей придется опомниться, вполне признать свою вину, свое неблагоразуміе, и вмѣстѣ увидѣть невозможность возвратить то, что утрачено,—здоровье и имуществу; тогда придется спросить себя: *како возненавидѣхъ наученге, и отъ обличеній уклонися сердце мое?* Какъ это я могъ дойти до такого безумія, что не только не внималъ совѣтамъ доброжелательнаго участія ко мнѣ, но еще *ненавидѣлъ* ихъ, съ озлобленіемъ относился къ нимъ? Я терпѣть не могъ чьего бы ни было вмѣшательства въ мои дѣла. Было время, когда я, сдѣлавъ легкомысленный шагъ, могъ еще остановиться, удержаться отъ дальнѣйшаго движенія на пути беззаконія: меня обличали за беззаконіе ближніе мои, друзья, отецъ, мать, жена; но *отъ обличеній уклонилось сердце мое*,—я такъ былъ настроенъ, что никакія обличенія не могли тронуть мое сердце; мнѣ невыносимо было слышать обличительный голосъ правды; я не хотѣлъ вѣрить угрозамъ, которыя однако сбылись. Время, когда я могъ отвратить бѣду, прошло, его не воротишь,—остается только безплодно сожалѣть объ этомъ.

Ст. 13. **Не послушахъ гласа наказующаго мя (наставника моего) и ко учащему мя не прилагахъ уха моего.**

Прододжается самообличеніе. Пришедшій въ себя беззаконникъ съ горечью вспомнить то состояніе нечувствія, когда онъ не только не слушалъ, но и слышать не хотѣлъ наставленія и обличенія.

Ст. 14. **Вмалѣ бѣхъ во всякомъ злѣ (едва не навлекъ я на себя всякое зло) посреѣдѣ церкви и сонмища.**

Развратъ есть такое преступленіе, которое не можетъ не вызывать негодованія общества, чтущаго святость се-

мейной жизни. Виновному въ этомъ преступленіи грозитъ отъ негодующихъ согражданъ (сонмища) всякое зло,—порицанія, отвращеніе отъ общенія съ нимъ въ дѣлахъ житейскихъ, даже смертная казнь, которая совершаема была надъ подобными преступниками всѣмъ *сонмищемъ*, всѣмъ народомъ по приговору *церкви*, т.-е. собранія старѣйшинъ (Лев. 30, 10. Второз. 22, 22 и д.). Подобной опасности всякаго зла подвергся и я, будетъ говорить оплакивающей свое поведение развратникъ.

Ст. 15. Сыне, пій воды изъ своихъ сосудовъ (водоемовъ) и отъ твоихъ кладенцевъ источника (и изъ своихъ родниковыхъ кладезей).

Предостерегая отъ распутства, Соломонъ убѣждаетъ своего ученика довольствоваться законною женой, которую представляетъ подъ образомъ водоема съ дождевою водой и родниковыхъ источниковъ. Для каждаго домовладѣльца, особенно въ странахъ скудныхъ водой, служить предметомъ особеннаго удовольствія имѣть для житейскаго обихода свои водоемы, свои родниковые колодцы, и не имѣть нужды брать воду у сосѣдей или въ общественныхъ водохранилищахъ. Съ подобнымъ удовольствіемъ Соломонъ сравниваетъ обладаніе законною женой, чистое, безъ нарушенія супружеской вѣрности, сожитіе съ нею одною.

**Паремія изъ книги Притчей, въ среду второй седмицы
великаго поста (Притч. 5, 15—23; 6, 1—3).**

Въ сей пареміи предлагается наставленіе о соблюденіи супружеской вѣрности и предостереженіе отъ поручительства за друзей.

Гл. 5. ст. 15. **Сыне, пій воды только отъ своихъ сосудовъ и отъ твоихъ кладенцевъ источника.**

Этотъ начальный стихъ пареміи есть повтореніе послѣдняго стиха предшествующей пареміи и тамъ объясненъ.

Ст. 16. **Да преизливаются тебѣ воды отъ твоего источника, во твои же пути да происходятъ (по твоимъ путямъ пусть проходятъ) твоя воды.**

Въ семь стихѣ, въ соотвѣтствіе сказанному въ предыдущемъ о долгѣ супружеской вѣрности, идетъ рѣчь о плодахъ супружеской вѣрности,—о законныхъ дѣтяхъ, которыя здѣсь представляются подъ образомъ водъ, текущихъ изъ собственнаго, а не чужаго источника. Дѣти и вообще потомки представляются подъ этимъ образомъ и въ другихъ мѣстахъ Писанія (Числ. 24, 7. Иса. 48, 1; 51, 1. 2). Многочадіе есть свидѣтельство благословенія Божія. Этого благословенія желаетъ Соломонъ ученику своему, выражая это желаніе словами: *да преизливаются тебѣ воды отъ твоего источника*, т.-е. да произойдутъ отъ тебя многочисленныя дѣти, и какъ изъ одного обильнаго водой родника льются обильныя ручьи, текущіе изъ него въ разныя стороны, такъ да будутъ твои дѣти сами родоначальниками, основателями своихъ домовъ. Словами: *по твоимъ путямъ пусть проходятъ воды твои*, выражается желаніе, чтобы дѣти шли по стопамъ своего отца, были такъ же цѣломудренны и такъ же строго соблюдали супружескую вѣрность.

Ст. 17. **Да будутъ тебѣ единому имѣнія и да никтоже чуждъ причастится тебѣ (да не участуетъ съ тобою).**

Супружеская вѣрность есть залогъ семейнаго благосостоянія. Тогда какъ развратные расточаютъ свое имущество на чужихъ, вѣрный законной женѣ мужъ собираетъ его только для себя и своего семейства,—никто изъ чужихъ не участвуетъ въ его собственности.

Ст. 18. **Источникъ твоя вода да будетъ тебѣ твой, и веселися съ женою, яже отъ юности твоя** (*какая есть у тебя отъ юности твоя*).

Наставленіе то же, что и въ 15-мъ стихѣ, съ присовокупленіемъ: *веселися съ женою, яже отъ юности твоя*, т.-е. довольствуйся сожитіемъ съ женой, съ которою соединился въ юномъ возрастѣ, и постарайся устроить свои отношенія къ ней такъ, чтобы и на старости лѣтъ ты могъ обрѣтать въ ней утѣшеніе и радость.

Ст. 19. **Елень любви и жребя твоихъ благодатей** (*она, лань любви и юница твоихъ утѣхъ*), **да бесѣдуетъ тебѣ, твоя же да предъидетъ тебѣ и да будетъ съ тобою** (*и какъ твоя, пусть ходитъ подлѣ тебя и пусть будетъ съ тобою*) **во всяко время, въ дружбѣ бо ея спребывай** (*ибо ты сопровождаемый дружбою ея*), **умноженъ будеши.**

Законная жена, какъ подруга мужа отъ юности, выразительно сравнивается съ молодою ланью и всякимъ другимъ молодымъ животнымъ изъ четвероногихъ. Молодые животныя своею миловидностію и игривостію представляютъ не мало привлекательнаго и забавнаго для человѣка, — они легко привыкаютъ къ человѣку, ласкающему ихъ, привязываются къ нему и не отходятъ отъ него. Подобныя отношенія бывають обыкновенны между молодыми супругами. Соломонъ, напоминая мужу о долгѣ супружеской вѣрности, выражаетъ желаніе, чтобы вѣжныя отношенія между мужемъ и женой, установившіяся на первыхъ порахъ ихъ совмѣстной жизни, не ослабѣвали съ теченіемъ времени, чтобы между ними до старости сохранилась взаимная привязанность, чтобы мужъ, любящій жену и ея любимый, не имѣлъ побужденій искать развлеченія на сторонѣ, находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ съ нею одной, въ ея дружбѣ. Счастіе его въ супружеской жизни будетъ притомъ зависѣть не отъ одной дружбы съ женой, но также отъ того, что онъ *умноженъ будетъ*, т.-е. будетъ многочаденъ и въ дѣтяхъ сво-

ихъ, покорныхъ ему и любящихъ его, будетъ находить источникъ новыхъ семейныхъ радостей, которыхъ не промѣняетъ ни на какія развлеченія внѣ домашняго очага.

Ст. 20. Не много буди (не будь привязчивъ) къ чуждеи, ниже объять буди объятіями не своя.

Къ нарушенію супружеской вѣрности могутъ склонять соблазны со стороны чужихъ женщинъ, — ихъ красота, молодость, ласки, наряды и тому под. Но какъ бы ни были сильны эти соблазны и какъ бы въ сравненіи съ чужою ни казалась непривлекательною своя жена, никакъ не слѣдуетъ увлекаться этими соблазнами и предпочитать свою жену чужой.

Ст. 21. Предъ очима бо суть Божиими путіе мужа, вся же теченія его назираеть (Богъ).

Невѣрный мужъ можетъ успокоивать себя надеждой, что люди не узнаютъ его преступныхъ сношеній съ посторонними женщинами и что онъ можетъ безнаказанно прелюбодѣйствовать. Но онъ долженъ удерживать себя отъ этого грѣха не страхомъ обличенія и наказанія отъ людей, но страхомъ Божиимъ, ибо отъ Вездѣсущаго и Всевѣдущаго ничего нельзя утаить, и праведный судъ Божій рано или поздно накажетъ прелюбодѣя посрамленіемъ предъ людьми и другими способами. При встрѣчѣ съ искушеніемъ каждый мужъ долженъ подобно Іосифу цѣломудренному призвать мысль о Богѣ и сказать: *како сотворю малолъ сей злый и согрѣшу предъ Богомъ*, всевѣдущимъ и всеправеднымъ?

Ст. 22. Законопреступленія мужа уловляютъ, плѣницами же (цѣпями) своихъ грѣховъ кійждо затыгаеться (опутываеться).

Блудникъ напрасно думаетъ, что если захочетъ, легко можетъ отстать отъ грѣха. Привычка ко грѣху, безъ особой помощи Божіей, дѣлаеть чловѣка безсильнымъ для борьбы съ нимъ. Рабъ привычки похожъ на птицу уловленную въ сѣть, изъ которой она не въ силахъ вырваться, на узника, скованнаго цѣпями, которыя сбросить съ

себя не въ состояніи. Можно конечно въ этомъ смыслѣ понимать разсматриваемый стихъ, но по связи его съ послѣдующими словами ближе къ истинѣ такое изложеніе его: напрасно блудникъ мечтаетъ при помощи хитрости, друзей, денегъ избѣжать наказанія за грѣхъ отъ людей; напрасно также надѣется, что такъ долго щадившій его Господь и впередъ не накажетъ его. Нѣтъ, рано или поздно его беззаконія приведутъ его къ гибели временной и вѣчной. Чѣмъ больше беззаконничаетъ, тѣмъ большей подвергается опасности запутаться въ собственныхъ сѣтяхъ, очутиться въ такомъ положеніи, въ которомъ долженъ признаться, что онъ самъ себѣ приготовилъ гибель, одного себя признать виновникомъ ея, ибо что посѣялъ, то и пожинастъ (Слич. Пс. 9, 17; 69, 23. Притч. 3, 26).

Ст. 23. Сей скончается съ ненаказанными, отъ множества же своего житія извержется и погибнетъ за безуміе (*избытокъ же жизненности его изсякъ и утратился отъ безумія его*).

Горе распутному, *ненаказанному*, т.-е. не пріавшему вразумленія! Онъ умираетъ съ *ненаказанными*, какъ обыкновенно умираютъ таковыя, т.-е. преждевременно. Онъ въ самомъ себѣ носитъ сѣмя разрушенія: онъ мечталъ прожить до глубокой старости въ однихъ наслажденіяхъ, надѣялся, что обладая избыткомъ силъ, до конца жизни сохранить ихъ для чувственныхъ наслажденій. Такая мечта и надежда—поистинѣ безуміе, за которое онъ будетъ наказанъ; онъ увидитъ, что избытокъ его жизненности преждевременно *изсякъ и утраченъ*, и онъ преждевременно состарился, сталъ хилымъ и изможденнымъ, преждевременно приблизился къ смерти.

Гл. 6, ст. 1. Сыне, аще поручишися за твоего друга, предаши твою руку врагу.

Въ семъ стихѣ предлагается совѣтъ житейской мудрости. Соломонъ предостерегаетъ своего ученика отъ поручительства даже за друга. Ручаться за кого значитъ при-

нимать на себя обязательство въ случаѣ неустойки его отвѣчать за него. Обязательство непременно должно быть исполнено подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ нажить себѣ врага (*предаси руку твою врагу*) въ лицѣ того, передъ кѣмъ принято обязательство, на примѣръ подвергнуться лишенію свободы, закабалить себя въ рабство ему.

Ст. 2. Сѣтъ бо ерѣпка мужу своей устнѣ и плѣняется устнами (рѣчами) своихъ устѣ.

Дать ручательство за кого-либо легко, ибо для сего нужно только слово молвить. Но послѣдствія этого слова могутъ быть весьма тяжки. Далъ слово, держись его,—не сдержишь его, попалъ въ сѣтъ, т.-е. въ бѣду, изъ которой не выпутаешься, пока не исполнишь того, къ чему обязался за друга твоего.

Ст. 3. Твори, сыне, яже азъ заповѣдаю ти, и спасайся.

Неблагодарно ручаться за другаго; но если дано ручательство, надо принять мѣры къ тому, чтобы *спастись* отъ бѣды. Какія же? Тѣ, которыя будутъ предложены въ слѣдующихъ стихахъ (имѣющихъ войти въ составъ новой пареміи). Ученику Премудраго остается только безпрекословно творить то, что заповѣдано ему будетъ относительно этихъ мѣръ.

Прот. В. Нечаевъ..

ПОГРѢШНОСТИ.

Въ майской книжкѣ «Душеп. Чтенія» сдѣлано въ Толкованіи на пареміи два пропуска. На страницѣ 117, строка 16-я, напечатано: если не всегда здѣсь. Надобно читать: если не всегда здѣсь хорошо живется. На строкѣ 8 снизу напечатано: къ дѣтямъ. Надобно читать: къ дѣтямъ въ собственномъ смыслѣ.

ПИСЬМО МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

*къ предсѣдателю московскаго Опекунскаго Совета, князю
Сергѣю Михайловичу Голицыну.*

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! Изъ производившагося въ моск. дух. консисторіи дѣла открылось слѣдующее:

Императорскаго московскаго Вдовьяго дома сердобольная вдова чиновника 12 класса Марья Г—ва Грабовская 1848 года февраля 6 дня получила паспортъ за подписаніемъ коллежскаго assessора Панина, для прожитія во всѣхъ городахъ, съ правоиъ ношенія знака сердобольныхъ вдовъ.

Тогоже 1848 года и тогоже февраля 13 дня, вдова Грабовская вступила во второй бракъ, съ служащимъ въ Межевой канцеляріи губ. секретаремъ Василюемъ Барминымъ, совершенный въ церкви Подольскаго уѣзда, села Пахрина.

Какъ знакъ сердобольныхъ вдовъ, имѣющей образъ креста и изображеніе Божіей Матери, Грабовская получила съ благословеніемъ церковнымъ и съ данною въ церкви присягою посвятить жизнь свою на служеніе болящимъ, но она присягу свою нарушила, оставивъ служеніе, къ которому присягою обязалась, и вдовства своего не сохранила, а находится уже въ супружествѣ: то представляется болѣе нежели сомнительнымъ то, чтобы она имѣла право и приличіе носить знакъ сердобольныхъ вдовъ.

Уваженіе къ достоинству богоугоднаго установленія сердобольныхъ вдовъ и священному знаку онаго, не позволяетъ мнѣ оставить сего случая безъ вниманія, но побуждаетъ довести открывшееся до свѣдѣнія в. с—ва и покорнѣйше просить по сему разсмотрѣнію и о послѣдующемъ увѣдомленія.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

Ноября 26-го 1852.

Примѣчаніе. На отношеніе его высокопреосвященства къ князю Голицыну о бывшей сердобол. вдовѣ Грабовской, переданное управляющему здѣшнимъ Вдовымъ домомъ князю Николаю Ивановичу Трубецкому, послѣдній отъ 2 декабря того же года увѣдомилъ владыку-митрополита, что «сердобольныя вдовы, при увольненіи ихъ изъ Вдовьяго дома, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, данаго въ 21 день ноября 1819 г. за собственноручнымъ подписаніемъ въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, знакъ отличія сердоболія сохраняютъ во всю жизнь, почему означенный крестъ оставленъ былъ и при вдовѣ Грабовской, которой по правиламъ Вдовьяго Дома былъ выданъ и паспортъ, для прожитія, по случаю оставленія при дѣлахъ Совѣта (*Опекунскаго*) всѣхъ ся документовъ; но когда въ послѣдствіи она вышла змужъ за чиновника Бармина, то крестъ этотъ былъ представленъ ею въ Опекунскій Совѣтъ, при прошеніи 3 мая 1848 г., который и былъ переданъ во Вдовій домъ. Что же касается, присовокупяеть князь, до объясняемой вашимъ высокопреосвященствомъ важности возлагаемаго на сердобол. вдовъ креста и принимаемой ими присяги, то я, вполне раздѣляя мнѣніе ваше, милостивый архипастырь, предполагаю представить Опекунскій Совѣтъ мой по сему предмету соображенія».

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1850, ноябр. 5. «Въ дѣлѣ представляется разсмотрѣнію слѣдующее: 1) помѣщикъ г. Тихменевъ проситъ перечислить его съ домою изъ Рождественскаго въ другой приходъ, кромѣ причинъ, по слѣдствію найденныхъ не довольно сильными, потому что желаетъ имѣть другаго священника, а не нынѣшняго, котораго всякой другой принять не можетъ. 2) Члены семейства г. Тихменева, представившіе письмо его, по требованію объясненія вышеозначеннаго, сперва уклонялись, не желая сказать о священникѣ неприятное, а потомъ объяснили, что онъ часто отлучается, и приходя въ домъ (*помѣщика*) требуетъ курительной трубки. 3) Относительно отлучекъ священникъ неудовлѣнительно оправдывается тѣмъ, что младенцы не умирали безъ крещенія, ибо сіе могло быть и при частыхъ его отлучкахъ, по совершенію крещенія другими. 4) Въ куреніи табака прежде священникъ признается; показываетъ, что прекратилъ куреніе табака не потому, чтобы признавалъ сей видъ роскоши неприличнымъ званію, а потому только, что грудь заболѣла, и притомъ куреніе замѣнилъ нюханіемъ, которое нынѣ продолжастъ, да и о куреніи табака въ сіе время говоритъ, что можетъ быть забылся когда-нибудь, то есть, не отваживается сказать, что совсѣмъ не куритъ нынѣ. 5) Сей видъ роскоши неприличенъ духовному званію, какъ потому, что сѣть неестественный, внѣ круга естественныхъ потребностей избрѣтенный прихотію, такъ и потому, что соединенъ съ нечистотою и смрадомъ, неприличными при священнослуженіи; и наконецъ потому, что многимъ причиняетъ соблазнъ. 6) Въ 102 (по нынѣшнему изданію въ 93-й) статьѣ Устава духовныхъ консисторій сказано: по неудовольствію нѣкоторыхъ прихожанъ на священника не должно измѣнять предѣловъ прихода, но разсмотрѣть причины неудовольствія и оказать правосудіе. Посему учинить слѣдую-

щее: 1) священника Ѳедора Поморцева отъ Христорожденскаго, что на Сходнѣ, прихода, удалить. 2) Опредѣлить его Дмитровской округи въ село Ведерницы, чтобы не близко ему было часто бѣгать отъ прихода въ Москву. 3) Подтвердить ему, чтобы табака не употреблялъ, и за симъ благочинному возымѣть наблюденіе. 4) Въ вѣдомости о немъ показывать, что переведенъ изъ села Рождествина (моск. уѣзда) по неудовольствію прихожанъ, между прочимъ, за употребленіе табака».

1844, янв. 3. «Запись о крещеніи нужна для доказательства совершеннолѣтія. Но двадцатичетырехлѣтній возрастъ по самому виду можетъ представить несомнѣнныя знаки совершеннолѣтія. Если женихъ 16 лѣтъ живетъ въ приходѣ: то и исповѣдная книга можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ совершеннолѣтія. По сему священнику не останавливаться за недостаткомъ крещальной записи, и не стѣснять напрасно просителя (*отца женихова*), а приступить къ дознанію мѣстными способами и съ предбрачными предосторожностями, и если кромѣ прописаннаго сомнѣнія не окажется, совершить бракъ и о послѣдующемъ донести съ возвращеніемъ сего».

1850, мая 15. «Изъ разсмотрѣнія обысквой книги, допросовъ и прочаго, открывается слѣдующее: 1) священникъ (*Троицкой, что въ Серебрянникалѣ, церкви*) Цвѣтковъ обвинялъ бракъ Клепина (*купца*) съ Батавиною (*мѣщанкою*), который опредѣленіемъ консисторіи положено было остановить, потому что сего не желаетъ отецъ Клепина, признавая Батавину предосудительнаго поведенія. 2) Обвинялъ безъ согласія отца, котораго и въ Москвѣ не было, подъ предлогомъ, что женихъ и братъ его обѣщали согласіе отца: но сіе не должно было принимать въ уваженіе. 3) Обыскъ написалъ, чрезъ своего родственника, безъ участія причта; и какъ показываютъ діаконъ и дьячекъ, до совершенія брака не показали имъ обыска и документовъ, что противно порядку и обличаетъ его въ томъ, что тѣмъ хотѣлъ скрыть отъ причта незаконность. 4) Важныя части обыска написаны по чищеному и между строкъ, что наводитъ подозрѣніе въ подлогѣ. 5) Хотя священникъ, діаконъ и дьячекъ говорятъ, что невѣста

жила въ ихъ приходѣ около полугода: но сіе ничѣмъ не доказано, и по жениху бракъ чужеприходный. 6) Священникъ Цвѣтковъ не вошелъ о женихѣ въ сношеніе съ его приходскимъ Введенскимъ (на Лубянкѣ) священникомъ, что противно закону и сдѣлано для прикрытія незаконности; ибо Введенскій священникъ объявилъ бы о запрещеніи сего брака отъ начальства. 7) Священникъ, составляя обыскъ одинъ, допустилъ свидѣтеля означить себя неопредѣленнымъ словомъ *чиновникъ*, и гдѣ живутъ свидѣтели, не знаетъ. Чрезъ сіе актъ лишается достовѣрности. 8) 30 рублей сер. даны за бракъ купеческимъ сыномъ, вѣнчающимся украдкою отъ отца, даютъ примѣту, что священникъ дѣйствовалъ изъ корысти. 9) Священникъ Цвѣтковъ прежде былъ подѣ наказаніемъ за неуваженіе къ дому Божію. Посему учинить слѣдующее: 1) поелику священникъ, обвѣнчавъ бракъ Клеина противъ воли отца, съ невѣстою оглашенною отцомъ жениха въ предосудительномъ поведеніи, причинилъ разстройство семейству; поступилъ противъ опредѣленія консисторіи, которое незнающимъ представляется потому только, что уклонился отъ должнаго сношенія съ приходскимъ Клеина священникомъ; дозволилъ себѣ по сему дѣлу и другія незаконности и безпорядки: то дабы удалить сей соблазнительный примѣръ и уменьшить для него случаи къ подобнымъ дѣйствіямъ, чаще встрѣчающіеся въ Москвѣ по самому многолюдству,—перевести его отъ настоящаго мѣста въ село Ногорново (*Дмитров. уѣзда*), если тамошняго мѣста не приметъ священникъ села Алексѣевского, а если приметъ сей, то священника Цвѣткова въ Алексѣевское. 2) Діакону Крылову, который дозволилъ себѣ приступить къ вѣнчанію брака невидавъ обыска, тогда такъ обыскъ открылъ бы ему недостатокъ документовъ и незаконность, положить въ Архангельскомъ соборѣ ~~сто~~ **пятьдесять поклоновъ**. 3) Дьячку Зачатейскому за тоже тамъ же **пятьдесять поклоновъ**.

1861, фев. 15. «Прихожане дѣлаютъ пожертвованія священнику, или даютъ ему пособіе, по принятому обычею, когда онъ для нихъ совершаетъ молебствіе или другую церковную потребу. А повѣрка исповѣдныхъ вѣдомостей (для опредѣленія количества приходскихъ душъ) есть дѣло обязанности священника; и взысканіе священникомъ за сіе денегъ есть дѣйствіе притязательности. Посему съ свя-

щенника за незаконный поборъ съ прихожанъ възыскать рубль сер. на вдовъ и сиротъ, и обязать его подпискою незаконныхъ поборовъ не дѣлать».

1862, мая 11. «Священнику В—кому за то, что онъ прихожанамъ не причащавшимся сдѣлалъ выговоръ, сдѣлать самому выговоръ. Священнику прилично дѣлать кроткія увѣщанія. Выговоромъ скорѣе можно отдалить, нежели привлечь къ церкви и таинствамъ».

1861, марта 2. «Въ тридцати желающихъ одного мѣста многіе достойны, такъ что трудно изъ всѣхъ одному дать рѣшительное преимущество. Діаконство же при той или другой церкви равно. Посему безъ предосужденія достоинству къ рѣшенію дѣла можетъ быть взято въ помощь правило челоуѣколюбія. Діаконъ Сергій Успенскій представляетъ, что онъ съ шестью дѣтми терпитъ крайнюю нужду въ содержаніи при Троицкой церкви (на Хохловкѣ), а при Николаевской (въ Звонаряхъ) церкви надѣется болѣе имѣть средствъ для содержанія своего многочисленнаго семейства. Посему перевести его къ Николаевской церкви».

На прошеніе сельскаго дьячка о дозволеніи взять ему заимообразно изъ церковныхъ денегъ 15 р. сер., срокомъ на два года, на обсеянiе поля, — резолюція отъ 6 мая 1851 года: «Причины займа не представляетъ. А если вѣтъ особенной: то въ слѣдующій годъ, не заплативъ перваго долга, будетъ просить другаго, и конца этому не будетъ. Отказать».

1847, дек. 8. «Б—нскій (смотритель *Мецовскихъ училищъ, Калужской епархіи, съ академическимъ образованіемъ*) неосмотрительно и неблагоговѣйно поступилъ, пришедъ просить отъ священнослужащаго строителя (*Мецовскаго монастыря, ищъ и училище, іером. Никодима*) разрѣшенія говорить проповѣдь въ важное время священнослуженія. Сіе надлежало сдѣлать благовременнѣе... При попеченіи о возстановленіи порядка, нельзя оставить безъ вниманія поступокъ строителя, который не оказалъ уваженія и довѣрія начальнику училища, не допустивъ до произнесенія

проповѣди потому только, что поздно ему о семъ доложено. За проповѣдь (*цензурованную*) строитель не отвѣчаетъ, и потому не нужно было ему много заботиться. Приступающему къ причащенію св. тайнъ лучше было дать мирный отвѣтъ, и съ миромъ приступить, нежели оскорбить ближняго въ сіе время отказомъ. Недопущеніе до произнесенія проповѣди, по всему вѣроятію, примѣчно подчиненными Б—нскаго, и тѣмъ болѣе оскорбительно и вредно. Вѣроятно, было сіе не безъ соблазна и для прочихъ присутствовавшихъ въ праздникъ въ церкви (*Духовъ день*); ибо въ небольшомъ городѣ лице начальника училища есть видное и знакомое. Посему нужно представить вниманію и благопопечительности преосвященнаго (*калузскаго Николая*), чтобы строитель былъ вразумленъ, и приняты были мѣры къ устраненію подобныхъ съ его стороны столкновеній».

Примѣчаніе. Самъ не получившій высшаго образованія, о. Никодимъ не долюбивалъ вообще ученыхъ.

1839, іюля 27. «Священникъ въ бытность свою въ семъ монастырѣ (*Старо-Голутвинъ*), замѣченъ не исправляющимъ никакого церковнаго дѣла. Поелику онъ между прочимъ отозвался, будто тамошняя братія нерасположена къ тѣмъ, которше по рожденію суть духовнаго званія: то хотя нѣтъ ни малѣйшей причины дать вѣру такому его извѣтѣ, лучше устранить его отъ общества, которымъ онъ недоволенъ и которое оскорбилъ своимъ извѣтомъ. Посему 1) перевести его въ Давидову пустынь. 2) Поручить настоятелю занять его чтеніемъ въ церкви, или подобнымъ занятіемъ и чрезъ мѣсяць, или два представить, будетъ ли священникъ заслуживать разрѣшеніе священнослуженія».

1862, дек. 8. «Вразумить монахиню, что сіе прошеніе (*о дозволеніи перейти ей въ какой-либо другой монастырь*) незаконно, вопервыхъ потому, что она обязана пребывать въ томъ монастырѣ, гдѣ дала обѣтъ, вовторыхъ потому, что оно соединено съ неповиновеніемъ законному опредѣленію начальства (*о невыходѣ изъ обители въ теченіе полугодя*). Только по снисхожденію можетъ она быть переведена въ другой монастырь къ такой настоятельницѣ, которая принять ее согласится».

1852, фев. 28. «Священникъ (села Семеновскаго) непорядочно поступилъ, взявъ сосуды (священнослужебные) для чищенія въ домъ, что надлежало произвести въ церкви, самому, или чрезъ діакона, и неосмотрительно, когда потерялъ лжицу, бывшую въ священномъ употребленіи, отъ чего она ходила по мірскимъ рукамъ, конечно съ неблагопріятною гласностію (*крестьянинъ на дорогѣ не подалеку отъ церкви поднявшій лжицу, уроненную изъ пелены, при несеніи сосудовъ обратно въ церковь, продалъ въ г. Клинь мельнику, отъ котораго и возвращена по принадлежности безъ всякой за нее платы*). За сіе положить ему въ очищеніе совѣсти въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ (нѣскольکو) поклоновъ; впрочемъ въ уваженіе одобряемато поведенія, въ послушный списокъ сего не вносить».

1852, янв. 20. «Какъ священникъ Величкинъ (села Новаго на Дубнѣ) признался, что бракъ совершилъ чужеприходный, представляя нелѣпое оправданіе, что поступилъ по примѣру прочихъ, ибо незаконные поступки не могутъ быть примѣромъ для подражанія: то послать его на недѣлю съ запрещеніемъ священнослуженія въ Покровскій монастырь, для увѣщанія, чтобы не преступалъ предѣловъ положенныхъ закономъ».

Фев. 6. «Отнести сіе рѣшеніе къ епископскому суду, и въ послушной списокъ не вносить».

1832, мая 3. «Преосвященный (*Николай*) по предложенному при семъ прошенію дочери вѣчно-цеховаго Бѣлозеровой имѣеть поручить приходскому священнику и духовнику оболъстителя, спросить сего послѣдняго по совѣсти и увѣщевать, чтобы раскаялся и исправилъ беззаконіе закономъ, подъ опасеніемъ за обличаемое преступленіе суда и наказанія гражданскаго; и о томъ, какой будетъ успѣхъ представить для усмотрѣнія, нужно ли дать сему дѣлу формальный законный ходъ».

Сообщилъ Архим. Григорій.

ПЕРВОЕ СОВОРНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПЕТРА

съ объяснительными примѣчаніями.

Г Л А В А III.

Наставленія женамъ (1—6), мужьямъ (7) и всѣмъ христіанамъ (8—17). Христосъ пострадавшій, сошедшій во адъ, воскресшій и вознесшійся (18—22).

1. Такжеже же и жены повинуются своимъ мужемъ, да и аще тѣмъ не повинуются слову, женскимъ житіемъ безъ слова плънсти будутъ:

2. Видѣвши еже со страхомъ чисто житіе ваше.

1. Также и вы, жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова приобрѣтаемы были,

2. Когда увидятъ ваше чистое, богобоязненное житіе.

Также и вы, жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ: отъ рѣчи о обязанностяхъ рабовъ въ отношеніи къ господамъ (2, 18 и дал.) Апостоль переходитъ къ рѣчи о брачныхъ обязанностяхъ и отношеніяхъ взаимныхъ женъ и мужей, и по связи смыслъ рѣчи апостольской таковъ: повиновеніе женъ своимъ мужьямъ есть столь же (*также и*) необходимая и святая обязанность, какъ и послушаніе рабовъ ихъ господамъ, и конечно по тѣмъ же высокимъ, вытекающимъ изъ чистаго христіанскаго духа, причинамъ, которыя выше указалъ Апостоль, а равно и по той, которая раскрывается далѣе. Почему Апостоль переходитъ отъ рѣчи объ отношеніяхъ рабовъ къ господамъ къ рѣчи о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ, не упомянувъ объ

отношеніи господь къ рабамъ, какъ то дѣляетъ апостоль Павелъ (напр. Ефес. 6, 9. Кол. 3, 25),—догадаться трудно (да и нужно ли?). Можетъ быть потому, что въ тѣхъ странахъ, куда писалъ Апостоль это посланіе (1, 1 и прим.), не было вѣрующихъ во Христа господь между рабовладѣльцами?—Повинуйтесь (то же слово, которое употреблено выше въ рѣчи о повиновеніи рабовъ господамъ—2, 18) своимъ (*ιδιοις* — своимъ собственнымъ) мужьямъ: усиленное выраженіе, объясняемое положеніемъ тогдашнихъ христіановъ; были христіанки за христіанами, были христіанки за іудеями невѣровавшими во Христа, были христіанки и за язычниками, и у послѣднихъ изъ нихъ весьма естественно могло породиться искушеніе — быть подъ особеннымъ руководствомъ лицъ, уже просвѣщенныхъ христіанскою вѣрой, т.-е. чужихъ мужей, стать въ особенныя отношенія повиновенія чужимъ мужьямъ, чрезъ что могли порождаться недоразумѣнія и нестроенія въ семейной жизни. Апостоль съ особенною пѣжностію предостерегаетъ такихъ женъ отъ подобнаго искушенія, повелѣваетъ повиноваться своимъ собственнымъ мужьямъ, хотя бы они были и невѣрующіе, указывая далѣе и ближайшую цѣль такового повиновенія. Само собою разумѣется, что это же самое относится, и еще въ высшей степени по духу христіанства, и къ женамъ, имѣющимъ мужей христіанъ.—Чтобы тѣ (точнѣе—и тѣ) изъ нихъ (т.-е. мужей), которые и пр. Апостоль очевидно предполагаетъ, что между мужьями есть и христіане и еще не увѣровавшіе во Христа, и предполагая, что первые послушаніемъ женъ и слѣдовательно тихою и мирною семейною жизнью утверждаются въ своей христіанской жизни и христіанскомъ образѣ дѣятельности, поставляетъ цѣлю повиновенія христіанокъ мужьямъ невѣрующимъ, приобращать сихъ послѣднихъ къ вѣрѣ во Христа, т.-е. обращать въ христіанство именно этимъ повиновеніемъ ихъ и богобоязненнымъ житіемъ.—Не покоряются слову: т.-е. проповѣди евангельской, не вѣруютъ ей, не вѣруютъ во Хри-

ста. Таковые, по Апостолу, могутъ быть приобретаемы, т.-е. обращаемы къ вѣрѣ, приобретаемы для Церкви, для царствія небеснаго, безъ слова, которому они не вѣруютъ, безъ новой имъ проповѣди, безъ особыхъ словесныхъ убѣжденій, житіемъ женъ. Образъ чистаго христіанскаго поведенія, основой котораго должна быть покорность мужьямъ, со стороны женъ такъ сильно можетъ воздѣйствовать на природу мужей, что они какъбы невольны могутъ убѣдиться, что вѣра тѣхъ женъ, которыя ведутъ такую прекрасную жизнь, есть вѣра правая, чистая, истинная, и могутъ обратиться къ этой вѣрѣ. «Безъ слова приобретаемы были: слова сіи значатъ или то, что приобретаемы бывають безъ всякаго разсужденія и противорѣчія, или то, что доказательство отъ дѣлъ сильнѣе слова и искусственности, какъ и святой мужъ сказалъ: дѣло, не сопровождаемое словомъ, лучше слова, не сопровождаемаго дѣломъ» (Оеофил.). Характеристическими чертами такого житія кромѣ повиновенія мужьямъ, апостоль представляетъ чистоту и богобоязненность—два качества, которыя особенно привлекательны въ женщинахъ.

3. *Иже да будетъ не вышняя плетения власъ, и обложенія злата, или одыяннѣя ризъ льпота:*

4. *Но потасный сердца чловѣкъ, въ неистыльнѣи кроткаго и молчаливаго духа, еже есть предъ Богомъ многоцѣнно.*

3. Да будетъ украшеніемъ вашимъ не вышнее плетеніе волосъ, не золотыя уборы, или нарядность въ одеждѣ,

4. Но сокровенный сердца чловѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ.

Да будетъ украшеніемъ вашимъ и пр.: стремленіе къ украшеніямъ для возвышенія красоты какъбы врожденно по преимуществу женщинамъ. Апостоль указываетъ, въ чемъ состоитъ истинное украшеніе женщины-христіанки, къ приобретению котораго, какъ единственнаго истиннаго украшенія, возвышающаго красоту ея, она должна стремиться, указываетъ сперва отрицательно (ст. 3), потомъ положительно (ст. 4). Отрицательную чисто вышнюю сторону Апостоль указываетъ по противоположенію

язычницамъ, положительную указываетъ внутреннюю, вытекающую изъ чистыхъ религіозныхъ представленій—іудейскихъ и христіанскихъ. Недостойнымъ женщины-христіанки украшеніемъ Апостолъ считаетъ внѣшнее плетеніе волосъ, на что такъ неистощимо изобрѣтательна женская суетность подѣ вліяніемъ неистощимыхъ модъ, золотые уборы и нарядность одежды. Осуждая эти виды украшеній, Апостолъ конечно не совѣтуетъ неряшливости и неопрятности, онъ только осуждаетъ роскошь и проявленія женскаго кокетства и суетливаго стремленія завлечь мужчинъ внѣшними украшеніями въ прическѣ и одеждѣ. Въ противоположность этому суетному, недостойному женщины-христіанки украшенію, Апостолъ указываетъ истинное украшеніе внутреннее, духовное.—Сокровенный сердца человѣкъ: это—то же, что апостолъ Павелъ называетъ внутреннимъ человѣкомъ въ противоположность внѣшнему (Рим. 7, 29. 2 Кор. 4, 16. Еф. 3, 16). Этотъ внутренний или сокровенный человѣкъ есть то духовное настроеніе сердца, которое производится дѣйствіемъ Духа Божія, духовный образъ мыслей, чувствованій и желаній, согласный съ духомъ христіанскимъ и отличающій христіанина отъ язычника во всемъ внутреннемъ строѣ жизни чистотою, духовностію, святостію. Это украшеніе или красота должна быть принадлежностію всѣхъ христіанъ, и женщинъ и мужчинъ. Примѣненіе этого общаго идеала собственно къ женщинамъ Апостолъ указываетъ въ чертахъ обозначенныхъ словами: въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа. У мужчинъ могутъ быть другія качества возвышенныя, въ которыхъ можетъ выражаться этотъ внутренний или сокровенный сердца человѣкъ; у женщинъ кротость и молчаливость духа составляютъ высшую нетлѣнную красоту ихъ сокровеннаго человѣка.—Нетлѣнной: противоположность тѣмъ тлѣннымъ, суетнымъ и скоропреходящимъ украшеніямъ, о которыхъ выше говоритъ Апостолъ (ст. 3), какъ недостойнымъ женщины-христіанки. Красотѣ: черты, въ которыхъ Апостолъ

изображаетъ сокровеннаго человѣка, составляють не украшеніе только, а настоящую дѣйствительную, истинную красоту, которой нельзя замѣнить никакимъ украшеніемъ.—Кроткаго: противоположность гнѣвливости, жестокости, своеволю, гордости и т.-п. (ср. прим. къ Матѳ. 5, 5. 11, 29).—Молчаливаго: спокойнаго, тихаго, безъ страстныхъ возбужденій и порывовъ. Оба эти качества—кротость и молчаливость, имѣють особенно тѣсное отношеніе къ покорности женъ къ мужьямъ.—Духа: разумѣется не духъ Божій, но духъ человѣческій, такъ настроенный и направляемый Духомъ Божиимъ. Такое настроеніе духа, какъ высшая красота женщины-христіанки, драгоцѣнно предъ Богомъ: то внѣшнее суетное украшеніе имѣеть цѣну только въ глазахъ людей, и то не всѣхъ; это же драгоцѣнно предъ судомъ божественной правды и милости, и какъ драгоцѣнное, приноситъ обладающей имъ Божіе благословеніе и награду. Конечно и болѣе благоразумные изъ людей всегда отдадутъ преимущество и предпочтеніе этой внутренней духовной красотѣ женщины предъ всякими внѣшними украшеніями. Когда и въ комъ полно осуществляется этотъ, кратко начертанный Апостоломъ идеаль женской красоты: то онъ способенъ поражать собою даже легкомысленныхъ, даже нехристіанъ. Вѣроятно пораженный подобною красотою женщинъ-христіанокъ, извѣстный языческій риторъ Ливаній воскликнулъ: «о, что за женъ имѣють христіане!» И внѣшнюю некрасивость эти качества преобразуютъ въ красоту.

5. *Тако бо иногда и святыя жены, уповающія на Бога, украшаютъ себе, повинующаясь своимъ мужемъ:*

6. *Икоже Сарра послушаше Авраама, господина того зовущи, сяже быше чада: благотворяще и не боящися ни единого страха.*

5) Такъ нѣкогда и святыя жены, уповающія на Бога, украшали себя, повинуваясь своимъ мужьямъ.

6. Такъ Сарра повиновалась Аврааму, называя его господиномъ. Вы дѣти ея, если дѣлаете добро, и не смущаетесь ни отъ какого страха.

Въ подтвержденіе или даже въ основаніе своего увѣщанія женщинъ къ повиновенію ихъ мужьямъ, какъ высшему украшенію ихъ, Апостоль указываетъ на примѣръ святыхъ женъ ветхозавѣтныхъ въ ихъ отношеніи къ мужьямъ, отличительною чертой каковыхъ отношеній было именно ихъ повиновеніе мужьямъ.—Нѣкогда: т.-е. въ ветхомъ завѣтѣ, какъ это видно изъ прямо приведеннаго вслѣдъ за симъ примѣра Сарры.—Уповающія на Бога: упованіе на Бога какъ основная черта святости этихъ святыхъ женъ, которымъ по ихъ святости и упованію на Бога слѣдуетъ подражать въ образѣ жизни и дѣйствій.—Украшали себя, повинувась: повиновеніе мужьямъ служило имъ украшеніемъ, въ примѣръ женамъ-христіанкамъ (ср. 1 Тимоѳ. 2, 9—10). Въ частности Апостоль указываетъ на примѣръ Сарры въ ея отношеніи къ мужу своему Аврааму, примѣръ особенно сильный для женъ христіанокъ изъ еврейнокъ. Какъ отличительную черту этихъ отношеній Апостоль обозначаетъ повиновеніе ея Аврааму, имѣя въ виду не одинъ какой-либо или нѣсколько частныхъ случаевъ таковаго повиновенія, но поставляя эту черту, какъ отличительную черту вообще отношеній ея къ Аврааму, какъ жены къ мужу. Во свидѣтельство таковыхъ именно отношеній Апостоль указываетъ на то, что она называла его своимъ господиномъ, какъ это видно изъ повѣствованія книги Бытія (18, 12; ср. 1 Цар. 1, 8 по 70), хотя они оба имѣли одного отца по плоти (Быт. 20, 12).—Вы дѣтися, если и пр.: какъ апостоль Павелъ вѣрующихъ язычниковъ по ихъ вѣрѣ называетъ дѣтьми Авраама, отца вѣрующихъ (Рим. 4, 16 и парал.), такъ апостоль Петръ вѣрующихъ во Христа женщинъ называетъ дѣтьми Сарры, разумѣется, по вѣрѣ, по духу, что почиталось великою честью особенно для еврейнокъ.—Если дѣлаете добро: не въ смыслѣ повиновенія только мужьямъ, о чемъ непосредственно ведетъ рѣчь Апостоль, но вообще въ смыслѣ добродѣтельнаго житія, къ каковому онъ выше убѣждалъ всѣхъ (2, 12), какъ и вообще мы видимъ у него, что онъ

частныя наставленія перемѣшиваетъ съ общими, восходя отъ первыхъ къ послѣднимъ и нисходя обратно.—Не смущаетесь ни отъ какого страха: будетъ ли то страхъ, наводимый невѣрующими мужьями на вѣрующихъ женъ по недоразумѣнιάмъ относительно вѣры и образа дѣятельности, или же страхъ со стороны вообще невѣрующаго міра въ его враждѣ противъ христіанства. При упованіи на Бога, каковое имѣли св. жены (ст. 5), и добродѣтельной, чистой и богобоязненной жизни (ст. 2), никакой страхъ не долженъ имѣть никакого мѣста въ душѣ ихъ и не долженъ возмущать ихъ сокровеннаго человѣка въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа ихъ (ст. 4), откуда бы ни исходилъ на нихъ такой страхъ. Блаженный Теофилактъ на слова: не смущайтесь ни отъ какого страха—наводитъ еще такое толкованіе: «при украшеніи, приличномъ христіанкамъ, убѣждаетъ ихъ быть и милостивыми, не опасаясь за то взысканія отъ своихъ мужей. Ибо это хочеть выразить словами: не смущайтесь ни отъ какого страха. Ибо естественно, что мужья требуютъ иногда отъ нихъ отчета въ издержкахъ. Такою возвышенною рѣчью убѣждая бережливыхъ и малодушныхъ женщинъ къ тому, чтобы онѣ щедрѣе раздавали домашнія вещи, Апостоль и мужей удерживаетъ отъ строгости» (Теофил.).

7. Мужіе такожде, вкупѣ живуще съ своими жснами по разуму, яко немоцнѣйшиму сосуду жемскому, воздиюще честь, яко и сластѣдницы благодатныя жизни, во еже не прекращатися молитвамъ вашимъ.

7. Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ немоцнѣйшимъ сосудомъ, оказывая имъ честь, какъ сонаслѣдницамъ благодатной жизни, дабы не было вамъ препятствія въ молтвахъ.

Также и вы, мужья, обращайтесь и пр.: тягостное положеніе женщины какъ въ древнемъ азыческомъ мірѣ, такъ и у евреевъ (по жестокосердію ихъ Матѣ. 5, 32—33. 19, 8—9 и прим.), несогласное съ духомъ христіанства, побуждаетъ Апостола, давшаго наставленіе о повиновеніи

жены мужу, дать наставленія и мужу относительно его жены, чтобы это наставленіе о повиновеніи жены не подало мужу повода злоупотреблять этимъ повиновеніемъ. Обращайтесь благоразумно: характеръ этого благоразумія опредѣляется дальнѣйшими словами: какъ съ немощнѣйшимъ (сравнительно съ мущиной) сосудомъ; значитъ благоразуміе это должно состоять въ бережномъ обращеніи съ женой, ибо это немощный, слабый, хрупкій сосудъ, а съ такими сосудами благоразуміе требуетъ обращаться вообще бережно, такъ какъ такой сосудъ легче можно разбить, чѣмъ сосудъ твердый, который можетъ выдержать и не очень бережливое обращеніе съ нимъ. Отъ благоразумія мужа зависитъ опредѣлить, въ чемъ должно состоять это бережное обращеніе его съ женой поелику въ этомъ случаѣ частныхъ сторонъ, зависящихъ отъ многообразнѣйшихъ обстоятельствъ жизни, опредѣлить совершенно невозможно. Блаженный Теофилактъ, указывая на одну частную черту такого отношенія мужа къ женамъ, говоритъ, перефразируя слова Апостола: «обращайтесь благоразумно, т.-е. примите во вниманіе слабость и склонность женскаго пола къ малодушію и будьте къ женамъ великодушны, не требуя съ раздражительностію отчета въ томъ, что имъ ввѣрено по хозяйству. Убѣждаетъ мужей не взыскивать строго съ женъ для того, какъ мы сказали, чтобы онѣ были щедрѣе въ подаваніи бѣднымъ» (Теофил.). Кромѣ сего Апостоль обозначаетъ еще одну характеристическую частную черту этого благоразумія, именно, что мужъ долженъ оказывать женѣ честь, или подобающее ей уваженіе. Этимъ изгоняется изъ семейныхъ отношеній деспотизмъ мужа надъ женой, несогласный съ духомъ христіанства, но въ тоже время обуздывается и произволь и капризы женщины, не менѣе несогласныя съ духомъ христіанства: жена должна повиноваться мужу, а мужъ долженъ оказывать уваженіе женѣ.—Какъ сонаслѣдницамъ благодатной жизни: основаніе, почему мужъ долженъ оказывать честь женѣ, основаніе

болѣе возвышенное, чѣмъ простое, вытекающее изъ естественныхъ свойствъ женскаго пола, основаніе чисто христіанское. Жена равночестна мужу въ томъ отношеніи, что и ей принадлежитъ участіе въ наслѣдїи обѣтованій благодатной жизни, т.-е. наслѣдіе вѣчнаго спасенія, дарованнаго Господомъ Иисусомъ Христомъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него безъ различія, и мужчинамъ и женщинамъ.оборотъ апостольской рѣчи предполагаетъ обоимъ супругамъ христіанъ, равно какъ и дальнѣйшія слова: дабы не было вамъ препятствія въ молитвахъ, разумѣются очевидно совокупныя домашнія и общественныя молитвы супруговъ-христіанъ. Апостоль указываетъ препятствіе къ таковой молитвѣ въ томъ, если мужъ не будетъ оказывать подобающей чести женѣ; молитва христіанская требуетъ примиреннаго со всѣми настроенія духа (ср. Матѣ. 5, 23; 6, 14. 1 Іоан. 3, 21. 1 Тим. 2, 8), а тамъ, гдѣ женѣ не оказывается подобающаго уваженія, неизбѣжно привносится въ супружескія отношенія огорченіе, неудовольствіе, иногда раздоръ, значить во всякомъ случаѣ неспокойное, непримиренное настроеніе духа, несообразное съ требованіями и характеромъ истинной христіанской молитвы.

8. *Конецъ же, вси единомудренни будите, милостиви, братолюбцы, милосердни, благоутробни, мудролюбцы, смиренномудри:*

9. *Не воздающе зла за зло, или досажденія за досажденіе: супротивное же, благословяще, въдыще, яко на се звані бысте, да благословеніе наследите.*

8. Наконецъ будьте всѣ единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружеслюбны, смиренномудры.

9. Не воздавайте зломъ за зло, или ругательствомъ за ругательство; напротивъ благословляйте, зная что вы къ тому призваны, чтобы наследовать благословеніе.

Наконецъ, преподавъ частныя наставленія рабамъ, женамъ и мужьямъ, Апостоль предлагаетъ наставленія общія всѣмъ, безъ различія званій и состояній. Сущность этихъ и дальнѣйшихъ (ст. 9 и д.) наставленій, сосредоточивается въ одной главнѣйшей заповѣди христіанской: лю-

бите всѣ другъ друга и дѣлайте всѣмъ добро.—Будьте единомысленны: имѣйте одинаковый образъ мыслей, какъ въ отношеніи къ ученію христіанскому, такъ и въ отношеніи къ дѣятельности христіанской, чтобы не было раздѣленій и несогласій относительно предметовъ вѣры (ср. 1 Кор. 1, 8) и не было недоразумѣній въ образѣ дѣйствій (ср. 2 Кор. 13, 11. Фил. 2, 2), вообще—чтобы было согласіево всемъ.—Сострадательны: общее—сочувственны, или сочувствующи; разумѣется такое настроеніе сердца, которое живо и сочувственно отзывается ко всякому положенію ближнихъ, и къ счастью и къ горю, съ радующимися радуется и съ плачущими плачетъ (ср. Рим. 12, 15. 1 Кор. 12, 25. Евр. 13, 3).—Братолюбивы: ср. 1. 22; 4, 8; 5, 9. Рим. 12, 10.—Милосерды: въ отношеніи особенно къ бѣднымъ и несчастнымъ и всѣмъ требующимъ помощи, духовной ли то, или вещественной; на бѣдствія и тяжелыя положенія ближнихъ христіанинъ хотя и смотритъ какъ на опредѣленіе непреложной воли Божіей, наказующей или карающей, но тѣмъ не менѣе сочувствуетъ бѣдствующимъ по христіанской любви къ нимъ и милосердустъ о нихъ.—Дружелюбны: дружески мыслящіе и дѣйствующіе въ отношеніи ко всѣмъ, дѣлающіе для нихъ то, что имъ не только полезно, но и пріятно.—Смиреномудры: истинно смиренны (въ противоположность смиреннолукавымъ, которые, имѣя только видъ смиренія и обманывая тѣмъ другихъ, достигаютъ симъ своихъ печистыхъ цѣлей), какъ предъ Богомъ (ср. Дѣян. 20, 19), такъ и предъ людьми (ср. 5, 5. Фил. 2, 3); смиреніе, какъ искреннее сознаніе собственнаго недостойнства и ничтожества (въ противоположность гордости), есть основаніе или источникъ всякаго нравственнаго совершенствованія, какъ гордость есть источникъ всяческихъ нравственныхъ паденій и закоренѣлости во злѣ.—Не воздавайте зломъ за зло, ибо это совершенно несогласно съ ученіемъ христіанскимъ, какъ съ ученіемъ, въ основѣ коего лежитъ любовь ко всѣмъ, даже и ко врагамъ, какъ то изрекалъ самъ

Христось (Матѣ. 5, 39 и дал. Лук. 6, 27 и дал.; ср. Рим. 12, 17).—Напротивъ благословляйте: такъ повелѣлъ самъ Господь (Матѣ. 5, 34 и дал.; ср. прим.); благословлять — желать всякаго блага и доказывать то словами и дѣлами,—настроение духа, совершенно противоположное тому, какое побуждаетъ воздавать зломъ за зло и ругательствомъ за ругательство. «Говорю всѣмъ вообще, ибо это конецъ, у всѣхъ одна цѣль—спасеніе, у всѣхъ одинъ законъ—любовь. Отсюда рождается всякая добродѣтель, смиренномудріе, состраданіе, милосердіе и проч. Изъ нихъ единомудріе есть совершенно безразличное согласіе въ чемъ-нибудь. Состраданіе—сожалѣніе къ злострадающимъ, такое же какъ и къ самимъ себѣ. Братолюбіе—расположеніе къ ближнимъ такое, какое должно быть къ братьямъ. Благоутробіе—душевное стремленіе къ благотворенію однороднымъ. Любомудріе—кротость и дружелюбіе со всѣми, какъ знакомыми, такъ и друзьями. Смиреніе или смиренномудріе — перенесеніе хулы отъ другаго, сознаніе своей грѣховности, перенесеніе обвиненій, что можно бы назвать благомысліемъ. Досажденіе есть происходящая отъ дурной привычки наклонность къ злословію. Сими-то добродѣтелями украшайтесь» (Θеофил.). Зная, что вы и пр.: какъ ученики Христовы и чада Божіи вы призваны на то, чтобы благословлять, а не проклинать враговъ вашихъ и тѣмъ самымъ наслѣдовать и самимъ благословеніе Божіе (Лук. 6, 38 и парал.), какъ здѣсь на землѣ, такъ и на небѣ въ царствѣ небесномъ.—Наслѣдовать: см. прим. къ Матѣ. 5, 5.

10. Хотяй бо животь любити и видѣти дни благи, да удержитъ языкъ свой отъ зла, и устыи свои еже не глаголати лести.

11. Да уклонится отъ зла, и да сотворитъ благо: да възыцеть мира и да держится его.

12. Зане очи Господни на праведныя, и уши Его въ молитву ихъ: лице же Господне на творящія злая, еже потребити ихъ отъ земли.

10. Ибо кто любитъ жизнь, и хочетъ видѣть добрые дни, тотъ удерживай языкъ свой отъ зла, и уста свои отъ лукавыхъ рѣчей;

11. Уклоняйся отъ зла и дѣлай добро; ищи мира и стремись къ нему.

12. Потому что очи Господа обращены къ праведнымъ и уши Его къ молитвѣ ихъ, но лице Господне противъ дѣлающихъ зло, (чтобы истребить ихъ съ земли).

Ибо кто любитъ жизнь и пр.: излагается основаніе для предшествующихъ наставленій и вмѣстѣ побужденіе къ такому образу дѣйствій, какой въ нихъ указанъ. Указано это основаніе и побужденіе словами ветхозавѣтнаго писанія, что должно было имѣть особую силу въ глазахъ читателей изъ евреевъ. Слова приведены почти съ буквальною точностію изъ Псалма 33 (13—17), въ которомъ Давидъ благословляетъ и славословитъ Господа.—Кто любитъ жизнь и пр.: рѣчь не о той погибельной любви къ жизни, отъ которой предостерегалъ Господь (Матѳ. 10, 39; 16, 25 и парал. Іоан. 12, 25; ср. прим.), но о любви къ жизни тихой, мирной, добродѣтельной, какъ показываютъ дальнѣйшія слова—видѣть добрые дни (1 Тим. 2, 2). «Кто любитъ жизнь, т.-е. кто преобразовываетъ себя для истинной жизни и хочетъ показать ее достолюбезною (ибо на это указываетъ выраженіе—кто любитъ, какъ бы показать ее вождельною для людей до перебора), тотъ, пусть неуклонно держится того, что вмѣстѣ со мной предлагаетъ и пророческое слово» (Θеофил.). Видѣть—тоже что испытывать, пользоваться (Іоан. 3, 2). Такая счастливая жизнь есть даръ милости Божіей, но и человѣкъ со своей стороны долженъ употреблять какія только возможны для него средства для достиженія этой высокой цѣли жизни. Средства дѣйствительныя, указанныя псалмопѣвцемъ и съ его словъ Апостоломъ, суть: удержаніе языка отъ злыхъ и лукавыхъ рѣчей, т.-е. обузданіе языка, что съ такою силой изображаетъ апостоль Іаковъ (Іак. 3, 2 и дал. ср. прим.); выраженіе указываетъ на естественную необузданность языка, на его упорное стремленіе къ злу. Далѣе удаленіе вообще отъ зла и дѣланіе добра; таковыхъ и Богъ благословляетъ, и люди любятъ, а тѣмъ самымъ и жизнь таковыхъ благоустраивается. Потому что очи Господа и пр.: общая мысль, выражаемая сими словами, та, что Господь Богъ благоволитъ и благословляетъ праведныхъ, т.-е. обуздывающихъ языкъ, отвращающихся отъ зла и дѣлающихъ добро, и отвращается и наказываетъ тѣхъ,

кто не имѣеть сихъ добродѣтелей, вслѣдствіе чего и жизнь ихъ не благоустроится. Повидимому иногда бываетъ и наоборотъ, что праведные терпятъ бѣдствія, и нечестивые благоденствуютъ; но праведникъ и въ бѣдствіяхъ болѣе счастливъ духовно, чѣмъ нечестивый въ своемъ благоденствіи, и рано или поздно оба они получаютъ то, на что указываетъ псалмопѣвецъ и съ нимъ Апостолъ. Общая мысль представлена здѣсь образно. Богъ представляется какъ человѣкъ съ лицомъ милостивымъ къ однимъ и грознымъ къ другимъ: очи и уши Господа, обращенныя къ праведнымъ и молитвы ихъ, означаютъ милостивое вниманіе къ нимъ, благословеніе ихъ; лице же Его грозное есть обозначеніе гнѣва Его противъ нечестивыхъ и наказаніе ихъ. Гнѣвъ обыкновенно выражается во всемъ возбужденномъ лицѣ; любовь и милость отражаются по преимуществу въ глазахъ.—Чтобы истребить ихъ: напряженное выраженіе гнѣва и наказанія нечестивыхъ, что рано или поздно и исполняется на нихъ такъ или иначе.

*13. И кто озлобитъ васъ, аще
благому подобныи будете;*

13. И кто сдѣластъ вамъ зло,
если вы будете ревнителями добраго?

И кто сдѣластъ вамъ зло и пр.: вопросомъ Апостолъ выражаетъ отрицаніе, т.-е. никто вамъ не сдѣластъ зла (ср. Рим. 8, 33). Кто сѣетъ добро, тотъ вправѣ ожидать, что и пожнетъ добро. Рѣчь Апостола впрочемъ не предполагаетъ, что непременно ревнителю добраго никто не сдѣластъ зла; часто повторяемое въ этомъ посланіи наставленіе о безропотномъ перенесеніи неправедно причиняемыхъ скорбей и бѣдствій говоритъ противное сему. По неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ Богъ попускаетъ и праведникамъ претерпѣвать зло, тѣмъ болѣе, что и праведники въ настоящей жизни не свободны отъ грѣховъ, которые и очищаются посылаемыми на нихъ скорбями и страданіями, какъ наказаніемъ за грѣхи сіи. Въстѣ съ симъ Апостолъ даетъ понять читателямъ, что если и они претерпѣваютъ зло и скорби со стороны людей, то не не-

заслуженно, что хотя они и ревнители добраго, но не вполне еще теперь таковы (будете); въ мѣру ихъ несовершенства въ семь отношеніи и посылается на нихъ Богомъ зло и страданія. Вотъ если они совершенными ревнителями добраго будутъ: то имъ никто не сдѣлаеть зла, если то угодно будетъ Богу по милости Его къ нимъ. Вообще же рѣчь у Апостола здѣсь рѣшительная вмѣсто условной, что не необыкновенно у него, какъ и у другихъ апостоловъ.

14. По аще и страждете правды ради, блаженни есте, страха же ихъ не бойтесе, ниже смущаетесе:

15. Господа же Бога святите въ сердцахъ вашихъ, готови же присно ко отвѣту всякому вопрошающему вы словесе о вашемъ упованіи, съ кротостію и скромно.

16. Совѣсть и муци блгу, да о немже клеветуютъ васъ аки злодѣевъ, постыдятся злословящии ваше благое о Христѣ житіе.

17. Лучше бо есть благое творящымъ, аще хоцетъ воля Божія, пострадати, нежели зло творящымъ.

Но если и страдаете за правду и пр.: если же угодно будетъ Богу (ст. 17), чтобы вы страдали и въ томъ случаѣ, когда вы ревнители добраго, и слѣдовательно страдали не по винѣ, а невинно за правду, которая есть отличительное качество всякаго истиннаго ревнителя о добромъ, то вы блаженны. Это очевидно почти буквальное повтореніе изреченія Господа о блаженствѣ страждущихъ правды ради (Матѳ. 5, 10; см. прим.). Слово—правда принимается здѣсь вообще какъ добродѣтель, какъ благочестіе, въ смыслѣ: блаженны страждущіе за добродѣтель, слѣдовательно страждущіе невинно (ср. ст. 17).—А страха ихъ

14. Но если и страдаете за правду, то вы блаженны. А страха ихъ не бойтесь и не смущайтесь.

15. Господа Бога святите въ сердцахъ своихъ: будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ.

16. Имѣйте добрую совѣсть, дабы тѣмъ, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, были постыжены порицающіе ваше доброе житіе во Христѣ.

17. Ибо если угодно волѣ Божіей, лучше пострадать за добря дѣла, нежели за злыя;

не бойтесь (ср. ст. 6): т.-е. страха отъ тѣхъ, кто причиняетъ вамъ невинно страданія. Страданія вообще страшны для слабой и немощной природы человѣка, и сами причиняющіе страданія имѣютъ въ виду устрашить ими тѣхъ, кому ихъ причиняютъ; страждущимъ за правду и слѣдовательно невинно нечего страшиться такого страха и смущаться отъ него; самое сознание своей невинности должно отгонять отъ нихъ такой страхъ, какъ неумѣстный при надеждѣ на обѣтованное самимъ Христомъ блаженство за правду страждущимъ. Изреченіе это, равно какъ и дальнѣйшее объ освященіи Господа Бога въ сердцахъ, заимствовано буквально изъ книги пророка Исаи (8, 12. 13), что могло имѣть особый вѣсъ въ глазахъ читателей христіанъ изъ евреевъ, какъ и выше заимствованныя изъ книги Псалмовъ слова (10—12).—Господа Бога святите въ сердцахъ: святой Богъ святится въ сердцѣ (средоточномъ пунктѣ духовной жизни) человѣка тогда, когда мысли и чувства, слова и дѣла его чисты и святы, когда въ нихъ отражается святость Божія и чрезъ то славится и прославляется Богъ (см. прим. къ Матѳ. 6, 9). «Святить Господа въ сердцахъ (значить) не превозноситься видимыми дѣлами, но въ тайной сердца клѣти совершать освященіе Господа, которое состоитъ въ удаленіи отъ сквернъ, т.-е. въ удаленіи отъ злыхъ нравовъ языческихъ» (Θеофил.). Это священіе Господа въ сердцахъ, давая высокое настроеніе духовной жизни человѣка вообще, есть въ тоже время лучшее огражденіе отъ страха предъ какимъ бы то ни было страхомъ, предъ страданіями отъ злыхъ и нечестивыхъ людей, почему Апостоль въмѣстѣ съ пророкомъ и поставляетъ въ такую тѣсную и взаимную связь эти изреченія. Святящій въ сердцѣ своемъ Господа чуждъ страха предъ всѣми, кромѣ одного Бога; страхъ же Господень изгоняетъ всякій страхъ предъ людьми и бѣдствіями, отъ нихъ причиняемыми. Съ внутреннимъ освященіемъ Бога въ сердцѣ должно соединяться внѣшнее исповѣданіе Его предъ людьми: будьте всегда готовы и

пр. Свобода отъ страха предъ людьми не исключаетъ, но включаетъ въ себѣ нравственную обязанность быть всегда готовыми дать отвѣтъ въ вѣрѣ или упованіи христіанскомъ.— Всякому требующему: Господь запретилъ давать святое псамъ и повергать бисеръ предъ свиніями (Мате. 6, 7; ср. прим.); потому слово—всякому въ разсматриваемомъ мѣстѣ, кажется, должно быть ограничено; не всякому какому-нибудь невѣру и насмѣшнику, спрашивающему о вѣрѣ затѣмъ только, чтобы поглумиться надъ ней и надъ вѣрующимъ, онъ долженъ быть готовъ дать отвѣтъ; съ такими совершенно бесполезно говорить; но рѣчь у Апостола о тѣхъ по преимуществу требующихъ отчета, кто дѣйствительно хочетъ дознать объ основаніяхъ и предметахъ вѣры. Впрочемъ дается общее наставленіе; примѣненіе его къ частнымъ случаямъ въ жизни предоставляется благоразумію каждаго вѣрующаго, по мѣрѣ его христіанскаго разумѣнія. «Апостоль повелѣваетъ вѣрному человѣку всегда быть готову къ отчету о вѣрѣ, чтобы когда бы ни стали спрашивать насъ о вѣрѣ, мы всегда могли легко отвѣчать, и дѣлать это съ кротостію, какъ и все вообще, какъбы въ присутствіи самого Бога. Нужно замѣтить, что настоящія слова Апостола не противорѣчатъ изреченію Господа. Когда Господь говоритъ, чтобы мы, когда поведутъ насъ къ начальникамъ и властямъ, не заботились о томъ, что намъ отвѣчать (Лук. 21, 14), а Петръ заповѣдуетъ теперь готовиться къ отвѣту, то Господь говоритъ о свидѣтельствѣ, а апостоль Петръ объ ученіи» (Θеофил.).—Отчета въ вашемъ упованіи: упованіе, по Апостолу (ср. прим. къ 1, 3. 13), составляетъ существенное отличительное качество истинной духовной христіанской жизни; оно есть цѣль возрожденія, средоточіе всѣхъ духовныхъ спасительныхъ благъ, зерно христіанской жизни; это—надежда на блаженство въ царствѣ Христовомъ, которая одушевляетъ христіанина во всякой и во всей его дѣятельности, безъ которой эта дѣятельность была бы мертва или даже невозможна, но при крѣпости которой

воля его способна препобѣждать всякія препятствія на пути къ достиженію высшей цѣли христіанина. Это упованіе основывается на вѣрѣ и съ нею тѣсно соединяется, такъ что дать отвѣтъ вопрошающимъ о семъ упованіи значитъ дать отвѣтъ объ основаніяхъ этого упованія въ вѣрѣ, слѣдовательно о предметахъ вѣры, слѣдовательно вообще о вѣрѣ въ обширномъ смыслѣ слова. За такое упованіе и вѣру такъ часто преслѣдовали первенствующихъ христіанъ, и это упованіе дѣлало ихъ такъ непоколебимо твердыми въ вѣрѣ.—Дать отвѣтъ: основанія этого упованія или предметы вѣры, на которыхъ опирается оно, должны быть извѣстны христіанину и потому онъ долженъ быть готовъ въ потребномъ случаѣ изложить ихъ. Рѣчь у Апостола не о спорахъ или диспутахъ, а просто объ отвѣтѣ, но конечно не исключаются и сіи, если кому Господь даровалъ имѣть болѣе чѣмъ у другихъ глубокое вѣдѣніе о предметахъ вѣры и упованія. Такой или другой отвѣтъ въ этомъ отношеніи предоставляется благо разумію христіанскому каждаго вопрошаемаго, но при семъ обязываетъ Апостоль всякаго вопрошаемаго давать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ: кротость—нравственное качество, противоположное высокомѣрію и заносчивости, которыя неумѣстны въ устахъ защищающаго христіанскую истину, или только излагающаго ее въ отвѣтъ на запросы; благоговѣніе разумѣется предъ Богомъ, предъ Которымъ открытую истину излагаетъ или защищаетъ вопрошаемый, и—благоговѣніе къ самой истинѣ, какъ истинѣ божественной.—Имѣйте (собственно имѣя) добрую совѣсть: изреченіе имѣетъ отношеніе болѣе къ предыдущему, чѣмъ къ послѣдующему, т.-е. что христіанинъ долженъ давать отвѣтъ вопрошающему, съ кротостію и благоговѣніемъ, имѣя при семъ чистую совѣсть, которая предполагаетъ чистоту вѣры, упованія, убѣжденія и жизни. «Ибо когда будете дѣлать это съ кротостію и приличіемъ, тогда и сами увѣритесь, что вы имѣете добрую совѣсть и имѣющихъ дурное понятіе о васъ постыдите» (Θεοφιλ.).—Дабы тѣмъ

и проч. ср. 2, 12 и прим. Злословящіе христіанъ, какъ злодѣевъ, за ихъ доброе христіанское житіе, рано или поздно, волею или неволею должны сознаться, что христіанскій образъ жизни есть лучшій образъ жизни и на самомъ дѣлѣ прекрасный, и этимъ самымъ сознаниемъ должны быть постыждены, какъ несправедливо злословившіе и порицавшіе такой образъ жизни. Добрая и чистая совѣсть, предполагающая добрую и чистую жизнь, есть лучшая апологія христіанской истины предъ совопросниками, порицателями и злословящими.—Ибо если угодно и проч. ср. 2, 20—21 и прим. «Представляется причина, не на то впрочемъ, что предъ этимъ сказано, но на то, что сказано немного выше, именно на слова: если страдаете за правду, то вы блаженны (ст. 14), потому что лучше страдать зло за добрыя дѣла, нежели за злыя. Если же кто хочетъ относить причину эту къ ближайшей предшествующей рѣчи, то слова—благое творящимъ нужно понимать не о благотворительности другому, но вообще о добродѣтели; также нужно понимать и слово—злотворящимъ. Прибавляетъ: если угодно волѣ Божіей, показывая этимъ, что съ нами ничего не бываетъ безъ поущенія Божія, но бываетъ или для облегченія насъ отъ грѣховъ, или для обнаруженія и славы нашей, или даже для спасенія другихъ, и отсюда двоякая польза: для страждущаго праведника—приумноженіе праведности за терпѣніе, а для грѣшника обращеніе, какъ сказано. Или праведникъ страдаетъ и для собственной своей славы и для обращенія и спасенія другихъ, какъ и Христосъ» (Феофил.). Злословіе и порицаніе добраго христіанскаго житія есть уже само-по-себѣ страданіе для злословимаго, причиняетъ ему страданіе духовное и можетъ влечь за собой, какъ видно изъ исторіи гоненій на христіанъ, и внѣшнія страданія,—и благо христіанину (лучше, въ томъ же смыслѣ, какъ и 2, 20), если онъ страдаетъ неповинно за добрыя дѣла (имѣя добрую совѣсть), а не за злыя, ибо страданія за злыя дѣла есть не подвигъ, а справедливое

наказаніе за зло по закону вѣчной правды, всегда рано или поздно наказывающей за злое. Въ основаніе и доказательство этой истины Апостоль и здѣсь, какъ и выше (2, 20 и дал.), приводитъ примѣръ Господа Иисуса Христа, неповинно пострадавшаго; но здѣсь эта мысль раскрывается съ особенныхъ нѣкоторыхъ сторонъ, которыя изъ всѣхъ новозавѣтныхъ писаній составляютъ исключительную принадлежность только этого мѣста посланія, а потому представляютъ нѣкоторую затруднительность въ объясненіи ихъ, такъ какъ нѣтъ параллельныхъ болѣе ясныхъ мѣстъ, которыми можно было объяснять неясныя съ перваго взгляда нѣкоторыя изреченія разсматриваемаго мѣста, почему и толкователями весьма неодинаково объясняются они.

18. *Зане и Христосъ единою о ирѣсъхъ нашихъ пострада, праведникъ за неправедники, да приведеть ны Богови, умерщвленъ убо бывъ плотию, оживъ же духомъ.*

19. *О немже и сущимъ въ темницу духовомъ сошеде проповѣда.*

20. *Противилимся некогда, егда ожидаше Божіе долготерпѣніе, во дни Ноевы, дѣлаемъ ковчегу, въ немже мало, сиречь, осмь дуишъ спасошася отъ воды.*

18. Потому что и Христосъ чтобы привести насъ къ Богу, однажды пострадалъ за грѣхи (наши), праведникъ за неправедныхъ, ² бывъ умерщвленъ по плоти, по оживъ духомъ,

19. Которымъ Онъ и находящимся въ темницѣ духамъ, сошедши, проповѣдалъ.

20. Нѣкогда непокорнымъ ожидавшему ихъ Божію долготерпѣнію, во дни Ноя, во время строенія ковчега, въ которомъ немногіе, то-есть, восемь душъ спаслись отъ воды.

Потому что: обозначеніе причины для предшествующаго изреченія; потому лучше христіанину пострадать за добрыя дѣла, т.-е. невинно, что самъ Христосъ пострадалъ невинно,—это общая мысль, и именно она въ общемъ видѣ имѣетъ здѣсь полное значеніе. Что касается частныхъ чертъ, въ которыхъ далѣе раскрывается эта причина, то въ нихъ содержится несравненно болѣе, чѣмъ сколько нужно для обоснованія истины о пользѣ неповиннаго страданія христіанъ, ибо неповинныя страданія Христовы имѣютъ несравненно высшее значеніе для всего міра, чѣмъ

неповинное страданіе христіанина только для него одного. Потому, разсматривая эти частныя черты, не должно и невозможно соотносить ихъ всѣ съ развитіемъ мысли о неповинномъ страданіи христіанъ, такъ какъ соотношеніе такое есть только именно въ общей мысли, что христіанинъ долженъ, если угодно Богу, страдать неповинно, потому что и Христось такъ пострадалъ.—Христось однажды пострадалъ: такъ какъ страданія Христовы имѣютъ несравненно высшее значеніе, чѣмъ страданія какого бы ни было человѣка, то Онъ и пострадалъ и могъ пострадать только *однажды*; христіанинъ можетъ страдать невинно многократно,—то пострадавъ, на время можетъ освободиться отъ страданій, то опять подвергнуться имъ и такъ многократно, если то угодно будетъ Богу, но Христось пострадалъ только *однажды* (ср. Рим. 6, 10. Евр. 7, 27—28). «Чтобы показать могущество Страдавшаго, прибавилъ: *однажды*» (Θеофил.). Разумѣются страданія Христовы нераздѣльно отъ Его смерти, которою окончились они, и именно въ этой насильственной смерти Его—сущность и значеніе Его страданій; въ ней какъбы въ одно соединились всѣ тѣ страданія, которыя Онъ претерпѣлъ какъ человѣкъ, въ продолженіе всего общественнаго Его служенія, о которыхъ повѣствуетъ намъ Евангеліе (ср. Евр. 4, 15; 5, 7).—Пострадалъ за грѣхи, т.-е. наши, человѣческіе, всего міра (ср. 2, 24. Рим. 8, 3). Въ этомъ и послѣдующихъ выраженіяхъ указывается все неизмѣримо высшее значеніе неповинныхъ страданій Христовыхъ сравнительно съ неповинными страданіями христіанъ: причина Его страданій—грѣхи не Его, но всего міра; уничтоженіе силы грѣха для вѣрующихъ въ Него—цѣль Его страданій.—Праведникъ за неправедныхъ: весь міръ грѣшенъ предъ Богомъ и потому виновенъ предъ судомъ Его святой правды, требующей наказанія за грѣхъ,—одинъ Христось Богочеловѣкъ чистъ отъ всякаго грѣха и потому праведенъ предъ судомъ правды Божіей, и сей праведникъ пострадалъ за неправедни-

ковъ, т.-е. вмѣсто несправедныхъ, такъ что виновность этихъ неправедныхъ возложена на Него одного, и Онъ претерпѣлъ наказаніе, какому подлежали всѣ эти неправедные, т.-е. весь міръ. Страданіями и смертію сего одного Праведника весь міръ такимъ образомъ освободился отъ отвѣтственности за грѣхъ и приобрѣлъ праведность или оправданіе предъ Богомъ. Но это оправданіе должно быть усвоено вѣрою въ дѣйствительность искупительныхъ страданій и смерти Христовой, иначе сила этой искупительной жертвы не воздѣйствуетъ на насъ, не даруетъ намъ оправданія предъ Богомъ.—Чтобы привести насъ къ Богу: грѣхъ человѣка поставилъ средостѣніе между нимъ и Богомъ; Христось уничтожилъ это средостѣніе, пострадавъ за грѣхъ и уничтоживъ его принятіемъ на Себя вины за грѣхъ и такимъ образомъ даровавъ оправданному вѣрою въ Него человѣку свободный доступъ къ Богу или дѣйствительныя средства къ внутреннему духовному общенію съ Нимъ. Очищенный вѣрою и очищаемый покаяніемъ, человѣкъ можетъ входить въ такое общеніе съ примиреннымъ съ нимъ святымъ Богомъ, и Богъ приметъ его въ общеніе съ Собой, какъ очищеннаго и освященнаго. Образъ рѣчи (приведеніе) заимствованъ изъ Ветхаго Завѣта: по законнымъ постановленіямъ, оскверненіе грѣхомъ возбраняло доступъ къ Богу; священникъ же имѣлъ право и обязанность приступать къ Богу и быть посредникомъ въ примиреніи народа съ Богомъ — приводить народъ къ Богу. Такъ и Христось, какъ первосвященникъ, принесши себя въ жертву за грѣхи міра, открылъ ему доступъ къ Богу, привелъ его къ Богу. Бывъ умерщвленъ по плоти, но оживъ духомъ, которымъ сошедши и пр.: общая мысль понятна; Христось умеръ и воскресъ и тѣмъ всѣхъ привелъ къ Богу; но выраженія, которыми обозначается эта общая мысль, не всѣ ясны и породили неодинаковыя толкованія. Неодинаковость эта зависитъ отъ неодинаковаго пониманія словъ — оживъ (собственно оживотворенный) духомъ, и отъ

неодинаковаго представленія объ образѣ сошествія Іисуса Христа во адъ, называемый здѣсь темницей. Не обозрѣвая всѣхъ этихъ толкованій, излагаемъ правильнѣйшее.— Умерщвленъ плотію—выраженіе понятное: насильственно доведенный до смерти тѣлесной и умершій тѣломъ. Оживъ (оживотворенный) духомъ: въ какомъ смыслѣ принимается здѣсь слово—духъ? По соотвѣтствію сего выраженія съ предшествующимъ, надобно полагать, что какъ тамъ слово плоть означаетъ тѣло Христово человѣческое, такъ здѣсь слово духъ означаетъ душу человѣческую Богочеловѣка и слѣдовательно плоть и духъ означаютъ здѣсь то же, что тѣло и душа, какъ сіи послѣднія выраженія нерѣдко въ писаніяхъ апостольскихъ замѣняются первыми и наоборотъ. Смыслъ выраженія будетъ таковъ: будучи умерщвленъ по тѣлу, но живъ душею, которою и сошелъ въ темницу къ духамъ, т.-е. въ то время, когда тѣло Христово было мертво и покоилось во гробѣ, душа Его сходила во адъ къ духамъ. Слѣдовательно нельзя понимать выраженія такъ, что Христосъ умерщвленный по тѣлу, но оживотворивъ оное духомъ своего Божества, сошелъ съ нимъ, одухотвореннымъ, во адъ, но такъ, что Христосъ сходилъ туда душею только своею, которая называется здѣсь духомъ, такъ какъ душа и духъ, при представленіи двоючастнаго состава человѣческаго существа, нерѣдко употребляются безразлично, безъ точнаго различія души и духа. Такое представленіе о семъ Церковь выражаетъ въ извѣстномъ пѣснопѣніи: во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею яко Богъ. Онъ не былъ во адѣ тѣломъ своимъ, которое покоилось, какъ мертвое во гробѣ, по божеству же своему Онъ постоянно вездѣсущъ, слѣдовательно сходилъ во адъ своею душею человѣческою или точнѣе—богочеловѣческою. Слово—оживъ или оживотворенный, а не просто—будучи живъ духомъ (такъ какъ душа не умирала и не требовала оживотворенія), употреблено или въ соотвѣтствіе съ словомъ—умерщвленъ по плоти, или по обычному у апостола Петра слововыраженію,

такъ какъ этотъ Апостоль обыкновенно о воскресеніи Христо-
вомъ выражается, что Богъ воскресилъ Христа (Дѣян. 2,
24; 3, 15), или, напрімѣръ, о вознесеніи Господа выра-
жается не такъ, что Онъ вознесся, а былъ вознесенъ
десницею Божіею (Дѣян. 2, 33); подобно сему и здѣсь онъ
говоритъ не—будучи живъ, а оживъ или будучи оживо-
творенъ духомъ.—Которымъ (т.-е. духомъ или душою, от-
дѣлившеюся отъ умершаго тѣла), Онъ и находящимся
въ темницѣ духамъ проповѣдалъ: по всему составу
рѣчи союзъ—и нужно понимать здѣсь въ смыслѣ—даже,
даже и тѣмъ духамъ, которые находились въ темницѣ,
Онъ, сошедши къ нимъ душою, проповѣдалъ,—такъ дале-
ко простиралась Его мессіанская искупительная дѣятель-
ность, что коснулась даже и находившихся во адѣ. Сывъ
Божій сошелъ на землю, низшелъ до ада и вознесся на
небо, Его дѣйствія объемлютъ и небо, и землю, и преис-
поднюю (ср. Еф. 4, 9—10).—Находящимся въ темницѣ
духамъ, т.-е. душамъ прежде умершихъ людей, находив-
шимся въ темницѣ. Греческое слово переведенное словомъ—
темница означать собственно мѣсто стрегомое, охраня-
емое стражею, а потомъ уже, въ переносномъ смыслѣ,
означать и темницу, какъ такое мѣсто, которое особенно
стерегутъ. Этимъ названіемъ означается адъ или шеолъ—
мѣсто, гдѣ находились. по вѣрованію евреевъ, всѣ души
людей, умершихъ до пришествія Спасителя; это мѣсто въ
преисподней, т.-е. подъ землею или внутри земли. Впро-
чемъ яснаго и точнаго понятія о шеолѣ Писаніе не даетъ;
но несомнѣнно то, что имъ означается не состояніе
только умершихъ людей, но именно мѣсто ихъ пребы-
ванія, на что и въ разсматриваемомъ мѣстѣ несомнѣнно
указываетъ слово — сошедши, по сопоставленію сго съ
словами дальнѣйшими — восшедши на небо (ст. 22).
Какъ небо есть мѣсто особеннаго присутствія Божія, гдѣ
предбываетъ и Христосъ въ своемъ прославленномъ тѣлѣ,
и ангелы, и святые, ограниченныя мѣстомъ и временемъ
личныя существа, такъ и адъ, называемый здѣсь темни-

цею, есть особенное мѣсто, гдѣ находятся души умершихъ, также ограниченныя мѣстомъ и временемъ.—Проповѣдалъ: что или о чемъ? Слово проповѣдывать, по словупотребленію новозавѣтному, означаетъ обыкновенно проповѣдь евангельскую, при чемъ иногда присовокупляется къ нему и самое слово—Евангеліе (Матѣ. 4, 23; 9, 35. Марк. 1, 14; 16, 15), иногда же употребляется въ семь значеній и безъ этого слова (Матѣ. 11, 1. Марк. 1, 38). Слѣдовательно содержаніемъ проповѣди Христовой находящимся во адѣ было благовѣствованіе объ искупленіи явившимся на землѣ Сыномъ Божиимъ Иисусомъ Хрестомъ всего рода человѣческаго, о Его побѣдѣ надъ смертію и адомъ, объ открытіи Его царства и, какъ о средствахъ ко вступленію въ него, о покаяніи и вѣрѣ во Христа-Искупителя всего міра. Это было такимъ образомъ призваніе всѣхъ умершихъ до Христа и находившихся въ шеолѣ душъ ко вступленію въ царство Христово, при чемъ покаившіеся и увѣровавшіе безъ сомнѣнія освобождены были изъ мѣста ихъ заключенія и введены въ открывшійся воскресеніемъ Христовымъ рай—мѣсто блаженства праведниковъ (ср. 4, 6). По церковному вѣрованію, эта проповѣдь самого Христа во адѣ предварена была проповѣдію тамъ о Христѣ Іоанна предтечи и крестителя Христова (тропарь Предтечи).—Нѣкогда непокорнымъ и пр.: эти выраженія составляютъ ближайшее опредѣленіе понятія о духахъ, которымъ проповѣдывалъ Христосъ во адѣ. Ими впрочемъ не означается отдѣльный классъ духовъ, которые слышали проповѣдь Христову, въ отличіе отъ тѣхъ, которые оной не слышали, т-е. эти выраженія не значатъ, что Христосъ проповѣдывалъ во адѣ только духамъ тѣхъ людей, которые непокорны были волѣ Божіей во времена Ноя; въ этомъ случаѣ было бы нѣсколько иное строеніе греческой рѣчи, да и нѣтъ причины, по которой бы нужно было представлять, что проповѣдь Христова во адѣ относилась не ко всѣмъ вообще духамъ, бывшимъ тамъ, а только къ духамъ современниковъ Ноя. Нѣтъ, Христосъ про-

повѣдалъ Евангеліе царствія своего всѣмъ бывшимъ во адѣ, и у Апостола въ разсматриваемыхъ выраженіяхъ со- держится та мысль, что эта проповѣдь предложена была духамъ людей даже самыхъ непокорныхъ, самыхъ упорныхъ противниковъ воли Божіей, каковы были, на- примѣръ, невѣрующіе современники Ноя. Если же и имъ была предложена эта проповѣдь: то конечно и всѣмъ другимъ менѣе упорнымъ и непокорнымъ. Почему именно современниковъ Ноя Апостоль поставляетъ въ при- мѣръ упорныхъ и непокорныхъ волѣ Божіей? Вопервыхъ они дѣйствительно показали крайнее упорство и непо- корство, не вѣруя прямому и ясному откровенію Божію чрезъ Ноя сказанному, что потопомъ истребитъ Богъ весь міръ за нечестіе, если не покаются, и это упорство про- должалось цѣлыхъ сто двадцать лѣтъ даже при видѣ то- го, что Ной, по повелѣнію Божію, строилъ себѣ ковчегъ для спасенія себя отъ потопа, что ясно указывало на ве- сомнѣнность приближающагося наказанія нечестиваго міра, которымъ угрожалъ ему Богъ чрезъ праведнаго Ноя. Во- вторыхъ, въ образѣ Ноя, спасающагося отъ потопа со сво- ими присными, Апостоль имѣетъ намѣреніе показать спа- сеніе христіанъ чрезъ крещеніе, и слѣдовательно примѣръ сей близко подходилъ къ намѣренію дальнѣйшей рѣчи Апостола. Втретьихъ, можетъ быть Апостоль хотѣлъ по- казать вѣрующимъ іудеямъ, къ которымъ писано посла- ніе, что проповѣдь Христова во адѣ простиралась не на однихъ только іудеевъ, какъ могли ошибочно представлять они, представляя ошибочно прежде, что Мессія придетъ на землю собственно для іудеевъ. Апостоль и говоритъ, что проповѣдь Христова во адѣ простиралась на всѣхъ безъ исключенія, и язычниковъ, даже на такихъ упорныхъ людей и непокорныхъ, каковы были современники Ноя. Въ четвертыхъ, времена Ноя вообще представляются ти- пическими въ отношеніи къ послѣдующимъ временамъ хри- стіанства въ разныхъ отношеніяхъ (ср. 2 Петр. 2, 5; 3, 6—7. Матѣ. 24, 37 и дал.), и Апостоль даетъ побужденіе размыслить о семъ.—Непокорнымъ ожидавшему ихъ

Божію долготерпѣнію: милость Божія, по которой Богъ долгое время удерживается произвести судъ надъ нечестивыми и послать заслуженное ими наказаніе, ожидая ихъ обращенія, раскаянія и исправленія, называется Божіимъ долготерпѣніемъ. Таковое долготерпѣніе явилъ Богъ и во времена Ноя, не вдругъ безъ предваренія наказавшій потопомъ развратившійся до крайности родъ человѣческой, по давшій ему на покаяніе сто двадцать лѣтъ (Быт. 6, 3).—Во время строенія ковчега: греческое выраженіе указываетъ на трудность и продолжительность устроенія, начатаго и совершеннаго предъ глазами невѣровавшихъ и непокорныхъ современниковъ.—Въ которомъ немногіе спаслись: выраженіе это служитъ переходомъ и связію съ главною мыслию разсматриваемаго отдѣленія о приведеніи всѣхъ къ Богу чрезъ Христа (ст. 18), указывая, какъ оно совершается, и пользуясь образомъ потопа съ его уже спасительной, а не карающей стороны. Немногіе, т.-е. восемь душъ: именно—Ной съ женою и три сына его съ женами ихъ (Быт. 7, 13). Спаслись отъ воды: точнѣе—спаслись водою, или чрезъ воду. Мысль у Апостола не та только, что спаслись отъ потопленія водою, а и та, что спаслись отъ потопленія водою, при посредствѣ (*διὰ*) воды, въ томъ смыслѣ, что вода, носившая на себѣ ковчегъ, спасавшій отъ потопленія, тѣмъ самымъ была посредствомъ, чрезъ (*διὰ*) которое спаслись отъ потопленія ею же находившіеся въ ковчегѣ. Этимъ оборотомъ рѣчи Апостоль точнѣе хочетъ обозначить отношеніе воды потопной къ водѣ крещенія по ихъ спасительности, изъ коихъ первая была прообразомъ послѣдней (ст. 21).

21. *Егоже воображеніе нынѣ и нынѣ спасаетъ крещеніе, не плотскія отложениіе скверны, но совѣсти благи вопрошеніе у Бога, воскресеніемъ Исуса Христовымъ,*

22. *Иже есть десную Бога, возшедь на небо, покоримся Ему теломъ и властемъ и силамъ.*

21. Такъ и нынѣ, подобное сему образу крещеніе, не плотской нечистоты омытіе, но обѣщаніе Богу доброй совѣсти, спасаетъ воскресеніемъ Исуса Христа,

22. Который, восшедши на небо, пребываетъ одесную Бога, и Которому покорились ангелы, и власти, и силы.

• Подобное сему образу крещеніе: точнѣе прообразуемое симъ образомъ (т.-е. потопною водою, спасшею ковчегъ отъ потопленія) крещеніе. Крещеніе было прообразовано водою потопною; какъ та спасла находившихся въ ковчегѣ отъ потопленія, такъ и вода крещенія спасаетъ отъ гибели вѣрующихъ во Христа и по вѣрѣ приѣмлющихъ крещеніе.—Указавъ на крещеніе, какъ на прообразованное въ указанномъ смыслѣ потопомъ средство спасенія во Христа вѣрующихъ, Апостоль точнѣе опредѣляетъ существо его сначала отрицательно, потомъ положительно. Оно не есть омытіе плотской нечистоты, подобное, напримѣръ, многочисленнымъ и многообразнымъ омовеніямъ іудейскимъ, которыя, очищая только тѣло, нисколько не касаются нечистотъ душевныхъ и духовныхъ и отъ которыхъ поэтому для души омывающагося, для его нравственнаго существа и духовной дѣятельности, нѣтъ никакой пользы. Крещеніе «спасаетъ съ вѣрою приходящихъ въ ковчегъ, т.-е. въ Церковь. И какъ вода смываетъ нечистоту, такъ и крещеніе; только оно производитъ отложеніе нечистоты не плотской, а при посредствѣ внѣшняго знака производитъ омытіе скверны душевной. Оно есть какъ бы залогъ и врученіе доброй совѣсти предъ Богомъ» (Θεοφил.). Эту положительную сторону понятія крещенія Апостоль указываетъ чертами глубокими и замысловатыми: крещеніе есть обѣщаніе Богу доброй совѣсти: точнѣе въ славянскомъ—совѣсти благи вопрошеніе у Бога. Что это значить? По отрицательной сторонѣ понятія, выраженной словами—не плотской нечистоты омытіе, надлежало бы ожидать, что положительную сторону Апостоль опредѣлитъ, какъ очищеніе духовное или нравственное; на эту сторону указываютъ слова—совѣсть благая, какъ обозначеніе именно духовно-нравственнаго настроенія человѣка. Но это настроеніе, судя по выраженію Апостола, какъ будто еще не дается въ крещеніи, а только испрашивается, тогда какъ въ крещеніи, при прощеніи грѣховъ, при снятіи вины за нихъ, должна быть дарована

благая совѣсть, какъ слѣдствіе примиренія съ Богомъ и вступленія въ духовное единеніе съ Нимъ. Что же это значить? Очищеніе совѣсти крещеніемъ, или дарованіе отъ Бога совѣсти доброй въ крещеніи не исключается выраженіемъ Апостола, это — необходимое дѣйствіе крещенія (объективное); но Апостоль хотеть при семъ указать еще и на личное (субъективное) дѣйствіе человѣка въ крещеніи, что человѣкъ, получая прощеніе грѣховъ въ крещеніи, не только получаетъ, какъ слѣдствіе сего, совѣсть добрую, но просить или молить Бога, чтобы Онъ даровалъ ему добрую совѣсть и на будущее время, или охранялъ всеильною своею благодатію эту полученную чистоту совѣсти, которую могутъ осквернять всякія приражающіяся нечистоты. Такимъ образомъ выраженіемъ Апостола о положительной сторонѣ крещенія обнимается не только данная благодать очищенія совѣсти крестящагося, но и желаемая имъ благодать, постоянно и послѣ очищающая совѣсть его, которая бы постоянно охраняла такую чистоту и сохраняла бы въ немъ совѣсть добрую. Совѣсть понимается здѣсь вообще какъ нравственно-духовное самочувствіе, совѣсть добрая—какъ сознаніе правильной настроенности духовно-нравственной жизни.—Это, прообразованное водами потопными, крещеніе спасаетъ насъ воскресеніемъ Іисуса Христа: спасаетъ, т.-е. избавляетъ отъ проклятія и вѣчной смерти, которыя суть неизбѣжныя слѣдствія грѣховности человѣка непримиреннаго съ Богомъ въ его естественномъ, необлагодатствованномъ состояніи. Спасительную силу крещеніе имѣетъ въ воскресеніи Іисуса Христа въ томъ смыслѣ, что именно воскресеніемъ своимъ изъ мертвыхъ Христосъ привелъ искупленное Его страданіями человечество къ Богу Отцу для вѣчнаго блаженнаго единенія съ Нимъ въ царствѣ славы. Эту спасительную силу крещенія человѣкъ усваиваетъ вѣрою въ воскресеніе Христово. Который, восшедши на небо и пр.: пострадавшій праведникъ за свои страданія превознесенъ Богомъ Отцемъ превыше всего, — этимъ изображеніемъ

оканчиваетъ Апостоль изображение дѣла Христова, начатое въ 18-мъ стихѣ, и возвращается естественно къ мысли о неповинномъ страданіи христіанъ (ст. 17; ср. 4, 1). Христось поповинно пострадалъ, умеръ плотію, но живой духомъ сходилъ съ проповѣдію во адъ, воскресъ, вознесся на небо и возсѣлъ одесную Бога Отца со славою и властію: и вы, христіане, вооружитесь тоюже мыслию въ своихъ неповинныхъ страданіяхъ (4, 1).—Восшедши на небо: см. прим. къ Марк. 16, 19. Лук. 24, 50—51. Дѣян. 1, 2—11 и пар.—Пребываетъ одесную Бога: см. прим. къ Марк. 16, 19.—Которому покорились и пр.: какъ Богочеловѣку, принявшему послѣ страданій въ прославленіи и по человѣческой природѣ власть Божескую, а слѣдовательно верховную и надъ небесными духами (ср. Евр. 1, 4 и парал.). Въ понятіи покорности не заключается здѣсь понятія принужденія или насилія, но добровольности.—Ангелы, власти и силы: наименованія нѣкоторыхъ изъ девяти чиновъ ангельскихъ. Подробнѣе развито ученіе о нихъ въ посланіяхъ св. ап. Павла (Рим. 8, 38. Ефес. 1, 21. Кол. 1, 10 и др.). Три чина именуются здѣсь безъ сомнѣнія взаимнѣ всѣхъ девяти: ибо Богочеловѣкъ воспріялъ власть надъ всѣмъ міромъ ангельскимъ (Евр. 1, 4).

Епископъ Михаилъ.

МОЛИТВЕННЫЕ ПОКЛОНЫ.

Слово въ день Вознесенія Господня, преосвященнѣйшаго Сергія, архіепископа Кишиневскаго.

И тѣи поклонилися Ему (Лук. 24, 52).

Въ Евангеліи повѣствуется, что когда Господь возносился на небо, всѣ, бывшіе тогда при Немъ, поклонились вслѣдъ Ему. Это поклоненіе не могло быть обычнымъ знакомъ прощанія; не путника земнаго они провожали, но бывъ изведены своимъ Божественнымъ Учителемъ на гору Елсонскую, внезапно увидѣли, что Онъ возносится отъ земли, и дивясь чуду, *взирали на небо, идушу Ему* (Дѣян. 1, 10). Ихъ поклоненіе было выраженіемъ вѣры, было началомъ священнаго обряда, который донинѣ и мы соблюдаемъ.

Молясь Богу, мы творимъ поклоны. Какое же ихъ значеніе, какая сила?

Люди издревле кланяются другъ другу въ знакъ общительности, уваженія, зависимости, просьбы. Тоже, но въ высшемъ смыслѣ, совмѣщаетъ въ себѣ положеніе поклоновъ по церковному уставу. *Мы кланяемся, Елиже въмы* (Іоан. 4, 22), Богу, Которому духовно служимъ, и Его святынѣ. Покланяемся, ибо отъ Него во всемъ зависимъ, *о Немъ бо живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28); покланяемся, ибо предъ Его величіемъ смиряемся и благоговѣемъ; покланяемся, ибо у Него «добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ просимъ», и получая, благодаримъ; покланяемся, ибо *Ему единому согрѣшасмъ* и предъ Нимъ во грѣхахъ каемся. Такое поклоненіе не есть, какъ нѣ-

которые горделиво думаютъ, униженіе человѣческаго достоинства. Поклоны молитвенные служатъ признакомъ справедливаго нашего самоуничиженія, нашего вѣрнаго взгляда на себя. «Каждымъ колѣноприклоненіемъ, и каждымъ восклоненіемъ отъ земли мы на самомъ дѣлѣ показываемъ, что чрезъ грѣхъ пали мы на землю, и человѣколюбіемъ Сотворившаго насъ воззваны на небо» (Вас. Вел. ч. III, стр. 335).

Неправильно бы кто возразилъ: «мы Бога не видимъ: для чего же наружные поклоны?»—Съ этимъ обрядомъ мы соединяемъ поклоненіе духовное, при которомъ видимъ Бога очами вѣры сердечной, принимаемъ благодать Его въ таинствахъ, взираемъ на иконы, воздавая почитаніе изображаемымъ на нихъ, *ибо дивенъ Богъ бо святыхъ своихъ* (Пс. 67, 36). И апостолы уже тогда, когда облако воспрепятствовало имъ видѣть возносившагося Господа, когда ангелы возвѣстили имъ о будущемъ второмъ пришествіи Его, *поклонившася Ему и возвратившася во Иерусалимъ*.

Сила остается таже, если мы покланяемся Невидимому, какъ видимому. Чтобы понять эту силу, расскажемъ случай, о которомъ свидѣтельствуютъ древніе христіанскіе писатели (Церк. ист. Евс. Памф. кн. V, гл. 5. Терт. посл. къ Скап. гл. 4). Римское воинство было на войнѣ; во время бездождія, находясь въ безводной мѣстности, оно не имѣло, что пить. Воины Мелитинскаго легіона, изнуренные также жаждою, но одушевленные вѣрою, преклонили колѣна на землю и обратились съ прошеніемъ къ Богу. Вдругъ явилась страшная молнія, обратившая враговъ въ бѣгство, и пролился дождь, оживившій войско. Такъ сильна оказалась молитва, соединенная съ поклоненіемъ внѣшнимъ.

Посему, какія бы ни случились съ нами переменны, во всѣхъ нашихъ нуждахъ житейскихъ и общественныхъ, всегда съ вѣрою и нелѣпно да будемъ послушны священно-служебному гласу, насъ призывающему: «Прійдите, поклонимся Царевнѣ нашему Богу». Аминь.

УРОКЪ УЧИТЕЛЯМЪ И УЧЕНИКАМЪ.

Слово законоучителя въ недѣлю 7-ю по Пасхѣ.

Нынѣшнее Евангеліе и Апостолъ удивительно какъ подходятъ къ настоящему нашему положенію. Въ апостольскомъ чтеніи описывается, какъ апостолъ Павелъ прощался съ Ефесскими пастырями, какія онъ давалъ наставленія имъ,... а евангельское содержитъ въ себѣ первосвященническую молитву Господа нашего Иисуса Христа, коею Онъ закончилъ прощальную бесѣду съ учениками своими. Мы нынѣшній день, можно сказать, тоже прощаемся съ своими старшими воспитанниками, которыхъ, по всей вѣроятности, уже не увидимъ здѣсь при божественной литургіи собранными вмѣстѣ такъ, какъ мы видѣли ихъ собиравшимися здѣсь въ продолженіе 7, а нѣкоторыхъ и болѣе 7 лѣтъ. Обратимъ вниманіе на прощальную рѣчь св. апостола Павла и Господа нашего Иисуса Христа и извлечемъ изъ нея нравственные уроки для себя.

«Вы знаете, говорилъ апостолъ Павелъ своимъ ученикамъ, какъ я съ перваго дня, въ который пришелъ въ Асію, все время былъ съ вами, работая со всякимъ смиренномудріемъ и многими слезами, среди искушеній, приключавшихся мнѣ по злоумышленіямъ іудеевъ; какъ я не пропустилъ ничего полезнаго, о чемъ вамъ не проповѣдалъ бы и чему не училъ бы васъ всенародно и по домамъ... Я не упустилъ возвѣщать всю волю Божию» (Дѣян. 20, 18. 19. 20. 27). Благодареніе Богу, братіе, мы не знали тѣхъ препятствій, тѣхъ искушеній, которыя встрѣчалъ св. Павелъ въ дѣлѣ своей проповѣди; никто намъ не препятство-

валъ, ничто не мѣшало, напротивъ всѣ содѣйствовали; за усердіе къ нашему дѣлу насъ ожидали не палочные удары, не насмѣшки, не гоненія, не смерть, какъ все это ожидало ап. Павла, а награды, чины, повышенія по должности, любовь учениковъ, вниманіе начальства. Сами вы знаете, какъ преимуществуютъ въ этомъ отношеніи наши заведенія (военноучебныя) предъ другими училищами. Однакоже можемъ ли, положа руку на сердце, сказать тоже, что говоритъ ап. Павелъ? — Мы ничего полезнаго не пропустили? Возвѣстили симъ юношамъ всю волю Божию?—Тебѣ Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица.

«Бодрствуйте, продолжалъ св. Апостоль, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами училъ каждого изъ васъ. И нынѣ предаю васъ, братія, Богу и слову благодати Его, могущему назидать васъ болѣе и дать вамъ наслѣдіе со всѣми освященными» (Дѣян. 20, 31. 32). Какое самоотверженіе! Какая любовь! Не знаетъ онъ покоя ни днемъ, ни ночью; онъ наставляетъ, разъясняетъ, онъ проситъ, онъ умоляетъ; не слушаютъ наставленій, не обращаютъ вниманія на просьбы,—онъ плачетъ,—устыдятся слезъ! Поистинѣ онъ сѣялъ слово Божіе слезами; за то какою радостію пожалъ!

Вотъ, братіе, одна изъ причинъ, по которой проповѣдь апостольская имѣла такой быстрый успѣхъ. Съ такою ли любовію, съ такимъ ли самоотверженіемъ сѣяли мы? Можемъ ли мы сказать юношамъ, которые оставляютъ наше заведеніе, то, что говорилъ своимъ ученикамъ ап. Павелъ: «и нынѣ предаю васъ, братія, Богу?» Научали ли мы ихъ предавать себя самихъ, другъ друга и весь животъ свой Христу Богу? Научали ли ихъ искать освященія ума, сердца и воли въ словѣ благодати Божіей, которое болѣе можетъ назидать ихъ, чѣмъ человѣческія наставленія? Научали ли болѣе всего цѣнить наслѣдство нетлѣнное, чистое, неуываемое хранящееся на небесахъ (1 Петр. 1, 4) для всѣхъ освященныхъ?... Что если сіи воспитанники, коихъ мы до сего времени были руководителями, ждуть-не

дождутся, когда окончится наша опека, чтобы дать полную волю своимъ юношескимъ влеченіямъ, чтобы разрѣшить на вся? Что если, не успѣвъ выйти изъ заведенія, начнутъ увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія? Гдѣ же тогда плоды нашихъ наставленій, нашего руководства?.. Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица.

«Ни сребра, ни золота, ни одежды ни отъ кого я не пожелалъ», продолжалъ Апостоль (20, 33). Благодареніе Богу, руки наши не осквернены взятками; сребра и золота мы не брали отъ сихъ воспитанниковъ; но развѣ мы безкорыстно трудились? Сребро и золото за образованіе сихъ воспитанниковъ мы получали отъ Благочестивѣйшаго Государя нашего... А вотъ Апостоль совершенно безкорыстно трудился во благовѣстїи Христовомъ. «Сами вы знаете, говорить онъ, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи. Во всемъ я показалъ вамъ, что такъ трудясь, надобно поддерживать слабыхъ». Какъ не благоговѣть предъ такимъ самоотверженіемъ, предъ такимъ безкорыстіемъ?.. Онъ не только самъ ничего не беретъ за свои благовѣстническіе труды, но зарабатывая себѣ пропитаніе, онъ отъ своихъ трудовъ удовлетворяетъ нуждамъ бывшихъ съ нимъ, собственнымъ своимъ примѣромъ учить, какъ нужно послѣднимъ дѣлиться съ своими ближними, какъ нужно поддерживать слабыхъ. Онъ училъ не только словомъ, но и примѣромъ; такъ онъ заповѣдывалъ и своимъ преемникамъ: «будь образцомъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ житїи, въ любви, въ вѣрѣ, въ чистотѣ. О семъ заботься, въ семъ пребывай, дабы успѣхъ твой для всѣхъ былъ очевиденъ» (1 Тим. 4, 12. 15). Послѣдуемъ ли мы Апостолу въ ученїи, житїи, расположенїи? (2 Тим. 3, 10)? Преуспѣваемъ ли въ правдѣ, благочестїи, вѣрѣ, любви, терпѣнїи, кротости? Держимся ли вѣчной жизни, къ которой призваны, и которую исповѣдали предъ всею церковію? (1 Тим. 6, 11. 12). Во всемъ показываемъ ли въ себѣ образецъ добрыхъ дѣлъ, въ учительствѣ чистоту, степенность, неповрежденность,

слово здоровое, неукоризненное? Отвергли ли мы сами нечестіе и мірскія похоти? Цѣломудренно ли, праведно и благочестиво живемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ожидая блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа (Тит. 2, 7. 8. 12. 13)? Можемъ ли мы сказать своимъ ученикамъ, какъ нѣкогда говорилъ учитель языковъ своимъ: подражайте мнѣ, какъ я Христу (1 Кор. 4, 16)? Увы, братіе, кто изъ насъ къ сему способенъ (2 Кор. 2, 16)? Увы, можетъ быть и о насъ можно сказать то, что нѣкогда Господь сказалъ объ учителяхъ іудейскихъ: «глаголютъ бо и не творятъ. Связываютъ бремена тяжелыя и неудобноносимыя и возлагаютъ на плечи людямъ; а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ» (Матѳ. 23, 3. 4. 7). Любятъ только почести, чтобы звали ихъ: учитель, учитель!

«Я открылъ имя Твое человѣкамъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ; они были Твои, и Ты далъ ихъ Мнѣ, и они сохранили имя Твое» (Іоан. 17, 6).

«Я открылъ имя Твое человѣкамъ!» Слышите, братіе, что говоритъ Царь царей и Учитель учителей? Мы открывали имя Божіе смѣ дѣтямъ, или закрывали отъ нихъ? Всякое дыханіе хвалитъ Господа; небеса повѣдаютъ славу Божію; небо и земля полны славы Божіей: указывали ли имъ эту славу Божію? Такъ ли это было? Возвѣщая истины человѣческія, возводили ли ихъ умъ и сердце къ Тому, Кто единъ есть истина, путь и животъ (Іоан. 14)? Объясняя имъ законы бытія міра, научали ли ихъ искать Бога, не ощутятъ ли Его, не найдутъ ли, хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ; ибо мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ (Дѣян. 17, 28). Изучая явленія міра, славили ли пречестное и великолѣпное имя Творца міра? Эти юноши вышли изъ рукъ Моихъ, скажетъ намъ пѣкогда Господь, изъ рукъ Моей Церкви чистыми и невинными: чисты ли они теперъ? Не утратили ли своей невинности? Они были Мои; теперъ чьи?—Что скажемъ на эти слова Господа?

«Тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, Я сохранилъ, и никто изъ нихъ не погибъ, кромѣ сына погибели, да сбудется писаніе...» (12 ст.). Никто не погибъ! Столько ли, братіе, учениковъ теперь предъ нами, сколько ихъ мы приняли въ свое время въ заведеніе? Далеко не столько. Гдѣ же прочіе? Отпали. По своей ли бездарности или по нашей неумѣлости захотить ихъ они отстали? По своей ли безпечности или по нашей лѣности они погибли? Какой, говоримъ, лѣнтяй, какой разсѣянный,—и махаемъ рукой. Вы махнули на него рукой, а онъ махнулъ рукой на самое дѣло; вы оказали ему невниманіе, а онъ сталъ невнимателемъ къ самому дѣлу. А можетъ быть его разсѣянность зависитъ отъ того; что онъ не понимаетъ того, что ему преподають. Но вѣдь нельзя, говорите вы, оставить весь классъ и заниматься однимъ. Такъ. Но послушайте, что говоритъ Господь: «пастырь добрый оставляетъ 99 овецъ и идетъ искать одну заблудшую. Я пришелъ не праведниковъ, но грѣшниковъ призвать на покаяніе; не здоровые имѣють нужду во врачѣ, но болящіе». И Самъ Онъ по преимуществу обращался съ мытарями и грѣшниками. Твердо стоящій не имѣетъ нужды въ поддержкѣ; но святое дѣло помочь встать падшему, поддержать колеблющагося. Легко учить прилежнаго, но мы должны пробуждать отъ усыпленія и лѣниваго. Легко учить внимательнаго, но мы должны умѣть заинтересовать и разсѣянныхъ. Легко учить даровитаго; вотъ поработайте съ бездарнымъ, развейте его способности, поставьте на ряду съ даровитыми; тогда будете имѣть похвалу отъ Бога. Съ учителя, какъ съ пастыря взыщется душа cadaго изъ сихъ отроковъ. Вамъ, скажетъ Господь, ввѣрилъ Я души сихъ отроковъ, а вы не смотрѣли за ними, не привлекали ихъ къ себѣ, а своею грубостію отталкивали. Слабыхъ вы не укрѣпляли, больныхъ не врачевали, раненыхъ не перевязывали, заблудшихъ не обращали, погибшихъ не искали. Не были для нихъ хлѣбомъ питающимъ ихъ алчущія истины души; не были водой, напоющею жаждущія правды души; а раз-

въ камнемъ претыканія и соблазна. На словахъ учили благочестію, а подавали примѣръ нечестія. Вотъ я на васъ... Забыли вы моихъ дѣтей, забуду и Я вашихъ!—Что скажемъ въ отвѣтъ на сіи грозныя слова?—Не думаю, чтобы среди здѣшнихъ учителей и воспитателей нашлись заслуживающіе этихъ упрековъ, и говорю это не столько для обличенія, сколько для предостереженія. Притомъ если не въ нашемъ училищѣ, то въ другихъ могутъ быть таковыя.

Таковы, братіе, мысли и чувствованія, родившіяся у меня при чтеніи нынѣшняго Апостола и Евангелія. Высоко званіе наставника. Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ благоволилъ называть себя наставникомъ, учителемъ. Въ рукахъ наставниковъ будущее отечества; они образуютъ будущихъ гражданъ,—ихъ убѣжденія, взгляды невольно усваиваются воспитанниками. Скажемъ болѣе: они образуютъ и должны образовать наслѣдниковъ царствія небеснаго. Вотъ почему и великая награда обѣщана добрымъ наставникамъ. Кто сотворитъ и научитъ, говоритъ Господь, тотъ великимъ наречется въ царствіи небесномъ (Матѳ. 5, 19). Памятуя сіе и имѣя предъ собою примѣръ не только учителя языковъ, Павла апостола, заботливую любовь котораго къ своимъ ученикамъ мы предъ вами изобразили, но и цѣлый обликъ подобныхъ великихъ учителей въ лицѣ другихъ Апостоловъ и св. Отецъ, а паче всего взирая на Того, Кто единъ есть Учитель и учениковъ и наставниковъ, взирая на Господа нашего Иисуса Христа, съ терпѣніемъ будемъ проходить подлежащее намъ поприще. Дѣло наше трудное, но и награда за него великая.

Что сказать вамъ, юноши, въ заключеніе всѣхъ моихъ бесѣдъ съ вами? Какой урокъ мы извлечемъ изъ нынѣ читанныхъ Евангелія и Апостола? Много знаній вы уже приобрѣли, еще болѣе приобретете; но ни одно изъ нихъ не дастъ вамъ живота вѣчнаго. «Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога и Егоже послалъ еси Иисуса Христа» (Іоан. 17. 3). «Кая польза челоуѣку,

аще міръ весь пріобрѣщаетъ, душу же свою отщетить» (Мѡ. 16, 26)? Какая польза человѣку, если онъ узнаетъ все въ мірѣ отъ кедра до иссопа и не узнаетъ Творца міра, Спасителя своего? Что пользы умѣть отводить грома небесныя и не умѣть отвести отъ себя гнѣва Божія? Прискорбно видѣть человѣка, умѣющаго строить великолѣпныя зданія и не умѣющаго созидать свое спасеніе, побѣждающаго враговъ видимыхъ и побѣждаемаго врагами невидимыми. Знанія міра высоко могутъ поставить насъ въ свѣтѣ; но, увы, многіе первые на этомъ свѣтѣ будутъ послѣдними на томъ. Одна только вѣра, одно только благочестіе имѣетъ обѣтованіе жизни настоящей и будущей (1 Тим. 4, 8). Внимайте же себѣ, братія. Берегите свою душу, которую Христосъ пріобрѣлъ себѣ своею кровію, за которую Онъ претерпѣлъ страшныя страсти и крестъ. Мы не свои, а Христовы. Дорогою цѣной мы куплены (1 Кор. 6, 20). Помните это, помните, что вы христіане. Нѣтъ имени, нѣтъ званія почтеннѣе этого имени, этого званія. Но, увы, нѣтъ имени, которымъ бы люди менѣе дорожили,—и отъ этого-то столько бѣдъ на землѣ. Внимайте себѣ; прежде за вами смотрѣли, теперь сами смотрите за собой. Блюдайте вѣру свою, молитвою и чтеніемъ слова Божія укрѣпляютъ ее въ себѣ. Не переставайте учиться богопознанію, какъ важнѣйшему изъ всѣхъ знаній. Укрѣпляютъ свой союзъ съ Церковію неопустительнымъ посѣщеніемъ храма Божіаго, частымъ пріобщеніемъ св. таинствъ. Берегите себя отъ волковъ, которые ходятъ въ одеждахъ овчихъ,—отъ штундистовъ, пашковцевъ, послѣдователей раскола и др., которые глаголютъ развращенная. Берегите себя отъ нихъ, охраняйте и другихъ отъ вреднаго и пагубнаго ихъ вліянія. Умѣйте заградить нечестивыя уста ихъ словомъ; умѣйте и запретить имъ. По самому рожденію вы поставлены во главѣ другихъ сословія, поставлены на свѣщникѣ. Будьте же свѣтомъ, а не тьмой. «Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего иже

на небесѣхъ». Будьте всегда внимательны къ себѣ: гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ; дѣлайте то только, что предписываютъ заповѣди Божіи. Храните чистоту души и тѣла: не обольщайте себя пустыми словами: будто нѣкоторыя заповѣди нарушать ничего, а нѣкоторыя даже естественно. Говорить такъ значитъ оскорблять Духа Божія, взводить хулу на Св. Духа, и за эти-то слова приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ противленія. Знайте, что никакой блудникъ царствія Божія не наследуетъ (Еф. 5, 5. 6), что ничто такъ не убиваетъ нашей нравственности, ничто не лишаетъ такъ чистоты совѣсти, ничто такъ не удаляетъ отъ Бога, не разстраиваетъ нашего здоровья тѣлеснаго и душевнаго, какъ нарушеніе 7-й заповѣди.

Вы будете служить царю и отечеству. Помните примѣръ безкорыстнаго апостольскаго служенія и старайтесь подражать ему, особенно старайтесь подражать св. Павлу въ смиреніи и простотѣ жизни, по которой онъ своимъ нуждамъ и нуждамъ его близкихъ удовлетворялъ, работая своими руками; тогда вы не будете чувствовать недостатковъ, будете довольны своимъ жалованіемъ (Лук. 9, 14), у васъ даже оставаться будетъ. Многіе изъ васъ будутъ служить на окраинахъ Россіи среди иновѣрныхъ и невѣрныхъ. Смотрите же, чтобы не сказали того же, что говорилъ нѣкогда жрецъ Памъ, предостерегая своихъ послѣдователей отъ ученія христіанскаго, предлагаемаго имъ св. Стефаномъ Пермскимъ: «Онъ изъ Москвы. А изъ Москвы можетъ ли быть что доброе? Не оттуда ли приходятъ къ вамъ тиуны? или, какъ теперь говорятъ инородцы: Зачѣмъ намъ креститься, когда и такъ живемъ не хуже вашего?» О, да не будетъ сего! Имя Божіе святиться вами, вашею доброю жизнію должно, и вѣра православная славиться.

«Сказавъ это, св. Апостоль преклонилъ колѣна свои и со всѣми ими помолился» (Дѣян. 20, 36). Молитвой св. Апостоль окончилъ свое прощаніе съ ефесскими пастырями; молитвой и мы должны проститься съ сими юношами. Молитвой мы встрѣтили ихъ въ этомъ заведеніи; съ мо-

литвой и проводимъ. Молитвой начали ихъ обученіе, молитвой и окончимъ. Молились мы, чтобы Господь отверзъ ихъ умъ и сердце, воеже внимати преподаваемому имъ ученію..., а вотъ эти юноши стоятъ теперь предъ нами просвѣщенные свѣтомъ разума, готовые оставить наше заведеніе и вступить въ другое высшее... Возблагодаримъ же Господа, помогшаго намъ совершить великое дѣло воспитанія сихъ юношей, возблагодаримъ и Великаго Государя нашего, давшего намъ средства къ тому. Да сохранить Его Господь на многія лѣта. Аминь.

Прот. Михаилъ Некрасовъ.

СВ. БЕЗСРЕБРЕННИКИ КОСМА И ДАМІАНЪ

и подражаніе имъ.

1 іюля св. Церковь празднуетъ память св. безсребренниковъ Космы и Даміана, пострадавшихъ въ Римѣ въ 284 г. Они были родные братья и были воспитаны въ христіанскомъ благочестіи. Изучивъ врачебное искусство, они при помощи благодати Божіей исцѣляли всякія болѣзни. Помогая людямъ, они врачевали и животныхъ. Добрые цѣлители не брали ни съ кого платы и награды за исцѣленіе и потому прозваны были безмездными врачами или безсребренниками. Они требовали отъ исцѣляемыхъ только одного, чтобы они вѣровали въ Господа Іисуса Христа. Исцѣляя больныхъ въ самомъ Римѣ и въ окрестныхъ городахъ, они многихъ обращали ко Христу. Подавая исцѣленіе недужнымъ, они помогали также бѣднымъ изъ своихъ имѣній, оставшихся имъ послѣ родителей, питали голодныхъ, одѣвали нагихъ, дѣлали и другія дѣла милосердія.

Можемъ ли мы подражать св. Безсребренникамъ? Конечно можемъ и должны. Но возможно ли подобно имъ отказываться отъ возмездія за труды, когда многіе этимъ только и живутъ и существуютъ? Но этого никто и не требуетъ. Для насъ будетъ вполне достаточно, если мы добросовѣстно будемъ исполнять свои обязанности за вознагражденіе, получаемое нами, потому что многіе нынѣ и этого не дѣлаютъ. А главное: не будь никто корыстолюбивъ и сребролюбивъ, не ищи большихъ стяжаній. Не дѣлай ничего изъ побужденій корысти, изъ-за корысти не нарушай заповѣди относительно дней праздничныхъ, кото-

рые безраздѣльно должны быть посвящаемы нашему Господу. Изъ-за корысти не рѣшайся и на другіе грѣхи: обиду, притѣсненіе ближняго, кражу; гнушайся корыстолюбія, этой гнусной страсти, которая ведетъ ко многимъ вреднымъ послѣдствіямъ. Каждое дѣло, даже самое обыкновенное и простое, пусть имѣетъ у насъ своимъ источникомъ и началомъ не корысть, не наживу, а святую любовь. Я служитель Церкви,—да бѣгу отъ корысти, какъ отъ огня, да будетъ моимъ первымъ и высшимъ утѣшеніемъ то благо, какое я могъ бы принести пасомымъ своимъ служеніемъ. У тебя большое торговое дѣло: да утѣшаютъ тебя не барыши большіе, не выгоды ожидаемыя, а прежде всего мысль, что отъ этого дѣла около тебя кормится и существуетъ и благоденствуетъ много семействъ твоихъ служащихъ, да радуется тебя та польза, которую ты приносишь своимъ дѣломъ обществу. И всякій во всякомъ дѣлѣ руководствуйся прежде всего мыслію не о собственной пользѣ, а о пользѣ, которую ты доставишь своимъ дѣломъ ближнему своему. Никто да не ищетъ своего, но пользы другаго, какъ говоритъ Апостоль (1 Кор. 10, 24).

Св. Безсребренники исцѣляли больныхъ. Ты не можешь этого дѣлать, и никто отъ тебя невозможнаго не требуетъ, Дѣлай, что можно для больнаго человѣка. Приди къ нему, успокой, утѣшь какъ умѣешь, походи за нимъ, если пужно это, наконецъ пожалѣй, помолись за него, посовѣтуй ему въ болѣзни очистить душу и войти въ общеніе со Христомъ. Это будетъ величайшее благо для него. Ахъ, какъ много больныхъ, которые ждутъ посѣтителя и не видятъ его, стараются услышать слово мира и утѣшенія, и не обрѣтаютъ! А больные бѣдные и одинокіе? О, какъ много будетъ значить для нихъ всякая даже самая малая жертва со стороны твоей! Часто заболѣваетъ труженикъ отецъ, или страдалица мать; въ домѣ нужда, голодъ, плачь дѣтей. О, какъ здѣсь дорога будетъ твоя сострадательность къ подобной семьѣ! Участіе брата, сосѣда здѣсь неоцѣнимы. А вотъ во время болѣзни крестьянина труженика

въ рабочую пору и трава не скошена, и хлѣбъ стоитъ не сжатый. Если добрые сельчане сжалются надъ нимъ и общими силами исполнять во время все касающееся до его хозяйства,—о, какое это будетъ неоцѣнимое добро, и какъ много оно скажетъ о хрисіанскомъ настроеніи души такихъ добрыхъ людей!—Итакъ дѣлайте для больныхъ что можете, что только въ вашихъ силахъ, и вы будете подражателями безсребренниковъ.

Мы видѣли, что безсребренники исцѣляли даже и скоть, И въ этомъ можно и должно подражать имъ. «Блаженъ человекъ, иже и скоты милуетъ». Какъ же подражать? Жалѣть, беречь скоть, достаточно кормить его, необременять тяжкими работами, не бить его. Сострадательный и добрый хозяинъ лучше самъ останется безъ пищи, а скоть накормить; онъ понимаетъ, что было бы въ высшей степени жестоко не давать пищи твари, которая на него безмолвно работаетъ. Самъ Богъ чрезъ пророка говоритъ: «не заграждай рта у вола молотящаго» (Второз. 25, 4). И Спаситель въ Евангеліи любовь и состраданіе къ несчастнымъ людямъ сравнилъ съ попеченіемъ о животныхъ. «Не отвязываетъ ли каждый изъ васъ вола своего или осла отъ яслей въ субботу и не ведетъ ли поить?» говоритъ Онъ. Грѣшать въ этомъ отношеніи тѣ, которые любовь и состраданіе къ животнымъ превращаютъ въ страсть, къ нимъ привязываются, ихъ начинаютъ жалѣть и любить больше людей, объ нихъ сокрушаются, за ними ухаживаютъ, ихъ берегутъ, а о пользѣ ближняго не радятъ, ближняго въ горѣ не пожалѣютъ, и на помощь къ нему не приходятъ. Вотъ это грѣхъ. Итакъ состраданіе ко всякому животному имѣй, а пристрастія къ нимъ бойся, избѣгай; жалѣй ихъ, но не больше ближняго своего, котораго ты долженъ любить послѣ Бога больше всего.

Вотъ чему научаютъ насъ святые Безсребренники. Будемъ подражать имъ въ этомъ и спасемся.

Свящ. П. Шумовъ.

СВ. МУЧЕНИКЪ КАЛЛИНИКЪ,

какъ образецъ ревности о распространеніи вѣры Христовой.

29 іюля св. Церковь празднуетъ память св. мученика Каллиника. Св. Каллиникъ родился въ Киликіи и воспитанъ былъ въ христіанскомъ законѣ. Глубоко скорбѣлъ онъ, видя, что народъ въ заблужденіи своемъ поклоняется бездушнымъ идоламъ и не знаетъ Бога истиннаго, и рѣшился всю жизнь посвятить на проповѣданіе святой вѣры. Обходилъ онъ много городовъ и сель, обращая язычниковъ отъ идоловъ ко Христу Богу. Прибылъ онъ между прочимъ въ Галатійскій городъ Анкиръ, и трудясь тамъ въ Христовомъ благовѣстіи, приобрѣлъ многихъ Богу. Неувѣровавшіе же схватили его, представили городскому начальнику, какъ развратителя народа и проповѣдника закона воспрещеннаго. Начальникъ—человѣкъ злой, жестокой и ненавидѣвшій христіанъ, сталъ его строго укорять за то, что онъ отвращалъ народъ отъ боговъ. «Я рабъ Христовъ, кротко, но твердо отвѣчалъ Каллиникъ, не могу безъ скорби видѣть людей погибающихъ; и потому стараюсь добрымъ ученіемъ обратить ихъ отъ тьмы къ свѣту. Писано въ нашихъ книгахъ: кто обратитъ грѣшника отъ ложнаго пути его,—спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ (Іак. 5, 20). Желалъ бы я и тебя спасти отъ гибели и наставить на путь истинный». Отъ этихъ словъ начальникъ пришелъ въ ярость и велѣлъ предать Каллиника жестокимъ истязаніямъ; но мученикъ вынесъ ихъ терпѣливо; потомъ отправили его въ г. Бангры, чтобы предать тамъ его огню. Путь былъ трудный и мучительный;

измученный и ослабѣвшій отъ испытанныхъ истязаній, онъ долженъ былъ поспѣвать за воинами, которые ѣхали на коняхъ; желѣзные сапоги съ острыми гвоздями на каждомъ шагу причиняли ему жесточайшую боль. Но мученикъ уповалъ на Бога, молился Ему во все время пути, и Богъ не оставлялъ его своею милостію. Погода стояла знойная; воины, сопровождавшіе его, изнемогали отъ жажды и зноя. Каллиникъ, жалѣя о нихъ, обратился ко Господу съ молитвой, и по молитвѣ его вдругъ изъ камня полилась вода. Язычники воскликнули: «великъ Богъ христіанъ!» Но вотъ привели его и въ городъ, гдѣ должна была совершиться казнь. Увидя приготовленный для него огонь, онъ воскликнулъ радостно: «Благодарю Тебя, Отецъ небесный, что удостоилъ меня пострадать за имя твое! Прими въ мирѣ духъ мой». Съ этими словами онъ вошелъ въ огонь и предалъ душу свою Богу. Это было въ половинѣ 3-го вѣка. Тѣло его осталось невредимо въ огнѣ и было благоговѣнно похоронено христіанами.

Мы видѣли, что св. Каллиникъ, глубоко скорбя о заблужденіи народа, рѣшился всю свою жизнь посвятить на проповѣданіе святой вѣры, которую дѣйствительно и распространялъ всюду, гдѣ могъ. Какая святая рѣшимость! Какой высокій и трудный подвигъ—проповѣдь евангельская! Но этотъ подвигъ можетъ совершить и всякій, не оставляя мѣста своего жительства, не покидая своего занятія, вращаясь въ томъ кругу, въ которомъ судилъ ему Богъ. Всякій, имѣющій даръ слова, можетъ быть провозвѣстникомъ вѣры Христовой. Языкъ нашъ мечъ обоюдоострый, можно чрезъ него разливать и разсѣвать зло, но можно разливать и добро. «Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища (сердца своего) износитъ доброе, а злой человѣкъ изъ злаго сокровища износитъ злое. Отъ словесъ своихъ оправдишися и отъ словесъ своихъ осудишися» (Мѡ. 12, 35). Злое и доброе износится изъ сердца чрезъ слова, чрезъ ту или другую рѣчь, чрезъ тѣ или другія сужденія. Итакъ да будетъ рѣчь твоя добрая, назидательная, правоучитель-

ная; говори хотя немного, но обдуманно и содержательно, прежде всего то, что относится къ благу ближняго твоего временному и вѣчному,—и кто же ты будешь, какъ не проповѣдникъ ученія вѣры? Ты находишься въ кругу людей легкомысленныхъ, позволяющихъ себѣ неуважительно отзываться о вѣрѣ, глумиться надъ всѣмъ священнымъ. Обличай подобныхъ невѣровъ, встань твердо за славу имени Божія, за вѣру, Церковь и учрежденія ея, говори смѣло въ защиту ихъ, что можешь и что знаешь для вразумленія невѣждъ. И кто же ты тогда будешь, какъ не самый искренній и усердный проповѣдникъ вѣры? А мать, которая учить дѣтей креститься и молиться, рассказываетъ имъ про жизнь Иисуса Христа и святыхъ, ходитъ съ ними въ храмъ, читаетъ что-нибудь назидательное; мать, на каждомъ шагу внушающая дѣтямъ бояться Бога, бѣгать худаго, дѣлать доброе,—кто она, какъ не провозвѣстница воли Божіей? А хозяинъ, внушающій своимъ слугамъ исполнять обязанности христіанскія, а начальникъ, учитель, располагающіе зависящихъ отъ нихъ жить прежде всего для Бога и по Божьему, заботящіеся объ укорененіи въ нихъ страха Божія, любви къ Богу и ближнему,—всѣ они не проповѣдники ли Евангелія въ своемъ кругу, въ томъ кругу, въ которомъ дѣйствовать судилъ имъ Богъ? Такъ всякій можетъ быть проповѣдникомъ Евангелія, всякій кто имѣетъ въ сердцѣ любовь къ святой вѣрѣ, такую любовь, какую имѣли мученики и всѣ за вѣру пострадавшіе и всѣмъ для нея пожертвовавшіе.

Но можно быть проповѣдникомъ вѣры и безъ словъ, можно ее распространять и утверждать въ другихъ чрезъ добрую жизнь, чрезъ жизнь по вѣрѣ. Много значитъ и слово умное, доброе, назидательное, исходящее отъ глубоко вѣрующаго сердца. Но примѣръ выше, сильнѣе и дѣйствительнѣе словъ. Тебѣ Богъ судилъ жить среди такихъ людей, о которыхъ трудно составить понятіе, какой они вѣры,—постовъ не соблюдаютъ, праздниковъ не почитаютъ, въ храмѣ не бывають; но ты не смотришь на это,—лю-

бишь храмъ, благоговѣешь предъ постами и праздниками Божиими, проводишь ихъ трезвенно, насколько возможно въ самоуглубленіи, сосредоточенности, въ бесѣдѣ съ Богомъ чрезъ молитву и чтеніе,—и, повѣрь, всѣмъ этимъ ты молча, самымъ дѣломъ учишь своихъ собратій, какъ нужно жить по-христіански; твой добрый примѣръ будетъ для нихъ обличеніемъ и вразумленіемъ. Ты находишься въ кругу людей, которые заняты одними земными выгодами и всецѣло погружены въ заботы о приобрѣтеніи; а ты знаешь и понимаешь, что христіанинъ на землѣ долженъ жить прежде всего для неба, вся жизнь его должна быть хваленіемъ Бога и служеніемъ Ему. Зная это, ты заботишься о духовныхъ приобрѣтеніяхъ, о преуспѣяніи въ вѣрѣ, надеждѣ и любви; изъ своего достоянія удѣляешь бѣднымъ, питаешь нищихъ и убогихъ. И такой образъ жизни, какимъ назидательнымъ урокомъ служить для твоихъ собратій! Безъ словъ, какъ сильно и ясно ты говоришь имъ о томъ, для чего мы живемъ и чѣмъ нужно обогащать себя! Ты ремесленникъ, ты видишь, что твои собратія ведутъ себя далеко не по-христіански, у нихъ и сквернословіе и нетрезвость почти всеобщая; по цѣлымъ годамъ не бываютъ они у исповѣди и причастія, живутъ безъ страха Божія, въ полной безопасности о душѣ. Но ты знаешь, что гибельна такая жизнь, что это не жизнь, а постоянная измѣна Христу, быстрое стремленіе къ гибели. И вотъ ты стараешься жить иначе, въ словахъ быть крайне осторожнымъ, въ поведеніи трезвеннымъ и цѣломудреннымъ, все дѣлаешь съ молитвой, стараешься быть трудолюбивымъ, честнымъ, о домѣ и семействѣ попечительнымъ. И всѣмъ этимъ какой высокій примѣръ будешь подавать другимъ! Ты безъ словъ будешь учителемъ всего добраго. Да и всякій точно такъ. Добрые родители, добрые начальники и всѣ со страхомъ содѣвающіе свое спасеніе, горная мудрствующіе, а не земная, въ Богѣ ищущіе себѣ утѣшенія, всѣ таковые, если словами не стали бы учить другихъ, самымъ складомъ мыслей своихъ, самымъ образомъ по-

веденія своего они уже учителя другихъ, проповѣдники вѣры Христовой.—Но гдѣ подобные проповѣдники вѣры Христовой. Много ли ихъ? О, дай Богъ, чтобы болѣе и болѣе обрѣтались между нами такіе, которые бы христіанство поставляли не въ ношеніи креста на груди, не въ названіи себя православными, не въ нѣкоторыхъ случайныхъ дѣлахъ милосердія и пожертвованіяхъ, а во всемъ складѣ мыслей, стремленій своихъ, въ общемъ добромъ направленіи и настроеніи ума и сердца своего, и во всемъ образѣ поведенія своего,—вотъ чего больше всего будемъ желать имѣть и у Господа просить.

Свящ. П. Шумовъ.

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ ПАГУБНЫМИ ДѢЙСТВІЯМИ ПЬЯНСТВА.

Пьянство есть зло, какъ семейное, такъ и общественное. Пьянство раззоряетъ семью, а какъ пьянствующихъ много, то они приводятъ въ затрудненіе общество, такъ какъ пьянствующіе члены общества не исполняютъ обязанностей къ нему. Какъ глядѣть на пьянство—блажь это или болѣзнь? И то и другое. Начинается блажью, оканчивается болѣзнію, неудержимою привычкою къ пьянству. Одинъ пьетъ вино, зная ему мѣру; другой пьетъ вино безъ мѣры, и дѣлаетъ безпорядки, безобразія, буйства, убійства, и доходитъ до потери силы воли для борьбы съ нажитою привычкою къ пьянству. Какъ блажь и какъ болѣзнь, пьянство есть величайшее зло, которое господствуетъ во всѣхъ слояхъ общества: вы видите упившагося бѣдняка на мостовой, опьянѣвшаго богача везутъ въ экипажѣ; пьяная торговка, не стѣсняясь прохожими, бранится съ своею товаркой; богатая женщина тоже ничѣмъ не стѣсняется и всѣ одинаково дѣлаются безобразны.

Начнемъ снизу. Вотъ крестьянская семья. Домъ—глядѣть не бѣдный. На селѣ праздникъ; только что проводили иконы. Ударяютъ къ обѣднѣ. Хозяинъ дома,—мущина пожилой, одѣтъ чисто, въ сукнѣ, а на ногахъ козловые сапоги; беретъ шляпу и идетъ въ церковь.

— Ты, Пахомычъ, отъ обѣдни-то домой придешь? спрашиваетъ его жена, женщина не старая и очень красивая, и вынимаетъ изъ печи каравай.

— Вѣстимо домой; а то куда же?

— Да я такъ... Саша съ мужемъ хотѣли пріѣхать; давно не были.

— Пусть ѣдутъ... Да и сваты бы пріѣхали, радъ буду; все справлено, угостить есть чѣмъ.

Зачѣмъ это жена Пахомыча спрашиваетъ: «домой ли ты прійдешь отъ службы церковной, или куда забредешь?» и предупреждаетъ, что зять съ дочерью пріѣдетъ? А за тѣмъ она это сказала, что съ нимъ бываетъ—вотъ совсѣмъ хорошъ, въ порядкѣ человекъ, а какъ зашибется, то и пропаль.—Пахомычъ ушелъ.

— А что, тетушка Марина, спросила, сидѣвшая съ ребенкомъ у окна, женщина, пришедшая гостя, — давно дядя-то не зашибался?

— Да, слава Богу, полгода будетъ, какъ ни росинки у него во рту хмѣльнаго не было. Ты видишь, какъ мы поправились, и вотъ теперь къ празднику все справилъ какъ слѣдуетъ. Устиньино платье видѣла?.. Ужо она его въ хоровадь надѣнетъ;—тоже какъ у людей, съ фальборами, да и кружевомъ убрано, сшито какъ нельзя лучше; самъ и портнику-то разыскалъ.

— Ахъ, тетушка, кабы онъ пить-то совсѣмъ бросилъ!

— Не говори, милая, богатые бы были. Ты вѣдь знаешь, какой онъ плотникъ; имъ всѣ дорожатъ, и деньги онъ зря не кинетъ, всѣ до копѣчки домой несетъ. Охъ какъ бы не кабаки проклятые, нужды бы за нимъ я не видала никакой; трезвый—это золото, а какъ зашибется, все у него прахомъ пойдетъ.

Вотъ гости собрались; пождали, пождали хозяина, за столъ сѣли, и всего, что припасено, зажарено, испечено, вдоволь поѣли. Къ вечернѣ ударили. Самоваръ на столъ поставили, а Пахомыча все нѣтъ, да нѣтъ; хозяйка ходитъ хмурая, гостей угощаетъ, а на дверь глядитъ да вздыхаетъ; и гости пріутихли, говорятъ да мало, все больше молчатъ. «Загулялъ, загулялъ», шепчетъ Марина. Дочь ея дѣвушка Устинья чуть не плачетъ; кладетъ баранки на тарелку, орѣхи, пряники, а сама и слова не промолвить.

На концѣ деревни хороводъ завели; много туда пришло изъ сосѣднихъ деревень дѣвицъ и замужнихъ молодыхъ. Въ окно стучить сосѣдняя дѣвушка Катя:

— Устинья, что ты долго сряжаешься? Пойдемъ въ хороводъ, весело будетъ.

— Снарядись, Устюша, иди, шепчетъ Сапа.

— Не пойду, говоритъ Устинья,—что срамится; того и гляди отца приволокутъ, а то и самъ въ хороводъ втешется.

Чего боялась молодая дѣвушка, то и случилось. Пахомычъ пьяный, безъ поддѣвки, безъ опояски, въ одной красной рубахѣ, съ непокрытой головой идетъ по деревнѣ и распѣваетъ пѣсни; голосъ дрожить, прерывается, а онъ знай поетъ; бѣгутъ за нимъ ребяташки, хохочутъ, дразнятъ, подзадориваютъ, а онъ-то пуще храбрится; да, вѣрно, молодые годы вспомнились—пошелъ плясать, но споткнулся и упалъ; хочетъ подняться и опять падаетъ. Смѣхъ ребятъ его сердить; онъ сталъ ругаться, но языкъ тупъ и онъ только бурчитъ; такъ и заснулъ посреди улицы. Пахомычеву семейству уже не до веселья, праздникъ отравленъ. Берутъ его подъ руки и волокутъ на задворокъ: кладутъ въ холодкѣ.

— Куда же поддѣвку-то онъ дѣлъ? вскричала Марина. Батюшки-свѣты, ни поддѣвки, ни шляпы нѣтъ, а все новенькое, все съ иголки.

А кто же видѣлъ, кто зналъ, куда онъ что дѣлъ. Послѣ обѣдни зазвалъ къ себѣ Пахомыча кумъ Николай, и выпили они по чаркѣ вина. Николай ничего, но Пахомыча потянуло къ вину: идя мимо кабака, вошелъ въ него, спросилъ водки, да чарка за чаркой на тощій желудокъ такъ его потуманили, что не могъ онъ послѣ вспомнить, въ поддѣвкѣ вышелъ изъ кабака, тамъ ли ее оставилъ. Ходила на другой день Марина въ кабакъ разыскивать, да развѣ узнаешь? Сказали, что вышелъ отъ нихъ онъ одѣтый, а день праздничный, народу-де было всякаго много. Проснулся на другой день Пахомычъ, и такое-то его зло бе-

реть; подавай и подавай вина, а то всёхъ бить лезеть. И безобразничаль Пахомычъ двѣ недѣли, до тѣхъ пока его къ вину претить стало,—лежить да стонеть, отъ пищи отбило. Марина за эти дни очень похудѣла, почернѣла и была очень сердита; да и какъ не сердиться? Сколько Пахомычъ потратилъ за эти дни трудовыхъ денегъ, сколько разбилъ посуды, а кто сочтеть, сколько перенесла она отъ него побоевъ? Совѣстно Пахомычу выдти на улицу, и работать онъ внутри двора. А скоро ли забудеть онъ о поддѣвкѣ, когда-то соберется купить другую. А Пахомычъ, когда не пьетъ,—музыкъ хорошій, работающій и въ плотнической части искусный; но прорываются такіе дни, что пропивается полный заработокъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, на который онъ рассчитывалъ уплатить подати, поправить свою избу, да побережеть деньги, чтобы на весну купить лишнюю лошадь. Деньги какія пропиты, какія потеряны, и онъ идетъ домой пѣшкомъ, разбитый, уничтоженный, безъ гроша денегъ, а дома ждетъ его ревъ всей семьи, да и своя совѣсть долго его укоряетъ.

Мастерская портнаго. Суббота. Кончаютъ работу и идутъ мастеровые въ баню.

— Что же ты, Федоръ, пойдешь съ нами? спрашиваютъ молодого парня.

— Идите, я только отъютюжу, да и приду къ вамъ, мнѣ нынче ночь не спать.

— Что—знать опять набралъ работы?

— Завтра утромъ за деньгами пойду; я и свѣчу купилъ, за ночь все справлю; жена придетъ, за квартиру надо отдать, да и матери обѣщаль рубль дать; сапоги куплю, со всѣмъ разбились—срамота.

Смотрить на свои ноги; товарищи смѣются.

— Смотри, достанетъ ли на всё нужды твоего заработка?

— Ничего, поправлюсь, пятнадцать рубликовъ завтра получу.

— У тебя, Федоръ, руки,—что огонь.

— Не до отдыха мнѣ, ребенокъ растеть; Варюша малость что добудеть, такъ одному-то трудновато. Теперь не до гулянокъ, ну ихъ, съ прежнихъ не опомнюсь.

Мастера ушли, а Ѳедоръ живо отчистилъ и отъютюжилъ скуртукъ, пошелъ также въ баню. Онъ на все былъ проворень, живо вымылся и раньше другихъ пришелъ домой и принялся заканчивать взятую имъ на гулевые часы работу. Утромъ сходилъ къ обѣднѣ, потомъ отнесъ исправленныя имъ вещи и получилъ деньги; пошелъ въ трактиръ, гдѣ они всегда пили чай.

— Мы думали, пошелъ сапоги покупать, долго veiдeшь? спросилъ его старшій мастеръ.

— Теперь пойду.

— Ты говорилъ, что жена къ тебѣ прійдетъ?

— Такъ что же, прійдетъ и подождетъ, было бы чего ждать. (Вынулъ деньги и показываетъ). Вотъ ихъ сколько, всѣхъ ублаготворю. Я часомъ сбѣгаю... Нынче надо жилетку кончить, къ вечеру чтобъ отнести.

Вотъ идетъ Ѳедоръ по Арбату, да размышляетъ, гдѣ лучше купить сапоги, въ магазинъ или на Смоленскомъ у ношатыхъ,—важные куплю! Попадись ему товарищъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ въ ученѣ жилъ у нѣмца; какъ давно не видались, то другъ другу очень обрадовались. Слово-за-словомъ, да и въ трактиръ. Вошли, солянку спросили и про водку не забыли. Сидятъ, разговариваютъ. Товарищъ остороженъ,—онъ выпилъ двѣ рюмки, да больше не хочетъ, простился и ушелъ; но Ѳедоръ такъ не умѣлъ,—напившись въ трактирѣ, въ полпивную вошелъ, сидитъ, потягиваетъ бутылку за бутылкой, посоловѣлъ, и про жену, что ждетъ его, что надо купить сапоги, про все забылъ; а въ мастерской сидитъ жена, пришла и мать, а Ѳедора все нѣтъ.

— Что же ты поздно пришла? Онъ забѣгаль сюда, сказала хозяйка, — и говорилъ: «я минутой, только сапоги куплю».

— У меня ребенокъ боленъ, взять съ собой нельзя, въ

жару весь, а покинуть было не на кого, квартирантка уходила на рынокъ, такъ я ее и дождалась. А ты что, матушка, запоздала, тебѣ свободнѣе?

— Какая свобода, я не одна, старику пужно было хоть щей сварить; хозяйка печку нынѣ топить, мы и то всю недѣлю кваскомъ пробавлялись, и чаю-то давно не пили; сынокъ нынче обѣщалъ дать, такъ и думала—куплю чайку, въ отраду душѣ старику; я-то по стиркамъ хожу, такъ все чайкомъ побалуюсь, а ему бѣдному скучно, охъ какъ скучно!

Такъ они потолковали и разошлись, а Федора во весь день не было. «Ну, загулялъ, вѣрно загулялъ», говорили мастера. Въ чемъ же было гулянье Федора? Помнилъ онъ, какъ сидѣлъ за солянкой съ товарищемъ, помнилъ, какъ вошелъ въ полпивную и спросилъ двѣ бутылки пива, потомъ онъ уже ничего не помнилъ; когда и гдѣ его взяли, привезли въ Часть, онъ этого никогда не могъ вспомнить. На другой день, когда его выпустили, изъ Частнаго дома, сталъ онъ обыскивать свои карманы; оказалось, что они пусты, только въ жилеткѣ, въ прорванномъ карманѣ, нашелъ онъ въ подкладкѣ два пятиалтынныхъ. Не умѣя ничего сообразить и полный желанія выпить, вошелъ въ кабакъ и выпилъ на весь пятиалтынный; хмѣль располагалъ его къ веселью, идетъ домой и поетъ, а пятиалтынный еще лежитъ въ карманѣ. Куда же, уже ли беречь? Въ Москвѣ кабаковъ много, и на углу той улицы, гдѣ жилъ въ подмастерьяхъ Федоръ, стоитъ кабакъ; и послѣдній пятиалтынный на прилавокъ. Изъ кабака онъ вылетѣлъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и началъ плясать на мостовой. Собралась кучка зѣвакъ, дворники да ребятишки, извозчики остановились; хохотъ, а Федоръ такъ и задорится, какихъ онъ тутъ не выкидывалъ штукъ; блѣдный, волосы треплются, а самъ пляшетъ и пляшетъ. Городовой увидѣлъ и всѣхъ разогналъ. И Федоръ послѣ такихъ походовъ два дня спалъ безъ просыпу, и во снѣ стонетъ. «Совсѣмъ развинтился, говорятъ въ мастерской, жаль парня,

золотыя руки, а пропадаетъ за пустякъ. Какое веселье ему въ гулянкахъ,—какъ только пройдетъ его блажь, очнется и жаль ему будетъ трудовыхъ своихъ денегъ».

Скорнякъ Антонъ Алексѣевичъ Любенковъ изъ простыхъ крестьянскихъ мальчиковъ былъ отданъ въ ученіе по скорняжному дѣлу, сдѣлался самъ хозяиномъ; у него восемнадцать человекъ живетъ работниковъ, да еще отдаетъ шить мѣха по домамъ; въ довѣрїи у купцовъ, и дѣла у него всегда много; мастеровые дорожатъ имъ; но съ нѣкотораго времени онъ сталъ загуливать. Обыкновенно онъ пилъ водку только во время обѣда, и то только двѣ рюмки, но пива и винограднаго вина не пилъ, а до чаю былъ большой охотникъ; но какъ только найдетъ на него блажь и выпьетъ онъ безъ времени рюмку вина, то это вѣрный знакъ кутежа. Пойдетъ со двора по дѣлу, но очутится совсѣмъ не тамъ, и воротясь домой пьяный, заведетъ шумъ и приѣдетъ жену. На бѣду себѣ такъ онъ поставилъ себя къ семьѣ, что удержать его отъ питья вина некому было, и онъ пилъ до тѣхъ поръ, что допивался до видѣній, и потомъ приходилъ въ изнеможеніе,—тогда уже звали доктора. Жена его была настолько ему покорна, что ни въ чемъ ему не противорѣчила и буквально исполняла всѣ его желанія. Въ тѣ пагубные дни, которые слыли гулянками, онъ болѣе все лежалъ въ постели и пилъ вино какъ воду; у его кровати и на ночь стоялъ графинъ, налитый виномъ. Вотъ однажды что онъ сдѣлалъ: въ той комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ, стояли коммодъ и конторка, гдѣ хранились деньги. Выждавъ, когда жена вышла изъ спальни, Антонъ Алексѣевичъ надѣлъ халатъ, туфли, отперъ конторку и вынулъ пачку денегъ, завернулъ въ бумажный платокъ, торопливо пошелъ въ садъ; изъ его домашнихъ никто не видалъ, что онъ дѣлалъ въ саду. «Что же, пусть погуляетъ, можетъ будетъ лучше», такъ думала жена. Онъ скоро воротился изъ сада и, войдя на крыльцо, громко смѣялся и обернувшись назадъ сказалъ: «поищешь теперь!» Легъ

въ постель и все шепталъ и смѣялся. У хозяевъ окна выходили въ садъ, и ихъ дѣти сидѣли у окна и видѣли, какъ пьяный скорнякъ подошелъ къ смородинѣ, началъ рыть заступомъ яму, потомъ что-то положилъ завернутое въ клѣтчатый платокъ, затопталъ ногами и ушелъ домой. Дѣтямъ хотѣлось посмотрѣть, что положилъ подъ кустъ Антонъ Алексѣевичъ, да пьянаго они боялись, тогда какъ съ трезвымъ любили играть и слушать его рассказы; сказали своему отцу, что видѣли, а тотъ позвалъ жену Антона Алексѣевича, и по указанію дѣтей увидѣли помятую траву, стали копать и скоро отрыли платокъ, развернули, и что же? Тамъ лежатъ сотенныя и двадцати-пяти-рублевныя бумажки, всего на двѣ тысячи рублей. Могла ли такая продѣлка Антона Алексѣевича придти въ голову его женѣ, и самъ онъ конечно не могъ помнить о такомъ своемъ замысловатомъ поступкѣ. И какъ знать, можетъ такимъ путемъ много было Любенковымъ загублено денегъ, почему онъ всегда послѣ своей болѣзни бывалъ очень сердитъ; но дѣла его по мастерству не падали, мастера его имъ очень дорожили, и во время его гулянокъ строго относились къ работѣ и упущенія не дѣлали, потому что онъ самъ умѣлъ находить ихъ въ нуждѣ, давая имъ впередъ деньги. «Лучше Антона Алексѣевича не найти намъ хозяина», такъ говорили въ его мастерской; но здоровье свое онъ разрушилъ и въ сорокъ пять лѣтъ умеръ отъ жестокой чахотки.

Пріѣхалъ изъ Воронежа купецъ Машкеевъ въ Москву жить. Купилъ домъ на Болвановкѣ, домъ не большой, и на дворѣ сталъ строить амбары, и настроилъ ихъ много; сталъ жить тихо, прилично, въ праздничные дни бывали у нихъ гости, все изъ купечества. Самъ умный, начитанный, жена у него простая, неученая, но очень умная и хорошая хозяйка; изъ дѣтей двое сынъ и дочь были взрослые, а другіе еще малолѣтки. Машкеевыхъ всѣ хвалили, и кто у нихъ бывалъ, находилъ, что быть у нихъ пріятно.

Дѣла свои велъ онъ бойко, чрезъ его руки шла шерсть на многія фабрики; привозъ шерсти такъ былъ великъ, что первый возъ въѣзжаетъ въ ворота его дома, въ углу Болвановскаго переулка, а возъ за возомъ тянется до самыхъ Серпуховскихъ воротъ. У него въ оборотѣ двѣсти тысячъ; а о довѣріи и говорить нечего, какъ оно было велико. Машкеевъ ведетъ дѣла сорокъ лѣтъ и ни разу не былъ несостоятельнымъ. Прошло пять лѣтъ, въ которые не слыхать было о домашней жизни Машкеева что дурное, но тутъ стали объ нихъ говорить такъ: «Машкеевы запьютъ, то и ворота запрутъ». Пили они сначала скрытно: скажутся больными, никого не принимаютъ. Худо, когда одинъ членъ семейства пьетъ, но вдвое хуже, когда пьютъ мужъ и жена, и положеніе невзрослыхъ дѣтей Машкеева стало ужасно. Старшій сынъ воспользовался слабостію отца и понемногу забиралъ въ руки его дѣла въ ущербъ всей семьѣ; отецъ и мать пьянствовали, старшій сынъ заботился только о своемъ прибыткѣ, о своемъ спокойствіи, носилъ собольи шубы и разѣзжалъ на рысакахъ, а младшихъ дѣтей не учили и никуда не пристраивали; всѣ они помѣщались въ одной комнатѣ, выходящей окнами въ садъ; тутъ постоянно сидѣла старшая дочь, дѣвушка восемнадцати лѣтъ; сюда подавали имъ и чай и обѣдъ, а выдти въ общія комнаты было нельзя, тамъ буйствовали мать и отецъ. Хорошо еще, что съ ними пріѣхала изъ Воронежа няня, которая жила у нихъ уже пятнадцать лѣтъ; она относилась къ дѣтямъ, какъ родная, оберегая ихъ отъ неприятностей, да и на старшаго сына она имѣла вліяніе.

— Что же ты, нашъ набольшій, взялся за дѣла-то, и хозяйство веди какъ слѣдуетъ. Что ты не спросишь, много ли у меня чего въ кладовой, да и самъ бы заглянулъ; ужель времени нѣтъ? А дѣти совсѣмъ обносились, не то что на улицу ихъ нельзя пустить, да и на дворъ стыдно вывести; а мальчика и учить пора,—никакой о нихъ тебѣ заботушки нѣтъ, сударь ты нашъ, хозяинъ.

Благодаря ей доукамъ у старшей дочери были обновки къ праздникамъ, а у меньшихъ крѣпкая обувь и приличное платье. А сами окончательно погибли и пили мертвую чашу, совсѣмъ не отрезвляясь. Машкеевъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, допился до видѣній и рассказывалъ свои бредни, какъ настоящее происшествіе; онъ часто разговаривалъ одинъ въ пустой комнатѣ, какъ будто находился въ кампаніи; но жена его маленькая ростомъ, худая, рвалась со двора и, не имѣя въ рукахъ денегъ, тащила все, что попадалось въ руки: серебро, бѣлье, такъ что все отъ ней запирали. Только смерть Машкеевыхъ развязала семью, но семья уже распалась, и изъ цвѣтущаго положенія вошла въ нищету; старшій сынъ Машкеева прекратилъ занятія отца и пустился въ разныя предпріятія, но все вырывалось изъ рукъ; домъ проданъ и семья распалась.

Княжескій богатый домъ. Князь первое начальное лицо въ городѣ. Княгиня, жена его, образованная, красивая женщина. Они очень богаты, ихъ всѣ уважаютъ въ городѣ. Жизнь ихъ изо дня въ день праздникъ и праздникъ. Но вотъ княгиня стали недомогать: туда не хочется выѣхать, того не хочется принять. Князь долго не подозрѣвалъ, въ чемъ заключается ея болѣзнь — больна и больна. Занятый по службѣ, князь былъ обманутъ болѣзнію жены, а она, пользуясь его частыми отлучками по дѣламъ службы, вдалась въ пьянство и повела распутную жизнь; сперва была еще довольно разборчива на этотъ счетъ, потомъ дошла до связи съ своимъ крѣпостнымъ человѣкомъ. Князь былъ въ то время за границей и видя, что по сложившимся дѣламъ ему приходится тамъ жить долго, писалъ женѣ, чтобы она пріѣхала къ нему. Но княгиня уже сильно вдалась въ безобразную жизнь и не хотѣла болѣе себя стѣснять; пишетъ въ отвѣтъ князю, что больна и докторъ не совѣтуетъ мѣнять климатъ. Но родные князя писали ему, что жена позоритъ его имя, что его домъ никто изъ ихъ кру-

га не посѣщаетъ, а княгиню видятъ только тамъ, гдѣ бываетъ неразборчивое общество: она посѣщаетъ трактиры и сады. Это извѣстіе поразило князя, и онъ негласно воротился домой. Княгиня, не ожидавшая мужа, была по обычаю пьяна и разгуливала подъ руку съ своимъ фаворитомъ въ будуарѣ. Князь, какъ увидалъ ее, затрясся, упалъ въ кресло и зарыдалъ; камердинеръ шелъ за нимъ и предложилъ князю стаканъ воды; но князь не выпилъ воду, а вылилъ себѣ на голову. Княгиня скрылась въ свою спальную. Такъ они больше уже и не видались: князь поступилъ рѣшительно,—онъ выдѣлилъ княгинѣ триста тысячъ и велѣлъ въ двадцать четыре часа оставить его домъ. На другой день княгиня выѣхала изъ дому мужа и, оставленная самой себѣ, предалась той жизни, въ которую втянулась; ей уже не зачѣмъ было дѣлать надъ собой усиліе, лишать себя любимаго напитка—вина, и се уже рѣдко стали видать трезвою; фаворитъ ея скоро умеръ; триста тысячъ быстро исчезали и дошла княгиня до такой бѣдности, что жила въ тѣсной квартирѣ и была въ страшныхъ затрудненіяхъ: нечѣмъ заплатить за квартиру, не на что купить дровъ, не на что купить и хлѣба,—буквально могла помереть съ голоду; только состраданіе нѣкоторыхъ лицъ, которыя помнили ея гостепріимство во дни ея хорошаго положенія, извлекало ее изъ нищеты; но на присланныя деньги опять покупалось вино; она не обращала вниманія, что холодно въ квартирѣ, что плохъ столъ, ей только нужно вино,—вино есть и все другое забыто. Такъ проводила она свои горькіе дни до самой кончины.

Дѣвицу, только что окончившую курсъ въ институтѣ, выдаютъ за мужъ за молодаго чиновника. Они оба молоды, хороши собой, обеспечены въ жизни. Молодую чету видятъ въ обществѣ; она всегда мило одѣта; они оба веселы и совершенно другъ другомъ довольны. Прошелъ годъ, родился у нихъ ребенокъ, къ ребенку навяли кормилицу. Черезъ нѣсколько дней послѣ родовъ ночью моло-

дая женщина почувствовала нездоровье; мать мужа предложила ей выпить вина рюмку съ колганомъ; та выпила и боли успокоились. Тѣмъ бы и кончить, но странно,—вино простое, очищенное молодой женщиной понравилось и она стала пить его предъ обѣдомъ, потомъ и во время обѣда, и скоро такъ привязалась къ нему, что потеряла ноги; за ней стали слѣдить—не стали давать пить вина, запретили прислугѣ покупать для нея вино; но желаніе выпить было такъ сильно, что она, сидя у окна, кидала проходимъ кольца и серьги затѣмъ, чтобы купили ей вина, и много добра такимъ путемъ ушло у ней изъ коммода, почему и принуждены были помѣстить ее въ больницу, гдѣ пробыла она около года и воротилась здоровою. Опять она стала прилично одѣваться и рвалась къ дѣятельности, открыла магазинъ модъ, набрала мастерицъ и дѣвочекъ, дѣлала шляпки и получала заказы на платья и шубы, и ее стали видѣть всегда хлопотливою и озабоченною. Но на бѣду умеръ отецъ ея мужа и они сдѣлались полными хозяевами дома; затѣяли стройку, запутались въ долгахъ, и молодая женщина опять втянулась въ пьянство. Домъ проданъ, магазинъ проданъ, и за покрытіемъ долговъ они остались совсѣмъ безъ средствъ; но пить ни мужъ ни жена не переставали и дошли до такой нищеты, что стали ночевать въ ночлежныхъ домахъ. Мужъ получилъ чахотку и умеръ; а она продолжала обычную жизнь, и вотъ пьяная, полуодѣтая, она чуть не замерзла на улицѣ; ее подняли и отвезли въ больницу, гдѣ она и оживаетъ, выправляется и выйдя изъ больницы, находитъ мѣсто, и живетъ прилично. Конечно къ вину она должна имѣть отвращеніе,—она помнитъ всѣ тѣ бѣды, какія пришлось ей перенести. Но страсть къ пьянству снова ожила въ ней. Нынче распорядясь хозяйствомъ, она разливала наливки, раскупоривала разныя вина, и ее къ вину не тянуло, но находитъ пагубный часъ и она губитъ себя на цѣлые мѣсяцы и теряетъ не только мѣсто, но и всякое уваженіе къ самой себѣ.

А сколько въ богатыхъ купеческихъ семействахъ гибнетъ молодой жизни! Начинается повидимому невинно съ тонкихъ подслащенныхъ винъ. Молодая женщина только что вышла замужъ, и ей такія же молодыя дамы предлагаютъ выпить вина. «Это, говорятъ онѣ, самое легкое. Да попробуйте, какое пріятное; дѣти пьютъ». И всѣ чокаются и пьютъ. Не всѣ, конечно, пристращаются, но многіе и очень многіе доходятъ до болѣзни. Въ купеческомъ семействѣ молодая невѣстка каждый разъ послѣ гостей страдаетъ головную болью и не выходитъ изъ своей спальни дня два-три. Горничная говоритъ свокрови:

— А вы догадываетесь, сударыня, чѣмъ больна Марья Ивановна?

— Ей сидѣть долго вредно, потому у ней и болитъ голова; такая ужъ она слабая.

Горничная засмѣялась.

— Ахъ, Анна Гавриловна, какія вы незамѣчательныя. Я такъ давно подмѣтила, что это Марья Ивановна послѣ гостей долго возится и спать не ложится, а она все бутылки да графины къ себѣ въ спальню таскаетъ, а на другой день пустыя-то и выставить.

— Чего ты не скажешь!

— Вотъ примѣтите сами.

Скоро собрались гости и Анна Гавриловна сочла всѣ бутылки и графины и черезъ часъ по отъѣздѣ гостей вошла въ столовую и недочлась какъ бутылочъ, такъ и графиновъ. Стали наблюдать за Марьей Ивановной, которая нѣсколько дней не выходила изъ своей спальни, куда ей подавали чай и обѣдъ. Но когда стали строже слѣдить за ней, то она, не находя вина, чтобы удовлетворить свою страсть, пила одеколонъ и разныя капли, вслѣдствіе чего захворала. Позвали доктора, который совѣтовалъ ей взять надъ собой силу воли. Совѣтъ справедливо благоразумный, но неудобносполнимый: въ моментъ желанія выпить вина, сила воли оставляетъ человѣка, и онъ дѣлается рабомъ

своихъ желаній. Болѣзнь пьянства овладѣваетъ людьми всѣхъ возрастовъ, состояній и положеній; ни кабинетъ ученаго, ни келлія монаха, ни семейныя обязанности, ни страхъ подчиненнаго, ни стыдъ общественный, ничто не охраняетъ людей отъ пагубнаго желанія напиться и напиться. Противъ пьянства, какъ болѣзни, принимаетъ мѣры медицина; она справедливо смотритъ на пьянство такъ же, какъ глядятъ на горячку и на лихорадку, приспособляя способы леченія. Но надобно не только лечить, а еще предупреждать зло. На родителяхъ лежитъ обязанность замѣчать въ дѣтяхъ наклонность пить вино и стараться объ ея уничтоженіи, не дожидаясь большаго развитія, чтобы она не пустила глубокаго корня. Случается видѣть, какъ молодой человѣкъ, настолько молодой, что надо думать, что онъ любитъ лакомства,—а онъ стремится къ вину и всѣ тѣ деньги, какія онъ имѣетъ, тратитъ на вино и доходитъ до того, что, когда не имѣетъ денегъ, то продастъ съ себя платье и возвращается домой безъ сюртука; а потомъ онъ до чего дойдетъ? Страшно подумать! А какъ надо жалѣть такихъ людей, какъ надо подать имъ помощь! Ѳедоръ Петровичъ Газъ, покойный докторъ московской Полицейской больницы, сострадая къ человѣчеству, устроилъ у себя пріемный домъ, куда везли поднятыхъ на улицахъ пьяныхъ, гдѣ и давали имъ покой, какъ больнымъ, но больнымъ только нравственно; по отрезвленіи онъ самъ дѣлалъ имъ словесныя наставленія, бралъ клятву не пить болѣе вина, и выпускалъ изъ своей лечебницы. Ѳедоръ Петровичъ во всемъ винилъ вино, и не только не имѣлъ его у себя въ домѣ, но не могъ его видѣть и у другихъ и буквально гналъ его. Многіе изъ пьяницъ, понявъ насколько для ихъ пагубно вино, и не находя въ себѣ воли побѣждать свои желанія, прибѣгаютъ къ помощи знахарей. И точно нѣкоторые, лечась у знахарей, избавляются отъ своей болѣзни; но другихъ способы леченія знахарей доводятъ до чахотки. Такъ, стало быть,

есть средства, которыя могутъ служить на пользу чело-
вѣчеству, но только они не признаны медиками и не раз-
работаны. Знахарь, не зная натуры людей, дѣйствуетъ
одинаково, не разсуждая, кто можетъ, а кто нѣтъ вынес-
ти мѣру его лекарства.

Какое святое дѣло совершитъ тотъ, кто посвятитъ
себя изысканію средствъ противъ болѣзни пьянства! Тогда
меньше будутъ проливать слезъ, и меньше будетъ горя
и нужды на землѣ, и много, много меньше будетъ пре-
ступленийъ.

Е. П—ва.

ХРИСТИАНСКАЯ КОНЧИНА ДѢВИЦЫ.

Въ продолженіе моей двадцатилѣтней священнической службы много разъ доводилось мнѣ присутствовать при кончинѣ христіанъ обоего пола, разныхъ возрастовъ, званій и состояній. Всегда я уносилъ отъ одра умирающихъ тотъ или другой поучительный для себя урокъ, то или другое назиданіе, и такіе уроки не забываются. Но изъ всѣхъ подобныхъ случаевъ особенно памятенъ одинъ, о которомъ я и намѣренъ рассказать въ настоящей статьѣ, на пользу благочестивыхъ читателей.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1884 года я поступилъ на должность настоятеля въ с. Юдино, Тобольской епархіи, и въ первые же дни моего новаго служенія, однажды вечеромъ былъ приглашенъ совершить на утро таинства исповѣди, св. причащенія и елеосвященія надъ болящею дѣвицей Александрой Ѳедоровной Т—ю, имѣвшею 25 лѣтъ отъ роду и находившеюся въ послѣднемъ періодѣ жестокой чахотки. Дѣвица эта была круглая и бѣдная сирота. Она получила образованіе въ одной изъ Сибирскихъ женскихъ гимназій, и по окончаніи курса служила во многихъ домахъ гувернанткой. Тяжелая и грустная жизнь досталась ей на землѣ: добрая и кроткая отъ природы, Александра Ѳедоровна, живя у чужихъ людей, много переносила неприятностей и огорченій, даже незаслуженныхъ обидъ и оскорбленій. А въ послѣдніе годы ея жизни Господь послалъ ей и другой тяжелый крестъ—неизлечимый недугъ,

который медленно, но вѣрно приближалъ страдалицу къ могилѣ. Вслѣдствіе этого недуга Александра Федоровна должна была отказаться отъ должности домашней учительницы, которую исполняла въ двухъ домахъ и въ нашемъ селѣ, и жила уже на квартирѣ, на свои скудныя сбереженія отъ получаемого ею прежде жалованья. Терпѣливо и благодушно переносила она и мучительную болѣзнь тѣлесную, и нравственныя страданія отъ недобрыхъ людей, и печальное свое одиночество. Когда истощились у ней денежныя сбереженія, она, чтобы не ѣсть чужой хлѣбъ и не быть никому въ тягость, продавала свои вещи и почти до послѣднихъ дней жизни, уже и чрезъ силу, зарабатывала кое-что рукодѣльемъ. Хотя и были въ селѣ люди желавшіе и имѣвшіе возможность помочь ей, но она никакъ не соглашалась принять такую помощь и даже огорчалась при малѣйшемъ ей о томъ намекѣ. Къ этой краткой характеристикѣ покойницы прибавляю, что она была умная и опытная преподавательница и воспитательница, очень любимая своими питомцами, и, — что важнѣе всего, — отличалась глубокою религіозностію.

Безнадежность своего положенія Александра Федоровна вполне сознавала, а потому пожелала сама благовременно напутствоваться св. таинствами. Въ назначенный часъ, войдя въ квартиру больной, я засталъ ее на ногахъ, скромно и чисто одѣтою. Въ исхудаломъ лицѣ ея свѣтилось что-то радостное. Послѣ рассказывала мнѣ квартирная хозяйка ея, почтенная старица вдова причетника, что больная еще наканунѣ необычайно радовалась и веселилась въ ожиданіи предстоящаго соборованія, котораго особенно желала. Такое же радостное настроеніе ея духа замѣчено и въ первый и въ нѣсколько послѣдующихъ дней по совершеніи надъ нею св. таинствъ. Сперва я приступилъ къ исповѣди болящей. Покаяніе она приносила съ такою искренностію, сердечностію, съ такимъ глубокимъ сокрушеніемъ, а св. причастіе принимала съ такою великою вѣрой и благоговѣніемъ, что я самъ былъ рас-

троганъ до глубины души. Съ напряженнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ слушала она чтеніе и пѣніе во время соборованія, частію стоя и частію сидя на стулѣ. По временамъ слезы струились по ея щекамъ. По окончаніи соборованія больная трогательно простилась со всѣми присутствующими, а потомъ сама угощала чаемъ меня и моихъ сослужителей. Это было въ понедѣльникъ на четвертой седмицѣ Великаго поста. Кончина же Александры Ѳедоровны послѣдовала въ недѣлю антипасхи. Во все это время, т.-е. въ продолженіе пяти недѣль, больная сознательно готовилась къ переходу въ вѣчность: сперва сдѣлала опись своего имущества, распредѣлила, кому и что послѣ ея смерти раздать изъ принадлежавшихъ ей вещей, не забывъ при этомъ и добрую хозяйку своей квартиры, ходившую за ней во время болѣзни, какъ за родною дочерью (ей она отдала свою икону — складень въ серебряной ризѣ), а затѣмъ уже всецѣло обратилась къ богомыслию и размышленію о смерти. Не будучи въ силахъ ходить въ церковь и много сокрушаясь объ этомъ, она ежедневно, утромъ и вечеромъ, вычитывала по каноннику молитвы и дневные каноны, молилась часто и въ продолженіи дня, усердно читала св. Евангеліе и другія священныя книги, которыми, по ея просьбѣ, я снабжалъ ее. Часто посѣщаль я болящую, бесѣдовалъ съ нею, старался по возможности утѣшать ее, такъ какъ иногда она видимо скорбѣла и нападало на нее уныніе духа. Но по милости Божіей, такое тяжелое душевное состояніе скоро покидало страдальцу, и она успокоивалась, особенно послѣ усиленной молитвы. Она замѣтно угасала: какъ восковая свѣча, догорала ея молодая жизнь. И поистинѣ со времени соборованія, Александра Ѳедоровна, по молитвенному настроенію своего духа, была живая свѣча, возжженная предъ Господомъ Богомъ. Сознавая вполнѣ неизбѣжность близкой кончины, она по временамъ какъ будто утѣшалась и надеждой на продленіе своей жизни. Такъ однажды, прочитавъ въ «Душеполезномъ Чтеніи» статью:

«Святѣни Алтая» а), гдѣ между прочимъ, описаны благодатныя знаменія отъ иконы съ частицей мощей св. великомученика Пантелеимона, находящейся въ Улалинской церкви, и сказано нѣсколько словъ объ алтайскомъ женскомъ монастырѣ, Александра Ѳедоровна сказала мнѣ: «можетъ быть я доживу до лѣта, и тогда непременно поѣду на Алтай, въ жевскую обитель,—тамъ желала бы умереть». При этомъ передала мнѣ свои топазовыя бусы, и просила переслать ихъ на Алтай, для приклада къ иконѣ великомученика, съ тѣмъ, чтобы помянули тамъ болящую о здравіи, а по смерти за упокой. 13-го апрѣля я отправилъ эти бусы къ преосвящ. Макарію, епископу Бійскому, начальнику алтайской миссіи б), а чрезъ два дня Александры Ѳедоровны не стало.

Въ послѣдніе дни предъ смертію больная почти ничего не вкушала, кромѣ просфоры. Съ постели уже не вставала, но могла еще свободно говорить съ посѣщавшими ее. Апрѣля 15-го, въ Ѳомино воскресенье, тотчасъ послѣ литургіи я былъ позванъ исповѣдать Александру Ѳедоровну, которой вдругъ слѣлалось хуже. Когда я вошелъ въ комнату, больная лежала въ постелѣ и тяжело прерывисто дышала. На вопросъ мой: «что съ вами?» она отвѣчала:

а) „Душеполезное Чтеніе“ 1884 г., февраль. Кстати. Въ этой, принадлежащей мнѣ статьѣ, допущены въ разсказѣ объ исцѣленіи бѣсноватой Евдокіи отъ аеонской святѣни, нѣкоторыя неточности и неполнота, за указаніе которыхъ благодарю о. миссіонера прот. В. Вербицаго. У меня сказано, что Евдокія проживала въ Никольскомъ женскомъ миссіонерскомъ монастырѣ до исцѣленія. На самомъ же дѣлѣ, она поселилась въ немъ по исцѣленіи. У меня сказано, что бѣсноватая исцѣлилась, приложившись къ аеонской святѣнѣ, но не сказано, что припадки бѣснованія возобновились вскорѣ, и окончательное выздоровленіе послѣдовало не сразу.

б) Преосвященнѣйшій Макарій, въ письмѣ ко мнѣ отъ 18 мая 1884 г. между прочимъ сообщилъ: „топазовыя бусы получены, къ иконѣ св. великомученика Пантелеимона приложены, имя рабы Божіей болящей для номинованія вписано, и поминается“. Письмо это писано въ 36-й день по кончинѣ рабы Божіей.

Вышеописанная кончина дѣвицы Александры вполне подтверждаетъ сказанное. Почившая несла въ земной жизни своей тяжелые кресты болѣзни тѣлесной и страданій душевныхъ, но несла ихъ безропотно, съ всецѣлою преданностію волѣ Божіей. Покойная была кротка и добра въ отношеніи къ ближнимъ своимъ. Была религіозна и по мѣрѣ силъ исполняла заповѣди Божіи. Она трудилась всю жизнь свою, даже сверхъ своихъ слабыхъ силъ, и опять не роптала среди этихъ трудовъ, а несла ихъ во славу Божію и на пользу ближнимъ. Она заблаговременно, безъ малодушнаго страха смерти, озаботилась напутствоваться въ вѣчную жизнь таинствами св. Церкви, а послѣднія особенно тяжелыя недѣли своей жизни провела въ богомыслии, памятованіи о смерти и неустанной молитвѣ. За все это милосердый Господь и сподобилъ ее истинно христіанской кончины. Она *жила для Господа и умерла для Господа.*

Почувствуемъ же, благочестивый читатель, у бѣдной незнатной и незнамой сироты дѣвицы великой наукѣ умирать. Но «чтобы хорошо умереть, нужно хорошо жить», сказалъ одинъ древле христіанскій мудрецъ (блж. Августинъ Иппонійскій). Запомнимъ тверже эту непререкаемую истину, стараясь приложить ее и къ самому дѣлу, дабы имѣть право всегда съ дерзновеніемъ сказать: *еще живемъ, Господеви живемъ; еще умираемъ, Господеви умираемъ* (Рим. 14, 18). Будемъ также непрестанно, изъ глубины души, молиться: «Исусе сладчайшій! избави насъ отъ внезапной смерти, и сподоби христіанскія кончины!»

Прот. М. Путинцевъ.

ПОЗОЛОЧЕННЫЕ НИЩЕ.

Бесѣда по поводу пессимизма.

Позолоченные нищие! Что это такое? спросить въ недоумѣніи читатель. Гдѣ это такіе нищие?

Не удивляйся, читатель. Наше время, столь богатое всякаго рода открытіями и изобрѣтеніями, выдвинувшее на сцену социализмъ, пессимизмъ и т. п., породило и *позолоченныхъ нищихъ*. Такъ стали называть себя лица находящіеся въ военной службѣ и живущія на одномъ жалованьи.

Вотъ что въ началѣ прошлаго года писалъ мнѣ между прочимъ знакомый молодой офицеръ:

«Въ нѣкоторыхъ взглядахъ на такъ-называемыя современными людьми *радости жизни* я не соглашусь съ вами. Правда, многое въ насъ, людяхъ, пусто, безцѣльно, грубо, служить только для тѣла матеріальнаго; но есть также стремленія возвышенныя, духовнаго характера. Мнѣ 22½ года. Есть во мнѣ, не скрою, низменныя желанія, но есть и тонкія, возвышенныя потребности, напримѣръ потребность бывать въ театрѣ, слушать оперу. Но нѣтъ у меня возможности удовлетворять подобныя потребности. Возможность эта будетъ у меня лѣтъ подъ 50; да тогда плевать мнѣ на все это: тогда у меня будутъ свои злобы дня, при которыхъ не до оперы, не до театра: я буду думать, какъ бы сегодня катарръ мой (желудка) не разыгрался, буду стонать отъ ревматизма, буду грѣть ноги, и когда онѣ будутъ теплы, а желудокъ сварить безъ болей, да я еще не буду подпрыгивать отъ

жестокаго комотья въ боку, плечахъ и ногахъ, тогда я буду говорить: вотъ счастливый день! И вотъ эти результаты моей 50-лѣтней немощи станутъ тогда для меня «радостями жизни». А теперь даже филантропическія желанія неисполнимы. Нищихъ я готовъ бы озолотить; а проходишь мимо нихъ и только возбуждаешь свою злобу. Да отъ чего? Да отъ того, что я принужденъ твердить себѣ подь носъ: «я тоже *нищій*, но позолоченный средой, въ которой живу; она требуетъ отъ меня изящной одежды, манеръ, прически и проч. А помогать ближнему я не имѣю возможности. Я говорю о помощи болѣе или менѣе значительной; а подача 2, 3, 4, 5 коп. это часто бываетъ, да этого мало».

«Вотъ какъ онъ называетъ себя, подумалъ я, прочитавъ въ письмѣ это мѣсто: *нищимъ позолоченнымъ*! Да какой онъ *нищій*,—получаетъ болѣе 50 рублей въ мѣсяцъ жалованія и — *нищій*!... Молодая голова что выдумала! Хочетъ въ оперу и другія увеселительныя мѣста, гдѣ по его мнѣнію истинныя радости жизни, и не можетъ по недостатку денегъ,—и въ нищіе... Какъ потѣшилъ себя: *позолоченный нищій*! Пусть тѣшится. Дѣйствительно только молодая голова въ 22½ года и можетъ выдумать это названіе для военныхъ! На то она и молодая голова».

Подумалъ я такъ и новому прозвищу военныхъ не придалъ большаго значенія. Молодая голова выдумала это слово, чтобы потѣшить себя при безденежѣ—вотъ и все!

Каково же было мое удивленіе, когда тоже прозваніе военныхъ привелось мнѣ услышать изъ устъ лица уже болѣе серьезнаго. Лѣтомъ прошлаго года гостила у меня военная дама, Олимпіада Петровна С—на, короткая моя знакомая. Она,—жена капитана, который служитъ въ С. батальонѣ и состоитъ тамъ ротнымъ командиромъ. Съ ней двое маленькихъ дѣтей, изъ коихъ старшей, дочкѣ, пятый годъ, мальчику два года. Мужъ лѣтомъ уходитъ съ батальономъ въ лагерь, жена съ дѣтьми уѣзжаетъ гостить или къ роднымъ, или къ короткимъ знакомымъ. Въ этотъ разъ

Олимпіада Петровна прибыла ко мнѣ. Я конечно радъ былъ гостямъ. Три года я не видалъ Олимпіады Петровны, маленькаго сына ея и вовсе не зналъ.

— Добро пожаловать, дорогіе путники! сказалъ я, встрѣчая гостей. Радъ, очень радъ васъ видѣть у себя. И дѣтишки съ вами: у, какія славныя!

— Рады-не-рады, а ужъ позвольте у васъ мѣсяць-другой пожить, медленно отвѣчала Олимпіада Петровна, пожимая мою руку. Мужъ на все лѣто отправился въ лагерь, захотѣлось и мнѣ пожить гдѣ-нибудь на свободѣ безъ домашнихъ заботъ и хлопотъ, которыя до смерти надоѣдаютъ и мучатъ; захотѣлось отдохнуть, успокоиться, поправиться здоровьемъ,—я вѣдь не очень здорова.

— Поживите, поживите у насъ, въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ, въ градѣ св. княгини Ольги; живите не мѣсяць-другой, а хотите—все лѣто. Въ ваше распоряженіе половина дома; къ вашимъ услугамъ садъ съ фруктами, только сѣверными: чѣмъ богаты, тѣмъ и радъ служить дорогимъ гостямъ.

— Да и поговорить съ вами, побесѣдовать по душѣ хотѣлось, говорила гостья, какъбы продолжая свою рѣчь.

— И поговоримъ, и побесѣдуемъ: будетъ и на это время. Вотъ вамъ комнаты, располагайтесь тутъ и устраивайтесь какъ знаете. Разберитесь, дорожное прочь съ себя, раздѣньте дѣтей,—и къ чаю.

Слѣдовалъ, какъ водится, чай и затѣмъ завтракъ. Дѣти съ видимымъ аппетитомъ выпили по чашкѣ чаю съ молокомъ и кренделями, но за столомъ долго не усидѣли: пошли ходить и бѣгать по комнатамъ и съ любопытствомъ все осматривали и разглядывали.

— Ну, моя дорогая гостья, какъ же вы поживаете въ батальонѣ-то? обратился я къ Олимпіадѣ Петровнѣ, когда она выпила вторую чашку чая.

Она не вдругъ отвѣчала на мой вопросъ, а нѣсколько помолчала наклонивъ голову, какъбы думая, какъ ей отвѣтить.

— Какъ поживаемъ? Плохо.., наконецъ сказала она.

— Чѣмъ плохо? Удивляюсь.

— Вошли въ долги; жалованья недостаетъ на содержаніе: то бы нужно, другое, третье,—не на что купить, недостатки во всемъ. Спать себѣ новое платье и не думай. Мужу вотъ крайне нужно спать новый расхожій сюртукъ: не знаемъ какъ это сдѣлать; думали, думали—только голова кругомъ пошла.

— Какъ же это такъ? остановилъ я гостью, говорившую скоро.—Вѣдь жалованья мужъ получаетъ по чину капитана, думаю, порядочно; да еще и ротный онъ: за это вѣдь тоже прибавка должна быть.

— Что-жъ что капитанъ и ротный! Въ юнкерскомъ училищѣ мы жили еще кое какъ а); а тутъ трудно. Противъ того, сколько мы получали въ училищѣ, теперь получаемъ много меньше. А здѣсь въ полку еще и вычеты. И сколько этихъ вычетовъ! И на клубъ, и на бібліотеку, и по субботамъ общіе обѣды, и на обѣды, когда пріѣзжаетъ ревизоръ какой, особенно дивизіонный генераль,—на все, на все это съ бѣдныхъ офицеровъ, все съ нашего кармана. А въ училищѣ вычетовъ не было. Нѣтъ, плохо, плохо намъ, мы крайне мучимся. А случись болѣзнь въ семьѣ, я нездорова, либо дѣти захворають: тутъ и вовсе бѣда. Я же въ послѣднее время часто стала прихварывать. Доктору, на лекарства нечего, нѣтъ денегъ..., бѣда, чистая смерть! Иной разъ уже и не лечишься, хотя и крайне бы пужно. Ну, что будетъ, то и будетъ, думаешь.

Она замолчала.

— Не думалъ я; не ожидалъ, проговорилъ я, что вамъ въ батальонѣ такъ плохо жить.

— Плохо, плохо, снова заговорила гостья. Въ эти полтора года я просто измучилась. Тутъ сынъ родился—вотъ тотъ самый мальчуганъ. Расходовъ, расходовъ множество было. Одной акушеркѣ заплатили 25 рублей; и была-то она всего недѣлю, да и то отрывалась въ другіе дома. Послѣ родовъ я сама сдѣлалась больна. Нужно было лечиться,

а) До перехода въ С—й батальонъ мужъ Олимпіады Петровны служилъ въ одномъ юнкерскомъ училищѣ.

денегъ не было. Полечилась немного, и перестала. Нужно бы продолжать леченіе, не на что. Я вотъ и стала теперь такая, какъ видите.

— Вы говорите, у васъ долги есть, и много ихъ?

— Рублей 400. Когда мы ихъ выплатимъ!

— Какъ вы ихъ нажили?

— Да какъ?!.. Изъ училища переѣздъ въ батальонъ, вотъ уже 150 руб.; мужу мундиръ сшить, мнѣ платье; пальто осеннее мнѣ стало 43 руб.

— Ну, мужу мундиръ, такъ нуженъ; а вамъ-то новое платье, особенно пальто такое дорогое зачѣмъ? Могли бы, думаю, обойтись безъ платья и безъ пальто.

— Нельзя, приличіе требуетъ.

Я остановился своими вопросами; не время было входить въ серьезный разговоръ съ мрачною гостью, уставшею съ дороги.

— Плохо, плохо намъ, продолжала горячо говорить гостья. Нѣтъ, Господь забылъ насъ; оставилъ, видно не до насъ Ему. Я и молиться перестала. Да что, молись-немолись, все ничего. Просто мы военные—*нищие*, да только въ позолотѣ, нищіе значить *позолоченные*. Иной разъ промелькнетъ въ головѣ: чѣмъ такъ мучиться, лучше и не жить.

Гостья моя говорила скоро, была сильно взволнована, такъ что даже краска выступила на ея блѣдное лицо. Она затѣмъ замолчала.

Вотъ тебѣ разъ, и тутъ то же, пронеслось у меня въ головѣ: тоже слово, какое высказано молодымъ офицеромъ, тотъже отзывъ о военныхъ, тотъже взглядъ: *нищие позолоченные!* Пессимизмъ проклятый пробрался и въ женскія головы, заразилъ своимъ тлетворнымъ ядомъ и ихъ вѣрующія, религіозностію живущія души.

Жаль мнѣ стало, истинно жаль молодой женщины, матери юныхъ птенцовъ, сидѣвшей предо мной въ сильномъ волненіи, раздраженной, озлобленной. Помолчалъ и я нѣсколько минутъ: я думалъ, чтò теперь говорить, какъ и чѣмъ успокоить мою взволнованную гостью.

— Олимпиада Петровна! Все, что я выслушалъ отъ васъ, ваше недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ, ваши жалобы на скудость матеріальныхъ средствъ, на недостатки, болѣзнь, все это такъ, въ порядкѣ вещей; но никакъ не ожидалъ, чтобы вы, такая умная, такая разсудительная женщина, жена человѣка, состоящаго на дѣйствительной службѣ, уже въ порядочномъ чинѣ, причисляли себя къ *нищимъ*! Вы, такая религіозная, глубоко вѣрующая, какъ я васъ знаю, вы ропщете на Бога! Вы даже имѣли и высказываете такую страшную, такую отчаянную мысль: «лучше не жить».

— Да, дойдешь до всего, какъ жутко придетъ,—какъ-то сердито, отрывисто отвѣчала гостья на мои слова.—И роптала и ропшу... Да какъ же, судите сами: мужъ работаетъ какъ волъ, и лѣтомъ и зимой цѣлый день, съ утра до вечера, на занятіяхъ, домой придетъ только пообѣдать; а цѣлый день его и не вижу. И за это что же мы получаемъ? Такое ничтожество, что жить нечѣмъ! На насъ поглядѣть—блестимъ: шелкъ, бархатъ; а въ насъ, въ нашихъ карманахъ... Нищіе мы, нищіе въ позолотѣ.

— Ну, дорогая моя гостья, жалѣю, очень жалѣю, что я своимъ простымъ и обычнымъ вопросомъ вызвалъ васъ на такой разговоръ, который васъ разстроилъ, взволновалъ. Оставимъ-те пока говорить объ этомъ: будетъ еще время, наговоримся досыта; поговоримъ обо всемъ, все обсудимъ и разберемъ. Идите-ка лучше въ свою половину, да отдохните хорошенько съ дороги, успокойтесь. Это будетъ для васъ полезнѣе всего. Я пойду въ садъ и посмотрю, что тамъ дѣти дѣлаютъ. Согласны на это?

— Хорошо. Благодарю васъ. Да, дѣйствительно мнѣ что-то тяжело, не по себѣ; надо отдохнуть.

— Ну вотъ и отлично. Поживете вы у меня, нѣсколько времени, отдохнете, укрѣпитесь и успокойтесь: тогда мы съ вами въ удобный часъ и побесѣдуемъ.

И благословясь вели мы по временамъ бесѣды, предметомъ коихъ было матеріальное состояніе моей гостьи, ея

ропотъ на свою судьбу, ея мрачный взглядъ на жизнь; я старался выставить ей на видъ, сколько можно было, свѣтлыя стороны, какія дѣйствительно были въ ея жизни, черныя же стороны представить въ менѣе ужасающемъ видѣ, какъ оно на самомъ дѣлѣ и было. Бесѣды наши, при помощи Божіей, произвели благотворное дѣйствіе на Олимпіаду Петровну: она сознала несправедливость своего ропота на Бога, невѣрность мрачнаго взгляда на свою жизнь, ободрилась и успокоилась.

Быль прекрасный майскій день. Мы позавтракали и вышли въ садъ. Солнце свѣтило ярко и обдавало жаромъ. Въ саду все зеленѣло, все цвѣло и красовалось; порхали и щебетали Божьи птички. Дѣти стали бѣгать по дорожкамъ, весело рѣзвились и играли. Я и гостя успѣлись въ тѣнистой бесѣдкѣ. Это время я считалъ удобнымъ для бесѣды съ Олимпіадой Петровной о ея, повидимому, горькомъ и отчаянномъ положеніи; она, какъ я видѣлъ, была спокойна и благодушна.

— Угодно вамъ, почтеннѣйшая моя Олимпіада Петровна, обратился я къ гостѣ, побесѣдовать теперь о васъ, о вашей жизни, о вашемъ существованіи?

— Что-жь, хорошо, отвѣтила она спокойно. Согласна. Будемъ-те бесѣдовать.

— Вы, моя дорогая гостя, рассказали мнѣ о себѣ и о своей жизни въ полку столько худаго, мало того, столько мрачнаго, что я, не скрою, ужаснулся. Жалованья получаемого мужемъ недостаетъ вамъ на самое необходимое; вы болѣзненны и лечитесь не на что; вы ропщете на Бога, вы раздражены, озлоблены; вы не дорожите жизнью, готовы даже, страшно и подумать, посягнуть на свою жизнь. Словомъ, жизнь ваша въ вашихъ словахъ представляется цѣпью однихъ мученій, однихъ страданій.

— Да такъ оно и есть, спокойно сказала гостя; это и дѣйствительно цѣпь страданій и мученій, цѣпь, которую я ежедневно тяну.

— Ужели въ вашей жизни только одно горькое, одно мрачное и есть, ужели и просвѣту нисколько нѣтъ?

— Не знаю, не вижу.

— Такъ я скажу вамъ: если взглянуть на вашу жизнь со всѣхъ сторонъ, взглянуть трезво, здраво; то въ ней окажутся и свѣтлыя стороны, и свѣтлыхъ сторонъ окажется у васъ больше, чѣмъ черныхъ, мрачныхъ.

— Свѣтлыя стороны? удивленно спросила Олимпіада Петровна, поднявъ голову и обративъ на меня глаза. У насъ, въ нашей жизни свѣтлыя стороны! Вотъ интересно видѣть.

— Да, свѣтлыя стороны, и повторяю: свѣтлыхъ сторонъ больше, несравненно больше, чѣмъ мрачныхъ.

— Укажите хоть одну, хотѣла бы я знать. Узнаю, увижу, буду вамъ весьма благодарна.

Я помолчалъ немного.

— Кто вашъ мужъ? обратился я къ моей гостьѣ.

— Какъ кто мужъ? съ удивленіемъ спросила Олимпіада Петровна, что вы это спрашиваете, вѣдь вы знаете?

— Знаю, и все-таки спрашиваю: кто вашъ мужъ и какое его положеніе въ батальонѣ?

— Капитанъ и ротный командиръ, отвѣчала она, видимо не понимая, къ чему такой вопросъ.

— Хорошо. Капитанъ и командиръ роты; значитъ онъ служить хорошо?

— Да, служить хорошо.

— Имѣеть ордена?

— Имѣеть; имѣеть даже Владиміра.

— Вотъ какъ, отлично!

— Получаетъ конечно жалованье по чину капитана и ротнаго, и пользуется всѣми преимуществами, соединенными съ званіемъ капитана и ротнаго?

— Все это такъ: жалованье, хотя незначительное, поучасть, есть и нѣкоторыя преимущества.

— Дѣло и это. Здоровъ мужъ вашъ?

— Да, здоровъ. Онъ можетъ похвалиться здоровьемъ, ни разу онъ не былъ серьезно боленъ.

— Отлично. Обратите теперь вниманіе на это: мужъ капитанъ и ротный командиръ, служить отлично, имѣеть ордена, получаетъ по чину капитана и ротнаго жалованье и пользуется отличнымъ здоровьемъ. Не свѣтлая ли это сторона вашей жизни? Подумайте-ка и скажите искренно?

— Что же тутъ особеннаго? Всѣ такъ служить.

— Нѣтъ, тутъ есть особенное, важное для васъ есть. Мужъ могъ не такъ счастливо служить, могъ не быть капитаномъ, завѣдывать ротой, могъ быть болѣзненъ... Не правда ли?

— Ну, могъ, неохотно произнесла Олимпіада Петровна.

— Мужъ—основа, опора вашей жизни. Теперь онъ и прекрасно служить, и жалованье по своему чину получаетъ все, и здоровъ. Не свѣтлая ли это въ самомъ дѣлѣ сторона въ вашей жизни? Сознайтесь, что такъ.

— Пожалуй, свѣтлая.

— Не говорите: *пожалуй*—свѣтлая, а скажите прямо: да это хорошая, свѣтлая сторона. Согласны вы съ этимъ?

— Согласна, правда, утвердительно произнесла собесѣдница и кивнула головой.

— Ну, вотъ и слава Богу! нашлась одна свѣтлая сторона въ вашей жизни.

Я остановился и немного помолчалъ, обдумывая, что еще хорошее въ жизни гостыи теперь указать.

— Сколько лѣтъ вы замужемъ? обратился я къ моей собесѣдницѣ съ вопросомъ.

— Въ февралѣ будущаго года будетъ семь лѣтъ, отвѣчала она.

— Видите, уже семь лѣтъ будетъ, какъ вы замужемъ. И я знаю, что вы счастливы въ семейной жизни. Мужъ васъ любитъ, вы мужа также; между вами взаимное уваженіе, взаимное довѣріе, у васъ въ семьѣ царствуетъ полное согласіе, совѣтъ да любовь. Правда это?

— Правда, правда, произнесла гостья съ какимъ-то оживленіемъ. О, мой мужъ рѣдкій человѣкъ. Онъ меня любить, и я его; мы волюнѣ довѣряемъ другъ другу, между нами дѣйствительно совѣтъ, да ладъ, какъ говорится. Съ мужемъ я куда угодно, хоть на край свѣта!

— Вотъ и еще свѣтлая сторона вашей жизни. Не такъ ли?

— Да, и я скажу, что это свѣтлая сторона моей жизни. Какъ бы не мужъ, рѣдкихъ достоинствъ, прекрасный человѣкъ, жить бы нельзя, и я не знаю, что со мной стало бы; мужъ привязываетъ меня къ жизни, располагаетъ дорожить жизнію. Хоть я и высказала грѣшную мысль—мысль отчаянія; но это потому, что подь-часъ тяжело, слишкомъ тяжело бывало. Думаю, однако, что мысль о мужѣ не допустила бы исполнить эту отчаянную мысль.

— Видите, какъ хорошо вамъ, что мужъ у васъ такой отличный человѣкъ. Какая въ самомъ дѣлѣ свѣтлая сторона! можно сказать—даже завидная! Радуюсь, радуюсь этому.

— Да, мужъ мой рѣдкій, рѣдкій!.. И не удивительно, что мы такъ дружно живемъ: мы два года были знакомы до свадьбы, вели между собой интимную переписку, коротко узнали другъ друга и оцѣнили. А какая эта переписка интересная! Въ ней все такъ душевно, такъ сердечно!

Взглянулъ я мелькомъ на собесѣдницу. Отъ воспоминаія должно быть о мужѣ, отъ сознанія, что мужъ такой хорошій, такой рѣдкій мужъ и человѣкъ, на лицѣ ея выражалось внутреннее довольство и благодушіе. Съ любовью матери она поглядѣла на дѣтей, игравшихъ подлѣ нея около бесѣдки на пескѣ.

Добрый знакъ, думаю себѣ, есть надежда совѣмъ образумить и успокоить раздраженную и озлобленную.

— А дѣти ваши? заговорилъ я снова.

— Ну, о дѣтяхъ не говорите, перебила меня собесѣдница: измучили они меня. Роды были каждый разъ ужас-

но тяжелы и трудны. Мальчиномъ я мучилась три дня, была уже безъ памяти, безъ сознанія.

— И однако Господь помиловалъ: и вы остались живы и дѣти.

— Осталась жива, да; но потомъ какое мученіе растить ребенка! Кормилицы не на что было взять. Я сама должна была кормить каждаго ребенка. Ухоть за ребенкомъ чего стоить! На пивку нельзя положиться; сама я должна была постоянно смотрѣть за ребенкомъ,—тутъ и не доспишь и не доѣшь. Въ это-то горячее, трудное время я бывала нерѣдко сама больна,—новое мученіе.

— Было все это, вѣрю, было, и однако, по милости Божіей, вы все выдержали, все вынесли, и сами, думаю, любуетесь на своихъ дѣтокъ, радуетесь на нихъ, утѣшаетесь ими. Смотрите, смотрите, вонъ они бѣгають, какія здоровенькія, краснощекенькія!

— Теперь это такъ: дѣти, слава Богу, здоровы, спятъ и ѣдятъ хорошо, играютъ и рѣзвятся еще лучше. Теперь, правда, я утѣшаюсь, глядя на нихъ, они меня радуютъ.

— Да я о настоящемъ времени и говорю. И такъ, дорогая моя собесѣдница, вотъ вамъ и еще свѣтлая сторона вашей жизни: милые рѣзвуны — дѣти ваши. Правду я говорю? Они, ваша радость, ваше утѣшеніе, не свѣтлую ли сторону составляютъ въ вашей семьѣ?

— Теперь, пожалуй, согласна сказать: свѣтлую сторону; я съ ними покойна и радуюсь на нихъ.

— Видите, сколько уже нашлось въ вашей жизни свѣтлыхъ сторонъ. Теперь я укажу и въ васъ собственно, въ вашей почтенной особѣ свѣтлыя стороны.

— Во мнѣ свѣтлыя стороны? удивленно спросила собесѣдница.—Это еще что такое? Не знаю, какія во мнѣ свѣтлыя стороны; я болѣзненная, я недовольная, озлобленная...

— Вы не обращаете вниманія на одну, въ настоящее время отличительную черту вашей личности: вы — *мать*, вотъ что. Въ томъ, что вы *мать*, и заключается свѣтлая

сторона вашей жизни. Вы имѣете дѣтей, значитъ, вы исполняете данное вамъ въ вашей природѣ назначеніе. Это первое. Такъ это?

— Хорошо, вѣрно.

— Далѣе. Ваше супружество произошло не по одному закону природы: оно возвышено до таинства, оно освящено молитвами святой Церкви; чрезъ посредство Церкви оно благословлено самимъ Богомъ, даровавшимъ ему божественную благодать. Значитъ ваше супружество освященное и благословенное; рожденіе дѣтей чистое и святое; дѣти ваши—благословенный плодъ вашего чрева. Вы конечно сами это хорошо знаете.

— Знаю, конечно знаю. Да какъ-то объ этомъ и не думается; въ болѣзняхъ и скорбяхъ, въ заботахъ да суетахъ ужъ не до такого высокаго взгляда.

— Это-то и худо.

— Худо, худо, правда. Еще что вы укажете?

— Сколько я замѣтилъ за этотъ мѣсяцъ пребыванія вашего въ моемъ домѣ, вы отличная мать; простите, что прямо говорю, въ глаза хвалю; увѣренъ, что не сочтете этого лестью. Вижу, вы хорошо ведете воспитаніе дѣтей: теперь уже стараетесь положить въ ихъ юныхъ сердцахъ истинныя, прочныя начала всего будущаго развитія, начала нравственныя и религіозныя. Вы приучаете ихъ къ порядку, чистотѣ и опрятности; развиваете въ нихъ любовь къ роднымъ, уваженіе къ постороннимъ; они у васъ вѣжливы. Не говоря о старшей дочкѣ, и малютка уже знаетъ Бога. Утромъ и вечеромъ, вставая отъ сна и ложась въ кроватку, предъ обѣдомъ и завтракомъ, дѣти молятся и это священное дѣло у нихъ входитъ уже въ привычку: малютка изъ-за стола прямо спѣшитъ въ священный уголь, становится предъ св. иконами и терпѣливо ожидаетъ, чтобы кто проговорилъ ему слова коротенькой молитвы; слова молитвы онъ раздѣльно повторяетъ своимъ дѣтскимъ лепетомъ. Вы заботитесь и о физическомъ воспитаніи дѣтей: наблюдаете за ихъ питавіемъ, стараетесь доставлять

имъ пищу питательную; во всякую погоду выпускаете ихъ на свѣжій коздухъ; въ хорошіе же дни они у васъ цѣлый день подъ открытымъ небомъ, бѣгаютъ и рѣзвятся. Что мнѣ особенно понравилось, такъ это вотъ что: вы кладете спать дѣтей рано и въ одинъ опредѣленный часъ, и еще часто моете ихъ личики, руки и ноги; отлично это! За то посмотрѣть любо, какія славныя ваши дѣти: здоровенькія, полненькія, краснощекія.

— Да, это правда: я люблю дѣтей и забочусь о нихъ изо всѣхъ силъ.

— Дѣйствительно, заботитесь, не жалѣете силъ; дѣлаетъ вамъ это честь. Удивляетъ меня то, что вы такъ скоро постигли труднѣйшую науку первоначальнаго воспитанія, когда при васъ, какъ я знаю съ самаго перваго года вашего замужества, не было никого изъ старшихъ женщинъ, ни матери, ни тетки какой.

— Да какъ? частію сама поняла, наблюдая за развитіемъ перваго ребенка, частію изъ книгъ. Когда родилась Люба, мужъ подарилъ мнѣ прекрасную воспитательную книжку: «Первый уходъ за ребенкомъ». Эта-то книжка и помогла мнѣ много.

— Все это такъ, ваша наблюдательность и книжка, говорите, помогли вамъ. Но этого мало: откуда у васъ эта энергія въ уходѣ за дѣтьми, эта самоотверженная любовь къ дѣтямъ?—Но какая, скажете, мать не любитъ свое дѣтище? Нѣтъ, Олимпиада Петровна, тутъ, думаю, есть большее и высшее: Господь далъ вамъ разумъ воспитанія, ясное пониманіе того, какъ вести правильно развитіе дѣтей. Онъ же вложилъ въ васъ и потребность, такъ нелѣбно, такъ бдительно ухаживать за дѣтьми. Думаю, что это такъ. Отъ Господа вѣдь въ насъ все—и благія мысли, и намѣренія, и благія дѣйствія; безъ Него мы сами-по-себѣ—ничто.

— Можетъ быть это и такъ, какъ вы говорите.

— Не можетъ быть, а дѣйствительно, безъ сомнѣнія такъ; мы вѣдь съ вами вѣрующіе!

Произошло небольшое молчаніе. Собесѣдница моя задумалась, какъ видно было по ея лицу.

— Итакъ, дорогая моя собесѣдница, видите теперь, что въ васъ лично есть свѣтлыя стороны — въ томъ именно, что вы мать и имѣете дѣтей,—въ нихъ ваше счастье.

— Да, хорошо счастье!... Подумайте, чего мнѣ оно стоило! Здоровье мое разстроилось, видите, какая я стала.

— Дѣйствительно, противъ прежняго вы много измѣнились; вы не та, какою я васъ видѣлъ два года тому назадъ. Но это естественно. «Въ болѣзняхъ будешь рождать дѣтей» — это законъ жизни женщины. Давая жизнь новому существу, мать и въ періодъ беременности и во время родовъ мучится и страдаетъ; при родахъ муки бываютъ иногда смертныя. Присоедините къ этому уходъ за ребенкомъ; онъ—слабенькое существо; уходъ за нимъ долженъ быть самый тщательный; глазъ матери, можно сказать, ежечасно долженъ быть обращенъ на него. Сколько же тутъ требуется отъ матери труда, заботъ и попеченій! Тутъ и бессонныя ночи, и постоянное сидѣніе дома; мать должна постоянно отрываться отъ необходимыхъ дѣлъ и занятій; часто ей и поѣсть крикунъ не дастъ.

— Такъ, такъ, прибавила моя собесѣдница, это вѣрно: не дастъ, не дастъ.

— Итакъ нечего удивляться, если женщина, сдѣлавшись матерью, измѣняется въ своемъ здоровьѣ, если она слабѣетъ, подвергается тѣмъ или другимъ болѣзнямъ. Не удивляюсь и вамъ, Олимпіада Петровна; не удивляюсь, что и вы перемѣнились, что и ваше здоровье разстроено. Но однѣ ли болѣзни и скорби соединены съ рожденіемъ дѣтей и уходомъ за ними? Вспомните слова Спасителя: «Женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь; потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ» (Іоан. 16, 21). Такъ сказалъ самъ Спаситель. Настрадавшись, натерпѣвшись болѣзней и мукъ во время родовъ, женщина радуется несказанною радостію, когда

явится на свѣтъ новое существо — плодъ ея чрева, забываетъ все, что она вытерпѣла и перенесла; почему?—Родился человѣкъ въ міръ, вотъ почему. Родился *человѣкъ въ міръ*: великія слова! Вникните въ нихъ, углубитесь въ ихъ смыслъ. Въ младенцѣ, вышедшемъ изъ утробы матери, является на свѣтъ человѣкъ. Человѣкъ! Представляете ли, сознаете ли ясно величіе и высоту человѣка? О, какъ великъ, какъ высокъ онъ среди другихъ существъ въ мірѣ! Человѣкъ — это существо необычайное и удивительное. Онъ изъ двухъ, совершенно противоположныхъ природъ; въ немъ—духъ и матерія; эти противоположности соединены въ немъ въ чудное единство; тѣло его изъ земли, духъ же отъ Бога, есть дыханіе Божіе; по этой сторонѣ своего бытія человѣкъ—существо богоподобное. Его разумъ, свободная воля, чувство добра и стремленіе къ добру, его безсмертіе, по которому онъ будетъ жить вѣчно, все это божественныя свойства. Изъ всѣхъ земныхъ существъ человѣкъ одинъ обладаетъ даромъ слова, членораздѣльною рѣчью. Онъ способенъ къ безконечному развитію и усовершенствованію въ знаніи, мудрости и добрѣ. Онъ по самому сотворенію призывается къ общенію съ высочайшимъ Существомъ, Источникомъ жизни, свѣта и добра, къ общенію съ ангелами и святыми, и отсюда къ высочайшему блаженству, къ наслажденію благами, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, благами, которыя и на сердце человѣка не приходили, которыхъ онъ и вообразить и представить не можетъ. Человѣкъ Богу такъ любезенъ, такъ дорогъ, что для спасенія его отъ нравственнаго зла съ паденіемъ прародителей нашихъ проникшаго въ его духовную природу, испортившаго ее и растлившаго, сходилъ на землю самъ Сынъ Божій и спасъ его: въ христіанствѣ находятся богодарованныя, благодатныя средства, при помощи которыхъ человѣкъ можетъ очистить душу отъ грѣховъ, утвердиться и укрѣпиться въ добрѣ; еще здѣсь на землѣ онъ входитъ въ живое общеніе съ Богомъ, душа его становится обителью Тринпостаснаго Божества,

храмомъ Духа Святаго, а по разлученіи съ тѣломъ возносятся на небо, вступаетъ въ горній міръ, въ блаженное жилище свѣтоносныхъ духовъ, гдѣ и будетъ вѣчно наслаждаться неизреченною радостію и веселіемъ. Вотъ что такое человѣкъ! Такъ ли и говорю? Вы конечно это сами хорошо знаете.

— Знать-то знаю, отвѣчала моя собесѣдница съ оттѣнкомъ печали въ словахъ; да въ суетѣ нашей и хлопотахъ объ этомъ никогда и не думается. Гдѣ ужъ намъ?

— Такъ вотъ какое существо въ младенцѣ, являющемся изъ утробы матерней на свѣтъ Божій,—въ этомъ слабенькомъ, беспомощномъ младенцѣ! Понятны послѣ этого слова Спасителя, что женщина забываетъ скорби и болѣзни, когда увидитъ своими глазами плодъ своего чрева; радость матери дѣйствительно безмѣрна: *человѣкъ* вѣдь родился! Человѣкъ—не животное, не земное, на время являющееся существо, а существо богоподобное, вѣчное!

— Да, правда это, правда,—произнесла Олимпиада Петровна.

— Человѣкъ родился въ міръ. Обратите вниманіе на слова: *въ міръ*. Въ нихъ такъже свой глубокой смыслъ. Явился новый человѣкъ въ міръ; онъ вступилъ въ человѣческую семью; значить человѣкомъ стало больше на свѣтѣ, новымъ членомъ увеличился родъ человѣческій. Далѣе, міръ чей? Божій; въ міръ — самъ Богъ; въ міръ царство Божіе; мы, люди, и по духовной своей природѣ и по искупленію призваны въ это царство. Значить, человѣкъ, явившись на свѣтъ, чтобы жить, чувствовать сладость бытія, развиваться и усовершенствоваться по всѣмъ сторонамъ своей духовно-тѣлесной природы и главнымъ образомъ по сторонѣ духовной, явился вмѣстѣ съ тѣмъ и *для людей, и для Бога*. Для *людей*: онъ будетъ полезнымъ членомъ общества, когда выростетъ и когда будетъ имѣть то или другое занятіе. Тутъ, вы знаете, каждый, чѣмъ бы ни былъ, что бы ни дѣлалъ, занималъ бы хоть самое послѣднее мѣсто слуги, поденщика,—необходимъ, приносить

обществу свою долю пользы. Новый человекъ явился на свѣтъ и для Бога, и это главное: чрезъ дверь крещенія онъ вступитъ въ царство Божіе, въ Церковь Христову, содѣлается участникомъ въ христіанскихъ таинствахъ и благодатныхъ дарахъ, наслѣдникомъ обѣтованій жизни вѣчной, и въ своей жизни, въ своихъ дѣлахъ будетъ отражать совершенства Творца, проявлять славу Отца небеснаго. Вотъ что, моя почтеннѣйшая собесѣдница! И смотрите: мы входимъ ежедневно въ сношенія съ другими и пользуемся ихъ услугами по разнымъ дѣламъ, въ разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ нашей жизни: физическая работа, совѣтъ, участіе въ нашихъ радостяхъ и скорбяхъ, слово утѣшенія—вотъ что мы получаемъ отъ нихъ. И какіе есть хорошіе люди! Честные, благонастроенные, сочувствующіе, готовые къ услугамъ. Они Божіи: хорошіе христіане, усердны къ молитвѣ, посѣщаютъ въ праздники храмъ Божій, отъ трудовъ своихъ удѣляютъ по силѣ нуждающимся. И нужно скавать по правдѣ: на свѣтѣ больше хорошихъ людей, чѣмъ худыхъ, а для меня лично и все хорошіе люди. Будь только самъ хорошъ, хорошо будетъ и отъ людей. Скажу вамъ изъ своей жизни. Росъ и жилъ я въ дѣтствѣ въ деревнѣ, среди простаго народа, жилъ потомъ въ городахъ, жилъ въ столицѣ, живу и теперь въ городѣ; приходилось потому встрѣчаться и входить въ сношеніе съ людьми разныхъ слоевъ, разнаго званія и состоянія, и что же? Всюду и ото всѣхъ встрѣчалъ одно доброе слово, одно сердечное участіе, одну готовность къ услугѣ, а при невозможности услужить, извиненіе и совѣстливость. Такъ есть, есть хорошіе люди на свѣтѣ! Вотъ что значить—человекъ родился въ мірѣ! Счастливы, о, какъ счастливы родители, коихъ благословилъ Богъ чадами и помогъ вырастить ихъ и воспитать. Мысль о дѣтяхъ, теперь уже взрослыхъ, вступившихъ на поприще общественной дѣятельности, сознание, что мой сынъ, моя дочь работаютъ, трудятся, заслужили хорошее мнѣніе общества, пользуются уваженіемъ, эта мысль, это созна-

ніе наполняютъ душу родителейъ несказанною радостію. Радуется и утѣшается особенно мать. И знаете ли, какія подѣлы у меня являются мысли, когда иду на примѣръ по улицѣ, захожу въ лавку, вижу плотника, съ топоромъ за поясомъ идушаго на работу, или съ работы, водноскоку, которая переваливаясь со стороны на сторону, несетъ съ рѣки на плечахъ коромысло съ двумя ведрами воды. Знаете ли, говорю, о чемъ мои тутъ мысли и думы? Это все люди, братья мои, думается мнѣ, хорошіе они: работаютъ, трудятся; у каждаго свое дѣло; люди честные, благонамѣренные, благонастроенные; хорошіе, хорошіе! Господь съ вами. Радуются вѣрно на васъ родители ваши, если живы; радуется конечно особенно мать, напутствуя васъ утромъ на дѣло своимъ материнскимъ благословеніемъ и благожеланіемъ и встрѣчая потомъ на порогѣ дома васъ возвращающихся съ работы, съ занятія радостнымъ сердечнымъ привѣтомъ, лаской материнской любви. Нѣтъ родителей въ живыхъ, оставили они васъ маленькими, не дождались видѣть васъ взрослыми: такъ оттуда, изъ другаго міра, съ небесной выси, глядятъ они на васъ, глядятъ, радуются и благословляютъ васъ. «Вы—наши чада кровные, плоды нашей супружеской любви, нашихъ сердечныхъ молитвъ и благословенія Божія. Живите съ Богомъ, работайте, трудитесь, любите Бога, любите ближнихъ, помогайте имъ словомъ и дѣломъ. Господь съ вами!» Да и не одни родители почившіе глядятъ на васъ и васъ благословляютъ: радуются и благословляютъ васъ и дѣды, и прадѣды ваши, ваши бабки и праматери!—Вотъ что думается мнѣ порой, когда нахожусь среди людей. При взглядѣ на человѣка благонамѣреннаго, честно и добросовѣстно трудящагося, вѣжливаго, готоваго къ услугамъ, мысль невольно переносится къ его родителямъ; невольно возстаетъ въ душѣ образъ его матери: ея болѣзни во время беременности и родовъ, ея труды и заботы при воспитаніи ребенка вознаграждены; ея материнскія молитвы, материнское благословеніе явились дѣйственными; сынъ

уже взрослый, своею жизнью, своимъ добрымъ поведеніемъ утѣшаетъ ее и радуется; она глядитъ-не наглядится на него. Да, счастливы родители, счастлива особенно мать! Мы и говоримъ обыкновенно: «у него мать, должно быть, хорошая женщина»; или: «вотъ счастливица мать: какія у ней славныя дѣти! Вотъ-то она теперь на нихъ радуется и утѣшается!»

— Позвольте, позвольте, прервала меня моя собесѣдница, какъ же это? Вѣдь не у всѣхъ родителей дѣти выходятъ хорошія. Встрѣчаются худые сыновья и худыя дочери: сыновья гуляки, моты, картежники, распутные; дочери, выданныя замужъ, неуживчивыя въ семьѣ, тяготятся семьей, легкаго поведенія.., тутъ какъ?

— Бываютъ, бываютъ такіе сыновья и дочери; надо сознаться: бываютъ непутевыя дочери, пропаціе сыновья. Ну, и что же? Не навсегда они остаются такими, людьми худыми, какъ показываютъ это безчисленные примѣры. Измѣняющіяся обстоятельства жизни, жестокіе удары судьбы, болѣзни, пробудившаяся совѣсть — все это благотворно дѣйствуетъ на худыхъ людей: они приходятъ въ сознаніе, вразумляются, сами видятъ свое постыдное поведеніе, сами тяготятся своимъ состояніемъ и—измѣняютъ къ лучшему образъ жизни и поведенія, исправляются. Тутъ много значитъ вліяніе матери, если она находится въ живыхъ. Скорбитъ душой, болѣетъ сердцемъ мать, когда ея сынъ худо себя ведетъ, грубъ, непочтителенъ; но она не бросаетъ свое дѣтище, а старается образумить его и вернуть на путь добра; укоръ и обличеніе, материнская любовь и сердечное участіе, возбужденіе въ немъ чувства стыда и чести, напоминаніе о скорби родителей, особенно молитва, все она употребляетъ, чтобы подѣйствовать на сына или дочь и, часто случается, успѣваетъ въ своихъ стараніяхъ: сынъ или дочь перемѣняются и начинаютъ вести лучшій образъ жизни. Нѣтъ матери въ живыхъ: возстаетъ въ душѣ заблудшаго сына, глубоко напечатлѣнный въ ней образъ матери. Вотъ она, мать, кроткая, любящая

нѣжная, печально на него смотритъ, и слышится ему въ глубинѣ его существа: «сынъ мой, сынъ мой! что ты дѣлаешь? до чего ты дошелъ? пробудись, образумься. Побойся Бога, побойся добрыхъ людей. Не увеличивай, не расстраивай еще болѣе ранъ моего сердца. Сынъ мой, сынъ мой!» Слышится это ему въ душѣ не одинъ разъ, и пробуждается въ немъ совѣсть, начинаетъ его укорять: онъ чувствуетъ стыдъ; является въ немъ чувство раскаянія и сожалѣнія о томъ, что имъ допущено; вотъ явилась и рѣшимость вести образъ жизни, какой ведутъ всѣ хорошіе люди, и сынъ сталъ прежнимъ добропорядочнымъ человѣкомъ. Вотъ, Олимпиада Петровна, еще отличительная черта матери,—черта, которая съ своей стороны увеличиваетъ счастье женщины-матери: мать является ангеломъ хранителемъ своихъ дѣтей и при жизни и по смерти. Не правда ли, черта яркая, утѣшительная для матери, благодѣтельная для дѣтей?

— Да, правда, если только любовь къ матери у дѣтей глубокая.

— Что вы? какой сынъ, какая дочь не любитъ своей родной матери искренно, сердечно, глубоко?

Произошло непродолжительное молчаніе, я взглянулъ на собесѣдницу, и на лицѣ ея замѣтилъ выраженіе усталости.

— Ну, дорогая моя собесѣдница, кажется, вы устали, я вѣдь наговорилъ вамъ столько! Не оставить ли намъ на шей бесѣды на вечеръ? О свѣтлыхъ сторонахъ вашей жизни вѣдь не все мной высказано, что я находилъ бы нужнымъ. Что вы на это скажете? Мы между тѣмъ пообедаемъ, подкрѣпимся и отдохнемъ, а вечеромъ опять здѣсь же въ саду, въ этой бесѣдкѣ и докончимъ сегодняшнюю бесѣду.

— Да, пожалуй, ваша правда: я таки и устала. О серьезныхъ матеріяхъ мнѣ не приходилось разсуждать; я все слушала и старалась напрягать вниманіе. Хорошо, отложимъ бесѣду до вечера.

Мы пообѣдали и отдохнули. Часовъ около 6-ти вышли въ садъ; вечеръ былъ превосходный. Усѣлись мы опять въ бесѣдкѣ.

— Ну, почтеннѣйшая моя гостыя и собесѣдница, обратился я къ Олимпіадѣ Петровнѣ; продолжимъ-те нашу бесѣду. Въ этомъ разѣ бесѣда будетъ непродолжительна.

— Хорошо, съ удовольствіемъ, сказала Олимпіада Петровна. Она была въ хорошемъ расположеніи духа.

— Мы говорили до сихъ поръ о обыкновенныхъ людяхъ. Теперь подниму взоръ ваше выше. Вы знаете, что среди людей являются по временамъ великіе дѣятели, избранники Божіи: ихъ посылаетъ самъ Господь во благо человѣчества, для исполненія своихъ божественныхъ предначертаній и плановъ, для прославленія своего св. имени. Это—отцы и учителя Церкви, столпы св. вѣры,—подвижники добродѣтели, въ плоти жившіе подобно безплотнымъ,—мудрые законодатели,—славные полководцы,—великіе мыслители и ученые,—благодѣтели человѣчества, защитники угнетенныхъ и обиженныхъ, утѣшители страждущихъ. Сойдетъ великій дѣятель съ земнаго поприща, исторія записываетъ имя и дѣла его на своихъ скрижаляхъ; потомки въ честь и память его воздвигаютъ величественные памятники. Отойдетъ въ другой міръ славный дѣятель на поприщѣ служенія св. вѣрѣ, мужъ, высокими подвигами любви, самоотверженія, оказавшій Церкви Христовой необыкновенныя услуги, просіявшій нравственною чистотой и святостію: Церковь вноситъ его въ ликъ святыхъ, чтитъ память его, торжественно празднуя день кончины его и прославляя Бога дивнаго во святыхъ своихъ. Счастливы родители, отъ коихъ происходятъ такіе великіе и благословенные плоды! Блаженна особенно мать, носившая благословенный плодъ во чревѣ своемъ, своими сосцами его питавшая, слезами заботъ и скорбей выростившая,—плодъ, сдѣлавшійся украшеніемъ человѣчества, славой св. Церкви, о, какъ она блаженна! И ея имя остается въ исторіи, и ея память становится священною для потомства. Были ма-

тери, которыя еще при своей жизни имѣли счастье видѣть сына своего прославившимся, на верху чести и всеобщаго уваженія; при кончинѣ ихъ славный сынъ, случалось, закрывалъ имъ глаза. Не буду представлять вамъ примѣровъ; думаю, что нѣкоторыхъ счастливицъ матерей вы знаете.

— Знаю, знаю, нѣсколько такихъ матерей, какъ-то восторженно произнесла собесѣдница, — какія это счастливицы дѣйствительно! Изъ книгъ я любила и до сихъ поръ люблю читать книги и статьи, въ которыхъ говорится о великихъ людяхъ, о выдающихся дѣятеляхъ. Тутъ меня всегда интересовали родители великаго лица, — кто они были и какіе были; особенно хотѣлось знать подробности о матери. И какъ я довольна бывала, когда находила достаточныя свѣдѣнія о матери замѣчательнаго человѣка!

— Такъ, такъ, Олимпіада Петровна, мать — великое дѣло въ жизни.

— Да, но это матери великихъ людей.

— А почему вы знаете, что изъ вашихъ дѣтей не выйдетъ замѣчательнаго общественнаго дѣятеля? Будущее отъ насъ скрыто. Чѣмъ вашимъ дѣтямъ суждено быть въ жизни, это знаетъ одинъ всевѣдущій Господь; будутъ ли они великими дѣятелями въ обществѣ, или только обыкновенными, это находится во власти и волѣ верховнаго Распорядителя нашей жизни и премудраго Раздаятеля дарованій. Но если ваши дѣти, приготовленные вами къ жизни, выйдутъ и обыкновенными, но честными и усердными дѣятелями въ жизни, и того довольно, и это уже будетъ для васъ радость и счастье. Счастье и радость въ сознаніи, что эти хорошіе члены общества, эти полезные дѣятели — *ваши*, кровныя ваши дѣти. Можетъ быть вамъ уже приходилось, а не приходилось, такъ придется встрѣтить матерей, у которыхъ дѣти уже взрослые: не на радуются онѣ на сына или дочь, не налюбуются на нихъ, глядятъ-не наглядятся. Болѣзни и страданія беременности и родовъ, заботы и скорби при воспитаніи дѣтей, все, все забыто. Одно

у нихъ на душѣ, одно въ сердцѣ и на мысли: «это мой сынъ, это моя дочь!» Счастье такое и васъ ожидаетъ, почтеннѣйшая мать, и вы это счастье испытаете, если, Богъ дастъ, доживете до этого вождельннаго для отца и матери времени.

— Не знаю, доживу ли, какъ-то грустно сказала Олимпіада Петровна.

— Положимся на волю Божію. Что Господь дастъ, то и хорошо.

Я остановился и замолчалъ. Выказано было все, что я находилъ нужнымъ высказать о свѣтлыхъ сторонахъ жизни моей собесѣдницы. Я рѣшилъ кончить бесѣду.

— Ну, дорогая моя собесѣдница, пора кончить нашу бесѣду. Думается мнѣ, высказано съ моей стороны все, что я считалъ нужнымъ высказать; не знаю только, нашли ли мои мысли доступъ къ вашему уму и сердцу, произвели ли благотворное дѣйствіе на васъ, убѣдили ли васъ, чего я отъ души желалъ, начиная съ вами бесѣду. Сведемъ теперь въ одно главныя мысли, посмотримъ на сущность нашей сегодняшней бесѣды. Что же въ суммѣ, въ итогѣ? Свѣтлое и утѣшительное для васъ! Мужъ вашъ отлично служить: онъ уже капитанъ и ротный, и чрезъ полтора года будетъ подполковникомъ; онъ пользуется отличнымъ здоровьемъ; въ семейной жизни вы счастливы какъ нельзя лучше; дѣти ваши здоровы, растутъ и утѣшаютъ васъ; вы, наконецъ, счастливая мать. Вотъ выдающіяся стороны вашей жизни. Скажите по правдѣ, по совѣсти, положя руку на сердце: не свѣтлыя ли это стороны? не радостныя ли? не утѣшительныя ли?

— Да, вижу и я, вижу ясно, что эти стороны моей жизни, какъ вы мнѣ ихъ раскрыли, должна и я признать сторонами моей жизни хорошими, свѣтлыми.

— Вотъ видите, что у васъ, въ вашей жизни! Не должны ли же вы за нихъ, за эти хорошія, свѣтлыя стороны своей жизни благодарить Господа Бога? Не должны ли всей душой, всѣмъ сердцемъ и устами благословлять Все-

вышняго, устроившаго такъ хорошо вашу семейную жизнь, пославшаго вамъ такого рѣдкаго мужа, давшаго вамъ счастье быть матерью, благословившаго васъ дѣтьми? А вы? Вы жалуетесь на свою судьбу, ропщете, вы забыли Господа, говорите: «перестала и молиться!» Что это вы? Какъ вамъ негрѣшно, какъ не совѣстно? Кайтесь, кайтесь предъ Богомъ, просите прощенія у милосердаго Отца нашего небеснаго,—и за благодарную молитву.

При послѣднихъ словахъ улыбнулась было моя собесѣдница, да тотчасъ же спохватилась, сдѣлалась задумчива: нѣсколько минутъ она сидѣла молча.

— Да, ваша правда, произнесла собесѣдница моя тономъ, въ которомъ слышались и сожалѣнiе, и раскаянiе, и досада. Я въ самомъ дѣлѣ нечувствительна и неблагодарна предъ Богомъ. Хорошія стороны моей жизни мнѣ и не приходили въ голову, о нихъ я вовсе не думала. Устроилась счастливо моя жизнь: чтожь тутъ такого особеннаго? Встрѣтился человѣкъ, которому я понравилась, нашелъ должно быть во мнѣ черты подходящія подъ его идеаль жены; между нами съ первыхъ же минутъ знакомства образовалась симпатія другъ къ другу, привязанность, послѣ открылась любовь; ну онъ и женился на мнѣ, и стали мы жить въ любви и согласіи. Появленіе дѣтей еще болѣе укрѣпило нашу супружескую любовь. Съ этой стороны я счастливѣйшая поистинѣ и дѣйствительно!

— А кто устроилъ такъ хорошо вашу жизнь? Конечно и вы, трезво глядя на вещи, здраво обсуждая обстоятельства своей жизни, скажете, что не люди тутъ дѣйствовали, не судьба, которой нѣтъ, помогла, или еще проще, не само-собою такъ вышло, нѣтъ: Всевышній Господь—вотъ въ Комъ причина и источникъ вашего благословеннаго супружества, вашей счастливой семейной жизни!—Теперь кончимъ-те нашу бесѣду. Нашлись и есть дѣйствительно въ вашей жизни хорошія, свѣтлыя стороны, и стороны вашей жизни главныя, основныя; и вы ихъ увидѣли

и сами признали сторонами дѣйствительно свѣтлыми. Мнѣ это пріятно, утѣшительно. Благодарю васъ за то, что вы терпѣливо слушали мою, можетъ быть и не совсѣмъ искусную, неполнѣ разсудительную рѣчь.

— Что вы, что вы! Я съ истиннымъ удовольствіемъ слушала васъ, съ полнымъ интересомъ: вѣдь рѣчь эта близка мнѣ, меня касалась; къ моей пользѣ, къ моему благу все было направлено. Благодарю и васъ.

II. Сладкопѣецъ.

ПАРЕМІЯ ИЗЪ КНИГИ ПРИТЧЕЙ

Въ четвергъ второй седмицы великаго поста (Притч. 6, 3—20).

Въ сей пареміи содержится наставленіе поручителямъ, вразумленіе лѣнливымъ и обличеніе коварнымъ.

Гл. 6, ст. 3. **Твори, сыне, яже азъ заповѣдаю ти, и спасайся. Идеши бо въ рущѣ злыхъ за твоего друга: буди не ослабѣвая, поощряй же и твоего друга, егоче испоручилъ еси** (*за котораго поручился*).

Неблагоразумно ручаться за своего друга, въ виду бѣды въ случаѣ несостоятельности друга. Во что бы ни стало надобно принять мѣры къ тому, чтобы спастись отъ сей бѣды, и для сего безпрекословно творить то, что мудрый Соломонъ хочетъ заповѣдать или предложить своему ученику. Неопытный ученикъ не предвидитъ пагубныхъ послѣдствій неосторожнаго поручительства, но ихъ хорошо знаетъ опытный наставникъ мудрости, и предостерегая отъ нихъ, говоритъ неблагоразумному поручителю: *идеши бо въ рущѣ злыхъ за своего друга*. Тѣ, которые одолажаютъ твоего друга за твоею порукой, оказываютъ ему добрую услугу; но не полагайся на ихъ доброту, знай, что эти услужливые люди хороши до тѣхъ поръ, пока надѣются на исправность должниковъ и вѣрность поруки за нихъ; но они *злы*, т.-е. безжалостны и беспощадны къ должникамъ и поручителямъ, не исполняющимъ принятыхъ обязательствъ. Горе должнику, если онъ попадетъ въ руки этихъ злыхъ людей; но если есть за него порука, то вся

тяжесть отвѣтственности падаетъ на поручителя. Во что бы ни стало надобно позаботиться о самосохраненіи. Итакъ *не ослабѣвай* въ усиліяхъ изыскать средства къ тому, чтобы не попасть въ бѣду за неосторожное поручительство, и *поощряй друга твоего*,—словомъ и дѣломъ старайся помочь ему удовлетворить своего заимодавца и выпутаться изъ затрудненія, въ какое онъ поставилъ себя, связавъ себя сдѣлкой съ заимодавцемъ, и выпутать изъ затрудненія своего поручителя.

Ст. 4. 5. **Не даждь сна твоима очима, ниже да въздремлѣши твоима вѣждома, да спасешися яко серна отъ тенеть и яко птица отъ сѣти.**

Не даждь сна твоима очима..., не давай себѣ покоя ни днемъ ни ночью, пока не придумаешь благонадежнаго способа для избѣжанія пагубныхъ послѣдствій неблагоприятнаго ручательства. Покуда бѣда еще угрожаетъ, ее еще можно предупредить, и предупредить грядущую бѣду легче, чѣмъ избавиться отъ бѣды уже постигшей. И серна, и птица могутъ не попасть въ разставленную имъ ловушку, но если попадутъ, то или совсѣмъ останутся въ ней въ добычу охотнику, или имъ будетъ стоить неимоверныхъ усилій вырваться изъ тенеть. Подобное затрудненіе грозитъ неосторожному поручителю. Итакъ или совсѣмъ не ручайся ни за кого, чтобы не попасть въ руки безжалостнаго заимодавца, какъ звѣрь и птица попадаютъ въ руки охотника, или если связалъ себя неблагоприятнымъ ручательствомъ, постарайся какимъ бы то ни было способомъ выпутаться изъ положенія, подобнаго тому, въ какомъ находится серна и птица, пойманныя тенетами.

Ст. 6. **Иди ко мравію, о лѣннive, и поревнуй, видѣвъ пути его, и буди онаго мудрѣйшій.**

Есть нѣкоторая связь сего и послѣдующихъ стиховъ съ предыдущими. Тамъ шла рѣчь о самосохраненіи въ случаѣ необдуманнаго поручительства за другаго. Къ числу способовъ для самосохраненія относится трудолюбіе. Оно даетъ возможность не только самому трудящемуся жить

безбѣдно, но и другихъ выручать изъ бѣды, платить за нихъ долги въ случаѣ поручительства за нихъ. Трудолюбію противоположна лѣность, уклоненіе отъ трудовъ. Лѣнтя Соломонъ обличаетъ примѣромъ муравья, насѣкомаго извѣстнаго своею хозяйственною предусмотрительностію. Если не ногами, то мыслию пусть лѣнливый перенесется къ муравейнику, и посмотритъ на *пути*, т.-е. на образъ жизни этихъ насѣкомыхъ, съ тѣмъ чтобы поревновать имъ въ той своего рода мудрости или сметливости, съ какою они заботятся о своемъ продовольствіи. Но человѣкъ долженъ быть мудрѣе муравья: *буди мудрѣйшій онаго*. Мудрость муравьевъ—инстинктивная. Какъ ни удивительны ихъ хозяйственныя занятія, они исполняютъ ихъ безъ напряженія умственныхъ силъ, единственно по вложенной въ нихъ природу потребности; усовершенствовать свое хозяйство они не могутъ и дѣлаютъ свое дѣло также однообразно, какъ дѣлали за тысячи лѣтъ назадъ. Человѣкъ долженъ превосходить ихъ мудростію, какъ существо, поставленное во главѣ земныхъ тварей, одаренное способностію не только поступать по внушеніямъ разума, но и усовершенствоваться въ разумѣніи и согласномъ съ нимъ дѣйствованіи. Лѣнтяй, уклоняющійся отъ работы для пріобрѣтенія и сохраненія средствъ жизни, поступаетъ въ высшей степени неразумно, не только несообразно съ человѣческимъ достоинствомъ, но и хуже муравья, и если не у людей, то по крайней мѣрѣ у этого неразумнаго животнаго долженъ поучиться трудолюбію и благоразумію, печать котораго носятъ его труды.

Ст. 7. 8. Онъ бо не сущу ему земледѣльцу, ниже нудящаго его имущій, ниже подъ владыкою сый, готовитъ въ жатву (во время жатвы) пищу и многое въ лѣто творитъ уготованіе. Или иди во пчелѣ и увѣждь, коль дѣлательница (какая она работница), дѣланіе же коль честное (важное) творитъ: еяже трудовъ царіе и простіи во здравіе употребляютъ и любима же есть всѣми и славна. Аще силою и немощна сущи, но премудростію почтена произведеса.

Примѣръ трудолюбиваго и предусмотрительнаго муравья поистинѣ способенъ устыдить челоуѣка, живущаго въ праздности и лѣнности. Муравьи похожи на людей, которые не занимаются земледѣліемъ, а только пріобрѣтаютъ готовыя произведенія земледѣлія и ими продовольствуются. Муравьи ни сѣютъ, ни жнутъ, но ухитряются пользоваться плодами земледѣльческихъ трудовъ. Они ходятъ на добычу въ поля во время жатвы и оставшіяся на поляхъ зерна переносятъ въ житницы, устроенныя ими въ своихъ муравейникахъ, и берегутъ ихъ до зимы для продовольствія на время зимы. Въ холодныхъ странахъ муравьи зимой спятъ, но въ теплыхъ они поддерживаютъ свое существованіе запасами, приготовленными въ жнитво. Трудолюбіе и хозяйственная смысленость муравьевъ тѣмъ изумительнѣе, что они принадлежатъ къ разряду безцарныхъ животныхъ, хотя живутъ общежитіями. Ихъ некому понуждать къ работѣ, за ними нѣтъ надсмотрщиковъ; они никому не даютъ отчета въ своихъ работахъ, ибо у нихъ нѣтъ *владыки*, т.-е. начальника и судьи, и однакожь они работаютъ неутомимо и исправно, и притомъ благовременно. Инстинктъ внушаетъ имъ въ продолженіе лѣта запасать то, что нужно потреблять въ продолженіе зимы. Какъ все это вразумительно и обличительно для людей, которые единственно по лѣнности и безпечности живутъ однимъ настоящимъ и не заботятся о томъ, чтобы обезпечить себя отъ нужды и нищеты на будущее время, хотя къ трудолюбію понуждаетъ ихъ законъ Божій, долгъ семейный и общественный! Сами ничего ни дѣлая для пропитанія себя и своего семейства, они живутъ на чужой счетъ, въ тягость обществу.

Иди ко пчелѣ.... Пчела—новый образецъ трудолюбія въ укоръ лѣнтяю. И какой прекрасный плодъ пчелинаго трудолюбія! Пчела своимъ медомъ питаетъ не только себя, но и людей, такъ что медъ составляетъ любимое кушанье не только для простолюдиновъ, но и для царей, употребляемое во здравіе. Притомъ пчела славится не за одно трудолюбіе, но также за величайшее искусство въ пригото-

леніи меда. Новый урокъ для людскаго трудолюбія! Должно не только трудиться, но трудиться умѣючи. Иной и усердно работаетъ, но неумѣлыми руками только портитъ дѣло, за которое взялся.

Ст. 9. Доволѣ, о лѣнивѣ, лежиши? Когда же отъ сна возстанеши?

Въ сихъ словахъ, обращенныхъ къ лѣнивому, слышится и упрекъ ему за сонливость, и вмѣстѣ сожалѣніе въ виду дурныхъ послѣдствій сонливости и безпечности, изображаемыхъ въ слѣдующихъ двухъ стихахъ.

Ст. 10. Мало спиши, мало же сѣдиши, мало же дремлещи, мало же объемлещи перси руками.

Въ семь стихѣ имѣются въ виду отговорки лѣнивца и сонливаго въ отвѣтъ уговаривающему его подняться съ постели и приняться за дѣло. Лѣнивецъ не отказывается встать, но только проситъ не торопить его. Дай, говорятъ, еще немножко забыться сномъ, или посидѣть на постелѣ и понѣжиться на ней въ легкой дремотѣ, съ прижатыми къ персямъ руками. Лѣнивый не видитъ въ этомъ бѣды; время не уйдетъ, разсуждаетъ онъ, еще успѣю наработаться. Но не такъ разсуждаетъ учитель мудрости. Положимъ, говоритъ онъ лѣнивцу, ты требуешь небольшой льготы, небольшой отсрочки для труда и работы; но вредъ для твоего благосостоянія можетъ происходить не отъ одного непробуднаго или постоянного лежанія на постелѣ и ничегонедѣланія, но также отъ того, что пробудившись отъ сна ты не вдругъ поднимаешься съ постели и требуешь, чтобы тебѣ не мѣшали немножко вздремнуть и понѣжиться на ней. Привычка уклоняться отъ труда подъ предлогомъ, что немножко понѣжиться не бѣда, приводитъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Къ какимъ же именно?—Вотъ къ какимъ:

Ст. 11. Потомъ же найдетъ тебѣ (придетъ на тебя), аки зольъ путникъ, убожество, скудость же аки блгагій течецъ (скороходъ).

Нищета и убожество, — вотъ неизбѣжныя послѣдствія лѣности, уклоненія отъ труда. Лѣнивый не даетъ себѣ

труда подумать о возможности этихъ послѣдствій и въ этомъ отношеніи похожъ на безпечнаго путешественника, который не принялъ мѣръ предосторожности на случай встрѣчи на дорогѣ съ разбойникомъ, и сдѣлался жертвою своей непредусмотрительности. Иной разбойникъ не всегда вдругъ нападаетъ на неосторожнаго прохожаго, а сначала присоединяется къ нему въ качествѣ сопутника, сближается съ нимъ, входитъ въ его довѣріе,—и наконецъ оказывается, что это—*злой сопутникъ*,—онъ до-чиста грабитъ неосторожнаго прохожаго. До подобнаго положенія доводитъ человѣка лѣность. Убожество—непремѣнный ея злой спутникъ. Онъ незамѣтно подкрадывается къ лѣнивому и дѣлаетъ его своею добычею. Напрасно лѣнивецъ убаюкиваетъ себя мечтою: авось на его вѣкъ для прожитія достанетъ оставшихся кое-какихъ сбереженій. Онъ не хочетъ знать, что прожить несравненно легче, чѣмъ нажить, и вотъ скудость хоть и не вдругъ, но скоро является къ нему, какъ *благой*, т.-е. отличный скороходъ. Лѣнивецъ медленно принимается за работу или совсѣмъ не принимается, но нищета не медлитъ: поистинѣ отличный скороходъ!

Горе лѣнивому, но благо трудолюбивому:—

Аще же не лѣнивъ будешь, придетъ, яко источникъ, жатва твоя, скудость же, аки злыиъ тецъ, отъ тебе отбѣжитъ.

Лѣность приводитъ къ нищетѣ, трудолюбіе же награждается обильными плодами. Жатва на полѣ трудолюбиваго земледѣльца будетъ походить на обильный потокъ, такъ что ея достаточно будетъ не только для продовольствія домашняго и для удовлетворенія нуждающимся, но еще останется избытокъ,—какъ изъ обильнаго потока пьютъ и берутъ воду всѣ кому угодно, и потокъ не убываетъ. Трудолюбіе восстанавливаетъ то, что утрачено отъ лѣности. Нищета скоро приходитъ къ лѣнивому, но она бѣжитъ отъ трудолюбиваго, какъ *злой скороходъ*. Въ первой половинѣ стиха нищета названа *благимъ* скороходомъ, а здѣсь *злымъ*, т.-е. плохимъ, не очень быстрымъ. Мысль та, что

нищета скорѣе приходитъ, чѣмъ уходитъ. Приходитъ она какъ легкій скороходъ, уходитъ не такъ быстро, хотя и это хорошо.

Ст. 12. Мужъ безумный и законопреступный ходить въ пути неблагіи.

Въ чемъ состоятъ *неблагіи*, т.-е. неодобрительные *пути* или поведеніе *мужа безумнаго*,—нечестиваго, или чуждаго страха Божія, служащаго началомъ мудрости,—и *законопреступнаго*,—о томъ говорится въ слѣдующихъ стихахъ.

Ст. 13. Той же намизаетъ (мигаетъ) окомъ и знаменіе (знакъ) даетъ ногою, учитъ же (научаетъ) помаваніемъ перстовъ.

Изображается свойственное нечестивому и законопреступному мужу лукавство и коварство, состоящее въ томъ, что подъ услужливостію и ласковостію онъ скрываетъ измѣну. Обращаясь съ однимъ услужливо и ласково, онъ въ то же время условными знаками—движеніемъ глазъ, ногъ, перстами рукъ—даетъ понять другому, своему соумышленку, свои настоящіе замыслы, клонящіеся къ вреду того, кто довѣрчиво принимаетъ отъ него ласки и услуги. Онъ поступаетъ подобно Іудѣ предателю, который устами дружжелюбно привѣтствовалъ Христа, а знакомъ поцѣлуя выдалъ Его врагамъ.

Ст. 14. Развращенное же сердце куеть злая. На всякое время мятежи (смуты) составляетъ (причиняетъ) граду.

Лукавый и коварный человекъ дѣлаетъ зло ближнимъ не случайно, не вслѣдствіе вспышки, неблагоразумія, неосторожности, но обдуманно: онъ куеть зло въ развращенномъ сердцѣ, прежде чѣмъ обидѣть ихъ дѣломъ. Привычка къ кознодѣйству обратилась у него въ потребность. И горе городу или обществу, гдѣ водворились такіе злые люди: они во всякое время сѣютъ смуту между гражданами, вооружаютъ однихъ противъ другихъ наговорами и клеветами, съ сатанинскою цѣлію насладиться зрѣлищемъ

ихъ вражды или извлечь изъ ней для себя какую-нибудь выгоду, чего и достигаютъ, поддерживая однихъ въ борьбѣ съ другими.

Ст. 15. Сего ради внезапно приходитъ ему гибель, разсѣченіе (разложеніе) и сокрушеніе (крушеніе) неисцѣльное.

По суду правды Божіей и человѣческаго правосудія великія преступленія лукавыхъ и коварныхъ людей не остаются ненаказанными. Рано или поздно къ нимъ *внезапу приходитъ гибель*. Съ ними случается подобное тому, что происходитъ съ хрупкимъ глинянымъ сосудомъ. Господь сокрушаетъ ихъ, яко сосуды скудельничи. Уроненный на землю скудельный сосудъ мгновенно разбивается на черепки и разбивается такъ, что уже нельзя восстановить его, дать ему прежній видъ. Долго терпитъ Господь людямъ, кознями своими дѣлающимъ много зла ближнимъ, въ ожиданіи ихъ раскаянія, но на нераскаянныхъ изливаетъ наконецъ свой гнѣвъ въ такой мѣрѣ, что они безвозвратно погибаютъ: *крушеніе ихъ неисцѣльно*.

Ст. 16. Яко радуется о всѣхъ, яже (о всемъ, что) ненавидитъ Богъ, сокрушается же (гибнетъ) за нечистоту души.

Все, что ненавидитъ Богъ, есть грѣхъ и беззаконіе. Но лукавый и злокозненный человѣкъ радуется тому, что ненавидитъ Богъ. Онъ съ радостію совершаетъ грѣхи и беззаконія, съ радостію смотритъ на зло, какое причинилъ ближнему, и на успѣхи другихъ въ достиженіи злыхъ цѣлей. Радуется онъ всему этому, но придетъ время, когда и Господь посмѣется его погибели. Его ждетъ *сокрушеніе*, т.-е. гибель, *за нечистоту души*. Онъ можетъ совершать свои преступленія такъ благовидно, что люди, обманутые благовидностію, могутъ и не винить его, снисходительно смотрѣть на него. Но Богъ зритъ грѣховную нечистоту не въ ея только наружномъ проявленіи, но и въ самомъ корнѣ, въ душѣ беззаконника. Душа—потемки только для человѣка, но не для Всевѣдущаго,—и какъ праведный

Судія и Мздовоздаятель, Господь выведетъ на свѣтъ, обличить душевную нечистоту и потребить нечестивца.

Ст. 17. 18. **Ово досадителя (обидчика), языкъ неправедный (лживый), руцѣ проливающія кровь праведнаго, и сердце кующее мысли (замыслы) злы, и нозѣ тщащіяся (постышающія) зло творити, потребятся.**

При исчисленіи преступленій, влекущихъ казнь отъ Господа, имѣются въ виду преступленія, свойственныя лукавымъ и коварнымъ. Они дѣлаютъ зло ближнему *окомъ, языкомъ, руками, сердцемъ, ногами*. Въ ихъ *взоръ* выражается презрѣніе и злоба къ ближнему. Ихъ *языкъ* соплетаетъ всякую ложь и клевету на ближняго. Ихъ *руки* обагрены кровію невинныхъ. Въ ихъ *сердцѣ* куются злые умыслы на честь, собственность и жизнь ближняго. Они ждутъ удобнаго случая для приведенія въ исполненіе этихъ злоумышленій, и представившимся случаемъ немедленно пользуются: ихъ *ноги спѣшатъ* на мѣсто, гдѣ рѣшено сдѣлать задуманное преступленіе.

Ст. 19. **Разжизаетъ лжи свидѣтель неправедный и насылаетъ суды (производитъ тяжбы) посредѣ братій.**

Рѣчь все идетъ о коварномъ человѣкѣ. Онъ *разжизаетъ лжи*... О лживости его было упомянуто въ предыдущемъ стихѣ, но тамъ разумѣлась лживость вообще, здѣсь же говорится о лжи предъ судомъ. Злокозненный человѣкъ въ качествѣ *неправеднаго свидѣтеля* является предъ судомъ и здѣсь *разжизаетъ лжи*. На судѣ онъ не довольствуется оклеветать въ чемъ-нибудь одномъ невиннаго человѣка, но нагромождаетъ одно обвиненіе на другое, старается увеличить виновность обвиняемаго прибавленіемъ одного лже-свидѣтельства къ другому, подобно тому, какъ для усиленія огня въ кострѣ подкладываютъ въ него одно за другимъ полѣно. Поистинѣ *разжизаетъ лжи*. Этого мало; для того, чтобы быть лжесвидѣтелемъ предъ судомъ, онъ возбуждаетъ напередъ раздоръ между ближними, вооружетъ

однихъ противъ другихъ наговорами и клеветами, съ тѣмъ чтобы они перенесли свое дѣло въ судилище. Особенно онъ любитъ производить тяжбы между *братіями*, между близкими родными. Онъ знаетъ, что, по пословицѣ, «братъ на брата пуще супостата». Онъ радуется этому, и своимъ вмѣшательствомъ въ ихъ³ вражду только усиливаетъ ее.

Ст. 20. Сыне, храни законы (заповѣди) отца твоего и не отрини наказанія матери твоея.

Наставленіе, содержащееся въ этомъ стихѣ, имѣетъ связь не съ предшествующими стихами, а съ послѣдующими, входящими въ составъ новой пареміи.

Паремія изъ книги Притчей въ пятокъ второй седмицы великаго поста (Притч. 6, 20—35).

Въ сей пареміи внушается отвращеніе къ прелюбодѣянью.

Гл, 6, ст. 20. **Сыне, храни законы (заповѣди) отца твоего и не отрини наказанія (уставы) матери твоея.**

По закону Моисееву родители обязаны быть вмѣстѣ учителями своихъ дѣтей, должны не только сами содержать въ сердцѣ заповѣди Божіи, но и дѣтямъ возвѣщать о нихъ (Второз. 6, 7). Соломонъ напоминаетъ своему ученику, чтобы онъ не забывалъ заповѣдей закона Божія, преподаваемыхъ ему въ дѣтствѣ отцемъ и матерью, хранилъ ихъ въ сердцѣ и руководствовался ими во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

Ст. 21. Навяжи же я на твою душу присно и обяжи ихъ о твоей выи.

Навяжи я... присно. Пусть заповѣди Божіи, преподаваемые родителями, постоянно будутъ присущи душѣ твоей,

пусть мысль о них неотвязчива будетъ отъ ума твоего и нудить тебя къ исполненію обязанностей, въ нихъ указываемыхъ.—*Обяжи ихъ о выи твоей*: мысль таже, что и въ предшествующемъ полустии, т.-е. пусть онѣ будутъ у тебя на виду постоянно, ни на минуту не отвлекай отъ нихъ вниманія, не спускай съ нихъ глазъ, подобно тому, какъ цѣпь съ твоею печатью, спускающаяся на твою грудь съ шеи, всегда у тебя предъ глазами (Слич. гл. 3, ст. 3 и толкованіе на этотъ стихъ въ пареміи въ четвергъ 1-й седмицы В. поста).

Ст. 22. **Егда ходиши, води ю (заповѣдь), и съ тобою да будетъ. Егда же спиши, да хранитъ тя, да возстающу ти глаголетъ съ тобою.**

Заповѣдь закона (ст. 24) представляется здѣсь подъ образомъ учащаго и руководящаго лица. Соломонъ внушаетъ своему ученику быть неразлучнымъ съ этимъ учителемъ и руководителемъ. Идешь ли куда, иди не одинъ, но вмѣстѣ съ нимъ, т.-е. и на дорогѣ размышляй о законѣ Господнемъ. Спать ли ложишься, засыпай съ мыслию о законѣ Господнемъ,—пусть размышленіе о немъ *охраняетъ* тебя во снѣ отъ грѣховныхъ искушеній, такъ чтобы сонъ твой былъ неукоризненъ въ нравственномъ отношеніи.—*Да воставшу ти глаголетъ съ тобою*. Это значитъ, что если во время сна не возмущали тебя грѣховные помыслы и желанія, то и по пробужденіи отъ сна, свободный отъ воспоминанія о нихъ, ты будешь имѣть возможность немедленно вступить въ бесѣду съ твоимъ руководителемъ (*глаголетъ съ тобою*). Мысль таже, что и въ словахъ псалма, сказанныхъ о праведникѣ: *въ законъ Господни поучитъ день и ночь* (Пс. 1, 2).

Ст. 23. **Зане свѣтильникъ заповѣдь закона, и свѣтъ и путь жизни, и обличеніе, и наказаніе (наученіе).**

Заповѣдь закона Божія есть *свѣтильникъ и свѣтъ*, ибо открываетъ намъ все, что нужно знать и дѣлать для бо-

гоугожденія. Она есть *путь жизни*, ибо указываетъ пути, ведущіе къ истинному благополучію. Она есть *обличеніе и наученіе*, ибо даетъ намъ видѣть наши погрѣшности, заблужденія, пороки и научаетъ насъ достигать противоположныхъ имъ достоинствъ въ нравственной жизни, и между прочимъ научаетъ насъ соблюденію седьмой заповѣди, именно:

Ст. 24. Ежели сохранить тя отъ жены мужаты (замужней) и отъ наважденія (обольщенія) языка чуждаго (чуждой).

Законъ Господень научить тебя тому, чтобы ты не только самъ не искалъ законопреступнаго сближенія съ замужнею женщиной, но чтобы остерегался ея заискиваний, ея обольстительныхъ рѣчей для вовлеченія тебя въ свои сѣти.

Ст. 25. Сыне, да не побѣдитъ тя доброты похоть (увлеченіе красотю), ниже уловленъ буди твоима очима, ниже да совосхитишися (да не будешь плъненъ) вѣждами ея.

Не увлекайся впечатлѣніями, производимыми красотю соблазнительницы, ея бровями, и такъ какъ проводникомъ этихъ впечатлѣній служатъ глаза, то не давай имъ воли, не засматривайся на то, что можетъ заронить въ твою душу нечистую мысль.

Ст. 26. Цѣна бо блудницы, елика единого хлѣба, жена же мужей честныя души уловляетъ (ибо блудница хотя стѣбитъ столько же, сколько одинъ хлѣбъ, но она, какъ женщина, уловляетъ въ спити дорогія души муцинъ).

Сама-по-себѣ блудница—презрѣнная, ни на что не годная тварь: цѣна ей грошь, платимый ею за одинъ хлѣбецъ, изъ-за котораго она продаетъ свои постыдныя услуги. Не прискорбно ли, что это грошовое существо уловляетъ въ свои сѣти драгоцѣнныя души муцинъ, людей почтенныхъ, своимъ умомъ и трудами способныхъ приносить пользу обществу? Вовлеченные въ распутство, они теряютъ честь и доброе имя.

Ст. 27. 28. 29. **Вяззеть ли** (*вложитъ ли*) **кто огонь въ нѣдра, ризъ же своихъ не сожжетъ ли? Или ходити кто будетъ на углѣхъ огненныхъ, ногъ же не сожжетъ ли? Тако вшедшій къ женѣ мужатѣй не безъ вины будетъ, ниже всякъ прикасаяйся ей.**

Уловленіе въ сѣти прелюбодѣйной женщины предваряется простымъ знакомствомъ съ нею. Завязать это знакомство не всегда представляется опаснымъ мушнѣ. Онъ думаетъ, что никакой нѣтъ бѣды посѣщать ея домъ, бесѣдовать съ нею, вообще коротко обращаться съ нею; онъ надѣется удержаться отъ преступной связи съ нею. Но надежда его напрасна. Какъ невозможно, чтобы не прогорѣла одежда отъ огня, вложеннаго въ пазуху, чтобы не обожглись ноги, ступившія на горящіе угли, такъ невозможно не впасть *въ вину* прелюбодѣйства, избѣжать грубаго плотскаго грѣха чловѣку, вхожему въ домъ къ женѣ замужней въ качествѣ короткаго знакомаго, и прикасающагося къ ней руками и устами. Эти посѣщенія и эти, повидимому, невинныя прикосновенія легко возбуждаютъ огонь плотской похоти и доводятъ до грѣха прелюбодѣянія.—Но можно понимать рассматриваемые стихи и въ другомъ смыслѣ. Въ нихъ идетъ рѣчь не объ опасности впасть въ вину прелюбодѣйства, а объ опасности быть уличеннымъ въ этой винѣ и потерпѣть строгое возмездіе за нее. Въ такомъ случаѣ слова: *вошедшій къ замужней женѣ и прикасающійся къ ней* указываютъ не на короткое только знакомство съ нею, а на дѣйствительное прелюбодѣйство, въ каковомъ смыслѣ эти слова встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Писанія (Быт. 6, 4; 19, 31; 38, 9. Суд. 15, 1. Быт. 20, 6. 1 Кор. 7, 1). Посему мысль рассматриваемыхъ стиховъ можно изложить такъ: невозможно, чтобы преступленіе прелюбодѣйства не огласилось и осталось ненаказаннымъ, какъ невозможно не обжечься отъ прикосновенія къ огню. Такому изложенію благопріятствуютъ дальнѣйшіе стихи.

Ст. 30. 31. 33. **Не дивно бо, аще кто ятъ будетъ крадый** (если какой воръ будетъ схваченъ), крадетъ бо, да насытитъ душу свою алчущую. Аще же ятъ будетъ, воздастъ седмерицею и вся имѣнія своя (пожитки свои) давъ, избавитъ себе. Прелюбодѣй же за скудость ума погибель души своей содѣваетъ.

Идетъ рѣчь о возмездіи прелюбодѣю. Ему грозитъ возмездіе гораздо тягчайшее чѣмъ вору. *Недивно*,—въ порядкѣ вещей, если воръ *будетъ схваченъ* и лишень свободы за то, что онъ укралъ для того, чтобы *насытитъ алчущую душу*, т.-е. укралъ не по нуждѣ, а по ненасытной алчности къ наживѣ: по-дѣломъ вору мука. Но для вора есть возможность *избавиться*, т.-е. возвратитъ себѣ свободу, если, дорожа свободой, онъ для возвращенія ея готовъ удовлетворитъ потерпѣвшаго гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ требуетъ законъ (Исх. 22, 1 и 2), если онъ за покражу воздастъ всемеро больше того, чего стоитъ украденное, даже расплатится всѣми пожитками. Несравненно хуже положеніе прелюбодѣя. Онъ за *скудость ума погибель души своей содѣваетъ*. Воръ покупаетъ себѣ свободу потерю состоянія, а прелюбодѣй въ наказаніе за неразумное увлеченіе плотскою похотію, находится въ опасности погубить жизнь свою (*душу свою*), или пострадать личностію своею. Въ чемъ же именно состоитъ возмездіе ему?

Ст. 33. **Болѣзни же и безчестіе понесетъ, поношеніе же его не загладится во вѣкъ.**

Болѣзни прелюбодѣй понесетъ отъ побоевъ разъяреннаго мужа невѣрной жены и за безчестное поведеніе потерпитъ всякое другое безчестіе отъ него же и отъ другихъ. О тяжести послѣдняго возмездія можно судить по тому, что для людей, дорожащихъ честію, она есть такое благо, которое дороже жизни. «Лучше мнѣ умереть, говоритъ Апостоль, нежели чтобы кто уничтожилъ похвалу мою» (1 Кор. 9, 15). Безславіе или поношеніе прелюбодѣю всегда останется на немъ, даже послѣ того, какъ онъ понесъ тяжкое тѣлесное озлобленіе.

Ст. 34. **Исполнена бо ревности ярость мужа ея: не пощадитъ въ день суда.**

Страшна участь прелюбодѣя, впавшаго въ руки озлобленнаго мужа прелюбодѣйцы. Ярость его подъ вліяніемъ ревности не знаетъ предѣловъ. Въ день совершенія своего мщенія надъ врагомъ его семейной жизни онъ *не пощадитъ* его,—съ величайшимъ злорадствомъ будетъ смотрѣть на позоръ его, когда или самъ учинитъ надъ нимъ собственную жестокую расправу, или предастъ его судебной власти.

Ст. 35. **Не измѣнитъ ни единою цѣною вражды, ниже разрешится многими дарми** (*не промѣняетъ вражду ни на какой окупъ, ни на большіе подарки*)

Оскорбленіе, нанесенное мужу невѣрной жены, онъ такъ глубоко приметъ къ сердцу, что для примиренія съ оскорбителемъ не согласится ни на какія выгодныя сдѣлки.

Гл. 7, ст. 1. **Сыне, храни моя словеса, моя же заповѣди скрый у себе.**

Эти словеса и заповѣди одинаково могутъ быть относимы и къ предыдущимъ и къ послѣдующимъ наставленіямъ, ибо въ обоихъ случаяхъ идетъ рѣчь о пагубныхъ послѣдствіяхъ любострастія.

Ст. 2. **Сыне, чти Господа и укрѣпишия** (*будеши крѣпокъ*), **кромѣ же Его не бойся никого.**

Благо человѣку, чтущему Господа и сохраниющему заповѣди Его: подъ кровомъ Всевышняго онъ *укрѣпится*, т.-е. будетъ силенъ побороть всѣ препятствія къ устроенію своего благополучія и къ побѣжденію грѣховныхъ искушеній.— *Кромѣ Его не бойся никого.* Нѣтъ причины бояться людей тому, кто боится Бога. Онъ говоритъ съ Давидомъ: «Господь просвѣщеніе мое (*свѣтъ мой*): кого убоюся? Господь защитникъ жизни моя: кого утрашуся?» (Пс. 26, 1).

Прот. В. Нечаевъ.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Моск. мѣщанинъ Ермилъ Горбуновъ писалъ къ владыкѣ: «Желаю я двухъ внуковъ моихъ—дѣвицъ Елисавету и Евдокію, съ согласія отца ихъ, купца Никиты Петрова Позументщикова, помѣстить въ Влахернскую обитель (общину), на что и настоятельница согласна, если благословитъ архипастырь», котораго онъ и просилъ о томъ, представляя при семъ билетъ сохр. казны въ 4000 р. сер. съ тѣмъ, 1) чтобы проценты съ этого капитала получала настоятельница и расходовала, по своему усмотрѣнію, на содержаніе означенныхъ дѣвицъ, если онѣ приняты будутъ въ обитель. 2) По смерти одной изъ нихъ проценты обращаются на содержаніе остающейся въ живыхъ, а по смерти обѣихъ въ пользу обители на вѣчныя времена. 3) Если откроется надобность взять въ пользу оныхъ дѣвицъ какую-либо часть капитала, то настоятельница можетъ сіе сдѣлать не иначе, какъ «съ согласія моего, или, по смерти моей, назначеннаго мною душеприкащика, такого-то, и съ разрѣшенія вашего высокопреосвященства. 4) Въ случаѣ перемѣщенія ихъ въ какую-либо другую женскую обитель, если оно необходимымъ окажется съ нашей стороны, и капиталъ на тѣхъ же условіяхъ переведенъ будетъ въ ту обитель, въ которую онѣ перемѣстятся. Есть еще въ Сиротскомъ судѣ капиталъ, около 3000 р., оставшійся вышепоименованнымъ дѣвицамъ послѣ ихъ матери: проценты и съ сего капитала должны получаться на ихъ содержаніе, о чемъ отъ меня будетъ подано въ оный судъ прошеніе». Резолюція отъ 23 дек. 1855 года: «1) По изъявленному на сіе настоятельницей согласію, дѣвицъ Елисавету и Евдокію, по распоряженію дѣда ихъ, имѣетъ она принять на свое попеченіе, съ исполненіемъ прописаннаго въ семъ прошеніи; будетъ довольствоватъ ихъ всѣмъ потребнымъ, и добродушнымъ по христіанской любви обхожденіемъ, стараться будетъ по возможности споспѣшествовать и ду-

шевному благу ихъ. 2) По желанію просителя, къ предложеннымъ отъ него условіямъ присовокупить, чтобы въ свое время, когда капиталъ поступить въ пользу обители, то процентовъ его отъ 30 до 40 рублей отдѣляемо было ежегодно въ пользу священника съ причтомъ (смотря по составу его) на поминованіе раба Божія Ермила и сродниковъ его. 3) Билетъ, въ моемъ присутствіи переданный настоятелициѣ, велѣтъ внести въ опись и хранить въ ризницѣ. 4) Съ прописаніемъ сего прошенія и настоящей резолюціи, настоятелициѣ послать указъ и предоставить ей списокъ съ сего указа сообщить просителю для его свѣдѣнія».

1852, дек. 14. «Законъ не даетъ силы словесному завѣщанію предъ судомъ, но не препятствуетъ дѣтямъ изъ благоговѣнія къ волѣ родителя (*діакона*), исполнить его завѣщаніе словесное, не подлежащее сомнѣнію. Сіе объявить сыновьямъ при достиженіи совершеннолѣтія».

1857, іюня 9. «Дѣло меньшей важности можетъ быть словесно разобрано и окончено по правиламъ отеческимъ и монашескимъ. Какъ скоро важность дѣла потребовала формальнаго письменнаго производства: отъ отвѣтчика (*іеродіакона*) должно быть взято письменное показаніе».

1849, дек. 17. «Пономарь Любимовъ (*26 лѣтъ отъ роду*) отъ московскаго мѣста переведенъ въ село (*Хорошово, Троекурово тожь, Моск. округа*) за неодобрительные поступки, и на настоящее мѣсто (*въ село Дыдылдино Подольской округа*) опредѣленъ временно, подъ особый надзоръ, чтобы заслужилъ одобреніе для утвержденія на мѣстѣ. Но онъ въ пьянствѣ произвелъ колоколомъ ночную тревогу, и пьянъ былъ до того, что не помнитъ что дѣлалъ. Посему отрѣшить его отъ сего мѣста и послать на полгода въ Саввинскія училища въ служительскую должность съ донесеніемъ о поведеніи его ежемѣсячно».

Сообщилъ Архим. Григорій.

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПЕТРА

съ объяснительными примѣчаніями.

Г Л А В А IV.

Наставленія христіанамъ относительно разныхъ нравственныхъ качествъ и добродѣтелей (1—11), особенно же о неповинномъ зло-страданіи (12—19).

1. Христу убо пострадавшеу за ны плотію, и вы въ ту же мысль вооружитесь: зане пострадавшеи плотію, преста отъ грѣха.

2. Во еже не ктому человѣчскимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время.

1. Итакъ, поелику Христось пострадалъ за насъ плотію, то и вы вооружитесь тоюже мыслию; ибо страдающій плотію перестаетъ грѣшить,

2. Чтобы остальное во плоти время жить уже не по человѣчскимъ похотямъ, но по волѣ Божіей.

Итакъ, поелику Христось пострадалъ и пр.: Апостоль такимъ образомъ снова возвращается къ мысли о страданіяхъ Христовыхъ (3—18), чтобы на ней основать новыя наставленія нравственныя христіанамъ, обнаруживая тѣмъ, что какъ предшествующее, такъ и дальнѣйшее развитіе наставленій исходитъ изъ мысли о страданіяхъ Христовыхъ.—Плотію: слово *плоть* берется здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ и 3, 18, въ смыслѣ вообще тѣлеснаго состава человѣка, на который простиралась смерть Христова (3, 18), окончившая Его страданія за насъ, т.-е. не за обращенныхъ только ко Христу, но и за весь родъ

человѣческой.—Вооружитесь тою же мыслию: т.-е. мыслию о страданіяхъ; будьте готовы къ перенесенію страданій за Христа, какъ Онъ пострадалъ за насъ, и переносите ихъ, если Богу благоугодно будетъ послать ихъ на васъ; ученикъ да уподобляется Учителю. Вооружитесь: слово указываетъ на борьбу, на брань, конечно, съ искушеніемъ отъ противоположной мысли, влекущей грѣшнаго человѣка, которому тяжки страданія, къ тому, чтобы избѣгать страданій такъ или иначе; потому дѣйствительно надобно именно вооружиться мыслию о страданіяхъ Христовыхъ, чтобы побѣдить мысль объ избѣжаніи страданій.— Ибо страдающій (точнѣе—пострадавшій) плотию, перестаетъ (точнѣе—пересталъ) грѣшить: по видимому, это—общая мысль, смыслъ которой тотъ, что страданія тѣлесныя ослабляютъ силу и дѣйствіе грѣховности человѣческой и содѣйствуютъ прекращенію грѣха, что страдающій меньше грѣшить, перестаетъ грѣшить по крайней мѣрѣ въ той мѣрѣ, въ какой грѣшилъ не страдая. Но эта мысль слишкомъ сильно, рѣшительно и безусловно выражена, особенно въ подлинникѣ, такъ что невольно заставляетъ искать болѣе опредѣлительнаго смысла, каковъ и можно находить при снесеніи разсматриваемаго изреченія съ подобными у св. апостола Павла. По ученію его, человѣкъ, обращающійся ко Христу вѣрою въ Его искупительную крестную смерть, распинается съ Нимъ и крещеніемъ въ смерть Христову погребается съ Нимъ, а умершій свободенъ отъ грѣха, и потому христіанинъ долженъ почитать себя мертвымъ для грѣха въ томъ смыслѣ, что грѣхъ уже не долженъ надъ нимъ господствовать, и онъ не долженъ быть рабомъ грѣха (Рим. 6, 1—23). Это именно ученіе, кажется, кратко выражено и въ разсматриваемомъ изреченіи апостола Петра, такъ что толкованіемъ на него именно служитъ вся 6-я глава посланія къ Римлянамъ. И апостоль Петръ говоритъ о сораспятій вѣрующаго со Христомъ (вооружитесь тою же мыслию) и о спасительности крещенія чрезъ Христово воскресеніе (3, 21), ко-

торому предшествовала смерть Его, въ которую, по выраженію ап. Павла, крестится вѣрующей въ Него, умирая такимъ образомъ со Христомъ, а умершій свободенъ отъ грѣха и долженъ обновленною (какъ бы воскресшею) жизнію ходить въ добродѣтеляхъ, быть рабомъ не грѣха въ смерть, а праведности въ жизнь вѣчную. Эта мысль и выражается кратко въ разсматриваемомъ изреченіи апостола Петра, которое можно перефразировать такъ: вы, христіане, сораспялись со Христомъ въ страданіяхъ и умерли съ Нимъ въ крещеніи и слѣдовательно умерли для грѣха, а умершій свободенъ отъ грѣха, не сталъ грѣшнить; пострадавшій плотію, какъ и Христосъ пострадалъ плотію, и умершій съ Нимъ въ крещеніи, пересталъ грѣшнить и долженъ уже жить по волѣ Божіей, а не человѣческимъ похотямъ (ст. 2).—Чтобы остальное во плоти время жить и пр: тоже, что у св. апостола Павла въ указанномъ мѣстѣ—да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ тѣлѣ вашемъ и пр. (Рим. 6, 12—14). Остальное, т.-е. со времени обращенія ко Христу до смерти, или даже съ того времени, когда кто восчувствовалъ эту высокую истину о необходимости умереть для грѣха ради Христа и спасенія души своей и жить обновленною жизнію со Христомъ и во Христѣ.—Не по человѣческимъ похотямъ: т.-е. грѣховному настроенію, въ какомъ пребываетъ естественный, не возрожденный благодатію Христовою человѣкъ, по самому естеству своему грѣшникъ; но по волѣ Божіей, какъ она изложена въ откровеніи Божіемъ вообще и въ частности въ законѣ евангельскомъ, дарованномъ чрезъ Христа, т.-е. жить святою, а не грѣховною жизнію. «Если Христосъ умеръ за насъ плотію (ибо безъ сомнѣнія не безсмертнымъ и божескимъ своимъ естествомъ), то и мы въ отплату Ему должны для Него умереть грѣху, не вдаваться болѣе въ человѣческія похоти, но остальное во плоти время жить по одной только волѣ Божіей» (Оеодьял.). Конечно, безгрѣшно человѣкъ жить на землѣ не можетъ; но не о совершенной безгрѣшности и рѣчь здѣсь,

а о стремленіи вѣрующаго христіанина къ тому, чтобы господствовалъ надъ духомъ и въ духѣ его не законъ грѣха, а законъ благодати и чистоты, чтобы онъ былъ рабомъ не грѣха, а закона Христова, плодъ котораго есть святость, а конецъ жизнь вѣчная (Рим. 6, 20).

3. Довольтеъ бо вамъ мимошедшее время житія, волю языческую творившимъ, ходившимъ въ нечистотахъ, въ похотехъ (въ мужеложствѣ, во скотоложствѣ, въ помыслахъ), въ пїянствѣ, въ козловласованїихъ, въ мѣхоманїи и богомерзскихъ идолослуженїихъ:

4. О немже дивятся, не сходящимаъ вамъ въ тоже блуда разліанїе, хуляще:

3. Ибо довольно, что вы въ прошедшее время жизни поступали по волѣ языческой, предаваясь нечистотамъ, похотямъ, (мужеложству, скотоложству, помысламъ), пїянству, излишеству въ пищѣ и питїи и нелѣпому идолослуженїю;

4. Почему они и дивятся, что вы не участвуете съ ними въ томъ же распутствѣ, и злословятъ васъ.

Довольно, что вы и пр.: рѣчь Апостола обращена собственно къ увѣровавшимъ изъ язычниковъ, какъ показываетъ особенно упоминанїе о нелѣпомъ идолослуженїи, какому предавались они прежде; но нѣкоторыя черты рѣчи конечно могли приложить къ себѣ и увѣровашіе изъ евреевъ; такъ что и къ нимъ частїю относилась эта рѣчь Апостола. Довольно: въ словѣ нѣкоторая тонкая иронїя; грѣху прежде послужили столько, что грѣховныя ваши склонности и стремленїя должны быть удовлетворены уже, пора перестать удовлетворять ихъ.—Въ прошедшее время жизни: разумѣется время до обращенїя читателей изъ язычества или іудейства ко Христу, или и дальнѣйшее, до времени написанїя посланїя, если предположить, что нѣкоторые не вдругъ отстали отъ нѣкоторыхъ изъ грѣховныхъ дѣйствїй, о коихъ говорится далѣе.—Поступали по волѣ языческой: воля языческая очевидно противопоставляется здѣсь волѣ Божїей (ст. 2) и означаетъ, въ противоположность закону Божїю откровенному и въ частности закону Христову, законъ грѣховнаго, не озареннаго свѣтомъ Божїимъ и благодатїю Христовою, есте-

ства человѣческаго, которое въ невозрожденіи обладаетя грѣховными стремленіями и наклонностями, изъ коихъ нѣкоторыя и исчисляеть далѣ Апостоль, каковы—нечистоты: грѣческое слово означаетъ грѣховныя излишества всякаго рода, особенно же не цѣломудренныя (Рим. 13, 13. 2 Кор. 12, 21. Гал. 5, 19); похоти — чувственныя влеченія всякаго рода, но по преимуществу съ ихъ внутренней стороны, особенно же сладострастіе въ его различныхъ видахъ, и внутреннее и во внѣшнихъ проявленіяхъ; пьянство—страсть къ винопитію; греческое слово означаетъ чрезмѣрность употребленія вина; излишество въ пищѣ и питіи, точнѣе—козлогласованіе и пьянство; оба слова указываютъ на языческія общественныя пиршества при празднествахъ, особенно на примѣръ въ честь Бахуса, когда пили до одуренія и пѣли разныя сладострастныя пѣсни и вообще предавались всяческимъ безобразіямъ (ср. Рим. 13, 13: пированія и пьянство); нелѣпое идолослуженіе, точнѣе въ славянскомъ: богомерзкія идолослуженія—служенія идоламъ, составляющія сущность языческой религіи вообще; выраженіе употреблено во множественномъ числѣ въ соотвѣтствіе различнымъ видамъ языческаго идолослуженія.—Почему они и дивятся и пр.: вслѣдствіе перемѣны образа жизни обращенныхъ въ христіанство изъ язычества по ихъ обращеніи, оставшіеся въ язычествѣ дивятся имъ и злословятъ; дивятся—слово употребляется въ смыслѣ отчуждаться, устраняться, избѣгать и въ смыслѣ удивляться; употребляется оно здѣсь въ худшемъ смыслѣ, какъ дивятся дѣйствіямъ людей страннымъ, глупымъ, нелѣпымъ, каковыми язычникамъ съ ихъ точки зрѣнія и казались дѣйствія обращенныхъ ко Христу, хотя сами въ себѣ они были дѣйствія высокія, разумныя, добрыя.—Не участвуете съ ними въ томъ же распутствѣ: краткое обозначеніе причины, почему они дивятся и злословятъ; не участвуете, т.-е. перестали участвовать съ тѣхъ поръ, какъ обратились ко Христу; въ томъ же распутствѣ, точнѣе

въ разліаніи распутства, т.-е. въ крайнемъ распутствѣ, чрезмѣрномъ. Этимъ словомъ обозначается вообще крайне порочная жизнь язычниковъ во всѣхъ отношеніяхъ.— Злословятъ: говорятъ все дурное, ругательное, позорящее; злословіе это направлено было конечно лично противъ христіанъ, но безъ сомнѣнія относилось и къ самой религіи христіанской, которая была причиною возбудившей удивленіе и злословіе переменъ въ жизни обратившихся въ нее. «Смыслъ (всей) рѣчи такой: однажды навсегда отказавшись отъ языческаго образа жизни, который вы проводили нѣкогда, нынѣ вы должны держаться избранной вами жизни честной. Тогда и сами язычники будутъ удивляться вамъ, что вы не участвуете съ ними въ томъ же печестіи. Посему послѣ удивленія вашей переменѣ и недоумѣній они не только посрамятся, но и станутъ злословить, ибо благочестіе для грѣшника отвратительно. Но они не останутся ненаказанными за такое злословіе, а дадутъ отвѣтъ Судіи всѣхъ» (Θеофил.).

*5. Иже воздадутъ слово готову
сущему судити живымъ и мерт-
вымъ.*

5. Они дадутъ отвѣтъ Имѣющему вскорѣ судить живыхъ и мертвыхъ.

*6. На се бо и мертвымъ благо-
вѣстася, да судъ убо примутъ по
человѣку плотію, поживутъ же
по Бозѣ духомъ.*

6. Ибо для того и мертвымъ было благовѣствуемо, чтобы они, подвергшись суду по человѣку плотію, жили по Богу духомъ.

Они дадутъ отвѣтъ и пр.: не смущайтесь тѣмъ, что эти распутные злословятъ васъ и не соблазняйте тѣмъ, что не постигаетъ ихъ кара Божія за ихъ распутства; они потомъ, въ свое время, дадутъ отвѣтъ Судіи живыхъ и мертвыхъ за все, т.-е. и за то, что злословятъ васъ, и за распутство свое.—Дадутъ отвѣтъ, въ смыслѣ—будутъ осуждены, получатъ должное наказаніе; они будутъ отвѣчать за все на судѣ, но такъ какъ отвѣтъ ихъ не будетъ удовлетворителенъ предъ судомъ правды Божіей, то за отвѣтомъ ихъ послѣдуетъ опредѣленіе о ихъ наказаніи (ср. Матѳ. 25, 41).—Имѣющему вскорѣ судить, или гото-

вому судить: рѣчь очевидно о Христѣ Іисусѣ, Который, восшедши на небо, пребываетъ одесную Бога (3, 22), и о послѣднемъ судѣ, который Онъ произведетъ надъ міромъ, такъ какъ всюду въ новозавѣтныхъ писаніяхъ именно Христу усвоается этотъ послѣдній судъ и Онъ называется Судіей живыхъ и мертвыхъ. Этою чертой восполняетъ Апостолъ вышеизложенное (3, 18—22) изображеніе лица и дѣла Христова: Онъ пострадалъ, сошелъ во адъ, воскресъ, вознесся на небо, возсѣлъ одесную Бога Отца и опять придетъ судить живыхъ и мертвыхъ (послѣ чего предастъ царство Богу Отцу и—будетъ Богъ все во всемъ 1 Кор. 15, 24. 28).—Имѣющему вскорѣ судить, или готовому судить; близость этого суда понимается въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорятъ вообще Апостолы о близости пришествія Христова, кончины міра и всеобщаго суда (ср. прим. къ Іак. 5, 7—8). Живыхъ и мертвыхъ (ср. Дѣян. 10, 42 и прим.): этого суда Христова никто не избѣгнетъ, ни тѣ, кто будетъ еще живъ во время пришествія Христова (1 Сол. 4, 17), ни тѣ, которые умрутъ до того времени. На слова—живыхъ и мертвыхъ блаженный Теофилактъ наводитъ такое толкованіе: «судятся и мертвые. Это видно изъ сошествія Господа во адъ. Ибо явившись туда послѣ крестной смерти, Онъ проповѣдалъ и тамъ, какъ на землѣ, проповѣдалъ не словомъ, а дѣломъ. И какъ пребываніе Его въ мірѣ для тѣхъ, которые съ готовностію признали Его, послужило въ оправданіе, а для тѣхъ, которые не признали Его, въ осужденіе: такъ и изъ содержимыхъ въ адѣ, тѣмъ, которые жили по плоти, Онъ явился на осужденіе, а тѣмъ, которые жили по духу, т.-е. вели жизнь духовную и добродѣтельную, на славу и спасеніе. Посему и справедливо называется Судіею живыхъ и мертвыхъ». Указаніе на этотъ судъ должно съ одной стороны воодушевлять христіанъ къ терпѣливому перенесенію скорбей со стороны распутныхъ, съ другой—научать осторожности и благоразумію въ устроеніи своей нравственно-религіозной жизни.—Ибо для того и пр.: изрече-

ніе не вполне вразумительное и потому породившее не одинаковыя толкованія. Очевидно, что оно выражаетъ причину предшествующей мысли (ср. Теофіл.), но какой именно? Вѣроятно—общей мысли о судѣ какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ, на которомъ дадутъ отвѣтъ всѣ и между ними злословящіе христіанъ (ст. 5). Высказавъ эту общую мысль о судѣ надъ живыми и мертвыми, Апостолъ могъ предполагать со стороны читателей христіанъ вопросъ или недоумѣніе: да будутъ ли подлежать этому суду умершіе нехристіане? Да, отвѣчаетъ Апостолъ, будутъ судимы всѣ умершіе, и не христіане, и даже не слышавшіе проповѣди о Христѣ здѣсь на землѣ. Доказательство—то, что и мертвымъ было благовѣствуемо; т.-е. проповѣдано Евангеліе о Христѣ, какъ Искупителѣ и о совершенномъ Имъ дѣлѣ искупленія. Въ чемъ сила доказательства? Выраженіе: мертвымъ благовѣствуемо было—указываетъ очевидно на вышензложенное Апостоломъ ученіе о сошествіи Иисуса Христа во адъ съ проповѣдію тамъ пребывавшимъ о совершеніи спасенія всего рода человѣческаго, а слѣдовательно и ихъ, Христомъ Спасителемъ (3, 19—20), съ тѣмъ чтобы готовые и могущіе изъ нихъ увѣровали и получили спасеніе, а не готовые и не могущіе, не увѣровавъ, подверглись осужденію. Какъ въ томъ изреченіи Апостола Христосъ представляется благовѣствующимъ Евангеліе только тѣмъ, которые были во дни Ноя и злословили этого праведника и Бога, и отъ нихъ однакоже и можно и должно заключать, что проповѣдь Христова во адѣ простиралась на всѣхъ людей, умершихъ до Христа, современники же Ноя выставляются только какъ примѣръ (ср. прим. къ 3, 19—20): такъ здѣсь въ этомъ изреченіи всѣ тѣ, которымъ Христосъ благовѣствовалъ во адѣ, представляются, по видимому, какъ примѣръ, т.-е. по видимому Апостолъ выражаетъ здѣсь вообще ту мысль, что всѣмъ умершимъ безъ вѣры во Христа и безъ познанія Его будетъ проповѣдано Евангеліе о Христѣ, подобно тому, какъ самъ Христосъ проповѣдалъ оное всѣмъ

умершимъ до пришествія Его. Какъ и когда это будетъ, Апостоль не открываетъ, но мысль его по видимому именно эта. Священное писаніе рѣшеніе участи умершихъ не христіанами относитъ собственно не къ смерти ихъ, а ко дню послѣдняго суда Христова (Дѣян. 10, 42; 17, 31 и др.) и слѣдовательно полагаетъ, по видимому, возможнымъ для нихъ измѣненіе ихъ участи послѣ смерти, что возможно только при предположеніи благовѣствованія имъ Евангелія, или обращенія къ Нему или невѣрія ихъ оному. Въ этомъ смыслѣ разсматриваемое изреченіе въ связи съ предшествующимъ можно перефразировать такъ: судъ Христовъ будетъ простираться какъ на живыхъ, такъ и на мертвыхъ, всѣхъ безъ изъятія, какъ слышавшихъ здѣсь на землѣ Евангеліе Христово, такъ и не слышавшихъ онаго и не знавшихъ Христа; доказательство этой послѣдней мысли—то, что самъ Христосъ благовѣствовалъ Евангеліе во адѣ всѣмъ умершимъ до перваго пришествія Его; будетъ благовѣствовано оно и всѣмъ умершимъ до втораго пришествія Его на страшный послѣдній судъ, и тогда всѣ дадутъ Ему отвѣтъ и соотвѣтственно сему получаютъ воздаяніе. На этомъ судѣ и злословящіе васъ дадутъ отвѣтъ, хотя бы они умерли до того времени. Эту мысль о благовѣствованіи Евангелія всѣмъ мертвымъ отъ перваго до втораго пришествія Апостоль выражаетъ примѣнительно къ мысли о благовѣствованіи Христомъ при Его сошествіи къ находившимся въ то время во адѣ духамъ. Какая была цѣль сего благовѣствованія Христова? Та, чтобы тѣ, которымъ было благовѣствуемо, подвергшись суду по чловѣку плотію, жили по Богу духомъ. Тѣ, коимъ благовѣствовалъ Христосъ, по прямому указанію Апостола, т.-е. современники Ноя, подверглись суду по чловѣку плотію, т.-е. были осуждены на истребленіе потопомъ, какъ Божиимъ наказаніемъ за ихъ непослушаніе и нечестіе. За это они подлежали суду и по душѣ, т.-е. вѣчной смерти, но благовѣствованіемъ Христовымъ имъ открылась возможность избѣгнуть этого суда, жить по Богу духомъ,

т.-е. получить спасеніе или блаженство въ единеніи съ Богомъ, если они покаались и увѣровали, по проповѣди Господа, въ Него какъ Искупителя міра. Тоже будетъ и съ тѣми, которые въ христіанства умрутъ до времени втораго пришествія Христова и которымъ также будетъ благовѣствуемо, какъ и бывшимъ до перваго пришествія Христова во адѣ. На это, можетъ быть, указываетъ поставленіе глаголовъ въ будущемъ времени (пріимуть, поживутъ, ср. слав. переводъ) вмѣсто прошедшаго (ср. Теофил.).—Если можетъ быть принято такое толкованіе, то нельзя не видѣть, что мысль Апостола простирается далѣе, чѣмъ сколько нужно для доказательства предшествующаго, и она шире, чѣмъ та, которую нужно доказать. Изъ сего же понятною становится и нѣкоторая прикровенность (или преднамѣренная неясность) цѣлаго изреченія.

7. Всякъ же кончина приближися. Учѣломудритесь убо и трезвитесь въ молитвахъ.

8. Пржеже же всѣхъ другъ ко другу любовь прилькну имѣйте, зане любовь покрываетъ множество грѣховъ.

9. Страннолюбцы другъ ко другу безъ роптаній.

7. Впрочемъ близокъ всему конецъ. Итакъ будьте благоразумны и бодрствуйте въ молитвахъ.

8. Болѣе же всего имѣйте усердную любовь другъ ко другу, потому что любовь покрываетъ множество грѣховъ.

9. Будьте страннолюбивы другъ ко другу безъ ропота.

Впрочемъ близокъ всему конецъ: выше Апостоль упомянулъ о близости пришествія Судіи живыхъ и мертвыхъ въ указанномъ смыслѣ (ст. 5 и прим.); съ пришествіемъ Господа на судъ послѣдуетъ и кончина міра въ его настоящемъ состояніи и устроеніи, и потому Апостоль рѣшительно выражается: близокъ конецъ всему, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ апостоль Іаковъ выразился, что пришествіе Христово приблизилось (5, 8. см. примѣч.), въ какомъ и прочіе Апостолы говорятъ о близости кончины міра, пришествія Христова втораго и страшнаго суда (ср. прим. къ Іак. 5, 8). Апостоль пользуется этою мыслию о близости кончины всего, чтобы изъ

этого вывести и предложить христіанамъ рядъ нравственныхъ наставленій, излагаемыхъ далѣе. Первое наставленіе: будьте благоразумны (славян. уцѣломудритесь, точнѣе) и бодрствуйте въ молитвахъ. Наставленіе тоже, какое предложилъ самъ Господь, говоря о близости и внезапности своего пришествія на судъ: смотрите за собой, чтобы сердца ваши не отягчались объяденіемъ и пьянствомъ, и заботами житейскими; бодрствуйте на всякое время и молитесь (Лук. 21, 34. 36; см. примѣч.). Выраженія Апостола, какъ и Христовы, указываютъ вообще на воздержность тѣлесную и душевную, въ противоположность распутству язычниковъ (ст. 3), на духовную бдительность и благоразумное дѣйствованіе во всѣхъ отношеніяхъ, благоустроеніе жизни и тѣлесной и духовной, чтобы день Христовъ не постигъ человѣка внезапно, не приготовленнымъ къ срѣтенію судей. Особенно указывается на молитву, какъ на главное средство къ достойному приготовленію и достойному срѣтенію дня Христова, такъ какъ молитва есть самое могущественное средство къ благоустроенію жизни во всѣхъ отношеніяхъ, и къ стяжанію чистоты души и тѣла. Слово молитва Апостоль употребляетъ во множественномъ числѣ, означая тѣмъ съ одной стороны разные роды и виды молитвы (можетъ быть молитвы домашнія и общественныя), а съ другой неослабность въ молитвахъ въ смыслѣ: непрестанно молитесь (1 Сол. 5, 17).—Второе наставленіе: имѣйте усердную любовь другъ къ другу. Болѣе же всего: точнѣе—прежде всего (ср. Іак. 5, 12), т.-е. прежде стяжанія указанныхъ добродѣтелей стяжите добродѣтель любви другъ къ другу, какъ главную христіанскую добродѣтель, составляющую отличительный признакъ христіанина (Іоан. 13, 35), безъ которой не только указанныя добродѣтели, даже молитва, но даже и всякія дарованія духовныя не имѣютъ никакого значенія, какъ учитъ Павелъ (1 Кор. 13, 1 и д.). Любовь другъ ко другу должна быть усердная, или точнѣе—постоянная (ср. 1, 22), неослабная, неизмѣнная

и, само собой разумѣется, истинная, а не лицемѣрная, не на словахъ, а въ сердцѣ и на дѣлѣ (1 Іоан. 3, 18).—Причину, по которой прежде всего нужно стяжать и имѣть такую любовь, Апостолъ выставляетъ ту, что любовь покрываетъ множество грѣховъ; чьихъ? Любящаго ли такъ, или ближнихъ, которыхъ онъ любить? По видимому, изреченіе заимствовано изъ книги Притчей (10, 12; ср. 17, 9) и по связи рѣчи съ этимъ мѣстомъ Притчей имѣетъ то значеніе, что любовь прикрываетъ или прощаетъ грѣхи ближнихъ (тогда какъ ненависть производитъ раздоры), и въ этомъ случаѣ смыслъ, въ какомъ Апостолъ приводитъ это изреченіе, таковъ: имѣйте любовь, потому что она покрываетъ множество грѣховъ ближнихъ и тѣмъ производитъ самое благотворное вліяніе на общественную жизнь христіанскаго общества и такимъ образомъ весьма содѣйствуетъ нравственному преуспѣванію всего общества, приготовляя его къ достойному срѣтенію Господа въ день Его прішествія на судъ. Или же это изреченіе можно понимать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ апостолъ Іаковъ употребляетъ выраженіе—покроетъ множество грѣховъ—въ отношеніи къ обращающему грѣшника (5, 20) и толковать рѣчь Апостола въ томъ смыслѣ, что постоянная и искренняя любовь къ ближнимъ, прощающая имъ грѣхи ихъ, привлекаетъ на любящаго такъ особенную милость и благословеніе Божіе, прощающее ему самому множество его собственныхъ грѣховъ, и тѣмъ любящій такъ достойно готовится къ срѣтенію суднаго дня Господня. Въ этомъ смыслѣ толкуетъ изреченіе блаженный Θεофилактъ, говоря: «Петръ называетъ ее (любовь) могущею покрывать грѣхи; это потому, что милость къ ближнему дѣлаетъ милостивымъ къ намъ Бога». Въ этомъ смыслѣ изреченіе Апостола будетъ находить себѣ прямое объясненіе въ словахъ самого Господа: если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то проститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный и дал. (Матѣ. 6, 14—15). Не нарочитое ли у Апостола двоемысліе въ рѣчи, чтобы выразить и заставить

принять ту и другую мысль, которая обѣ имѣютъ полное приложение и убѣдительную силу въ настоящемъ случаѣ?— Будьте страннолюбивы: страннолюбіе—высокое выраженіе христіанской любви къ ближнимъ. Господь обѣщаетъ высокую награду за страннолюбіе и гостепріимство, возводя его къ высшему понятію, чѣмъ простое естественное гостепріимство (Матѣ. 25, 35), и Апостолы часто убѣждаютъ вѣрующихъ къ упражненію въ этой добродѣтели (напр. Рим. 12, 13. Евр. 13, 2. 1 Тим. 5, 10. Тит. 1, 8 и др.). Совершать эту добродѣтель гостепріимства Апостоль увѣщаетъ безъ ропота, который выражалъ бы недовольство или огорченіе отъ безпокойства или и издержекъ при страннопріимствѣ; иначе добродѣтель потеряетъ цѣну въ очахъ Божіихъ.

10. Кійждо якоже пріятъ дарованіе, между себе симъ служаще, яко добримъ строителіе различныя благодати Божія.

10. Служите другъ другу, каждый тѣмъ даромъ, какой получилъ, какъ добрые домостроители многообразной благодати Божіей.

11. Аще кто малолетъ, яко слова Божія: аще кто служитъ, яко отъ крѣпости, юже подаетъ Богъ: да о всемъ славится Богъ Исусъ Христомъ, емуже есть слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

11. Говоритъ ли кто, говори какъ слова Божіи; служитъ ли кто, служи по силѣ, какую даетъ Богъ, дабы во всемъ прославлялся Богъ чрезъ Исуса Христа, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Служите другъ другу: это служеніе есть одно изъ проявленій любви, о стяжаніи которой учитъ Апостоль (ст. 8), какъ и страннолюбіе (ст. 9). Служеніе разумѣется здѣсь въ смыслѣ общемъ и какъ вообще исполненіе христіанскихъ обязанностей въ отношеніи къ ближнимъ, общественныхъ и частныхъ, и какъ должностное служеніе въ Церкви, и какъ простая христіанская услужливость. Кажется, заключается здѣсь и та мысль, что обладающій какимъ-либо дарованіемъ отъ Бога не долженъ превозноситься имъ, не долженъ употреблять его для преобладанія или нѣкотораго господства чрезъ него надъ другими,

но обязанъ служить этимъ даромъ ближнимъ, въ томъ смыслѣ, какъ заповѣдалъ самъ Господь своимъ ученикамъ (Матѣ. 20, 25 и дал.; ср. примѣч.).—Каждый тѣмъ даромъ, какой получилъ: нѣтъ основаній ограничивать здѣсь слово даръ понятіемъ только о чудесныхъ или чрезвычайныхъ дарованіяхъ (какъ 1 Кор. 12, 4 и д. и пар.), ибо наставленіе относится ко всѣмъ, а таковыми дарами обладаютъ не всѣ; разумѣются и естественныя дарованія, способности и силы, которыя суть также дары Божіей человѣку, и чрезвычайныя дарованія, кто по милости Божіей обладаетъ таковыми, и кому таковыя сообщены для особенныхъ служеній въ Церкви. «Не дѣлать должно употребленія изъ того, что принадлежитъ намъ и чему мы господа, есть дѣло крайне несправедливое. Ибо не тотъ только долженъ дѣлиться съ неимѣющимъ, кто имѣетъ деньги, но и тотъ, кто имѣетъ и прочіе естественныя дары; ибо самъ тотъ, кто не имѣлъ ихъ, получилъ ихъ отъ Бога для того, чтобы дѣлился съ неимѣющимъ» (Θеофил.).—Какъ добрые домостроители многообразной благодати Божіей: христіане, обладающіе различными дарованіями, суть только домостроители, приставники (1 Кор. 4, 1. Матѣ. 25, 14. Тит. 1, 7), а не самостоятельные обладатели—домовладыки, ибо всякіе дары получаютъ ими отъ Бога, Который всегда можетъ лишить ихъ неправильно пользующихся ими.—Многообразной благодати: въ Церкви Христовой благодать дѣйствуетъ въ многообразныхъ проявленіяхъ для одной цѣли—спасенія людей; каждый вѣрующій и долженъ содѣйствовать достиженію сей цѣли многообразными путями употребленія тѣхъ даровъ, какіе кто имѣетъ.—Говоритъ ли кто и проч.: изъ этихъ многообразныхъ даровъ, какими вѣрующіе, служа другъ другу, служатъ дѣйствию въ Церкви многообразной благодати Божіей, Апостолъ въ частности указываетъ на два рода дарованій,—дарованія относящіяся къ слову и къ дѣлу, т. е. къ ученію и внѣшнему дѣйствованію. Общая мысль наставленія—та, что служить этими дарованіями должно съ вѣрностію и смиреніемъ.—Говоритъ ли: слово

это означает здѣсь вообще всякій способъ и родъ ученія и рѣчи,—увѣщанія, утѣшенія, убѣжденія и проч. (Рим. 12, 6—8. 1 Кор. 12, 8—10). Говори какъ слова Божіи: говори истину съ убѣжденіемъ, со смиреніемъ и благоговѣніемъ; слово праздное и гнилое не должно сходить съ языка, какъ не согласное со словомъ Божиимъ; имѣющій даръ слова слово свое долженъ посвящать Богу.—Служить ли: разумѣются многоразличныя служенія въ Церкви, и особенныя и общія (ст. 10). По силѣ: по мѣрѣ силы, не лѣнностью, не зарывая талантовъ въ землю, какъ приточный лѣнливый рабъ (Матѣ. 25, 24—30; см. прим.). Силы разумѣются какъ духовныя, такъ и тѣлесныя. Цѣль всѣхъ таковыхъ и подобныхъ нравственныхъ дѣйствій вѣрующихъ въ отношеніи другъ къ другу (ст. 7—11) та, чтобы во всемъ, что бы ни дѣлали вѣрующіе, прославлялся Богъ чрезъ Иисуса Христа: всѣ блага свои вѣрующіе получили отъ Бога чрезъ Иисуса Христа; все должны они и отдавать Богу чрезъ Него же для прославленія Бога (Матѣ. 5, 16; см. прим.).—Которому, т.-е. Иисусу Христу, слава и держава. Подобное славословіе самъ Господь возносилъ Богу Отцу своему (Матѣ. 6, 13; см. примѣч). Апостоль такое славословіе возноситъ самому Господу Иисусу Христу, указывая тѣмъ, что Онъ есть Богъ равночестный Отцу, своему небесному (ср. 5, 11. 2 Петр. 3, 18). «Къ этому, говоритъ, убѣждаю васъ для того, чтобы Богъ прославлялся во всѣхъ, будутъ ли то язычники или близкіе ваши» (Θεοφил.).

12. Возлюбленніи, не дивитесь еже въ васъ раждеженію ко искушенію вамъ бываему, яко чужду вамъ случающуся.

13. Но понеже приобщаетеся Христовымъ страстемъ, радуйтесь, яко да и въ явленіе славы Его возрадуетеся веселящися.

12. Возлюбленные! огненнаго искушенія, для испытанія вамъ посылаемаго, не чуждайтесь, какъ приключенія для васъ страннаго.

13. Но какъ вы участвуете въ Христовыхъ страданіяхъ, радуйтесь, да и въ явленіе славы Его возрадуетесь и восторжествуете.

Возлюбленные (какъ и 2, 11: выраженіе сердечнаго сочувствія къ читателямъ въ виду того, о чемъ говорится далѣе), огненнаго искушенія не чуждайтесь: то, что переведено словами—огненное искушеніе, у Апостола выражается однимъ словомъ, означающимъ воспламененіе, пожаръ. Нѣтъ основаній въ связи рѣчи понимать это слово въ собственномъ значеніи; въ переносномъ же смыслѣ оно означаетъ бѣдствія, скорби, невзгоды (Апок. 18, 9; 2 Петр. 3, 12; Зах. 13, 9); эти бѣдствія и скорби, вѣроятно—главнымъ образомъ многообразныя преслѣдованія отъ явчниковъ и невѣрующихъ іудеевъ, и разумѣются здѣсь подъ этимъ словомъ.—Для испытанія: собственно для искушенія (ср. 1, 7. Іак. 1, 2), слѣдовательно не въ наказаніе, не для гибели, а для усовершенствованія въ добродѣтели и для спасенія вашего вамъ посылаемаго, т.-е. отъ Бога. Бѣдствіями и скорбями очищается душа и возвышается добродѣтель, какъ очищается золото въ горнилѣ и возвышается его достоинство, когда чрезъ огонь оно освобождается отъ всякой примѣси.—Не чуждайтесь: слово имѣетъ (какъ и въ ст. 4) двойное значеніе—устраиваться, уклоняться, избѣгать, и—чудиться, дивиться, считать страннымъ. То и другое значеніе имѣетъ здѣсь приложеніе: бѣдствій и скорбей, посылаемыхъ вамъ Богомъ, какъ искушеній, не избѣгайте и отъ нихъ не уклоняйтесь, если Богъ благоволилъ послать ихъ на васъ, и при семъ не удивляйтесь, что они постигаютъ васъ, не чудитесь сему, какъ для васъ чему-либо странному. Это—въ планахъ божественнаго міроуправленія, что скорбями и бѣдствіями искушается добродѣтель и благочестивыхъ людей, и добродѣтельные страдаютъ иногда въ жизни; тѣмъ болѣе будетъ имъ награды на небесахъ, если претерпятъ испытаніе и очистятся. Такъ и самъ Господь постоянно обѣтовалъ блаженство скорбящимъ и бѣдствующимъ ради Его и Евангелія (Матѹ. 5, 11. Іоан. 15, 18 и дал. 16, 2 и мн. др.).—Но какъ вы участвуете и проч.: страданіями, бѣдствіями и скорбями, претерпѣваемыми за имя Христово,

христiанинъ дѣлается участникомъ въ Христовыхъ страданiяхъ, и въ этомъ величайшее для него утѣшенiе среди этихъ бѣдствiй и страданiй (радуйтесь), ибо при семъ онъ стоитъ въ тѣсномъ общенiи со Христомъ. Христiанинъ участвуетъ въ Христовыхъ страданiяхъ, если онъ ради Христа терпитъ страданiя отъ грѣшнаго мiра, какъ терпѣлъ ихъ отъ него Христосъ. Страданiями Христосъ вошелъ въ славу (Лук. 24, 26); и христiанинъ, участвуя въ страданiяхъ со Христомъ и за Христа, имѣетъ несомнѣнную надежду быть участникомъ и славы Его, и это—другое величайшее для него утѣшенiе при перенесенiи страданiй за Христа. Это и выражаетъ Апостоль дальнѣйшими словами: да и въ явленiе (или откровенiе) славы Его возрадуетесь и восторжествуете (точнѣе: возрадуетесь веселясь, или въ веселии, чѣмъ означается усиленная радость). Выраженiемъ—явленiе славы, или славное явленiе (откровенiе) обозначается здѣсь второе славное пришествiе Христово, когда истиннымъ послѣдователямъ Христовымъ, или частнѣе—здѣсь участвующимъ въ страданiяхъ Христовыхъ, даровано будетъ вполне блаженство въ вѣчной славѣ царствiя небснаго, когда они, въ противоположность здѣшнимъ страданiямъ, будутъ радоваться и веселиться въ славѣ (Матѣ. 25, 31 и д.).

14. Аще укоряеми бываете о имени Христовѣ, блаженн есте: яко славы и Божiй Духъ на васъ почиваетъ: онѣми убо хулятся, а вами прославляется.

14. Если злословятъ васъ за имя Христово, то вы блаженны: ибо Духъ славы, Духъ Божiй почиваетъ на васъ. Тѣми Онъ хулятся, а вами прославляется.

15. Да не кто убо отъ васъ постраждетъ яко убiйца, или яко тать, или яко злодѣй, или яко чуждопопытитель:

15. Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убiйца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающiй на чужое;

16. Аще ли же яко христiанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей.

16. А если какъ христiанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь.

Если злословятъ васъ и пр.: ср. Матѣ. 5, 11 и примѣч.—За имя Христово: за исповѣданiе имени Христа,

какъ воплотившагося Бога-Искупителя, за вѣру въ Него, за послѣдованіе Ему (имя вмѣсто лица и дѣла, Имъ совершеннаго; ср. Матѣ. 10, 22 и прим. 24, 9 и прим. и парал.). Блаженны: см. 3, 14 и прим.; Матѣ. 5, 2. 11 и прим.; несмотря на злословія, причиняемыя съ цѣлю сдѣлать васъ несчастными въ жизни, вы внутренно духовно счастливы, блаженны и имѣете въ семъ залогъ будущаго блаженства въ царствѣ Христовомъ. Это—неотъемлемая награда злословимыхъ за имя Христово. Кто сдѣлаетъ добро, хотя бы то малое, во имя Христово, тотъ себѣ получитъ награду блаженства (Марк. 9, 41 и прим.; Матѣ. 25, 31 и дал.); кто злословитъ другаго за имя Христово, тотъ, лишаясь самъ блаженства, даетъ поводъ злословимому получить награду блаженства. Злословящій ближняго за имя Христово злословитъ самого Христа, и терпящій злословіе за Христа участвуетъ симъ въ страданіяхъ Христовыхъ, а потому и получаетъ блаженство во славѣ Христовой. Эту мысль о блаженствѣ злословимыхъ Апостолъ выражаетъ оригинальнымъ оборотомъ рѣчи: Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на васъ. Духомъ славы и Духомъ Божиимъ называется здѣсь Духъ Святой, третіе лице достопоклоняемая Троицы. Онъ—Духъ славы, такъ какъ и въ скорбную внѣшнюю жизнь злословимыхъ вноситъ внутреннюю свою, всегда присущую Ему, славу, и озаряетъ ею духъ страждущихъ за имя Христово отъ злословія и безчестія, даруя ему въ этомъ самомъ залогъ участія въ славѣ будущей блаженной жизни. Выраженіе: Духъ Божій присоединено къ выраженію—Духъ славы именно, кажется, для указанія, что подъ симъ послѣднимъ выраженіемъ должно разумѣть лице, а не отвлеченное понятіе въ смыслѣ настроенія, направленія, расположенія духа злословимыхъ.—Почиваетъ: въ смыслѣ постояннаго пребыванія. Образъ заимствованъ отъ сошествія Святаго Духа на Апостоловъ въ день Пятидесятницы, когда огненные языки сошли и почилъ на Апостолахъ. Это вселеніе и пребываніе Духа славы въ злословимыхъ за имя Хри-

ство и дѣлаеть ихъ внутренно блаженными при злостраданіяхъ внѣшнихъ, утѣшая ихъ и увѣряя въ полученіи ими славы въ будущемъ славномъ царствѣ Христовомъ.—Тѣмъи Онъ хулится и пр.: злословящими христіанъ за имя Христово злословится самъ Христось, какъ Богъ и Спаситель, а злословіе на Христа, какъ Бога, есть хула на Духа Святаго въ томъ смыслѣ, какъ указаль самъ Господь (Матѣ. 12, 32; ср. примѣч.). Вами же прославляется: чудными дѣйствіями на души злословимыхъ за имя Христово, утѣшеніями, миромъ, спокойствіемъ, терпѣніемъ, блаженствомъ Духъ славы прославляется въ мірѣ для тѣхъ, кто имѣеть очи видѣть сію славу и прославленіе; даже и ослѣпленные иногда не могутъ не отдать дани удивленія тѣмъ, въ комъ проявляется сіе дѣйствіе Духа славы (ст. 4). «Нечестивыми Онъ хулится, а вами прославляется, почему? Потому что, когда обвиненіе ихъ на васъ окажется ложнымъ, ихъ постигнетъ стыдъ, а вамъ будетъ слава» (Феофил.).—Только бы не пострадалъ кто и пр.: блаженны терпящіе злословіе и злостраданія за имя Христово, но только именно за имя Христово, какъ христіане (ст. 16), а не за какія-либо худыя дѣла. Апостоль не желаль бы, чтобы кто-либо изъ христіанъ страдалъ за худыя дѣла, возможность которыхъ, разумѣется, всегда есть даже въ самыхъ лучшихъ обществахъ христіанскихъ. На нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ и указываетъ Апостоль, не потому, чтобы они были среди христіанъ, къ которымъ пишетъ онъ, а потому, что они возможны среди нихъ, и склонность къ нимъ можетъ быть замѣчалъ Апостоль. Изъ множества подобныхъ дѣлъ, страданіе за которыя не даруетъ блаженства страждущимъ, Апостоль перечисляетъ только убійство, воровство, злодѣйство и посягательство на чужое.—Злодѣй: слово нужно понимать въ общемъ нравственномъ смыслѣ (ср. 2, 12. 14), а не въ какомъ-либо частномъ, въ родѣ напримѣръ государственнаго преступника, каковыми считали иногда христіанъ; понимать въ этомъ частномъ смыслѣ слово здѣсь не пред-

ставляется основаній.—Посягающій на чужое: греческое слово, переведенное такъ у насъ, слово оригинальное, новое, неизвѣстное древнимъ грекамъ, и едва ли у насъ точно переводимое. Слово означаетъ человекъ, который самовольно присвоаетъ себѣ право, никѣмъ не уполномоченный, назирать за дѣйствіями ближнихъ, судить и рядить о нихъ, вообще вмѣшиваться въ чужія дѣла со своими непрошенными наставленіями, совѣтами, руководствомъ и т. п. Подобные, иногда несносные, люди съ качествами, которыя служатъ внутреннимъ основаніемъ подобнаго нелѣпаго дѣйствованія (ср. 1 Сол. 4, 11. 2 Сол. 3, 11. 1 Тим. 5, 13), могутъ подвергаться многимъ непріятностямъ, скорбямъ и страданіямъ, но это имъ и по-дѣломъ: такихъ не ублажаетъ Апостоль. Блаженный Теофилактъ такъ толкуетъ это слово: «тотъ, кто излишне любопытствуетъ о чужихъ дѣлахъ, чтобы имѣть поводъ къ злословію. Но такое занятіе свойственно душѣ нечистой, злодѣйственной и готовой на великое зло».—А если какъ христіанинъ и пр.: если кто, не имѣя за собой худыхъ дѣлъ, страдаетъ только за имя Христово, только потому, что онъ христіанинъ, то таковой не долженъ стыдиться за свои страданія. Страдающему за худыя дѣла стыдно; страдающему же за Христа не только нечего стыдиться, но онъ долженъ считать таковыя страданія за особую для себя честь и милость Божію, за которую долженъ прославлять Бога. Эта участь—завидная, достолюбезная, достойная того, чтобы благодарить и славить Бога за нее, а не стыдиться ея (ср. Дѣян. 5, 41).—Какъ христіанинъ: названіе христіанинъ, какъ видно изъ сего мѣста, было уже тогда довольно распространено (ср. Дѣян. 11, 26; 26, 28). Христіане безъ сомнѣнія считали за великую честь себѣ носить это наименованіе; но невѣрующіе называли такъ послѣдователей новой религіи въ поносномъ смыслѣ, считая его позорнымъ именемъ; въ устахъ евреевъ оно было равнозначительно названіямъ—еретикъ, суетвѣръ, бунтовщикъ; въ устахъ язычниковъ оно было почти то же, что безбожникъ.

17. *Яко время начати судъ отъ дому Божія: аще же прежде отъ васъ, кая кончина противящимся Божію Евангелію;*

18. *И аще праведникъ едва спасется, нечестивый и грѣшный гдѣ явится;*

17. Ибо время начаться суду съ дома Божія; если же прежде съ насъ начнется, то какой конецъ не покоряющимся Евангелію Божію?

18. И если праведникъ едва спасается, то нечистивый и грѣшный гдѣ явится?

Ибо время начаться суду и пр.: это новое основаніе для христіанъ терпѣливо и съ радостію переносить злословіе, скорби и страданія неповинно за имя Христово, не стыдиться ихъ и прославлять Бога за нихъ. При такомъ именно настроеніи духовномъ среди бѣдствій и страданій они могутъ имѣть надежду спастись отъ предстоящаго божественнаго суда, который всею своею тяжестію обрушится на невѣрныхъ, но начнется или начинается съ общества вѣрующихъ, проявлясь въ преслѣдованіяхъ, которымъ они подвергнутся и уже подвергаются со стороны невѣрныхъ. Среди вѣрующихъ судъ сей только начнется или начинается, падъ невѣрующими же разразится со всею силой, но вѣрующіе будутъ спасены отъ сего при томъ духовномъ настроеніи ихъ, на которое указываетъ или къ которому призываетъ ихъ Апостолъ.—Время: т.-е. наступать, приближается, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ выше сказано—близокъ всему конецъ (ст. 7); рѣчь идетъ о пришествіи Господа на судъ съ міромъ въ грозныхъ историческихъ событіяхъ того и послѣдующихъ временъ и о второмъ страшномъ пришествіи Его на судъ, образомъ или предзнаменованіемъ котораго служатъ грозныя историческія событія (см. Матѳ. 24 гл. и примѣч. и парал.).—Суду: судъ, какъ праведное воздаяніе за такой или другой образъ жизни и дѣятельности. «Судомъ или изслѣдованіемъ называется и скорби, причиняемая вѣрнымъ отъ нечестивыхъ, о наступленіи коихъ предвозвѣщаль Господь, говоря: будутъ отдавать васъ въ судилища и проч. Матѳ. 10, 17» (Θεοφил.). И въ царствѣ Божіемъ, въ обществѣ вѣрующихъ во Христа есть несовершенные члены, есть грѣшные; и сами

праведники, пока они въ этой жизни, не свободны отъ грѣховъ, а потому и они подлежатъ суду. Для нихъ этотъ судъ имѣетъ очистительное значеніе, къ оправданію и спасенію (1 Кор. 11, 28. 31. Евр. 12, 6 и дал.); это—судъ милости, для невѣрныхъ же это—судъ гнѣва, къ осужденію и наказанію, въ которомъ является не милующая, а карающая правда Божія (ср. Лук. 23, 30. Матѳ. 25, 41. Рим. 2, 5; 1 Сол. 1, 6).—Съ дома Божія: домъ Божій есть Церковь Христова или общество вѣрующихъ во Христа (1 Тим. 3, 5. Выше 2, 5). Что судъ Божій начнется съ дома Божія, это—еще ветхозавѣтное представленіе и ученіе (ср. Иерем. 25, 15—29. Исзек. 9, 6. Зах. 9, 6. Ам. 3, 2). То же—въ ученіи Господа (ср. Матѳ. 24, 9 и д. Лук. 21, 12 и д. сл. примѣч.). И въ домѣ Божіемъ, какъ и во всякомъ большемъ домѣ, есть сосуды къ чести и не къ чести (ср. 2 Тим. 2, 19—20); въ неводѣ царства Христова есть рыбы и хорошія и дурныя (Матѳ. 13, 47—48), и на полѣ царства Христова среди хорошей пшеницы есть и плевелы (Матѳ. 13, 24 и д.), и—вотъ судъ долженъ начаться съ очищенія дома Божія, невода Божія и поля Божія. Какъ при первомъ своемъ пришествіи Господь началъ дѣло свое въ Иерусалимѣ очищеніемъ дома Божія (Іоан. 2, 13 и д.), такъ и въ пришествіи на судъ, судъ сей начнется съ дома Божія. «Начинается судъ прежде съ дому Божія. Ибо, по словамъ Василія Великаго, мы естественно негодуемъ на домашнихъ своихъ, когда они провинятся предъ нами. А Богу свои суть не кто иные, какъ вѣрные, наполняющіе домъ Его, т.-е. Церковь» (Θеофил.).—Если же прежде съ насъ начнется и пр.: съ насъ, т.-е. съ дому Божія, съ Церкви Христовой. Если принадлежащіе къ обществу вѣрныхъ, избранныхъ, освященныхъ подвергнутся сему суду, какъ очистительному дѣйствию, то что же будетъ съ непокоряющимися Евангелію Божію (2, 8; 3, 20)? Отвѣтъ—подразумѣвается самъ собою: они подвергнутся осужденію и обречены будутъ на гибель. Не покоряющіеся суть невѣрующіе Евангелію или проповѣди евангельской, отвергающіе его и ее и по-

тому не принадлежащія къ Церкви Христовой, въ противоположность намъ, т.-е. вѣрующимъ, состоящимъ членами дома Божія—Церкви. Эту же мысль объ осужденіи и гибели не покоряющихся Евангелію Апостоль утверждаетъ и усиливаетъ словами ветхозавѣтнаго приточника (Притч. 11, 31, по переводу 70 толковн.): если праведникъ едва спасется и пр. Праведникъ, это—вѣрующій и добродѣтельный членъ дома Божія, нечестивый и грѣшный—то же что не покоряющійся Евангелію Божію. Едва спасается: съ усиленіемъ, съ трудомъ, чрезъ скорби и страданія достигаетъ спасенія или вѣчнаго блаженства. Вѣроятно Апостоль имѣлъ въ виду предреченія самого Господа о великихъ скорбяхъ и опасностяхъ, которымъ подвергнутся самые избранные (Матѣ. 24, 12. 13. 22. 24). Нечестивый и грѣшный гдѣ явятся: то же, что выше: какой конецъ непокоряющимся, какой исходъ, какая участь, какая судьба? Отвѣтъ опять подразумѣвается: осужденіе и гибель. Образъ выраженія, кажется, взятъ отъ того, что нечестивые уподобляются праху, егоже возметаетъ вѣтръ отъ лица земли (Псал. 1, 4. 5). Куда унесень будетъ этотъ прахъ бурей грознаго суда Божія? Въ геенну. «Смыслъ рѣчи (такимъ образомъ) таковъ: если праведникъ получаетъ спасеніе съ трудомъ и напряженіемъ (ибо царствіе небесное силой берется, и если кто получаетъ оное, то со многими скорбями, Матѣ. 11, 12; Дѣян. 14, 22), то какую долю получать проводящіе жизнь въ вѣгѣ и наслажденіяхъ,—нужно подразумѣвать—нечестивые, въ будущемъ вѣкѣ?... Нечестивый и грѣшный разнятся между собою тѣмъ, что нечестивый вовсе не признаетъ Бога, а грѣшный, имѣя вѣру въ Бога, презираетъ законъ Его. Впрочемъ и одинъ и тотъ же человекъ можетъ быть нечестивымъ и грѣшнымъ. Ибо совершая беззаконіе, онъ безъ сомнѣнія нечестуетъ, не помышляя во времв о бытіи Божіемъ. Пс. 9, 25» (Θεοφил.). Такъ судъ Божій, имѣющій начаться съ дома Божія, какъ очистительное средство для спасенія вѣрующихъ и праведныхъ, будетъ въ осужденіе и гибель непокоряющимся, нечестивымъ

и грѣшнымъ. Терпите же отъ нихъ злословія и страданія не стыдясъ, а съ радостію и благодарностію къ Богу: они за то подвергнутся осужденію и погибели (ст. 5), а вы, терпящіе отъ нихъ невинно, получите блаженство (ст. 13—14).

19. Тѣмже и страждущіи по воли Божіей, яко вѣрну заждите-лю да предадутъ души своя во благотвореніи.

19. Итакъ страждущіе по волѣ Божіей да предадутъ Ему, какъ вѣрному Создателю, души свои, дѣлая добро.

Итакъ страждущіе и пр.: заключеніе всего наставленія о терпѣливомъ перенесеніи огненнаго искушенія, т.-е. скорбей и страданій за имя Христова (со ст. 12). Если эти страданія и скорби, посылаемыя по волѣ Божіей, безъ которой ничто въ мірѣ не происходитъ, необходимы по планамъ божественной премудрости, и если они имѣютъ спасительное дѣйствіе на вѣрующихъ въ дѣлѣ ихъ нравственнаго усовершенствованія: то нужно совершенно предать себя Премудрому и Всеблагому и объ одномъ только при семъ нужно помышлять, чтобы дѣлать добро, не ослабѣвать въ этомъ дѣланіи и не дѣлать ничего такого, что противно праведному и святому Богу (ст. 15). Среди страданій творящіе добро и избѣгающіе зла могутъ быть увѣрены, что Тотъ, Кто попустилъ имъ страдать, содѣластъ то, что они возрадуются и восторжествуютъ въ явленіе славы Его (ст. 13).—Какъ вѣрному Создателю: Онъ виновникъ бытія всего сущаго и душъ человѣческихъ; Онъ вновь возсоздалъ души вѣрующихъ во Христа въ купели крещенія; Онъ и приведетъ предающихъ себя Ему къ общей цѣли созданія и возсозданія,—къ вѣчному блаженству въ единеніи съ Нимъ; тѣмъ болѣе въ этомъ можно быть увѣреннымъ, что Онъ вѣренъ Себѣ и Себя отрещись не можетъ (2 Тим. 2, 13), а потому свои обѣтованія исполнить точно, если только сами люди не измѣнятъ Ему. Образъ всецѣлой преданности души Богу показалъ самъ Господь Иисусъ Христосъ, Который, умирая въ тяжкихъ мученіяхъ, воскликнулъ: Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой (Лук. 23, 46).

Епископъ Михаилъ.

СИЛА ВЪРЬ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВ. ПРОРОКА ИЛИИ.

*И сіи вси послушествовани бывше
впрою, не пріяша обѣтованія: Богу луч-
шее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ
насъ совершенство примуть (Евр. 11,
39. 40).*

Празднуемый нынѣ великій пророкъ Илія словомъ своимъ заключалъ и отверзалъ небо, воздвигалъ мертвыхъ; онъ избѣжалъ всеобщаго закона смерти и на огненной колесницѣ взятъ былъ «яко на небо». Поразительныя знаменія! Но въ немъ не эти только знаменія разительны: дивитесь не чудодѣйственнымъ только знаменіямъ въ его жизни, дивитесь не только тому, что Илія заключалъ и отверзалъ небо: подивитесь лучше тому, какъ этотъ Освятянинъ, одѣтый милотію, безпріютный бѣднякъ, двигалъ цѣлый народъ, былъ судіей царей, приводилъ въ трепетъ сильныхъ земли. Вы дивитесь тому, что онъ воздвигалъ мертвыхъ и самъ избѣжалъ закона смерти: подивитесь же тому, какая въ немъ жила могучая сила, которой не могли одолѣть всѣ враждебныя силы міра. И такова жизненность этой силы, что ея не могло задуть тлетворное дыханіе безвѣрія, нечестія, испорченныхъ нравовъ, растлѣнныхъ обычаевъ современнаго ему поколѣнія. Огненная колесница, подъявшая его отъ земли, была только образомъ его огненнаго духа: его гнѣвъ противъ всеобщаго нечестія былъ какъ молнія, а его гнѣвное слово, не умолкая, гремѣло надъ нечестивцами, какъ громъ. Онъ

быль, такъ сказать, воплощенный судъ Божій. Что же это за сила, дѣйствовавшая въ этомъ дивномъ мужѣ? Это сила вѣры: она зажгла въ немъ пламень ревности къ славѣ Божіей; она зажгла въ немъ и огонь гнѣва противъ уничижителей славы Іеговы. Чему же дивиться, что онъ воскрешалъ мертвыхъ? Онъ могъ бы вдохнуть новую жизнь въ Израильскій народъ, еслибы этотъ народъ не былъ уже въ это время, къ сокрушенію пророка, живымъ трупомъ. Этотъ народъ давно уже утратилъ вѣру въ Іегову, какъ въ единого истиннаго Бога; онъ едва ли не забылъ, какъ Іегова «рукою крѣпкою и мышцею высокою» извелъ его изъ Египта, перевелъ чрезъ Черное море, водилъ по пустынѣ и ввелъ въ землю обѣтованія,—эти преданія давно превратились для него какъбы въ полу-миѳическія сказанія. Онъ поклонялся богамъ чуждымъ и на Іегову глядѣлъ, какъ на одного изъ многихъ боговъ. Онъ впалъ въ двоевѣріе, или лучше—въ состояніе близкое къ безвѣрію; онъ не вѣрилъ искренно ни въ Іегову, ни въ Ваала, и въ этомъ состояніи походилъ на живой трупъ, какъ это ясно выражается во время жертвоприношенія Іліи. Богъ, по его слову, собранъ народъ; пророкъ обращается къ нему съ упрекомъ, толпа молчитъ. Совершилось наконецъ чудо, небесный огонь пожегъ не только жертву, но и самую воду, и у толпы наконецъ развязался языкъ. «Іегова есть Богъ!» кричитъ пораженная толпа. Вы думаете, что это признакъ жизни? Ничуть не бывало: трупъ, т.-е. эта толпа, только потрясенъ знаменіемъ, подобно тому, какъ настоящій трупъ бываетъ потрясенъ и даже дѣлаетъ нѣкоторыя движенія, напоминающія живаго человѣка, пораженный электрическою искрой. Пользуясь наэлектризованностію толпы, пророкъ заставляетъ ее схватить своихъ развратителей, жрецовъ Вааловыхъ и, по закону Моисееву, избить ихъ. Но, сдѣлавъ это по мановенію пророка, какъ кукла, приводимая въ движеніе механикомъ, толпа опять погружается въ апатію и, по мановенію другой силы, готова опять служить Ваалу, и въ ней не нашлось на-

столько жизни, чтобы укрыть пророка отъ гнѣва взбѣшенной царицы. А что царь Ахавъ? И Ахавъ не красивѣе своего народа: онъ только и умѣетъ, что жаловаться жепѣ, которая есть единственная во всемъ этомъ стадѣ ~~живая, хотя и злая сила, потому что ее одушевляетъ вѣра, хотя и ложная.~~ Но эту силу она не въ этомъ стадѣ заняла, а принесла отъ своего народа. Итакъ царь стоитъ своего народа, а народъ стоитъ своего царя.

Не правда ли, что этотъ жалкій народъ—живой трупъ, который на то только и годится, чтобы сдѣлаться добычей волковъ и вороновъ? И скоро онъ будетъ сю: придетъ народъ, народъ варварскій, но свѣжій, жизненный, и растерзаетъ этотъ трупъ.

Итакъ въ Израильскомъ народѣ, вы, братіе, видите, потрясающій примѣръ того, что значитъ народъ, утратившій свою вѣру; а въ пророкѣ Иліи, напротивъ, вы видите величественный примѣръ неодолимой силы, какую даетъ человѣку вѣра. Еслибы весь народъ былъ похожъ на своего пророка, ему не страшень бы былъ цѣлый міръ. Люди, подобные Иліи, вѣрой побѣдили царства, содѣяли правду, заградили уста львовъ, угасили огненную силу, избѣгли острія меча, одолѣли немощь тѣлесную, были крѣпки въ браняхъ, обратили въ бѣгство полки чужихъ. Въ надеждѣ лучшаго воскресенія, пренебрегли смертію, руганіями, рагами, узами и темницею, мужественно вынесли пытки: побіеніе камнями, претреніе пилой; они, которыхъ не стоилъ весь міръ, терпя всякаго рода лишенія, скорбяще, озлоблени, скитались въ пустыняхъ, въ горахъ, жили въ вертепахъ и пропастьяхъ земныхъ.

Таковы были всѣ ветхозавѣтные патріархи и пророки. И эту силу давала имъ вѣра: «сіи вси послушествовали быша вѣрою». Но изображая подвиги древнихъ подвижниковъ, Апостоль, самъ величайшій изъ подвижниковъ вѣры, указываетъ въ древнихъ еще одну замѣчательную черту, которая, можно думать, ставить ихъ едва не выше новозавѣтныхъ подвижниковъ вѣры, даже Апостоловъ. «И

сія вси послушествовани бывше върою», говоритъ онъ и прибавляетъ: «не получиша обѣтованія, Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство примуть». Въ самомъ дѣлѣ какую новую цѣну придаетъ эта черта подвига дѣвнихъ, и безъ того великимъ! Мы новозавѣтные вѣруемъ въ Искупителя пришедшаго: они вѣровали въ грядущаго, котораго ~~не видали чувственными очами~~. Мы знаемъ исторически, кто нашъ Искупитель; мы, въ лицѣ Апостоловъ «видѣли славу Его, яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины»; они вѣровали въ Искупителя, Котораго образъ могъ рисоваться предъ ними только смутно, въ отдѣльныхъ чертахъ, потому что каждый изъ пророковъ указывалъ только отдѣльныя черты, которыхъ ~~и самъ не вполне понималъ~~. Зная Искупителя, мы знаемъ и способъ искупленія. Знаемъ, что Тотъ, Который есть «сіяніе и образъ Упостаси Божіей», ради нашего спасенія «пріялъ зракъ раба и былъ послушливъ даже до смерти и смерти крестной». Для нихъ же способъ искупленія былъ «сокровенною тайной». Наконецъ, зная Искупителя и способъ искупленія, мы видимъ и плоды искупленія: знаемъ, что Онъ для того и сошелъ на землю, «да насъ на небеса возведетъ»; для того и воскресъ и возсѣлъ одесную Отца, да и насъ воскреситъ съ Собой и «спосадитъ въ небесныхъ». Короче, мы знаемъ, что «ще съ Нимъ ~~сражемъ, съ Нимъ и прославимся~~». Но для ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ или совсѣмъ были невѣдомы эти великіе плоды искупленія, или вѣдомы въ недостаточной степени и притомъ для немногихъ. Итакъ мы видимъ и вѣруемъ: они напротивъ, по слову Спасителя, суть подлинно «блаженные», ибо ~~«не видѣли, но вѣровали»~~. Наконецъ замѣтимъ еще одну важную черту. Для насъ уже «небо отверсто» крестомъ Христовымъ, и мы, по смерти минуя преисподнюю, можемъ переходить въ небо, куда «о насъ предтеча Христосъ вниде»; они же всѣ должны были ~~сходить въ преисподнюю и цѣлыя столѣтія ждать освобожденія~~.

Такъ «Богъ лучшее о насъ предзрѣлъ, да не безъ насъ

совершенство примутъ». Но, «Господи, что же такое мы, яко помниши насъ», и что мы такое достойное совершили, что Ты «посѣщаешь насъ» своими щедротами? «Ты обрѣлъ насъ и не ищущихъ Тебе». Что же воздадимъ, братіе, Господеви о всѣхъ, яже воздаде намъ? Воздадимъ Ему живую, искреннюю, сердечную вѣру. Это одно, что мы можемъ принести Тому, Который «ни отъ рукъ человѣческихъ угожденія приемлетъ, требуя что», Который щетъ одного отъ насъ—сердца. «Сыне, вопіетъ Онъ,—даждь Ми сердце!» Соблюдемъ, чада вѣры, сокровище, завѣщанное намъ пророками и апостолами, «на основаніи которыхъ мы наздани». Иначе, если 'то-есть, «имуще толикъ облажаецъ насъ облакъ свидѣтелей, не потечемъ на предлежащій намъ подвигъ» вѣры, послѣ того какъ этотъ путь проложили и угладили для насъ пророки и апостолы то какой отвѣтъ дадимъ Богу? Поистинѣ останемся безотвѣтны. А если сохранимъ живую, сердечную вѣру, то съ нею придетъ и все прочее; она возжетъ въ сердцѣ нашемъ огонь любви къ Богу и ближнему, а огонь любви дастъ и пламень, ревности. И если не обрѣтется въ насъ силы Иліиной ревности, если не содѣлаемся такимиже смѣлыми обличителями, нечестія и неправды какимъ былъ онъ; то все-таки въ состояніи будемъ послужить дѣлу правды тѣмъ, болѣе легкимъ способомъ, какой указанъ намъ въ сегодняшнемъ Апостольскомъ чтеніи, именно: «заблудить ли кто изъ нашихъ братій отъ пути истины»,—словомъ кроткой любви, подкрѣпленнымъ примѣромъ нашей доброй жизни, будемъ обращать заблудшихъ на путь истины. Здѣсь нѣтъ опасностей, какимъ подвергались обличители-нечестія, а между тѣмъ безъ всякой опасности, безъ всякой потери для себя, сколько добра мы сдѣлаемъ! Ибо «вѣдайте, говоритъ Апостоль,—что обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти и покрываетъ множество грѣховъ», не только чужихъ, но и своихъ. Аминь.

Святц. Д. Державинъ.

ПАГУБНАЯ СИЛА СТРАСТЕЙ.

Слово въ день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.

Какую мрачную, возмутительную картину представляет событіе настоящаго дня! Среди пира окровавленная глава, — глава пророка, послѣдняго и величайшаго изъ пророковъ, который стоялъ одною ногою въ древнемъ, а другою въ новомъ мірѣ, который сосредоточилъ въ себѣ всѣ чаянія рода человѣческаго и положилъ ихъ у ногъ Чаемаго, — глава мужа, который былъ «свѣтильникомъ, горѣвшимъ и свѣтившимъ» въ послѣднія темныя времена дряхлаго міра; глава Предтечи, приготовлявшаго грядущему Мессіи царскій путь, мужа, удостоившагося возложить крещающую руку на Того, у Котораго онъ, по собственному своему сознанию, «недостойнъ былъ развязать ремня сандаліи» глава пророка, Предтечи и Крестителя. За что же подвергся такой насильственной смерти мужъ, котораго, по отзыву самого Христа, не было выше между рожденными отъ женъ? За то, что обличалъ неправду и нечестіе въ царѣ и обличеніемъ хотѣлъ спасти достоинство и честь царя. — Кто его убійцы? Убійць его много. Это во-первыхъ невѣстка царя Иродіада, добивавшаяся его смерти; потомъ дочь ея Соломія, безстыдная танцовщица, исторгнувшая у забывшагося царя безумную клятву и, по повелѣнію матери, потребовавшая головы Іоанновой; эго, далѣе самъ царь, давшій повелѣніе убить Іоанна; это наконецъ весь дворъ царя, всѣ сановники, изъ коихъ ни одинъ не поднялъ голоса противъ незаконнаго убійства. Убійцами Іоанна слѣдовательно былъ весь цвѣтъ народа, —

тотъ, который долженъ быть отцемъ и вождемъ народа, а за нимъ тѣ, которые считаются представителями народа, тѣ, на кого простодушный народъ смотритъ съ почетомъ, и кого обыкновенно ставятъ себѣ за образецъ, лица, украшенные громкими титулами. Что же довело царя до такого низкаго, позорнаго злодѣйства? Что сковало языкъ всѣхъ этихъ вельможъ и превратило ихъ въ раболѣпную и безгласную челядь? Страсти. Страсти вступили въ союзъ противъ своего обличителя. Страсть властолюбія—захотѣлось быть царицей—заставила Иродіаду бросить законнаго мужа, проводившаго частную жизнь, связаться съ деверемъ и добиваться смерти мѣшавшаго ей Іоанна. Страсть сластолюбія заставила царя вступить въ преступную связь съ невѣсткой, запретить обличителя въ темницу и наконецъ отдать его въ жертву Иродіады. Страсть мелкаго честолюбія сдѣлала изъ царскаго синклита низкую челядь, молча выслушавшую незаконный приговоръ. Слѣпымъ орудіемъ этихъ прокоубійственныхъ страстей сдѣлалась дѣвица, въ которой страсть блистать и прельщать убила всѣ благородныя чувства, всякое сознаніе своего достоинства. А страсть къ наслажденіямъ, къ пиршествамъ, къ пресыщенію, къ пьянству, разожгла, довела до точки кипѣнія всѣ эти страсти и произвела взрывъ, жертвой котораго сдѣлался Іоаннъ. А главная пружина, приведшая въ движеніе всю эту адскую машину страстей—Иродіада, сатана въ образѣ женщины, взявъ въ руки голову своего обличителя, смотрѣла на неѣ съ сатанинскою радостію.

Можно ли, братіе, представить болѣе отвратительную и мрачную картину? Представляетъ ли адъ что-нибудь болѣе ужасное? Такъ вотъ до чего доводятъ страсти: изъ человѣка, созданнаго по образу Божію, дѣлаютъ чудовище, нечадіе ада! А мы такъ легко смотримъ на развитіе страстей и такъ безопасно отдаемся имъ, а нѣкоторые мыслители считаютъ даже необходимымъ развивать страсти, какъ могучія пружины для всякой напряженной и благотворной дѣятельности. Да, точно, пока онѣ въ колыбели,

онѣ смотрятъ такими невинными и милыми младенцами. Но смотрите, бойтесь дать имъ вырости и уйти изъ колыбели. Въ Иродіадѣ страсть властолюбія и мстительность конечно казались сначала чувствомъ собственного достоинства. Страсть нравиться и прельщать, сдѣлавшая Соломію орудіемъ материнской злобы и игрушкою упившихся сотрапезниковъ, приводила въ восторгъ всю компанію и мѣшала видѣть ея пустоту. Корыстолюбецъ увлекается страстію къ наживѣ и не думаетъ, до чего она доведетъ его. Сначала онъ разборчивъ въ средствахъ наживы: онъ еще боится преступленія, стыдится низости, возмущается жестокостію. И всѣ смотрятъ благодушно на его дѣятельность. «Практическій человѣкъ, дѣлецъ, завидный женихъ; просто человѣкъ, какихъ мало», вотъ отзывы, какіе раздаются о немъ повсюду, и всѣ наперерывъ ищутъ знакомства съ нимъ. Но этотъ человѣкъ, какихъ мало, все развивается, все идетъ впередъ; страсть все разгорается, овладѣваетъ всѣми его способностями; нажива дѣлается цѣлію его жизни. Сперва онъ думалъ только объ обезпеченіи своего состоянія; но теперь онъ уже смѣется надъ этою скромною цѣлію, онъ уже хочетъ ослѣплять своимъ богатствомъ и ему мало уже всѣхъ сокровищъ міра. Богатство становится для него идоломъ, Молохомъ, для котораго сожигается все святое. И вотъ онъ, сначала стыдившійся низости, боявшійся преступленія, возмущавшійся жестокостію, теперь ничего не стыдится и ничего не боится, кромѣ одного—быть пойманнымъ въ своей преступной дѣятельности, и не останавливается ни предъ какою жестокостію, съ спокойною совѣстію дѣлается піявкой, сосущою кровь бѣдняковъ. Государственное банкротство, истощенная казна, разоренный, отъ пьянства народъ, истощенныя и заброшенныя поля, истребленные лѣса, тысячи могилъ воиновъ, погибшихъ не отъ меча враговъ, а отъ голода и холода—вотъ плоды корыстолюбія, котораго въ колыбели глядѣло такимъ невиннымъ ребенкомъ. Сластолюбецъ начинаетъ съ такъ пазываемыхъ невинныхъ удовольствій; но мало-по-малу, втягиваясь въ сласто-

любивую жизнь, онъ переступаетъ мѣру. Начинаетъ бѣгать отъ труда, самое легкое дѣло уже утомляетъ его; онъ пренебрегаетъ своими обязанностями; наслажденіе становится единственною цѣлію его жизни; одна у него забота— придать какъ можно болѣе разнообразія своимъ наслажденіямъ. Онъ съ ненасытною пьетъ изъ чаши удовольствій и въ какихъ-нибудь 30 лѣтъ превращается въ отвратительную развалину человѣка. Похоть, кака солитеръ, все сосетъ, все требуетъ пищи, а истощенный организмъ отказывается служить. Разоренная семья, обольщенные и брошенные дѣвицы, дѣти, не знающія отцовъ, вертены разврата, гдѣ въ честь Венеры, какъ нѣкогда въ честь Астарты, кому угодно продается дѣвическая непорочность и гдѣ погибають и физически и нравственно тысячи женщинъ, когда-то красовавшихся и здоровьемъ, и непорочностію, а теперь превратившихся въ отвратительныя, полусгнившія и безстыдныя твари,—вотъ плоды любострастія, которое въ колыбели казалось такимъ невиннымъ младенцемъ.

Такъ-то, братіе, страсти, если дать имъ волю, убиваютъ въ человѣкѣ все доброе и превращаютъ его въ чудовище, подобное тѣмъ, какихъ представляетъ намъ евангельская исторія въ лицѣ убійцъ Иоанновыхъ, разрушаютъ семью, общество и пожирають самого раба страстей. Вотъ почему слово Божіе повелѣваетъ «распинать плоть со страстями и похотями». Не самолюбіе, источникъ страстей и похотей, а любовь къ Богу и ближнимъ должна быть пружиною нашей дѣятельности. Развивайте въ себѣ любовь и въ этомъ направленіи воспитывайте себя и своихъ дѣтей. Главною задачей жизни поставьте служеніе Богу и ближнимъ. Помните сами и внушайте дѣтямъ, что жизнь—подвигъ; поэтому трудъ на пользу общества да будетъ пищею вашею, а удовольствія только приправой. Аминь.

Свящ. Д. Державичъ.

СВ. МУЧЕНИКЪ ЕВСИГНІЙ, КАКЪ ОБРАЦЪ ЛЮБВИ КЪ СВОЕМУ ЗВАНІЮ.

5-го августа св. Церковь празднуетъ память св. мученика Евсигнія. Св. мученикъ Евсигній былъ родомъ изъ знаменитаго въ свое время города Антіохіи Сирійской, служилъ въ воинскомъ званіи при нѣсколькихъ римскихъ царяхъ. Онъ описалъ страданія св. мученика Василиска, и бывши въ полку, вмѣстѣ со св. Константиномъ Великимъ видѣлъ на небѣ святой крестъ, слитый изъ звѣздъ, съ надписью на немъ греческими буквами, слитыми изъ звѣздъ: «симъ побѣждай». Цѣлыхъ 60 лѣтъ прослужилъ онъ въ воинскомъ званіи. Послѣ того, возвратившись на родину, онъ занялся приготовленіемъ себя къ вѣчности, проводилъ жизнь въ молитвѣ и постѣ и дожилъ до царствованія Юліана отступника. Однажды Юліанъ императоръ, обзрѣвая свое царство, прибылъ въ Антіохію, гдѣ жилъ Евсигній. Случилось въ это время Евсигнію проходить въ церковь; на дорогѣ встрѣтилъ онъ двухъ язычниковъ, ссорившихся и спорившихъ между собой; они остановили Евсигнія, и какъ человека опытнаго и уже убѣденнаго сѣдинами, просили разрѣшить ихъ споръ. Святой разрѣшилъ споръ по совѣсти; тогда оставшійся виноватымъ разсердился на Евсигнія, пошелъ къ царю и донесъ на Евсигнія, что онъ христіанинъ. Юліанъ царь, какъ боготступникъ, христіанъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ. Евсигнія позвали къ царю, но онъ не испугался этого, а смѣло сталъ обличать царя въ богоотступничествѣ, царя обличалъ, а христіанскую вѣру и Константина Великаго, какъ распространителя и по-

кровителя этой вѣры, восхвалялъ и превозносилъ. За все это царь Юліанъ велѣлъ отсѣчь Евсигнію голову. Онъ скончался ста десяти лѣтъ.

Шестьдесятъ лѣтъ Евсигній служилъ въ воинскомъ званіи. Какое терпѣніе! Сколько любви къ своему званію! Только тогда окончательно оставляетъ его, когда его силы оставляютъ. Какой назидательный урокъ и для насъ въ этомъ! У насъ многіе не любятъ свое званіе, бѣгутъ отъ него, поносятъ его. Жестоко ошибаются такіе люди. Всякое званіе почтенно. Всякое званіе въ государствѣ необходимо и во всякомъ званіи можно быть и счастливымъ и полезнымъ, заслужить любовь и уваженіе. Не званіе насъ возвышаетъ и унижаетъ, а мы званіе или возвышаемъ или унижаемъ, смотря по тому, какъ ведемъ себя въ немъ. Ты званія простаго, но если ты честенъ, благороденъ, трезвенъ и разсудителенъ, сострадателенъ и богобоязливъ, кто же дозволить себѣ презрительно отнестись къ тебѣ? Напротивъ не почтутъ ли тебя и свои и чужіе, и не почтутъ ли неліцемерно и больше, чѣмъ того, который принадлежитъ къ званію высшему, но далеко уступаетъ тебѣ по нравственнымъ качествамъ? Извѣстны намъ имена Минина, Сусанина; они были изъ простолюдиновъ, но за общепользныя дѣянія ихъ преклоняется предъ ними, чтитъ ихъ вся Россія. Званіе не помѣшало имъ быть великими, они составляютъ славу, красоту своего званія, къ которому принадлежали. Свободенъ выходъ изъ званія въ другое, но выходи каждый не по презрѣнію къ званію, безъ хулы и озлобленія противъ него. Напротивъ, когда достигнешь высшаго званія, не забывай свое прежнее, и старайся чѣмъ-нибудь быть полезнымъ ему.

Многіе жалуются на трудность обязанностей въ своемъ званіи. Но гдѣ же, въ какомъ званіи можно обойтись безъ трудовъ, безъ скорбей, если захочешь какъ должно исполнить свой долгъ, къ которому призванъ? Я—пастырь духовныхъ овецъ, мои обязанности великія, меня совѣсть постоянно обличаетъ за опущенія, мнѣ предстоитъ тяжкая

ответственность за каждую душу, погибающую по моему нерадѣнію. Но мнѣ ли одному такъ? А суди, отъ котораго зависитъ участь подсудимыхъ, положимъ и временная, развѣ легко? А учителю-труженику, а занимающемуся дѣлами промышленности и торговли, обязанному соблюдать строгую честность, а ремесленнику, которому недѣльнаго заработка едва достаетъ на содержаніе семьи его, всѣмъ таковымъ безъ труда, безъ скорбей, безъ пожертвованій развѣ обойтись можно? «Многими скорбями подобаетъ внити въ царствіе Божіе». И гдѣ бы вы ни служили, къ какому бы званію ни принадлежали, чѣмъ бы ни занимались, вездѣ огорченія, непріятности, труды и скорби.

«Но я зависимъ отъ другихъ, я въ подчиненіи, я постоянно въ страхѣ, я долженъ только работать и служить другимъ». Но все это развѣ униженіе? Не всѣмъ быть и не всѣ способны быть начальниками, но всѣ должны другъ другу служить тѣмъ даромъ, какой получили отъ Господа. Не одна корысть, но наипаче любовь христіанская требуетъ этого. Унизительно служить? А какъ же Апостолы всю жизнь отдали на служеніе ближнимъ? А тяготились ли они этимъ? Считали ли для себя униженіемъ свое служеніе человѣчеству? Ихъ міръ попиралъ, въ глазахъ его они были отребіемъ; но отъ этого не унывали, напротивъ съ великою радостію исполняли свое дѣло. А Спаситель начальствовать ли приходилъ въ міръ? Нѣтъ, Сынъ Человѣческой, какъ самъ Онъ говорилъ, не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупленія многихъ (Мѡ. 20, 28). Послѣ этого кому же можетъ быть унизительнымъ служеніе другимъ?

Трудно, не по силамъ подъ часъ бываетъ проходить свою службу, люди не цѣнятъ твоего служенія? Это другое дѣло. Трудно? Обрати свою службу въ служеніе Господу, не людямъ служи, а Господу въ лицѣ ихъ, исполняй свое дѣло, какъ поставленный на него самимъ Господомъ,—и твой трудъ облегчится, ты будешь служить съ любовью, безъ ропота. Развѣ можно безъ любви служить Тому, Кто

насъ возлюбилъ паче всего, Кто за насъ душу, жизнь свою отдалъ?—Люди не цѣнятъ? Пусть. Воздастъ тебѣ Господь, предъ очами Котораго ты работаешь. Онъ всевѣдущій, Онъ читаетъ мысли и намѣренія наши въ глубинѣ сердець нашихъ. У Него нѣтъ лицепріятія. За дѣло любви Онъ заплатитъ любовію. «Любляй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ» (Іоан. 14, 21).—Силъ мало? У Того же Господа попросимъ силъ. Онъ Всемогущій, Онъ Источникъ и подаватель силы. Онъ Помощникъ труждающимся и обремененнымъ. И Онъ ли не поможетъ труждающимся ради Его, во имя Его, по любви къ Нему? «Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка», говорилъ Онъ, возносясь на небо.

Итакъ, братіе, не стыдитесь своего званія, въ которомъ вы родились, въ которомъ вы трудитесь. Богъ указалъ вамъ быть въ этомъ званіи, въ этомъ положеніи. А Богъ лучше нашего знаетъ, кому что нужно, и что полезно, и кто гдѣ самъ можетъ быть полезнѣе для другихъ. Не будемъ тяготиться тѣми трудами, которые мы исполняемъ. Обратимъ лучше ихъ въ труды для царствія Божія, будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на труды, чрезъ которые должно совершиться наше спасеніе. И все будемъ обращать на пользу души своей. Тогда и легокъ и пріятенъ, и спасителенъ будетъ всякій честный трудъ нашъ.

Свящ. П. Шумовъ.

СВ. СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЪ АЛЕКСАНДРЪ ЕПИСКОПЪ КОМАНСКІЙ, И НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ТОМЪ, КАКЪ ГРѢШНО СМѢЯТЬСЯ НАДЪ ДРУГИМИ.

21-го августа между другими святыми св. Церковь празднуетъ память св. мученика Александра, епископа Команскаго. Въ то время, когда жилъ Григорій Неокесарійскій чудотворецъ, близъ Неокесаріи, въ Команѣ жилъ одинъ благочестивый человѣкъ, по имени Александръ. Онъ питался трудами рукъ своихъ, былъ угольщикомъ. Онъ выжигалъ уголья и продавалъ ихъ на торгу; одежда его была черна и всѣ звали его угольщикомъ. Случилось, что въ г. Команѣ скончался епископъ. Тогда жители города послали въ Неокесарію къ св. Григорію съ просьбой придти къ нимъ, избрать и поставить епископа. Св. Григорій пришелъ, но не спѣшилъ выборомъ и ждалъ извѣщенія отъ Господа. Бесѣдуя съ жителями города, онъ напомнилъ народу, какъ Господь избралъ Давида, и говорилъ, что при избраніи не надобно смотрѣть на внѣшность, но на внутреннее достоинство человѣка. Эти слова св. Григорія были нѣкоторымъ непріятны; одни хотѣли избрать святителя изъ благородныхъ, другіе изъ богатыхъ. Эти недовольные словами св. Григорія стали смѣяться и сказали: если при избраніи епископа не смотрѣть на внѣшній видъ, то пусть будетъ избранъ и поставленъ епископомъ Александръ угольщикъ. Тогда и прочіе стали смѣяться. Но св. Григорій подумалъ: не безъ Божія промысла вспомнили сего человѣка, надъ которымъ всѣ смѣются. Св. Григорій велѣлъ привести Александра. Когда привели его въ собраніе, то

поднялся всеобщій смѣхъ. Но св. Александръ не обращалъ вниманія на смѣющихся. Тогда св. Григорій позналъ въ немъ благодать Божию и, отведавъ его въ особое мѣсто, просилъ его сказать о себѣ всю истину. Св. Александръ сказалъ святителю, что онъ прежде былъ философъ, то-есть занимался ученостію, могъ имѣть богатство и славу, но Бога ради принялъ добровольную нищету и смиреніе. Св. Григорій сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ по священному писанію, и онъ оказался весьма свѣдущимъ въ немъ. Потомъ велѣлъ вести его въ свое жилище, омыть, одѣть въ хорошія одежды и привелъ въ собраніе. Когда св. Александръ предсталъ собранію въ свѣтлой одеждѣ, то всѣ едва узнали его. Св. Григорій уже при всѣхъ сталъ дѣлать ему вопросы изъ священнаго писанія. Онъ отвѣчалъ благоразумно; тогда всѣ увидѣли его великую образованность и удивлялись, что такой человекъ, утаивъ въ себѣ мудрость, жилъ посреди ихъ, какъ простой и неученый. Всѣ съ радостію изъявили согласіе имѣть его епископомъ. Св. Григорій посвятилъ его въ этотъ санъ и повелѣлъ ему сказать поучительное слово народу. Проповѣдь св. Александра умилела всѣхъ; всѣ были рады такому пастырю. Въ царствованіе Діоклитіана, во время гоненія на христіанъ, св. Александръ былъ принуждаемъ язычниками къ идолопоклонству; но святитель не отвергся Христа; язычники мучили его и бросили въ огонь, въ которомъ онъ и скончался за Господа.

Такъ жестоко ошибались жившіе съ св. Александромъ! Подвергали осмѣянію того, кто достоинъ былъ всякаго почитенія, презирали того, кто по своей добродѣтели былъ выше всѣхъ ихъ, кого Духъ Святый за мудрость и смиреніе готовилъ и поставилъ въ пастыри для нихъ. Такъ опасно смѣяться надъ кѣмъ бы то ни было. Можно впасть въ тяжкую ошибку и послѣ придется жестоко раскаиваться. Можно по невѣдѣнію такимъ образомъ оскорбить человека съ истиннымъ достоинствомъ, который можетъ служить украшеніемъ общества; можно наконецъ подвергнуть

осмѣянію такое лице, къ которому въ послѣдствіи осмѣявшему его придется припасть съ какою-нибудь нуждой и просьбой. И какъ часто это бываетъ! Тотъ, надъ которымъ смѣялись, котораго нѣкогда ставили ни во что, этотъ человѣкъ возвышается Богомъ, становится впереди другихъ, занимаетъ высокое мѣсто, всѣ къ нему идутъ, ищутъ у него защиты, помощи, покровительства. И весьма нерѣдко для великихъ дѣлъ Господь избираетъ буйныхъ и худородныхъ міра сего, чтобы посрамить мящихся быти мудрыми и великими. Очень часто за смиреніе Господь высоко поставляетъ людей, чтобы знали всѣ, что смиреніе есть истинный путь къ возвышенію, что оно наипрїятнѣйшая Богу добродѣтель. А какой великій грѣхъ насмѣхаться надъ другими! Хамъ посмѣялся надъ отцемъ, небрежно спавшимъ, и за то лишился его любви и благословенія. Лишившись благословенія родительскаго, лишился чрезъ то и Божіей любви и благословенія,—самъ лишился, лишилъ своимъ поступкомъ и потомковъ своихъ, которые и доселѣ влачатъ жизнь въ рабствѣ у другихъ народовъ. Мальчики Веилльскіе вздумали посмѣяться надъ Елисеемъ, человѣкомъ Божіимъ, конечно по невѣдѣнію, что онъ пророкъ и избранникъ; но такъ какъ и надъ всякимъ человѣкомъ весьма грѣшно смѣяться, то тутъ же по слову Елисея выбѣжали изъ лѣса двѣ медвѣдицы и истерзали сорокъ мальчиковъ. Христа Спасителя подвергали всевозможнымъ осмѣяніямъ іудей, желая тѣмъ унижить, обезчестить Его, сравнять съ самыми послѣдними людьми. И смотрите, что за это испытываетъ 19 столѣтій этотъ несчастный народъ! Самъ сталъ притчей во языцѣхъ, предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія у всѣхъ народовъ. Да и какъ безнравственно смѣяться надъ другими! Смѣяться надъ разумнымъ созданіемъ Божіимъ, надъ своимъ собратомъ, купленнымъ одною и тою же кровію Христа, осыпаннымъ, такъ же какъ и я, дарами любви Божіей, надъ собратомъ, котораго я долженъ любить, какъ самого себя, за котораго по заповѣди Спасителя я долженъ быть готовымъ

жизнь свою положить,—такое поведеніе не служить ли явнымъ признакомъ жестокости сердца, черствой души, величайшаго самолюбія и богопротивной гордости? Смиренный и сострадательный позволить ли себѣ не только посягаться, даже одно слово оскорбительное сказать? Я самъ немощный и грѣшный человѣкъ, скажетъ онъ: какъ я буду смѣяться надъ другимъ? Онъ по немощи впалъ въ ошибку; онъ, Богъ дастъ исправится, онъ по неразумію своему поступаетъ достойно смѣха; да не будетъ онъ осужденъ мною, да не дерзну износить слово смѣха надъ тѣмъ, который достоинъ состраданія, сожалѣнія, попеченія о себѣ съ моей стороны. Такъ скажетъ человѣкъ, руководствующійся духомъ любви Христовой. «Любы, говоритъ Апостоль,—вся терпитъ, любы не превозносится, не гордится, не ищетъ своихъ си» (1 Кор. 13, 3. 4). Ахъ, братіе, если бы мы имѣли истинную христіанскую любовь, то ни у кого бы не раскрылись уста для насмѣшекъ и поруганій; слова мира, снисхожденія, доброжелательства—вотъ что исходило бы всегда изъ устъ нашихъ. Святой священномучениче Александре! Помолись, чтобы между нами жила одна любовь.

Свящ. П. Шумовъ.

О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ДИМИТРІѢ,

АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКОМЪ И ОДЕССКОМЪ, БЫВШЕМЪ
РЕКТОРЪ И ПРОФЕССОРЪ АКАДЕМІИ.

Воспоминанія студента 14-го курса Кіевской Академіи.

Незабвенный для Кіева, особенно для здѣшней духовной Академіи, какъ ея воспитанникъ и затѣмъ профессоръ и ректоръ, преосвященный Димитрій (Муретовъ) родился въ селѣ Лучинскомъ, Рязанской епархіи. Родитель Климента (имя, данное ему въ крещеніи) Муретова былъ въ означенномъ селѣ діакonomъ. О воспитаніи Климента Муретова въ Рязанской духовной семинаріи извѣстно намъ изъ устъ самого архіепископа Димитрія вотъ что: «я въ семинаріи много плакалъ, такъ что и прозваніе носилъ: плакса». Грустное настроеніе души чувствительнаго юноши миновало съ поступленіемъ его въ Кіевскую духовную академію въ 1831 году и надолго оставило его, какъ самъ же рассказывалъ о семъ намъ владыка Димитрій: «съ поступленія моего въ академію и до выхода изъ академіи на архипастырское служеніе, плакать я пересталъ. Но сдѣлавшись архіереемъ, снова горько плачу». Какія причины этого горькаго плача незабтеннаго іерарха, услышимъ далѣе.

Климентъ Муретовъ былъ лучшимъ изъ воспитанниковъ академіи и окончилъ курсъ 1835 году 1-мъ магистромъ. Тогдашній ректоръ академіи и богословія профессоръ преосвященный Иннокентій (Борисовъ) любилъ и уважалъ достойнаго уваженія студента. Говорили, что по совѣту Ин-

нокентія и въ монашество поступилъ Климентъ Муретовъ и что давая такой совѣтъ юношѣ, Иннокентій желалъ въ немъ имѣть себѣ достойнаго преемника въ качествѣ профессора Богословія. Принимая сей рассказъ за достойный вѣроятія, вмѣстѣ съ тѣмъ должно признать и то за правду, что еслибы не было внутренняго призванія къ высокой жизни иноческой въ душѣ Муретова, не послѣдовалъ бы онъ совѣту воспитателя. Климентъ принялъ монашество еще до окончанія курса и предъ окончаніемъ курса написалъ такое богатое христіанско-аскетическимъ содержаніемъ курсовое сочиненіе, которое каждому читателю его даетъ примѣтить, что его писатель изъ благочестивыхъ ~~благочестивый богословъ~~. Оно напечатано вмѣстѣ съ курсовыми сочиненіями другихъ магистровъ того же курса (VII). За это сочиненіе удостоенъ былъ о Димитрій степени 1-го магистра и похвальнаго отзыва отъ преосвящен. Филарета митрополита московскаго: «Добрѣ, добрый о. Димитрій!» Предметъ сочиненія: *О путяхъ Промысла Божія въ обращеніи грѣшниковъ на путь покаянія*, предметъ весьма интересный. Въ изложеніи же о. Димитрія онъ сталъ еще интереснѣе. Множество собранныхъ изъ церковной исторіи фактовъ обращенія грѣшниковъ, указанія на разнообразіе дѣйствій въ сихъ событіяхъ Всеблагаго и Премудраго Бога Спасителя, святое искусство, съ какимъ авторъ сочиненія весь собранный имъ богатый матеріалъ духовной жизни освящаетъ живою мыслию о Вседержавномъ и Преблагомъ Промыслѣ Божіемъ и какъбы показываетъ читателю самого Господа, нехотящаго смерти грѣшныхъ, но сже обратится и живымъ быти,—все это показывать въ писателѣ сочиненія не только глубокаго и основательнаго богослова, но и искренняго христіанина и высокаго подвижника, и вы отъ сердца пожелаете повторить отзывъ о сочиненія приснопамятнаго Филарета, митрополита московскаго: «Добрѣ, добрый о. Димитрій!»

По окончаніи курса о. Димитрій оставленъ былъ при академіи бакалавромъ на кафедрѣ Догматическаго бого-

словія съ 7-го октября 1835 года. А 6-го сентября 1837 года, какъ отличный преподаватель, минуя экстраординатуру, повышенъ въ званіе ординарнаго профессора Богословія. Изъ жизни о. Димитрія за это время извѣстны намъ такіе факты. Разъ, наканунѣ большаго царскаго дня, пресвященный Иннокентій, призвавъ о. Димитрія, поручилъ ему составить на утро проповѣдь для произнесенія ея въ Лаврѣ на служеніи митрополита, такъ какъ очередная, представленная кѣмъ-то Иннокентію проповѣдь не оказалась достойною произношенія. О. Димитрій по выходѣ отъ владыки-ректора изъ Михайловскаго монастыря на дорогѣ обдумалъ планъ проповѣди. Въ ночь написалъ. На утро чуть-свѣтъ къ Иннокентію. Сей, не просмотрѣвъ, замѣчаетъ: «знаю, что проповѣдь ваша хороша. Шествуйте и благовѣствуйте». Въ смущеніи восходитъ на каеэдру юный священноинокъ и произноситъ текстъ начальный проповѣди: *и будутъ, Сионе, царіе кормители твои, и князици ихъ кормилицы твои* (Иса. 49, 23); но замѣчая въ публикѣ возбужденіе вниманія, ободряется. Произнесши проповѣдь и сходя съ каеэдры, слышитъ себѣ слова благодарности отъ слушателей.—Другой фактъ изъ жизни о. Димитрія за это время. Сдѣлавшись библіотекаремъ верхней библіотеки академической (устроенной на галлерейхъ зала акад. библ. въ новомъ корпусѣ), онъ зачитывался такъ, что забывалъ и часы обѣда, и нерѣдко усыпалъ въ библіотекѣ. Все время службы его при академіи, жизнь его, сколько наблюдали мы студенты, проходила такъ. Въ три часа утра о. Димитрій вставалъ съ постели; по звону въ это время къ утренѣ въ Братскомъ монастырѣ, шелъ въ церковь и выслушивалъ утреню, оставался слушать и раннюю литургію. Послѣ утренняго чая шелъ въ правленіе, изъ правленія въ классъ. Въ 1-мъ часу кушалъ. Послѣ обѣда отдыхалъ до 3-хъ часовъ. Ложился спать не ранѣе 12-ти часовъ. Но часто не спалъ по цѣлымъ ночамъ, проводя ихъ въ чтеніи книгъ до самаго звона къ утренѣ. И вообще о. Димитрій проводилъ строго подвижническую жизнь, ~~носа на~~

тѣлѣ своємъ власяницу и довольствуясь скромною трапезою; никогда не принималъ женщинъ. Подражая кievскому митрополиту Филарету, который по разсказу о. Димитрія намъ, любилъ милостыни совершать втайнѣ, и о. Димитрій благотворилъ бѣднымъ сокровенно. Въ то время подвизался при свято-Андреевской въ Кіевѣ церкви рабъ Христовъ Іоаннъ, по прозванію *Босый* (который, сказывали, происходилъ изъ высокаго княжескаго рода). Этотъ Іоаннъ каждодневную предлагалъ трапезу нищимъ при Андреевской церкви отъ приношеній, подававшихся ему на сіе отъ благочестивыхъ нѣкоторыхъ изъ кievлянъ и отъ иногородныхъ христіанцевъ. До сотни человекъ собиралъ боголюбивый и христіанлюбивый нищелюбецъ. Его-то любилъ посѣщать о. Димитрій ~~каждоседмично~~ по четвергамъ и конечно не безъ подаеній на доброе дѣло блаженнаго подвижника сего.

4 февраля 1838 года о. Димитрій сдѣланъ былъ инспекторомъ академіи. 27 апрѣля 1841 года возведенный въ санъ архимандрита, получилъ должность ректора Академіи и прослужилъ въ этой должности около 10 лѣтъ до 23 декабря 1850 года, когда назначенъ былъ въ епископа Тульской епархіи, въ каковой санъ былъ хиротонисанъ 4 марта 1851 года. Свыше 15-лѣтняя служба его въ академіи оставила въ ней глубокой слѣдъ. Начнемъ съ того, что онъ имѣлъ значительное воспитательное вліяніе на студентовъ и на народъ благоустроеніемъ богослуженія. Службы въ академическихъ храмахъ совершаемы были при немъ такъ, какъ онѣ совершаются и донинѣ во всѣхъ строгихъ нашихъ монастыряхъ: прочитываемы были положенные по уставу ~~псалмы и каноны~~. Совершители богослуженія вели себя благоговѣнно. Пѣніе исполняемо было прекраснымъ академическимъ хоромъ, состоявшимъ изъ студентовъ академіи и учениковъ духовнаго училища Кіево-Подольскаго, съ участіемъ и любителей пѣнія изъ профессоровъ. Чтенія на клиросахъ совершаемы были студентами внятно и разумно. Особенно намъ сладостно становилось богослуженіе, когда совершалъ оное самъ нашъ о. Димитрій.

При богослуженіи ректора мы не отягощались и такими продолжительными церковными моленіями, какъ напримѣръ утренняя четвертка 5-й седмицы в. поста. Надобно было слушать, какъ читалъ великій канонъ Андрея Критскаго о. Дмитрій, чтобы уразумѣть всю силу, все достоинство сей превосходной покаянной пѣсни-молитвы, этого сокрушеннаго вопля къ щедрому Богу о помилованіи искренно кающагося въ грѣхахъ своихъ. По субботамъ každонедѣльно неутомимый ректоръ нашъ предъ литургіей прочитывалъ предъ Братскою, чудотворною иконой Богоматери положенный акаѳистъ Приснодѣвѣ. Въ промежуткахъ между лекціями и мы студенты спѣшили въ храмъ, выслушать изъ медоточивыхъ устъ священно-архимандрита небесную пѣснь Честнѣйшей херувимовъ: «радуйся, Невѣсто Невѣстная». Помняще доселѣ архимандрита Братскаго монастыря Дмитрія кievляне говорятъ, что поражалъ онъ и наружностію своею: о. Дмитрій росту былъ высокаго, брjнетъ, съ большими выразительными глазами; волосы на головѣ имѣлъ густые, бороду большую и окладистую. Подлинно нельзя было не любоваться на о. Дмитрія, особенно когда онъ священнодѣйствовалъ Божественную литургію съ принадлежностями архіерейскаго богослуженія, усвоенными архимандритамъ Братскаго монастыря, какъ первокласснаго и ставропигіальнаго. Въ наше время, когда были мы студентами академіи, о. Дмитрія въ народѣ кievскомъ звали не иначе, какъ *Братскій архіерей*.

Какъ профессоръ, о. Дмитрій былъ достойнымъ премникомъ Иннокентія. Весьма замѣчательно въ немъ, какъ профессорѣ, всестороннее знаніе не только своего предмета, но и другихъ, не относящихся къ его кафедрѣ. Когда какой-либо изъ наставниковъ академіи не могъ быть на урокъ своемъ по болѣзни, или по другимъ какимъ обстоятельствамъ, ректоръ замѣнялъ его въ классѣ самъ. Особенно часто это замѣненіе преподавателя ректоромъ было въ курсы, предшествовавшіе нашему. И по увѣренію воспитанниковъ тѣхъ курсовъ (напримѣръ протоіерея кiev-

ской Георгіевской церкви о. Ѳ. П. Мысловскаго, недавно скончавшагося), студенты изумлялись огромной учености профессора-ректора; каждый предмет читалъ онъ такъ, какъ бы это былъ предметъ собственной его катедры. Намъ же студентамъ послѣдняго выпуска, Димитріемъ завершенаго (1845—1849 г.), приходилось также удивляться многосвѣдущему уму нашего ректора, при производствѣ имъ нашихъ полугодичныхъ и годичныхъ испытаній. Тогда въ ректорѣ-экзаменаторѣ видѣли мы, кромѣ высокаго богослова, также великаго философа, и математика, и физика, и астронома, и историка. Что касается его отношеній къ экзаменуемымъ студентамъ, это были отношенія истиннаго отца къ дѣтямъ. Не говоря о снисходительности о. ректора къ отвѣтамъ слабымъ, довольно упомянуть о его мягкомъ отношеніи къ студентамъ, вовсе не отвѣчавшимъ на экзаменахъ. «Скажите мнѣ о философіи греческаго Платона», предложилъ ректоръ вопросъ экзаменуемому по исторіи философіи, студенту С. Когда сей мало занимавшійся науками студентъ ничего не сказалъ на предложенный вопросъ, ректоръ замѣтилъ ему: «вы думаете, прочитаться въ академіи можно даже такъ, чтобы и о Платоновой философіи даже не вѣдать»; но на какихъ нареканій на бѣдняка-студента за его незнаніе отъ ректора затѣмъ не послѣдовало. Другому студенту на томъ же экзаменѣ пришлось говорить о мегарской школѣ учениковъ Сократовыхъ, и вотъ нашъ другъ И. А. К. началъ: «Мегарики»; подумавъ продолжалъ:—Мегарики.. и затѣмъ послѣ продолжительной паузы снова:—Мегарики.. и затѣмъ замолчалъ. — «Что же Мегарики? улыбнувшись спросилъ о. ректоръ:—должно быть ихъ философія такъ трудна, что вы ни слова не можете о ней промолвить. Довольно!». Но не выведи, читатель, изъ сихъ рассказовъ о нашихъ грѣхахъ невѣдѣнія заключенія, будто въ академіи были все незнайки. Нѣтъ; и по столь трудному предмету, каковъ Исторія философіи, воспитанники время Димитрія оказывались многіе образцовыми знатоками. Такъ напри-

мѣръ однажды на экзаменѣ, производимомъ митрополитомъ Филаретомъ, одинъ изъ студентовъ столь подробно изложилъ въ своемъ отвѣтѣ философію пантеистическую Спинозы, что привелъ старца-первосвятителя не только въ удивленіе, но даже въ испугъ своимъ отчетливымъ знаніемъ. «И ты все это выучилъ? спросилъ студента митрополитъ. — ~~Забудь, другъ мой, забудь все это хитросплетеніе мыслей ума заблуждаващаго, забудь тотчасъ, какъ выйдешь за порогъ сего зданія~~» а). За то, когда излагаемо

а) Любопытно для сравненія съ кievскимъ митрополитомъ Филаретомъ здѣсь прочесть объ отношеніяхъ къ экзаменамъ въ Московской академіи друга кievскому владыкѣ, митрополита московскаго Филарета.

„Экзамены частные кончились у насъ 8-го числа. Теперь совершенно ничего не дѣлаемъ, или занимаемся чтеніемъ журналовъ. Ропускъ Богъ вѣсть когда будетъ. Зависитъ это отъ пріѣзда митрополита, который, говорятъ, пріѣдетъ 27 числа. Онъ былъ у насъ да уѣхалъ назадъ въ Москву. Былъ на частныхъ экзаменахъ, какъ ревизоръ, и ждемъ пріѣзда его на публичное испытаніе. Впрочемъ этотъ ревизоръ не такъ часто посѣщаетъ и не такъ строгъ, какъ обыкновенные ревизоры. Ревизія его обыкновенно и по преимуществу касается оканчивающихъ академической курсъ. Но нынѣ онъ былъ у насъ даже въ продолженіи двухъ дней, на обоихъ философскихъ экзаменахъ, чему примѣровъ не помнятъ. Что заставило его послушать нашей философіи? Думаютъ, состояніе философіи современной, опасеніе, чтобы въ нашемъ мѣстѣ западныя идеи не нашли своихъ проповѣдниковъ и защитниковъ. Это опасеніе высказалось въ немъ во время экзаменовъ. Онъ критически смотрѣлъ на наши лекціи и разсматривалъ ихъ по отношенію къ современной наукѣ. „Философія, по его понятію, не должна гоняться за современностію, иначе она сдѣлается ложною и пустою. Философія на Западѣ сдѣлалась пустою, отчего философскія каѳедры остались безъ слушателей, которые или ушли воевать, или обратились къ наукамъ политико-экономическимъ“. Ему не понравилось понятіе о ~~темпераментѣ~~, который у насъ выводится изъ природныхъ свойствъ духа и устройства тѣлеснаго и есть взаимное отношеніе и степень воспримчивости и самодѣятельности. На его взглядъ, темпераментъ состоитъ въ такомъ или иномъ устроеніи тѣлеснаго организма и влияніи этого устройства на психическую жизнь. Вообще психологія наша особенно подвергалась его нападеніямъ. Замѣчанія его очень серьезны

было на экзаменѣ ученіе кого-либо изъ отцевъ Церкви, или же предлагалось что-либо изъ священной и церковной исторіи, достоуважаемый святитель нашъ съ сердечнымъ сочувствіемъ говорившему отвѣтъ вторилъ: «да, да, такъ, такъ», присоединялъ отъ себя какое-либо замѣчаніе, всегда для насъ интересное, о томъ чего еще мы не слышали отъ профессоровъ. Любилъ владыка испытывать студентовъ въ знаніи природы: экзаменъ по Физикѣ происходилъ всегда въ физическомъ кабинетѣ. И старецъ митрополитъ нашъ дѣтски восхищался удачнымъ производствомъ здѣсь научныхъ опытовъ. И нерѣдко происходило на экзаменахъ митрополичьихъ, что митрополитъ приходилъ въ восторгъ отъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ студентовъ и тутъ же предлагалъ нашему о. ректору: представить профессоровъ, по предметамъ коихъ отвѣчали удачно, къ наградамъ годоваго оклада. Особенно владыка митрополитъ Филаретъ доволенъ былъ духомъ и направленіемъ наукъ въ академіи. Приписывая сіе въ особенности двоимъ: I. М. Сворцову и о. ректору нашему, митрополитъ серьез-

Его сужденіе такъ основательно, что невольно заставляетъ согласиться съ собой. Даже нашъ *Глава философскъ*, какъ называлъ владыка Федора Александровича Голубинскаго, не могъ противостоять его критикѣ. Онъ часто вставалъ, но скоро и садился: возраженія и положенія противника заставляли молчать. Примѣтно, хорошо знакомъ митрополитъ и съ исторіей философіи: потому что дѣлалъ вопросы и замѣтки, которые показываютъ, что онъ читалъ, занимался ею. Забавна выходка его на счетъ Лейбница. Когда студентъ раскрывалъ содержаніе его *Монадологии*, владыка дѣлаетъ вопросъ Ѳ. Александровичу: „Что, вы читали эту книгу? Я сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ, что этого сочиненія въ подлинникѣ не читалъ. Не передаете ли вы его по пересказанному? Быть не можетъ, чтобы этотъ философъ, такой умный написалъ такую сказку. Его предуставленная, вѣчная гармонія дѣлаетъ изъ міра машину, которая движется и дѣйствуетъ по пружинѣ, однажды заведенной“. Вообще интересно послушать бесѣду митрополита, такъ знаменитаго у насъ своимъ глобоко-знаніемъ. На частныхъ экзаменахъ онъ болѣе позволяя себѣ говорить, нежели на публичномъ“ (Изъ письма Григор. Петр. Быстрицкаго отъ 24 іюня 1848 года).

но именовалъ о. протоіерея Скворцова и о. Димитрія *столпами православія* б).

Слушая лекціи Скворцова, мы убѣдились, что не напрасно былъ онъ въ особенномъ благоволеніи и у московскаго первосвятителя Филарета, котораго ученикомъ былъ по академіи Петербургской (въ составѣ перваго курса ея студентовъ). Метафизическія лекціи Скворцова содержали въ себѣ сущность всего, доселѣ высказаннаго сею наукой въ подтвержденіе божественныхъ истинъ христіанства. Достоинства незабвеннаго сего профессора философіи возвышались для насъ, его слушателей, строго-безупречною и вполне назидательною жизнію, такъ что всѣ мы единодушно признавали и называли протоіерея Скворцова *мудрецомъ христіанскимъ*.

Несмотря на множество профессоровъ, лекціями которыхъ мы наслаждались, находясь въ младшемъ курсѣ, мы,

б) И преосвященный Димитрій съ своей стороны былъ самыхъ высшихъ понятій о митрополитѣ Филаретѣ кievскомъ. Неоднократно отъ говорилъ намъ студентамъ о добродѣтеляхъ Филарета въ классѣ. Рассказывалъ, какъ очевидный свидѣтель дѣлъ милосердія владыки приснопамятнаго, о сихъ дѣлахъ намъ въ назиданіе. Повѣдалъ и о томъ, что достоблаженный Филаретъ нашъ милостивый обладалъ въ высокой степени даромъ испытанія „духовъ, аще отъ Бога суть“ (1 Иоан. 4, 1). „Далъ мнѣ владыка митрополитъ нашъ для прочтенія, говорилъ намъ о. ректоръ, — сочиненіе одного изъ студентовъ академіи Петербургской, присланное къ нему на рецензію для утвержденія того студента въ степени магистра. Прочитавши, принесъ владыкѣ и говорю: авторъ заслуживаетъ степень присужденную ему академіей. — „Подлинно ли такъ, о. ректоръ, возразилъ владыка и присоединилъ:—дайте мнѣ сочиненіе, я вамъ укажу, что въ немъ имѣется, какія мысли“. Взявши тетрадь, митрополитъ сталъ читать ее предо мною и при чтеніи указалъ мнѣ дѣйствительно такія нечестивыя мысли, тонко прикрытыя авторомъ, что я изумился, какъ самъ не усмотрѣлъ ихъ, и подивился прозорливости владыки. „Повѣрите мнѣ, о. Димитрій, примолвилъ къ этому святитель:—авторъ этого сочиненія нехорошо окончитъ жизнь свою“. Опасеніе владыки оправдалось: по отъѣздѣ нашемъ изъ Кіева, спустя нѣкоторое время услышали мы о несчастной кончинѣ, постигшей автора, о которомъ была рѣчь (погибъ самоубійствомъ).

слыша каждый день отъ старшихъ изъ студентовъ (XIII-го курса) о ихъ восхищеніи отъ лекцій ректора о. Димитрія, старали нетерпѣніемъ самолично выслушать его богословскіе уроки. Въ 1847 году явилось въ печати весьма интересное для насъ сочиненіе: *Введеніе въ православное Богословіе, А. Макарія*. Въ сентябрѣ тогоже года начали мы слушать лекціи нашего профессора Богословія по тому же предмету, т.-е. по основному Богословію, или энциклопедіи богословскихъ наукъ, наукъ, иначе именуемой *Введеніе въ Богословіе*. Несмотря на то что мы читали книгу архимандрита Макарія, книгу обстоятельную и многоученую, чтенія нашего о. ректора Димитрія являлись намъ чѣмъ-то новымъ, весьма интереснымъ, такимъ, чего еще мы не знали, и весьма насъ не только интересовали, но и воодушевляли и въ семъ и въ наступившемъ 1848 году. Изъ нашего курса записывали всѣ лекціи ректора Димитрія два или три человекъ, отличавшіеся въ скорописи. Прочіе, не обладавшіе искусствомъ скорописанія, боялись, чтобы изъ желанія записать слова лекціи не проронить въ ней какихъ-либо мыслей. Самъ же о. ректоръ не хотѣлъ издавать въ печать свои академическія чтенія по глубокому смиренію своему. Рассказывали, что многократно просилъ его объ отпечатаніи лекцій кievскій митрополитъ Филаретъ. И ради послушанія только ему ректоръ Димитрій началъ было печатать лекціи свои по Каноническому праву въ журналѣ: Воскресное Чтеніе. Но напечатать не много. Изъ послушанія также первосвятителю напечаталъ о. Димитрій первый томъ своихъ проповѣдей.

О. ректоръ Димитрій состоялъ на службѣ при академіи свыше пятнадцати лѣтъ. Относительно его профессорской здѣсь дѣятельности въ исторической запискѣ, читанной на актѣ въ день юбилея академіи кievской 28 сент. 1869 г., сказано было слѣдующее: «болѣе опредѣлительное въ теоретической сторонѣ богословствованіе преосвященнаго Димитрія отличалось еще болѣе широкимъ развитіемъ историческаго изученія догматовъ и каноновъ церковныхъ,

начатаго въ академіи преосвященнымъ Иннокентіемъ. Расширяя область своей богословской науки, ректоръ-профессоръ, чтобы вмѣстить ее въ предѣлы учебнаго курса, бралъ на себя по шести полутора-часовыхъ лекцій въ недѣлю, давая примѣръ не охлаждавшейся до послѣдняго дня его ректорства преданности своему дѣлу. Многостороннее богословское образованіе ректора Дмитрія сказывалось также въ руководственномъ вліяніи на преподавателей другихъ наукъ, какъ богословскихъ, такъ и общеобразовательныхъ, въ выработкѣ для нихъ программы, которою занята была академическая конференція, въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, и которая сопровождалась обновленіемъ прежнихъ учебныхъ курсовъ и введеніемъ новыхъ, каковы особенно курсы Каноники и Патрологіи, къ которымъ въ 1847 году хотѣли присовокупить и Педагогію. Программы трехъ послѣднихъ наукъ составлены Дмитріемъ, который и самъ читалъ общую часть Каноники. Изъ другихъ, такъ сказать добавочныхъ чтеній ректора Дмитрія особенно памятны чтенія его по священному Писанію, состоявшія въ объясненіи дневныхъ Евангелій и Апостоловъ. Иногда читались онѣ въ субботу въ 3—4 часахъ. Воспитанный въ преданіяхъ академическаго проповѣдничества Иннокентія, Дмитрій весьма часто проповѣдовалъ въ Братской соборной церкви и почти всегда начиналъ проповѣдничать на такъ называемыхъ Пассіяхъ^{в)}.

Студентамъ 14-го курса Кіевской академіи (1845—1849 годовъ) послѣднимъ привелъ Богъ выслушать курсъ Богословія (основнаго и догматическаго) изъ устъ приснопамятнаго профессора Дмитрія. Въ декабрѣ 1850 г. онъ оставилъ академію, былъ назначенъ въ епископа тульскаго, въ каковой санъ хиротонисанъ былъ въ С.-Петербургѣ 4 марта 1851 года.

в) Особый въ кіевскихъ соборныхъ храмахъ и приходскихъ церквахъ обрядъ: на повечеріяхъ пятковъ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й седмиць прочитываются среди храма Евангелія о страданіяхъ Госнода, съ нѣкоторыми пѣснопѣніями св. в. пятака.

Сохранилось письменное важное свидѣтельство о той пользѣ, какую принесъ Кіевской академіи о. Димитрій, какъ ея профессоръ и ректоръ. Это свидѣтельство незабвеннаго великаго авторитета, м. м. Филарета, который въ 1852 году отъ 8 апрѣля писалъ въ письмѣ къ архіепископу орловскому Смарагду между прочимъ сіе: «Ученіе въ Кіевской академіи приведено въ законную силу. Надлежитъ только поддерживать».

Пишущему сіи воспоминанія привелъ Богъ видѣть своего бывшаго ректора въ священнослуженіи архіерейскомъ въ Тулѣ въ 1851 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и принять отъ него архипастырское благословеніе. Благоговѣнно-величественному богослуженію епископа соотвѣтствовалъ и хоръ его пѣвчихъ, прекрасно пропѣвшихъ пѣніе божественной литургіи. Особенно хорошо были пропѣты воскресные антифоны на причастіѣ. Владыка Димитрій любилъ сіи высокія пѣснопѣнія св. Іоанна Дамаскина, воспѣваемые кромѣ утренъ воскресныхъ и на погребеніи священниковъ и при погребеніи иноковъ.

Въ Тулѣ я слышалъ трогательный разсказъ о милосердіи къ нуждающимся преосвященнаго Димитрія. Приходитъ къ преосвященному одна бѣдная вдова-дворянка и проситъ у него денежной помощи для устроенія дочери ея въ замужство. Владыка говоритъ: «теперь денегъ у меня нѣтъ, извините меня. Но приходите дней чрезъ пять, тогда пособлю, чѣмъ мнѣ самому пособятъ добрые люди». На слѣдующій день владыка совершалъ освященіе храма въ селѣ одного состоятельнаго помѣщика. По освященіи присылаютъ ему приношеніе въ пакетѣ. Этотъ пакетъ не распечатавъ вручилъ владыка пришедшей по слову его просительницѣ. Сія, получивъ и возблагодаривъ, чрезъ нѣсколько времени возвращается обратно и говоритъ: «милостивѣйшій архипастыръ! Здѣсь очень много денегъ; не смѣю взять отъ васъ такую сумму, зная, что у самихъ васъ не бываетъ денегъ». — «Сколько же здѣсь?» — «Пятьсотъ рублей, владыка». — «Не безпокойтесь, возьмите эти

деньги къ устройенію дочери вашей. Я вѣдь обѣщаль пособить вамъ, чѣмъ мнѣ пособятъ добрые люди. Возьмите же все это пособіе ихъ отъ меня».

Изъ Тулы преосвященный Димитрій, по кончинѣ своего по академіи наставника преосвященнаго архіепископа Иннокентія (Борисова), былъ переведенъ на его мѣсто въ Одессу. Семнадцать лѣтъ провелъ приснопамятный владыка въ Одессѣ въ сіе первое свое управленіе паствой херсонскою и одесскою. И какъ въ Тулѣ приобрѣлъ себѣ великую отъ всей паствы любовь и уваженіе, такъ еще большую снискалъ къ себѣ любовь отъ паствы Новороссійскаго края. Съ признательною любовію къ святителю и доселѣ воспоминаетъ паства херсонская о немъ, какъ о пастырѣ просвѣщеннѣйшемъ, мудрому и благостнѣйшемъ. Вотъ подлинныя слова одного изъ высокопочтенныхъ лицъ херсонской паствы о преосвященномъ архіепископѣ Димитріѣ, какія имѣлъ утѣшеніе выслушать пишущій сіи воспоминанія самолично отъ сего добраго и благочестиваго господина г): «такіе архипастыри, какъ преосвященный Димитрій, рождаются вѣками. Въ первый разъ управлялъ онъ нашею епархіею семнадцать лѣтъ, въ другой два года. Въ оба раза пребыванія у насъ являлся одинаковъ. У него ничего не было для себя. Все онъ раздавалъ бѣднымъ. Многія въ Одессѣ семейства питались его милостыней. Трапезу употреблялъ самую простую. Объ одеждѣ не было заботъ у него. Если бывало не пришлетъ ему кто-либо изъ паствы въ даръ на рясу, ходитъ въ старыхъ рясахъ и въ праздники. Каждодневно въ соборѣ каедральномъ надъ могилой Димитрія найдете множество новыхъ и свѣжихъ вѣнковъ. Долго, долго помнитъ будетъ Димитрія Одесса. Точнѣе—никогда его не забудетъ она. Не говорю уже объ умѣ его,—это былъ самый высокій и образованный умъ. Онъ оставилъ послѣ себя рѣдкую бібліотеку. Въ бібліотекѣ состояло все богатство его. Когда его назна-

г) Г. помѣщикъ Херсонской губерніи Н. О. Г...ій.

чили отъ насъ въ Ярославль, онъ уже страдалъ ревматизмомъ въ ногахъ, и потому желалъ остаться въ нашемъ тепломъ краѣ и просилъ увольненія на покой, для чего избралъ небольшой монастырь надъ Днѣпромъ—Безюковъ. Но покойный Государь Императоръ не уволилъ его, а предоставлялъ ему выбрать себѣ какую угодно еще епархію на югѣ, только бы оставался при дѣлахъ церковнаго управленія. Мы слышали, что и въ другихъ мѣстахъ службы преосвященнаго Димитрія, его весьма любилъ и чтилъ народъ. Когда отъ насъ слѣдовалъ онъ въ Ярославль, жители города Тулы за много верстъ встрѣтили владыку, хотѣли отпрѣчь лошадей и сами ввезти его въ городъ. Ярославцы, когда перевели Димитрія отъ нихъ на Волынскую епархію, не хотѣли съ нимъ разставаться. Въ Житомирѣ не только христіане, самыя евреи встрѣтили владыку сего съ великою любовію. Да, онъ истинно былъ популярень».

Въ 1869 году бывши на праздникъ 50-тилѣтняго юбилея Кіевской д. академіи (со времени ея преобразования въ 1819 году), преосвященный Димитрій въ рѣчи своей скромно выразился о бывшей въ ней дѣятельности своей словами: «и моего здѣсь капля меду есть».

Кіевляне и послѣ и прежде торжества сего имѣли радость видѣть преосвященнаго херсонскаго Димитрія. Въ 1873 году былъ онъ на юбилеѣ преосвященнаго м. Арсенія, какъ бывшій ученикъ сего святителя въ Рязанской духовной семинаріи. Задушевная рѣчь ученика къ учителю, полная чувствъ искренней признательности и глубоко-благотворнаго уваженія къ маститому первосвятителю всѣхъ насъ тѣмъ болѣе восхищала, что исходила изъ устъ также святителя, и притомъ нами глубоко любимаго и высокочтимаго.

Въ тотъ же незабвенный пріѣздъ свой въ Кіевъ преосвященный Димитрій утѣшилъ насъ сказаніемъ своимъ о мощахъ священномученика Григорія патріарха цареградскаго, въ 1821 году мученически скончавшагося въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія. «Когда переносили

мощи священномученика Григорія патріарха изъ Одессы въ Аѳины, меня сподобилъ Господь послужить подъятію святыхъ мощей сихъ изъ могилы и сопровожденію ихъ на корабль», говорилъ преосвященный Димитрій, вспоминая о великомъ ономъ первосвятителѣ православной Церкви греко-восточной. Слушавшіе спросили владыку: «въ какомъ видѣ, высокопреосвященнѣйшій, обрѣли вы мощи патріарха-священномученика?» — «Совершенно нетлѣнными, отвѣтилъ преосвященный Димитрій и дополнилъ при семъ:— «Руки священномученика крѣпко прижаты къ персямъ, такъ что облаченіе святительское, какое прислано было Императоромъ Александромъ Благословеннымъ, положено было въ гробницѣ поверхъ мощей, которыя обернуты въ бѣлый хитонъ и на главѣ драгоцѣнная митра».

Въ 1876 году былъ преосвященный Димитрій въ Кіевѣ для погребенія приснопамятнаго митрополита Арсенія. Въ 1880 году проѣзжалъ Кіевомъ въ Ярославль, гдѣ недолго прослуживши, былъ переведенъ въ Воынь. Изъ Житомира, ревизуя новую свою епархію, пріѣзжалъ въ Кіевъ для свиданія съ митроп. Филооеемъ, котораго весьма почиталъ и любилъ. Въ этотъ пріѣздъ свой преосвященный Димитрій повѣдалъ намъ о причинахъ того плача своего, о которомъ сказано нами въ началѣ нашихъ сихъ воспоминаній. Вотъ подлинныя его самого слова о семъ: «Въ семинаріи я много плакалъ, такъ что и звали меня *плакса*. Въ академіи плакать я пересталъ. Поступивъ же на епископское служеніе, снова началъ плакать и доселѣ плачу. Причина этого плача моего—скорбь о несовершенствахъ многихъ изъ клира. И несовершенства эти замѣчены мною вездѣ. Тамъ, въ великорусскихъ епархіяхъ грубые пороки. Здѣсь, въ западной крайнѣ, народъ утонченный, и по внѣшности какъбы все хорошо. Но на дѣлѣ происходятъ также безпорядочныя дѣйствія и поступки. Вотъ о чемъ я, отцы и братія, горько сокрушаюсь».—Въ 1882 году преосвященный Димитрій совершилъ погребеніе преосвященнаго митрополита Филоооея, на мѣсто косяго самъ ожидаемъ

и желаемъ былъ кіевлянами въ митрополиты. Судьбы Божіи опредѣлили ему возвратиться въ Одессу, не менѣ Кіева его полюбившую. Оттуда два раза пріѣзжалъ при-снопамятный владыка Димитрій въ Кіевъ, и въ другой разъ за два мѣсяца до своей кончины, которая постигла его 14 ноября, въ 10¹/₂ часовъ утра, 1883 году. О кончинѣ своей онъ пророчески сказалъ при встрѣчѣ его духовенствомъ одесскимъ въ 1882 году: «Я пріѣхалъ въ Одессу умереть».

Покойный преосвященный Димитрій, когда былъ на херсонской кафедрѣ, прожилъ безвыѣздно три года въ Петербургѣ, гдѣ онъ присвятѣйшемъ Синодѣ занимался составленіемъ проёкта новаго Устава для духовныхъ семинарій и для духовныхъ училищъ. Намъ, когда были мы учителями въ духовныхъ семинаріяхъ, приводилось читать предположенныя имъ программы наукъ и распредѣленіе ихъ по классамъ училищнымъ и семинарскимъ. Не можемъ здѣсь умолчать о глубокой скорби многихъ изъ тогдашнихъ преподавателей въ семинаріяхъ духовныхъ, что превосходный планъ и распорядокъ наукъ, составленный богопросвѣщеннымъ архипастыремъ Димитріемъ, остался безъ приложенія.

Вѣчная память тебѣ, богопросвѣщенный наставникъ нашъ и богомудрый святитель Церкви, Димитрій.

Прот. Н. И. Флоринскій.

ИЗЪ ОБЛАСТИ НАРОДНЫХЪ СУЕВѢРІЙ И ПРЕДРАЗСУДКОВЪ.

Распространяется въ настоящее время просвѣщеніе и въ простомъ народѣ. Благодаря школамъ, теперь и между крестьянами есть уже грамотные, и не рѣдкость увидѣть въ нашемъ городѣ, что крестьянинъ, видимо по всему изъ деревни, читаетъ объявленіе, прибитое на стѣнѣ дома, на заборѣ или фонарномъ столбѣ. Пройдите мимо биржи а),— васъ остановитъ любопытное явленіе. Группа извозчиковъ въ разныхъ положеніяхъ: кто стоитъ, кто на тротуарѣ сидитъ; кто облокотился на перила сада; они слушаютъ чтеніе изъ книжки, слушаютъ молча и внимательно. Кто же имъ, извозчикамъ, читаетъ? Свой же братъ, извозчикъ. Встрѣчаются въ простомъ народѣ и женщины грамотныя. Несмотря на то туго входятъ въ головы крестьянъ здравыя мысли и правдивыя понятія о вещахъ; предрасудки и суевѣрія, воспринятыя въ дѣтствѣ и поддерживаемыя окружающею средой, крѣпко держатъ простолудина въ оковахъ и упорно противятся благотворному дѣйствию просвѣщенія. Не говоря о мѣстахъ удаленныхъ отъ городовъ, даже въ селахъ и деревняхъ близкихъ къ городамъ, центрамъ просвѣщенія, въ самыхъ подгородныхъ слободахъ существуютъ до сихъ поръ разнаго рода суевѣрія и предрасудки. И какъ грубы и нелѣпы эти предрасудки и суевѣрія! Жалко смотрѣть на крестьянина! Видно трудно ему освободиться отъ опутывающихъ его ложныхъ понятій и неправильныхъ взглядовъ на вещи. Къ нему должны придти на помощь люди просвѣщенные. Книжки онъ читаетъ, да все ли понимаетъ, что тамъ написано? Конечно,

а) Биржа въ нашемъ городѣ—это мѣсто, гдѣ стоятъ извозчики.

нѣтъ; это показываетъ опытъ. Простому человѣку нужно и въ книжкѣ многое растолковать, разъяснить, сдѣлать доступнымъ его пониманію. Иначе то, что онъ услышитъ изъ книжки, пропадетъ для него безслѣдно, какъ имъ непонятое, или перетолкуется имъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Образованные люди и должны по этому, при случаѣ, по тому или другому поводу, толковать съ простымъ человѣкомъ, разъяснять ему, чего онъ не понимаетъ, особенно, когда дѣло касается предразсудка какого или суевѣрія. Это ихъ нравственная обязанность.

А какъ грубы, возмутительно нелѣпы *народные суевѣрія и предразсудки!* Представляемъ одинъ изъ многихъ случаевъ, показывающій характеръ суевѣрій и предразсудковъ Псковскаго подгороднаго населенія.

Кто возить по желѣзной дорогѣ?

Это было въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Уже десять лѣтъ, какъ прошла мимо Пскова желѣзная дорога. *Ѣзда безъ лошадей*, Ѣзда быстрѣе птицы поразила простой народъ, народъ въ высшей степени легковѣрный и суевѣрный: въ немъ все шли *свои толки* о желѣзной дорогѣ, и не въ ея пользу.

Была у меня служавка, молодая; звали ея Надеждой. Тихая, скромная, служила она старательно и исправно. Въ праздники, послѣ обѣда, она отпускалаь обыкновенно въ Алексѣевскую слободу, гдѣ у ней были родные: мать и братъ. Зимой и осенью оставалась она въ слободѣ до 5 или 6 часовъ; весной же и лѣтомъ позволялось ей пробыть до 9 и 10 часовъ.

Въ одинъ праздничный день, зимой, Надежда вернулась домой гораздо раньше обыкновеннаго, кажется и часу не пробыла у своихъ. Я этому конечно удивился, и захотѣлъ полюбопытствовать, отчего она такъ рано вернулась. Когда я, выйдя въ кухню, взглянулъ на Надежду, то увидѣлъ, что она какъбы сама не своя, какая-то растерянная, испуганная.

— Что ты такъ рано пришла отъ своихъ, и такая невеселая? обратился я къ Надеждѣ.—Невесело было сегодня въ слободѣ?

— Не до веселья! отвѣтила она отрывисто и какъбы съ неудовольствіемъ.

— Отъ чего? Случилось что?

— Насилу домой дошла, хорошо. еще, что шла за свѣтло.

— Что же, что съ тобой было?

— Да какъ же, вѣдь отецъ-то Фроловъ должно быть ходить по слободѣ-то?

— Какой отецъ Фроловъ? какого Фрола отецъ?

— Фролъ, молодой парень, помните, разъ привозилъ намъ глины и песку.

— Помню. Ну такъ что же отецъ-то его?

— Видно ходить по слободѣ, и вездѣ.

— Ну и пусть его съ Богомъ ходить. Что же тутъ особеннаго, важнаго?

— Да вѣдь онъ опойца, вина значить опился. Его еще не хоронили, не отпѣвали похристіански. Ну какъ встрѣтитъ гдѣ,—со страха умру, такъ на мѣстѣ и присяду. Я и то бѣжала теперь безъ оглядки чуть жива; не помню, какъ прошла мимо кузницы. Опомнилась, какъ къ монастырю подошла. Слава тебѣ, говорю, Господи, городомъ-то ужъ не такъ страшно было.

— Конечно, городомъ уже не страшно. Въ городъ онъ не пойдетъ: полицейскіе, какъ разъ его схватятъ,—онъ вѣдь знаетъ это.

— Пойдетъ, пойдетъ и по городу. Что ему полицейскіе! Боятся онъ ихъ, какъ же! Юркнетъ, да проскользнетъ и не догонять, пожалуй еще и не увидятъ. Да чеге добраго, и ихъ-то напужаетъ! Ну, прощай моя Алексѣевская слобода! Долго не пойду, а если и пойду, такъ буду варовить воротиться въ городъ днемъ, засвѣтло еще.

— Хорошо. Только кто тебѣ сказалъ, что Фроловъ отецъ опойца ходить по слободѣ?

— Никто не говорилъ, а сама я такъ думаю.

— Почему же ты думаешь? Вѣдь ты сама его не видала?

— Что вы говорите! Сохрани Богъ отъ этого!

— Почему же ты все-таки думаешь-то?

— Фроль видѣлъ его *во снѣ*.

— Ну такъ чтожь изъ этого? Мало ли что видится во снѣ?

— Нѣтъ, вы не смѣйтесь: какъ видѣлъ-то вѣдь, вотъ что!

— Какъ же видѣлъ?

— Страшно и рассказывать-то...

— Не бойся: мы дома вѣдь, подъ кровлей, съ нами вонъ и св. образа.

Надежда молчала; видимо внутри ея былъ въ самомъ дѣлѣ страхъ.

— Ну, не бойся; рассказывай, какъ сынъ видѣлъ отца во снѣ?

— Такъ и быть ужъ, расскажу. Рассказывалъ Фроль такъ. Только что заснулъ, говорить, я это,—и вижу: предо мной отецъ. — Фроль, говорить, а Фроль!—Что, говорю, батюшка?—Хочешь меня видѣть живымъ?—Хочу, говорю, батюшка, какъ не хотѣть!—Ну такъ иди, завтра въ такомъ-то часу на желѣзную дорогу, на самый вокзалъ. Какъ придешь туда, стань, говорить, тамъ на концѣ вокзала, стой и смотри, смотри на самую машину, на ея передъ.—Гдѣ же ты тамъ будешь, батюшка? спросилъ я. Гдѣ я тебя увижу тамъ?—Сказалъ я, смотри на самый передъ машины: тутъ я и буду. Мы вѣдь ее повеземъ.—Кого, батюшка?—Машину, машину.—И со всѣми вагонами? со всѣмъ, со всѣмъ?—Со всѣмъ, все все повеземъ.—Какъ же это?.. Тяжесть-то какая! Какъ же ты... — Глупый, да не одинъ я повезу: насъ вѣдь много, сотни.—Кто же это такіе? кто они?—Да все нашъ братъ: кто опился, тутъ; кто утопился или повѣсился, тутъ; кто застрѣлился и другимъ какимъ манеромъ уморилъ себя, также тутъ. И много насъ вотъ увидишь. — Какъ же это? За что же это вы тутъ должны возить? спросилъ я еще.— За то, что мы всѣ не

своею смертію умерли, а иные руки на себя наложили, вотъ что! — Кто же это васъ сюда опредѣлилъ? — Кто!.. знамо кто: нечистый! Мы у него теперь во власти: ему должны служить; онъ нами и распоряжается.— Проснулся я: сей часъ же сонъ пришелъ въ голову. Надо думаю себѣ, пойти на желѣзную-то дорогу, пойду! Ну и пошелъ я: пришелъ на вокзалъ; отыскалъ тамъ мѣсто, которое сказалъ мнѣ отецъ, и сталъ; стою и жду, а смотрю-то въ оба глаза, и все на машину, на самый-то ея передъ. Долго ли, коротко ли было, засвистѣла вдругъ машина, и долго такъ свистѣла; потомъ звонокъ динь-динь-динь; кончился звонокъ, свистокъ еще просвистѣлъ и вотъ завертѣлись первыя колеса... тронулись... Смотрю: везутъ все люди, люди, все люди впряжены, и много ихъ. Такъ я и ахнулъ! Посмотрѣлъ я на самый передъ: на! и батюшка мой тутъ! Онъ! онъ! вижу своими глазами, ясно вижу: онъ, какъ есть онъ! Побѣжали это они всѣ, быстро побѣжали! Машина скорѣй, скорѣй, и скоро все скрылось. Воротился я домой, и такъ-то мнѣ стало жаль батюшку.— Вотъ что рассказали въ слободѣ-то. Страшно! произнесла въ заключеніе рассказа Надежда, голосомъ видимо испуганнымъ.

Немного я помолчалъ.

— Такъ это твой страшный-то рассказъ? проговорилъ я такимъ тономъ, который выражалъ, что страшнаго въ рассказѣ мало.—Это рассказывали?

— Да, это, это самое.

— Ну, скажу я тебѣ: несбыточную, неправдоподобную вещь тебѣ рассказали. Нельзя этому вѣрить, никакъ нельзя. Ну, разсуди ты сама: Фроловъ отецъ и всѣ, которые съ нимъ наряжены, какъ у васъ рассказываютъ, возить машину съ пассажирами и товарами, вѣдь они покойники, давно умерли, тѣла ихъ уже сгнили давно въ землѣ; ихъ души остались, потому что душа не умираетъ. Чтобы работать, хотъ на прим. везти машину съ вагонами, нужно имѣть тѣло и тѣло здоровое. Откуда же у покойниковъ, у мертвыхъ взялось бы тѣло? Подумай, разсуди сама и скажи.

— Я не знаю; Фролъ рассказывалъ такъ.

— Фролъ рассказывалъ. Ты отъ него самого слышала?

— Нѣтъ.

— Отъ кого же?

— Отъ брата.

— Братъ вѣрно отъ самого Фрола слышалъ?

— Нѣтъ; онъ этого не говорилъ. Онъ говорилъ только: «послушай, говорить, что у насъ въ слободѣ-то рассказываютъ»; ну и рассказалъ, какъ ему другіе говорили.

— Вотъ видишь: еслибы ты или братъ твой отъ самого Фрола слышали рассказъ о томъ, какъ ему во снѣ являлся отецъ и какъ онъ отца видѣлъ на желѣзной дорогѣ, тогда другое дѣло было бы. А теперь не то выходитъ. Фролъ можетъ быть совсѣмъ не то рассказывалъ, передавалъ совсѣмъ другое, а тутъ слова его переиначили, прибавили къ нимъ, приплели Богъ вѣсть что, и вышла небылица. Не такъ ли?

— Не знаю.

— Нѣтъ, тутъ видимо не такъ было. Возьми въ толкъ еще вотъ что: въ рассказѣ говорится, что всѣхъ этихъ несчастныхъ людей, которые возятъ на желѣзныхъ дорогахъ машину и вагоны, отправляетъ и посылаетъ на эту работу нечистый. Разсуди сама: изъ-за чего сталъ бы нечистый дѣлать намъ, живымъ людямъ, такое добро, какъ двигать необычайно быстро по рельсамъ всякіе вагоны, и товарные и пассажирскіе? Какую выгоду онъ себѣ отъ этого получилъ бы? Людямъ тутъ польза, намъ здѣсь добро: ты вѣдь знаешь, по желѣзной дорогѣ и скоро и дешево доѣхать до какого угодно мѣста. Сталъ ли бы намъ нечистый дѣлать доброе что, хорошее, полезное? Конечно, скажешь и ты, нѣтъ; онъ только одно злое, худое намъ хочетъ сдѣлать, объ этомъ только думаетъ и старается, на то онъ и нечистый, діаволъ. Что на желѣзной дорогѣ нѣтъ нечистаго и ничего онъ тутъ не дѣйствуетъ, это видно вотъ изъ чего. Ты конечно бывала на вокзалѣ и видѣла машину?

— Да, видѣла.

— Замѣтила конечно въ ней печку съ высокою трубой и большой величины котель, изъ котораго идетъ парь, при машинѣ открытый вагонъ для дровъ и воды. На что машина такъ устроена? на что все это въ ней? Подумай-ка и скажи.

Не вдругъ отвѣтила на мои вопросы Надежда; она видимо думала и соображала, думала можетъ быть въ первый разъ о машинѣ.

— На что, возить значить, отвѣтила она быстро.

— Такъ, такъ. Ну, а какъ же машина-то везетъ? откуда въ ней такая сила, что гдѣ бы нужно было 500 лошадей, она одна тащитъ?

Собесѣдница моя молчала, видимо она не знала, что отвѣтить.

— Парь, парь—главное въ машинѣ: имъ она дѣйствуетъ, имъ и возить съ такою скоростію и такія огромныя тяжести. Парь и на водѣ дѣйствуетъ: пароходы-то по рѣкѣ ходятъ, знаешь, вѣдь безъ весель, безъ паруса; а какъ пароходъ летитъ! Есть въ нашемъ городѣ и паровая мельница; вмѣсто вѣтра и воды тамъ парь работаетъ: парь движетъ колеса и жернова. Видишь теперь,—да и какъ не видѣть?—на желѣзныхъ дорогахъ возить парь: онъ сначала дѣйствуетъ на колеса машины, двигаетъ ихъ, двигается оттого и машина, а машина уже и тащитъ прицѣпленные къ ней вагоны. Такъ знай и помни: парь возить на желѣзной дорогѣ посредствомъ машины, въ которой онъ собирается въ котлахъ; машина и называется поэтому *паровозомъ*, т.-е. такимъ приборомъ, который возитъ паромъ, посредствомъ пара,—точно такъ же, какъ судно на водѣ, дѣйствующее паромъ, называется *пароходомъ*, мельница—*паровою мельницей*. Суди сама теперь: на что нужны на желѣзной дорогѣ всѣ тѣ покойники, коихъ будто видѣлъ Фроль, да еще покойники несчастные, умершіе не своею смертію? И безъ нихъ дѣло идетъ тамъ отлично. При чемъ тутъ и нечистый? И ему, видишь, тамъ дѣлать нечего. Да

онъ и не можетъ тамъ быть, т.-е. постоянно дѣйствовать, распоряжаться; и знаешь, почему? Вотъ почему: когда построена новая желѣзная дорога и ее нужно открыть для ѣзды, то обыкновенно предъ открытіемъ того или другаго участка дороги, служится молебень съ водосвятіемъ, въ молебнѣ испрашивается новой дорогѣ благословеніе Божіе,—она окропляется святою водою. Благословеніе Божіе имѣетъ великую силу: по молитвѣ Церкви оно низходитъ на всю дорогу, по всему ея участку, по всей линіи. Да и проѣзжіе садятся въ вагоны съ молитвой: они просятъ Бога сохранить ихъ въ пути невредимыми, избавить отъ бѣдъ и несчастій и благополучно доправить до мѣста, куда кто ѣдетъ. Видишь теперь, можетъ ли тутъ быть нечистый? Православные, когда входятъ въ вагоны и садятся по мѣстамъ, творятъ на себѣ крестное знаменіе, а которые по-благочестивѣе и набожнѣе, крестятъ машину и самую дорогу; нечистый же креста Христова боится пуще всего. Нѣтъ, недостаточное дѣло, невозможное, чтобы и нечистый былъ и дѣйствовалъ на желѣзной дорогѣ, и чтобы возили тамъ всѣ эти утопленники, опойцы, повѣсившіеся, всѣ эти несчастные люди... Невозможно, невозможно!

Задумалась моя собесѣдница видимо, она боролась съ мыслями: сознавала справедливость моихъ словъ, и въ то же время ей не хотѣлось разстаться и съ тѣмъ, что рассказывали ей въ слободѣ: такъ силенъ и крѣпокъ былъ предрасудокъ.

— Все это такъ, сказала она потомъ и какъ-то нерѣшительно: — такъ это; ну а какъ же говорятъ въ слободѣ?

— Какъ говорятъ!.. Въ деревнѣ люди темные, невѣдущіе; тамъ вѣрятъ тому, чего вовсе нѣтъ и быть не можетъ; вѣрятъ напимѣръ тамъ и въ домовыхъ, и въ оборотней, и въ лѣшихъ, и въ водяныхъ, и въ дикаго мужичка, что въ лѣсу наравнѣ съ лѣсомъ, въ травѣ наравнѣ съ травой, а мужичекъ этотъ будтобы любить щекотать, и попадись только ему, защекочетъ до смерти.

— Такъ, такъ, знаю, прервала меня моя собесѣдница.

— И мало ли чему тамъ вѣрять? А люди знающіе говорятъ совсѣмъ другое, говорятъ, что ни домовыхъ, ни лѣшихъ, ни водяныхъ, ни оборотней, ни дикихъ мужичковъ какихъ-то, ничего этого нѣтъ; все это выдумки, бредни, пустословіе и суевѣріе. Это же нужно сказать и насчетъ того, что ты сегодня слышала, будто на желѣзныхъ дорогахъ возятъ вагоны съ проѣзжими икладами, смѣшно сказать, вино-опойцы, утопленники, повѣсившіеся, застрѣлившіеся, словомъ—самоубійцы. Посуди, съ чѣмъ это сообразно? похоже ли это на правду?

Опять задумалась моя собесѣдница. Видно не хотѣлось, крѣпко не хотѣлось ей уступать мнѣ, согласиться со мной; видно все еще боролись въ ней противоположныя мысли и чувства.

— Да какъ же это? заговорила она голосомъ, въ которомъ слышалось сомнѣніе, — да какъ же это, Фроль, думаю, врать не будетъ. Видѣлъ онъ вѣдь своего роднаго отца, отецъ-то покойникъ ужли будетъ пусто городить?

— Ты опять за Фрола. Да я уже говорилъ, надо самого Фрола видѣть, да его распросить, изъ устъ его самого выслушать, что онъ скажетъ, какъ онъ повѣдаетъ о своемъ снѣ; тогда другое дѣло. Я увѣренъ, что Фроль, если и рассказывалъ что о своемъ снѣ, то совсѣмъ другое, совсѣмъ иначе; а уже послѣ другіе рассказъ его переврали, переиначили, прибавили къ нему отъ себя, выдумали небывлицы въ лицахъ, и вышла нелѣпость, и пошла гулять по слободѣ, а вы съ братомъ и повѣрили ей.

— Братъ говорить, что всѣ на слободѣ такъ рассказываютъ, онъ самъ отъ другихъ слышалъ такой же рассказъ.

Увидѣлъ я, что моя собесѣдница хотя и соглашалась съ моими мыслями, но соглашалась только повидимому, на самомъ же дѣлѣ, въ душѣ, она расположена была скорѣе признавать истиннымъ то, что ей рассказывали въ слободѣ. Увидѣлъ я, что трудно убѣдить ее въ настоящій

разъ въ нелѣпости слышаннаго ею разсказа, и потому рѣшилъ кончить разговоръ.

— Ну теперь мы перестанемъ говорить, а ты сдѣлай вотъ что: въ слѣдующій разъ, какъ пойдешь къ своимъ, скажи брату, чтобы онъ увидѣлъ Фрола и отъ него самого выслушалъ разсказъ: какъ ему явился во снѣ отецъ, что говорилъ, и что потомъ было. Это будетъ лучше всего. Увидишь, что ничего подобнаго не было, что тебѣ разсказалъ братъ. Сдѣлаешь это?

— Хорошо, сдѣлаю.

Однакоже она не сдѣлала такъ, какъ обѣщала. Была она потомъ нѣсколько разъ въ слободѣ у своихъ, но каждый разъ возвратившись оттуда, говорила, что Фрола не видали и не говорили съ нимъ, братъ никакъ не могъ его увидѣть. Прибавляла она каждый разъ, что о Фроловомъ снѣ все еще говорятъ въ слободѣ, сама она слышала отъ слобожанъ. Нѣсколько разъ я еще бесѣдовалъ съ моей прислугой по поводу нелѣпаго суетвѣрія, старался ее разубѣдить въ правдивости разсказа о Фроловомъ снѣ, выставить ей на видъ невозможность, нелѣпость того, что разсказывалось о несчастныхъ покойникахъ, будто бы возящихъ на желѣзной дорогѣ вагоны, и кажется нѣсколько успѣлъ: осенью и зимой случалось нѣсколько разъ, моя Надежда возвращалась изъ слободы въ праздничные дни довольно поздно, когда бывало уже темно, и являлась до-мой покойною.

II. Сладкопѣвецъ.

Псковъ

Мартъ 1886 г.

ОТКРЫТІЕ

въ селѣ Козельщинѣ женской общины и чудесное исцѣленіе дѣвицы Вѣры Гацевичъ отъ Козельщинской иконы Богоматери.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, указомъ своимъ отъ 1 марта 1885 года, послѣдовавшимъ на имя преосвященнѣйшаго Іоанна архіепископа полтавскаго и переяславскаго, далъ знать ему, что въ силу ходатайства Его преосвященства, въ селеніи Козельщинѣ, Полтавской губерніи, Кобелякскаго уѣзда, при новоустроенной тамъ церкви, утверждена къ открытію женская община сестеръ съ наименованіемъ ея «Козельщанскою Богородице-Рождественскою общиною». Святѣйшимъ синодомъ на новооткрываемую общину возлагается священная обязанность, вопервыхъ: хранить новоявленный образъ Матери Божіей, болѣе пяти лѣтъ тому назадъ сдѣлавшейся святыней нашего вѣрующаго народа и его неотъемлемымъ достояніемъ; вовторыхъ: непрестанною молитвой и подвигами благочестивой жизни способствовать прославленію имени Божія, а также устройствомъ при общинѣ челоуѣколюбивыхъ учрежденій, какъ-то: больницы, училища и пріюта для калѣкъ послужить воіющимъ нуждамъ нашего народа. Озабоченное приведеніемъ въ исполненіе воли св. Синода, полтавское епархіальное начальство поспѣшило назначить отъ себя начальницу новооткрываемой общины, которая, при посредствѣ комиссіи, должна была принять въ свое непосредственное вѣдѣніе, какъ ново-

устроенную въ с. Козельщинѣ церковь, со всѣми принадлежащими ей зданіями, такъ вмѣстѣ съ этимъ и все остальное имущество и капиталы, за нею числящіяся. Въ начальницы общины избрана и утверждена въ своей должности монахиня Золотоношскаго Красногорскаго Богословскаго монастыря, бывшая до того воспитательницей трехкласснаго монастырскаго училища дѣвицъ духовнаго званія, Олимпіада, которая 8-го истекшаго апрѣля и прибыла съ сестрами къ новому мѣсту своего назначенія. Открытіе общины совершено торжественно 4-го іюня сего года, за болѣзнію полтавскаго архіепископа, викаріемъ его, преосв. Иларіономъ. Подробное описаніе сего торжества напечатано въ Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ № 13, сего года.

Въ Душеполезномъ Чтеніи не разъ сообщаемы были свѣдѣнія о чудотворной Козельщанской иконѣ Богоматери. Съ особенною полнотою сказано о прославленіи ея въ статьѣ А. Θ. Ковалевскаго: *Путешествіе богомольца въ Козельщину и въ Киевъ*, напечатанной въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ Душеп. Чтенія 1883 'года. Какъ извѣстно, Козельщанская икона Богоматери сдѣлалась предметомъ всеобщаго чествованія послѣ чудеснаго исцѣленія отъ нея дочери графа Капниста, въ домѣ котораго хранилась эта святыня. Съ тѣхъ поръ случаи чудесныхъ исцѣленій были многочисленны. На нѣкоторые изъ нихъ, болѣе поразительные, указано въ Душеполезномъ Чтеніи (см. Поученіе на Успеніе Богородицы Душеп. Чтеніе 1883 года августъ). Къ числу подобныхъ поразительныхъ случаевъ принадлежитъ нижеслѣдующій, описаніе котораго займствуемъ изъ Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей текущаго года № 13.

«Въ приходѣ моемъ, пишетъ авторъ описанія священникъ Малиновскій, а) проживаетъ чиновница Бурунду-

а) По заявленію Редакціи Астрах. Е. В., это описаніе 23 мая 1885 года препроводила въ редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей для напечатанія въ неофициальномъ отдѣлѣ Астраханская духовная

кова, у которой тяжко болѣла племянница ея Вѣра Гицевичъ. Болѣзнь постигла ее еще въ 1883 году, во время Рождественскихъ каникулъ, когда тетка ея взяла ее къ себѣ изъ гимназіи. Во время домашнихъ уборокъ къ великому празднику, Гицевичъ не по силамъ своимъ подняла какую-то тяжесть, и вскорѣ затѣмъ почувствовала боль въ животѣ и столь серьезную, что обратились къ акушеркѣ, но та нисколько не помогла. Больную положили въ больницу; здѣсь при правильномъ леченіи и хорошемъ уходѣ, боли въ животѣ утихли; но съ ней приключилось другое зло—лѣвую ногу въ колѣнкѣ свело, и лѣвая рука стала плохо дѣйствовать. Медицина на этотъ разъ прибѣгла, такъ-сказать, къ насилію: врачи растянули ногу больной и положили гипсовый бинтъ. Вслѣдствіе такого насильственнаго способа леченія, страданія больной сдѣлались тяжки и трудно переносимы; четверо сутокъ она не знала покоя, и бинтъ принуждены были снять. Стали потомъ дѣлать ванны, но и онѣ не помогли. Исчерпавъ наконецъ всѣ свои средства леченія, врачи въ концѣ концовъ сознались, что они не постигаютъ болѣзни, и обрекли несчастную страдальицу на смерть; но любовь родныхъ ея не хотѣла покинуть ее безъ какой-либо внѣшней помощи, а глубокая вѣра, эта внутренняя, духовная сила самой страдальицы, внушила ей другой, такъ-сказать, путь къ леченію, путь вѣры и молитвы. И вотъ родные прибѣгаютъ къ леченію народному, отдаютъ больную на квартиру къ одной старухѣ, которая лечитъ ее припарками изъ разныхъ травъ, а внутрь даетъ пить сарсанарель (лекарственная трава). Но и это народное леченіе не помогло, а, напротивъ, съ больной стало хуже: она все слабѣла и не могла ничего

консисторія, съ такимъ присовокупленіемъ, что означенное сказаніе подтверждается собственной подписью получившей исцѣленіе и двухъ ея родственницъ, находившихся при ней во время болѣзни кромѣ сего, лечившіе дѣвицу Гицевичъ два доктора: Соколовъ и Щепотьевъ, выздоровленіе ея относятъ къ глубокой вѣрѣ въ возможность получить исцѣленіе отъ иконы Богоматери.

ѣсть; только съ чайной ложечки едва проглатывала бульонъ; врачи сказали, что у ней сохся пищепріемный каналъ и жить ей остается не долго. Кромѣ того, съ ней начались дѣлаться припадки, корчи рукъ, ногъ и даже головы. Эти припадки вначалѣ были рѣдки, но потомъ въ теченіе однихъ сутокъ повторялись по три и четыре раза въ день, и притомъ въ самой ужасной картинѣ: не только руки, ноги, но даже голову гнуло подъ мышки; вслѣдствіе чего лѣвый глазъ совершенно выходилъ изъ орбиты.

«Въ вербную субботу сего года (1885 г.) больной сдѣлалось такъ дурно, что пригласили меня исповѣдать и пріобщить ее. Я нашелъ больную въ сильномъ изнеможеніи; лежалъ предо мной почти трупъ, только въ глазахъ ея просвѣчивалась еще искра жизни. Съ глубокимъ благоговѣніемъ она исповѣдалась и пріобщилась св. таинъ во исцѣленіе души и тѣла. При прощаніи моемъ съ больной, она и родственники ея просили меня придти на другой день, т.-е. въ вербное воскресенье, отслужить молень предъ иконой Богоматери, именуемою Козельщанской, снимкомъ настоящей иконы, который присланъ графомъ Капнистомъ моему прихожанину Сергѣю Романовичу Рѣзанову, а женой сего этотъ снимокъ принесенъ въ домъ больной, съ совѣтомъ прибѣгнуть, послѣ всѣхъ тщетныхъ надеждъ человѣческихъ, къ помощи небесной Заступницы. Въ назначенный день, вербное воскресенье, — день торжественнаго входа Побѣдителя смерти, пришелъ я къ больной для молебствія. Она была въ прежнемъ изнеможенномъ положеніи, но въ ея глазахъ, полныхъ слезъ, не отражалось ни малѣйшаго отчаянія; она молилась умиленно, со слезами. По окончаніи молебна и по моемъ уходѣ, больная попросила, какъ передаютъ ея родные, чтобы дали ей образъ въ руки. Прижавъ его къ груди и долго рыдая, она просила Заступницу избавить ее отъ тяжкихъ страданій, или прекратить дни ея жизни. Вскорѣ за симъ съ нею сдѣлался сильный припадокъ: она стонала, скрежетала зубами и впала потомъ въ безсознательное состояніе и пролежала такъ часа че-

тыре. На другой день больную стало слабѣть, что продолжалось съ ней два дня. На четвертый день, т.-е. въ страстную среду, съ ней сдѣлался жаръ и бредъ, никого она не узнавала. Такъ пробыла больная съ утра часовъ до десяти и потомъ, отвернувшись къ стѣнѣ, затихла. Прележавъ въ такомъ спокойномъ состояніи часа два, больная быстро повернулась отъ стѣны и твердо спросила хозяйку квартиры, свою тетку: «что сегодня готовили?» Полагая, что больная все еще въ бреду, та не отвѣчала ей. «Что же вы не отвѣчаете, я хочу ѣсть?» Исполняя настоятельное ея требованіе, больной подали вареную картофель и два маленькихъ ломтика жареной тыквы съ кускомъ бѣлаго хлѣба, и она съ аппетитомъ кушала это простое кушанье, весело говоря: «посмотрите, посмотрите, у меня нища проходить въ желудокъ и безъ боли». Потомъ больная попросила чаю и подкову (?), которую она очень любила. Выпивъ двѣ чашки чаю и скушавъ еще два яйца въ смятку, больная сказала: «ну, я теперь совершенно здорова, нога моя выпрямилась, я хочу ходить, подымите меня». Ее подняли и она съ помощію сестры прошлась по комнатѣ два раза, немного прихрамывая. Съ того времени и припадки и корчи ее оставили; а въ настоящее время бывшая безнадежная страдалица совершенно здорова и только для укрѣпленія себя въ слабыхъ еще силахъ отправилась пожить въ Сарептѣ.

«Въ этомъ, изложенномъ мной событіи кто не усмотритъ и не признаетъ всемогущей Творческой силы, явленной чрезъ Благословенную Матерь Божию, бѣдной, страдавшей отроковицѣ Вѣрѣ? Сами врачи, лечившіе ее, по нисколько не успѣвшіе хоть мало-мальски облегчить ея страданія, удивляются тому, что совершилось съ нею, помимо всѣхъ ихъ предположеній; они сулили ей смерть, но вѣра и молитва къ небесной Заступницѣ спасли ее отъ нея. Да, поистинѣ, дивенъ Богъ во святыхъ, и особенно дивенъ, чуденъ въ ликѣ Преподобноблагословенныя Богородицы Дѣвы Маріи!»

«Не лишнимъ считаю при этомъ коснуться кратко исторіи иконы Козельщинекой. Въ сказаніи о ней полтавскаго протоіерея Гаврилкова говорится, что она живописи итальянской, идетъ изъ рода Сиромахи, бывшаго начальникомъ штаба войска Запорожскаго при гетманѣ Полуботкѣ. Послѣ присоединенія войска Запорожскаго къ Россіи, Сиромаха получилъ отъ щедротъ императрицы Екатерины II обширные участки земли между рѣками Ингуломъ и Вербовою около 10.000 десятинъ, былъ обласканъ государыней и обвѣнчанъ въ Петербургѣ на одной изъ ея фрейлинъ, родомъ итальянкѣ, фамилія которой не сохранилась. Ея-то принадлежала, по преданію, св. икона Богоматери, которая въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ имѣніемъ села Козельщины, перешла къ женѣ графа Капниста, Софьѣ Михайловнѣ, изъ рода Козельскихъ, и издавна славилась въ семействѣ Козельскихъ чудотворною силою. Она всегда съ особою вѣрою прибѣгала въ своихъ молитвахъ къ этой семейной святынѣ. Замѣчателенъ обычай, наслѣдованный отъ семьи Козельскихъ, при молитвахъ предъ благодатною иконою Богоматери потереть хлопчатую бумагою, или чистымъ полотенцемъ и почистить серебряную ризу иконы, что считается какъбы необходимымъ для успѣха молитвы. Это же самое сдѣлала болящая дочь графа Капниста предъ своимъ исцѣленіемъ, по наставленію своей матери, всегда такъ поступавшей при молитвѣ предъ этою завѣтною для нея иконою».

Въ припискѣ подъ настоящимъ сказаніемъ, получившая исцѣленіе Вѣра Гицевичъ, увѣряя, что все описанное исполнилось совершенно вѣрно, между прочимъ, сообщаетъ, что ее лечили пять докторовъ. Это подтвердили и подписавшіеся подъ этимъ же сказаніемъ двѣ родственницы ея. Показанія отбиралъ благочинный, проторіей Василій Новолѣтовъ.

ПАРЕМІЯ ИЗЪ КНИГИ ПРИТЧЕЙ

Въ понедѣльникъ третьей седмицы великаго поста
(Притч. 8, 21).

Въ сей пареміи изображается божественная Премудрость, какъ наставница людей, привлекающая къ себѣ богатствомъ своихъ даровъ.

Гл. 8., ст. 1. **Сыне, премудрость проповѣждь, да разумъ послушаетъ тебе.**

Премудрость проповѣждь: идетъ рѣчь о божественной премудрости, или о самомъ Богѣ, виновникѣ ея. Она представляется здѣсь такою силой, которой долженъ подчиниться разумъ. Соломонъ требуетъ отъ своего ученика, чтобы онъ возвѣстилъ (*проповѣждь*) своему разуму ученіе Премудрости и склонилъ его выслушать сіе ученіе, смиренно подчиниться руководству Премудрости. Откуда же ученикъ Соломона можетъ знать ученіе Премудрости, которое долженъ передать своему разуму? О семъ говорится далѣе:

Ст. 2. **На высокихъ бо краяхъ есть (на высокихъ вершинахъ находится), посредѣ же стезь стоитъ (останавливается).**

Премудрость божественная даетъ всюду слышать свой голосъ. Она *на высокихъ вершинахъ находится*: она громко, во всеуслышаніе, устами своихъ слугъ провозглашаетъ свое ученіе; слуги Премудрости не прячутся отъ людей съ своею проповѣдію, безбоязненно являются предъ ними, стараются быть нарочито на виду у всѣхъ, чтобы обра-

тить на себя вниманіе, подобно стражамъ, стоящимъ на высокихъ стѣнахъ и башняхъ и оттуда подающимъ условные знаки для извѣщенія объ угрожающей опасности или о чемъ-нибудь другомъ, что нужно знать жителямъ.—*Посредь стезь стоитъ.* Ученіе божественной Премудрости отнюдь не походитъ на ученіе какой-нибудь философской школы, двери которой открыты только для избранныхъ слушателей и замкнуты для толпы. Божественная Премудрость не чуждается многолюдства, а ищетъ его и для сего оставливается *посредь стезь*,—на перекресткахъ, гдѣ бываетъ большое стеченіе прохожихъ. Это значитъ, что божественная Премудрость устами своихъ слугъ призываетъ къ вниманію своимъ наставленіямъ всѣхъ людей безъ разбора,—образованныхъ и необразованныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и худородныхъ, старыхъ и малыхъ, лицъ мужскаго и женскаго пола: всякій приходи къ ней и учись у ней, она никого не отгонитъ отъ себя, и чѣмъ больше соберется къ ней слушателей, чѣмъ чаще одни изъ нихъ смѣняются другими, какъ на перекресткахъ одни прохожіе смѣняются другими, тѣмъ лучше. Свѣтъ истины, исходящій отъ божест. Премудрости, просвѣщаетъ всякаго человѣка.

Ст. 3. **При вратѣхъ бо сильныхъ** (*властителей*) **присѣдить, во входѣхъ же поется.**

При вратѣхъ сильныхъ присѣдитъ. Это значитъ, что божественная Премудрость устами властителей, т.-е. судей и начальниковъ, производившихъ судъ и управу у воротъ своихъ домовъ, правосудно изрекаетъ приговоры и рѣшенія гражданамъ, ожидавшимъ отъ нихъ суда и правды.—*При входѣхъ же поется:* голосъ Премудрости можно слышать также въ народныхъ собраніяхъ, происходившихъ при входѣ въ городъ или селеніе. Шумны эти собранія, но и среди шума празднословащихъ и препирающихся не менѣе громко, какъ-бы чрезъ громозвучное пѣніе, раздаются рѣчи поучительныя и назидательныя изъ устъ ревнителей и вѣстниковъ божественной Премудрости (Слич. Прит. 1, 22. Паремія во вторникъ 1-й седмицы вел. поста).

Ст. 4. Васъ, о человекѣцы, молю и вдаю (*издаю*) мой гласъ сыномъ человекѣскимъ.

Божественная Премудрость обращается съ мольбой къ *человѣкамъ*,—къ пожилымъ или можетъ-быть знатнымъ людямъ,—и къ *сынамъ человекѣскимъ*,—къ молодымъ или можетъ-быть незнатнымъ лицамъ. Въ послѣднемъ значеніи слово *сынъ человекѣскій* употреблено въ псаломскомъ стихѣ: *не надѣйтесь на князи и на сыны человекѣскія* (Пс. 145, 3). Съ какою же мольбой Премудрость обращается къ людямъ?

Ст. 5. Уразумѣйте незлобиви коварство (*учитесь незлобивые смѣтливости*), ненаказаннїи же (*неучи*) приложите сердце.

Уразумѣйте незлобиви коварство. Хорошо быть незлобивымъ, чуждымъ хитрости и лукавства; но безъ коварства, т.-е. безъ смѣтливости, осторожности и предусмотрительности незлобіе до бѣды доводитъ: незлобивые легко попадаютъ въ сѣти людей злонамѣренныхъ, внушенїямъ которыхъ довѣрчиво подчиняются, не подозрѣвая злаго умысла противъ ихъ чести и собственности. Для избѣжанїя этой бѣды съ незлобіемъ должна быть соединяема смѣтливость: *будьте мудри, яко змїя и цѣли яко голубїе* (Мат. 10, 16).—*Ненаказаннїи приложите сердце.* Сердце, по употребленїю этого слова въ Писанїи, есть источникъ не только чувствованїй, но также мыслей и разумѣнїя (Еккл. 1, 13. Евр. 4, 12. Лук. 1, 51. Еф. 1, 18). Способность мышленїя и разумѣнїя прирождена каждому; но она, доколѣ остается безъ упражненїя, тупѣетъ, человекъ дѣлается несмысленнымъ, глупымъ. Посему словами: *ненаказаннїи приложите сердце*, внушается, чтобы ненаказанные, т.-е. неучи, старались поумнѣть, развить свой умъ упражненїемъ, учились различать истину отъ заблужденїя, добро отъ зла, чтобы не сбиться съ пути истины и не принять зла за добро.

Ст. 6. **Послушайте** (*выслушайте*) мене, честная бо (*важное*) **реку и изнесу** отъ устенъ правая (*вѣрное*).

Наставленія, къ выслушанію которыхъ приглашаетъ людей божественная Премудрость, называются *честными*, *важными*, потому что относятся къ предметамъ знанія, самымъ важнымъ въ жизни человѣческой, — и *правыми*, *вѣрными*, потому что въ нихъ нѣтъ ничего погрѣшительнаго и ложнаго.

Ст. 7. **Яко истинѣ** поучится гортань моя, мерзки же предо мною уста лживыя.

Истина, присущая божественной Премудрости, такъ дорога для нея, что она не только ревнуетъ (*поучится*) о томъ, чтобы устами своихъ слугъ изрекать ее въ наставленіе людямъ, но ненавидитъ все противное истинѣ, — для нея омерзительна, нестерпима ложь, изъ чьихъ бы устъ она ни исходила.

Ст. 8. **Съ правдою** вси глаголы устъ моихъ, ничтоже въ нихъ стропотно, ниже развращенно (*нѣтъ въ нихъ ничего криваго и узловатаго*). **Вся права** разумѣвающимъ (*всѣ они ясны для разумныхъ*) и проста обрѣтающимъ разумъ (*знаніе*).

Въ глаголахъ божественной Премудрости все непреложно истинно и справедливо; но повидимому не все въ нихъ удобоуразумѣваемо и удобопріемлемо. Между ними есть изреченія замысловатыя, загадочныя, представляющія истину не прямо, но подъ образами, иносказаніями, намеками. Но при всемъ томъ въ нихъ нѣтъ ничего *криваго и узловатаго*, — нѣтъ тѣхъ хитросплетеній и двусмысленностей, которыми уснащается рѣчь людей коварныхъ и обманщиковъ для отвода глазъ отъ истины и для вовлеченія въ заблужденіе. Глаголы Премудрости могутъ казаться *кривыми*, *чуждыми* прямоты, и *узловатыми*, запутанными только для людей неразумныхъ, неопытныхъ, неучей, но всѣ они *ясны и просты для разумныхъ*, для привыкшихъ углубляться въ смыслъ слова Божія, и *обрѣтающихъ въ немъ знаніе*, удовлетвореніе своей любознательности.

Ст. 10. **Примите наказаніе** (*умудреніе*), а не сребро, и разумъ (*знаніе*) паче злата искушенна, избирайте же вѣдѣніе паче злата чиста.

Умудреніе или стяжаніе истины есть стяжаніе столь великаго блага, что еслибы предложили вамъ на выборъ одно изъ двухъ, или серебро и чистое золото, или мудрость, вы не колеблясь выбирайте мудрость. Кто польстится на земныя сокровища и презритъ мудрость, тотъ обманется въ надеждѣ найти счастье въ земныхъ сокровищахъ. Обладаніе ими, при отсутствіи мудрости, подаютъ поводъ или къ безумной расточительности, оканчивающейся разореніемъ, или къ скряжничеству, дѣлающему изъ скряги добровольнаго нищаго.

Ст. 11. **Лучше бо премудрость каменій многоцѣнныхъ, всякое же честное** (*все цѣнное*) недостойно ея есть (*не стоитъ ея*).

Многоцѣнные камни, напримѣръ брилліанты, употребляются для украшенія тѣла, тогда какъ мудрость, даръ божественной Премудрости, служитъ украшеніемъ души и есть такое благо, въ сравненіи съ которымъ ничего не стоитъ все цѣнное по одному внѣшнему блеску. Украшенные мудростію пользуются несравненно большимъ уваженіемъ, чѣмъ люди, любящіе увѣшивать себя драгоценными камнями, но лишенные мудрости. Смотрящіе на нихъ любятъ не личностію ихъ, а красотой и дороговизной вещей, носимыхъ ими (Слич. Притч. 3, 15. Паремія въ четвертокъ 1-й седмицы великаго поста).

Ст. 12. **Азъ, премудрость, вселихъ совѣтъ** (*поселилась въ совѣтъ*), и разумъ и смыслъ азъ призвахъ.

Въ семъ стихѣ божественная Премудрость говоритъ о своемъ участіи въ *совѣтъ*, въ рѣшеніи затруднительныхъ вопросовъ по дѣламъ духовнымъ и житейскимъ. *Я*, говоритъ божественная Премудрость, *поселилась*, водворилась, *въ совѣтъ*, т.-е. являю свое присутствіе тамъ, гдѣ обсу-

дается какое-нибудь трудное дѣло. Я *призвала разумъ и смыслъ*, т.-е. осѣняю умъ обсуждающихъ счастливою мыслию и помогаю имъ придти къ окончательному рѣшенію обсуждаемаго дѣла,—*къ совѣту*.

Ст. 13. **Страхъ Господень ненавидитъ неправды, досажденія же (обиды) и гордыни, и пути лукавыхъ (лукавствующихъ): возненавидѣхъ же Азъ (и я) развращенныя пути злыхъ.**

Божественная Премудрость отождествляетъ здѣсь свои свойства съ свойствами страха Господня. Въ комъ есть страхъ Господень, тотъ не только самъ никого не обижаетъ, ни передъ кѣмъ не гордится и не ходитъ путями лукавыхъ людей, но и въ другихъ ненавидитъ эти пороки и противодѣйствуетъ имъ, особенно если несетъ судейскую должность. Богобоязненный судья есть врагъ всякой неправды. Но если такъ поступаютъ люди, имѣющіе страхъ Господень, если они ненавидятъ неправду, кольми паче *ненавидитъ пути*, поведеніе *злыхъ* людей, Премудрость божественная, или самъ Богъ, источникъ премудрости. Предъ лицомъ божественной Премудрости всякая неправда и гордость есть безуміе, поруганіе здраваго смысла, требующаго отъ каждаго не дѣлать другимъ того, чего не желаетъ себѣ.

Ст. 14. **Мой совѣтъ и утвержденіе (у меня совѣтъ и безопасность), мой разумъ, моя же крѣпость (сила).**

Безопасность отъ зла и напасти въ жизни частной и общественной достигается и поддерживается *совѣтомъ*, т.-е. цѣлесообразными мѣропріятіями, какія придумываетъ человѣческая мудрость. Но мудрость людская въ семь случаевъ не должна забывать своей зависимости отъ божественной Премудрости и по своему происхожденію, ибо произошла отъ разума Божія, есть свѣтъ отъ его свѣта,— и по тайному дѣйствию на разумъ человѣческой силы Божіей премудрости, неподозрѣваемому человѣкомъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительному. Одна Премудрость божественная обладаетъ въ совершенствѣ *совѣтомъ*, *разумомъ* и

силую, нужною для приведенія въ исполненіе ея мѣропріятій ко благу человѣка,—безъ ея содѣйствія мудрость человѣческая безсильна.

Ст. 15. Мною царіе царствуютъ и сильніи (правители) пишутъ правду.

Цари, какъ орудія промысленія Божія о народахъ, поставляются и сохраняютъ свою власть по волѣ Господа, Царя царствующихъ, проявляющаго чрезъ нихъ свою премудрость въ устроеніи народнаго блага. Равно и въ законахъ и распоряженіяхъ, исходящихъ отъ правителей, проявляетъ свою силу Премудрость божественная, руководствующая законодателей и властелиновъ въ ихъ усиліяхъ водворить въ народѣ правду и изгнать всякую неправду.

Ст. 16. Мною вельможи величаются (возвышаются) и властители мною держатъ землю.

Совѣтниками и помощниками царей служатъ вельможи. Возвышеніемъ своимъ они должны почитать себя обязанными не своему только уму, но вмѣстѣ божественной Премудрости, содѣйствующей имъ въ ихъ служеніи царю.— *Мною властители держатъ землю.* Случается, что держатъ землю, или владѣютъ ею властители (*tyranni*), захватившіе власть насильственно и употребляющіе ее деспотически. Но если народъ видитъ въ нихъ мудрость и умѣнье устроить его благосостояніе, онъ легко примиряется съ ихъ деспотизмомъ. Премудрость божественная не пренебрегаетъ и такими орудіями своего промысленія о людяхъ: не безъ воли Божіей они держатъ землю.

Ст. 17. Азъ любящія мя люблю, ищущіи же мене обрящутъ благодать.

Божественная Премудрость готова всякаго обогатить своими дарами. Что же нужно для приобрѣтенія ихъ? Любовь къ ней. Кто любитъ меня, говоритъ она, дорожитъ паче всего общеніемъ со мной и вслѣдствіе сего ищетъ меня, ревнуетъ о стяжаніи моего благоволенія, тотъ заслужитъ мою любовь и благоволеніе (*благодать*), и получитъ отъ меня духовныя и земныя блага.

Ст. 18. Богатство и слава моя (у меня) есть и стяжаніе многихъ (многого) и правда.

Божественная Премудрость, говоря о себѣ, что у *ней богатство и слава*, говоритъ тоже, за что прославляетъ Господа праведная Анна по рожденіи отъ нея чудесно дарованнаго ей сына Самуила: «Господь убожить и богатить, смиряетъ и выситъ. Возоставляетъ отъ земли убога и отъ гноища воздвигаетъ нища, посадити его съ могущими людей и престолъ славы въ наслѣдіе имъ» (1 Цар. 2 7—8). Слова: *у меня стяжаніе многого и правда* выражаютъ мысль, что въ надѣленіи людей обиліемъ земныхъ благъ проявляются судьбы правды Божіей. Иногда земными благами обилуютъ люди недостойные, но это значитъ не то, что Богъ не по правдѣ съ ними поступаетъ, а то, что имъ дается возможность обратиться къ Богу съ покаяніемъ изъ благодарности за Его милости и щедроты.

Ст. 19. Лучше есть плодити мене (получать плодъ отъ меня) паче злата и каменія драга, мои же плоды лучше сребра избранна (отборнаго).

Когда человѣкъ паче всего на свѣтѣ дорожитъ общеніемъ съ Богомъ, какъ источникомъ премудрости, и съ терпѣніемъ земледѣльца, въ потѣ лица воздѣлывающаго землю въ надеждѣ получить плоды отъ ней, ищетъ отъ Бога умудренія, тогда онъ получаетъ то, чего ищетъ, трудъ его не безплоденъ и награждается отъ Господа возделаннымъ успѣхомъ. Стяжаніе этого плода или успѣха, безъ всякаго сомнѣнія, само-по-себѣ есть благо, драгоценнѣйшее золота, серебра и драгоценныхъ камней.

Ст. 20. 21. Въ путѣхъ правды хожду и посреде стезей оправданія (правосудія) живу, да раздѣлю любящимъ мя имѣніе и сокровища (сокровищницы) ихъ исполню благихъ (наполню благами).

Даръ мудрости, исходящій отъ божественной Премудрости, превосходитъ всѣхъ земныхъ даровъ; по божествен-

ная Премудрость не отказываетъ ищущимъ мудрости и въ сихъ дарахъ въ награду за ихъ ревность къ снисканію ея. И въ семъ случаѣ божественная Премудрость поступаетъ съ величайшею справедливостію. Она *ходитъ по путямъ правды*, чтобы никто не имѣлъ причины жаловаться на несправедливость въ распредѣленіи земныхъ благъ. Она *посредъ стезей правосудія живетъ*, т.-е. не уклоняется съ пути правды ни направо по пристрастію къ однимъ, ни налѣво съ обидою другимъ. Она воздаетъ каждому соотвѣтственно его достоинствамъ,—любящимъ ее она являетъ свою любовь и благоволеніе, никого изъ нихъ не обдѣляетъ, всякому *раздѣляетъ правосудно имущество и наполняетъ сокровищницы ихъ благами*.

Прот. В. Нечаевъ.

П И С Ь М А

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО АРХИМАНДРИТА ЛАВРЕНТІЯ,
настоятеля Иверскаго Богородицкаго монастыря, въ міръ Димитрія
Іоанновича Манарова, къ младшему брату его, Θεодору Іоанновичу,
служившему на Кавказѣ. *)

Кіевъ. 21-го марта 1836 г. Любезный братъ Θεодоръ Ивановичъ! Привѣтствую тебя съ свѣтлымъ праздникомъ. Желаю встрѣтить и проводить его, какъ должно христіанину: не въ буйныхъ и безумныхъ удовольствіяхъ, не въ радости отъ чувственныхъ наслажденій, роздыха и праздности, но въ чистой радости о томъ, что Спаситель напѣ даровалъ своимъ почитателямъ свободу отъ адовыхъ нерѣшимыхъ узъ, отверзъ врата рай, заключенныя нашими грѣхами, отверзъ для тѣхъ, которые будутъ любить Его и исполнять Его св. волю. Не смотри, какъ провождается сей великій праздникъ между христіанами недостойными сего имени, а подражай добрымъ, благочестивымъ людямъ. Поставь себѣ за правило быть, сколько позволитъ должность, въ церкви Божіей, стоять въ ней со вниманіемъ, слушать и поучаться пѣснями церковными. Собранія, оглашаемыя празднословіемъ, сквернословіемъ, оставляй. Послѣдовавъ моему искреннему совѣту, повѣрь, не останешься безъ пользы. Господь успокоитъ и утѣшитъ тебя горькаго на чужой сторонѣ, вразумитъ и укрѣпитъ въ прохожденіи скучной и трудной должности, отыметъ печаль и пошлетъ радость въ твою душу. Ты вѣрно сѣтовалъ и жаловался на мое молчаніе,—въ этомъ я не сомнѣваюсь; скажу тебѣ въ свое оправданіе: ты не можешь представить, какъ мнѣ трудно проходить должность наставника-баккалавра въ академіи у тѣхъ студентовъ, съ которыми я только что самъ сидѣлъ за партами. Не сладка и твоя

*) Жлзнеописаніе архим. Лаврентія см. въ августовской и сентябрьской книжкахъ. Душеп. Чтенія 1885 г.

доля; но вѣрь, другъ мой, что ты видишь больше спокойствія и отрадныхъ минутъ, нежели я. Посылаю тебѣ вмѣсто краснаго яйца красную ассигнацію; мало, потому что къ Пасхѣ послалъ батюшкѣ бѣлую и еще въ другое мѣсто такую же. Къ Рождеству Христову также послалъ родителямъ 50 р.; къ празднику кое-что справлялъ себѣ. Пиши ко мнѣ отвѣтъ немедленно, если не хочешь, чтобы я осердился на тебя; пиши, — я готовъ изъ послѣднаго помогать твоимъ нуждамъ. Прости, другъ мой, будь здоровъ. Братъ твой, Кіевской духовной академіи бакалавръ Димитрій Макаровъ.

Кіевъ. 7 іюля 1836 г. Любезный братъ О. И.! Съ наступленіемъ лишь вакаціи, я дождался свободнаго времени отвѣчать на твое письмо. Прости за мое молчаніе; если оно оскорбило тебя, то жалуйся на мои недосуги отъ многотрудной службы. Благодарю тебя за письмо; ты еще въ первый разъ такъ удовлетворилъ моему желанію; прежнія твои письма были не письма, а сухія, краткія записки, заставлявшія меня болѣе сердиться, нежели радоваться. Крайне сожалѣлъ я, что не зналъ о твоей болѣзни, — я пособилъ бы по крайней мѣрѣ твоимъ нуждамъ; но что дѣлать, прошлаго не вернешь; благодареніе Господу, что болѣзнь миновала; того ли еще заслуживаемъ мы по грѣхамъ нашимъ? Іовъ праведный несказанно много и тяжело страдалъ; но что онъ сказалъ стужающей женѣ своей? «Вскую яко едина отъ безумныхъ женъ возглагонала еси? Аще благая пріяхошь отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ? Якоже Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно!» (Іов. 2, 10; 1, 21). Надобно скорбѣть, если болѣзнь или другія несчастія постигаютъ насъ отъ нашихъ собственныхъ шалостей и оплошностей; но благодумствовать, если не видимъ за собой причинъ ихъ. «Егоже любить Господь, наказуетъ, біеть же всякаго сына, егоже приѣмлетъ». Не думай, чтобы безъ воли Божіей что-нибудь могло постигнуть тебя; Онъ или посылаетъ или попускаетъ, а все съ премудрою и благою цѣлію, для того, чтобы очистить насъ отъ грѣховъ, поселить въ сердцѣ омерзѣніе къ пороку, любовь къ добродѣтели, преданность волѣ Провидѣнія. Больной или несчастный скорѣе вспомнить о Богѣ и обратится на путь покаянія. Всѣ мы вѣдь, по слову апостола Іакова, «согрѣшаемъ много»

на всякъ часъ (Іак. 3, 2). Благодарилъ ли ты Господа Бога, что Онъ послалъ тебѣ нѣкоторое облегченіе? Хорошо бы отслужить молебень Царицѣ небесной, «всѣхъ, скорбящихъ Радости». Посылаю тебѣ на великія нужды 10 руб. не больше; не гнѣвайся, къ празднику Космы и Даміана послалъ родителямъ 35 руб. Моли Бога, чтобы мы лишь были живы; будемъ живы — будемъ и сыты. Намъ скоро прибавятъ жалованья; я буду получать до 1500 руб. ассигн. въ годъ; значить тебѣ буду посылать почаше и побольше, особенно когда ты посмысленѣешь, укрѣпишься въ образѣ мыслей и жизни, будешь умѣть управлять собой. Пока прости; будь здоровъ, Господь съ тобой. Любящій тебя братъ, бакалавръ К. ак. Д. Макаровъ

Кіевъ. 6 марта 1837 г. Любезный братъ Ѳ. И.! Привѣтствую тебя съ свѣтлымъ праздникомъ Христовымъ; желаю, чтобы ты проводилъ оный по-христіански, въ духовномъ веселіи и радости. Долго я ждалъ твоего отвѣта, и признаться, много сердился на тебя; повѣрь, что умѣю любить, умѣю и бранить, даже могу и совсѣмъ разлюбить; пожалуйста не поступай со мной такъ, какъ теперь, не плати за мою искренность невниманіемъ. Печалить меня очень твой отзывъ о худости здоровья; не пренебрегай и лекарствомъ, но паче всего надѣйся на Бога: Онъ—врачъ нашихъ душъ и тѣлесъ. Молись пресвятой Богородицѣ и св. угодникамъ,—они туне пріяли даръ испцѣленій, туне и дадутъ оный намъ грѣшнымъ. Еслибы ты былъ со мной, то я можетъ быть чѣмъ-нибудь и помогъ бы твоему горю; но за разстояніемъ 1000 верстъ, что можно сдѣлать? Утѣшаетъ меня одно въ твоемъ письмѣ, именно то, что ты въ спокойномъ духѣ; старайся, мой другъ, быть таковымъ, и горе никогда тебя не уберетъ. Непріятности и скорби у всякаго есть; но люди благодущные за все благодарятъ Бога. Мы, разумѣется, люди; нельзя иногда и не покусачать; но надобио же помнить, что наша судьба въ распорядженіи премудраго Промысла Божія; безъ воли Его святой и власъ главы нашей не упадетъ; Онъ богатитъ и убожить, мертвитъ и живитъ. Будешь имѣть доброе христіанское сердце, все будетъ хорошо. Молись обо мнѣ Господу Богу. Какъ ты знаешь, я живу не для себя, а для бѣдныхъ нашихъ родныхъ. Въ Пасху по обычаю христіанскому, мѣняются айцами; почтой нельзя ихъ посы-

латъ, а въ письмѣ лучше всего идеть бумага; прійми же отъ меня 15 руб. ас. въ знакъ христіанскаго усердія; смотри, на отвѣтъ пиши скорѣе, въ награду и отъ меня скоро получишь. Будь спокоенъ, весель, исправенъ по службѣ, покоренъ начальству; сего отъ души желаю тебѣ братъ твой, Кіев. ак. бакалавръ Д. Макаровъ.

Кіевъ. 18 октября 1837 г. Любезный братъ Ѳ. И.! Жалѣю, что здоровье твое не поправляется; оно вездѣ необходимо, тѣмъ болѣе въ вайей тяжелой службѣ. Впрочемъ будь покоренъ волѣ Божіей. Сказано въ посланіи ап. Павла: «сегоже любить Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ» (Евр. 12, 6). Работай предъ лицемъ начальниковъ по совѣсти, сколько можешь; не думай, чтобы они, видя твое усердіе, не пожалѣли неволить тебя въ слабости и болѣзни. Всякій знаетъ и сознаетъ, что онъ и самъ, какъ говорится, «ходитъ подъ Богомъ». Каково ты живешь по отношенію нравственности? Часто вспоминаю тебя въ отношеніи сего, потому что военная служба часто располагаетъ къ нѣкотораго рода закоснѣлости; храни Господи отъ нея всякаго человѣка. За нарушеніе правилъ благочестія, уставовъ св. Церкви, воли начальства и своихъ внутреннихъ обязанностей, внушеній совѣсти, каждому нужно будетъ явиться для отвѣта на страшный судъ Божій. Никакъ не доускай себя до той слабости, чтобы и вечеръ и утро не положить по крайней мѣрѣ хотя нѣсколько поклоновъ съ усердіемъ, съ сознаниемъ въ душѣ. Душѣ безъ молитвы, какъ тѣлу безъ пищи. Когда есть въ душѣ искра Божія, тогда и самыя горькія непріятности въ жизни для насъ сносны; тогда ничто не въ состояніи поколебать моей увѣренности въ томъ, что Господь—моя надежда, мой щитъ, моя награда, мое упованіе. Прости, другъ мой, поручаю тебя милости Божіей. Молюсь о тебѣ братъ твой, бакалавръ Д. Макаровъ.

Кіевъ. 17 декабря 1838 г. Любезный братъ Ѳ. И.! Долгое мое молчаніе похоже на то, будто я забылъ тебя; нѣтъ, напротивъ, написавъ тебѣ письмо, я успокоиваюсь и на время какъбы забываю тебя; а не писавъ долго, постоянно забочусь, скучаю о тебѣ. Повѣрь, что это сказана истина; и если мнѣ одному не вѣришь, то Богъ те-

бѣ свидѣтель. Причины же моего молчанія были и есть одни и тѣ же, т.-е. мои нескончаемыя хлопоты и занятія по службѣ; служба наша, гдѣ бы и какая бы она ни была, дѣло святое, и ей предпочесть что-либо частное, хотя бы и доброе, не безгрѣшно; она тебѣ и самому знакома, потому можешь судить и о другихъ; прибавь къ сему еще и то, что ты по крайней мѣрѣ хотя въ ночь имѣешь покой и свободу отъ должности, а у меня тутъ-то и болѣе дѣла. При многодѣльной должности, чтобы быть вполне исправнымъ предъ Богомъ и добрыми людьми, нерѣдко жертвуешь и ночнымъ покоемъ. Но какъ бы ни было, а я увѣренъ, что ты простишь моему долговому молчанію. Прими же мое радушное братское привѣтствіе съ праздниками; съ новымъ годомъ пошли тебѣ Господи новыя силы и новыя блага въ новой сугубой мѣрѣ. Уповай, другъ, на Его милости; никогда и нигдѣ не погибнешь съ этимъ упованіемъ. Если встрѣчаешь скорби или нужды, потерпи; и отецъ не всегда жалѣетъ дѣтей, иногда даетъ имъ чувствовать несприятное, подвергаетъ и наказаніямъ. «Сладкое пріятнѣе еще послѣ горькаго», а благо дорого только то, которое приобрѣтено многими трудами. Письма твои по общему ихъ характеру всегда мнѣ нравятся; въ нихъ всегда ясенъ добрый духъ воина христіанскаго. Я самъ знаю, да и кто не знаетъ, что жизнь солдатская велегка; но тутъ-то и мудрость, чтобы изъ труднаго сдѣлать легкое. изъ скучнаго пріятное. А ты знаешь этотъ секретъ, у тебя все всегда «хорошо»; будь, другъ мой, таковъ на словахъ и на дѣлѣ, и поистинѣ будешь счастливъ. Счастье и спокойствіе зависитъ отъ насъ самихъ, болѣе чѣмъ отъ кого-нибудь другаго; много зарой по уши въ золото, онъ все стонетъ да жалуется; а другой всю жизнь въ трудахъ, въ скорбяхъ, въ скудости, а благодушествуетъ; поистинѣ онъ счастливѣе перваго во сто кратъ. Я всегда и вездѣ твой посильный попечитель. Прими же «христовскую» десять руб. Прости, другъ мой, братецъ; писалъ бы болѣе, да ждуть другія письма, а вотъ уже и ночь къ концу, а я еще и не отдохнулъ. Братъ твой бакалавръ Д. Макаровъ.

Кіевъ. 7 марта 1839 г. Будь здоровъ и благополученъ, мой другъ, продли Господи къ тебѣ свои богатыя милости, а ты усугубь къ Нему свою благодарность и вѣрность

Его св. закону и уставамъ матери нашей православной Церкви. Подходить свѣтлый праздникъ и я, прежде чѣмъ съ кѣмъ-либо, рѣшилъ съ тобой похристосоваться,—доказательство, что я занятъ тобой болѣе, чѣмъ кѣмъ-либо. Желая встрѣтить тебѣ этотъ праздникъ «свѣтлый» со свѣтлою душой, съ чистымъ сердцемъ; желаю,—и въ семъ желаніи сосредоточено все, что только добраго я могу пожелать тебѣ,—чтобы Христосъ воскресъ и въ твоёмъ чистомъ сердцѣ и свѣтлой душѣ, если Онъ обратитъ ихъ таковыми. О другъ мой! размысли объ этой истинѣ, она коренная въ нашей вѣрѣ. ~~Доколѣ нѣтъ въ сердцѣ Христа,~~ нѣтъ въ немъ ни радости, ни мира, ни свѣта, ни теплоты, ~~дотоле ты христіанинъ только по имени,~~ а не по душѣ и не на дѣлѣ. Здоровъ ли ты теперь? Каковы твои обстоятельства, каковы твои дѣла, каковы къ тебѣ добрые люди и начальники? Благодарю за все Отца небеснаго; Онъ наказуетъ и милуетъ, мертвитъ и живитъ. Не забывай и се-го: «якоже хотите да творятъ вамъ человеѣцы, и вы творите имъ такожде» (Лук. 6, 31). Если хочешь, чтобы тебя всѣ любили, люби всѣхъ самъ; не хочешь быть обидимымъ, не обижай самъ никого, не только дѣломъ, но ни словомъ, ниже мыслію; и мыслить-то обо всѣхъ старайся хорошо, ибо сказано: ~~«доброе око не узритъ зла»~~. Что сказать тебѣ, мой другъ, о себѣ самомъ? Все одно и то же: я все бьюсь, какъ рыба объ ледъ, ради нашихъ бѣдныхъ родныхъ; хочется всѣмъ помочь и помогаю изо всѣхъ силъ, не щадя себя, но все же не удовлетворяю вполнѣ, все просятъ еще и еще. Прости, Христосъ съ тобой; помни мои совѣты, какъ отъ искренно любящей души брата и друга твоего, Кіев. ак. бакалавра Д. Макарова.

Кіевъ. 6 октября 1839 г. Любезный братъ Ѳ. И! Желая тебѣ отъ милости Божіей здоровья и всякаго благополучія. Долго ты ожидалъ моего письма; извини, другъ мой; молчаніе мое отъ недосуговъ и отъ недостатка «прилагаемаго». Прошлую вакацію былъ я на родинѣ и поѣздка эта стала мнѣ до 500 руб. Вотъ почему долго не писалъ къ тебѣ: и времени не было и денегъ недоставало. О, братъ, братъ! какая бѣдность въ родствѣ! Нѣтъ ни одного человекъ, который не нуждался бы въ моей помощи. Какъ всѣхъ удовлетворить? Я своимъ всѣмъ жертвую для нихъ, въ долги вошелъ, а ихъ не исправилъ и не испра-

вить, думаю, никогда. Живу, какъ работникъ, отъ нихъ отданный: тружусь вовсе не для себя, а для нихъ, но все еще не сдѣлалъ почти ничего. Послѣ этого суди, каково у меня на душѣ. Впрочемъ воля Господня! потружусь, поскорблю, потерплю нужду самъ, чтобы ихъ успокоить; такъ видно мнѣ надобно жить, такъ видно мнѣ Богъ судилъ. «Не такъ живи, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ». Билетъ отпуска бралъ я не надолго, впрочемъ и этимъ краткимъ свиданіемъ съ родными я вполнѣ доволенъ. Для родителей нашихъ слабыхъ, престарѣлыхъ прїѣздъ мой былъ неизъяснимымъ утѣшеніемъ; сердечушко ихъ теперь отдохнуло. «Кажется, теперь, говорятъ, умремъ спокойнѣе». Ну, еслибы они повидались еще съ тобой! Я совѣтую тебѣ побывать, если можно по службѣ; лучшаго удовольствія не вкусишь въ цѣлой жизни. Ты меня радуешь, слава Богу, но не приписывай ничего самому себѣ и своимъ заслугамъ, и за все благодари Его милосердаго Отца, подавшаго тебѣ мудрость и крѣпость. И къ начальникамъ будь признателенъ въ своемъ новомъ чинѣ и покоренъ попрежнему. Помни пословицу: «за Богомъ молитва, а за царемъ служба никогда не пропадаетъ». Прости другъ мой, пиши ко мнѣ, какъ къ отцу родному. Посылаю тебѣ 10 руб. Поминай меня въ молитвахъ твоихъ и помни мои наставленія: живи по-христіански, и Господь благословитъ твою жизнь и твои дѣла. Отъ всей души желаетъ тебѣ сего братъ твой, бакалавръ Кіев. академ. Д. Макаровъ.

Кіевъ. 26 марта 1840 г. Любезный братъ Ѳ. И! Здравствуй, съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова, да воскреситъ Господь твои силы душевныя и тѣлесныя, да обновитъ тебя всецѣло, да обрадуетъ и возвеселитъ твое сердце. Ищи и проси у Господа всего; Онъ милосердый всѣмъ богатъ и все щедро подаетъ всѣмъ требующимъ. Здоровье твое плохо, не отчаивайся въ милости Божіей; Онъ—врачъ нашихъ душъ и тѣлесъ. Призывай въ помощь Заступницу усердную, покровителя твоего—чудотворца, угодниковъ кіево-печерскихъ. Не давай овладѣвать собой грустнымъ и мрачнымъ мыслямъ, не оставляй молитвы. Имя Іисуса Христа, Пречистой Его Матери, угодниковъ, ангела-хранителя, пусть чаще повторяется у тебя въ устахъ, а наипаче въ сердцѣ и умѣ. Приучи себя

къ этому и увидишь, какъ тебѣ будетъ хорошо. Поминай слова Апостола: «многими скорбями подобаетъ вамъ вни-ти въ царствіе Божіе.» Всѣ неприятности по службѣ, всѣ неудачи, всѣ болѣзни, почитай посланіемъ Божиимъ для нашего покаянія и исправленія. И это для насъ великая милость Божія; ибо безъ исправленія сердца страшно явиться на судъ Божій: «аще и праведникъ едва спасается», куда же дѣваться грѣшнику, съ его тяжелою ношею грѣховъ? Будь добрымъ христіаниномъ и не будешь жить безъ друзей и безъ добрыхъ людей. «Добрый человекъ дорогъ, а добрый другъ безцѣненъ»; а тотъ и другой — посланіе Божіе за добрую христіанскую жизнь. Прости же, другъ мой; прими 15 руб на красное яичко. Будь здоровъ и счастливъ. Братъ твой, Кіевской академіи бакалавръ Д. Макаровъ.

Кіевъ. 5 іюля 1840 г. Любезный братъ О. И! Съ 30-го апрѣля мы съ тобой сироты. Родимый нашъ батюшка, попечитель нашъ, хранитель-ангелъ, отошелъ ко Господу; одно намъ утѣшеніе въ этой скорби — истинно-христіанская его кончина. Предварительной болѣзни не было никакой; отъ преклонныхъ лѣтъ жизнь догараала постепенно видимо, какъ свѣча. 26 числа приобщился св. таинъ, 27 освященъ елеемъ, приготовляясь къ борьбѣ съ предсмертными страданіями; 29 послалъ за старшимъ братомъ Александромъ, но этотъ уже засталъ родные останки, пособилъ омыть и положить на обычное мѣсто. 3-го мая, при служеніи 5 священниковъ, тѣло его предано землѣ въ оградѣ, противъ праваго клироса, подъ сѣнію березки, въ холодкѣ и гишинѣ, какъбы за то, что въ жизни своей съ великимъ усердіемъ онъ на этомъ самомъ клиросѣ въ церкви Божіей съ радостію переносилъ жаръ и зной. Будемъ, другъ мой, молить Господа о упокоеніи его души; онъ хотѣлъ жить и жить въ трудахъ всю жизнь для насъ, заплатимъ и мы посильный долгъ молитвой усердною; при жизни мы мало платили ему долгу, заплатимся хотя теперь. Помни о немъ, другъ мой; онъ теперь ближе къ намъ, чѣмъ тогда; подсматриваетъ за нами тайно, скорбитъ, молится съ нами и за насъ. Помни его правила: вѣрить въ отеческій промыслъ о насъ Господа Бога, жить добродѣтельно, ожидать отъ всѣхъ того, что имъ самъ желалъ, знать церковь, почитать праздники и посты, не

упускать утра и вечера безъ молитвы, трудиться, довольствоваться малымъ, почитать начальниковъ, какъ отъ Бога поставленныхъ, каковы бы они ни были. Помни братъ эти правила, какъ бы сказанныя тебѣ отъ самаго родимаго батюшки въ послѣдній разъ въ этой жизни. Онъ будетъ наблюдать за нами, какъ мы будемъ помнить его совѣты; предстанетъ съ нами на судъ Божій и скажетъ: «се азъ и дѣти мои!» Не постыдимъ же лица его предъ Господомъ. Прости, другъ мой, молись о упокоеніи родителя. Посылаю тебѣ только 10 руб. Отвѣчай скорѣе. Твой братъ, бакалавръ Д. Макаровъ.

Кіевъ. 20 ноября 1841 г. Любезный братъ Ѳ. И! Извини, голубчикъ, что такъ долго не писалъ я къ тебѣ. Ты многое придумалъ въ объясненіе моего молчанія, а дѣло было просто вотъ какъ: къ вакаціи съ 30 уже іюля я ѣздилъ на родину и надѣялся писать тебѣ изъ Орла, но не тутъ-то было. Вообще на родинѣ пробылъ двѣ недѣли, а почти не видѣлъ и матушки: съѣхались родные и чужіе, все время держали въ осадѣ; въ Орлѣ точно такъ же. Чѣмъ тебя порадовать о домашнемъ? Нечѣмъ, любезный. Все мое удовольствіе ограничивалось только тѣмъ, что помолился, поскорбѣлъ на гробъ родимаго, помянулъ его съ добрыми людьми хлѣбомъ-солью. Матушку видѣлъ очень мало; она живетъ, слава Богу, покойно и силы ея терпятъ. Въ содержаніи я стараюсь ее какъ можно больше обезпечивать: есть одежда, обувь, пища, а самовара два: большой и маленькій; собственнно для нея одинъ. Плоха изба, оставилъ немножко денегъ поправить; да не сдѣлаютъ: годъ у нихъ и выпѣ былъ голодный, скота очень мало, а корму еще меньше. Съ кончиной родителя все опало, О похоронахъ слышалъ я и отъ постороннихъ: все было, говорятъ, на славу. На могилу родимаго велѣлъ я положить камень. Хорошо мнѣ было сидѣть на немъ, въ раздумьѣ о томъ, что подъ нимъ покойно лежать наконецъ родимому нашему. Вотъ я въ благодарность заказалъ ему памятникъ, съ ясно высѣченнымъ большимъ крестомъ. Каждый вечеръ ходилъ туда бесѣдовать съ нимъ мысленно, одинъ, либо съ матушкой; обо всемъ припомнилъ, все передъ глазами. Вѣчный ему покой, царство ему небесное. Вотъ что еще меня утѣшаетъ въ жизни, что я хоть немного подъ старость покоилъ его; иначе онъ бы в рань-

ше умеръ въ горести безъ отрады отъ дѣтей. Со времени поступленія моего на должность онъ жилъ покойно, ни въ чемъ нужды не имѣлъ. Мнѣ Господь пособлялъ помогать имъ. Каково ты живешь, любезный? Слава Богу, за все благодари Его милосердаго, что бы ни случилось. Батюшка нашъ покойный говаривалъ: «слава Богу за все!» А это знакъ души преданной Господу всецѣло и вмѣстѣ залогъ Его милости въ будущемъ. Если и люди за безчестіе считаютъ отказывать тому, кто на нихъ надѣется, то кольми паче Господь не оставитъ крѣпко уповающихъ на Него. Вотъ тебѣ красная христославнаго. Прости, другъ мой, молись Господу обо мнѣ грѣшномъ, а я тебя забываю никогда. Твой братъ Киев. академ. бакалавръ Д. Макаровъ.

Кіевъ. 14 марта 1842 г. Любезный братъ Ѡ. И! Привѣтствую тебя съ св. постомъ. Желая провести его похристіански и въ добромъ здоровьѣ, въ радости встрѣтить праздникъ свѣтлаго Христова воскресенія. У васъ, я думаю, въ этотъ постъ непремѣнно каждый пріобщается св. Христовыхъ таинъ. Великое для насъ благодѣяніе въ этомъ установленіи матери нашей Церкви, говѣтъ и пріобщаться въ этотъ постъ. Мудро поступаетъ правительство, требуя отъ cadaго выполненія сего постановленія св. Церкви. Безъ достойнаго вкушенія тѣла и крови Христовой, душѣ нашей также нельзя быть здоровой и сильной, какъ тѣлу безъ пищи и питія. «Аще не съѣсте плоти Сына челоувѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ. Ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день» (Іоан. 6, 53. 54), сказалъ самъ Христось. Сколько можно, другъ мой, собери свое вниманіе, удивись отъ обычныхъ дѣлъ и бесѣдъ, углубись въ самага себя, припомни свои грѣхи и проступки, чтобы достойно тебѣ приготовиться приступить къ страшной трапезѣ. «Ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ясть и питъ» (1 Кор. 12, 29). Приступивъ къ ней съ надлежащимъ приготовленіемъ себя, увидишь, что на душѣ у тебя станетъ легче, отраднѣе, плоть будетъ послушнѣе, грѣха страшнѣе, сласти житейскія пусты и ничтожны. Живи мы съ тобой какъ хочется въ этомъ мірѣ, никто намъ не препятствуетъ, только на судъ-то Божій надо явиться, принять достойное по дѣламъ своимъ, или

животь вѣчный, или муку также вѣчную. А мы съ тобой родились въ духовномъ званіи, отъ благочестивыхъ родителей; значить намъ строго надо отвѣчать, если худо будемъ жить. Не поскучай, другъ мой, что часто говорю тебѣ наставленія, — чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. А говорю тебѣ, какъ братъ — отъ всей души желаю тебѣ добра; говорю потому еще, что въ твоемъ званіи, за дѣлами требующими строгаго исполненія, можно молодому человѣку охладѣть къ св. вѣрѣ, а она вѣдь требуетъ точно такого же исполненія, какъ и служба военная; воинъ Царя небснаго долженъ быть также строгъ къ самому себѣ, дѣятеленъ, неутомимъ, самоотверженъ, какъ и воинъ царя земнаго. Прости, другъ мой. Любящій тебя братъ экстраординарный профессоръ Д. Макаровъ.

Кіевъ. 11 декабря 1842 г. Любезный братъ Ѳ. И! Здоровъ ли ты, другъ мой, залетная птапечка? Всѣмъ намъ, а тѣмъ болѣе труженику-воину безъ здоровья великое горе. Я, слава Богу, тянусь понемногу, но и во всю осень и въ теченіе зимы плоховато, крѣпко плоховато мнѣ, постепенно замѣтно истощаются мои силы. Заботъ, трудовъ, суеты вдоволь, а утѣшенія нѣтъ ни въ чемъ. Какъ же тутъ быть здорову? «Веселящуся сердцу здоровье цвѣтеть», говоритъ премудрый Сирахъ; а какъ мнѣ веселиться, когда всѣ родные мои, близкіе сердцу, стонуть отъ нужды и бѣдствій? Я бьюсь изо всѣхъ силъ, и все еще незначительна моя помощь. Для нихъ-то лишь я желалъ бы еще пожить, ибо живу всецѣло не для себя, а для нихъ. Матушки родимой особенно мнѣ жаль; кто успокоитъ ее одинокую ласточку, кто поможетъ нуждамъ ея на старости лѣтъ, если не станетъ меня? Но буди во всемъ и на всѣхъ воля Господа нашего. Онъ, милосердый Отецъ, никого не покинетъ, никого не броситъ изъ уповающихъ на Него. «Возверзи на Господа печаль твою и Той тя препитаешь», взываетъ Царь-псалмопѣвецъ. Спасибо тебѣ за твое письмецо веселое, обстоятельное, достойное вполне христіанскаго воина, и даже не безъ духа благочестія. Да, голубчикъ, благочестіе, это сокровище наше; съ нимъ однимъ не страшно явиться на судъ Божій, а явиться-то на него рано, или поздно надо, непременно, неминуемо. Страшно это ожиданіе. Страшило оно и великихъ святыхъ, не только насъ грѣшныхъ. Что твои чины, ордена, слава, богатство,

мудрость и т. п., все ничтожно для помощи въ тотъ страшный часъ, все само безслѣдно исчезнетъ, одно благочестіе сильно будетъ отворить намъ двери райскія и ввести въ желанную отчизну. Другъ мой, случилось ли тебѣ когда мысленно переноситься въ эту отчизну? На родину вѣрно нерѣдко мысленно летаешь, а на ту-то коренную нашу родину заглядывалъ ли когда? Не мѣшаетъ заглянуть: оттуда вынесешь много полезнаго. Скажу тебѣ, другъ мой, что думаю я о себѣ: если Господу будетъ угодно, то послѣ новаго года думаю (чего давно желаетъ душа моя) — въ монахи. Помолись, голубчикъ, обо мнѣ. Прости, голубчикъ братецъ, пріими 10 рублей отъ искренно любящаго тебя брата, экстра-ординарнаго профессора Кіев. академ. Д. Макарова.

Кіевъ. 16 августа 1843 г. Благословеніе тебѣ отъ Господа молитвами Заступницы и чудотворцевъ печерскихъ, любезный братъ Ѳ. И.! Долго я тебѣ не писалъ, доселѣ ожидалъ той перемѣны въ своемъ образѣ жизни, о которомъ давно уже предвозвѣстилъ. Теперь она по милости Господа послѣдовала: 10 сего августа богатый въ милости Господь, Отецъ небесный простеръ мнѣ грѣшному свои объятія, не отвергъ моего покаянія, принялъ мои обѣты монашества. Въ пещерной церкви преп. Антонія, самимъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ совершенъ обрядъ постриженія на ранней литургіи съ нареченіемъ мнѣ имени въ честь св. мученика архидіакона Лаврентія (см. 10 августа). 14 тогоже августа, въ день памяти препод. Феодосія, удостоенъ я сана іеродіакона, а 15, въ день Успенія Богородицы, рукоположенъ въ санъ іеромонаха. Со 2 августа живу во св. лаврѣ; въ пастоящую недѣлю сподобился четыре раза принести безкровную жертву, совершая литургію въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ приняты мои обѣты монашества. Молился о здравіи и спасеніи живыхъ, о упокоеніи усопшихъ родныхъ и родимаго нашего батюшки; онъ, покойникъ, сильно желалъ, чтобы я былъ въ монашескомъ званіи, и молилъ о семъ Господа; вотъ желаніе его исполнилось. Слава и благодареніе милосердому Господу; принеси и ты Ему жертву благодарной молитвы, особенно помолись, чтобы невоцпе мнѣ принять благодать и даръ Духа Святаго. «Кому дано много, съ того и взыщется много». Монашество есть

воинство Царя небеснаго; монахъ долженъ быть трудолюбивъ, покоренъ, терпѣливъ, нелѣнивъ, неуныль, нестяжатель, мужественъ въ дѣлѣ своего званія, какъ добрый воинъ царя земнаго. Мнѣ твои отзывы о твоємъ многотрудномъ безотрадномъ званіи всегда очень нравились. Такъ, другъ мой, всякое званіе, если проходишь его по совѣсти, по закону Божію, требуетъ всѣхъ нашихъ силъ, всего вниманія, и чѣмъ строже обязанности, чѣмъ внимательнѣе мы къ нимъ, тѣмъ больше мира въ совѣсти и утѣшенія въ сердцѣ, тѣмъ больше и награды отъ Господа. Званіе военное и монашеское похожи одно на другое; дадимъ взаимно, ты мнѣ, а я тебѣ слово служить и работать изо всей силы, ты по своей службѣ, а я по своей. Будемъ молить Господа о помощи исполнить эти обѣты. За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ, говорили наши благочестивые предки. За то какъ пріятно будетъ намъ послѣ долговременныхъ и нелегкихъ трудовъ насладиться отдыхомъ, который посылается еще и здѣсь, на землѣ, но для истиннаго христіанина, главнымъ образомъ тамъ, въ вѣчности, въ прекрасныхъ обителяхъ, въ непрестающихъ радостяхъ съ Нимъ самимъ, Господомъ нашимъ! На седмицѣ послѣ Троицы посѣтила меня матушка; радъ я всегда видѣть ее, родимую; продли, Господи, дни ея для молитвы о насъ. Посылаю тебѣ благословеніе «рукой» въ знакъ духовной радости о перемѣнѣ моего свѣтскаго званія на духовное, и въ залогъ благословенія небеснаго. Прилагаю также и красную, необходимую для земнаго жителя; ее пріими, какъ залогъ и въ знакъ всегдашней моей о тебѣ заботливости. Прости, другъ мой, пиши скорѣй. Адресъ тотъ же съ перемѣной лишь имени; вмѣсто Д. Макарову, пиши: іеромонаху Лаврентію. Братъ твой Кіев. духов. академіи экстра-ординарный профессоръ, іеромонахъ Лаврентій.

Кіевъ. 10 мая 1844 г. Любезнѣйшій братъ Ѳ. И.! Господь, Утѣшитель Духъ Святый, да исполнитъ радости и веселія твою душу, а тѣло здоровьемъ, силой и крѣпостію. Теперь у тебя новый періодъ жизни послѣ побывки на родинѣ; много конечно встрѣчалось тебѣ и непріятнаго, много трудовъ въ дорогѣ, но все это ничто въ сравненіи съ тайными глубокими, хотя и безотчетными, но безцѣнными и спасительными чувствами и мыслями, какія возни-

какотъ въ душѣ на родинѣ, при свиданіи съ родными, при воспоминаніи блаженнаго младенчества. Это говорю я не по теоріи, а по собственному опыту. Хорошо, что ты рѣшился съѣздить на родину. А матушка-то родимая наша, вѣдь она еще лишній годъ проживетъ отъ той радости, что повидала тебя. И я надѣялся повидать всѣхъ васъ тамъ въ Козьминскѣ, около сырной недѣли, потому что былъ представленъ въ ректора Харьковской семинаріи; но оставили прежняго ректора на своемъ мѣстѣ, и крѣпко радуюсь, что я въ любезномъ мнѣ Кіевѣ. Какой я ректоръ! Здоровье мое плохо, силы еще плоше. Впрочемъ и теперь съ часу на часъ жду другаго рѣшенія изъ св. Синода. Пишутъ частно, что я уже утвержденъ. Неисповѣдимы судьбы Божіи! По просьбѣ и желанію нашего владыки митрополита, меня дѣлаютъ архимандритомъ и намѣстникомъ Кіево-печерской лавры. И во снѣ не снилось, какъ говорится. Каково мнѣ тутъ будетъ, не знаю. Одно лишь достоверно, что тамъ вдвоеятеро болѣе трудовъ, чѣмъ здѣсь въ академіи. Трудовъ я никогда не боялся и не бѣгалъ ихъ, лишь бы Господь силы далъ. Одно ужъ то хорошо, что остаюсь въ дорогомъ сердцу Кіевѣ, и еще то, что при монашеской должности, тутъ скорѣе чѣмъ гдѣ-либо вспомнишь о монашествѣ своемъ, ибо и дѣятельность вся сосредоточена будетъ въ монашествѣ. Слава премудрому о насъ промыслу Божію, за все и за все! Прости, другъ мой, будь здоровъ, благодушень, терпѣливъ и усерденъ по службѣ: сего желаетъ тебѣ братъ твой іеромонахъ Лаврентій. Прими 10 руб.

Кіевъ. 26 іюля 1844 г. Любезный братъ Ѳ. И.! Милость Господа, Пречистой Его Матери и угодниковъ печерскихъ съ тобой, возлюбленный! Первое письмо пишу тебѣ изъ Кіева, но не изъ Братскаго училищнаго монастыря, а изъ самой Кіево-печерской лавры. Безъ всякаго моего содѣйствія или противодѣйствія, по волѣ начальства, слѣдовательно и по смотрѣнію Божію, 11 іюня сего года я произведенъ въ санъ архимандрита, съ утвержденіемъ въ должности намѣстника лавры и оставленіемъ прежней профессорской должности. Для званія моего монашескаго настоящее мѣсто безпримѣрно, какъ святыня Кіева въ нашей православной Церкви русской безпримѣрна. Это рай земной, въ которомъ надо жить, какъ святому. Сколь-

ко тутъ побужденій къ исполненію монашескихъ обѣтовъ, сколько побужденій самыхъ сильныхъ, къ смиренію, самоосужденію и сознанию своей худости и ничтожества! Помолись, другъ мой, чтобы изъ этого рая не былъ я изринуть къ отверженнымъ грѣшникамъ, какъ лѣнивый и лукавый рабъ, невозрастившій свой талантъ. Сколько здѣсь удобства къ молитвѣ, къ безусловной преданности св. волѣ Божіей, Его премудрому водительствоу и промыслу! Сколько живыхъ примѣровъ могучихъ, сильныхъ убѣжденій среди множества нетлѣнныхъ св. мощей, безсмертно почивающихъ въ таинственныхъ пещерахъ! Слава всеблагому Промыслу Божію обо мнѣ грѣшномъ! Въ благословеніе отъ святой Лавры получи 10 руб. Во всякомъ моемъ недостаткѣ, для тебя у меня всегда достанетъ. Я увѣренъ, что ты никогда не злоупотребишь моимъ усердіемъ къ тебѣ. Призываю на тебя благословеніе Божіе, твой усердный богомолецъ, Кіево-печерской лавры намѣстникъ, архимандритъ Лаврентій.

Кіевъ. 22 декабря 1844 г. Любезный братъ Ѳ. И.! Съ праздникомъ Рождества Христова и съ новымъ годомъ привѣтствую тебя, возлюбленный. Господь Спаситель нашъ да поможетъ тебѣ своею благодатію съ новымъ лѣтомъ обновиться и духомъ и тѣломъ. Да поможетъ тебѣ быть и здоровѣе и благочестивѣе. Въ письмѣ твоёмъ ты, какъ добрый христіанинъ, тяготился своею грѣховностію; это прекрасно, мой другъ; какъ намъ не тяготиться грѣхами, когда ими мы оскорбляемъ нашего Благодѣтеля, Отца небеснаго, ими отлучаемъ себя отъ Него и, если не покаемся, то и на вѣки разлучимся? Сознаніе есть начало исправленія; но еще лишь начало, а начавши надо приступать къ дѣлу, иначе не доведешь до конца, и не достигнувъ своей цѣли, начало бесполезно. Понемногу, не вдругъ, но съ твердою рѣшимостію начавши дѣло исправленія, не останавливайся на трудностяхъ, не озирайся вспять, ибо «никтоже возложъ руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи» (Лук. 9, 62). Такая только дѣятельность освящается благословеніемъ и помощію отъ Господа. Св. отцы говорятъ, что Господь сотворилъ насъ безъ насъ, а спасти насъ безъ насъ самихъ, т.-е. безъ нашего содѣйствія не можетъ. Ибо Господь правосуденъ и спасеніе вѣчное даруетъ по заслу-

гамъ каждаго. Помощь Божія ощутительна для кающихся, но она лишь помощь, а не насиліе; человѣкъ напримѣръ усталъ, самъ далѣе идти не можетъ, просить помощи отъ другаго, и вотъ другой простираетъ ему руку, и тотъ, опираясь на нее, идетъ дальше и понемногу достигаетъ цѣли; но помощникъ вѣдь не беретъ усталого на пути, не несетъ его самъ, а только помогаетъ ему, а идетъ онъ самъ, самъ трудится съ помощію ближняго, и достигаетъ цѣли. Пиши мнѣ, другъ мой, пиши все, и худое и доброе; все твое близко мнѣ, какъ свое, и готовъ я помогать тебѣ не въ однихъ лишь вѣшнихъ твоихъ нуждахъ, но и паче еще въ духовныхъ, да еще это-то пожалуй ближе мнѣ и по званію, и по обязанности. Не бойся оскорбить меня: я монахъ, но и человѣкъ; я отказался отъ рода, но не отъ спасенія душъ вашихъ. Накажи насъ, Господи, всѣми бѣдами, какими лишь Тебѣ угодно будетъ, въ удовлетвореніе твоего правосудія, болѣзнями, несчастіями, скорбями, только не допусти насъ умереть во грѣхахъ. Всякое дѣло въ нашемъ спасеніи, т.-е. исправленіе какого-либо порока, упражненіе въ какой-либо добродѣтели, все это по началу намъ кажется не только труднымъ, но и невозможнымъ; но это дотолѣ, пока не рѣшимся твердо, не приступимъ къ дѣлу дѣятельно, а то откуда возьмутся силы, какая будетъ на душѣ легкость, какой миръ! И при всякой рѣшимости человѣкъ самъ-по-себѣ бываетъ силенъ,—какъ говоритъ пословица, бываетъ тверже камня, а ослабѣвши, слабѣе воды. А въ дѣлѣ спасенія души онъ не одинъ, не самъ-по-себѣ, оставленный своимъ лишь слабымъ силамъ,—съ нимъ благодатная помощь Божія, съ нимъ десница Вышняго, съ нимъ ангелъ его хранитель, радующійся его исправленію и осѣняющій его своими крылами. О, другъ мой, уразумѣй силу словъ моихъ, или вѣрнѣе скажу, силу тайны спасенія нашего. Уразумѣй ее не только умомъ, но и сердцемъ: тогда узришь свѣтъ истинный. Что сказать тебѣ о себѣ самомъ? Слава Господу Богу, мой бытъ попрежнему тихъ, миренъ; трудовъ и суеты много, но нѣтъ горести раздирающей душу; дѣла всѣ по должности удобоисполнимы, пока еще есть сила и хоть кое-какое здоровье. Трудовъ, говорю, много, но дай Господи и потрудиться, только бы труды были въ пользу ближнимъ и своей душѣ. Въ церковномъ богослуженіи у насъ проходитъ отъ 8 до 10 часовъ въ сутки; но несмотря на

продолжительность сего, въ церкви душа моя отдыхаетъ отъ хлопотъ по должности намѣстника. Прости, другъ мой, прими въ гостинець 15 руб.; не забывай молитвами и письмами любящаго тебя брата, Кіево-печерской лавры намѣстника, архим. Лаврентія.

Кіевъ. 2 апрѣля 1845 г. Любезный братъ Ѳ. И! Съ окончаніемъ св. четырехдесятницы и съ преддверіемъ праздника Воскресенія Христова привѣтствую тебя. Добрымъ, истиннымъ христіанамъ тѣ и другіе дни приносятъ радость, а намъ съ тобой что? Постъ они проводятъ въ дѣлахъ покаянія, очищенія совѣсти; а труды покаянія и скорби эти и лишенія выше всякой земной радости; во дни же праздниковъ радость ихъ духовная для насъ грѣшныхъ неизяснима: она—высшая, небесная, святая, ангельская; и наслаждаются они ею съ сознаніемъ нѣкотораго права на сіе блаженство духа. У насъ же грѣшныхъ хотя бываетъ скорбь во дни поста, но скорбитъ прихотливая плоть въ лишеніяхъ, тужить лѣнивая въ трудахъ и во бдѣніяхъ, а отъ сего не радость и праздникъ Господень; не ощущаемъ, не понимаемъ мы въ немъ святаго торжества души. Не попусти, Господи, намъ умереть въ нераскаянности нашей. Дни страстей и смерти Господней проводить достойно тотъ, кто самъ распялъ себя и умеръ грѣху. Дни свѣтлаго воскресенія встрѣчаетъ незазорно тотъ, кто ожилъ правдѣ и добродѣтели. Какъ же намъ-то грѣшнымъ въ страстные дни приблизиться къ св. плащаницѣ? Мы преданы страстямъ, валяемся наподобіе скотовъ несмысленныхъ и, что всего пагубнѣе, не стараемся возникнуть, выкарабкаться изъ этой тины. Какъ насладимся блаженною небесною радостію, когда предпочитаемъ ей пустую, суетную радость среди міра и любителей его? Говорю это, братъ, не для того, чтобы лишить тебя удовольствій, не для того, чтобы отравить радость праздника; нѣтъ, единственно хочу, какъ въ тебѣ, такъ и въ себѣ возбудить живое сознаніе своего недостойнства; послѣднее зло для грѣшника, когда онъ не понимаетъ своего грѣха; сознаніе же мало-по-малу приводитъ къ рѣшимости оставить грѣхъ и исправиться, а при этомъ переходѣ по временамъ рождается сильное стараніе воздерживаться отъ худыхъ навыковъ своихъ, о коихъ немолчно намъ напоминаетъ еще не совсѣмъ усыпленная совѣсть. Въ семь-то

исправленіи состоитъ начало нашего покаянія: благодать Божія выжидаетъ этихъ минутъ, какъ чадолюбивая мать возвращенія ребенка, выжидаетъ благодать, чтобы помочь нашему безсилію, простерши свою десницу. «Гдѣ умножится грѣхъ, говоритъ Апостоль, тамъ преизобилуетъ благодать». Грѣхъ проникаетъ насъ до самой глубины, измощааетъ, истоощааетъ слабыя силы наши тѣлесныя, особенно душевныя; оттого-то при умноженіи грѣховъ потребно изобиліе благодати. Да укрѣпитъ же эта божественная благодать и наши съ тобою слабыя силы, и да обратитъ отъ грѣха на путь истиннаго покаянія и исправленія. Сего усердно желаетъ тебѣ и себѣ братъ твой, намѣстникъ архимандритъ Лаврентій. Прими гостинець 10 рублей.

Кіевъ. 18 августа 1845 г. Любезный братъ О. И.! По мѣсту жительства ты дальше всѣхъ родныхъ отъ меня, а по роду жизни ближе всѣхъ ихъ къ моему сердцу; вотъ я прежде чѣмъ кого-либо изъ нихъ, спѣшу тебя поздравить съ праздникомъ Господнимъ. Прими же мое поздравленіе, по въ чемъ оно состоитъ? У васъ желаютъ здравія и Монаршей милости, а у насъ спасенія души. У насъ благожеланіе важнѣе, ибо Христось сказалъ: «Кая бо польза челоувѣку, аще міръ весь пріобрываетъ, душу же свою отщетитъ?» т.-е. потеряетъ (Матѣ. 16, 26). Помоги тебѣ, Господи, спасти твою душу. Онъ Премилосердный для того и пришелъ на землю, чтобы взискать и спасти погибшаго. Говорю: помоги тебѣ, Господи, спасти твою душу, потому что Господь не спасаетъ насъ безъ нашихъ трудовъ для сего спасенія; если желаешь потрудиться, то по мѣрѣ трудовъ нашихъ и желанія, посылаетъ Онъ намъ свою благодатную помощь или чрезъ людей добрыхъ (даже иногда и чрезъ злыхъ вразумляетъ), или чрезъ обстоятельства жизни. Лучшимъ и скорѣйшимъ вразумленіемъ намъ въ законѣности нашей суть скорби, толчки жизни, заставляющіе насъ какъбы очнуться, проснуться отъ грѣховнаго сна. Всѣ грѣхи и пороки такъ глубоко пустили свои корни въ падшемъ челоувѣчествѣ, что сдѣлались ему какъбы присущи; челоувѣчество въ цѣломъ своемъ строѣ какъбы заражено, отравлено грѣхомъ, пропитано имъ во всякомъ его видѣ; со времянъ преступленія Адамова «міръ во злѣ лежитъ», и тѣмъ паче эта грѣховность пагубна и

плачевна, что мы какъбы свыклись со грѣхомъ, сдружились крѣпко, полюбили его сердечно, и такъ освоились, что и не считаемъ его тѣмъ, что онъ есть, считаемъ его за ничто, за дѣло обыкновенное, какъбы даже необходимое. Въ этомъ-то вся и бѣда наша. Кромѣ сего обыкновеннаго общаго грѣховаго навыка, еще и каждое званіе имѣетъ свои отдѣльные пороки, свойственные ему болѣе, чѣмъ другому званію и положенію въ свѣтѣ; равнымъ образомъ и каждый возрастъ имѣетъ свое, и каждый образъ жизни или обстоятельства, вызываютъ свои преступленія. И тутъ-то надо умѣть распознавать козни врага, сѣятеля грѣховъ; надо умѣть противопоставлять имъ приличныя добродѣтели, и въ борьбѣ со грѣхомъ одолевать его и оставаться побѣдителемъ, въ какомъ бы возрастѣ, званіи, положеніи ты ни былъ,—азбука эта для всѣхъ одинакова. Напримѣръ заповѣдь о цѣломудріи и чистотѣ дана всѣмъ; но смотри подраздѣленіе ея: людямъ брачнымъ, семейнымъ допущенъ бракъ честенъ и ложе нескверное; людямъ одинокимъ, безбрачнымъ, заповѣдана строгая чистота души и тѣла; намъ, чернецамъ-монахамъ, и тѣмъ еще болѣе; намъ каждое малѣйшее поползновеніе мысли вмѣняется въ преступленіе. Обширна и широка сія заповѣдь; ужасенъ и великъ грѣхъ противъ ней!.. Объясняя всю тяжесть его, Апостоль восклицаетъ: «или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, егоже имате отъ Бога, и нѣсте свои: куплени бо есте цѣною крови Господней?» А если тѣло наше—храмъ Святаго Духа, то слыши и другій приговоръ Апостола: «аще кто храмъ Божій растлитъ, растлитъ того Богъ». Приговоръ ужасный: «страшно бо, еже впасти въ ружь Бога жива». Страшно, другъ мой, страшно и настолько страшно, что тогда рекутъ горамъ: «падите на ны», и холмамъ: «покрыти ны», но нѣтъ, ничто не укроетъ, никто не защититъ; ничѣмъ не отговорись въ виновности: «вся бо явлена суть» Судіи. Напиши мнѣ, братъ, твою исповѣдь, а я или порадуюсь твоему преуспѣянію, или поскорблю и поплачу съ тобой предъ Господомъ. «Исповѣдайте, говоритъ Апостоль, другъ другу согрѣшенія ваша, да исцѣлѣете, и молитесь другъ за друга». Добрыя дѣла надо скрывать, а пороки высказывать, исповѣдывать. Исповѣдывать грѣхи есть тоже для души, что для тѣла изблевать смертоносный ядъ; поэтому ясно, насколько это полезно, да и пе

только полезно, но и необходимо.—Что сказать мнѣ тебѣ о себѣ? Живу я попрежнему: тружусь, скорблю, скучаю и благодарю Господа, призвавшаго меня на труды, а не на радости. Скорблю лишь потому, что грѣшнику не о чемъ радоваться, а особенно монаху, вѣдь онъ—живой мертвецъ, его не радуютъ и не должны радовать ни родные, ни пріятели, ни богатство, ни слава и ничто на свѣтѣ. Радуютъ одни добрыя дѣла, а что такое наша добродѣтель и наши добрыя дѣла? «*Вся правда наша яко рубъ поверженный*» предъ Богомъ, въ очахъ Его совершенства. Онъ, Милосердый, видя наше ничтожество, безсиліе, благоволяетъ и дѣла наши хорошія, исправныя, вмѣнять намъ въ добродѣтель, и Самъ же благодатию своею помогая намъ въ нихъ, насъ же убогихъ награждаетъ. Слава долготерпѣнію твоему, Господи! Слава благоутробному твоему милосердію! Потерпи же и еще, Господи, на насъ грѣшныхъ, не погуби со беззаконія вашими; даждь еще время на покаяніе. Молись о семъ, другъ мой, молись усерднѣе, ибо не знаемъ, много ли еще опредѣлено намъ времени земной жизни; можетъ-быть предѣлъ ея уже «*близъ при дверѣхъ*». Молись и обо мнѣ грѣшномъ, искреннемъ другѣ и братѣ твоемъ, Кіево-печерской лавры намѣстникѣ архимандритѣ Лаврентіѣ. Посылаю 15 руб. на твои нуждишки.

Кіевъ. 11 декабря 1845 г. Любезнѣйшій братъ О. И.!
 Никогда кажется не ждалъ ты такъ долго моего письма, какъ нынѣ. Любовь моя къ тебѣ неизмѣнна, но средства доказывать оную затруднены до крайности. Еслибы ты посмотрѣлъ на мою жизнь, то отъ души бы пожалѣлъ бѣднаго Лаврентія. Бромъ глубокой ночи ни одного полчаса въ суткахъ не могу свободно распорядиться собой. Впрочемъ, слава Богу, что могу пока трудиться; жизнь состоитъ въ дѣятельности; кто не трудится, тотъ и не живетъ человѣческою жизнью, а прозябаетъ. Монашество пожалуй тоже, что военная служба; монахъ какъ воинъ, тогда и хорошъ, когда трудолюбивъ и самоотверженъ. Дай Господи трудиться до истощенія силъ, только бы съ пользой для своей души и ближнихъ; ты вѣрно въ этомъ со мною согласенъ; твои отзывы о своей службѣ мнѣ очень пріятны. У меня только вотъ что неладно: многостороннія хлопоты и суеты по должности препятствуютъ

собственно монашеству въ строгомъ смыслѣ сего слова. Только и знаю что встрѣчаю да провожаю то своихъ (т.-е. братію), то чужихъ (т.-е. мірянъ), то подписываю, то расписываюсь, то обхожу съ обзоромъ, дѣлаю распоряженія и т. п., а о монашествѣ собственно своемъ некогда и подумать. Скажешь: «да что же это какъ не монашескія обязанности твои?» Такъ-то оно такъ, но есть у монаха еще и другая жизнь, кромѣ видимой, внѣшней, состоящей изъ видимыхъ его обязанностей; эта-то жизнь и есть жизнь для монаха, безъ нея онъ не монахъ; ее называютъ св. отцы «внутреннимъ дѣланіемъ, въ Божѣ сокровеннымъ»; составляютъ ее: богомысліе, умная молитва, вниманіе себѣ и т.-п.; но сколько бы я ни сталъ тебѣ исчислять и опредѣлять эту тайну монашества, доколѣ ты мірянинъ и по внѣшнему образу жизни и по духу, ты не поймешь меня. Да впрочемъ тебѣ и нѣтъ нужды въ этомъ пониманіи, ты только не забывай поминать меня на молитвѣ твоей, чтобы «не вотще была на мнѣ благодать Божія».—Въ маѣ утѣшила меня своимъ посѣщеніемъ родимая матушка; движется она родная наша, но уже плоха; видно, что ея уже ничто не радуешь; а скорби еще близко принимаетъ къ сердцу, и это оттого, что скорби-то сѣ были знакомѣе въ жизни, чѣмъ радости. Сколько позволяло мнѣ время, я старался утѣшать ее; раза три нарочно для нея служилъ, и это болѣе чѣмъ что-либо другое утѣшало ее. Прости, голубчикъ, теперь у насъ будетъ богомольцевъ поменьше, скорѣе урвусь написать тебѣ. Прими прилагаемый гостинецъ твоего брата намѣстника архимандрита Лаврентія.

Кіевъ. 19 марта 1846 г. Любезный братъ Ѳ. И! Съ окончаніемъ св. поста и съ преддверіемъ великаго праздника привѣтствую тебя, своего друга. Дай Господи, чтобы совершенное поприще св. поста и говѣнія послужило къ пользѣ для нашего духа, души и тѣла, чтобы со свѣтлою радостію чистыхъ душъ встрѣтить намъ праздникъ Свѣтлаго воскресенія Христова. Мы по духу не стоимъ на одномъ мѣстѣ, но ежеминутно подвигаемся; куда? Двѣ дороги намъ къ безконечной вѣчности, любую выбирай, воля не отнята, т.-е. подвигайся или въ рай — вѣчное блаженство, или въ адъ — муку также вѣчную, ибо здѣсь только временное, а тамъ вѣчное, нескончаемое; временнаго и непостояннаго тамъ нѣтъ ничего. Такъ насъ Го-

сподь сотворилъ свободными избирать любое, не отнялъ Онъ отъ насъ сладкой доброй воли нашей, ибо если по-неволѣ дѣлали бы добро, потому только, что не можемъ дѣлать зла, то за что и награждать невольниковъ, неимѣющихъ добраго произволенія? Господь нашъ всемогущъ безъ мѣры, но притомъ же и безконечно праведенъ. Святыя отцы пишутъ: Господь создалъ насъ единственно по своему благому хотѣнію, чтобы сообщить намъ отчасти хотя блаженство перваго человѣка, уготованное отъ сложенія міра, и въ семь своемъ намѣреніи, при созданіи насъ, ничуть не руководствовался нашимъ содѣйствіемъ; а привести въ исполненіе сіе свое благое и мудрое назначеніе, т.-е. сообщить намъ сіи блага, или иначе сказать спасти насъ безъ нашего содѣйствія не можетъ; а въ чемъ состоитъ наше содѣйствіе этому домостроительству о насъ Божію? Чѣмъ можемъ мы содѣйствовать дѣлу спасенія нашего? Очевидно соблюденіемъ заповѣдей Божіихъ, удаленіемъ отъ всякаго грѣха, иначе мы не можемъ спастись, иначе не въ райское блаженство направляемъ путь нашъ, но въ вѣчныя адскія муки, уготованныя діаволу и аггеламъ его. Что если насъ въ грѣхѣ застанетъ смерть? «Въ чемъ застану, въ томъ и сужду», говоритъ Господь; застану во благомъ дѣлѣ—благо вамъ; застану во грѣхѣ—съ грѣшниками и діаволомъ часть ваша. О, Господи, накажи насъ какъ Тебѣ угодно, порази чѣмъ изволишь, болѣзнію, несчастіемъ, скорбію, только не допусти умереть во грѣхѣ нераскаянномъ. Погибли мы бѣдные, погибли на цѣлую вѣчность во грѣхахъ и со грѣхами нашими; если не раскаемся и не исправимся, то погибли на вѣки. О, какой ужасъ! и представить страшно—вѣчная погибель въ аду съ діаволомъ, а пока Господь грѣхамъ нашимъ терпитъ, не поражаетъ насъ смертію, давая время на покаяніе, мы и не думаемъ каяться и, злоупотребляя Его долготерпѣніемъ, живемъ попрежнему въ сластяхъ и въ грѣхахъ нашихъ, какъ будто и никогда не разстанемся съ жизнію, будто никогда и не придетъ за нами смерть, хотя видимъ ее ежечасно похищающую иногда вовсе неожиданно ближнихъ нашихъ. Невеселую картину представилъ я тебѣ, братъ, ради свѣтлаго праздника; да что дѣлать? У монаха всегда смерть, и на умѣ и иредь глазами, да нехудо бы и ~~и во мѣ отъ ней подумывать~~. Прости, братъ, прими вмѣсто краснаго яичка 15 руб. Христосъ съ тобой, другъ мой. Братъ твой архим. Лаврентій.

Кіевъ. 2 сентября 1846 г. Привѣтствую тебя, другъ мой Θ . И., съ почетнымъ званіемъ, по волѣ Божіей и милости монаршей тебѣ даннымъ. Не правду ли я тебѣ говорилъ, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ? Слава Богу и Царю православному! Честь и тебѣ и подобнымъ тебѣ, что не посрамили себя и рода своего и званія своего. На будущее время, при пастоящей обстановкѣ твоей жизни, прими себѣ за правило, начерти въ сердцѣ: «въ высшемъ противъ прежняго санѣ, быть по силамъ выше прежнихъ своихъ слабостей». Самому тебѣ извѣстно, что высшій санъ вызываетъ насъ къ болѣе обширной и усиленной дѣятельности, къ большому самоотверженію. Чтобы повелѣвать многими, надо всѣмъ имъ угождать, а главное—показывать добрый примѣръ самому, чтобы не подать повода къ соблазну, чтобы ты могъ незазорно и необязанно, не стѣняясь предписывать законы и правила подчиненнымъ тебѣ, не опасаясь услышать отъ нихъ справедливаго укора: «легко-де тебѣ учить, а самъ-то что дѣлаешь?» Учить и наставлять одному, а примѣромъ собственной жизни противорѣчить своимъ словамъ, значить одною рукой дѣлать дѣло, а другою раззорять его, при чемъ успѣха разумѣется никогда быть не можетъ. А угождать подчиненнымъ начальникъ можетъ негорделивымъ съ ними обхожденіемъ, милосердіемъ, при чемъ и самая строгость и правосудная взыскательность должна быть растворена снисходительностію. Надобно всегда думать о всѣхъ, что «всѣ люди», т.-е. всѣ немощные, слабые, подверженные такимъ же недостаткамъ и слабостямъ, какъ и мы сами. Вразумлять и взыскивать съ подчиненныхъ необходимо и обязательно; но самое вразумленіе должно быть основано не на властительскомъ своемъ могуществѣ и правѣ, а на апостольскомъ ученіи: «исправлять падающихъ духомъ кротости». И Спаситель нашъ учить: «болій въ васъ да будетъ всѣмъ слуга». Волей или неволей старшіе, т.-е. начальствующие, поставлены бывають почти всегда въ такое положеніе, что необходимо имъ служить и приноравливаться къ своимъ подчиненнымъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли своего назначенія. Добрый начальникъ рѣдко принадлежитъ себѣ, а всецѣло своимъ подчиненнымъ; жертвуя для нихъ своимъ собственнымъ покоемъ, служить имъ. Назначеніе твое на Кавказъ меня пѣсколько смутило. Впрочемъ предадимъ все въ волю Господа,

промышляющаго о насъ во всѣхъ путяхъ нашей жизни. И какого совѣта отъ меня ты ищешь на сей предметъ? Скажу одно: если тебя откомандировываетъ начальство, въ распоряженіяхъ коего мы должны усматривать волю Божию, ибо «нѣсть власть, аще не отъ Бога», почему «протавляйся власти, Божию велѣнію противляется», если велеть тебѣ идти, ~~иди~~, не размышляя ничего, ~~иди~~, хотя бы на явную смерть, ибо истинный воинъ и на самую смерть за Царя своего и за отчизну идетъ съ радостію какъ на пирь; а если тебѣ лишь предлагаютъ, предоставляютъ на твое усмотрѣніе, на твой собственный выборъ, то безгрѣшно и пообдумать, поразсудить спокойно, не упуская изъ виду и выгоды и невыгоды. А вотъ ты писалъ, что намѣренъ въ Кіевъ ко мнѣ. Крѣпко былъ бы я радъ повидать тебя у себя. Да и сюда путь резоннѣе, чѣмъ на родину. Здѣсь можно и помолиться и поотдохнуть душою отъ твоей многосуетливой и нелегкой военной жизни. Притомъ въ жизни твоей и моей есть много общаго, схожаго; повѣрь, другъ мой, что и я воинъ въ своемъ родѣ. Пріѣзжай, другъ мой, обрадуй любящаго тебя брата архим. Лаврентія.

Получено 20 марта 1848 г. Любезный братъ Ѳ. И.! Съ новымъ годомъ пошли тебѣ Господи новую бодрость, новыя силы на новомъ поприщѣ твоего служенія, для новыхъ труднѣйшихъ подвиговъ во славу имени Христова и пользу отечества. Письмо твое я получилъ, спасибо тебѣ за аккуратность. Спасибо всѣмъ добрымъ ставропольцамъ; начиная съ владыки, за ласковый тебѣ пріемъ; поплачусь имъ за гостепрѣимство, если буду живъ. Гдѣ же найдеть тебя мое письмо? Да и найдеть ли? Но ты не унываешь, и это радуетъ меня. Значить ты добрый воинъ и истинный слуга Царя и отечества, готовый съ радостію положить душу свою за святую вѣру и любезную отчизну. Буди вездѣ съ нами во всемъ и всегда воля Господня! Гдѣ мы сами желаемъ и дѣйствуемъ по собственному своему произволу, тамъ въ случаѣ неудачи скорбь и раскаяніе; а гдѣ велеть, посылають, мы правы и спокойны, что бы ни случилось, и Господь всегда помощникъ истинному послушнику. Потому, кого посылають куда-либо, или кто самъ просится,—это двѣ совершенно вещи различныя. Не унывай же, Господь твоя защита и покровъ! Ты не ищешь

приключеній, славы и чести. Вотъ это-то и добрѣ, все остальное въ рукахъ Божіей. Ап. Павелъ, сражавшійся съ цѣлымъ міромъ, говоритъ: «мнѣ еже жити Христось, и еже умрети—пріобрѣтеніе». И въ томъ и въ другомъ случаѣ, все къ нашему благу. Онъ Создатель нашъ, беретъ насъ изъ сей жизни на самой лучшей точкѣ въ отношеніи къ прошедшей и будущей земной жизни нашей. Только помни мое слово: ~~идѣ~~ ^{идѣ} твоя воля, тамъ жизнью не играй, а гдѣ посылаютъ — дѣло другое; тутъ и въ огонь и въ воду иди: и въ огнѣ не обожжешься, и изъ воды выйдешь. Но еслибы Господу угодно было позвать тебя изъ сей жизни, радуйся и веселися: «мзда твоя многа на небесѣхъ». Дѣлай что слѣдуетъ, а не то что представляется глазамъ. Ребенокъ часто, увидя что-либо, просить, кричить: «дай!» Мать иногда и даетъ ему; но случается, что просимое бываетъ во вредъ ему; ребенокъ опять кричитъ и плачетъ, а мать говоритъ ему: «я тебѣ не велѣла просить всего, что видишь, но ты не послушалъ меня, во вотъ, и самъ попробовалъ». Понимаешь ли ты, къ чему это я клоню? ~~Всѣ мы~~ — несмысленные ребята предъ Господомъ; вѣрнѣе же лучше Его материнскому о насъ попеченію и всеблагой Его волѣ. Жаль мнѣ, братецъ, что нѣкоторые образки, которые я послалъ тебѣ, не сбереглись у тебя; береги же по крайней мѣрѣ свой внутренній образъ Божій. Прости, мой другъ. Спаси тебя Господь молитвами Пресвятыя Богородицы и печерскихъ угодниковъ нашихъ. А, проводивъ тебя, я не просто поскучалъ, но и полежалъ въ постели; такъ, бывало, нашъ родимый батюшка проводить меня въ академію, горючими слезами обольетъ мою голову, крестить ее своею дрожащею старческою рукой, а самъ голубчикъ все стоитъ да въ слѣдъ глядитъ, пока я совсѣмъ не исчезну изъ виду; потомъ родимый, обливаясь слезами, вернется домой, ни съ кѣмъ ни словечка, сидитъ одинъ какъ убитый; затѣмъ сколько родимый ни борется съ собой, а сляжетъ въ постель. При слабомъ моемъ здоровьѣ ~~открылась~~ ^{открылась} кажется и во мнѣ эта способность. При тебѣ собрались всѣ мои силы въ строй незамѣтно и для самого себя, натянулись какъ струнки, для дорогаго, роднаго и рѣдкаго гостя, но и поизнурились и измѣнили мнѣ. Придетъ весна, все разцвѣтетъ, и я, Богъ дастъ, поокрѣпну, если нужны мои силы на служеніе Господу Богу. Чернецу о чемъ и думать, какъ не о смерти?

Теперь всё цвѣтутъ для того, чтобы увянуть, и мы съ тобой живемъ для того, чтобы умереть. А тамъ въ весну вѣчную не будетъ изнуренія, всё разцвѣтутъ, чтобы вѣчно цвѣсти и никогда не увануть. И мы съ тобой всю жизнь въ трудахъ, скорбяхъ и лишеніяхъ. Ты—воинъ тѣлесный, я — духовный; ты защищаешь любезную отчизну и Царя, а я ревную о славѣ Господа и Его св. Церкви. Ты жертвуешь своею жизнію для ихъ спасенія; и я сраспялся Христу въ принятіи ангельскаго образа, и жажду принести себя Ему въ жертву; недостойный чернецъ, но стремлюсь къ исправленію, авось-либо Господь почтетъ во что-либо и наши убогія труды, какъ убогой вдовицы двѣ лепты; авось-либо поставитъ и это противъ того: «помяни, яко воспріялъ еси благая съ животъ твоимъ!» А мы съ тобой земныхъ благъ не пріяли, да и не искали ихъ. Твой братъ архим. Лаврентій.

Кіевъ. 18 апрѣля 1851 г. Любезный братъ О. И.! Христосъ воскрес! Воскресенія день, просвѣтима торжествомъ, другъ друга объимемъ, рцемъ: братіе! простимъ вся воскресеніемъ.—Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ безмолвенъ къ тебѣ; но еслибы ты видѣлъ, что со мною произошло въ этотъ промежутокъ времени! Теперь ты меня не узнаешь. По всему я приближаюсь если еще не къ смерти, то къ хилой старости. Труды физическіе по должности, томленіе души унесли невозвратно мои если не крѣпкія, то живыя силы; у меня не стало уже той веселости, нѣтъ той общительности, остатки которыхъ ты засталъ еще у меня въ Кіевѣ. Съ октября 1840 года я все лечусь, лечусь и не вижу, да и не увижу конца моему леченію; правда, не сижу въ келліи, ибо не позволяютъ обязанности службы, но силы нѣтъ никакой. Героически употребляю совершенно противоположныя леченія, одно за другимъ; а это значитъ по моему опыту тоже, что дѣлаютъ съ плохимъ конемъ: прежде бьютъ его по одному боку, потомъ по другому, пока онъ окончательно споткнется и упадетъ. Не скорби, другъ мой; говоря это, я не жалуясь, не унываю, ибо всему этому надо быть. Въ самыхъ обѣтахъ монашества уже заключается начало душевныхъ страданій, чрезъ отреченіе отъ всего, къ чему мы расположены отъ природы. Я помню, какъ въ послѣдній разъ прощался я съ покойницей матушкой; въ лицѣ

ея я прощался со всѣми отрадами, со всѣми утѣшеніями естественными; для монаха онѣ тоже, что мимолетная забава для дитяти. Монахъ долженъ умереть со Христомъ, ибо и жизнь его сокровенна въ Богѣ. Монахъ долженъ распять себя для міра и плоти, т.-е. истинить себя, иначе онъ, какъ недосушенный грибъ, испортится и заразитъ все соприкосновенное съ нимъ. Но не однимъ монахамъ, а и всякому носящему имя Христово, всякому, говорю, христіанину необходимо трудиться надъ собой, достигать Христова совершенства по слову апостола Павла: «подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу». И тебѣ воину, какъ и каждому христіанину, можно и должно подражать Христу, Знаешь земную жизнь Его, Его божественное ученіе,—положи ихъ, какъ зеркало предъ собой, да послѣдуешь стопамъ Его. Честному, доброму воину велика награда отъ Господа въ будущемъ; а кому приведетъ Онъ и душу положить за Царя и отечество, того съ мучениками жребій и вѣнецъ нетлѣнный. Терпи, другъ мой. И всѣ мы не на радость и покой рождены въ міръ сей, а на скорби и болѣзни. Въ двѣ прошлыя недѣли прошелъ здѣсь черезъ Кіевъ кавалерійскій драгунскій корпусъ. Каждый полкъ обязательно заходилъ въ Лавру на поклоненіе святыни и слушалъ акаѳистъ. На мою долю досталось совершать это богослуженіе, при чемъ я говорилъ имъ небольшія рѣчи и благословлялъ cadaго изъ нихъ отъ владыки иконой Успенія Божіей Матери, поручая ихъ покрову общей Заступницы нашей. Этотъ случай доставилъ мнѣ возможность глубже войти въ понятіе о важности и трудности воинскаго быта. Если кому-либо, то кому какъ не воинамъ труженикамъ уготованъ вѣнецъ царствія небеснаго? Если Матерь Божія всему христіанскому міру есть Матерь, то не тѣмъ ли паче вамъ воинамъ, защитникамъ достоянія Сына Ея и Господа? Одинъ обмиравшій видѣлъ, что тамъ на томъ свѣтѣ, самыя отрадныя, самыя блаженныя обители, это обители православныхъ воиновъ. Мы, чернецы проводящіе жизнь въ уединенныхъ сокровенныхъ подвигахъ, въ удаленіи отъ всего житейскаго и сладкаго міра, и мы должны уступить вамъ первенство, если только вы будете истинно-христіолюбивые воины. Будемъ же, родной мой, достигать этихъ блаженныхъ обителей, помня и ни на минуту не забывая, что все здѣшнее—и скорби, и радости, и труды, и покой, все, все, какъ и самый міръ, вре-

менно лишь и скоропреходяще, а тамошнее вѣчно и неизмѣнно. Христось съ тобой! Не забывай твоего брата архимандрита Лаврентія.

(Отвѣтъ на письмо изъ отряда съ мѣста дѣйствія).

Кіевъ. 9 января 1852 г. Господь тебѣ въ помощь, братъ и другъ мой Ѡ. И.! Гдѣ ты теперь? Что съ тобой? <Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь защитникъ жизни моей, кого утрашуся? Живущій въ помощи Вышняго, въ кровѣ, т.-е. подъ покровомъ Бога небеснаго водворяется.> Если и пойдетъ посредѣ сѣни смертныя, не убоится зла, ибо Богъ съ нимъ всегда. Я вѣрую и вѣрую несомнѣнно, что тебя Господь спасетъ посреди сей сѣни смертной, въ которой теперь находишься ты. Я надѣюсь, что послуживъ доблестно великому Русскому Царю, ты послужишь еще и Царю небесному. Гдѣ, спросишь, и какимъ образомъ? Не въ одномъ монашествѣ работаютъ Господу, а во всякомъ званіи на всякомъ мѣстѣ. Въ лавру къ намъ много приходятъ изъ вашей братіи; поселились здѣсь близко на квартирахъ, да и ходятъ постоянно сюда молиться. Можетъ быть и лучше насъ грѣшныхъ молятся. Впрочемъ я не клоню моей рѣчи къ тому, чтобы и тебѣ оставить службу и успокоиться для молитвы и отдыха; нѣтъ, всему свое время; теперешняя твоя служба на краю могилы, одною ногой въ ней, несравненно выше самой молитвы: <больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя>, сказалъ самъ Господь; за други, т.-е. за ближнихъ, подобныхъ себѣ людей; а ты отдаешь жизнь за дорогаго всей Руси Царя-Батюшку, за святую отчизну, ва вѣру православную, и радуешься и веселишься, если Господь сподобитъ положить за нихъ свою душу. И я, чернецъ убогій, буду гордиться такимъ братомъ-мученикомъ, и не горькой прощальной, а радостно-сладкой благодарной слезой орошу твою <вѣчную память!> Подумываешь ты подчасъ о перемѣнѣ службы; но и на это скажу тебѣ, другъ мой: воля правительства, есть воля Божія; чтобы просить для себя измѣненія этой воли, надобно имѣть весми уважительныя причины и самому быть твердо убѣждену въ ихъ правости и пользѣ. Въ перемѣнѣ образа жизни ненадобно слишкомъ настойчиво усиливаться, ибо судьба наша премудро и къ нашей

же пользѣ—вѣчному спасенію устрояется всеблагимъ Промысломъ Божиимъ. А мы съ тобой, да и всѣ мы, смертные люди, слѣпы и весьма ограничены умомъ, чтобы видѣть глубже и дальше настоящаго. Я всегда держусь этого правила и никогда не раскаявался. А дай только волю своимъ стремленіямъ и домогательствамъ лучшаго, и конца не найдешь этому мнимому улучшенію; а Богъ вѣсть, найдешь ли его, да и не найдешь ли вмѣсто лучшаго худшее, и будешь раскаяваться во всю остальную твою жизнь. Всегда у меня въ памяти слова доспочтеннѣйшаго нашего схіеромонаха Пареенія, общаго лаврскаго духовника. «Экой ты, братецъ, говориваль онъ мнѣ, да это величайшая милость Божія къ намъ грѣшнымъ, что располагать судьбы жизни нашей удержалъ Господь въ своей волѣ, а не далъ этого въ наше распоряженіе; вотъ мы и пустыми малостями распорядиться не умѣемъ; а что бы мы надѣлали тутъ, какъ бы вся-то жизнь была въ нашихъ рукахъ? Не было бы и конца нашимъ предпріятіемъ, да не было бы конца и раскаянію. Око наше ограничивается настоящимъ кругозоромъ, гдѣ же ему располагать тѣмъ, чего оно не предвидитъ?»—Вотъ какъ судятъ умные, мудрые старцы, которыхъ и вся жизнь какъ свѣтильникъ, свѣтящій намъ грѣшнымъ. Такъ смиримся лучше подъ крѣпкую руку Божию, и непоколебимо будемъ стоять въ томъ званіи, въ которомъ призваны и поставлены не безъ воли Божіей. Смиренно, съ истинно-дѣтскою простотой будемъ говорить и чаще повторять Отцу нашему небесному: да будетъ воля твоя!» И повѣрь, другъ мой, что Онъ не оставитъ насъ своимъ промышленіемъ: «изведетъ, яко свѣтъ правду твою и судьбѣ твою, яко полудне». Прими прилагаемое на твои нуждишки; пиши скорѣе. Весь твой архим. Лаврентій.

Выдубицъ, 25 октября 1852 г. Любезный братъ и другъ Ѳ. И.! Бога ради прости меня за долгое молчаніе. Живъ ли ты, другъ мой? Если живъ,—«хвали Господа душею твоею, восхваляя Его въ животѣ твоемъ». Вѣдь ты живешь посредѣ сѣни смертный; но вѣруй же, другъ мой, въ истину слова: «аще пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси». Крѣпись, немалодушествуй, Господь тебѣ въ помощь! Ты въ походахъ, и я двинулся на 2 версты изъ лавры: водворяюсь теперъ съ

20 марта въ Выдубицкомъ монастырѣ. «Се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури». Главная причина бѣгства моего изъ лавры: серьезное разстройство моего здоровья и стремленіе пожить хоть сколько нибудь помонашески. «Пустыннымъ непрестанное Божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ», желаніе неизвѣстное живущимъ въ суетномъ мірѣ. Помолись, чтобы мнѣ хотя умереть монахомъ. Страшенъ обѣтъ монашескій! Начальствованіе, архимандритство, еписководство и др.,—это званія прилагательныя, могущія быть и не быть, а главное, существенное—монашество. «Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ». Даже можно прибавить: будь истиннымъ монахомъ,—и архимандрія и епископія—все тебѣ предоставляется, только самъ ты не пожелаешь ихъ. Здѣсь, въ Выдубицкомъ мнѣ очень хорошо: тихо, уединенно, какъ въ могилѣ. Мѣстность монастыря прекрасная: между двумя горами стоитъ въ неглубокомъ оврагѣ надъ самымъ Днѣпромъ. Въ 1828 году восточная сторона огромной каменной церкви упала съ отвѣсной горной скалы въ рѣку. Въ этомъ году Днѣпръ угрожалъ затопленіемъ. Дальнія пещеры отстоятъ отъ Выдубицка на 1½ версты или еще менѣе. Скаты горъ съ трехъ сторонъ окружаютъ монастырь; по оконечностямъ ихъ дикія деревья садомъ разсажены, а на югъ—десятины пять лѣса, коимъ занятъ и держится весь утесистый берегъ надъ Днѣпромъ. Особенныхъ преимуществъ монастырь не имѣетъ, но имѣетъ все въ довольствѣ, т. е. пахатной земли, сѣнокоса, сѣна даже съ избыткомъ противъ другихъ монастырей. Есть хорошая мельница водяная, рыбная ловля изобильная въ заливѣ Днѣпра. Жалованье мое—350 рублей въ годъ, да кружки рублей 500, или около того. А помнишь, сколько получалъ нашъ родитель—бѣдный труженникъ съ огромной семьей? Да впрочемъ, мнѣ хоть мало, хоть много—все равно: запасовъ никогда никакихъ, только бы достало бѣднымъ помогать. Еще выгода: ты вѣрно помнишь,—я въ ребячествѣ любилъ птицъ, особенно голубей; а здѣсь ихъ такъ много, прекрасныя корольки, хохлачи, голубки какъ снѣгъ бѣлыя. Обращалъ ли ты вниманіе на глаза голубиныя—какая въ нихъ кротость, чистота и невинность! Не соблазняйся, братъ-солдатъ, что монахъ-мертвецъ распространился о чувствен-

номъ, житейскомъ, да еще и о пустякахъ. Скажу тебѣ и о монашескомъ интересѣ въ Выдубицкомъ монастырѣ: здѣсь есть кладбище, тѣсно наполненное могилами; потому вѣтъ шага неорошеннаго горькою прощальною, а часто и молитвнною слезою. Ты тоже вѣроятно помнишь, какъ любилъ я пѣть «Святый Боже» на гласъ погребальный; вотъ въ часы свободнаго уединенія, и хожу я межъ могилъ и отпѣваю любимую мнѣ трисвятою пѣснью покоющихся здѣсь; хожу, какъ живой мертвецъ, и самъ приготавливаю себя къ смерти, до которой уже, кажется, недалеко. Подлѣ соборной церкви съ сѣверной стороны, подъ развѣсистой яблоней, назначилъ я себѣ мѣстечко для погребенія грѣшнаго тѣла. Каждый разъ хожу я мимо этого, какъбы уже роднаго мнѣ мѣстечка, смотрю на него съ прилежаніемъ,—мысли сами собираются; тутъ лишь чувствую себя монахомъ, и ~~то плохимъ~~, убогимъ, негоднымъ. Уединеніе, тишина, миръ душевный, способны зародить и воспитать въ душѣ богомысліе, а это есть утѣшеніе, внутренняя отрада монаха; это жизнь монаха, а внѣшнее, будь оно хоть золото, хоть лучшая, первѣйшая почестъ, ничто ненужно и нелестно монаху, а напротивъ тягота ему и помѣха въ его жизни, въ Богѣ сокровенной. Хотѣлъ бы я до самой смерти прожить здѣсь въ Выдубицкомъ,—такъ онъ мнѣ по сердцу, но что-то плоха надежда на это: съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, куда-куда не перевела меня молва людская; зовутъ меня въ Петербургъ на чреду, но я боюсь разстаться съ Выдубицкимъ, съ недавно лишь попавшимся мнѣ сокровищемъ—~~уединеніемъ~~ и тишиною. Но да будетъ во всемъ воля Господня, которой всецѣло поручаю себя и тебя, другъ мой. Весь твой архим. Лаврентій.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Въ должности благочиннаго священникъ Іоаннъ Цвѣтковъ донесъ, что «села Семеновскаго (Серпухов. уѣзда) помѣщикъ—корнетъ Петръ Александр. Нащокинъ довелъ до свѣдѣнія моего письменно, что онъ дьячку состоящей въ ономъ селѣ церкви Спаса Нерукотвореннаго, Сергѣю Гаврилову отъ мѣста отказалъ и имѣть его у себя не желаетъ за нерадѣніе къ храму Божію и за непристойное церковнослужителю поведеніе; и требуетъ представленія, кому слѣдуетъ, о назначеніи другаго дьячка». При семъ и письмо помѣщика представлено владыкѣ въ подлинникѣ. Резолюція отъ 1 іюня 1849 г.: «1) Хотя г. помѣщикъ о объявляемомъ имъ непристойномъ поведеніи дьячка Сергѣя Гаврилова никакихъ доказательствъ не представляетъ, дьячекъ же по вѣдомости за прошедшій годъ, и нынѣ состоящимъ въ должности благоч—го въ поведеніи одобряется, и потому при строгомъ разсмотрѣніи по закону не было бы несправедливо оставить сіе объявленіе безъ дѣйствія: однако, во вниманіи къ отзыву г. помѣщика, поведеніе дьячка изслѣдовать законнымъ порядкомъ. 2) Къ г. губернскому предводителю дворянства (*Александрю Дмитр. Черткову*) отнестись отъ меня и просить, дабы благоволено было, для соблюденія мирныхъ отношеній и законнаго порядка, изяснить г. помѣщику, что отрѣшить дьячка отъ мѣста, если того потребуетъ правосудіе, есть обязанность епархіальнаго начальства, а не прихожанъ; что по закону никто не наказывается безъ суда, а отрѣшеніе дьячка отъ мѣста, и чрезъ то разрушеніе его благосостоянія, есть немаловажное наказаніе, и потому не должно состояться безъ суда; и что посему надлежитъ господину помѣщику не лишать дьячка Гаврилова принадлежащаго ему по закону, доколѣ не совершится надъ нимъ правосудіе по церковнымъ правиламъ и законамъ».

Дек. 3. «Дьячка (*которому положила консисторія дозволить искатъ другое мѣсто, не отрѣшя его отъ настоящаго, на которомъ не желаетъ оставаться онъ, по нерас-*

положенію къ нему помѣщика) виновнымъ не почитать: потому что отъ г. помѣщика доказательствъ виновности его не представлено; и прочими онъ оправданъ. Посему нѣтъ основанія къ сужденію объ отрѣшеніи его отъ мѣста».

1850 апр. 17. «Г. помѣщикъ (*онъ до послѣдняго времени не зналъ, что переводъ изъ Москвы въ село можетъ состояться несмотря на отличное поведеніе. Серпій же Гавриловъ былъ переведенъ изъ Москвы*) справедливо признается въ незнаніи того, что причетникъ отличнаго поведенія можетъ перейти изъ Москвы въ село потому, что не имѣетъ довольно денегъ, чтобы купить домъ, который въ Москвѣ дороже, нежели въ селѣ. Оставить отзывъ его (*по поводу рѣшенія дѣли о дьячкѣ*) безъ сужденія о его достоинствѣ. Только дьячка чрезъ сіе не лишать права иска, если онъ не получилъ должнаго (*слѣдующей ему руи отъ помѣщика, который пользуется церковною землей*)».

1867, іюля 8. «Исполнить сіе опредѣленіе Консисторіи во всемъ его пространствѣ не представляется удобнымъ потому, что записей о исцѣленіяхъ (*при уробницѣ строителя инока Варлаама*) представлено (*игуменію Владычнаго монастыря*) болѣе 40 и получившіе исцѣленія живутъ не только въ разныхъ мѣстахъ Московской губерніи, но и въ другихъ губерніяхъ и одинъ въ Грузіи. Притомъ бывшія болѣзни получившихъ исцѣленіе большею частію только внутри семействъ обстоятельно извѣстны, и потому трудно было бы требовать для нихъ законныхъ постороннихъ свидѣтелей. Притомъ такое широко развѣтвленное и трудное слѣдствіе въ настоящихъ обстоятельствахъ не представляется необходимо нужнымъ. Нѣкоторыя исцѣленія произошли предъ глазами настоятельницы и священнослужителей и сестеръ монастыря, и нѣтъ сомнѣнія, что записи ведутся безпристрастно; и рассказы получившихъ исцѣленія не представляютъ причинъ подозрѣвать ихъ въ неправдѣ или преувеличеніи. Для полноты увѣренности въ истинѣ достаточно по нѣкоторымъ особеннымъ происшествіямъ дѣлать дознанія и брать свидѣтельскія показанія, какъ уже и предписано мною по записи № 34. Консисторіи опредѣлить, которыя еще записи требуютъ подобнаго дознанія. О семъ донести отъ меня св. Синоду, съ приложеніемъ двухъ записей № 5 и 43.»

1866, іюня 27. « Устройство новооткрытаго единовѣрческаго Никольскаго монастыря находится въ затруднительномъ положеніи. Временный настоятель его, архимандритъ Благовѣщенскаго монастыря Тарасій, по обстоятельствамъ своей обители и по состоянію здоровья, настоятельно проситъ увольненія въ оную. Старшая братія желаютъ устранить себя отъ начальствованія; и было бы несообразно съ ихъ достоинствомъ поручить ихъ начальнику изъ младшихъ. По требованію отъ каждаго изъ братіи мнѣнія о избраніи настоятеля, открылось частію указаніе на инока Онуфрія, частію желаніе имѣть настоятеля изъ монашествующихъ общеправославныхъ монастырей. Но сіе послѣднее, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не представляется удобнымъ. Исходъ изъ сихъ затрудненій дать могутъ слѣдующія, по крайней мѣрѣ до дальнѣйшаго усмотрѣнія, необходимыя распоряженія: 1) Иноку Онуфрію быть въ должности настоятеля. 2) Избрать ему изъ братіи себѣ помощника въ наблюденіи за порядкомъ и по хозяйственнымъ дѣламъ. 3) Иноку Пафнутію, дѣйствующему въ качествѣ миссіонера, продолжать дѣйствование въ семъ качествѣ. 4) Намѣстнику Чудова монастыря архимандриту В—ну поручается посѣщать единовѣрческій монастырь, чтобы вспомошествовать благоустройству добрымъ совѣтомъ. 5) За симъ архимандриту Тарасію предоставить отбыть во ввѣренный ему монастырь Благовѣщенскій, съ благодарностію за понесенный имъ трудъ для Московскаго единовѣрческаго монастыря. 6) Сіе объявитъ въ обители архимандритъ В—нъ. »

1840, окт. 21. 1) « Знаменскому архимандриту (*Митрофану*) продолжать собесѣдованія и стараться изъяснить священнику (*Греко-уніатскому*) Ленчовскому, что когда онъ убѣдился въ правости вѣрованія восточной Церкви, то съ симъ вмѣстѣ долженъ признать обязанность быть съ ней въ мирѣ и единеніи, не останавливаясь на томъ, какъ думаетъ, или думать будетъ его супруга. Мужъ долженъ вразумлять жену, а не ноработаться ея сужденію, если оно будетъ неправильно. 2) Игумену (*Угрьискому*) поручить снабдить его потребнымъ бѣльемъ и обувью. 3) Для оказанія ему врачебной помощи пригласить врача, состоящаго при Синодальной конторѣ. »

1838, іюля 5. « Если взялъ (*Моск. діаконъ*) сироту по чувству христіанскому:—дѣло хорошее. А если на взятіи сироты хочетъ основать право на высшую еще степень: это дѣло несообразно съ духомъ священства.»

1866, фев. 8. « Должность старосты церковнаго по закону не есть предметъ домогательства, а есть предметъ свободнаго избранія прихожанъ. Избраніе новаго церковнаго старосты не полагаетъ нареканія на прежняго. Проситель (*прежній староста*) просить дознать истину, но какую, не опредѣляетъ и не доказываетъ. Правильность избранія охраняется благочиннымъ. Посему оставить сіе прошеніе безъ дѣйствія и разсмотрѣть правильность избранія, когда оно будетъ представлено благочиннымъ.»

Погоста Борисоглѣбскаго (*подольскаго уѣзда*) священникъ, совершая таинство крещенія предъ литургією, ~~не сдѣлалъ троекратнаго погруженія, по забвенію, а послѣ помазанія св. елеємъ младенца приступилъ прямо къ муропамазанію и хожденію вокругъ купели, и такимъ образомъ до конца совершивъ послѣдованіе св. крещенія, велѣлъ вылить воду; во ~~вскорѣ послѣ сего, вспомнивъ, что не погружалъ~~ младенца, для большаго удостовѣренія спросилъ о семь бабу, ~~которая подтвердила тоже самое:~~ почему онъ велѣлъ принести воды и, по вложеніи въ нее освященнаго еля, совершилъ троекратное погруженіе младенца. Владыка, извѣщенный о томъ, предписалъ отъ 22 сент. 1854 года: «Благочинному спросить причетниковъ, какъ (*сіе*) случилось, и почему они не сдѣлали благовременнаго напоминанія священнику.»~~

Причетники, замѣтивъ сдѣланное священникомъ опущеніе, не посмѣли остановить его, какъ подчиненные ему, чтобы не огорчить и чтобы не сталъ онъ за то судиться послѣ, что они его какъбы учать. На рапортѣ о томъ благочиннаго резолюція отъ 15 окт. «Забуть погруженіе есть **крайняя, едва вѣроятная невнимательность совершающаго таинство крещенія.** Послать священника Илью Смирнова въ каедральный монастырь на три дня съ удержаніемъ отъ священнослуженія для прсбыванія въ постѣ и молитвѣ и для увѣщанія совершать таинства съ благоговѣйнымъ и неослабнымъ вниманіемъ; но въ уваженіе

того, что онъ не скрылъ своей погрѣшности, а самъ добровольно объявилъ о ней, въ вѣдомостяхъ о семъ не показывать.»

Бракъ умершаго подполковника Николая Трегубова съ дѣвицею Ольгою Осиповою Навродскою подвергался въ законности своей сомнѣнiю, потому что Трегубовъ прежде былъ женатъ на дочери чиновника Навродскаго Марьѣ Осиповой и по дѣлу выведено было предположенiе, что означенная Ольга должна быть ей родная сестра.— Преосвященный викарiй, на предварительномъ разсмотрѣнiи коего находилось дѣло сіе, утвердивъ заключенiе Консисторiи, присовокунилъ, что «хотя при разсмотрѣнiи обстоятельствъ сего дѣла и доказательствъ, приведенныхъ какъ въ защищенiе, такъ и въ опроверженiе законности брака поручика (въ послѣдствiи подполковника) Николая Трегубова съ Ольгою Иосифовою, представляется болѣе вѣроятною незаконность его; но поелику доказательства, представленныя въ защищенiе законности онаго брака, имѣютъ нѣкоторую вѣроятность, то человеколюбiе требуетъ, чтобы въ томъ случаѣ, когда доказательства бывають недостаточны для совершеннаго удостовѣренiя въ винѣ подсудимыхъ, полагаемо было рѣшенiе дѣла снисходительное для подсудимыхъ». — Резолюція митрополита отъ 7 апрѣля 1853 года: «Незаконность брака доказывается требуемыми закономъ документами, метрическою и исповѣдными записями; а на то, что Ольга не дочь, а воспитанница Навроцкаго, прямаго доказательства нѣтъ. Вѣнчанiе брака не въ Москвѣ, а въ селѣ скрытно безъ документовъ, есть признакъ того, что боялись обличенiя незаконности. Такимъ же того же признакомъ служить рожденныхъ въ Москвѣ дѣтей позднее крещенiе внѣ Москвы. Открывшiяся наконецъ свидѣтельства о томъ, что Ольга есть воспитанница, а не дочь Навроцкаго, не представляютъ другаго вѣроятнаго основанiя кромѣ того, что Навроцкiй, согласясь на незаконный бракъ, объявилъ дочь свою воспитанницею. Впрочемъ какъ всѣ сіи обстоятельства не совершенно исключаютъ возможность того, что Ольга могла быть воспитанницею Навроцкаго: то согласенъ съ мнѣнiемъ преосвященнаго (Филовея).»

Сообщилъ Архим. Григорiй.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1886 Г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ и АВГУСТЪ.

Стр.

1. Невидимая брань, Блаженной памяти старца Никодима святогорца, въ свободномъ переложеніи съ греческаго.....	4— 41	129—170
	257—285	
2. Первое соборное посланіе св. ап. Петра съ объяснительными примѣчаніями.....	42— 57	171—205
	257—285	369—392
3. Сказанія о нѣкоторыхъ сибирскихъ подвижникахъ благочестія.....		58— 72
4. Нѣкоторыя черты ученія равноапостольнаго Кирилла, первоучителя Славянъ. Слово въ день празднованія памяти равноапостольныхъ Кирилла и Меодія 11-го мая.....		73— 82
5. Объ истинномъ смыслѣ и значеніи, содержащихся въ полемическихъ противораскольническихъ сочиненіяхъ прежняго времени, порицаній на именуемые старыя обряды.....		83— 92
6. Московскій митрополитъ Филаретъ и его отношеніе къ дѣлу воссоединенія униатовъ.....		93—107
7. Изъ катихизическихъ поученій: а) Обрядовый законъ Моисея, б) Ветхозавѣтный гражданскій законъ....		108—115
		214—223
8. Толкованіе на пареміи изъ книги Притчей.	116—126	238—248
	352—366	442—450
9. Резолюціи моск. Митрополита Филарета..	127—128	251— 256
	367—368	482— 486
10. Грѣхи невѣдѣнія. Слово.....		206— 213
11. Вразумленіе виновнаго въ пренебреженіи къ храму Божію.....		224—231
12. Письмо Моск. митрополита Филарета.....		249—250
13. Молитвенныя поклоны. Слово въ день Вознесенія Господня.....		286—287

14. Урокъ учителямъ и ученикамъ. Слово законоучителя въ недѣлю 7-ю по Пасхѣ.....	288—296
15. Св. безсребренники Косма и Даміанъ и подражаніе имъ.....	297—299
16. Св. мученикъ Каллиникъ, какъ образецъ ревности о вѣрѣ Христовой.....	300—304
17. Наблюденія надъ пагубными дѣйствіями-пьянства .	305—319
18. Христіанская кончина дѣвицы.....	320—326
19. Позолоченные нищіе. Бесѣда по поводу пессимизма.	327—351
20. Сила вѣры. Слово въ день пророка Иліи.....	393—397
21. Пагубная сила страстей. Слово въ день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.....	398—401
22. Св. мученикъ Евсигній, какъ образецъ любви къ своему званію.....	402—405
23. Св. священномученикъ Александръ епископъ Команскій, и нѣсколько словъ о томъ, какъ грѣшно смѣяться надъ другими.....	406—409
24. О преосвященномъ Димитріѣ, архіепископѣ херсонскомъ и одесскомъ, бывшемъ ректорѣ и профессорѣ академіи. (Воспоминанія студента 14-го курса Кіевской академіи).....	410—425
25. Изъ области народныхъ суевѣрій и предрасудковъ.	426—435
26. Открытіе въ селѣ Козельщинѣ женской общины и чудесное исцѣленіе дѣвицы Вѣры Гицевичъ отъ Козельщанской иконы Богоматери.....	436—441
27. Письма въ Бозѣ почившаго архимандрита Лавренія, настоятеля Иверскаго Богородицкаго монастыря, въ мірѣ Димитрія Іоанновича Макарова, къ младшему брату его Θεодору Іоанновичу, служившему на Кавказѣ.	450—481